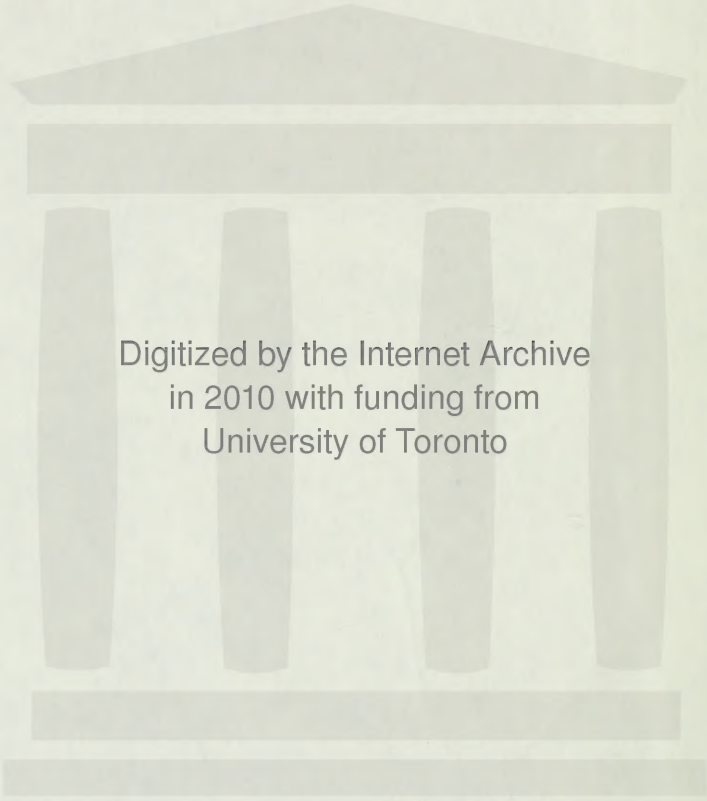
3 1761 06971373 3


Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/russkaiaistoriav03dovn

158 (24) I

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

Запасн. фонд
2704

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И СТАТЬЯХЪ.

Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго.

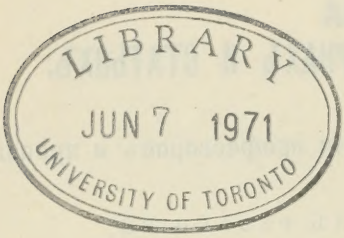
Томъ III.

67318.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
РАБОЧАЯ ЧИТАЛЬНЯ
ВЦСПС

Изданіе книжнаго магазина
Н. Я. ОГЛОБЛИНА, Кіевъ, Крещатикъ, 33.

ПРОВ. I



DK
4
D6
t.3

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Караваевская, № 5
1912.

Оглавленіе.

Отъ редакціи. стр.

1. Служилое сословіе. Прив.-доц. *Е. Д. Сташевскаго* 1
2. Сельское населеніе Московскаго государства въ XVI—XVII вѣкахъ. Проф. *С. В. Рождественскаго* 34
3. Посадскіе люди Московскаго государства. Прив.-доц. *П. П. Смирнова* 85
4. Великій государь и его власть. *В. П. Алексѣева* 112
5. Боярская дума XV—XVI столѣтія. Проф. *Ю. В. Готье* 124
6. Земскіе соборы. *Б. Г. Курца* 143
7. Приказный строй управленія Московскаго государства. *С. Б. Веселовскаго* 164
8. Мѣстное управленіе Московской Руси. Проф. *В. М. Грибовскаго* . 199
9. Памятники права Московскаго государства. Проф. *А. Н. Филиппова* 224
10. Землевладѣніе и сельское хозяйство въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. *А. М. Гнѣвушева* 267
11. Торговля и промышленность 312
12. Экономическая политика Московскаго государства въ XVI—XVII вв. Прив.-доц. *Е. Д. Сташевскаго* 342
13. Экономическая политика Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Прив.-доц. *П. П. Смирнова* 369
14. Бюджетъ и армія. Прив.-доц. *Е. Д. Сташевскаго* 411
15. Монеты Московскаго государства. *С. И. Чижова* 418
16. Народныя волненія въ Московскомъ государствѣ. *Е. Д. Сташевскаго* 439
17. Образованность въ Московской Руси. Прив.-доц. *А. И. Яцимирскаго* 487
18. Краткій очеркъ исторіи Новгородской и Московской архитектуры Проф. *І. І. Павлуцкаго* 547
19. Московскіе иконописцы и живописцы XV—XVII вв. Проф. *А. И. Успенскаго* 595
20. Домашній и общественный бытъ Московской Руси. *Н. Д. Полонской* 637
21. Церковные вопросы въ Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII в. и дѣятельность патріарха Никона. *Н. И. Кореневскаго* . 699

Отъ редакціи.

Въ редактированіи третьяго тома „Русской исторіи въ очеркахъ и статьяхъ“ принимали ближайшее участіе, кромѣ редактора, сотрудники: приватъ-доцентъ Н. П. Василенко, Н. И. Кореневскій, Н. Д. Полонская, приватъ-доцентъ П. П. Смирновъ и приватъ-доцентъ Е. Д. Сташевскій.

Рисунокъ для обложки сдѣланъ подъ руководствомъ профессора Г. Г. Павлуцкаго.

Предназначавшіяся для этого тома статьи Н. П. Василенко по исторіи Западной Руси и Украйны не могли быть помѣщены, такъ какъ книга и безъ того разрослась до большихъ размѣровъ, а потому онѣ будутъ выпущены въ свѣтъ, какъ дополненіе, отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи Западной Руси и Украйны“.

Кіевъ.
15 сентября 1912 г.

Служилое сословіе*).

I.

Составъ общества: его четыре основныхъ класса.

Общество Московскаго государства XVI и начала XVII вѣка отличалось дробностью своего состава, неустойчивостью отдѣльныхъ состояній и присутствіемъ бродячихъ промежуточныхъ слоевъ. Оно дѣлилось, говоритъ проф. Ключевскій, на множество разрядовъ,

*) Литература: *Н. Загоскинъ.* Очерки организаціи происхожденія служилаго сословія. *Е. Бѣловъ.* Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в. Ж. М. Н Пр. 1886 г. №№ 1—3. *Н. Павловъ-Сильванскій.* Государевы-служилые люди; *онъ же.* Феодализмъ въ удѣльной Руси. *М. Дьяконовъ.* Власть Московскихъ государей, гл. VI; *онъ же.* Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, стр. 250—294. *В. О. Ключевскій.* Курсъ Русской Исторіи, т. II и III; *онъ же.* Боярская Дума древней Руси; *онъ же.* Смѣна—боярство и дворянство, Русская Мысль 1899 г., № 1. *В. Сергѣевичъ.* Юридическія древности, т. I, стр. 331—521. *Владимірскій-Будановъ.* Обзоръ, стр. 119—130. *К. А. Неволинъ.* Собраніе сочиненій, т. IV. *А. Градовскій.* Собраніе сочиненій, т. II, гл. I. *С. В. Рождественскій.* Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ. *Ю. Готье.* Замосковный край въ XVII в., гл. V. *А. Романовичъ-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права. *А. Востоковъ.* Русское служилое сословіе по десятнямъ 1577—1608 гг. Юридич. Вѣстникъ, 1888 г., т. 28. *Л. М. Савеловъ.* Лекціи по русской генеалогіи, вып. 1 и 2. *Лихачевъ.* Государевъ родословецъ и Бархатная книга. Изв. Русск. Генеал. Общества вып. 1 и отдѣльно. *В. Сторожевъ.* Указная книга Помѣстнаго приказа: *онъ же.* Матеріалы для исторіи русскаго дворянства; *онъ же.* Десятни, какъ источникъ для исторіи русскаго провинціальнаго дворянства, Юридич. Вѣстникъ, 1890 г. № 3. *Н. Оглоблинъ.* Что такое десятня? Ж. М. Н. Пр. 1891 г. № 11. *Е. Сташевскій.* Десятни Московскаго уѣзда 7086 и 7094 гг.; *онъ же.* Землевладѣніе московскаго дворянства въ первой половинѣ XVII в. *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, ч. 3, вып. I. О мѣстничествѣ: *Д. Валуевъ.* Въ Симбирскомъ сборникѣ 1845 г. и *А. Маркевичъ.* Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вв.

чиновъ, которые, не считая духовенства, можно свести въ четыре основныхъ класса или состоянія. Это были: 1) люди служилые, 2) тяглые посадскіе, 3) тяглые сельскіе и 4) холопы. Холопы не несли никакихъ повинностей въ пользу государства, а, образуя нѣсколько слоевъ неволи, состояли въ крѣпостномъ дворовомъ услуженіи у частныхъ лицъ. Иными словами, они служили частнымъ интересамъ. Остальные классы служили интересамъ государственнымъ, но, въ зависимости отъ своего имущественнаго положенія, а для служилаго класса въ зависимости и отъ происхожденія, различались родомъ повинностей по отношенію къ государству. Такъ, для служилыхъ людей землевладѣльцевъ такою повинностью была ратная, придворная и административная служба, отбываемая съ земли; для посадскихъ и сельскихъ обывателей—тягло „съ животовъ и промысловъ“ и съ земли. „Въ зависимости отъ степени, размѣра или тяжести *однородныхъ* повинностей, а въ служиломъ классѣ еще въ зависимости отъ степени породы, отдѣльные классы дѣлились на *чины*“. Такъ, служилый классъ распадался на чины думные, московскіе и городовые; посадскіе и сельскіе обыватели на людей „лутчихъ, середнихъ и молодшихъ“. Каждой изъ указанныхъ повинностей соотвѣтствовалъ опредѣленный кругъ хозяйственныхъ занятій, правъ и преимуществъ. Служилые люди имѣли право владѣть землей на личномъ вотчинномъ и помѣстномъ правѣ, посадскіе люди имѣли право торговли и т. д. „Но эти классы, какъ и чины, не были устойчивыми, неподвижными, обязательными состояніями“, вмѣстѣ съ тѣмъ могло не наблюдаться строгаго соотвѣтствія между отбываемой повинностью и предоставляемымъ ею правомъ. Такъ, вплоть до закона 1642 г. правомъ имѣть вотчины наряду съ служилыми людьми—дворянами и дѣтьми боярскими—пользовались боярскіе люди и соотвѣтствовавшіе имъ въ монастырскихъ имѣніяхъ монастырскіе служки. Между тѣмъ ни тѣ, ни другіе не отбывали

ратной службы, какъ постоянной государственной повинности. Здѣсь право не соотвѣтствовало обязанности. Тоже самое наблюдалось въ случаяхъ соединенія хозяйственныхъ занятій, составлявшихъ принадлежность разныхъ классовъ, въ рукахъ лица, не принадлежащаго къ этимъ классамъ. Такъ, служилый человѣкъ, равно какъ и крестьянинъ, могли торговать въ городѣ и не выходя изъ своего состоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возможенъ и переходъ изъ одного класса, или чина, въ другой.

Промежуточные общественные слои.

Вслѣдствіе такой подвижности и неустойчивости состояній между основными классами образовались многочисленные промежуточные общественные слои. Между служилыми людьми и холопствомъ такимъ промежуточнымъ слоемъ, замѣчаетъ проф. Ключевскій, былъ слой мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, которые то отбывали ратную службу со своихъ или отцовскихъ помѣстій, то поступали холопами во дворы къ боярамъ и другимъ служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, образуя особый слой боярскихъ людей. Между тѣмъ же холопствомъ и посадскими людьми лежалъ слой *закладчиковъ*, образовавшійся въ большинствѣ случаевъ изъ посадскихъ тяглецовъ, которые, „избывая государева тягла“, самовольно закладывались за привиллегированныхъ землевладѣльцевъ и, поселяясь на ихъ льготныхъ земляхъ, занимались „всякими промыслы и торги большими“. Наконецъ, между служилымъ классомъ и посадскимъ населеніемъ стояли такъ называемые *служилые люди по прибору*, т. е. по казенному найму. Это были стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы. Они вербовались изъ разныхъ слоевъ общества, отправляли военно-ремесленную службу при крѣпостяхъ и въ артиллеріи, поселялись обычно въ городахъ слободами, гдѣ имъ давались небольшіе участки казенной земли, съ которой они служили и которой владѣли на правахъ товарищескаго, сябринаго земле-

владѣнія. До 1675 года они могли верстаться и переходить въ высшій разрядъ служилыхъ людей—помѣстныхъ дѣтей боярскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они занимались городскими промыслами, не неся посадскаго тягла.

Вольные-гулящіе люди.

Все это были состоянія, служащія или государственнымъ или частнымъ интересамъ, но въ Московскомъ государствѣ былъ еще многочисленный разрядъ населенія, который не служилъ никому и вмѣстѣ съ тѣмъ „былъ соціальнымъ убѣжищемъ для тѣхъ изъ служилыхъ и тяглыхъ людей, которые не желали ни служить, ни тянуть тягла“. Это *вольные* или *гуляющіе люди*. Сюда входили лица, отбившіяся отъ своего прежняго состоянія и не примкнувшія къ другому, т. е. холопы, вышедшіе на волю, крестьяне и посадскіе, покинувшіе тягло и пашню, дѣти боярскіе, отбывшіе службы, дѣти духовенства, „которые не у приходовъ, даромъ гуляютъ“; наконецъ, сюда же входилъ многочисленный разрядъ людей, не имѣвшихъ своего собственнаго хозяйства, какъ-то: неотдѣленные сыновья тяглыхъ домохозяевъ, ихъ братья, племянники, захребетники и т. д.

Образованіе сословій.

Эта пестрота общественнаго состава, наличность состояній, не служащихъ государству, и подвижность, неустойчивость служилыхъ состояній, наносила большой ущербъ Московскому правительству, уменьшая, или вообще колебля, то количество его ратной силы, то размѣръ его государственнаго дохода. Въ борьбѣ съ тѣмъ и другимъ зломъ, подъ давленіемъ все возрастающей нужды въ войскѣ и деньгахъ, правительство въ XVII-мъ вѣкѣ стремится, съ одной стороны, уничтожить подвижность главныхъ служилыхъ состояній, съ другой—распространить начала тягла и на не служилыя состоянія. Съ первой цѣлью оно проводитъ „наслѣдственное прикрѣпленіе людей къ состояніямъ, въ которыхъ заставалъ ихъ крѣпившій ихъ законъ“, а также, руководствуясь принципомъ наибольшей сродности занятій, вгоняетъ промежуточные слои общества

въ эти состоянія *); со второй цѣлью подчиняетъ тяглу ранѣе свободныя отъ него нѣкоторые виды холопства, уменьшая въ то же время количество элементовъ, изъ которыхъ вербовался разрядъ вольныхъ, гулящихъ людей. Вслѣдствіе этого составъ общества, во-первыхъ, упрощается, во-вторыхъ, такъ какъ служба и тягло становятся „неподвижными повинностями по *рожденію*“, общественныя состоянія или классы принимаютъ характеръ обособленныхъ другъ отъ друга, замкнутыхъ обязанныхъ сословій.

Московская сословная монархія и ея „крѣпостной уставъ“.

Съ завершеніемъ этого процесса создается и теорія московской сословной монархіи съ ея „крѣпостнымъ уставомъ“. Населеніе этой монархіи распадается на „чины“ или сословія. Послѣднихъ четыре: чинъ освященный, служивый, торговый и земледѣтельный (т. е. крестьяне). Холопы и вольные гулящіе люди пока еще внѣ сословій. Каждый изъ чиновъ, сообразно своему назначенію въ государствѣ, имѣетъ и свое опредѣленное мѣсто и опредѣленное отношеніе какъ къ верховной власти, такъ и къ каждому изъ другихъ чиновъ. Это и есть „неподвижный крѣпостной уставъ“, который измѣнить не воленъ даже царь. *Надъ* сословіями стоитъ верховная царская власть, которая въ теоріи безсословна и задача которой охранять сложившійся порядокъ и быть прибѣжищемъ всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ какъ сословій въ ихъ полномъ составѣ, такъ и отдѣльныхъ членовъ отдѣльныхъ сословій. Вотъ въ какихъ словахъ вылилась эта теорія въ одной изъ петицій (1657 г.) „служиваго чина“, въ которой дворяне жаловались на неудовлетворительность постановки сыска бѣглыхъ крестьянъ: „вели, государь, свой государевъ указъ учинить..., чтобъ, государь, и въ прежніе лѣта твой государевъ *крѣпостной уставъ* въ семъ дѣлѣ во вѣки былъ неподвиженъ, и никому бъ не повадно было Божія даянія, а вашего государскаго вѣч-

*) Такъ, по закону 1642 г., въ составъ служилаго класса были возвращены изъ боярскихъ дворовъ дворяне-холопы, боярскіе люди.

наго и давняго жалованья, силою и величествомъ, богатствомъ и грабленіемъ, и всякимъ лукавствомъ, и пронырствомъ чужого имѣнія восхищати и неправедными прибытки богатѣть,—и чтобъ въ твоей государевѣ державѣ вси люди Божіи и твои государевы, кождо отъ великихъ и чегырехъ чиновъ, освященный и служивый, и торговый, и земледѣтельной, въ своемъ *уставѣ* и въ твоемъ царскомъ повелѣніи твердо и непоколебимо стояли, и ни единъ бы ни отъ единого ни чимъ же обидимъ былъ, и кійждо по заповѣди Божіи отъ своихъ прямыхъ трудовъ питался, а воини бъ всѣхъ чиновъ великихъ и малыхъ, въ которое время въ домѣхъ своихъ будутъ, довольни были Божіимъ же дарованіемъ и твоимъ царскимъ жалованіемъ, своими прямыми жъ оброки, а не чужими имѣніи и прибытки. И буди ты, великій государь, за всѣхъ насъ обидимыхъ праведный отмститель, тебѣ данъ отъ Бога судъ и исправленіе, и мечъ отмщенія, и милость разсужденія". Такова теорія. Въ ней всѣ чины, хотя и несутъ различныя, но одинаково важныя, государственныя обязанности, предъ верховной властью равны. На практикѣ, однако, замѣчалось отступленіе отъ этого правила; отступленіе состояло въ томъ, что первымъ, наиболѣе жалуемымъ и привиллегированнымъ чиномъ былъ „чинъ служивый". Это зависѣло не только отъ того значенія, которое въ жизни государства имѣли военныя потребности и вызываемыя ими военныя обязанности, но также и отъ того, что владѣніе землей на личномъ вотчинномъ и помѣстномъ правѣ принадлежало почти преимущественно служивому чину. Земля же въ Московскомъ государствѣ была не только однимъ изъ главныхъ видовъ капитала, но и источникомъ властвованія соціальнаго, которое проявлялось въ помѣщичьемъ судѣ, управленіи и тому подобныхъ институтахъ. Въ зависимости отъ указаннаго фактическаго соотношенія московскихъ чиновъ, изученіе организаціи ихъ мы начнемъ съ перваго чина, именно служиваго.

II.

Составъ „служилаго чина“: Служилые люди по прибору.

Служилые люди Московскаго государства дѣлились на служилыхъ людей по *отечеству* и служилыхъ людей по *прибору*. Послѣдніе, какъ указано выше, собственно говоря, были промежуточнымъ слоемъ между служилыми людьми и посадскими обывателями. Со времени Уложенія, они, хотя и продолжали нести военно-ремесленную службу по казенному найму, но въ податномъ отношеніи сливались съ посадскими людьми. Относительно стрѣльцовъ и казаковъ, которые „всякими промыслы промышляютъ и въ лавкахъ сидятъ“ Уложеніе постановило, что они обязаны платить таможенныя пошлины съ промысловъ и оброкъ съ лавокъ. Что касается пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ, казенныхъ кузнецовъ и плотниковъ, то съ ними было поступлено еще рѣшительнѣе. Именно, они, если торговали въ лавкахъ и занимались промыслами, были совершенно слиты въ податномъ отношеніи съ посадскими людьми, такъ что платили не только пошлины и оброки, но и отбывали натуральныя повинности, а также платили подати. Вслѣдствіе этихъ мѣръ, служилые люди по прибору сливались скорѣе съ посадскими обывателями, чѣмъ съ служилыми людьми. Правда, у стрѣлецкихъ и казачьихъ дѣтей оставалась еще возможность верстаться въ служилые люди по отечеству, т. е. въ разрядъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, но и эта возможность была отнята у нихъ закономъ 1675 года. Этотъ законъ требовалъ, чтобы стрѣлецкіе и казачьи дѣти, на ряду съ неслужилыми людьми, т. е. холопами, „пашенными мужиками“, посадскими людьми, „къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ ни для конхъ своихъ прихотей не приверстывались“, дѣтьми боярскими не назывались и въ помѣстную службу не верстались. Если прибавить къ этому, что служилые люди по прибору, кромѣ того, не пользовались правами и преимуществами служилыхъ людей по отечеству, то станетъ необходимымъ при изложеніи организаціи слу-

жилаго сословія оставить ихъ въ сторонѣ и изучать эту организацію только по отношенію къ служилымъ людямъ по отечеству.

Служилые люди по отечеству.

Служилые люди по отечеству составляли наслѣдственное служилое сословіе, обязанное службой, въ XVII вѣкѣ свободное отъ личныхъ податей и повинностей, владѣвшее землей на личномъ вотчинномъ и помѣстномъ правѣ. Всѣ эти три признака: 1) обязанность личной ратной и соединенной съ ней придворной и административной службы въ зависимости отъ происхожденія отъ служилыхъ отцовъ (служба по отечеству), 2) помѣстное и вотчинное землевладѣніе, и 3) свобода отъ личныхъ податей и повинностей, съ одной стороны, объединяли служилыхъ людей въ одно служилое сословіе, съ другой, противополагали ихъ другимъ чинамъ Московскаго государства. Правда, право вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія пріобрѣталось также и выслугой, независимо отъ происхожденія. Помѣстья, напр., давались выслужившимся дьякамъ и подъячимъ, хотя бы они были и не дворянскаго рода; вотчинами владѣли гости. „Но однимъ лишь служилымъ людямъ по отечеству, замѣчаетъ г. Павловъ-Сильванскій, принадлежало право владѣть вотчинами и пріобрѣтать ихъ независимо отъ выслуги, въ силу происхожденія“. Это землевладѣніе, равно какъ и податное преимущество служилыхъ людей по отечеству, обусловливалось, однако, исключительно лежавшей на нихъ обязанностью службы. Иными словами, служилое сословіе Московскаго государства было сословіемъ крѣпостнымъ.

Боярство.

Въ зависимости отъ происхожденія служилые люди по отечеству дѣлились на три основныхъ разряда: боярство, московское дворянство и городовыхъ дѣтей боярскихъ. Подъ словомъ боярство мы разумѣемъ не то, что значило это слово на оффиціальномъ московскомъ языкѣ. Тогда этимъ терминомъ обозначалось самое званіе боярина, т. е. высшій служилый къ другимъ служилымъ лицамъ, становилось прецеден-

чинъ въ іерархіи Боярской Думы. Въ этомъ смыслѣ выражались московскія разрядныя книги, въ которыя заносились служебныя назначенія: „государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всеа Русіи пожаловалъ боярствомъ кн. И. А. Хованскаго; сказывалъ боярство окольничей Ѳ. В. Головинъ“. Мы же понимаемъ боярство въ смыслѣ верхняго слоя военно-служилаго сословія московскаго государства, въ смыслѣ тѣхъ знатныхъ служилыхъ фамилій, изъ которыхъ обычно назначались бояре. Это московское боярство окончательно образовалось съ половины XV-го вѣка, когда въ его составъ вошли такъ называемые „служебные князья“ Рюриковичи и Гедиминовичи и бояре другихъ удѣловъ. Подъ вліяніемъ этого притока новыхъ элементовъ въ составъ стариннаго московскаго боярства, во-первыхъ, увеличился численный составъ боярства, приблизительно съ 40 фамилій до 200; во-вторыхъ, рѣшительное большинство въ этомъ новомъ составѣ стало принадлежать титулованнымъ княжескимъ фамиліямъ: въ-третьихъ, глубоко измѣнился самый складъ и характеръ московскаго боярства, которое получило характеръ наслѣдственнаго правительственнаго круга, выработало свой строго аристократическій іерархическій распорядокъ. Основное правило этого распорядка, замѣчаетъ проф. Ключевскій, состояло въ томъ, что мѣсто пріѣзжаго слуги въ московской служилой іерархіи указывалось тѣмъ положеніемъ, владѣтельнымъ или служилымъ, какое онъ занималъ до переѣзда на московскую службу. Для служебныхъ или владѣтельныхъ князей это положеніе опредѣлялось качествомъ ихъ *столовъ*, на которыхъ они сидѣли, для бояръ сравнительнымъ достоинствомъ княжескихъ *дворовъ*, при которыхъ они служили. Потому: 1) бывшіе великіе князья на московской службѣ становились выше бывшихъ простыхъ удѣльныхъ князей, 2) эти послѣдніе выше бояръ, 3) бояре великаго московскаго княженія выше бояръ другихъ княженій. Такимъ обра-

зомъ. князь, лишь только потому, что онъ князь, при самомъ вступленіи на московскую службу становился выше простого московскаго боярина. На языкѣ того времени это обозначалось терминомъ *„заѣхать“*. „Пріѣхалъ кн. Юрій Патрикѣевичъ, читаемъ въ разрядахъ, и *заѣхалъ* боярина Константина Шею и другихъ“. Но не всѣ князья становились выше бояръ; это зависѣло отъ того, начиналъ ли князь свою служебную карьеру прямо въ Москвѣ, или раньше онъ служилъ другимъ князьямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ слуга младшаго князя, онъ становился по своему служебному достоинству даже ниже московскаго боярина. Съ другой стороны, не всѣ московскіе бояре оказались „заѣханными“ по службѣ. Въ первомъ слоѣ боярства вмѣстѣ съ потомками великихъ князей остались двѣ-три первостепенныхъ фамиліи московскаго стариннаго боярства: это Кошкины-Захарьины, Вельяминовы-Воронцовы.

„Члены боярскихъ родовъ пользовались политическими преимуществами, которыя соединены были съ важными матеріальными выгодами: они получали высшія вліятельнѣйшія назначенія; по службѣ имъ жаловали высшіе чины, а по чинамъ—доходнѣйшія кормленія“. Это обособляло боярство отъ остальныхъ служилыхъ слоевъ—московскаго дворянства и городовыхъ дѣтей боярскихъ—и сообщало ему привилегированное положеніе. Чтобы, съ одной стороны, сохранить за своими потомками это привилегированное положеніе, а съ другой—поддержать сложившійся описанный выше распорядокъ служебныхъ отношеній между отдѣльными фамиліями и членами самого боярства, тогда же съ половины XV в. выработалась особая система, получившая названіе *мѣстничества*, и окончательно оформленная въ царствованіе Грознаго.

Мѣстничество: его идея.

Въ основѣ мѣстничества, по опредѣленію проф. Ключевскаго, лежало правило, „что служебное положеніе, разъ занятое служилымъ лицомъ по отношенію

томъ, предопредѣляющимъ служебныя отношенія и потомковъ этого лица къ потомству другихъ лицъ, соприкасавшихся съ нимъ по службѣ". Такимъ образомъ, мѣстничество устанавливало не фамильную наслѣдственность служебныхъ должностей, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между фамиліями.

Мѣстническое отечество.

Это унаслѣдованное отъ предковъ отношеніе по службѣ служилаго лица и цѣлой служилой фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ было для служилаго человѣка его мѣстническимъ отечествомъ. Отсюда видно, что мѣстническое отечество не зависѣло ни отъ личныхъ талантовъ и заслугъ, ни отъ государевой милости и пожалованія въ высокій чинъ или должность. Ни то, ни другое не сообщали неродословному человѣку „отечества". Тогда говорили: „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ". Но это мѣстническое отечество имѣли не всѣ служилые люди, а только боярскіе роды, внесенные Грознымъ въ государевъ родословецъ. Что касается не родословныхъ родовъ, то „имъ съ родословными счету нѣтъ".

„Поруха чести".

Мы сказали, что отеческая честь пріобрѣталась единственно актомъ рожденія. Этимъ мы отмѣтили въ понятіи „отечества" одинъ элементъ, именно генеалогическій. Но одна генеалогія сама по себѣ, замѣчаетъ проф. Дьяконовъ, не обезпечивала разъ навсегда за служилымъ человѣкомъ уже однажды намѣченное служебное положеніе въ ряду другихъ служилыхъ фамилій. Унаслѣдованную отеческую честь необходимо было поддерживать службой и притомъ службой, соотвѣтственной этому отечеству, въ постоянной боязни принять несоотвѣтственное назначеніе. Съ одной стороны, продолжительное уклоненіе отъ службы по разряду *), вело, какъ тогда выражались,

*) Разрядными должностями назывались должности, записываемыя въ особыхъ разрядныхъ книгахъ. Эти записи велись въ Разрядномъ приказѣ. Первая оффиціальная разрядная книга за 80 лѣтъ была составлена въ 1556 г. и получила названіе Государева разряда.

„къ закоснѣнію„ рода и къ „порухѣ“ или потерѣ отеческой чести. Это уклоненіе сопровождалось тѣмъ, что прежняя разрядная служба рода забывалась и на будущее время представителямъ этого рода, „выросшимъ и родившимся въ закоснѣніи“, уже трудно было возстановить свое право при служебныхъ назначеніяхъ ссылаться на службу отцовъ и дѣдовъ. Такіе „закоснѣвшіе“ роды превращались, говоря мѣстническимъ языкомъ, въ неродословные, которымъ съ родословными счету нѣтъ. Такъ захудали, напр., знатные роды князей Кониискихъ и Спажскихъ, бывшіе, „старшей вѣтвью многовѣтвистаго и многочестнаго рода Оболенскихъ“. Съ другой стороны, принятіе лицомъ непріемлемаго съ точки зрѣнія отеческой чести назначенія вело къ умоленію этой чести, или, какъ тогда выражались, къ *„потерькѣ“*. Обратно, случайное повышеніе лица называлось его *„находкой“*.

„Потерька“ и „находка“.

Мѣстнический счетъ.

Такимъ образомъ, каждый назначенный долженъ былъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не оказаться по данному разряду ниже или „ровней“ такого лица или лицъ, служить съ которыми въ указанныхъ условіяхъ ему было „невмѣстно“. Для этого нужно было *„знать себѣ мѣру“*, или умѣть хорошо высчитать, ниже кого ему служить *„вмѣстно“*, кто ему *„въ версту“* (ровня) и кому въ отечествѣ съ нимъ не доставало многихъ мѣстъ, т. е. кому надлежало служить ниже его. Правила этого вычисленія отечества или „счетоводство предковъ“ представляли цѣлую законченную систему и различались, смотря по тому, требовалось ли опредѣлить отношеніе лица къ его родичамъ или къ чужеродцамъ. Въ первомъ случаѣ счетъ былъ простой—*по родословцу*, во второмъ—сложный—*по родословцу и по разрядамъ* вмѣстѣ.

Значеніе мѣстничества.

Мѣстничество имѣло, главнымъ образомъ, значеніе сословно-оборонительной системы. Ставя служебныя отношенія бояръ въ зависимость исключительно отъ службы ихъ предковъ, оно тѣмъ самымъ защищало

служилую знать отъ произвола сверху. Устанавливая іерархію родовъ и объединяя всѣ аристократическія фамиліи въ одно цѣлое, мѣстничество закрывало доступъ новымъ родамъ въ среду этихъ установившихся и размѣстившихся фамилій. Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новыя лица. Всѣ высшія мѣста были заняты и пришлецамъ оставались мѣста съ самаго края, ниже родословныхъ людей. И тѣмъ и другимъ мѣстничество „выдѣляло изъ военно-служилой массы классъ, изъ котораго верховная власть волей не волей должна была преимущественно выбирать лицъ для занятія правительственныхъ должностей. Этимъ мѣстничество сообщало боярству характеръ правящаго класса или сословной аристократіи".

Московское дворянство.

Ниже по происхожденію боярства стояли московскіе дворяне. Этотъ разрядъ служилыхъ людей по отечеству былъ образованъ въ 1550 г. путемъ включенія въ составъ столичнаго дворянства избранной тысячи лучшихъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ. Вновь набранные дѣти боярскіе, наравнѣ съ прежними членами столичнаго дворянства, были испомѣщены въ московскомъ и смежныхъ съ ними уѣздахъ, но не далѣе 70 верстъ отъ Москвы. Эти новые подмосковные помѣщики предназначались къ постоянной службѣ въ столицѣ и къ исполненію правительственныхъ порученій. Имена ихъ были занесены въ такъ называемую *тысячную книгу*. Такъ образовалось московское дворянство, которое первоначально, по степени родовитости своихъ членовъ, было раздѣлено на три статьи. Но это дѣленіе просуществовало не долго и было уничтожено Ѳедоромъ Ивановичемъ въ 1587 г. Московскіе дворяне были главными дѣятелями областнаго, гражданскаго и военнаго управленія. Отсюда вербовались воеводы по городамъ, назначались сотенные головы, которые командовали уѣздными отрядами или сотнями городовыхъ дѣтей боярскихъ.

Городовые дѣти боярскіе.

Ниже ихъ стояли городовые дѣти боярскіе, которые составляли особыя уѣздныя общества, или уѣздныя дворянскія корпораціи, приписанныя къ уѣзднымъ городамъ. Званіе московскаго дворянина, какъ и сына боярскаго, давалось происхожденіемъ. Слѣдовательно, эти званія были сословными наименованіями. Но они же были и „чинами“ въ смыслѣ почетныхъ званій.

Лѣствица чиновъ и начала, регулирующія служебную карьеру.

Было три ряда или три группы чиновъ, горизонтально лежащихъ одна надъ другой. Это: 1) чины думные—бояре, окольничіе, думные дворяне; 2) чины служилые московскіе—стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы; 3) чины служилые городовые—дворяне выборные, дѣти боярскіе, дворовые и городовые. Повышеніе изъ чина въ чинъ обусловливалось, во-первыхъ, принадлежностью къ одному изъ основныхъ разрядовъ служилыхъ людей, т. е. къ боярству, московскому дворянству и провинціальнымъ дѣтямъ боярскимъ; во-вторыхъ, въ предѣлахъ двухъ группъ чиновъ—по московскому списку и городовыхъ—отечествомъ и выслугою. Представители боярскихъ и дворянскихъ родовъ обычно начинали службу въ московскихъ чинахъ, городовые дѣти боярскіе въ городовыхъ. Такимъ образомъ, принадлежность къ одному изъ основныхъ разрядовъ служилыхъ людей опредѣляла группу чиновъ, но не опредѣляла самаго чина. Послѣднее прежде всего зависѣло отъ родословности. Особенно это начало дѣйствовало въ служилой карьерѣ представителей боярскихъ и лучшихъ дворянскихъ родовъ. Представители лучшихъ фамилій здѣсь прямо назначались въ стольники, менѣе именитые должны были послѣдовательно проходить чины московскаго дворянства, стряпчаго, стольника. „Человѣкъ не славна родителя, говорили московскіе житейскіе мудрецы, а высокоуменъ, аки птица безъ крылъ: убивается о землю, а возлегѣти не можетъ“. Начало служебной карьеры городовыхъ дѣтей боярскихъ не зависѣло отъ родословности. Въ XVI в. чинъ вновь поступающаго на службу сына боярскаго,

„новика“, опредѣлялся службой отца, или отечествомъ. Это значило, что сыновья выборныхъ и дворовыхъ дѣтей боярскихъ зачислялись на службу, если отецъ служитъ по выбору, то въ выборъ; если по дворовому списку, то въ дворовый списокъ. Но этотъ порядокъ былъ измѣненъ уже въ первой половинѣ XVII в., когда стало дѣйствовать правило, что всѣ новики при верстаніи на службу должны зачисляться въ первый изъ городовыхъ чиновъ, именно, въ чинъ дѣтей боярскихъ, служащихъ съ городомъ. При послѣдующемъ повышеніи въ чины сына боярскаго принималось во вниманіе, во-первыхъ, его служба, или выслуга, во-вторыхъ, родство. „По государеву указу, гласятъ наказы воеводамъ, новиковъ по выбору и по дворовому списку писать не велѣно; а дѣтей боярскихъ (уже служащихъ) велѣно по выбору и по дворовому списку писать въ Розрядѣ по родству и за службу“. Подъ родствомъ понималась служба отца и родственниковъ. Напр., мещеренинъ Леонтій Свищовъ билъ челомъ о написаніи его за смоленскую службу изъ городовыхъ (служилъ 15 л.) по выбору, „ а иные родители мои, писалъ онъ, служатъ тебѣ государю, по выбору“. Трудно сказать, какое изъ этихъ началъ—выслуга или родство—преобладали. Съ одной стороны, извѣстны случаи, когда „дѣти боярскія разныхъ городовъ были написаны по дворовому списку за службу, а не за родство“, съ другой, мы знаемъ случаи, когда повышеніе въ слѣдующій чинъ мотивировалось исключительно родствомъ. Во всякомъ случаѣ сыновья дѣтей боярскихъ по выбору и дворовому списку имѣли преимущественное право предъ сыновьями дѣтей боярскихъ съ городомъ получить эти чины. Насколько послѣдовательно проходились эти чины выборныхъ и дворовыхъ видно изъ одного примѣра. Въ 1650 г. сыну боярскому Казимірову по недосмотру велѣно было дать чинъ выборнаго, минуя чинъ дворовaго. Казиміровъ самъ обратилъ на это вниманіе начальства: „велѣно меня написать по вы-

бору, и по выбору меня прежде двороваго не напишутъ". Ошибка была исправлена и челобитчика написали по дворовому списку. Достигнувъ „выбора", дѣти боярскіе за службу и по родству могли попадать и въ московскіе чины жильца и московскаго дворянина, что называлось „написаться по московскому или жилецкому списку". Значитъ, неродовитый человѣкъ обычно кончалъ тѣмъ, съ чего начиналась только карьера родовитаго человѣка. Что касается думныхъ чиновъ боярина, окольничаго, думнаго дворянина, „то по общему правилу, говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, они не входили въ лѣствицу чиновъ, послѣдовательно проходимую служащими, но жаловались непосредственно, независимо одинъ отъ другого, служащимъ низшихъ чиновъ, стольникамъ или дворянамъ, смотря по родовитости фамиліи, къ которой принадлежали жалуемыя лица". Стольникъ перворазрядной фамиліи сразу получалъ чинъ боярина, минуя остальные думные чины. Въ половинѣ XVII в. такихъ фамилій, по свидѣтельству Котошихина, насчитывалось всего 16. Это были: кн. Черкасскіе, кн. Воротынскіе, кн. Трубетцкіе, кн. Голицины, кн. Хованскіе, Морозовы, Шереметьевы, кн. Одоевскіе, кн. Пронскіе, Шеины, Салтыковы, кн. Репнины, кн. Прозоровскіе, кн. Буйносовы, кн. Хилковы, кн. Урусовы.

Стольникъ второразрядной фамиліи такимъ же образомъ получалъ чинъ окольничаго, а изъ окольничаго могъ уже дослужиться до боярина. „Роды же меньши тѣхъ (выше перечисленныхъ), читаемъ у Котошихина, которые бываютъ въ околничихъ и въ боярехъ: князей Куракиныхъ, кн. Долгоруковыхъ, Бутурлиныхъ, кн. Ромадановскихъ, кн. Пожарскихъ, кн. Волконскихъ, кн. Лобановыхъ, Стрешневыхъ, кн. Борятинскихъ, Милославскихъ, Сукиныхъ, Пушкиныхъ, Измайловыхъ, Плещѣевыхъ, Львовыхъ". Наконецъ, стольники или дворяне незнатныхъ родовъ получали чинъ думнаго дворянина, изрѣдка дослуживались до

окольничаго и на этомъ кончали свою служебную карьеру. „Роды жъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянехъ и въ околничихъ, исъ честныхъ родовъ и изъ середнихъ, и изъ дворянъ; и тѣ роды болши тоѣ чести не доходятъ".

Порядокъ отбыванія службы: норма службы.

Служба отбывалась съ земли, притомъ какъ съ помѣстной, такъ и съ вотчинной. Точно опредѣленные размѣры этой службы были впервые установлены указомъ 1556 г., когда государь „съ вотчинъ и съ помѣстья *уложенную* службу учини: со ста четвертей *) добрые угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ далной походъ о дву конь". При Борисѣ Годуновѣ, по причинѣ разоренія служилыхъ людей, бывшаго слѣдствіемъ сельско-хозяйственнаго кризиса, тягость этой поземельной службы была уменьшена вдвое. Чѣмъ опредѣлялись размѣры службы въ XVII в. мы точно не знаемъ. Но есть основаніе думать, что эти размѣры опредѣлялись не объективными признаками, въ родѣ того или другого количества земли, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и т. д., а въ каждомъ данномъ случаѣ субъективной оцѣнкой особо выбранныхъ изъ дворянскихъ уѣздныхъ обществъ „окладчиковъ", которые, сообразно общей экономической мощи каждаго служилаго человѣка, опредѣляли, какъ онъ долженъ былъ являться на службу, т. е. „сколь люденъ, коненъ и оруженъ". Служилый человѣкъ, по тому же уложенію 1556 г., долженъ былъ начинать службу съ 15 лѣтъ и нести ее до потери служебной годности, по причинѣ старости или болѣзни.

Служба полковая, ближняя и осадная.

Ратная служба дѣлилась на полковую, ближнюю, осадную. Наиболѣе отвѣтственной и трудной службой была полковая, сопряженная съ дальними походами и требующая высокой боевой годности лица, хорошаго вооруженія и запасовъ провіанта. Лица, не удовлетворявшія этимъ требованіямъ, переводились въ ближнюю

*) Четверть = $^1/_2$ дес. въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ $1^1/_2$ дес.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАБОЧАЯ ЧИТАЛЬНЯ

службу, гдѣ назначались въ ближнія посылки. Еще ниже была служба осадная городовая, т. е. гарнизонная. Сюда зачислялись больные и увѣчные, безъ ногъ, безъ рукъ, старые и бѣдные, однимъ словомъ тѣ, служба которыхъ была „худа“. Лица, не удовлетворявшія требованіямъ и не требовательной осадной службы, получали чистую отставку, призываясь иногда къ исполненію различныхъ полицейскихъ функцій. Причинами отставки въ большинствѣ случаевъ были: полная потеря боевой годности, по причинѣ-ли глубокой старости, или сильнаго увѣчья и болѣзни, иногда то и другое и третье вмѣстѣ, крайняя бѣдность, сопряженная съ скитаніемъ „межъ дворъ“, въ рѣдкихъ случаяхъ умственная „простота“.

Вознагражденіе за службу и ея обезпеченіе.

За службу и для службы служилые люди получали помѣстное и денежное жалованіе. Испомѣщеніе служилыхъ людей было основнымъ средствомъ ихъ содержанія. Денежное жалованіе было лишь подспорьемъ къ помѣстному.

Помѣстье.

Помѣстьемъ въ Московскомъ государствѣ назывался участокъ земли, данный государемъ служилому человѣку въ личное условное владѣніе за службу и ради службы. Такимъ образомъ, помѣстье, съ одной стороны, являлось какъ бы вознагражденіемъ за исполненныя служебныя обязанности, съ другой стороны, обезпечивало саму возможность службы. Подобно службѣ это условное владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ помѣстное владѣніе отличалось отъ родовой или купленной вотчины, состовлявшей полную и наслѣдственную собственность своего владѣльца, личнымъ и временнымъ характеромъ оно отличалось отъ вотчины „жалованной“ подъ условіемъ службы. Происхожденіе помѣстья, какъ особой формы условнаго владѣнія, теряется въ древности удѣльныхъ вѣковъ. Самый терминъ „помѣстье“ входитъ въ употребленіе при Иванѣ III, когда были произведены и пер-

вые опыты широкой раздачи помѣстій. При Грозномъ помѣстное содержаніе служилыхъ людей развивается уже въ опредѣленную систему.

Помѣстная система: помѣстный окладъ.

Правила этой системы заключались въ слѣдующемъ: каждый служилый человѣкъ „верстался“ *) извѣстнымъ помѣстнымъ *окладомъ*, который выражалъ собою его право на полученіе въ помѣстное владѣніе участка земли опредѣленныхъ размѣровъ. Оклады были не равны. Размѣръ ихъ зависѣлъ отъ цѣлаго ряда условій. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ надо поставить тотъ или другой чинъ. Служилые люди высшихъ чиновъ, бояре, окольничіе, думные дворяне, получали помѣстные оклады отъ 800—2000 четвертей, стольники и дворяне московскіе отъ 500—1000 ч. Оклады провинціальныхъ дѣтей боярскихъ были еще меньше, колеблясь, обычно, отъ 100—600 ч. Вторымъ условіемъ, вліяющимъ на размѣръ окладовъ, была давность службы. Поэтому оклады новиковъ не служилыхъ были вообще ниже окладовъ новиковъ служилыхъ **), а оклады послѣднихъ, ниже „служащихъ старо“. Въ предѣлахъ этихъ группъ величина окладовъ зависѣла, во-первыхъ, отъ „отечества“, различались добрые, середніе, обышные, худые своимъ отечествомъ, „а новиковъ, читаемъ въ наказахъ окладчикамъ, верстали бы лучшихъ отецкихъ дѣтей въ первую статью“, во-вторыхъ, отъ физической годности лица—больные, увѣчные, худые-обнищавшіе, вовсе не принимались на службу, и въ 3-хъ, отъ исправности службы. Добрые своимъ отечествомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, попадали въ первую статью, но если при добротѣ отечества они были середними, обышными или худыми своей головой и службой, то помѣстные оклады ихъ соотвѣтственно пони-

*) Терминъ „верстаніе“ означалъ распредѣленіе служилыхъ людей по статьямъ, соотвѣтственно знатности ихъ рода, физическаго качества, имущественнаго благосостоянія и проч., для назначенія имъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ.

**) Служилыми новиками назывались лица, которыя уже несли дѣйствительную службу, но еще не были поверстаны окладами.

жались. Съ другой стороны, выдающаяся боевая годность и исправность службы, давали возможность и „молодымъ“ по отечеству верстаться въ одну статью съ тѣми, кто отечествомъ добры. „А которые дѣти боярскіе отечествомъ молоды, а собою и службою своею и головою добры, и тѣхъ верстати къ тѣмъ же въ статьи, которые отечествомъ добры. „Такъ, въ зависимости отъ всѣхъ этихъ условій, получалась цѣлая лѣстница окладовъ, по которой и размѣщались служилые люди въ зависимости отъ своего отечества, боевой годности, исправности службы, наконецъ, ея давности и служилаго чина“. Оклады дѣлились на *подмосковные* и *городовые*. Разница между ними заключалась въ томъ, что первые давали служилому человѣку право на испомѣщеніе подъ Москвой, вторые на испомѣщеніе въ провинціальныхъ уѣздахъ. Послѣдніе оклады имѣли всѣ служилые люди, первые, т. е. подмосковные, были прибавкой почетной или наградной къ послѣднимъ. Они давались какъ высшимъ служилымъ чинамъ, такъ и провинціальнымъ дѣтямъ боярскимъ. Размѣръ подмосковныхъ окладовъ первыхъ былъ узаконенъ еще въ XVI-мъ вѣкѣ и оставленъ Уложеніемъ почти безъ перемѣнъ: бояре 200 ч., стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и патріаршіе стальники 100 ч.; дворяне выборные 50 ч. (въ Улож. 70 ч.). Размѣры подмосковныхъ окладовъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людей (стряпчіе и сытники царицына чина) опредѣлялись величиною ихъ помѣстныхъ городовыхъ окладовъ, именно, составляли 10% послѣднихъ.

Помѣстная дача.

Помѣстный окладъ обозначалъ собою право служилаго человѣка на помѣстный участокъ опредѣленныхъ размѣровъ. Беклемишевъ, положимъ, былъ поверстанъ окладомъ въ 500 ч., это значитъ, что онъ имѣлъ право на владѣніе участкомъ помѣстной земли въ 500 ч., но это еще не значило, что онъ владѣетъ именно такимъ количествомъ помѣстной земли. Онъ могъ владѣть этимъ количествомъ земли, но могъ

имѣть во владѣніи и меньше. Его фактическое помѣстное владѣніе называлось его *дачей* въ окладъ. Дачи обычно были меньше оклада. Такъ, напр., въ Бѣлевскомъ у. въ 1622 году они составляли 23% окладного назначенія, въ Ряжскомъ у. въ 1592 году до 30 дѣтей боярскихъ, поверстанныхъ окладами отъ 50—200 чет., получили лишь землю на „усадища"; въ 70-хъ годахъ XVI в. изъ 168 дѣтей боярскихъ изъ Путивля и Рыльска, записанныхъ на службу, 99 чл. совсѣмъ не имѣли помѣстныхъ дачъ, а остальные были „испомѣщены по окладомъ не сполна, иные вполы, а иные въ третій и четвертый жеребій, а инымъ дали на усадища по немногу". Несоотвѣтствіе дачъ окладамъ часто обусловливалось тѣмъ, что служилый человѣкъ имѣлъ вотчину. Въ этомъ случаѣ дачи были обратно пропорціональны вотчинамъ: „чѣмъ значительнѣе была вотчина у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстная дача, ибо помѣстье было собственно подспорьемъ или замѣной вотчины". Кромѣ того, несоотвѣтствіе дачъ окладамъ объяснялось, во-первыхъ, постепеннымъ уменьшеніемъ помѣстнаго фонда, или земли, предназначенной для испомѣщенія служилыхъ людей; во-вторыхъ, обиліемъ въ этомъ помѣстномъ фондѣ земель *пустопорожнихъ*, т. е. запустѣвшихъ, и *дикаго поля*, т. е. земли еще неподнятой, не поступившей въ обработку, а такъ какъ помѣщику для исправнаго отбыванія службы нужна была земля *угожая* и *живущая*, т. е. населенная, съ достаточнымъ количествомъ крестьянскихъ рабочихъ рукъ, то служилые люди обычно уклонялись брать въ свои помѣстные оклады земли пустопорожнія и дикое поле, несмотря на то, что правительство давало имъ податную льготу на такія земли лѣтъ на 8—20 и выдавало деньги на постройку хоромъ (по 2 р. на 100 четей) *). Наконецъ, въ-третьихъ, несо-

*) Этотъ недостатокъ удобной земли для испомѣщенія чувствовался уже къ концу XVI вѣка, и на это жаловались въ Москвѣ Флетчеру въ царствованіе Ѳедора Ивановича.

отвѣтствіе дачъ окладамъ обусловливалось тѣмъ, что правительство очень часто не брало на себя иниціативы испомѣщенія служилыхъ людей, а предоставляло служилымъ людямъ самимъ „пріискивать“ помѣстья въ ихъ помѣстные оклады. Все это вело не только къ тому, что помѣстныя дачи были ниже окладовъ, но и къ тому, что пріисканныя помѣстья лежали не въ одномъ кускѣ, даже не въ одномъ уѣздѣ, а были разбросаны небольшими кусками иногда въ 5—6 и даже больше далеко другъ отъ друга отстоящихъ уѣздахъ Московскаго государства. Такимъ образомъ, землевладѣніе служилыхъ людей страдало отсутствіемъ концентраціи.

Однодворцы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе большого несоотвѣтствія дачъ окладамъ, образовывалась масса безпомѣстныхъ или малопомѣстныхъ служилыхъ людей, участки которыхъ, составляя иногда всего 10 дес., приближались къ крестьянскимъ участкамъ. Этотъ „дворянскій пролетаріатъ“ въ особенности развивался на южной и юго-восточной окраинѣ. Вслѣдствіе постепеннаго въ XVII вѣкѣ уменьшенія въ этихъ мѣстностяхъ крестьянскаго населенія, такіе малопомѣстные помѣщики обычно не имѣли ни одного крестьянскаго двора, жили только своими дворами, *однодворками*, сами обрабатывали свою землю. Позднѣе они образовали классъ и званіе *однодворцевъ* и со времени введенія подворной подати (1679—1681 гг.) стали подлежать этой подати наравнѣ съ крестьянами.

Прибавка и убавка помѣстныхъ окладовъ и дачъ.

Владѣніе помѣстнымъ было обусловлено исправнымъ отбываніемъ службы. Пока помѣщикъ удовлетворялъ этому требованію правительства, онъ свободно пользовался своимъ помѣстьемъ. Но, имѣя право пользованія, онъ, однако, не могъ злоупотреблять этимъ правомъ. Правительство обязывало его „не пустошити помѣстья, дворовъ не развозити“, а также крестьянъ непомѣрными поборами не разогнать и не переводить ихъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя. За наруше-

ніе этихъ правилъ сначала (1621 г.) было опредѣлено наказаніе кнутомъ, потомъ дѣло ограничивалось лишь тѣмъ, что правительство въ этихъ случаяхъ не удовлетворяло челобитія помѣщика, запустошившаго свое помѣстье, о перемѣнѣ его разореннаго помѣстья на новое.

Обязанность помѣщика по отношенію къ его помѣстью.

Въ зависимости отъ того повышалась или понижалась служебная годность служилаго человѣка, повышались и понижались его помѣстный окладъ и дача. Бояре и дьяки „смотрѣли дѣтей боярскихъ и, которые собою и службою добры, а помѣстнымъ окладомъ поверстаны мало, тѣмъ, распрашивая про службу окладчиковъ, окладовъ прибавливали, а которые собою и службою худы и верстаны помѣстными оклады большими, и у тѣхъ оклады убавливали". Пониженіе служебной годности или нарушеніе служебнаго долга сопровождались или убавкой помѣстнаго оклада и дачи, или полнымъ лишеніемъ помѣстья. У захудавшихъ, обѣднѣвшихъ служилыхъ людей такъ же, какъ и у старыхъ и увѣчныхъ, обычно часть помѣстья отбиралась, а сами они перечислялись изъ полковой службы въ осадную *). Что касается нарушенія служебнаго долга, то самымъ обычнымъ его проявленіемъ было *нѣтство*.

Нѣтчики и отписка помѣстій.

Подъ нѣтствомъ понимались: неявка на службу по призыву, неявка на службу въ назначенный срокъ или медленные сборы, неявка на военные смотры, бѣгство со службы и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ правительство наказывало нѣтчиковъ или убавкой помѣстнаго и денежнаго оклада, или конфискаціей помѣстья, а иногда даже и вотчины (1621 г.). До Уложенія не было общаго указа объ отпискѣ помѣстій за неявку на службу или бѣгство съ нея. Отписка помѣстій производилась каждый разъ съ особаго указа, при чемъ отписывалось и цѣлое помѣстье, и половина, и треть, и четверть. Обычно за бѣгство съ поля битвы

*) „За худобу велѣно имъ служити осадную службу, а помѣстій за ними учинено по 20 чети, а что у нихъ будетъ сверхъ 30 чети лишку, и то у нихъ отписати на государя и въ роздачу раздати".

у нѣтчика отнималась половина помѣстнаго и денежнаго оклада. За двукратный побѣгъ изъ полка виновнаго карали, кромѣ наказанія кнутомъ, убавкой 50 ч. помѣстнаго оклада, за третій побѣгъ онъ лишался всего помѣстья. Подъ нѣтствомъ подразумѣвалось только злонамѣренное уклоненіе отъ службы, когда служилые люди, имѣя возможность исправно отбывать службу, не служили „воровствомъ“ или „огурствомъ“.

Установленіе наслѣдственности помѣстья. Верстаніе въ припускъ.

Помѣстье было владѣніемъ не только условнымъ, но и личнымъ, временнымъ, пожизненнымъ, этимъ оно существенно отличалось отъ вотчины. Но въ XVII в. это различіе постепенно уничтожалось и помѣстье превращалось въ наслѣдственное владѣніе. Къ этому вела, во-первыхъ, практика верстанія новиковъ, во-вторыхъ, обычай давать служилымъ людямъ и ихъ семьямъ, такъ называемыя, прожиточныя помѣстья. Дворянскій *недоросль, поспѣвъ* на службу, т. е. достигнувъ 15 лѣтъ, ставши новикомъ, верстался помѣстьемъ. Верстаніе новиковъ было двояко: въ *отводъ* и въ *припускъ*. Старшихъ сыновей, поспѣвшихъ на службу, когда еще отецъ сохранялъ силы служить, верстали въ отводъ т. е. надѣляли особыми помѣстьями, младшихъ, при большихъ помѣстьяхъ отца двухъ, при малыхъ одного, записывали на службу съ помѣстья отца. Это называлось припускомъ. Вслѣдствіе этой практики помѣстье обычно сохранялось въ семьѣ служилаго человѣка, т. е. становилось наслѣдственнымъ.

Прожиточныя помѣстья.

Къ тому же вела постоянная передача помѣстій на *прожитокъ*, т. е. въ качествѣ земельной пенсіи. Когда дворянинъ или сынъ боярскій не могъ нести ни полковой, ни осадной службы, правительство давало ему отставку, но при этомъ не лишало его всего помѣстья, выдѣляя часть на прожитокъ въ видѣ пенсіи. Прожиточныя помѣстія получали не только отставные служилые люди, но и вдовы и малолѣтнія дѣти. Когда служилый человѣкъ умиралъ, не имѣя взрослыхъ сыновей, то его помѣстье въ видѣ прожитка оставлялось

за его сыновьями-недорослями. Размѣръ прожиточнаго помѣстья недоросля зависѣлъ отъ помѣстнаго оклада его отца. Если послѣ смерти служилаго человѣка оставалось нѣсколько сыновей, то помѣстье переходило къ нимъ цѣликомъ; если одинъ, то ему оставляли во владѣніе бо́льшую часть имѣнія отца, смотря по окладу, отъ 50—200 ч. Такое прожиточное помѣстье записывали за матерью и сыномъ-недорослемъ вмѣстѣ, при чемъ мать признавалась владѣлицей его, какъ воспитательница сына. Когда недоросль достигалъ совершеннолѣтія, то его прожитокъ превращался въ его служилое помѣстье. Мать и сестры въ этихъ случаяхъ не получали выдѣла, но на сына возлагалась нравственная обязанность „мать кормить со своего помѣстья до живота, и сестеръ, вскормивъ, выдать замужъ“. Но чаще вдова и малолѣтнія дочери служилаго человѣка получали особые выдѣлы изъ помѣстья мужа и отца въ видѣ прожиточныхъ помѣстій. Размѣръ такихъ помѣстій зависѣлъ отъ рода смерти покидавшаго пенсіонерокъ помѣщика. По Уложенію, если онъ умиралъ на бою, то вдова получала въ прожитокъ 20% его помѣстья, дочери по 10%, если онъ умиралъ естественной смертью въ полку во время войны, то 15 и $7\frac{1}{2}$%, и еще менѣе, по 10 и 5%, когда онъ умиралъ дома. Прожиточными помѣстьями вдовы владѣли до замужества, постриженія или смерти, дочери по указу 1556 г. до 15-лѣтняго возраста, впослѣдствіи до замужества. Если къ этому времени у дѣвицы подыскивался женихъ изъ служилыхъ людей, то, выходя за него замужъ, она могла справить за нимъ свой прожитокъ. Владѣльцы и владѣлицы такихъ прожиточныхъ помѣстій должны были поставлять ратниковъ, даточныхъ людей съ своихъ помѣстій, или платить взамѣнъ того особый налогъ.

Слiяніе помѣстій съ вотчинами.

Такъ, помѣстье по смерти служилаго человѣка переходило къ его семьѣ, если семьи не оставалось, то, по указу 1613 г., оно переходило къ роду („помѣстій

родимцовъ, мимо родства отдавать не велено"); если не было родственниковъ, то оно переходило къ городу, т. е. поступало въ раздачу служилымъ людямъ того уѣзда, въ которомъ оно лежало. Вслѣдствіе этого помѣстье пріобрѣтало характеръ наслѣдственнаго, родового владѣнія (указъ 1638 г. уже знаетъ терминъ *родовыя помѣстья)* и приближалось къ вотчинѣ. Остающееся послѣ этого различіе между вотчиной и помѣстьемъ заключалось только въ характерѣ распоряженія тѣмъ и другимъ владѣніемъ. Съ точки зрѣнія теоріи помѣстнаго владѣнія, помѣстье было владѣніемъ неотчуждаемымъ, т. е. его нельзя было ни завѣщать, ни мѣнять, ни закладывать, ни продавать. Но уже въ XVII в. утверждается практика какъ *завѣщанія* помѣстій, такъ и ихъ *мѣны*, притомъ не только на помѣстья, но и на вотчины. Вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ въ обычай *сдача* помѣстья зятьямъ въ видѣ приданаго, или родичамъ и даже чужеродцамъ съ обязательствомъ кормить сдатчика или сдатчицу; наконецъ, въ 1674 г. отставные помѣщики получаютъ право сдавать помѣстья и за деньги, т. е. закладывать и продавать ихъ. Такъ помѣстье по характеру владѣнія все болѣе сливалось съ вотчиной.

Пожалованіе помѣстья въ вотчину.

Параллельно этому процессу въ XVII в. развивался другой процессъ, именно, процессъ полнаго превращенія помѣстья въ вотчину. Это достигалось двумя способами; во-первыхъ, пожалованіемъ части помѣстья въ полную собственность за выдающіяся заслуги или просто за участіе въ трудномъ походѣ, или осадѣ, такъ, напр., царь Василій Шуйскій пожаловалъ „за московское осадное сидѣнье" въ вотчину служилымъ людямъ по 20 ч. съ 100 ч. ихъ помѣстнаго оклада, такое же пожалованіе имѣло мѣсто въ царствованіе Михала Ѳеодоровича „за московское осадное сидѣніе—королевичевъ приходъ" и особенно часто въ царствованіе Алексѣя Михайловича; во-вторыхъ, значительныя количества государственной помѣстной земли переходили

въ полную собственность служилыхъ людей путемъ разрѣшенной правительствомъ покупки порожжихъ и примѣрныхъ земель. Такъ, уже въ XVII в. вотчина стала преобладать надъ помѣстьемъ. Помѣстное содержаніе служилыхъ людей фактически замѣнялось вотчиннымъ.

Денежное жалованье: денежные оклады.

Денежное жалованье было подспорьемъ къ помѣстному. И здѣсь, какъ и въ помѣстномъ жалованіи, различались денежный окладъ и денежная дача. Размѣры денежныхъ окладовъ зависѣли отъ тѣхъ же условій, какими опредѣлялись оклады помѣстные. Въ зависимости отъ давности и качества службы денежные оклады различались на *первыя*, *другія* и *свершенныя* деньги. Сначала новикъ получалъ первыя деньги, при слѣдующемъ верстаньѣ, если по свидѣтельству окладчиковъ онъ исправно несъ службу, его верстали помѣстьемъ и другими деньгами, размѣръ которыхъ былъ нѣсколько выше первыхъ. Напр., первыя деньги 5, 6, 8 руб...., другія—7, 9, 11 р. Новики, получившіе другія деньги и помѣстный окладъ, переставали называться новиками и переходили въ разрядъ старослужащихъ; прослуживъ исправно въ этомъ разрядѣ много лѣтъ, они при разборѣ поверстывались въ свершенныя деньги, т. е. получали максимальные денежные оклады (для взятаго случая 11, 12, 13, 14 р.).

Денежное жалованіе „съ городомъ“ и „изъ чети“.

Въ отношеніи полученія денежнаго жалованья служилые люди дѣлились на *„емлющихъ жаловънье съ городомъ“* и на *„емлющихъ жалованье изъ чети“*, или *„четвертчиковъ“*. Подъ „четями“ разумѣлись финансовые приказы, между которыми было распредѣлено денежное содержаніе служилыхъ людей, то были: Новгородская, Устюжская, Владимірская, Костромская и Галицкая чети. Жалованье „изъ чети“ получали высшіе чины, рядовая масса служилыхъ людей—городовые дѣти боярскіе—получала жалованье „съ городомъ“. Въ чемъ заключалось дальнѣйшее различіе полученія жалованья съ городомъ и изъ чети не ясно. Во всякомъ

случаѣ не въ томъ, что, въ отличіе отъ жалованья съ городомъ, жалованье изъ чети было ежегоднымъ жалованьемъ. Изученіе „*кормленыхъ*“ книгъ четвертей этого не устанавливаетъ*).

Денежная дача.

Максимальные оклады „четвертчиковъ“ были гораздо выше такимъ же окладовъ съ городомъ. Послѣдніе были въ общемъ не велики, въ XVI в. они колебались отъ 4—14 р. Служилые люди, поверстанные денежнымъ жалованіемъ, не всѣ получали его ежегодно и притомъ не всегда полностью, т. е. соотвѣтственно окладамъ. По военной смѣтѣ 1632 г. изъ 24714 дворянъ и дѣтей боярскихъ получали жалованіе „ежегодъ“ только 1876 чел., и то по слѣдующей нормѣ: тѣ, у которыхъ окладъ болѣе 10 р.—10 р., „а зъ 10 р. по окладамъ сполна“. Дворяне и дѣти боярскіе, получавшіе жалованіе „ежегодъ“, всѣ служили по западной или южной границѣ государства. Ихъ служба здѣсь, надо думать, была безпрерывной, наиболѣе трудной и отвѣтственной, потому и жалованье имъ шло „ежегодъ“. Большинство дворянъ и дѣтей боярскихъ получало жалованіе не регулярно, по разборамъ или смотрамъ**), обычно на случай похода. Совсѣмъ не получали денежнаго жалованія дѣти боярскіе, несшіе гарнизонную службу, а также и тѣ изъ полковыхъ, служба которыхъ была „худа“, такъ что окладчики въ жалованьѣ по нихъ не ручались.

Окладчики и поручители.

Опредѣляя порядокъ отбыванія службы, статьи помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, московское пра-

*) Однако, въ нашей ученой литературѣ господствуетъ какъ разъ противоположный взглядъ. См. В. Сторожевъ. Къ вопросу о четвертчикахъ. Ж. М. Н. Пр. 1892 г. № 1, А. Лаппо-Данилевскій. Предисловіе къ кормленой книгѣ Костромской Чети. Русс. Ист. Библ. т. XV.

**) По закону 1555 г., городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ денежное жалованіе раздавалось разъ въ 3—4 года, въ началѣ XVII в., когда службы (похода) нѣтъ, давали жалованье разъ въ 5 лѣтъ и еще рѣже. О раздачѣ денежнаго жалованія дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ см. у насъ: „Смѣта военныхъ силъ Москов. Госуд. на 1632 г.“, также „Смѣта воен. силъ 1663 г.“

вительство примѣненіе на практикѣ этихъ нормъ предоставляло самому служилому сословію, точнѣе, его уѣзднымъ дворянскимъ корпораціямъ, которыя черезъ своихъ выборныхъ *окладчиковъ* опредѣляли для каждаго дворянина своего уѣзднаго общества и служилую статью, и помѣстный, и денежный окладъ. Окладчики, въ количествѣ 10—20 и больше человѣкъ, должны были выбираться изъ „служащихъ старо“ и изъ тѣхъ, которымъ „вѣрити мочно“. На практикѣ, кромѣ этихъ двухъ обязательныхъ условій, на выборъ окладчиковъ вліяло землевладѣніе ихъ въ уѣздѣ иногда и всегда ихъ фамильныя связи. Функціи окладчиковъ были такъ велики, показанія ихъ такъ важны для всей вообще карьеры служилаго человѣка, что-изъ за выбора окладчиковъ спорили, интриговали, разбивались на партіи. Примѣръ такихъ партійныхъ выборовъ имѣлъ мѣсто въ Каширѣ въ 1631 г., когда Θустовы, Писаревы и другіе „всѣми роды своими и иные роды“ били челомъ на Лихаревыхъ, Ильиныхъ, Уваровыхъ и т. д., жалуясь, что Лихаревы и другіе враждебные имъ роды, „умысля и зговорясь“ выбираютъ окладчиковъ исключительно изъ своихъ родовъ и, пользуясь тѣмъ, чинятъ челобитчикамъ „великое тесненіе“: „верстаютъ насъ не по государеву крестному целованью въ другую и третью статью, а въ своихъ родѣхъ они верстаютъ заговоромъ своихъ дѣтей и племянниковъ, которые не довелись въ большую статью, и они всѣхъ верстаютъ въ большую статью“... Выбранныхъ окладчиковъ, взявъ на нихъ „въ городѣ выборы за руками“, приводили ко кресту на томъ, чтобы они, будучи у помѣстнаго и денежнаго верстанія или у раздачи денежнаго жалованія и разбора, сказывали про своихъ товарищей, производившимъ разборъ или верстаніе воеводамъ и дьякамъ, правду, „по свойству и дружбѣ неслужилыхъ новиковъ и обычныхъ людей въ большія статьи не вносили, а по недружбѣ служилыхъ новиковъ и отеческихъ дѣтей въ меньшія статьи не сно-

сили, и выше тѣхъ городовъ указныхъ новичныхъ статей, и больше отцевъ ихъ и большихъ братьи по мѣстныхъ и денежныхъ окладовъ новиковъ не верстали“ и „поминковъ ни у кого ничего не имали“, и вообще „государеву службу во всемъ полнили“. Отъ „сказки“ окладчиковъ зависѣла вся служебная карьера служилаго человѣка: родъ его службы (полковая, ближняя, осадная), отставка, размѣръ службы („сколь коненъ, люденъ и оруженъ“), помѣстный и денежный окладъ, денежная дача. При денежныхъ раздачахъ служилые люди уѣзда связывались между собой *порукой*. За каждаго „въ службѣ и въ деньгахъ“, т. е. въ томъ, что онъ будетъ нести исправно службу и, взявъ денежное жалованіе, „не сворuетъ и не збѣжитъ“, ручались его сослуживцы, въ томъ числѣ и окладчики. Порука принимала сложный видъ: за каждаго ручались двое или трое, за тѣхъ въ свою очередь ручались другіе, бывали случаи, что одно и тоже лицо ручалось по 12, 13, 14 и болѣе лицъ, этимъ „порука складывалась въ цѣпь поручителей, охватывавшую весь служилый уѣздъ“.

Десятни. Свои „сказки“ окладчики подавали нарочно посланнымъ съ Москвы для разбора, верстанія, денежной раздачи, воеводамъ и дьякамъ. Сообразно этимъ сказкамъ, по каждому уѣзду составлялись списки служилыхъ людей, съ раздѣленіемъ ихъ на чины и статьи, съ обозначеніемъ ихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, а также и службы. Такіе списки, составленные при разборѣ, верстаніи и раздачѣ денежнаго жалованія, назывались *десятнями*. Само названіе „десятенъ“, по предположенію г. Востокова, произошло отъ древняго дѣленія служилыхъ людей каждаго города на сотни и десятки. Время возникновенія десятенъ относятъ къ Ивану Грозному. Десятни имѣли большое значеніе въ быту служилаго сословія: они служили доказательствомъ права лица, въ нихъ записаннаго, получить себѣ въ помѣстье такое количество земли,

какое ему назначено при верстаніи, а также доказательствомъ того, въ какомъ чинѣ состоитъ лицо, и что оно принадлежитъ къ служилому, а не другому сословію.

III.

Упадокъ боярства.

Изученіе состава служилаго сословія Московскаго государства привело насъ къ выводу о преобладающемъ значеніи въ этомъ служиломъ сословіи московскаго боярства, которое носило характеръ правящаго класса или сословной аристократіи. Такое положеніе боярства, поддерживаемое и укрѣпляемое мѣстничествомъ, съ экономической точки зрѣнія объяснялось крупнымъ боярскимъ землевладѣніемъ. Но уже въ XVI в., приблизительно со времени опричнины Грознаго, крупное боярское землевладѣніе начало падать, вмѣстѣ съ тѣмъ шелъ другой процессъ—вымиранія „стародавнихъ честныхъ родовъ“. Уже въ половинѣ XVII в. Котошихинъ могъ замѣтить, „что прежніе большіе роды князей и бояръ, многіе безъ остатку миновались“, а тѣ, которые остались, экономически захудали. „У царя Алексѣя Михайловича, говоритъ проф. Ключевскій, не оставалось старыхъ бояръ родовитѣй князей Одоевскихъ: а онъ и Одоевскимъ писалъ, пославъ, что было нужно на выносъ и погребеніе одного изъ нихъ: „впрямь узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на землѣ опричь меня, никого у васъ нѣтъ“. Такъ къ концу XVII в., боярство, по мѣткому выраженію Ѳедора Шакловитаго, превратилось въ „зяблое упавшее дерево“.

Отмѣна мѣстничества.

Вмѣстѣ съ этимъ упадкомъ старой боярской знати постепенно падало и значеніе мѣстничества. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, охвативъ болѣе широкій кругъ служебныхъ назначеній и распространяясь на болѣе широкій кругъ лицъ, захватывая даже служащихъ въ чинахъ сравнительно низкихъ, мѣстничество тѣмъ самымъ теряетъ свое былое назначеніе, какъ

мѣры, поддерживавшей сложившійся іерархическій распорядокъ одного боярства. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство начинаетъ примѣнять и болѣе строгія кары по отношенію къ мѣстничавшимся. Въ царствованіе того же Алексѣя Михайловича князья Хованскій и Лобановъ, напр., за мѣстничество во время войны были приговорены къ смертной казнѣ, замѣненной ссылкой въ деревню. Увеличивая кары за мѣстничества, правительство все чаще прибѣгало къ другому средству въ борьбѣ съ нимъ, именно, къ объявленію службы *безъ мѣстъ* на тотъ или иной походъ. Все это, безусловно, подготовляло отмѣну мѣстничества, которая и произошла въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича въ 1682 г. Такъ вмѣстѣ съ упадкомъ боярской знати пало и мѣстничество. Боярство тѣмъ самымъ потеряло свое политическое значеніе, какъ правящаго круга.

Бюрократія.

На смѣну боярства въ XVII в. выдвигается новый рядъ дѣльцовъ, часто обиженныхъ отеческой службой, но тѣмъ настойчивѣй проводящихъ чуждую боярству точку зрѣнія, что „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованіемъ“. Большинство этихъ новыхъ дѣльцовъ принадлежало къ московскому или даже къ провинціальному дворянству (напр., А. Л. Ординъ-Нащокинъ былъ сыномъ уѣзднаго псковскаго дворянина, еще менѣе знатными дворянами были И. М. Языковъ, А. Т. Лихачевъ), но были среди нихъ и лица еще болѣе низкаго происхожденія (напр.. Матвѣевъ, сынъ дьяка). Эти новые дѣльцы, въ противоположность боярскому правленію, не образовывали сплоченнаго правящаго класса. Взысканные царской милостью, обязанные своимъ положеніемъ ей и своей службѣ, они образовали въ Московскомъ государствѣ не правящій классъ, а всемогущую бюрократію.

Притязанія дворянства.

Однако, недостатки, присущіе бюрократическому строю, рядъ злоупотребленій и обнаруживавшееся порой засиліе худородныхъ и продажныхъ дѣльцовъ-

дьяковъ, а также иноземцевъ, заставляло въ томъ же XVII в. искать панацею отъ этихъ бѣдъ. Съ точки зрѣнія перваго въ государствѣ чина, т. е. служилаго, выходъ заключался въ замѣнѣ бюрократическаго управленія управленіемъ дворянскимъ. Эта мысль на разные лады не разъ высказывалась въ теченіе XVII в. Одно изъ наиболѣе раннихъ ея проявленій относится къ сороковымъ годамъ вѣка, когда изъ среды дворянства вышелъ оригинальный проэктъ управленія государствомъ при помощи нарочно выбранныхъ для того по городамъ „нарочитыхъ людей изъ служивыхъ“ (съ добавленіемъ, правда, немногихъ выборныхъ отъ черныхъ волостей). Выборные составляли постоянный государственный совѣтъ при государѣ, съ совѣщательнымъ и контролирующимъ дѣйствія администраціи назначеніемъ. Такъ уже въ XVII в. на смѣну стараго правящаго класса—боярства—шелъ новый, дворянство, окончательно ставшій таковымъ правящимъ сословіемъ при преемницахъ и преемникахъ Великаго Петра.

Е. Сташевскій.

Сельское населеніе Московскаго государства въ XVI—XVII вѣкахъ*).

Сельское населеніе Московскаго государства составлялось изъ крестьянъ и холоповъ. Крестьянъ въ свою очередь слѣдуетъ раздѣлять на два главныхъ разряда: одни сидѣли на такъ называемыхъ „черныхъ“ или госу-

*) Литература: *Бѣляевъ*. Крестьяне на Руси. *Энгельманъ*. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. *Погодинъ*. Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права? (Рус. Бесѣда, 1858 г.). *Костомаровъ*. Тоже (Историч. монографіи, т. I). *Ключевскій*. Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи (Рус. Мысль, 1885 г.). *Его же*. Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (Рус. Мысль, 1886 г.). *Сергѣевичъ*. Рус. юридич. древности, т. I и Древности рус. права, т. III. *Ключевскій*. Курсъ русской исторіи, т.т. II и III. *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права. *Дьяконовъ*. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. *Его же*. Заповѣдныя лѣта и старина (Сборн. статей по исторіи рус. права, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову)т *Лаппо-Данилевскій*. Розысканія по исторіи прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ въ Москов. государствѣ. *Его же*. Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьян. населенія въ Россіи (Крестьянскій строй, т. I. изд. кн. Долгорукова и гр. Толстого). *Н. Н. Дебольскій*. Гражданская дѣеспособность по рус. праву до конца XVII в. *Рожковъ*. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в. *Готье*. Замосковный край въ XVII в. *Богословскій*. Земское самоуправленіе на рус. сѣверѣ въ XVII в. *Павловъ-Сильванскій*. Община и боярщина. (Сочиненія т. III). *Одынецъ*. Къ исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ (Журналъ Мин. Юстиціи, 1908 г., № 1). *Д. И. Самоквасовъ*. Архивный матеріалъ, т. II (М. 1909 г.). *П. Е. Михайловъ*. Къ вопросу о происхожденіи земельнаго старожильства (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., іюнь). *Его же*. Новооткрытые документы и заповѣдныя лѣта (Журн. Мин. Нар. Просв., 1911 г., февраль).

дарственныхъ земляхъ, другіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ: бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, монастырей и духовенства, наконецъ, на земляхъ „дворцовыхъ“. Судьба обоихъ разрядовъ крестьянъ была существенно различна. Положеніе крестьянъ на черныхъ земляхъ опредѣлялась ихъ главною обязанностью— нести государево тягло, почему они впослѣдствіи и называются государственными крестьянами. На земляхъ частныхъ владѣльцевъ крестьяне, не переставая быть государственными тяглецами, постепенно теряютъ личную свободу, сближаются съ холопами, и въ XVIII в. сливаются вмѣстѣ съ послѣдними въ общую массу крѣпостныхъ людей.

I.

Крестьяне на черныхъ земляхъ.

Не сохранилось сколько-нибудь полныхъ и точныхъ свѣдѣній о распредѣленіи и количествѣ черныхъ земель въ Московскомъ государствѣ въ періодъ его образованія. Но хорошо извѣстно, что черныя земли постепенно сокращались въ центральныхъ областяхъ и сохранились преимущественно на сѣверѣ. Развитіе и усложненіе матеріальныхъ потребностей государя и его двора, вело къ обращенію черныхъ земель въ дворцовыя; съ образованіемъ многочисленнаго служилаго класса, испомѣщеннаго, главнымъ образомъ, въ центрѣ государства, на южныхъ и западныхъ окраинахъ, черныя земли обращались здѣсь въ помѣстный фондъ; наконецъ, значительныя пространства черныхъ земель переходили путемъ частныхъ сдѣлокъ или государевыхъ пожалованій въ руки бояръ и монастырей. Подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ причинъ черныя земли къ XVII вѣку почти вовсе исчезли въ центральныхъ областяхъ государства, въ такъ называемомъ „замосковномъ“ краѣ. Въ то же время онѣ рѣшительно преобладаютъ на сѣверѣ, въ „поморскомъ“ краѣ. Сѣверъ государства въ XVI—XVII вѣкахъ оставался по преимуществу міромъ крестьянскаго чернаго землевладѣнія,

крестьянскаго мірского самоуправленія. Познакомимся съ формами этого быта.

Ячейкой, изъ которыхъ складывались крестьянскіе „міры", была деревня. „Первоначальная деревня есть не что иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей къ нему землей. Каждый самостоятельный землевладѣлецъ устраивался своимъ хозяйствомъ на своемъ дворѣ съ прилегающими къ нему полемъ и угодьями. Это и была его деревня" (проф. Сергѣевичъ). Путемъ дѣлежа между наслѣдниками изъ первоначальной единицы и деревни-двора, образовывалась деревня въ 2, 3 и болѣе дворовъ. Такія именно мелкія деревни преобладали въ сѣверныхъ краяхъ въ XVI—XVII вѣкахъ. Въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства деревни состояли изъ большаго числа дворовъ. Но и здѣсь наряду съ деревнями, содержавшими около 10 и болѣе дворовъ, попадались и малодворные поселки въ 1, 2 и 3 двора.

Группы деревень и другихъ селеній соединялись въ волости. Черная крестьянская волость не была искусственно созданной въ государственныхъ цѣляхъ областной единицей. Волость возникала естественно путемъ распаденія одного поселенія на нѣсколько смежныхъ или путемъ колонизаціи, когда пришлое населеніе оказывалось въ близкомъ сосѣдствѣ съ давнишними поселеніями той или иной мѣстности. Въ единствѣ происхожденія или въ близкихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ и коренилась связь, соединявшая отдѣльные поселки въ волость. Разобщенная отъ другихъ волостей лѣсами и болотами, такая волость была особымъ, слабо связаннымъ съ другими, замкнутымъ міркомъ, въ которомъ, благодаря въ значительной мѣрѣ его географическому положенію, развивалась центробѣжная сила, побуждавшая его обособляться въ самостоятельное цѣлое, выдѣляться въ особую земскую единицу (проф. Богословскій). Въ какихъ отношеніяхъ стояла

волостная община къ занимаемой ею землѣ и къ отдѣльнымъ своимъ членамъ дворохозяевамъ?

Сохранилось много документовъ, свидѣтельствующихъ, что отдѣльные крестьяне распоряжались своими участками, подобно собственникамъ: они завѣщаютъ эти участки, цѣликомъ или по частямъ, своимъ наслѣдникамъ, даютъ въ приданое, дарятъ, мѣняютъ, закладываютъ, продаютъ, даже прямо называютъ свои участки вотчинами. Но изъ тѣхъ же документовъ видно, что крестьянамъ присуще было сознаніе, что высшее право собственности принадлежитъ государю. Распоряжаясь своими участками или вступая по отношенію къ нимъ въ разныя сдѣлки, крестьяне часто выражаются такъ: „земля царева и великаго князя, а моего владѣнія“, „земля Божья да государя и великаго князя, а роспаши и ржи наши“, „земля великаго князя, а отцовское и мое посилье“, „государева царева вотчина, а мое владѣнье“.

Права отдѣльныхъ крестьянъ на владѣемые ими участки совмѣщались съ весьма существенными правами цѣлой волости на совокупность всѣхъ принадлежащихъ ея членамъ земель. Отвѣчая за исправное отбываніе членами общины государственныхъ повинностей, волость слѣдитъ, чтобы отдѣльные тяглые участки не лежали впустѣ, призываетъ на нихъ новыхъ крестьянъ на условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, на какихъ называли крестьянъ частные землевладѣльцы. Предоставляя этимъ поселенцамъ право распоряжаться отведенными участками, волость наблюдаетъ, чтобы это право распоряженія не нарушало тяглыхъ интересовъ общины; поселенецъ могъ, напримѣръ, продать свой участокъ подъ условіемъ, что покупщикъ приметъ на себя всѣ тяглыя обязанности продавца. Иногда волость отдаетъ пустую землю въ наемъ или въ аренду, обязывая платить за нее оброкъ въ мірскую казну. Распоряжается волость также общими угодьями: сѣнными покосами, лѣсами, рыбными ловлями. Наконецъ, во-

лость, какъ самостоятельная самоуправляющаяся община, выступала въ судѣ, какъ юридическое лицо, въ земельныхъ тяжбахъ. Таковы широкія права владѣнія и распоряженія черною землею, принадлежавшія цѣлой волости и отдѣльнымъ ея членамъ. Но черныя земли оставались во владѣніи крестьянъ „до тѣхъ только поръ, пока это нравилось государю. Если онъ находилъ нужнымъ дать имъ другое назначеніе, раздать ихъ въ помѣстья или монастырямъ, онъ не стѣснялся крестьянскимъ владѣніемъ и передавалъ земли, кому хотѣлъ. Съ такой передачей отношенія волостныхъ крестьянъ къ государевой землѣ совершенно мѣнялись. Изъ владѣльцевъ на себя они обращались въ работниковъ новаго владѣльца“ (проф. Сергѣевичъ).

Сельское хозяйство на участкѣ тяглой земли, въ составѣ волостной общины, было главнымъ занятіемъ чернаго крестьянина, основнымъ источникомъ его благосостоянія. Но, будучи первоначально лично свободнымъ человѣкомъ, владѣя правомъ распоряжаться своимъ недвижимымъ и движимымъ имуществомъ, черный крестьянинъ могъ прилагать свои силы и къ другимъ занятіямъ. Чаще всего это была промысловая эксплуатація угодій, входившихъ въ составъ владѣній волостной общины. Нерѣдко занимались черные крестьяне и торговлей. Какъ посадскій человѣкъ могъ пріобрѣтать землю въ уѣздѣ и заниматься земледѣліемъ, такъ и черный крестьянинъ могъ владѣть на посадѣ дворомъ и промышлять торговлей въ городѣ. Городскими дворами и лавками крестьяне распоряжались такъ же, какъ участками волостной земли. Есть свѣдѣнія о крестьянахъ, заводившихъ и большую торговлю и становившихся довольно крупными капиталистами. Такъ, въ одномъ документѣ 1646 г. читаемъ: „да въ Устюжскомъ же уѣздѣ крестьяне, живучи въ деревняхъ, торгуютъ, отъѣзжая въ Сибирь и къ городу Архангельскому, тысячи по двѣ и по три и по пяти и по шести и больше, а тягло платятъ съ деревень сво-

ихъ съ одное съ пашенные земли съ тѣми крестьяны равно, которые не торгуютъ ничѣмъ". Уложеніе 1649 г сильно стѣснило торговую дѣятельность крестьянъ въ городахъ; въ гл. XIX-ой (ст. 9) было постановлено: если въ селахъ и деревняхъ „которые крестьяне объявятся торговые, а у нихъ въ тѣхъ городѣхъ будутъ лавки и всякіе промыслы, а они напередъ сего въ посадскихъ людѣхъ не бывали и тягла не платили: и тѣхъ крестьянъ указалъ государь дати на крѣпкія поруки, что имъ впредь въ лавкахъ и въ погребахъ не сидѣти и не торговати и варницъ и кабаковъ не откупати, а тѣ лавки и погребы и варницы продати тяглымъ людямъ". Отнынѣ крестьянамъ разрѣшалось, пріѣзжая къ Москвѣ и въ другіе города изъ уѣздовъ со всякими товарами, „тѣ товары продавати поволнымъ торгомъ, безпенно, на гостинѣ дворѣ, съ возовъ и струговъ, а въ рядѣхъ новыхъ лавокъ не покупати и не наймовати" (ст. 17).

Право распоряженія, при извѣстныхъ условіяхъ своимъ недвижимымъ и движимымъ имуществомъ' возможность почерпать свое благосостояніе изъ различ-' ныхъ источниковъ: изъ земледѣлія, эксплоатаціи промысловыхъ угодій, торговли, вносили значительное неравенство въ имущественное положеніе черныхъ крестьянъ. Сохранившіяся описи имуществъ крестьянъ поморскихъ уѣздовъ свидѣтельствуютъ о высокой иногда степени зажиточности этихъ крестьянъ. Ихъ дворы—полная чаша; въ составѣ ихъ домашняго имущества встрѣчаются иногда предметы роскоши: платья дорогого сукна, жемчужныя украшенія, серебряныя издѣлія.

Чернымъ „крестьяниномъ", въ полномъ смыслѣ слова, на поморскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ и назывался такой болѣе или менѣе зажиточный сельскій обыватель, который велъ самостоятельное, нормальное хозяйство, сидѣлъ на податномъ участкѣ („выти") и былъ полноправнымъ членомъ волостного міра. По

изслѣдованію проф. Богословскаго, „крестьяне“ въ XVII вѣкѣ составляли подавляющую массу сельскаго населенія на поморскомъ сѣверѣ.

Половники.

Но наряду съ зажиточными крестьянами много, конечно, было и бѣдныхъ, обездоленныхъ, прямо нищихъ, питавшихся мірскимъ подаяніемъ. Эта сельская бѣднота, не имѣвшая силы устроиться на положеніи „крестьянъ“, самостоятельныхъ членовъ волостныхъ общинъ, дѣлилась на нѣсколько разрядовъ, весьма различныхъ по имущественнымъ и юридическимъ признакамъ. Назовемъ прежде всего *половниковъ*. Это были люди, не имѣвшіе собственной земли и снимавшіе въ аренду участки у частныхъ владѣльцевъ, а иногда и у черныхъ крестьянъ на ихъ волостныхъ земляхъ. Очень ясно рисуется положеніе половниковъ въ одномъ челобитьѣ государю 1646 г.: „а въ нашихъ, государь, мѣстахъ (на Устюгѣ) живутъ у насъ въ деревнишкахъ нашихъ крестьяне твои государевы вольностью на урочныя лѣта, кто насколько лѣтъ уговорится жить, иные на два и на три года, какъ кому въ которыхъ мѣстахъ поживется. А какъ, государь, имъ урочные годы отойдутъ, и они, государь, переходятъ въ иныя деревни къ инымъ хозяевамъ. А кому, государь, не поживется, и они до урочныхъ лѣтъ отходятъ. А сильно, государь, у насъ никого не держатъ. А живутъ, что́ наймиты, а хлѣбъ пашутъ на своихъ коняхъ исполу, намъ половина, а имъ другая“. Въ половники шли люди вообще бѣдные, „недостаточные“, никогда не имѣвшіе собственной земли, крестьяне, просто бросавшіе свои тяглые участки, или крестьяне, „переуступавшіе свои участки въ другія руки, но продолжающіе сохранять связь съ землей, хотя уже не въ качествѣ собственниковъ, а только въ качествѣ половниковъ или крестьянъ-порядчиковъ“ (проф. Дьяконовъ). Мотивомъ такого поступка была обыкновенно тяжесть государственныхъ повинностей: „а не измоглъ—говорилъ такой крестьянинъ—съ того владѣнья ни дани

давати вел. князя, ни всякихъ разрубовъ волостныхъ платити, ни службы служити вел. князя, ни хлѣба въ житницы сыпати". Половники не были, однако, свободны отъ тягла. Если не вполнѣ ясны и опредѣленны извѣстія о тяглыхъ обязанностяхъ половниковъ въ XVI-мъ и первой половинѣ XVII вѣка, то не вызываетъ уже сомнѣній фактъ привлеченія половниковъ къ тяглу съ середины XVII вѣка. Но въ положеніи половниковъ, какъ государственныхъ тяглецовъ, были нѣкоторыя особенности: главное изъ нихъ заключалась въ томъ, что отвѣчали за исправное отбываніе повинностей не сами половники, а собственники земель, на которыхъ тѣ сидѣли.

Половничество было распространено, главнымъ образомъ, на сѣверѣ, въ поморскихъ уѣздахъ. По переписямъ XVII вѣка, они составляли здѣсь 1, 2, 3%, кое-гдѣ 17, 22, 30% среди сельскаго населенія. Въ центрѣ государства сѣвернымъ половникамъ соотвѣтствовали крестьяне-новопорядчики на частновладѣльческихъ земляхъ. Въ положеніи тѣхъ и другихъ были сходныя черты. Подобно крестьянину порядчику половникъ запутывался иногда въ долговыхъ отношеніяхъ къ владѣльцу земли и терялъ возможность свободно уходить отъ него. Какъ замѣтилъ проф. Дьяконовъ, къ концу XVII в. „почва для крѣпостнаго права на половниковъ была уже вполнѣ подготовлена".

Бобыли.

Вторымъ разрядомъ бѣднаго сельскаго населенія были *бобыли*. Въ обыденномъ смыслѣ бобыль—это одинокій, бѣдный, опустившійся въ хозяйственномъ отношеніи крестьянинъ „невзгодникъ", какъ характерно называютъ его иногда памятники. У бобылей нѣтъ своей пашенной земли, но они часто живутъ въ своихъ дворахъ и кормятся разной работой; въ документахъ упоминаются бобыли рыболовы, калачники, швецы, плотники, орѣшники, бортники, смольники, толокняники, скоморохи. Были бобыли, не имѣвшіе и своихъ дворовъ, „безмѣстные", „походячіе", кормившіеся ра-

ботою по чужимъ дворамъ. Но житейская невзгода, заставлявшая крестьянина „отбыть пашни“, превратиться въ бобыля, и опускавшая его до крайней ступени бѣдности, могла смѣниться удачей; непашенный бобыль могъ снова сѣсть на пашню и даже подняться до состоянія крестьянина.

Какъ непашенные въ большинствѣ люди, бобыли естественно не могли быть настоящими тяглецами въ то время, когда тягло падало именно на землю. Но бобыли не были совершенно свободны отъ тягла; они платили особый оброкъ со своихъ скудныхъ промысловъ и ремеслъ, а также несли нѣкоторыя повинности (бобыльщину) въ пользу землевладѣльцевъ, на земляхъ которыхъ жили. По бѣдности бобыльской эти оброки не могли быть велики; одна грамота 1656 г. упоминаетъ бобылей, живущихъ „въ станѣхъ и на погостѣхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и по отъѣзжимъ мельницамъ на малыхъ годовыхъ оброчкахъ“. Когда въ XVII в. совершился переходъ отъ подушнаго обложенія къ подворному, то бобыли вошли въ общую податную организацію. По указамъ 1630—1631 г.г. о новой окладной единицѣ „живущей четверти“, представлявшей нѣкоторую сумму крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, полагалось „за одинъ дворъ крестьянскій два двора бобыльскихъ“; такимъ образомъ въ податномъ отношеніи дворъ бобыльскій приравнивался половинѣ крестьянскаго.

Соотношеніе численности крестьянскаго и бобыльскаго населенія, было весьма различно по мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ. На вотчинахъ Троице-Сергіева монастыря въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства въ концѣ XVI в. число бобыльскихъ дворовъ въ составѣ населенія колебалось 2,6% до 16,6%; на вотчинахъ и помѣстьяхъ служилыхъ людей южныхъ уѣздовъ отъ 6,3% до 41,8% (проф. Дьяконовъ). Эпоха смуты сопровождалась сильнымъ разореніемъ населенія, и это разореніе выразилось, между

прочимъ, въ увеличеніи бобыльскаго населенія на счетъ крестьянскаго. По умиротвореніи государства въ теченіе XVII вѣка замѣчается пониженіе процентнаго отношенія бобыльскаго населенія къ крестьянскому, конечно, не вездѣ одинаково значительное. По мѣстамъ, какъ, напримѣръ, въ поморскихъ уѣздахъ въ серединѣ XVII вѣка, число бобылей возрастало.

Такъ половники и бобыли представляли собою два значительныхъ разряда сельскаго населенія, не владѣвшаго собственными землями, но входившаго въ составъ тяглыхъ волостныхъ общинъ и несшаго государственныя повинности на особыхъ основаніяхъ. Но принужденные добывать пропитаніе земледѣльческой работой или какимъ-нибудь промысломъ на чужой землѣ, попадая вслѣдствіе того иногда въ тѣсную зависимость отъ хозяина земли, половники и бобыли, однако, юридически не были ограничены въ своихъ личныхъ правахъ. Мѣнять мѣсто жительства, переходить съ одной земли на другую, они могли даже свободнѣе, чѣмъ настоящіе тяглые крестьяне, которые могли покидать свои участки лишь подъ условіемъ посадить вмѣсто себя другого тяглеца, и которымъ иногда прямо воспрещалось переходить съ черныхъ земель на частновладѣльческія. Обѣднѣвшій, „отбывшій пашни и тягла“ крестьянинъ, кромѣ половничества и бобыльства, могъ находить средства къ существованію также и въ другихъ различныхъ видахъ личной зависимости и дворовой службы. Въ усадьбахъ частныхъ землевладѣльцевъ и черныхъ волостныхъ крестьянъ документы часто отмѣчаютъ подсусѣдниковъ, захребетниковъ, прикошниковъ, задворныхъ людей, надворниковъ, казаковъ (батраковъ), наймитовъ. Всѣ эти группы сельскаго пролетаріата не были замкнутыми, неподвижными юридически состояніями. Какъ зажиточный крестьянинъ, полноправный членъ волостной общины, могъ опуститься до бобыля, захребетника, наймита, такъ захребетникъ-бобыль, напримѣръ, могъ, при счастливыхъ об-

стоятельствахъ, сѣсть на пашню, снова стать крестьяниномъ.

II.

Отношеніе законодательства къ черному крестьянству.

Мы обрисовали состоянія, какія создавались для чернаго тяглаго крестьянина бытовыми, экономическими условіями Московской Руси XVI—XVII вѣковъ. Припомнимъ еще разъ, что основнымъ типомъ сельскаго обывателя являлся крестьянинъ—самостоятельный хозяинъ, членъ волости-общины, владѣвшій широкимъ правомъ распоряженія своимъ участкомъ. Личная предпріимчивость могла поднять такого крестьянина до болѣе или менѣе высокой степени зажиточности, также сдѣлать изъ него промышленника или торговца. Съ другой стороны стихійныя бѣдствія и разныя житейскія невзгоды могли заставить его волей - неволей „отбыть пашни и тягла“ и опустить его въ одну изъ группъ сельскаго пролетаріата, жертвовать личною свободою, искать пропитанія земледѣльческой и иной работой и промысломъ на чужой землѣ, по чужимъ дворамъ.

Посмотримъ теперь, какія черты наложило на крестьянина и общинный крестьянскій бытъ московское законодательство, какъ организовало оно сельское населеніе, сидѣвшее на черныхъ земляхъ, въ государственныхъ интересахъ.

Ограниченіе личныхъ правъ крестьянина.

Судебникъ 1550 г. оградилъ личную честь крестьянина штрафомъ за безчестіе: „а крестьянину пашенному и непашенному безчестія рубль, а женѣ его безчестія два рубля“. Это былъ низшій изъ установленныхъ Судебникомъ штрафовъ за безчестіе; въ данномъ отношеніи крестьянинъ приравнивался лишь „боярскому человѣку молодчему или черному городскому человѣку молодчему“. По проекту Судебника, составленному при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, штрафъ за безчестье „доброго крестьянина“ повышался до 3 рублей и за безчестье жены—вдвое. Уложеніе 1649 г. сохранило

за безчестье всѣхъ вообще крестьянъ штрафъ въ 1 рубль. Государство заботилось также о судебной защитѣ личныхъ и имущественныхъ интересовъ крестьянъ: Судебникъ 1550 г. предписывалъ „по волостемъ волостелямъ судити черныхъ людей, по ихъ жалобницамъ, и управа имъ чинити безволокитно“. На судѣ, какъ истецъ и отвѣтчикъ, крестьянинъ пользовался всѣми правами свободнаго человѣка. Царскій Судебникъ позаботился также о защитѣ правъ безземельнаго крестьянина, снискивавшаго пропитаніе наемной работой: „а который государь наймиту не захочетъ дати найму, и уличитъ его въ томъ наймитъ, и на томъ доправити наемъ вдвое“.

Ограниченіе имущественныхъ правъ.

Но, заботясь объ охранѣ личныхъ и имущественныхъ правъ чернаго крестьянина, такъ какъ благосостояніе послѣдняго было необходимымъ условіемъ исправнаго отправленія государственныхъ повинностей, государственная власть въ то же время существенно ограничивала тѣ права, широкое пользованіе которыми могло идти во вредъ тѣмъ же интересамъ государства. Таково было право распоряженія участками черной земли и право свободно мѣнять мѣсто жительства.

Во время удѣльнаго дробленія Руси полная свобода крестьянъ распоряжаться своими участками черной земли была опасна въ томъ отношеніи, что могла повести къ переходу этой черной земли въ руки собственниковъ изъ другихъ удѣловъ. Поэтому въ договорахъ удѣльныхъ князей встрѣчалось взаимное обязательство не покупать другъ у друга въ удѣлахъ черныхъ земель. Въ договорѣ 1388 г. Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: „а селъ ти не купити въ удѣлѣ, ни въ вел. княженьи, ни твоимъ дѣтямъ, ни твоимъ боярамъ. А кто будетъ покупать земли данныя, служни или черныхъ людей по отца моего животѣ, по князя великаго по Ивановѣ, а тѣ кто возможетъ выкупить, инѣ выкупятъ; и не возмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людямъ; а кто не

всхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людямъ даромъ. Такоже и мнѣ, и моимъ дѣтямъ, и моимъ бояромъ селъ не купити въ твоемъ удѣлѣ; а хто будеть покупилъ, а то по тому же".

Основная точка зрѣнія московскаго законодательства XV—XVII вѣковъ на право черныхъ крестьянъ распоряжаться ихъ землями заключалась въ томъ, что черная земля не должна выходить изъ тягла, какъ земля служилая—изъ службы. Съ этой точки зрѣнія для государства, въ сущности, безразлично, кто владѣетъ черной землей, лишь бы съ нея шли установленныя повинности. Такого взгляда московское правительство держалось и въ XVII вѣкѣ. Грамотой царя Михаила Ѳеодоровича въ Устюжну Желѣзо польскую въ 1614 г. было постановлено: „а кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярскій или приказной человѣкъ, или митрополичъ, или владычнь, или монастырской, или чей кто ни буди: и тѣ люди волостелю Устюженскому и его тіуну судимы, и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ, оброки и всякіе разметы тянути по вытно, что на нихъ цѣловальники положатъ". Но привилегированные владѣльцы, бояре, служилые люди, монастыри, не охотно подчинялись такому ясному и справедливому порядку и стремились уклониться отъ платежа податей съ пріобрѣтенныхъ ими черныхъ земель. Сами черные люди жаловались, что отъ продажи и заклада черныхъ имуществъ бѣломѣстцамъ „черныя слободы и черныя сотни пустѣютъ". Это обстоятельство побуждало правительство XVII вѣка сдѣлать шагъ дальше и прямо запрещать или ограничивать отчужденіе черныхъ земель въ руки „бѣломѣстцевъ". Указомъ 1626 г. запрещено было чернымъ людямъ продавать свои земли бѣломѣстцамъ безъ именного государева указа. Уложеніе 1649 г. запретило чернымъ людямъ въ посадахъ и слободахъ продавать и закладывать свои тяглые дворы бѣломѣстцамъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ. Въ томъ же году повелѣно было крестьянъ Заонеж-

скихъ погостовъ, продавшихъ свои участки, снова вернуть, и „впредь велѣно о томъ заказъ учинить крѣпкой, чтобъ никто ни у кого участковъ и угодій не покупалъ и въ закладъ не ималъ“. Всѣ подобныя мѣры, конечно, не могли прекратить практику перехода черныхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ, и иногда само правительство узаконяло такой переходъ. Такъ въ 1681 г. разрѣшено было бѣломѣстцамъ, пріобрѣвшимъ городскія тяглыя мѣста до этого года и записавшимъ ихъ за собою въ земскомъ приказѣ, владѣть ими.

Какъ замѣтилъ одинъ изслѣдователь, ограниченія крестьянъ въ правѣ распоряжаться черными землями не могутъ быть признаны ограниченіями крестьянской дѣеспособности; „они имѣли характеръ ограниченія не правъ тѣхъ или иныхъ лицъ, а ограничивали оборотность извѣстнаго разряда земель“ (Н. Н. Дебольскій). Болѣе острое значеніе имѣлъ вопросъ о свободѣ перехода черныхъ крестьянъ съ ихъ тяглыхъ земель на частновладѣльческія.

Вопросъ о прикрѣпленіи черносошныхъ крестьянъ.

Оба Судебника подтверждали, какъ общее правило, свободу крестьянскаго перехода „изъ волости въ волость и изъ села въ село“, съ соблюденіемъ двухъ условій: выхода въ опредѣленный срокъ (Юрьевъ день) и уплаты „пожилого“. Между тѣмъ, съ давнихъ временъ князьями устанавливались частныя изъятія изъ этого общаго правила. Оберегая интересы своей казны, князья еще въ XV в. запрещали частнымъ землевладѣльцамъ перезывать на ихъ земли тяглыхъ черныхъ людей. Въ XVI в. самимъ волостнымъ общинамъ предоставлялось право „изъ-за монастырей старыхъ своихъ тяглецовъ крестьянъ выводить безсрочно и безпошлинно и сажати ихъ по старымъ деревнямъ“. Уложеніе 1649 г. предписало „бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, сыскивая, свозити въ государевы дворцовыя села и черныя волости, на старые ихъ жеребьи, по писцовымъ книгамъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы безъ урочныхъ лѣтъ“. Суще-

ствуютъ, однако, извѣстія, что „и послѣ 1649 г. черносошный крестьянинъ могъ покидать землю, на которой онъ сидѣлъ, но только не впустѣ, а посадивши на нее новаго сѣдока—плательщика податей, и, слѣдовательно, могъ переходить, по крайней мѣрѣ, изъ волости въ волость“ (А. С. Лаппо-Данилевскій).

Вопросъ объ отношеніи московскаго законодательства къ праву свободнаго перехода черныхъ тяглыхъ крестьянъ вызвалъ существенное разногласіе въ ученой литературѣ. Давно уже Б. Н. Чичеринымъ было высказано мнѣніе, что въ XVI в. тяглые люди считались уже крѣпостными точно такъ же, какъ служилые люди считались царскими холопами, обязанными всю жизнь свою нести царскую службу. „И то и другое совершалось безъ особенныхъ законодательныхъ постановленій, но тѣмъ не менѣе это существовало“. Въ недавнее время это мнѣніе поддержалъ и развилъ проф. Дьяконовъ, утверждающій, „что тяглые люди со второй половины XVI в. разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются“. Это правило установлено постепенно правительственной практикой и не нашло себѣ отраженія въ Судебникахъ. Противъ такого мнѣнія рѣшительно высказался проф. Сергѣевичъ; онъ доказываетъ, что грамоты, на которыхъ основывается мнѣніе о потерѣ тяглыми людьми права свободнаго перехода, суть льготныя грамоты, „запрещающія только льготнымъ землевладѣльцамъ принимать къ себѣ на льготныя земли тяглыхъ крестьянъ. Но тяглые крестьяне, конечно, могутъ уходить и садиться не только на тяглыя земли, но и на льготныя, если владѣльцу не запрещено ихъ принимать. Такія льготныя грамоты дошли до насъ и отъ XIV и отъ XV и отъ XVI вѣка“.

Вызвавшій такое рѣзкое разногласіе вопросъ могъ бы, кажется, найти себѣ правильное разрѣшеніе, если не отожествлять непремѣнно прикрѣпленіе черныхъ крестьянъ къ тяглу съ прикрѣпленіемъ ихъ къ тяглымъ

участкамъ. Что черный „крестьянинъ“ какъ самостоятельный хозяинъ и членъ волостной общины, обязанъ былъ нести государственное тягло, какъ дворянинъ или сынъ боярскій наслѣдственно несъ государеву службу,—было общепризнаннымъ фактомъ въ Московскомъ государствѣ, ни съ чьей стороны не подвергавшимся оспариванью и потому не требовавшимъ закрѣпленія какой-либо общей законодательной формулой. Но прикрѣпленіе крестьянина къ тяглу не требовало непремѣнно прикрѣпленія его къ тому тяглому участку, на которомъ онъ сидѣлъ въ составѣ волостной общины. Переходя на землю частнаго землевладѣльца, крестьянинъ не переставалъ быть тяглецомъ, такъ какъ онъ обязанъ былъ, по общему правилу, платить государственныя подати и съ спятаго имъ участка частновладѣльческой земли. Но при этомъ государственный интересъ обезпечивался вполнѣ соблюденіемъ двухъ условій: 1) чтобы съ уходомъ крестьянина изъ состава волостной общины его участокъ былъ не покинутъ впустѣ, но замѣщенъ другимъ исправнымъ тяглецомъ, и 2) чтобы земля частновладѣльческая, на которую садился крестьянинъ, не была льготной, освобожденной отъ податей. Соблюденіе перваго условія встрѣчало на практикѣ, надо думать, большія затрудненія. При тяжести лежавшихъ на черной землѣ повинностей, при установившемся въ теченіе XVI в. фактическомъ прикрѣпленіи частновладѣльческихъ крестьянъ, при развитіи кабальной зависимости, посредствомъ которой всякаго рода вольные люди спасались отъ тягла, трудно было находить желающихъ замѣнять покидавшихъ черныя земли тяглецовъ. Уйти же съ чернаго тяглаго участка, не оставивъ послѣ себя тяглеца и покинувъ его впустѣ, разсматривалось уже какъ бѣгство, преступное дѣйствіе, „воровство“. Уложеніе 1649 г., требуя возвращенія бѣглыхъ дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ на ихъ старые участки, имѣло въ виду именно *бѣглыхъ*, бросившихъ свои участки впустѣ, но

не отрицало общаго права крестьянина уйти съ своего тяглаго участка, замѣнивъ себя другимъ тяглецомъ. По словамъ проф. Дьяконова, „само правительство по временамъ допускаетъ дѣйствіе этого правила въ эпоху полнаго господства крѣпостныхъ порядковъ—во вторую половину XVII в., и естественнымъ слѣдствіемъ такой правительственной практики было убѣжденіе тяглыхъ людей, что они могутъ выйти изъ тягла *) и стать вольными людьми, если сдадутъ свои тяглые участки какимъ-нибудь охочимъ людямъ".

Итакъ, главной цѣлью Московскаго законодательства XVI—XVII вѣковъ по отношенію къ основному слою сельскаго населенія—черному крестьянству—было прикрѣпленіе послѣдняго къ тяглу; а отсюда уже вытекали ограниченія тѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянина, которыя открывали ему возможность фактически уклоняться отъ тягла.

Мірская организація чернаго крестьянства и ея отношеніе къ земскимъ реформамъ XVI вѣка.

Исправное отбываніе государственныхъ повинностей зависѣло не только отъ личнаго и имущественнаго положенія каждаго крестьянина въ отдѣльности, но также отъ организаціи тѣхъ мелкихъ и крупныхъ общественныхъ союзовъ, крестьянскихъ „міровъ", въ которые соединялись отдѣльные крестьянскіе дворы, цѣлыя селенія и группы селеній. Эти крестьянскіе міры складывались естественнымъ, бытовымъ путемъ, и задачею государственной власти было приспособить эти бытовыя общественныя организаціи къ государственнымъ интересамъ, административнымъ и финансовымъ.

Наиболѣе полно и самостоятельно мірская организація крестьянскаго населенія развилась на сѣверѣ, въ поморскихъ уѣздахъ, гдѣ, мы знаемъ, сохранялась главная масса черныхъ земель, а сидѣвшее на этихъ земляхъ тяглое крестьянство не было заслонено отъ государственной власти властью частныхъ землевла-

*) Правильнѣе сказать: сойти со своихъ тяглыхъ участковъ.

дѣльцевъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ. Для характеристики крестьянскаго общественнаго строя въ поморскомъ краѣ воспользуемся капитальнымъ трудомъ проф. Богословскаго „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ. (М. 1909)". Вотъ какъ изображаетъ названный ученый общій характеръ земскаго общественнаго строя въ Поморьѣ: „деревни на сѣверѣ были первичнымъ союзомъ въ той сложной сѣти союзовъ, въ которую сплотилась общественная жизнь Поморья. Значительное количество деревенскихъ союзовъ совпало съ семейными; другіе представляли собою складническія группы, совладѣвшія угодьями. Въ томъ и другомъ случаѣ это были общенія частно-правового характера, имѣвшія цѣлью частные, главнымъ образомъ, хозяйственные интересы лицъ, въ нихъ входившихъ. Надъ ними стояли другіе болѣе широкіе союзы, являвшіеся болѣе высокою формою развитія, преслѣдовавшіе болѣе возвышенныя цѣли, связанные интересами не только хозяйственными въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. извлеченіемъ прибылей изъ совмѣстной дѣятельности, но также интересами болѣе широко понимаемаго общаго блага, подъ которымъ подразумѣвались общественная безопасность, правосудіе, вообще матеріальное и нравственное благосостояніе въ доступномъ для того времени объемѣ. Соотвѣтственно широтѣ задачъ, преслѣдуемыхъ этими союзами, имъ присущъ былъ публично-правовой характеръ. На народномъ языкѣ такой союзъ носитъ названіе *міра*. Для осуществленія своихъ цѣлей и потребностей онъ обладаетъ системой органовъ самоуправленія, одни изъ которыхъ служатъ выразителями воли міра, а другіе—исполнителями этой воли. Итакъ, *міръ* на сѣверѣ—это самоуправляющійся публично-правовой общественный союзъ, связанный интересами общаго блага".

Какое же мѣсто занимали въ этой системѣ земскаго самоуправленія собственно крестьянскія черныя общины?

Малый крестьянскій поселокъ, деревня въ 1—2—3 двора, не составлялъ „міра“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. „Въ деревнѣ міра не наберешь“—говорили сами крестьяне. Подъ понятіе міра подходили только тѣ отдѣльныя селенія, которыя состояли изъ болѣе значительнаго числа дворовъ. Мірская организація обычно завязывалась изъ соединенія большаго или меньшаго количества отдѣльныхъ поселеній; такими мелкими мірами были группы деревень, соединявшихся въ приходы и волостки. Преобладающимъ же типомъ мірского устройства была, какъ мы уже знаемъ, волость, состоявшая иногда не изъ однихъ отдѣльныхъ селеній, но изъ нѣсколькихъ группъ, изъ приходовъ или мелкихъ волостокъ.

Центральнымъ органомъ черной волости былъ „мірской сходъ“ или „совѣтъ“. Составлялся онъ изъ самостоятельныхъ дворохозяевъ, сидѣвшихъ на вольныхъ тяглыхъ участкахъ. Невозможность для всѣхъ дворохозяевъ изъ всѣхъ деревень являться на сходъ въ полномъ составѣ заставляла прибѣгать къ представительству. Въ многолюдныхъ волостяхъ собиралась на сходы часть дворохозяевъ, которые по уполномочію своихъ односельчанъ и постановляли приговоры „во всѣхъ крестьянъ мѣсто“. Вѣдалъ мірской сходъ или совѣтъ всѣми дѣлами волости: онъ призывалъ новыхъ поселенцевъ на освободившіеся тяглые участки, устанавливалъ порядокъ эксплуатаціи угодій, находившихся въ общемъ владѣніи волости, устраивалъ церкви и завѣдывалъ благотворительностью, регулировалъ всѣ хозяйственныя и правовыя отношенія между членами волости, защищалъ судебнымъ порядкомъ свои мірскіе интересы, распредѣлялъ тягло между отдѣльными членами волости и отвѣчалъ передъ правительствомъ за исправное поступленіе государственныхъ податей, наконецъ, по особымъ законодательнымъ актамъ, „уставнымъ грамотамъ“, принималъ на себя

обязанность собственными силами организовать судъ и администрацію въ предѣлахъ своей территоріи.

Властно руководя всѣми интересами и отношеніями волостного населенія, мірской совѣтъ обладалъ, въ глазахъ послѣдняго, высокимъ нравственнымъ авторитетомъ. „Нѣкогда такой союзъ занималъ мѣсто государства, и въ немъ сосредоточивались, какъ въ фокусѣ, всѣ общественные инстинкты и стремленія. Но и съ организаціей государства міръ въ народныхъ взглядахъ продолжаетъ сохранять значеніе нѣкотораго самодовлѣющаго цѣлаго и пользуется какъ бы верховнымъ авторитетомъ. Самое государство является съ этой точки зрѣнія связью, объединяющей многочисленные міры въ систему, міромъ въ болѣе широкомъ объемѣ, различающимся отъ своихъ образующихъ элементовъ скорѣе количественно, чѣмъ качественно. „Міръ“ какъ бы часть федеративнаго цѣлаго, въ миніатюрѣ обладающая тѣми же свойствами, какъ и цѣлое. Тѣ почтительныя выраженія, въ которыхъ говорятъ о мірѣ его члены, показываютъ, что они относятся къ міру, какъ къ цѣлому, дѣйствительно обладающему въ ихъ глазахъ верховнымъ авторитетомъ; обращаясь къ міру, бьютъ ему челомъ, а о постановленіяхъ его говорятъ, какъ о велѣніяхъ: „добилъ челомъ міру“, „велѣли всѣмъ міромъ“—съ такими выраженіями мы постоянно встрѣчаемся въ сѣверныхъ актахъ, сохранившихъ народные обороты. На обязанности членовъ міра лежало быть въ міру смиренными, жить съ міромъ „совѣтно“ и не совершать никакихъ дѣйствій, затрагивающихъ общіе интересы, „безъ мірскаго вѣдома“. „Несовѣтъ“ съ міромъ вызываетъ порицаніе“ (проф. Богославскій).

Исполнительными органами волостного міра были выборныя власти: старосты—высшіе представители волости; сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе—исполнявшіе полицейскія обязанности; судейки, иногда именуемые земскими судейками—органы правосудія; цѣловальники

для присутствованія на судѣ правительственныхъ чиновниковъ и для финансовыхъ дѣлъ; земскіе дьячки, посыльщики, наконецъ, выбираемые для разныхъ экстренныхъ порученій „лучшіе люди“, „совѣстные“, „душою прямые“.

Тѣсная связь и постоянное общеніе волостныхъ крестьянскихъ міровъ съ городскими, посадскими общинами вызывали къ жизни болѣе обширные союзы, представлявшіе собою интересы цѣлаго уѣзда. „Внѣшнимъ выразителемъ единства уѣзднаго міра былъ тотъ органъ, въ которомъ этотъ міръ проявлялъ свою волю,—„всеуѣздный земскій совѣтъ“ или „всеземскій совѣтъ“, какъ онъ называется иногда въ памятникахъ. Совѣтъ этотъ устраивался на началахъ представительства. Подобно тому какъ въ волостномъ сходѣ можно видѣть представителей отъ деревень, составлявшихъ волость, точно также на всеуѣздный съѣздъ собирались представители волостей, составлявшихъ уѣздъ. Если поголовный сходъ не всегда возможенъ былъ въ волости, то онъ совершенно, разумѣется, невозможенъ былъ въ такой огромной по пространству областной единицѣ, какъ сѣверный уѣздъ, и тамъ, гдѣ акты говорятъ о собраніи всѣхъ волостей крестьянъ на всеуѣздный съѣздъ, надо именно подразумѣвать только представителей волостей“ (проф. Богословскій). Черныя крестьянскія волости участвовали во всеуѣздномъ совѣтѣ или черезъ своихъ постоянныхъ властей, или черезъ спеціально избираемыхъ для данной цѣли депутатовъ—„посыльщиковъ“.

Какъ было сказано выше, соединеніе отдѣльныхъ крестьянскихъ населеній въ приходы, мелкія волостки, большія волости, наконецъ, объединеніе ихъ вмѣстѣ съ городскими общинами въ крупные „всеуѣздные“ союзы не было создано искусственно закономъ, въ государственныхъ интересахъ. Необходимость такихъ общественныхъ организацій вытекала, прежде всего, изъ общности хозяйственныхъ интересовъ и поддержива-

лась сознаніемъ, что только подъ защитой постояннаго и правильнаго общественнаго союза могутъ быть обезпечены безопасность и благосостояніе отдѣльныхъ лицъ.

Такой сложившейся естественнымъ, бытовымъ путемъ мірской организаціей чернаго крестьянскаго населенія широко воспользовалось московское правительство XVI вѣка, когда оно рѣшило уничтожить систему „кормленій“, на которой съ раннихъ удѣльныхъ временъ основывалось мѣстное управленіе Московской Руси. Санкціонируя и упорядочивая древнюю самобытную мірскую организацію посадскаго и сельскаго населенія, земскія реформы XVI вѣка обращали эту организацію, прежде всего, на служеніе государственнымъ интересамъ. Сообразно съ общимъ духомъ реформы, каждая крестьянская волость, освобождаясь отъ власти кормленщика, становилась тяглой организаціей, отвѣтственной непосредственно передъ центральнымъ правительствомъ, черезъ своихъ выборныхъ властей, за исправное отбываніе лежавшихъ на ней государственныхъ повинностей.

Вѣками слагавшееся мірское устройство крестьянскаго населенія, отвѣчавшее глубокимъ потребностямъ народнаго быта, развивало въ этомъ населеніи чувства общественной солидарности и привычку къ общественной самодѣятельности. Эти чувства и привычки побуждали населеніе въ моментъ общенародной опасности подниматься на защиту государства. Въ Смутное время національное движеніе, спасавшее цѣльность и независимость государства, опиралось на привычныя и авторитетныя для народной массы земскія организаціи. Какъ отмѣтилъ проф. Богословскій, всеуѣздныя земскія собранія поморскихъ уѣздовъ въ Смутное время сыграли роль какъ бы миніатюрныхъ земскихъ соборовъ. Народное движеніе, въ концѣ концовъ спасшее государство, всего успѣшнѣе завязывалось въ сѣверныхъ областяхъ и дѣйствовало тамъ, гдѣ съ наибольшей полнотой и силой развивались традиціи земскаго самоуправленія,

объединявшія отдѣльные общественные классы, въ томъ числѣ и крестьянство, въ сознаніи общихъ интересовъ. Нельзя, конечно, точно опредѣлить долю участія въ этомъ общенародномъ движеніи собственно крестьянскихъ міровъ, какъ не представляется возможнымъ выдѣлить представителей крестьянства на избирательномъ соборѣ 1613 г. Подъ актомъ этого собора находится болѣе 10-ти подписей за „уѣздныхъ людей". Высказано въ литературѣ мнѣніе (проф. Платоновъ), что нельзя считать всѣхъ этихъ уѣздныхъ людей представителями собственно крестьянскаго населенія; таковые могли явиться только отъ свободныхъ крестьянскихъ общинъ поморскаго сѣвера; но и „представительство сѣверныхъ областей сливало въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ посадскими людьми, съ которыми они сливались иногда и въ отношеніи податного самоуправленія"; подъ уѣздными же людьми южныхъ областей могли разумѣться мелкопомѣстные служилые люди.

Какъ бы то ни было, возникавшая изъ глубокихъ историческихъ нѣдръ народной жизни общественная организація свободнаго крестьянства не сталкивалась враждебно съ государственными интересами. Наоборотъ, казалось бы, что эти организаціи открывали возможность крестьянству принять широкое активное участіе въ дѣлѣ государственнаго строительства. Но общія условія политическаго и общественнаго строя Московскаго государства сложились такъ, что свободное черное крестьянство сведено было на степень пассивной тяглой массы, а его общественныя организаціи превратились въ послушныя орудія приказной и воеводской бюрократіи.

Переходимъ къ исторіи сельскаго населенія на частновладѣльческихъ земляхъ.

III.

Крестьяне на частновладѣльческихъ земляхъ.

Выше были указаны причины, въ силу которыхъ черныя земли, владѣнія свободныхъ крестьянскихъ общинъ, уже къ концу XVI в. почти исчезли въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства, на его

южныхъ и западныхъ окраинахъ, гдѣ развилось помѣстное и вотчинное землевладѣніе служилаго класса и духовенства. Въ какихъ же отношеніяхъ находился крестьянинъ къ владѣльцу помѣстья или вотчины— будь это боярин, мелкій служилый человѣкъ, дворянинъ или сынъ боярскій, монастырь, церковный причтъ? Это было отношеніе свободнаго договора, обусловленнаго взаимными выгодами договаривающихся сторонъ. Садясь на землю частнаго владѣльца, свободный крестьянинъ заключалъ арендный контрактъ, излагаемый въ особой „порядной“ грамотѣ. По этимъ порядным, сохранившимся съ первой половины XVI вѣка, можно составить довольно отчетливое представленіе о положеніи юридически свободнаго крестьянства на частновладѣльческихъ земляхъ.

Порядныя.

Крестьяне „поряжались“ на эти земли въ одиночку, семьями или компаніями постороннихъ лицъ. Характеръ и размѣры арендуемыхъ земельныхъ участковъ были, конечно, очень разнообразны: деревня или пустошь, обжа или доли обжи, плугъ земли или доли плуга. Съ участкомъ пахотной земли соединялись разныя угодья „по старымъ межамъ“ или „куды топоръ и коса и соха ходили“. Такъ какъ главной цѣлью арендной сдѣлки землевладѣльца и крестьянина было извлеченіе выгодъ изъ хозяйственной эксплуатаціи земли, то хозяйственныя обязанности порядчика излагались очень подробно. Крестьянинъ обязывался землю „пахати, сѣяти и орати и сѣно косити на себя и пары парити и навозы на землю возити и огороды около пашенъ и въ пожнѣхъ, гдѣ доведетца, ставити, и той деревни не запустошити никотораго мѣста, ни межъ не спустити“, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ обязывался поддерживать въ порядкѣ или вновь ставить необходимыя усадебныя постройки; иногда заранѣе опредѣлялся планъ построекъ: „а наставити намъ въ той деревни въ тѣ мѣста клѣть новая, пятнадцать рядовъ до курицы, дву саженъ длина брев-

намъ, да подъ сѣнникъ подъ старый поставити хлѣвъ одиннадцать рядовъ".

Сроки аренды были также различны: одинъ годъ, три года, пять, шесть, восемь, десять, рѣдко двадцать лѣтъ. Обычно вносилось въ порядную и обязательство крестьянина сѣсть на арендованный участокъ въ опредѣленный день: „на Егорьевъ день на осенній", „на Рождество Христово", „на Николинъ день на вешній", „на Ильинъ день", „на Спасовъ день", „на Дмитріевъ день".

Кромѣ обязанности хозяйственной эксплуатаціи снятаго участка, крестьянинъ обязывался еще рядомъ повинностей 1) въ пользу государства, 2) въ пользу землевладѣльца. Крестьянинъ, садившійся на частновладѣльческую землю въ качествѣ арендатора, оставался такимъ же тяглецомъ, какимъ онъ былъ и въ качествѣ самостоятельнаго владѣльца черной земли. Поэтому крестьянинъ-порядчикъ обыкновенно принималъ на себя обязанность платить съ занятыхъ имъ участковъ государевы дани, оброки, всякіе потуги и земскіе разрубы и разметы. Но трудность платить государственныя подати съ хозяйства, еще не налаженнаго и не приносящаго полнаго дохода, побуждала порядчика выговаривать себѣ „льготные годы", въ теченіе которыхъ онъ былъ свободенъ отъ государева тягла.

Обязательства порядчика по отношенію къ собственнику арендованной земли выражались въ платежѣ денежнаго оброка или „празги", въ натуральныхъ взносахъ и въ „издѣльѣ", т. е. въ барщинѣ. Кромѣ того, выговаривалась иногда особая плата, деньгами или натурой, старостамъ, ключникамъ, тіунамъ, прикащикамъ и другимъ представителямъ землевладѣльца. Какъ въ государственныхъ повинностяхъ, такъ и во всякихъ платежахъ землевладѣльцу крестьянинъ получалъ льготы: первые годы крестьянинъ или ни-

чего не платилъ или платилъ въ уменьшенномъ противъ условленной нормы размѣрѣ.

Однѣхъ льготъ въ государственныхъ повинностяхъ и платежахъ землевладѣльцу было недостаточно, чтобы крестьянинъ могъ скоро и успѣшно наладить свое хозяйство. Являлась необходимость оказать ему еще особую помощь, и порядныя XVI вѣка говорятъ о „подмогѣ“ или „ссудѣ“, деньгами или хлѣбомъ, которую бралъ крестьянинъ отъ землевладѣльца. На какихъ условіяхъ выдавалась подмога и ссуда, слѣдуетъ ли ихъ отожествлять или раздѣлять,—этотъ вопросъ вызвалъ разногласіе между изслѣдователями, разногласіе весьма важное, такъ какъ факту крестьянской задолженности большинство историковъ придаетъ существенное значеніе въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Одни не различаютъ подмоги и ссуды и полагаютъ, что крестьянинъ долженъ былъ одинаково возвращать ее при выходѣ. Другіе полагаютъ, что подмога, какъ пособіе крестьянину на хозяйственное обзаведеніе, погашалась приведеніемъ арендованнаго участка въ культурное состояніе; ссуда же была займомъ, подлежащимъ уплатѣ при выходѣ крестьянина.

Выполненіе всѣхъ принятыхъ крестьяниномъ на себя обязательствъ обезпечивалось поручительствомъ постороннихъ лицъ и уплатой неустойки, отъ 3-хъ до 10 рублей. Значительно рѣже вносилось въ договоръ обязательство со стороны землевладѣльца или его уполномоченнаго не высылать крестьянина-порядчика раньше условленнаго срока; это обязательство также обезпечивалось неустойкой отъ 1 до 5 рублей. Наконецъ, въ порядныхъ грамотахъ выговаривалось крестьянами право свободнаго выхода по выполненіи всѣхъ принятыхъ ими на себя обязательствъ.

Въ такихъ чертахъ представляется по порядным грамотамъ XVI в. положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Это были свободные съемщики земель. Но изложенныя сейчасъ глав-

ныя условія крестьянской аренды, не ограничивая прямо гражданской свободы крестьянъ-порядчиковъ, создавали, однако, для нихъ такое фактическое положеніе, на почвѣ котораго постепенно утвердилось такъ называемое „крѣпостное состояніе“ крестьянъ. Уже въ первой половинѣ XVI в. наблюдательный иностранецъ (Герберштейнъ) вынесъ впечатлѣніе, что положеніе крестьянъ въ Московскомъ государствѣ весьма плачевное, и отмѣтилъ, что господа заставляютъ крестьянъ работать на себя шесть дней въ недѣлю.

Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ опредѣлялись частными договорами; но они не могли быть оставлены безъ вниманія законодательствомъ. Сообразно общему своему характеру московское законодательство и въ данномъ вопросѣ шло за жизнью: оно не ломало порядковъ, которые устанавливались жизненной практикой, и стремилось только регламентировать эти порядки въ качествѣ общихъ нормъ и приспособить ихъ, по мѣрѣ возможности, къ интересамъ государства.

Вмѣшательство законодательства до Уложенія 1649 г.

Впервые Московское законодательство коснулось въ общей формѣ отношеній крестьянъ-порядчиковъ къ землевладѣльцамъ въ первомъ Судебникѣ 1497 г. Этимъ закономъ подтверждалось, какъ общее правило, право крестьянъ „отказыватися изъ волости въ волость изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осеннего“. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалась такса „пожилого“, платы, которую крестьянинъ долженъ былъ платить землевладѣльцу за пользованіе хозяйственными постройками. Царскій Судебникъ 1550 г. повторилъ эти правила, дополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми постановленіями: кромѣ пожилого, крестьянинъ долженъ былъ платить при выходѣ еще „повозъ“, съ двора по 2 алтына; съ хлѣба, оставляемаго „въ земли“, крестьянинъ платилъ „боранъ два алтына“ и государевы подати; крестьянинъ, продающійся съ пашни въ пол-

ные холопы, могъ выйти безсрочно безъ уплаты пожилого, но съ обязательствомъ уплатить государевы подати съ остающагося въ землѣ хлѣба; если господинъ выручалъ крестьянина въ судебномъ дѣлѣ, крестьянинъ оставался свободнымъ и могъ отъ него уйти.

Постановленія обоихъ Судебниковъ показываютъ, что московское законодательство сначала не склонно было круто мѣнять въ ту или другую сторону свободныхъ договорныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Оно пыталось регламентировать лишь тѣ пункты этихъ отношеній, въ которыхъ колеблющаяся жизненная практика не успѣвала создать прочнаго порядка и порождала недоразумѣнія. Между тѣмъ въ срединѣ XVI вѣка въ данныхъ отношеніяхъ наступаетъ кризисъ, вызванный общими условіями хозяйственной жизни страны. Отливъ населенія въ новоприобрѣтаемыя на югѣ и юго-востокѣ области повлекъ за собою оскудѣніе рабочею силою центра государства, гдѣ по преимуществу сосредоточивалось нуждавшееся въ этой силѣ служилое и церковное землевладѣніе. Отсюда должна была возникнуть борьба между землевладѣльцами за рабочія руки. Уже не крестьянинъ самъ отказывается отъ землевладѣльца, а землевладѣльцы „отказываютъ“ и „вывозятъ“ крестьянъ другъ у друга, и эта „крестьянская возка“ сопровождалась часто прямыми насиліями, боемъ и грабежомъ. Съ другой стороны открывается фактъ крайней задолженности крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, дѣлавшей для крестьянина невозможнымъ законный выходъ, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ обычаемъ и закономъ условій. Для такого задолжавшаго крестьянина, не имѣвшаго фактически средствъ расквитаться съ господиномъ, оставался одинъ исходъ—бѣгство. Какъ ненормально стоялъ на практикѣ порядокъ расчетовъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ въ концѣ XVI в., показываетъ одна писцовая книга земельныхъ владѣній Симеона Бекбулатовича 1580 г. Въ этой книгѣ на

общее число крестьянскаго населенія 2.217 чел. указано 305 случаевъ выхода крестьянъ; изъ послѣдняго числа только въ 53-хъ случаяхъ крестьяне вышли законно, въ 188 вывезены законно или незаконно, въ 32 „выбѣжали", въ 16—„сбѣгли безвѣстно", въ 11—„сошли безвѣстно".

Поставленная въ такія условія практика крестьянскаго выхода и перехода вредно отражалась на государственныхъ интересахъ: она затрудняла правильное обложеніе крестьянства государственными податями и подрывала благосостояніе служилаго класса, который могъ нести службу только съ „живущей" земли, обезпеченной рабочими силами. Какъ же отнеслось законодательство къ тому глубокому кризису въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ-порядчиковъ, который выражался, съ одной стороны, въ ожесточенной борьбѣ между землевладѣльцами за обладаніе крестьянскимъ трудомъ, и, съ другой стороны, въ крестьянскомъ бѣгствѣ и другихъ незаконныхъ способахъ ликвидаціи отношеній къ землевладѣльцамъ? На этотъ вопросъ въ ученой литературѣ даны два существенно различные отвѣта, отъ которыхъ зависитъ и различное пониманіе общаго вопроса о происхожденіи крѣпостного права. По мнѣнію однихъ историковъ, въ концѣ царствованія Ѳедора Ивановича былъ изданъ не сохранившійся до насъ указъ, отмѣнившій право перехода крестьянъ въ Юрьевъ день; это былъ первый общій законъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они сидѣли ранѣе въ качествѣ свободныхъ арендаторовъ. По мнѣнію другихъ, такого закона вовсе не было, а московское правительство продолжало идти путемъ частныхъ мѣропріятій, только закрѣплявшихъ вырабатываемыя жизнью нормы, и прикрѣпленіе крестьянъ было результатомъ не одного общаго закона, а плодомъ постепеннаго и сложнаго жизненнаго процесса, постепенно же санкціонированнаго законодательствомъ. Основанія обоихъ этихъ взгля-

довъ мы разсмотримъ ниже, а теперь прослѣдимъ движеніе законодательства по крестьянскому вопросу отъ конца XVI в. до Уложенія 1649 г. Самымъ важнымъ закономъ, вызвавшимъ бѣгствомъ крестьянъ и запутанными тяжбами между землевладѣльцами изъ-за бѣглыхъ, былъ указъ 24 ноября 1597 г. Этимъ указомъ разрѣшалось всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ возбуждать иски о возвращеніи крестьянъ, бѣжавшихъ за пять лѣтъ до изданія указа; тѣ же крестьяне, которые выбѣжали за 6, за 7, за 10 и больше лѣтъ, возвращенію по суду къ старымъ своимъ господамъ уже не подлежали. На этомъ указѣ 24 ноября 1597 г. и основывалось господствовавшее прежде мнѣніе, что за 5 лѣтъ до него, т. е. въ 1592 или 1593 г. послѣдовалъ общій законъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Противники же этого мнѣнія находятъ, что указъ 24 ноября 1597 г. не даетъ основаній предполагать существованія такого общаго закона и содержитъ въ себѣ только установленіе пятилѣтняго срока для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, имѣвшее цѣлью нѣсколько урегулировать безконечныя и сложныя тяжбы о бѣглыхъ.

Слѣдующіе указы о крестьянахъ, явившіеся въ исключительныхъ обстоятельствахъ Смутнаго времени, также возбуждаютъ нѣкоторыя разногласія и сомнѣнія. Царь Борисъ двумя указами 1601 и 1602 гг. разрѣшилъ мелкимъ землевладѣльцамъ, служилымъ людямъ, въ эти годы возить крестьянъ „промежъ себя“; разрѣшалось вывозить не болѣе 1—2 крестьянъ „безъ всякой зацѣпки“, безъ боевъ, грабежей и насилья, на основаніи правилъ о крестьянскомъ выходѣ, установленныхъ Судебниками. Вывозить крестьянъ на земли крупныхъ владѣльцевъ было запрещено; не распространялось дѣйствіе указовъ 1601—1602 гг. также на Московскій уѣздъ. Съ точки зрѣнія сторонниковъ мнѣнія о существованіи общаго закона о прикрѣпленіи крестьянъ при Θедорѣ Ивановичѣ, указы 1601—1602 гг. представляютъ временное возстановленіе для одного разряда

служилыхъ землевладѣльцевъ порядка, установленнаго Судебниками. Съ точки зрѣнія противниковъ даннаго мнѣнія, указы царя Бориса имѣли цѣлью облегчить мелкимъ служилымъ людямъ, которымъ онъ особенно покровительствовалъ, пріобрѣтеніе рабочихъ рукъ и устранить для нихъ, хотя бы временно, непосильную конкуренцію съ крупными землевладѣльцами. Для объясненія смысла и значенія указовъ 1601—1602 гг. достаточно допустить только фактическое прикрѣпленіе крестьянъ, т. е. крайнюю затруднительность для нихъ свободнаго, законнаго перехода отъ одного господина къ другому. При первомъ самозванцѣ, боярскимъ приговоромъ 1 февраля 1606 года, былъ подтвержденъ пятилѣтній срокъ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ; но тѣмъ крестьянамъ, которые въ голодные годы (1602—1604) „отъ помѣщика или вотчинника сбрели отъ бѣдности, что было имъ кормиться немочно“, разрѣшалось остаться у новыхъ господъ, а старымъ ихъ владѣльцамъ велѣно было въ искахъ отказывать: „не умѣлъ своего крестьянина кормити въ тѣ голодные годы, а нынѣ его не пытай“. Отъ слѣдующаго 1607 г., относящагося уже къ царствованію Василія Шуйскаго, сохранился указъ въ изложеніи историка В. Н. Татищева, справедливо возбуждающемъ сомнѣніе въ самой подлинности этого указа. Въ немъ сообщалось, что царь Ѳедоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, а Борисъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги отставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, вслѣдствіе чего начались новыя тяжбы, распри, насилія и разоренія. Чтобы положить всему этому конецъ, указъ 9-го марта 1607 г. объявлялъ прикрѣпленными всѣхъ крестьянъ, которые въ книгахъ 101 году (1592 или 1593) записаны, и устанавливалъ на будущее время 15-тилѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Наступившая затѣмъ въ царствованіе Василія

Шуйскаго усобица отвлекла вниманіе правительства отъ крестьянъ къ вопросу о холопахъ, которые въ данное время играли видную роль въ новыхъ самозванческихъ движеніяхъ.

Какъ ни отрывочны узаконенія по крестьянскому вопросу въ эпоху Смуты, какія сомнѣнія и разнорѣчія онѣ ни вызываютъ, ясно, во всякомъ случаѣ, одно: фактически въ началѣ XVII вѣка крестьяне на служилыхъ и церковныхъ земляхъ находились въ состояніи прикрѣпленныхъ, и это прикрѣпленіе вполнѣ отвѣчало интересамъ служилаго класса, который сталъ во главѣ національнаго движенія, спасшаго государство. Въ земскомъ приговорѣ 30 іюня 1611 г., въ которомъ нашли себѣ яркое выраженіе сословныя стремленія дворянской части ополченія Ляпунова, Трубецкого и Заруцкаго, постановлялось, что вывезенные въ смуту бѣглые крестьяне и холопы должны быть возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Съ интересами того же служилаго класса должно было, прежде всего, считаться въ своей соціальной политикѣ и правительство новоизбраннаго царя Михаила Ѳедоровича. Для массы же служилыхъ людей самымъ важнымъ былъ вопросъ о бѣглыхъ крестьянахъ, въ частности вопросъ о срокѣ давности для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ. Установленный въ 1597 г. пятилѣтній срокъ оказался на руку „сильнымъ людямъ“, т. е. крупнымъ и вліятельнымъ землевладѣльцамъ. Сманивая къ себѣ разными льготами крестьянъ и укрывая ихъ въ указанные 5 лѣтъ, эти „сильные“ люди были главными экономическими врагами мелкихъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Положеніе послѣднихъ должно было еще болѣе ухудшиться, когда со стороны нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ обнаружилось стремленіе получить, въ видѣ исключительной привилегіи, право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ болѣе долгіе сроки. Такъ, крупнѣйшій землевладѣлецъ, Троице-Сергіевъ монастырь, въ 1615 году получилъ право вывозить своихъ бѣглыхъ крестьянъ

въ 10-лѣтній срокъ. Невозможность при такихъ условіяхъ вести сколько-нибудь успѣшную борьбу за рабочія руки, побудила мелкихъ провинціальныхъ служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, начать энергичную агитацію сначала за увеличеніе срока „урочныхъ лѣтъ“, а затѣмъ за полную отмѣну давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Эта агитація выразилась въ рядѣ коллективныхъ челобитій на имя царя отъ различныхъ группъ провинціальныхъ служилыхъ обществъ. Московское правительство, руководимое тѣми самыми сильными людьми, на злоупотребленія которыхъ горько жаловались въ своихъ челобитныхъ служилые люди, не спѣшило удовлетворять этихъ челобитій. Въ 1637 г. право 10-лѣтняго сыска бѣглыхъ крестьянъ, составлявшее доселѣ привилегію Троице-Сергіева монастыря, распространено было на служилыхъ людей Замосковныхъ и Украинныхъ городовъ, а затѣмъ на служилыхъ иноземцевъ. Въ 1642 г. были установлены два общихъ срока давности: 10 лѣтъ для крестьянъ, самовольно бѣжавшихъ, и 15 лѣтъ для крестьянъ, вывезенныхъ насильно. Служилые люди не удовлетворились этимъ постановленіемъ и въ 1645 г. обратились къ молодому царю Алексѣю Михайловичу съ новымъ челобитьемъ о полной отмѣнѣ „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Это челобитье встрѣтило сначала полный отказъ, но въ слѣдующемъ году правительство, предпринимая новую перепись населенія, объявило, что урочные годы по окончаніи этой переписи будутъ уничтожены, а крестьяне будутъ крѣпки землевладѣльцамъ по новымъ „переписнымъ книгамъ“. Такое обѣщаніе не могло удовлетворить служилыхъ людей, которые желали получить право сыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ по старымъ „писцовымъ“ книгамъ и всякимъ крѣпостямъ. Рѣшеніе же правительства положить въ основу крестьянской крѣпости новыя „переписныя“ книги, естественно, клонилось къ охранѣ интересовъ сильныхъ людей, закрѣпляя за ними тѣхъ крестьянъ

которыхъ они успѣли пріобрѣсти правдами и неправдами ко времени новой переписи. На земскомъ соборѣ 1648 г., созванномъ для составленія Уложенія, послѣдовало новое челобитье объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, заявленное отъ имени уже не только провинціальныхъ; но и столичныхъ служилыхъ людей, оно отличалось особенною настойчивостью и рѣшительностью тона. На этотъ разъ правительство, въ виду недавнихъ народныхъ мятежей стремившееся опереться на служилый классъ, въ полной мѣрѣ удовлетворило желанія челобитчиковъ. Въ Уложеніи было постановлено (гл. XI, ст. 2): „а отдавати бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ по писцовымъ книгамъ всякихъ чиновъ людемъ безъ урочныхъ лѣтъ“. Утвержденіемъ за землевладѣльцами права сыскивать крестьянъ безсрочно по писцовымъ книгамъ и всякимъ крѣпостямъ закончился процессъ образованія основныхъ началъ крестьянскаго прикрѣпленія. XI глава Уложенія 1649 г. явилась первымъ общимъ закономъ, систематизировавшимъ эти начала. Остановимся пока на данномъ моментѣ и обратимся къ судьбѣ другого разряда сельскаго населенія, холоповъ, отъ временъ Судебниковъ до Уложенія.

IV.

Холопство въ Московской Руси.

Въ Московской Руси холопство существовало сначала на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и въ Кіевской древности. 76-я статья Судебника 1550 г. („О холопствѣ судъ“) перечисляла слѣдующіе источники холопства: продажа „по полной грамотѣ“, продажа „по сельскому ключу“ съ женой и съ дѣтьми, отдача по духовной или по приданой грамотѣ, семейныя отношенія: „по рабѣ холопъ, по холопу раба“. Изъ этой же статьи Судебника, а также изъ другихъ источниковъ, видно, что московское правительство XVI вѣка стремилось уже нѣсколько ограничить дѣйствіе древнихъ источниковъ рабства и ставило сдѣлки на холоповъ подъ контроль правительственной власти. Такъ теперь поступленіе

на домашнюю службу въ городѣ не влекло за собою холопства („а по городскому ключу не холопъ“); „по сельскому ключу“ нельзя было сдѣлаться холопомъ безъ „докладной“; для обращенія въ холопа вообще тіуна требовалось представить на него „полную и докладную“. Родителямъ, состоящимъ въ полномъ холопствѣ, запрещалось продавать въ рабство своихъ дѣтей, рожденныхъ до поступленія въ холопство. Тѣмъ же родителямъ, состоящимъ въ холопствѣ, запрещалось быть свидѣтелями („стоять у полной“) при добровольной продажѣ ихъ взрослыхъ дѣтей въ холопство. Контроль правительственной власти надъ сдѣлками о холопахъ состоялъ въ томъ, что „полныя“ и „докладныя“, а также „отпускныя“, грамоты выдавались только высшими чиновниками на Москвѣ и въ провинціи намѣстниками, обладавшими правомъ такъ называемаго „боярскаго суда“. Не всякій свободный человѣкъ могъ продать себя въ рабство. Статья 81-я Судебника 1550 года запрещала принимать въ холопы дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ. Продажа свободныхъ людей въ рабство была, очевидно, невыгодна для государства, такъ какъ холопъ не несъ никакихъ обязанностей передъ государствомъ. Будучи собственностью своего господина, московскій холопъ XV—XVI вѣковъ обладалъ, однако, нѣкоторой самостоятельной дѣеспособностью и фактически, съ согласія и попущенія господина, принималъ болѣе или менѣе видное участіе въ гражданской жизни. Сельскіе ключники, будучи рабами, по уполномочію господъ пользовались значительною административною властью на земляхъ крупныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Тіуны намѣстниковъ и волостелей отправляли обязанности мелкихъ органовъ мѣстной администраціи и получали узаконенный доходъ со своей государственной службы. Холопы занимались адвокатской практикой: „ходили въ доводахъ за своихъ государей и наимовались въ судѣхъ у иныхъ“.

Вступая, съ согласія господъ или по прямому порученію послѣднихъ, въ различныя гражданскія сдѣлки, холопы владѣли иногда собственностью, куплями и вотчинами. Значительная фактическая роль, которую играли холопы въ гражданской жизни Московской Руси, побудило оградить закономъ честь холоповъ. Судебникъ 1550 года установилъ за безчестіе „боярскаго человѣка добраго" штрафъ въ 5 рублей, столько же, сколько за безчестіе среднихъ торговыхъ и посадскихъ людей; тіуну боярскому или доводчику положено безчестія противъ его дохода, а боярскій человѣкъ молодшій приравнивался въ данномъ отношеніи черному крестьянину или черному посадскому человѣку.

Кабальное холопство.

Въ XVI вѣкѣ начинаетъ развиваться новый видъ зависимости—кабальное холопство, привлекающій къ къ себѣ особенное вниманіе московскаго законодательства. Кабальное холопство возникало изъ договора займа, когда должникъ, вмѣсто уплаты процентовъ (роста), обязывался „за ростъ служить" во дворѣ кредитора. По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, служилая кабала могла возникнуть и изъ договора личнаго найма, близко сходнаго съ договоромъ займа, такъ какъ нанимавшійся въ личное услуженіе обыкновенно бралъ деньги впередъ. Кабальные люди, о которыхъ источники начинаютъ упоминать съ конца XV в., жили во дворахъ своихъ господъ и несли на нихъ всякую службу, отличаясь отъ полныхъ холоповъ тѣмъ, что господа не могли ихъ продавать или какими-нибудь способами отчуждать.

Къ серединѣ XVI вѣка кабальное холопство стало уже настолько видимъ явленіемъ гражданской жизни, что явилась необходимость законодательнымъ путемъ регулировать кабальныя сдѣлки и положеніе кабальныхъ холоповъ. Первый Судебникъ еще не упоминаетъ о кабальныхъ людяхъ; Судебникъ же 1550 года даетъ уже нѣсколько существенныхъ постановленій. Давать на себя служилыя кабалы могутъ только „вольные" люди.

Сумма найма, которая пишется въ кабалѣ, не должна превышать 15 рублей. Запрещается давать за одну и ту же сумму и служилую и ростовую кабалу: кто взялъ деньги въ ростъ, тотъ долженъ, платя ростъ, „жить о себѣ“ и не долженъ поступать въ личное услуженіе кредитора. Но и служилая кабала не вѣчна: уплативъ долгъ, кабальный человѣкъ можетъ стать снова свободнымъ. Въ 1559 г. было опредѣлено, что только достигшіе 15-лѣтняго возраста могутъ давать на себя служилыя кабалы. На такихъ основаніяхъ кабальная служба просуществовала до конца вѣка, когда указами 1 іюня 1586 г. и 25 апрѣля 1597 г. въ положеніе кабальныхъ людей внесена была существенная перемѣна. Прежде всего постановлено было, что служилыя кабалы должны выдаваться на Москвѣ „съ докладу холопья суда“, а въ городахъ „съ вѣдома приказныхъ людей“. Далѣе, всѣ вообще кабальные теряли право возвращать себѣ свободу уплатою долга и должны были оставаться крѣпкими своимъ господамъ до смерти послѣднихъ, послѣ чего они уже получали свободу, ничего не платя по кабаламъ. Тотъ же указъ 1597 года опредѣлилъ положеніе и такъ называемыхъ „добровольныхъ“ холопей, служившихъ безъ всякихъ крѣпостей: было постановлено, что на такихъ добровольныхъ холопей, прослужившихъ не менѣе полугода, должны быть выдаваемы служилыя кабалы „изъ неволи“, „потому, что тотъ человѣкъ (господинъ) того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ“.

Въ Смутное время вопросъ о холопахъ сталъ однимъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ московской жизни. Въ разгаръ соціальной смуты, въ царствованіе Василія Шуйскаго, холопы, самовольно бѣжавшіе отъ своихъ господъ или отпущенные послѣдними въ голодные годы, явились наиболѣе разрушительнымъ, анархическимъ элементомъ. Современники прямо указывали, что воровскія шайки, составленныя изъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ горѣли жаждой соціальнаго перево-

рота, ненавистью къ высшимъ, правящимъ классамъ, къ классу своихъ господъ. Естественно, что правительство пыталось законодательными мѣрами утишить волненіе и разраженіе, пылавшее въ средѣ лично зависимыхъ людей, холопей разныхъ категорій. Мѣры эти не отличались, однако, ни смѣлостью, ни послѣдовательностью. Борисъ Годуновъ указомъ 16 августа 1603 г. потребовалъ отъ господъ, въ голодный годъ сославшихъ со двора своихъ холопей безъ отпускныхъ, выдавать этимъ холопамъ отпускныя, „чтобъ тѣ холопы голодомъ не померли“. При Василіи Шуйскомъ сначала было ограничено дѣйствіе кабальныхъ сдѣлокъ: боярскимъ приговоромъ 7 января 1606 г. запрещено было давать кабалы сразу на имя двухъ господъ, отца съ сыномъ, брата съ братомъ, дяди съ племянникомъ; этой мѣрой подтверждалась пожизненность кабальной сдѣлки и пресѣкалась возможность обращенія кабальнаго человѣка въ наслѣдственнаго холопа. Въ слѣдующемъ году, 7 марта, именнымъ указомъ царя отмѣнено было постановленіе указа 1597 г. о выдачѣ „изъ неволи“ кабалъ на людей, прослужившихъ „добровольно“ не менѣе полугода. Теперь запрещено было давать на добровольныхъ холопей кабалы противъ ихъ воли на томъ основаніи: „не держи холопа безъ кабалы ни одного дни, а держалъ безъ кабально и кормилъ, и то у себя самъ потерялъ“. Указъ этотъ дѣйствовалъ, впрочемъ, недолго. Въ 1609 г. боярскимъ приговоромъ былъ возстановленъ указъ 1597 г. За годъ передъ тѣмъ запрещено было принимать въ холопьемъ приказѣ записи на вольныхъ людей о пожизненной службѣ, разрѣшались записи лишь на срочную службу, на урочныя лѣта“. Такъ правительство Василія Шуйскаго старалось урегулировать кабальныя отношенія, подвергая ихъ болѣе строгой регламентаціи съ цѣлью нѣсколько сдержать злоупотребленія господъ. Съ другой стороны, развившееся въ смуту бѣгство холопей требовало огражденія законныхъ правъ господъ. Нап-

болѣе важнымъ въ этомъ направленіи былъ указъ 19 марта 1608 г. о бѣглыхъ старинныхъ холопахъ, давшихъ на себя въ бѣгахъ кабалы новымъ господамъ: въ случаѣ, если старые владѣльцы не могли представить крѣпостей на этихъ своихъ старинныхъ холопей, послѣднихъ велѣно было отдавать новымъ господамъ по кабаламъ, а старымъ владѣльцамъ отказывать: „почему у себя держалъ холопа безъ крѣпости“? Черезъ годъ, 21 мая, этотъ указъ былъ отмѣненъ, какъ явно несправедливый для владѣльцевъ „старинныхъ“ холопей; по замѣчанію проф. Владимірскаго-Буданова, „законъ нигдѣ не постановлялъ, чтобы за утратою акта утрачивалось и самое право, укрѣпленное имъ“.

Такъ эпоха Смуты не внесла существенныхъ измѣненій въ положеніе холопства. Оно продолжало оставаться на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, какія выработались въ XVI в. и затѣмъ были подтверждены Уложеніемъ 1649 г. Теперь, обозрѣвъ движеніе законодательства о частновладѣльческихъ крестьянахъ и холопахъ до Уложенія, мы можемъ обратиться къ тому ученому спору, который доселѣ ведется по вопросу о происхожденіи крѣпостного права въ Московскомъ государствѣ.

V.

Научный споръ о происхожденіи крѣпостного права.

До средины XIX столѣтія вопросъ о происхожденіи крѣпостного права стоялъ въ наукѣ очень просто. Признавалось, что прикрѣпленіе крестьянъ состоялось по иниціативѣ Бориса Годунова при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ въ силу утраченнаго закона объ отмѣнѣ Юрьева дня. Время изданія этого закона опредѣлялось на основаніи указа 1597 г. о пятилѣтней давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ, т. е. въ 1592 или 1593 году. Противъ этого мнѣнія выступилъ въ 1859 г. М. П. Погодинъ, доказывавшій, что указъ 1597 г. содержитъ въ себѣ только постановленіе о пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и что нѣтъ основаній заключать изъ него о существованіи утраченнаго указа

объ отмѣнѣ Юрьева дня; прикрѣпленіе же крестьянъ установилось помимо закона, самою жизнью, постепенно. Взглядъ Погодина вызвалъ въ свою очередь критику Н. П. Костомарова, отстаивавшаго прежнее мнѣніе о прикрѣпленіи крестьянъ указомъ 1592 г. Среднее мнѣніе высказано было И. Д. Бѣляевымъ; отрицая возможность находить въ указѣ 1597 г. указанія на отмѣну Юрьева дня въ 1592 или 1593 г., Бѣляевъ полагалъ, однако, что первоначальный указъ о прикрѣпленіи, „совершенно измѣнившій жизнь русскихъ крестьянъ", все-таки былъ изданъ именно около 1590 г. Новое толкованіе указа 1597 г. представилъ проф. Энгельманъ: по его мнѣнію, указъ 24 ноября 1597 г. и былъ собственно закономъ о прикрѣпленіи. Безъ предварительной отмѣны Юрьева дня правительство признало незаконными выходы крестьянъ въ послѣдніе пять лѣтъ. Кромѣ того, Энгельманъ находилъ возможнымъ разумѣть подъ „бѣглыми", о которыхъ говоритъ указъ 1597 г., не всѣхъ вообще ушедшихъ крестьянъ, а лишь тѣхъ, которые выходили, не расквитавшись съ господами согласно правиламъ, установленнымъ Судебниками. Изъ новѣйшихъ ученыхъ наиболѣе сильнымъ защитникомъ мнѣнія объ отмѣнѣ Юрьева дня особымъ указомъ является проф. В. И. Сергѣевичъ. Онъ только относитъ появленіе этого указа къ болѣе раннему, чѣмъ прежде предполагали, времени. Изъ указа 1597 г. видно, что можно было бить челомъ о возвращеніи бѣжавшихъ за 6, за 7, за 10 и болѣе лѣтъ, но только своевременно. Предполагая, что для этихъ челобитій существовалъ также пятилѣтній срокъ, проф. Сергѣевичъ относитъ указъ объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ къ первому или второму году царствованія Ѳедора Ивановича (1584—1585).

Теорія проф. Ключевскаго.

На новое основаніе поставили вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ изслѣдованія проф. В. И. Ключевскаго, взгляды котораго и стали въ послѣднія десятилѣтія центромъ оживленной ученой полемики. По

мнѣнію проф. Ключевскаго, господствовавшее ранѣе воззрѣніе не различало „поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ“ и „крѣпостного права“. Это „два состоянія различнаго характера и происхожденія, во многихъ отношеніяхъ даже исключающія одно другое. Въ исторіи несвободныхъ состояній подъ поземельнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ разумѣютъ государственную мѣру, привязывающую крестьянъ къ землѣ независимо отъ ихъ личнаго отношенія къ землевладѣльцу или, точнѣе, подчиняющую это отношеніе поземельному прикрѣпленію; подъ крѣпостнымъ правомъ разумѣютъ право человѣка на личность другого, основанное первоначально, при самомъ его зарожденіи, на частномъ юридическомъ актѣ, на *крѣпости*, независимо отъ отношенія крѣпостного къ землѣ“.

Крѣпостное право на частновладѣльческихъ земляхъ подготовлено было развившеюся въ XVI в. задолженностью крестьянъ. Широкое распространеніе ссудъ крестьянамъ-порядчикамъ, при увеличивающейся тягости государственныхъ и владѣльческихъ повинностей, съ одной стороны, и при убыли крестьянскаго населенія, съ другой, приводили къ крайней задолженности крестьянъ. „Ссуда, сдѣлавшаяся съ половины XVI в. почти общимъ условіемъ крестьянскихъ договоровъ, поставила издѣльное крестьянство подъ дѣйствіе началъ долгового холопства“; другими словами: „крѣпостное право на крестьянскій трудъ развивалось изъ принципа долгового холопства“. Сближеніе издѣльнаго крестьянства съ кабальнымъ холопствомъ выразилась въ серединѣ XVII в. и въ формахъ договоровъ крестьянъ съ землевладѣльцами. Старыя порядныя грамоты, сохранявшія за крестьяниномъ право свободнаго выхода, смѣнились теперь ссудными записями, по которымъ крестьянинъ обязывался „жить во крестьянствѣ вѣчно и никуды не сбѣжать“. „Эта безвыходность стала общимъ заключительнымъ условіемъ ссудныхъ записей: она и составила *крестьянскую крѣпость*,

вѣчность крестьянскую, какъ говорили въ XVII в." Какую же роль играло законодательство въ процессѣ образованія крѣпостного права? Законодательство ни прикрѣпляло крестьянъ владѣльческихъ къ землѣ, ни лишало ихъ права выхода, т. е. не прикрѣпляло прямо и безусловно къ самимъ владѣльцамъ. Оно слѣдило за формами выраженія крѣпостного права и противъ каждой ставило поправку съ цѣлью предупредить вредъ, какимъ она грозила казнѣ или общественному порядку.

Мнѣнія профессоровъ Сергѣевича. Владимірскаго-Буданова. Дьяконова.

Взглядъ проф. Ключевскаго на происхожденіе крѣпостного права встрѣтилъ рѣзкую критику со стороны проф. Сергѣевича. Послѣдній рѣшительно отвергаетъ мысль о примѣненіи правилъ служилой кабалы къ издѣльному крестьянству. Крестьянская порядная и служилая кабала суть сдѣлки совершенно различныя по самому своему существу, и законодательство, начиная съ Судебника 1550 г., проводитъ ясное различіе между крестьянами и кабальными холопами. Если бы правильно было мнѣніе, что уже во второй половинѣ XVI в. совершилось приложеніе условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству, то этотъ фактъ большой важности не могъ не оставить слѣда въ законодательствѣ. Между тѣмъ и Уложеніе продолжаетъ рѣшительно различать кабальныхъ холоповъ и крестьянъ. Опираясь на эти факты, проф. Сергѣевичъ цѣликомъ отвергаетъ построеніе проф. Ключевскаго.

Извѣстное значеніе факту крестьянской задолженности придаетъ и проф. Владимірскій-Будановъ. Для крестьянина, строившаго свое хозяйство съ помощью подмоги или ссуды, выходъ становится фактически невозможнымъ, такъ какъ при совокупности всѣхъ условій аренды капитализація излишка для уплаты ссуды невозможна. Къ XVII в. такой разрядъ крестьянъ, фактически прикрѣпленныхъ, сдѣлался самымъ многочисленнымъ, и къ нему приравнивалось поло-

ніе и всѣхъ прочихъ крестьянъ. Но задолженность крестьянъ не вела ихъ къ сближенію съ кабальными холопами. Противъ мнѣнія о такомъ сближеніи проф. Владимірскій-Будановъ возражаетъ такъ же рѣшительно, какъ и проф. Сергѣевичъ. Задолженность не была самостоятельнымъ основаніемъ прикрѣпленія; она являлась только однимъ изъ важнѣйшихъ условій, образующихъ это основаніе, а таковымъ надо считать давность поселенія или старожильство. „Не кабала, а прикрѣпленіе возникаетъ лишь въ силу давности или старожильства на земляхъ извѣстнаго владѣльца". Что касается роли законодательства въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, то, по мнѣнію проф. Влад.-Буданова, къ XVI в. при общемъ фактическомъ прикрѣпленіи, санкціонированномъ сначала частными и мѣстными узаконеніями, не было надобности издавать общаго закона о прикрѣпленіи. Необходимо было только регулировать формы этого прикрѣпленія. Первымъ же общимъ дѣйствительнымъ закономъ о прикрѣпленіи явилась XI гл. Уложенія.

Къ мнѣніямъ проф. Ключевскаго о задолженности, какъ причинѣ крестьянскаго прикрѣпленія, и Владимірского-Буданова—о давности или старожильствѣ, какъ основаніи прикрѣпленія, примкнулъ проф. Дьяконовъ. Разработавъ съ особеннымъ вниманіемъ вопросъ о старожильствѣ, онъ приходитъ къ заключенію, что изъ одной давности прикрѣпленія произойти не могло; давности, какъ основѣ прикрѣпленія, должна была содѣйствовать и задолженность. Вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Дьяконовъ не находитъ той существенной разницы между задолжавшимъ крестьяниномъ и кабальнымъ холопомъ, на которой особенно настаиваютъ критики мнѣнія проф. Ключевскаго. Разысканія проф. Дьяконова о старожильствѣ встрѣтили также возраженія со стороны профессоровъ Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова. Первый изъ нихъ видитъ въ старожильцахъ „житейское наименованіе людей, находившихся болѣе

или менѣе продолжительное время въ извѣстной мѣстности, а не юридическое понятіе, не институтъ права", и отрицаетъ какое-либо значеніе за старожильствомъ въ происхожденіи крестьянской крѣпости. Проф. Владимірскій-Будановъ высказался противъ соединенія мысли о давности, какъ юридической основѣ прикрѣпленія, съ мнѣніемъ о долговомъ холопствѣ. На эти возраженія проф. Дьяконовъ отвѣтилъ указаніемъ аналогичныхъ явленій въ исторіи прикрѣпленія западноевропейскаго крестьянства, въ которой „и давность и задолженность играли замѣтную роль".

Таковы главные пути, по которымъ шла разработка вопроса о происхожденіи крѣпостного права въ Московскомъ государствѣ, и тѣ основные вопросы, по которымъ ученая полемика доселѣ еще не можетъ почитаться законченной. Эта полемика сосредоточивается преимущественно на томъ періодѣ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, который падаетъ на XVI и первую половину XVII вѣка. Развитіе крестьянскаго прикрѣпленія отъ Уложенія до конца XVII в., благодаря болѣе обильнымъ источникамъ и сравнительной отчетливости изучаемыхъ вопросовъ, уже не вызываетъ столь существенныхъ разногласій. Къ этому періоду, когда подготовилось сліяніе столь различныхъ прежде состояній, какъ крестьяне-порядчики и холопы, мы теперь и обратимся.

VI.

Вопросъ о крестьянахъ и холопахъ въ Уложеніи 1649 г.

Уложеніе 1649 г. по вопросу о крестьянахъ (гл. XI—„Судъ о крестьянехъ") и холопахъ (гл. XX—„Судъ о холопѣхъ") подвело итоги предшествующему движенію законодательства и старалось рѣшить этотъ вопросъ въ соотвѣтствіи съ интересами служилыхъ и землевладѣльческихъ классовъ, на которые особенно должно было опираться правительство первыхъ царей изъ новой династіи.

Какъ было уже указано, XI-ю главу Уложенія можно разсматривать, какъ первый общій указъ о

крестьянскомъ прикрѣпленіи. Въ ст. 3-ей было отмѣчено, что „по нынѣшней государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были крестьянамъ урочные годы". Такъ какъ самымъ больнымъ мѣстомъ въ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ въ первой половинѣ XVII в. было крестьянское бѣгство, то этому вопросу главнымъ образомъ и посвящено содержаніе XI гл. Уложенія. Отмѣнивъ „урочные годы", законъ установилъ теперь формальной основой крестьянскаго прикрѣпленія писцовыя и переписныя книги. Для поступленія въ крестьянство вольныхъ людей установлена записка въ Москвѣ въ помѣстномъ приказѣ, а въ провинціи, въ Казани, Новгородѣ и Псковѣ у мѣстныхъ воеводъ. Вѣчная крестьянская крѣпость распространялась теперь не только на самихъ крестьянъ и бобылей, но также „на ихъ братью, дѣтей, племянниковъ и внучатъ, съ женами и дѣтьми". За пріемъ завѣдомо бѣглаго крестьянина и укрывательство его отъ законнаго господина грозило жестокое наказаніе.

Тщательно предусматривая всякаго рода казусы, создаваемые бѣгствомъ крестьянъ, Уложеніе крайне поверхностно отнеслось къ самому существу крестьянской крѣпости. Оно не пытались установить нормы имущественныхъ отношеній крестьянина къ господину и опредѣлить размѣры и формы повинностей въ пользу землевладѣльца. Личныя и семейныя права крестьянина остались не огражденными отъ произвола владѣльца. Не было вполнѣ обезпечено крестьянину право собственности на его „животы", т. е. имущество. Допускались сдѣлки на крестьянъ и отчужденіе послѣднихъ безъ земли. Господамъ предоставлялось право искать и отвѣчать въ судахъ за своихъ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ убійства, разбоя и тяжбы. На конецъ, запрещалось принимать отъ крестьянъ „извѣты" (доносы) во всякихъ дѣлахъ, „опричь великихъ дѣлъ", т. е. измѣны и государскаго здоровья. Съ та-

кимъ положеніемъ крестьянъ плохо гармонировали признаваемыя еще за ними остатки былой гражданской свободы: право личнаго участія въ судѣ, вступленіе въ имущественныя сдѣлки, полученія штрафа за безчестье.

Какъ ни широко очерчены были права землевладѣльца надъ крестьяниномъ, какъ ни съужены были личныя и имущественныя права послѣдняго, все-таки государственный интересъ не допускалъ еще сліянія крестьянина и холопа. Различіе между тѣмъ и другимъ, по Уложенію, отчетливо формулировано проф. Ключевскимъ; оно сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) „крѣпостной крестьянинъ оставался казеннымъ тяглецомъ, сохраняя нѣкоторый обликъ гражданской личности; 2) какъ такового, владѣлецъ обязанъ былъ обзавести его земельнымъ надѣломъ и земледѣльческимъ инвентаремъ; 3) онъ не могъ быть обезземеленъ взятіемъ во дворъ, а помѣстный и отпускомъ на волю; 4) его животы, хотя и находившіеся только въ его подневольномъ обладаніи, не могли быть у него отняты *насильствомъ*, по выраженью Котошихина; 5) онъ могъ жаловаться на господскіе поборы *черезъ силу и грабежъ* и по суду возвратить себѣ насильственный переборъ“. Итакъ, прикрѣпленіе крестьянъ, подготовленное въ области гражданскихъ поземельныхъ отношеній, обращено было въ общую государственную мѣру въ государственныхъ интересахъ: прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ обезпечивало интересы казны, прикрѣпленіе къ личности служилаго землевладѣльца обезпечивало интересы государственной службы.

Сближеніе крестьянъ и холоповъ во 2-й половинѣ XVII в.

Еще ясно проводимое Уложеніемъ различіе между крѣпостнымъ крестьянствомъ и холопствомъ къ концу XVII в. начинаетъ явственно стушевываться. Выше было замѣчено, что въ XVII в. мѣняется характеръ и самая форма сдѣлокъ между землевладѣльцами и крестьянами - новоприходцами. Порядная смѣняется ссудной записью въ вѣчное крестьянство безъ права

выхода. Съ точки зрѣнія теоріи проф. Ключевскаго смѣна порядной ссудною записью, по которой крестьянинъ отдавалъ себя въ вѣчную крѣпость, была необходимымъ моментомъ въ сближеніи крестьянина-должника съ кабальнымъ холопомъ. По мнѣнію же проф. Сергѣевича, „ссудная запись“ была особенной и случайной формой продажи вольныхъ людей въ вѣчное крестьянство, выдуманной московскими площадными подъячими, которые не находили въ законѣ установленныхъ для такого рода сдѣлки формъ. Какъ бы то ни было, послѣ Уложенія неопредѣленно широко поставленная власть землевладѣльца надъ крестьяниномъ быстро начинаетъ принимать конкретныя формы, аналогичныя власти господина надъ холопомъ. Практиковавшіяся еще въ началѣ XVII в. разнообразныя сдѣлки на крестьянъ съ теченіемъ времени учащались и, наконецъ, получили правительственную санкцію. По указу 13 октября 1675 г. помѣстный приказъ получилъ право записывать крестьянъ по сдѣлочнымъ крѣпостямъ и по купчимъ безъ подписныхъ челобитенъ, т. е. безъ доклада государю. Указомъ 25 іюня 1682 г. подтверждено было разрѣшеніе продавать крестьянъ безъ земли, и продаваемыхъ велѣно записывать въ крѣпостныя книги въ холопьемъ приказѣ, при чемъ покупщикамъ выдавались крѣпости, оплачиваемыя поголовною пошлиною, по три алтына съ головы; а надо замѣтить, что прежде поголовная пошлина взималась только съ крѣпостей на холоповъ. Съ теченіемъ времени пало и запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовыхъ; въ указѣ 7 сентября 1696 г. упомянуты „крестьянскія дѣти, которые были изъ крестьянъ взяты во дворъ“. Появляющіяся въ XVII в. мѣры наказанія владѣльцамъ, раззоряющимъ своихъ крестьянъ, свидѣтельствуютъ, что произволъ въ эксплуатаціи крестьянскаго труда уже пустилъ глубокіе корни. Въ судѣ и расправѣ землевладѣльцевъ надъ крестьянами начинаютъ фигурировать тяжкія тѣлесныя наказанія и

пытки. Такъ къ концу XVII в. власть землевладѣльца надъ крѣпостнымъ крестьяниномъ по объему и средствамъ уже мало чѣмъ отличалась отъ власти надъ холопомъ.

Сближеніе крестьянъ и холоповъ не было, однако, процессомъ односторонпимъ. Во второй половинѣ XVII в. открывается обратный процессъ приближенія холоповъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Обширная XX глава Уложенія посвящена была двумъ главнымъ видамъ холопства, полному и кабальному, пожизненному. Поступленіе въ холопство разрѣшается только „вольнымъ“ людямъ, т. е. неслужилымъ и нетяглымъ. Если еще въ концѣ XVI в. вольный человѣкъ могъ продаться и въ полные и въ кабальные холопы, то по Уложенію вольный человѣкъ можетъ поступить только въ кабальные холопы. „Такимъ образомъ съ половины XVII в. (а, можетъ быть, и ранѣе) у насъ болѣе не возникаетъ вновь полныхъ холоповъ, а только кабальные. Полное холопство „поддерживается однимъ рожденіемъ отъ старыхъ холоповъ“ (проф. Сергѣевичъ). Сумма займа для поступленія въ кабалу теперь во много понижена сравнительно съ временемъ Судебниковъ: тогда она опредѣлена была въ 15 руб., теперь Уложеніе предписываетъ писать кабалу „на одного человѣка въ трехъ рубляхъ, а болши и менши не писати“. Но заемъ при кабальной сдѣлкѣ становится уже фиктивнымъ, и въ практикѣ появляются служилыя кабалы изъ займа. Вмѣстѣ съ тѣмъ сокращенъ былъ до 3-хъ мѣсяцевъ срокъ для выдачи „изъ неволи“ кабалъ на добровольныхъ холоповъ. Кабальное холопство сообщается по семейнымъ отношеніямъ: оно передается по мужу женѣ и обратно, по отцу дѣтямъ. Сохраняется въ полной силѣ основной принципъ кабальнаго холопства, что кабала продолжается до смерти господина. Въ нѣсколькихъ статьяхъ Уложеніе подтверждаетъ требованіе объ отпускѣ кабальныхъ па волю по смерти господина. Для перехода кабальнаго человѣка къ на-

слѣдникамъ умершаго господина требуется заключеніе новой сдѣлки „съ воли“. Господину представляется и при своей жизни давать отпускныя кабальнымъ.

Ограничивая контингентъ лицъ, имѣющихъ право вступать въ холопство, пресѣкая источники къ дальнѣйшему развитію полнаго холопства, Уложеніе какъ бы дѣлаетъ шагъ къ ограниченію внѣшняго роста института древняго холопства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, какъ замѣтилъ проф. Сергѣевичъ, возвышаетъ господскую власть и проводитъ болѣе рѣзкую границу между свободою и неволей, чѣмъ та, которую выработала наша древняя практика. Холопамъ воспрещено владѣть вотчинами и недвижимостями, дворами и торговыми помѣщеніями. Движимое имущество холоповъ не обезпечено за ними отъ притязаній со стороны господъ. Въ случаѣ несостоятельности господъ ихъ долги могутъ быть покрываемы изъ имущества холоповъ. Бѣгство раба карается публичнымъ наказаніемъ.

Два существенные признака, какъ мы знаемъ, отличали кабальнаго холопа отъ крѣпостного крестьянина: 1) личный характеръ кабальной крѣпости (кабальный крѣпокъ господину лишь до смерти послѣдняго) и 2) свобода отъ государственнаго тягла. Во второй половинѣ XVII вѣка оба эти отличительные признака начинаютъ исчезать. Проф. Дьяконовъ отмѣтилъ рядъ служилыхъ кабалъ, содержащихъ обязательство наслѣдственной крѣпости; наприм.: „служити у государя своего и у жены ево и у дѣтей вѣчно во дворѣ“, или: „служити по его государя своего и жены его и дѣтей животѣ“. „Такія выраженія служилыхъ кабалъ плохо вяжутся съ личнымъ характеромъ кабальной неволи, и въ нихъ нельзя не усмотрѣть тенденціи рабовладѣльцевъ превратить кабальную зависимость изъ личной въ наслѣдственную“. Въ то же время открываются случаи сдѣлокъ на кабальныхъ людей между господами, и эти сдѣлки получаютъ правительственную санкцію посредствомъ записки въ при-

казныя крѣпостныя книги. Такъ падалъ первый существенный отличительный признакъ кабальнаго холопства, его строго личный характеръ.

Задворные люди.

Но самымъ рѣшительнымъ шагомъ на пути сближенія холоповъ съ крестьянами было привлеченіе первыхъ къ государственному тяглу. Этой мѣрѣ предшествовало образованіе особой группы сельскаго населенія на частновладѣльческихъ земляхъ, т. называемыхъ „задворныхъ“ и „дѣловыхъ“ людей. Задворными людьми назывались, главнымъ образомъ, холопы, получавшіе отъ господъ особые земельные надѣлы. Какъ выяснилъ проф. Дьяконовъ, землепашество было не единственной профессіей людей, сидѣвшихъ „за дворомъ“ господина. Въ источникахъ они фигурируютъ также въ качествѣ кузнецовъ, мельниковъ, колесниковъ, сапожныхъ мастеровъ, конюховъ, приказчиковъ. Составъ задворныхъ людей пополнялся различными соціальными элементами: сюда входили кабальные люди, старинные и полные холопы, выходцы и полоняники, добровольные холопы, люди, вступавшіе въ задворное холопство по спеціальному договору; наконецъ, переводились въ составъ задворныхъ людей обѣднѣвшія и осиротѣвшія крестьянскія дѣти. Въ теченіе XVII в. замѣтно возрастаніе числа задворныхъ людей. По счету проф. Дьяконова, въ серединѣ вѣка одинъ дворъ задворныхъ людей приходился на 32 двора тяглыхъ, а въ концѣ 70-хъ годовъ только на 10.

Будучи въ большинствѣ холопами, задворные люди не несли, по общему правилу, государственнаго тягла. Но отвѣтственность землевладѣльцевъ за тягло, лежавшее на ихъ земляхъ, заставляла ихъ привлекать къ нему и разнаго рода холоповъ, посаженныхъ на пашню. Въ 1677—1678 г. была произведена перепись сельскаго населенія, и въ эту перепись вошли также задворные и дѣловые люди. Въ то же время была произведена крупная финансовая реформа: вмѣсто сохи и живущей четверти вводится новая окладная еди-

ница—тяглый дворъ. Послѣ этой реформы 1679 г. зачисляются въ разрядъ тяглаго населенія и задворные люди, а также близкіе къ нимъ „дѣловые люди“, „монастырскіе дѣтеныши“ и т. п. работные люди. Какъ замѣтилъ академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, послѣдовавшее въ XVII в. прикрѣпленіе къ тяглу разныхъ разрядовъ сельскаго населенія, въ особенности холопскаго, являлось правительственной реакціей противъ широко развившагося частнаго прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ: „Московское правительство не замедлило обратить вниманіе на то, какъ, благодаря развитію частнаго прикрѣпленія, множество крестьянъ выбывало изъ числа плательщиковъ и противъ него направило прикрѣпленіе къ государственному тяглу“. Исчезновеніе главныхъ различій между крестьяниномъ и холопомъ отразилось, между прочимъ, въ появленіи открытаго проф. Дьяконовымъ новаго типа записей, по которымъ вольные люди поступали безразлично въ крестьяне или холопы, по усмотрѣнію господина, обязывались жить „во крестьянствѣ или въ бобыльствѣ или въ дворовыхъ людяхъ“.

Такъ подготовлено было къ концу XVII в. смѣшеніе крестьянъ и холоповъ, окончательно санкціонированное законодательствомъ Петра Великаго, послѣ чего начался періодъ полнаго расцвѣта крѣпостного права, открылась самая мрачная страница въ исторіи сельскаго населенія Россіи.

С. Рождественскій.

Посадскіе люди Московскаго государства*).

I.

Образованіе группы посадскихъ людей.

Городъ XVI—XVII вѣковъ, какъ и въ болѣе раннюю эпоху, состоялъ изъ кремля, острога, или, какъ его обычно называли, собственно „города“, и окружав-

*) Литература: *Бѣляевъ.* „Города на Руси до монголовъ“ (Ж. М. Н. П. 1847 часть 57). *Красовъ.* „О мѣстонахожденіи древняго Новгорода“ Новгородъ, 1851 г. *Плошинскій.* „Городское или среднее состояніе Россійскаго народа“, Спб., 1852 г. *Соловьевъ.* „Русскій городъ въ XVII в.“ (Современникъ 1853 г., т. 37). *Зайцевъ.* „Русскій пограничный городъ въ XVII в.“ (Моск. Вѣдомости, 1860, № 77). *Муллovъ.* „Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по устройству общественнаго управленія“. Спб. 1864. *Пригара.* „Опытъ исторіи состоянія городскихъ обыват. въ вост. Россіи“ (Ж. М. Н. П. 1867, кн. X—XII, часть 135—6 и отдѣльно. *Никитскій.* „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода“ (Ж. М. Н. П. 1869, X, 1870, VIII). *Самоквасовъ.* „Древніе города Россіи“ (Ж. М. Н. П. 1872, т. 160 и отдѣльно 1872 г. *Леонтовичъ.* Рецензія въ Сборн. Госуд. Знаній, 1875 г., т. II. *Устряловъ.* „Именитые люди Строгановы“. Спб. 1842 г. *Допол.* къ Акт. Ист. т. III, № 44 (жалов. грам. гостямъ и гост. сотнѣ 1648 года 26 августа). *Ключевскій.* „Сословное представит. на земскихъ соборахъ“, Рус. Мысль 1890, I; 1891, I; 1892, I. *Довнаръ-Запольскій.* „Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII в.в.“ (въ изданіи „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“. М. 1910 г.). *Онъ же.* „Организація Московскихъ ремесленниковъ въ XVII в.“ (Ж. М. Н. П. 1910, IX). *Богословскій.* „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ“. Москва. 1909 г. *Ильинскій.* „Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ“ (Ж. М. Н. П. 1876 г., VI; и Историческое Обозрѣніе 1897 г. т. IX). *Чечулинъ.* „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“ Спб. 1889. *Ключевскій.* „Разборъ изслѣдованія г. Чечулина „Города Моск. государ. въ XVI в.“. (Отчетъ о 33 присужд. наградъ графа Уварова Спб. 1892 г). *Богоявленскій.* „Нѣкоторыя статист. данныя по ист. русск. города XVII в.“ М. 1898 г. *Бахрушинъ.* „Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.“ (Сборн. въ честь В. О. Ключевскаго. Москва 1910). *Веселовскій.* „Посадская соха въ первой половинѣ XVII в.“ (Ж. М. Н. П. 1910 г., № 5).

шихъ его поселковъ. „Городъ“—огороженный каменными или деревянными стѣнами съ круглыми и четырехугольными башнями, обычно ставился на возвышеніи. Вокругъ стѣнъ онъ опоясанъ рвомъ, черезъ который въ нѣсколькихъ мѣстахъ переброшены мосты къ воротамъ, проходившимъ подъ нѣкоторыми изъ башенъ. Въ бойницахъ стѣнъ и башенъ болѣе крупныхъ городовъ стояли пушки. Внути города находился арсеналъ, пороховой складъ, дворъ князя или его намѣстника, осадные дворы служилыхъ людей, иногда соборная церковь. Въ мелкихъ же городахъ, напр., Поморья, въ бойницахъ пустого острога лишь въ минуту опасности появлялось окрестное населеніе: „многіе мужики съ копьи и съ рогатины и со всякимъ боемъ“.

Къ городу обычно примыкаютъ поселки—слободы мелкихъ служилыхъ людей, затѣмъ посады и слободы, населеніе которыхъ, раздѣленное на сотни и десятки, также обязано имѣть оружіе и защищать городъ. Въ обычное время оно занимается мирнымъ земледѣльческимъ трудомъ или торгово-промышленной дѣятельностью. Посады и слободы обычно осажены у города на земляхъ князя. Масса населенія ихъ состоитъ изъ лично свободнаго крестьянства, снимающаго мѣсто подъ дворъ, а иногда и подъ пашню, и изъ служебниковъ и челяди мѣстныхъ владѣльцевъ, князей, бояръ, монастырей и т. п. Однимъ изъ новыхъ явленій Московской эпохи было образованіе изъ этихъ полуземледѣльческихъ, полупромышленныхъ и торговыхъ элементовъ довольно многочисленнаго класса и затѣмъ сословія „посадскихъ людей“. Собирая подъ свою руку удѣлы и вводя въ нихъ свое управленіе, московскій князь впередъ всего захватывалъ ихъ административные и экономическіе центры—города. Герберштейнъ еще въ первой четверти XVI столѣтія подвелъ итогъ этой сторонѣ въ дѣятельности собирателей русской земли, оцѣнивая результаты объединительной политики Василія III: князь „исполнилъ то, что началъ его

отецъ,—именно, у всѣхъ князей и другихъ владѣтелей отобралъ всѣ ихъ города и укрѣпленія".

Въ захватѣ Московскимъ государемъ городовъ, при чемъ территорія ихъ съ населеніемъ въ значительной степени переходила къ нему же, былъ не только политическій, но и экономическій смыслъ: расположенные по торговымъ путямъ, городскія поселенія давали относительно высокій доходъ въ видѣ оброковъ съ дворовъ, пошлинъ съ торговыхъ сдѣлокъ и судебныхъ процессовъ, доходовъ съ различнаго рода мѣстныхъ угодій.

Въ результатѣ такой политики частновладѣльческіе города въ сѣверо-восточной Руси, съ объединеніемъ ея, исчезаютъ. Правда, для XVI—XVII вѣковъ мы знаемъ ихъ довольно много: Семенъ Аникіевичъ Строгановъ владѣлъ Поволжскими городами Солью Большой и Малой, не говоря о городкахъ въ Камской вотчинѣ; Зарайскъ (на Окѣ) долго былъ монастырской слободой; Романовъ взятъ на государя у татарскихъ мурзъ въ 1620 г.; Касимовскій посадъ былъ отобранъ на государево имя у „Касимовскихъ царей" только въ 1627 г.; городокъ Скопинъ еще въ XVII столѣтіи былъ вотчиной боярина Никиты Ивановича Романова; посадъ Кременескъ въ 1649 г. былъ отданъ въ вотчину Угрѣшскому монастырю „со всѣми угоди", а Ненокса въ 1655 году поступилъ во владѣніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; въ 1660 году князь Трубецкой былъ пожалованъ „вотчиной" своихъ предковъ, городомъ Трубчевскомъ. Но почти всѣ указанные примѣры являются пожалованіемъ, слѣдовательно, новообразованіемъ, а не пережиткомъ прошлаго, притомъ, взятые вмѣстѣ, они все-таки были ничтожнымъ исключеніемъ, а не заурядnымъ фактомъ.

Традиціи старинныхъ вотчинныхъ правъ на городскія поселенія повсемѣстно были разбиты, и только остатки ихъ крѣпко держались внутри отдѣльныхъ посадовъ: почти въ каждомъ до половины XVII вѣка мы найдемъ улицы, одну или нѣсколько слободъ, принад-

лежащихъ частнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, вотчинникамъ. Особенно много бѣлыхъ слободъ находилось въ рукахъ патріарха, монастырей и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ. На вотчинной землѣ, иногда купленной у черныхъ посадскихъ людей, въ своихъ и наемныхъ дворахъ, живутъ крестьяне, бобыли и служебники вотчинника, обычно занимающіеся торгомъ и промысломъ. Они не тянутъ съ посадомъ царскаго тягла, не служатъ его службъ, а платятъ оброки своему частному „государю". Огражденные вотчиннымъ „бѣлымъ" правомъ отъ администраторовъ и сборщиковъ посада, слободы привлекали къ себѣ населеніе черныхъ тяглыхъ земель, какъ посадскихъ, такъ и уѣздныхъ; оно уходило въ вотчину и укрывалось за ея привиллегіи, „закладывалось" за владѣльца ея. Слободы эти процвѣтали въ первой половинѣ XVII столѣтія, иногда равняясь по размѣрамъ самимъ посадамъ, дѣятельность ихъ населенія была очень опасной конкуренціей для „государевыхъ сиротъ" посадскихъ міровъ.

Логичнымъ продолженіемъ политики захвата городовъ для Московскихъ государей явилась задача отобрать на государя и тѣ частновладѣльческія слободы, которыя еще сохранились около городовъ или были пріобрѣтены вотчинниками вновь. Дѣйствительно, уже въ 1551 году на Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ IV поднялъ вопросъ о слободахъ, но онъ не былъ разрѣшенъ, очевидно, благодаря сопротивленію членовъ собора; проектъ судебника царя Ѳедора также предлагаетъ „ссылать" изъ монастырей торговыхъ людей (1589 г.). Но лишь позже, когда уничтоженія бѣлыхъ слободъ стали требовать сами „посадскіе люди" городовъ, страдавшіе отъ ихъ конкуренціи, съ 20 годовъ XVII вѣка, вопросъ этотъ становится на твердую почву *). Въ 1619 году было постановлено вернуть въ государево тягло всѣхъ „закладчиковъ", ушедшихъ съ черныхъ земель; каждая

*) См. нашу ст. „Эконом. политика Московскаго государства въ XVII в.".

перепись въ XVII вѣкѣ сопровождается обращеніемъ въ тягло закладчиковъ, которые разсматриваются, какъ бѣглые государевы крестьяне. Особенно широкіе размѣры такая дѣятельность Московскаго правительства приняла подъ вліяніемъ посадскихъ челобитій съ конца 30-хъ годовъ столѣтія (1638—40), когда спеціальный Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ князя Репнина произвелъ генеральный пересмотръ правъ вотчиннаго владѣнія на горожанъ. Всѣ закладчики, посаженные на дворахъ и земляхъ частныхъ владѣльцевъ съ 1613 года, были при этомъ отданы посадскимъ старостамъ, имъ было велѣно поставить на посадѣ дворы и нести тягло и службы съ посадомъ.

Несмотря на крупные результаты этой мѣры, на посадахъ остались бѣлыя слободы, заселенныя старинными крестьянами, бобылями и „служебниками“ всякаго рода владѣльцевъ, поэтому Земскій Соборъ 1649 года, по челобитью посадскихъ людей, поддержанному мелкимъ дворянствомъ, перешелъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По XIX главѣ Уложенія, всѣ бѣлыя слободы внутри и около посадовъ, за ничтожными исключеніями, были конфискованы и приписаны къ посадамъ вмѣстѣ съ дворами и людьми. Съ болѣе удаленныхъ пунктовъ торгово-промышленное населеніе переводилось въ посады; здѣсь ему отводилась земля для поселенія; на оставшихся въ рукахъ вотчинниковъ слободахъ (оставлялись иногда слободки, напримѣръ, вокругъ монастырей, находившихся внутри посада) могли жить только „служебники“, не занимавшіеся торгомъ и промысломъ. Даже государевы служилые люди были ограничены въ правахъ владѣть черными дворами на посадахъ и заниматься тамъ торговлей и промыслами. Какъ велики были размѣры этой послѣдней ликвидаціи частныхъ правъ въ городскихъ поселеніяхъ сѣверо-восточной Руси, показываютъ слѣдующія данныя: въ половинѣ XVII вѣка, послѣ конфискаціи, всего считалось въ московскихъ городахъ (безъ Москвы) около 40.000 черныхъ тяглыхъ посадскихъ и

бобыльскихъ дворовъ. Изъ нихъ было отобрано у вотчинниковъ, главнымъ образомъ у монастырей, патріарха, епископовъ и крупнаго боярства, 10.095 дворовъ съ населеніемъ въ 21.036 человѣкъ взрослыхъ мужского пола.

II.

Группы торгово-промышленнаго населенія.

Торгово-промышленная часть населенія вновь присоединенныхъ городовъ ничѣмъ не отличалась отъ такого же старинныхъ городовъ Московскаго княжества и самой Москвы. Послѣдняя только сохранила въ себѣ вотчинныя слободы своего „государя“, которыя были отняты у другихъ Рюриковичей. Вмѣстѣ съ московскимъ тяглымъ чернымъ населеніемъ, торговцы и ремесленники городовъ силой вещей составили въ XVI столѣтіи единый классъ, сознавшій свою солидарность и интересы въ смутную эпоху и стремившійся добиться сословныхъ привиллегій въ XVII вѣкѣ *).

Въ связи съ образованіемъ этого класса и стоитъ появленіе въ московскую эпоху новаго юридическаго понятія и термина „посадскіе люди“, который сталъ прилагаться ко всему тяглому населенію городскихъ поселковъ—„посадовъ“, сидѣвшему на государевой черной землѣ. Москва сохранила свою особую терминологію, и къ ея населенію этотъ терминъ не прилагается. Необходимо замѣтить также, что далеко не всѣ города имѣли посадское населеніе: въ нѣкоторыхъ, особенно пограничныхъ на югѣ, все населеніе состояло изъ служилыхъ элементовъ, или же черные посадскіе люди считались въ нихъ единицами.

Разсмотримъ теперь, изъ какихъ группъ состояло все бѣлое и черное торгово-промышленное населеніе городовъ, включая и Москву, и обходя молчаніемъ лишь бѣлослободчиковъ да служилыхъ людей, нерѣдко, какъ сказано, также занимавшихся торговлей и промышленностью.

*) См. нашу ст. „Эконом. политика Московскаго государства въ XVII в.“.

Уже Судебникъ 1550 года различаетъ въ немъ большихъ гостей (безчестье 50 руб.), *) торговыхъ людей и посадскихъ середнихъ (безчестья 5 р.), наконецъ, черныхъ городскихъ людей молодшихъ (по 1 р., какъ и крестьянину). Первыя двѣ рубрики, гости и торговые люди, относятся преимущественно къ москвичамъ; но къ торговымъ людямъ приравнены по размѣрамъ „чести“ и средніе „посадскіе люди“.

Первый Земскій соборъ (1566 г.), на который были приглашены только московскіе купцы, различаетъ среди нихъ гостей, москвичъ торговыхъ людей и смольнянъ (торгующихъ черезъ западную границу). Это бытовыя группы, перешедшія въ Московскую эпоху изъ удѣльной, когда въ Москвѣ купцы дѣлились по рядамъ: Смоленскій суконный, Сурожскій и т. п., и онѣ вскорѣ, повидимому, при Ѳедорѣ, были замѣнены новой классификаціей. Проектъ Судебника 1589 года знаетъ уже гостей большихъ, середнихъ и меньшихъ, которые на соборѣ 1598 года и въ теченіе всего XVII вѣка являются подъ именами гостей, гостинной и суконной сотенъ. По Судебнику Ѳедора Ивановича, имъ полагается безчестія по 50, 20 и 12 рублей; въ то время какъ торговые посадскіе люди и всѣ середніе (т. е. и москвичи) получаютъ по 5 руб., а молодчій посадскій, какъ боярскій человѣкъ и волостной крестьянинъ, лишь по 1 р. XVII вѣкъ еще болѣе развиваетъ эту лѣстницу соціальныхъ и юридическихъ различій. Уложеніе выдѣляетъ именитыхъ людей Строгановыхъ (100 руб. безчестья), гостей (по 50), а среди гостинной сотни различаетъ три статьи: большую, среднюю и меньшую (по 20, 15 и 10 р.), также какъ и среди суконной (по 15, 10 и 5 рублей). Казенныя (т. е. государевы и государынины) слободы въ Москвѣ получаютъ по 5 рублей. Среди московскихъ

*) „Безчестье“ — вознагражденіе за нравственный ущербъ, за „истёрку чести“; налагалось за различныя оскорбленія, даже за брань, за правежъ, которому подвергся потерпѣвшій по винѣ другого, и т. п.

черныхъ сотенъ и слободъ, а также посадскихъ людей городовъ, мы видимъ тѣ-же три статьи—большая получаетъ по 7 руб., средняя по 6, молодшая по 5. Между тѣмъ крестьяне уѣздные, какъ черные государевы, такъ и вотчинниковъ, попрежнему получаютъ за свою честь по 1 рублю.

Оцѣнка юридическими памятниками „чести“ различныхъ слоевъ населенія позволяетъ отмѣтить не только внутреннее разслоеніе торгово-промышленной группы, но прослѣдить также за тѣмъ, каково было ея мѣсто среди складывавшихся сословій Московской эпохи.

Мы видѣли, что уже съ средины XVI столѣтія лишь „молодшій“ посадскій приравнивается по безчестью къ пашенному и непашенному уѣздному крестьянину; середніе и лучшіе оцѣниваются въ 5 разъ дороже. Такимъ образомъ, уже тогда „стяжатели многа прибытка“ выдѣляются надъ общей массой чернаго населенія Московскаго государства Судебникъ Ѳедора Ивановича, съ большими предосторожностями повышающій безчестье доброму крестьянину, „которой торгует, или денги и рож взаймы дает“, до 3 руб., не сравниваетъ его съ середнимъ посадскимъ (5 р.), хотя ставитъ выше молодшаго. Черезъ ½ столѣтія, по Уложенію, и молодшіе посадскіе будутъ цѣниться въ 5 разъ дороже пашенныхъ крестьянъ и гулящихъ людей (5 р. и 1 р.), а середніе и лучшіе въ 6 и 7 разъ.

Отдѣлившаяся отъ низовъ масса торгово-промышленнаго населенія не отставала далеко отъ другихъ привиллегированныхъ группъ: церковниковъ и служилыхъ людей.

Если мы оставимъ по Уложенію случаи оскорбленія епископовъ боярами, окольничими и думными чинами, то лѣстница торгово-промышленнаго класса съ высшей цифры (100 р.) идетъ до 5 руб., точно такъ же, какъ и лѣстница духовныхъ лицъ (кромѣ епископскаго сана). Бояре получали безчестье по государеву указу,

но честь среднихъ чиновъ придворно административной службы цѣнилась не дороже чести гостей. Наконецъ, служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе, получали безчестіе или по доходамъ съ кормленій, буде таковыя за ними были (XVI стол.), или же по окладамъ своего денежнаго жалованья: „сколко которой жалованья ималъ,—то ему и безчестье“. Между тѣмъ оклады эти, по десятинамъ XVI вѣка, колеблятся между 14 и 3 руб., а въ XVII—подымаются очень незначительно, въ подавляющей массѣ удерживаясь на томъ же уровнѣ (по смѣтѣ 1663 года дворяне и дѣти боярскіе всего государства имѣли оклады 13—6 руб.; стрѣльцы 3—1½ р. въ годъ). Такимъ образомъ, рядовое дворянство и мелкіе служилые люди не были выше буржуазіи въ XVI—XVII вѣкахъ и не могли въ то время претендовать на исключительное значеніе.

Наконецъ, необходимо замѣтить, что, если мы подъ „торговыми людьми“ Судебника 1550 года будемъ подразумѣвать москвичей, то окажется, что въ серединѣ XVI вѣка москвичи цѣнились дороже молодшихъ посадскихъ, т. е. провинціальныхъ горожанъ, тогда какъ въ Уложеніи, въ серединѣ XVII столѣтія, оба разряда совершенно уравниваются.

III.

Среди названныхъ выше группъ торгово-промышленнаго населенія бросается въ глаза различіе между московскимъ и городовымъ, т. е. провинціальнымъ населеніемъ. Въ Москвѣ мы находимъ привиллегированныя группы московскихъ гостей, гостинную и суконную сотню, населеніе казенныхъ слободъ, черныя сотни и слободы, а также вотчинныя бѣлыя; среди чернаго населенія посадовъ—посадскихъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, а также бобылей и нищихъ.

Гости.

а) Крупные капиталисты, торговцы и промышленники, „гости“ еще въ удѣльную эпоху играли видную роль при княжескихъ дворахъ. Иногда они ссужаютъ

деньгами князей, помогаютъ имъ въ трудныя минуты. Достаточно вспомнить Строганова, который при Шемякѣ выкупилъ Василія Темнаго у Казанскаго хана за 29.500 руб. *). Этому же князю ссужали крупныя суммы московскіе гости и суконники; вологжане и ржевичи давали деньги князю Борису Ѳедоровичу; Вепрь, повидимому торговецъ матеріями, ссудилъ удѣльнымъ князямъ Ивану Борисовичу 160 руб., а его брату 300 р. (свыше 46.000 руб. на наши деньги); Григорій Бобыня былъ кредиторомъ братьевъ Ивана III, задолжавшихъ ему до 280 руб. и т. д. Естественно, что князья рано привлекали на свою службу такихъ капиталистовъ, которые могли быть особенно полезны своимъ опытомъ и талантомъ въ хозяйствѣ на „Казенномъ дворѣ“. За эту службу князья давали привиллегіи, жалованныя грамоты, самая ранняя изъ которыхъ принадлежитъ великому князю Дмитрію Ивановичу. Она выдана новоторжцу Микулѣ съ его дѣтьми и сиротами (т. е. крестьянами): „Микулу съ его городищанами судитъ самъ великій князь, что купитъ или продастъ или его дѣти, не надобѣ имъ ни тамга, ни восминичее.., ни костки, ни которая пошлина, ни побережное, ни вѣсчее“.

Въ XVI вѣкѣ при дворѣ Московскаго царя мы видимъ уже цѣлую группу „гостей“, очень высокопоставленныхъ по своей „чести“ (50 р.); въ XVII столѣтіи (1632 и 1649 гг.) группа эта состояла изъ 13 человѣкъ, но, кромѣ нея, были особенные провинціальные гости: въ XVI вѣкѣ коломенскіе, въ XVII—новгородскіе и псковскіе. Они также служили агентами царя на мѣстахъ. Жалованныя грамоты гостямъ выдавалъ Иванъ Грозный, Ѳедоръ, хотя сохранились онѣ „на гостинное имя“ только отъ царя Бориса. Въ 1613 г. Михаилъ Ѳедоровичъ далъ общую жалованную грамоту гостямъ и гостинной сотнѣ, которая была подтверждена въ 1648 году

*) По Псковской лѣтописи; Новгородская даетъ 200.000 руб.

царемъ Алексѣемъ. Эти грамоты освобождали дворы гостей и гостинной сотни отъ тягла, другихъ сборовъ и отъ натуральныхъ повинностей: „мостить мосты“, давать подводы на ямскую гоньбу, а также отъ постоя. Гости и торговые люди гостинной сотни имѣютъ право держать у себя напитки безпошлинно, могутъ держать огонь и топить бани, когда имъ вздумается. Въ случаѣ отъѣзда изъ Москвы, они не платятъ перевоза и мостовщины на рѣкахъ и мыта за проѣздъ, а сами, ихъ дѣти, племянники и люди неподсудны воеводамъ, дьякамъ и приказнымъ людямъ: судитъ ихъ самъ царь или его казначей.

Такія важныя привиллегіи давались не даромъ: гости, гостинная и суконная сотни служили царю особую службу и платили его доходы по особымъ повышеннымъ окладамъ.

Служба гостей состояла прежде всего въ управленіи операціями царскаго Казеннаго двора. Они закупали на царя его монопольные и другіе товары, смотрѣли за ихъ храненіемъ, а также продавали ихъ. Грозный, напр., посылалъ свои товары съ гостями въ Англію и, вѣроятно, въ другія мѣста; тоже было и при Романовыхъ. Завѣдываніе чеканкой монеты на Монетномъ дворѣ, важнѣйшія таможни въ государствѣ (Архангельская, Казань, Нижній, Ярославль) были на рукахъ гостей, помощниками которыхъ являлись гостинная и суконная сотни. Такимъ образомъ, эти 3 корпораціи московскаго купечества поставляли правительству изъ своей среды, путемъ выбора съ соблюденіемъ очереди, его финансовыхъ агентовъ—на Монетный, на Казенный дворы и въ таможенныя избы крупнѣйшихъ центровъ. Наконецъ, гости, гостинная и суконная сотни являются экспертами и совѣтниками правительства во всѣхъ важныхъ и маловажныхъ вопросахъ экономической политики: они являются на Земскихъ Соборахъ, въ особыхъ комиссіяхъ по самымъ различнымъ пово-

дамъ *); возведенные въ званіе дьяковъ, гости иногда управляютъ приказами. Какъ царскіе агенты, гости считали себя и писали выше дьяковъ, кромѣ думныхъ, и только въ 1659 году боярскимъ приговоромъ было предписано дьячье имя ставить выше гостиннаго.

Гостинная сотня.

б) Въ тѣсной связи съ гостями стоятъ торговые люди гостинной сотни. Гости, въ отношеніи управленія, не составляли особой корпораціи, а являлись членами гостинной сотни и вербовались преимущественно изъ нея. Староста сотни считался представителемъ и гостей. Гостинная сотня, какъ таковая, возникла, повидимому, при Ѳедорѣ Ивановичѣ или даже при его отцѣ. Возможно, что подъ торговыми москвичами акты Земскаго собора 1566 г. подразумѣваютъ именно ее, и что тогда она имѣла свою корпоративную организацію. Впервые подъ своимъ именемъ она появляется на соборѣ 1598 года. Жалованныя грамоты гостей, о которыхъ мы упоминали, были выданы на имя гостей и и всей гостинной сотни торговыхъ людей, которые такимъ образомъ раздѣляли съ гостями ихъ привиллегіи.

Суконная сотня.

в) Рядомъ съ гостинной, ниже ея по достоинству, всегда стоитъ суконная сотня. Свое имя она позаимствовала, вѣроятно, отъ Смоленскаго суконнаго гостиннаго ряда, возникшаго, быть можетъ, послѣ перевода въ Москву смоленскихъ гостей, почему на соборѣ 1566 года и является подъ именемъ смольнянъ. Гостинная и суконная сотни пополняются по своимъ челобитнымъ особыми указами изъ среды наиболѣе состоятельныхъ посадскихъ и черныхъ людей московскихъ слободъ и сотенъ. Указы переводятъ такихъ богачей человѣкъ по 20—30 въ Москву, предписывая имъ жить въ ней и тянуть тягло съ гостинной и суконной сотнями, но, впрочемъ, нерѣдкимъ явленіемъ было и то, когда члены сотенъ жили внѣ Москвы. Гостинная и суконная сотня несли свои особыя службы,

*) См. статью „Экономическая политика Московскаго государства въ XVII в.“.

въ качествѣ цѣловальниковъ у гостей, головъ въ менѣе важныхъ таможняхъ, напр., на Устюгѣ Великомъ и т. п.; ежегодно они давали для этого по 18 человѣкъ. Вѣдались гости, гостинная и суконная сотни въ приказѣ Большой Казны.

Въ XVI столѣтіи, при Θедорѣ Ивановичѣ, въ гостинной сотнѣ было гостей и торговыхъ людей лучшихъ, молодшихъ и худыхъ 358 человѣкъ; въ 1630 г.—торговыхъ людей 185 человѣкъ и 13 человѣкъ гостей, да 2 гостинныхъ дѣтей, всего 200 человѣкъ; въ 1649 г.—158 человѣкъ и 13 гостей, всего 171 человѣкъ. Такой же упадокъ наблюдается въ суконной сотнѣ: до смуты, при Θедорѣ Ивановичѣ, въ ней 250 человѣкъ, въ 1630 г.—128 и въ 1649—116 человѣкъ.

Казенныя Московскія слободы.

г) Казенныя Московскія слободы принадлежали царской семьѣ (царю и царицѣ). Ихъ первоначальнымъ назначеніемъ было обслуживать нужды царскаго двора. Управлялъ ими Большой Дворецъ (Красное село, Садовая слобода, Барашская, Гончарная, Напрудная, Котельная, Огородная, Таганная, Басманная и Бронная), царицына Мастерская Палата (Кадашевская и Тверская Костентиновская, Хамовная и Конюшенный приказъ (Большая-Конюшенная слобода, что за Чертольскими (Пречистенскими) вороты, Большіе Лужники за Москвою рѣкою и на Царицыномъ лугу, Лужники, что подъ Крымскимъ дворомъ, Лужники, что подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, Сыромятная слобода и Овчинная слобода). Слободы несли особыя повинности, напр., дѣлали „хамовное дѣло“, т. е. тканье полотенъ, имѣли свою особую подсудность названнымъ приказамъ, особую территорію и организацію. Населеніе этихъ слободъ было довольно многочисленно: для середины XVII столѣтія въ вѣдѣніи Большого Дворца считалось въ 10-ти Московскихъ слободахъ до 1200 дворовъ, Мастерской Палаты—531 дворъ и въ Конюшенномъ приказѣ въ 6-ти слободахъ 465 дворовъ.

Московскія черныя сотни и слободы.

д) Менѣе численную группу, но болѣе видную по своей роли въ общей жизни Москвы, представляли Московскія черныя сотни и слободы, находившіяся въ управленіи Земскаго приказа (сотни: Дмитровская, Стретенская, Новгородская, Ордынская и Покровская; полусотни: Устюжская, Мясницкая и Кожевническая; слободы: Никитская, Кузнецкая, Заяуская, Семеновская, Пократьевская, Алексѣевская, Голутвинская, Воронцовская и Екатерининская). Въ 17-ти сотняхъ и слободахъ въ половинѣ XVII-го столѣтія считалось около 1650 дворовъ.

Московскія сотни и слободы также имѣли свою организацію: повидимому, у нихъ были сходы, существовали выборные старосты сотенъ и слободъ; они разметывали общегосударственные налоги по собственнымъ налоговымъ спискамъ. Особой ихъ обязанностью была служба по выборамъ въ цѣловальникахъ, быть можетъ, въ сторожахъ; въ XVII вѣкѣ ежегодно они давали въ нее свыше 200 человѣкъ.

Частновладѣльческія слободы въ Москвѣ.

е) Кромѣ названныхъ разрядовъ, въ Москвѣ были слободы ямского приказа (5 слободъ) и частновладѣльческія, слободы патріарха (Козье Болото), монастырей и частныхъ лицъ. По XIX главѣ Уложенія было отписано на государя 15 такихъ слободокъ; впрочемъ конфискація не коснулась большихъ патріаршихъ слободъ. Наконецъ, въ Москвѣ находились огромные „дворы“ боярства и вообще служилаго люда съ большимъ, подчасъ, количествомъ челяди въ нихъ.

Посадскіе люди.

ж) Основной массой торгово-промышленнаго населенія были „посадскіе люди“. Какъ было упомянуто, терминъ этотъ появляется вновь въ московскихъ памятникахъ; выраженіе „посадить“ слободу было въ ходу еще въ XVII столѣтіи, Иванъ III давалъ городчанамъ землю „въ посажень“—эти выраженія очевидно, и послужили началомъ термину. Съ XVI столѣтія терминъ прилагается къ черному, въ XVI в. еще свободному населенію городскихъ поселковъ (кромѣ

Москвы), занимавшемуся частью земледѣліемъ и подобными промыслами (въ мелкихъ городахъ), частью же торговлей и промышленностью. Населеніе это сидитъ теперь все на государевой черной землѣ и платитъ за нее оброкъ. Оно платитъ и общегосударственные налоги, поддерживаетъ ямскую гоньбу, городскія укрѣпленія (обычно съ уѣздомъ вмѣстѣ), везетъ государевы запасы (напр., въ Сибирь), а также помогаетъ въ сборѣ этихъ налоговъ. Такъ, посады ежегодно даютъ головъ въ таможни и кабаки по малымъ городамъ, такъ что голова служитъ не въ своемъ городѣ, цѣловальниковъ къ головамъ присланнымъ въ таможни и кабаки ихъ города, выбираютъ ямскихъ старостъ, панимаютъ ямщиковъ. Но и помимо этого, посадскіе несутъ многообразныя мѣстныя повинности и налоги: различныя угодья и предпріятія (рыбная ловля, мельницы, бани, солодовни, право торговли цѣлымъ рядомъ предметовъ) отдается приказами на откупъ предпринимателямъ-откупщикамъ, которыхъ особенно много выходило изъ бѣлыхъ слободъ и изъ Кадашева. Посады же уплачиваютъ государю оброки съ дворовъ, амбаровъ и лавокъ.

По состоятельности посадскіе дѣлятся на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Для зачисленія въ каждый изъ этихъ разрядовъ не существовало какихъ-либо объективныхъ признаковъ, хотя они служили и для взиманія налоговъ. Рядомъ съ собственно посадскими людьми проживали бобыли и нищіе. Бобыли не несли посадскаго тягла, а платили только оброкъ; обычно это малосостоятельные ремесленники. Нищіе ютились въ избахъ (а не во дворахъ), иногда имъ сооружались по государеву указу богадѣльни (въ Ярославлѣ, въ Вологдѣ и др.). Какихъ-либо податей въ посадъ и государю они не платили, но патріархъ Никонъ бралъ съ нищенскаго двора по 2 деньги.

IV.

Обратимся теперь къ посадамъ, ихъ организаціи и соціальному составу.

Для чернотяглыхъ москвичей существовалъ особый приказъ Земскій, а для управленія и эксплоатаціи посадскихъ, какъ особаго разряда населенія, съ половины XVI столѣтія, возникаютъ чети, лишь кое-гдѣ вѣдавшіе и уѣздное черное населеніе *).

Посадскій міръ.

Посады XVI—XVII вѣковъ отъ удѣльной эпохи наслѣдовали организацію мѣстнаго управленія, центромъ котораго былъ посадскій „міръ“—совокупность членовъ посада и его органы. Со времени упраздненія намѣстниковъ и волостелей при Грозномъ, посадскіе міры пріобрѣли отъ нихъ судебныя, полицейскія и нѣкоторыя финансовыя полномочія. Впрочемъ, вскорѣ затѣмъ въ различныхъ городахъ появляется новая власть въ лицѣ воеводы, которая со времени смуты распространяется всюду **). Воевода иногда довольно сильно стѣснялъ власть выборныхъ посадскихъ органовъ, но тѣмъ не менѣе они продержались до самаго конца XVII вѣка, и потонули въ Петровскихъ преобразованіяхъ (бурмистерскія палаты, затѣмъ магистраты). Посадскій міръ является лишь частью большихъ міровъ,—„всеуѣзднаго міра“ на сѣверѣ, міра „земли“, т. е. какой-либо области, и, наконецъ, государства, гдѣ имѣлся также свой органъ міра—Земскій соборъ. Въ свою очередь и самъ посадскій міръ состоялъ изъ болѣе мелкихъ организацій—міровъ, какъ міръ волостной иногда состоялъ изъ міровъ волостокъ, погостовъ и т. п. Посадскіе концы, улицы, сотни, десятки, даже торговые ряды имѣютъ собственную организацію, хотя довольно пассивнаго характера. Лишь въ Москвѣ мы найдемъ оживленную дѣятельность мелкихъ міровъ—сотенъ, слободъ и рядовъ, но здѣсь не было общаго Московскаго міра, который бы объединялъ ихъ въ одно цѣлое: ихъ центромъ были нѣсколько различныхъ приказовъ.

*) См. ст. С. Б. Веселовскаго „Приказы Московскаго Государства“.

**) См. ст. „Мѣстное управленіе“.

Земскій совѣтъ.

Посадскій міръ, равно какъ слободы или сотни, какъ совокупность всѣхъ взрослыхъ дворохозяевъ посада, обладаетъ особыми органами, одни изъ нихъ служатъ для выраженія его воли, другіе предназначены для приведенія въ исполненіе его рѣшеній. Первымъ былъ посадскій сходъ, называвшійся „Мірскимъ совѣтомъ“, или „Земскимъ совѣтомъ“. Собирался онъ или въ трапезѣ какой-либо церкви, или же чаще въ спеціальныхъ земскихъ избахъ, куда „сходились земскіе люди для земскихъ дѣлъ“. На сходы обычно являлись не всѣ дворохозяева, а лишь желающіе, „совѣтные люди“. Количество ихъ зависѣло отъ величины посада, отъ степени жгучести вопроса и отъ другихъ случайныхъ причинъ. Совѣтъ имѣетъ право постановлять рѣшенія отъ имени всѣхъ посадскихъ людей даннаго посада. Онъ представляетъ ихъ передъ лицомъ государства. „Мірской приговоръ“ подробно записывается земскимъ дьячкомъ, при чемъ участники схода перечисляются поименно. Важнѣйшей функціей совѣта являются выборы должностныхъ лицъ посада и выдача имъ соотвѣтствующихъ полномочій: „выборовъ“, „посылошныхъ“, „приговоровъ“ и т. п., а также назначеніе путемъ выбора нужныхъ правительству лицъ. Соотвѣтствующими приговорами совѣтъ же уполномачиваетъ своихъ представителей производить сборы денегъ, какъ для общегосударственныхъ нуждъ (посоха, ямскія деньги), такъ и для поддержанія мѣстныхъ учрежденій—храмовъ, богадѣленъ, тюрьмы, на жалованье должностнымъ лицамъ посада и т. п. (ружные доходы). Его компетенціи подлежитъ даже опредѣленіе размѣровъ подношеній воеводѣ, дававшихся деньгами, „мясами, рыбами“ и другими предметами, хотя иногда староста лишь докладывалъ сходу о произведенныхъ расходахъ этого рода.

Органы Земскаго Совѣта.

Органами Земскаго совѣта и его представителями являлись: посадскій староста и земскіе цѣловальники, иногда „мірскіе посыльщики“, когда нужно было вести мірское дѣло въ Москвѣ. Кромѣ того, сходъ выбиралъ

ямскихъ старостъ и цѣловальниковъ, иногда особыхъ ружныхъ старостъ, таможенныхъ и кабацкихъ головъ (обычно въ иной посадъ) и „ларешныхъ“ цѣловальниковъ (въ свой посадъ). Каждый изъ выборныхъ получалъ особо составленный „выборъ“ за руками схода, а иногда и не бывшихъ на немъ мірскихъ людей. Выборъ являлся и полномочіемъ данному лицу выступать отъ имени міра, по приговорамъ производить сборы денегъ, въ особыхъ случаяхъ, подъ проценты, занимать деньги „на мірскія нужды“ у частныхъ лицъ; онъ являлся и ручательствомъ, какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ частными лицами въ томъ, что за старостой, цѣловальникомъ или посыльщикомъ стоитъ весь посадскій міръ. За неисправности выбранныхъ лицъ въ сборахъ („воровство“), за нерадѣніе, въ случаѣ отказа платить по кабалѣ, убытки доправлялись на подписавшихъ выборъ по указанію истца, а то и на всемъ мірѣ. Наконецъ, совѣту же или его выборнымъ счетчикамъ давали отчетъ кончившіе свой срокъ выборныя должностныя лица.

Земскіе старосты.

а) „Посовѣтовав всемъ миром, излюбилі есмя і выбралі к государеву дѣлу и къ земскому в Ростове в Земскую Избу ростовцевъ же посадских людей въ *земские старосты* і в цѣловальники Митрофана Кичигина да Лукьяна Ермольева съ товарыщі“. Такова формула выбора мірскихъ властей. Далѣе опредѣляются права старостъ и обязанности посадскихъ людей къ нимъ. Староста съ цѣловальниками является представителемъ міра, онъ имѣетъ право отъ его имени бить челомъ „о наших мирских нужах“... Иногда указывается, что онъ можетъ занимать деньги на имя міра и обязанъ затѣмъ ему отчетомъ. Наконецъ, староста обладаетъ правомъ принуждать членовъ посада къ исполненію его законныхъ требованій. Со своей стороны выборщики обязуются „старостъ и цѣловальников... не подати ни въ чемъ и за ніх стояті і во всемъ... ихъ слушаті, на Земской совѣтъ въ Земскую Избу к

ним ходить, не огурятися ни въ чемъ. І въ розводъ въ мирской во всякой намъ посадским людемъ деньги земским старостамъ и цѣловальникам... давать и окупать во всемъ".

Этотъ выборъ перечисляетъ только основныя функціи земскихъ старостъ и цѣловальниковъ: право представительства особенно въ челобитныхъ, право созыва земскаго совѣта, право собирать нужныя на расходъ деньги. Практика значительно разнообразила ихъ: староста выступалъ съ челобитьями къ царю и съ мірскими заявленіями передъ воеводами, онъ же въ малыхъ посадахъ собиралъ деньги и расходовалъ ихъ на самыя разнообразныя нужды вплоть до подношеній воеводы и инымъ нужнымъ лицамъ; староста же съ цѣловальниками вѣдалъ хозяйственныя предпріятія посада, гдѣ они были (лавки, погреба, луга, лошадей, и т. п.). Если земскій староста собиралъ ямскія деньги и ружныя, то по нимъ онъ иногда назывался также ямскимъ и ружнымъ старостою.

Земскіе цѣловальники.

б) Рядомъ съ земскимъ старостой постоянно видимъ выборную коллегію *земскихъ цѣловальниковъ*. Количество ихъ различно, 4—10 человѣкъ, смотря по величинѣ посада и, вѣроятно, потребностямъ и обычаямъ. Цѣловальники являются подчиненными помощниками старостъ: собираютъ деньги, хранятъ ихъ, отвозятъ подати къ Москвѣ, производятъ расходы, смотрятъ за тюрьмами и т. п.

Ружные старосты.

в) Иногда нѣкоторыя обязанности старосты, какъ-то выплата жалованья духовенству нѣкоторыхъ церквей, содержаніе тюрьмы, политическихъ ссыльныхъ, а также производство другихъ мелкихъ мірскихъ расходовъ, выдѣляется въ особую функцію, которую отправляетъ особый *„ружной староста"*. Онъ же собираетъ, по мірскому приговору, нужныя для этой цѣли деньги съ населенія.

Ямскіе старосты и цѣловальники.

г) Точно также завѣдываніе ямской гоньбой въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ не было ямскихъ слободъ, падало иногда на долю особыхъ выборныхъ *ямскихъ старостъ*

и цѣловальниковъ, которые также самостоятельно собирали съ мірскихъ людей нужныя средства.

Посыльщики

д) Когда нужно было о чемъ-либо просить въ Москвѣ государя, то мірской совѣтъ выбиралъ *посыльщика*, назначая ему опредѣленное мѣсячное вознагражденіе. Посыльщикъ по своему выбору являлся какъ бы экстренной должностью съ правами старосты, т. е. съ правомъ представительства иногда по опредѣленному, иногда по всѣмъ, по какимъ найдетъ нужнымъ, дѣламъ, съ правомъ занимать деньги, если онѣ понадобятся въ мірское дѣло, съ обязанностью дать отчетъ въ нихъ—и все это подъ отвѣтственностью выборщиковъ и всего міра. Частнымъ случаемъ такого посыльщика по всѣмъ дѣламъ можно считать посадскихъ депутатовъ на Земскихъ соборахъ. У крупныхъ и богатыхъ посадовъ (напр., Ярославль, Кострома) въ Москвѣ былъ постоянный „посыльщикъ“-ходатай, получавшій отъ своего посада инструкціи и вознагражденіе.

Счетчики.

е) Къ особымъ, экстреннымъ органамъ Земскаго совѣта относятся *земскіе счетчики*. Обязанность учесть сдававшихъ дѣла старостъ, цѣловальниковъ, посыльщиковъ, ямскихъ старостъ и т. п. иногда выполнялась земскими старостами же со своими цѣловальниками, иногда же для этой цѣли совѣтъ избиралъ особую комиссію, которая пересматривала книги, росписки и другіе оправдательные документы учитываемаго лица. Въ случаѣ нахожденія всего въ порядкѣ, счетчики выдавали отъ себя „отчетную запись“, которая прекращала претензіи міра къ учитываемому, или же, найдя какое-либо „воровство“ или неисправность, „насчитывали“ на него слѣдуемую сумму. Начетъ взыскивался обычнымъ порядкомъ черезъ воеводу (правежъ), хотя на счетчиковъ можно было жаловаться въ Четь, и тогда нерѣдко, по государеву указу, учеты производились таможеннымъ головой или какимъ-либо другимъ правительственнымъ органомъ.

Учетъ въ денежныхъ дѣлахъ не былъ, повидимому, непремѣннымъ условіемъ и иногда не произ-

водился по отдѣльнымъ посадамъ по нѣскольку лѣтъ, особенно если у власти непрерывно держалась одна какая-нибудь группа лицъ. Но иногда учетъ назначался, въ видѣ ревизіи, сразу за нѣсколько лѣтъ (напр., на Устюгѣ Великомъ за 10 лѣтъ).

Земскій дьячекъ.

ж) Наконецъ, нужно упомянуть въ числѣ должностныхъ лицъ міра *земскаго дьячка*. Онъ является нотаріусомъ посада, архиваріусомъ и секретаремъ Земскаго совѣта. Всѣ приговоры послѣдняго составляются обычно имъ, онъ скрѣпляетъ ихъ своей подписью, удостовѣряя подлинность документа. За свою дѣятельность земскій дьячекъ получаетъ опредѣленное вознагражденіе.

Всѣ указанныя выборныя должности были годовыми за исключеніемъ посыльщиковъ и счетчиковъ (на неопредѣленный срокъ); въ выборахъ иногда руководились очередью службы. Нѣкоторыя изъ нихъ вознаграждались изъ мірскихъ суммъ (посыльщики, дьячки). Выборы совершались по государевой грамотѣ, по приказанію или съ разрѣшенія мѣстнаго воеводы.

Земскія избы.

Сосредоточіемъ земской жизни посадскаго міра была „Земская изба“, точно такъ же какъ центромъ государственной власти и ея отправленій на посадѣ являлась воеводская „Съѣзжая изба“. Земская изба, иногда замѣнявшаяся трапезой какой-либо церкви, иногда занимавшая нѣсколько спеціальныхъ зданій (напр., три избы), являлась оффиціальнымъ присутствовеннымъ мѣстомъ: здѣсь хранились государевы указы и грамоты, списки съ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, приходо-расходныя книги государевымъ и мірскимъ деньгамъ, сданныя старостами и другими сборщиками и т. д. Сюда собирался Земскій совѣтъ посадскаго міра, сюда сходились старосты и цѣловальники, здѣсь же, наконецъ, былъ и земскій дьячекъ. Раскладка податей, выборы, составленіе челобитныхъ, все это происходило въ Земской избѣ, которая такимъ образомъ играла важную роль въ жизни посадскаго населенія.

Земская изба являлась также сосредоточіемъ хозяйственныхъ предпріятій посадскаго міра, какъ-то: постройки лавокъ и сдачи ихъ въ наемъ, сдачи посадскихъ угодій и т. п.

V.

Соціальный составъ.

Весь торгово-промышленный классъ въ XVII вѣкѣ раздѣляется по своимъ занятіямъ на нѣсколько группъ, а въ каждой группѣ можно наблюдать сильную дифференціацію по состоятельности. По занятіямъ онъ образуетъ бытовыя группы: торговыхъ и промышленныхъ, ремесленныхъ и работныхъ людей.

Торговые и промышленные люди.

а) Самой состоятельной является группа торговцевъ и промышленниковъ. Изъ ея рядовъ выходитъ мірская аристократія, она постоянно верховодитъ общинными дѣлами посадовъ, она же, въ лицѣ „лучшихъ людей“, оффиціально представляетъ посадскіе міры на Земскихъ соборахъ. Эта группа „торговыхъ и промышленныхъ людей“ въ XVII вѣкѣ въ свою очередь является очень пестрой по соціальному составу, такъ какъ внутри ея можно встрѣтить людей различныхъ положеній, начиная отъ крупныхъ предпринимателей и кончая мелкими торгашами—пирожниками, квасниками и т. п.

Предприниматель-промышленникъ обычно является одновременно и купцомъ, при чемъ онъ невсегда торгуетъ только продуктами своихъ промысловъ. Строгановы, напримѣръ, торговали солью. Въ ихъ рукахъ въ половинѣ XVII столѣтія находились еще цѣлыя княжества по Камѣ, Чусовой и Бѣлой; крупными солепромышленниками были также гость Надѣя Свѣтешниковъ, но онъ дѣлалъ обороты и съ хлѣбомъ, готовилъ на государя мѣдь и т. п. Вообще соляной промыселъ въ половинѣ XVII вѣка требовалъ уже значительнаго капитала. Въ старой Русѣ новая соляная варница „съ черепомъ, съ колоды, со всякимъ варничнымъ заводомъ“ стоитъ 140 р., да 150 р. нужно оборотнаго капитала

(всего около 5000 руб. на наши деньги), но у крупныхъ предпринимателей обычно по нѣсколько варницъ. На Соли Камской въ половинѣ XVII вѣка было 4 главныхъ солепромышленника (одинъ изъ нихъ съ компаніономъ), которые и захватили въ свои руки весь промыселъ. Гостинной сотни Иванъ Черкасовъ владѣетъ 6-ю варницами, 13-ю разсольными трубами—все это на скупленныхъ тяглыхъ мѣстахъ, кромѣ того, 20-ю дворами, сѣнными покосами въ 4 хъ мѣстахъ, деревней и пашенными мѣстами. У другого „промышленнаго человѣка“ гостинной сотни Бориса Никитникова съ Григоріемъ Булгаковымъ, недалеко отъ посада 13 варницъ „съ разсольными трубами и съ соляными анбарами и всякими угодьи“. Здѣсь у нихъ деревенька, много покосовъ, „троеколесная мельница“, потопившая тяглые покосы по обѣ стороны рѣки Зырянки. Промышленники „для варнишного промыслу варнишные дрова сѣкутъ и плавятъ по 20.000 саженъ и больше“. На посадѣ у нихъ 6 анбаровъ и 3 двора. Гость Василій Шоринъ владѣетъ здѣсь 4 варницами съ 7 трубами, у него же 5 дворовъ на посадѣ и собственная пристань на Камѣ... Такого типа и остальные сильные люди Соли Камской: Богданъ Цвѣтной и Семенъ Свѣтешниковъ.

Въ указанныхъ случаяхъ промышленникъ является одновременно и торговцемъ, при чемъ часто онъ не ожидаетъ покупателей на мѣстѣ производства, а везетъ продукты промысла на рынки.

Крупныхъ купцовъ, занятыхъ исключительно торговлей, мы найдемъ скорѣе въ центрѣ страны, особенно на линіи Москва—Архангельскъ, гдѣ для торговаго капитала была обильная область приложенія*). Какъ на примѣръ, укажу на одинъ случай. Московскій торговый нѣмчинъ Бориско Ѳедоровъ въ 1602 г. обладалъ такимъ имуществомъ: двумя дворами на Холмогорахъ (въ 60 и 70 рублей), рухляди по оцѣнкѣ

*) См. ст. „Торговля и промышленность“.

на 222 р. съ лишнимъ (мѣха, чарка серебряная, золотые перстни, одежда и др.), денегъ 889 руб. 6 алтынъ, 30 кабалъ (векселей) и 8 памятей (росписокъ) на розданный въ долгъ деньги и товаръ. Очевидно, Ѳедоровъ является образчикомъ чистаго, средняго по состоятельности, купца, причемъ интересно, что онъ дѣлалъ обороты самыми различными товарами: соболями и другими мѣхами, сукнами, иголками, саломъ, коноплянымъ масломъ, льномъ, щетиной, рогожами и т. п. Долговыя обязательства, какъ имѣвшіяся у него, такъ и предъявленныя къ нему, указываютъ, что въ торговлѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковался кредитъ. Крупнѣйшій купецъ-капиталистъ государства въ первой половинѣ XVII вѣка, гость Григорій Микитниковъ, ежегодно подвозившій къ Архангельску товаровъ на сумму 10—40.000 руб. (отъ 120—480.000 руб. приблизительно), торговалъ, повидимому, также безъ промысловъ, главнымъ образомъ русскими кожами, но не исключительно ими.

Торговцы и промышленники нерѣдко образовывали компаніи для тѣхъ или иныхъ предпріятій. У нихъ мы постоянно находимъ приказчиковъ, сидѣльщиковъ въ лавкахъ и т. п. служащій по торговлѣ людъ...

Ремесленники.

Наряду съ отмѣченными крупными, среди промышленниковъ и торговцевъ на посадахъ количественно преобладающимъ элементомъ были мелкіе промышленники, сливавшіеся съ ремесленниками, и торговцы, часто продавшіе произведенія рукъ своихъ: или ремесла или скотоводства и хлѣбопашества. Таковы извозчики, прасолы, мучники и т. п. Въ одной Москвѣ мы встрѣчаемъ очень большое количество отраслей ремесленной дѣятельности, до 250 спеціальностей, меньше было ихъ въ остальныхъ посадахъ, но общій характеръ мелкой спеціализаціи ремесла оставался и тутъ. Почти во всѣхъ посадахъ мы найдемъ группу ремесленниковъ, занятыхъ или рѣдкими сравнительно отраслями ремесла, каково ювелирное, зеркальное и под. дѣло (въ Москвѣ,

Ярославлѣ) или же чаще выдѣлкой предметовъ, необходимыхъ для жизни среднихъ и низшихъ слоевъ населенія, таковы: желѣзное, портняжное, кожевенное и др. дѣла. Въ Москвѣ наибольшей диффенціаціи ремесло достигло въ области желѣзо-литейнаго и мѣдно-литейнаго дѣла, а также въ кожевенномъ и портняжьемъ дѣлѣ. Въ первыхъ мы находимъ до 50 спеціальныхъ отраслей: кромѣ кузнецовъ, пушкарей, денежныхъ мастеровъ, здѣсь видимъ мастеровъ самопальныхъ, съ подраздѣленіемъ на ствольниковъ, станочниковъ и замочниковъ; сабельники, латные и бронные мастера выдѣлываютъ холодное оружіе; предметы домашняго обихода выдѣлываютъ мѣдники, желѣзники, котельники и т. п. или же по сцеціальностямъ: замочники, игольники, шильники, пуговочники, ножевники и т. д. Въ кожевенномъ дѣлѣ мы встрѣтимъ: кожевниковъ, овчинниковъ, сапожниковъ, чоботниковъ, а также сырейщиковъ, сыромятниковъ, уздниковъ, подошевниковъ, кнутниковъ и т. п. Такое дробное дѣленіе наблюдается, конечно, въ крупныхъ центрахъ съ большими рынками, но и въ меньшихъ посадахъ даже въ XVI вѣкѣ мы находимъ представителей названныхъ ремеслъ, хотя чаще всего встрѣтимъ въ посадахъ кузнецовъ, сапожниковъ, пирожниковъ, хлѣбниковъ, блинниковъ, квасниковъ и т. п. „площадныхъ просолишковъ“.

Какъ среди торговцевъ, такъ и среди ремесленниковъ на посадахъ мы находимъ въ XVII вѣкѣ подраздѣленія: среди первыхъ—на хозяевъ, приказчиковъ и сидѣльщиковъ, среди вторыхъ—на хозяевъ-мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ. Была выработана практикой даже обычная „рядная запись“ на ученичество. Она опредѣляетъ срокъ ученичества (обычно 5 лѣтъ), указываетъ на обязанность хозяина содержать ученика и обучить его своему ремеслу; иногда ученикъ обязуется послѣ обученія прожить у хозяина еще нѣкоторое время въ качествѣ работника. Такой работникъ, повидимому, является подмастерьемъ, который иногда бе-

ретъ дѣло и со стороны. Званіе мастера, во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ, было сопряжено съ испытаніемъ, при чемъ иногда хозяинъ даетъ показанія объ ученикѣ; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ (ювелирное дѣло) были выработаны правила добротности работы, установленныя закономъ и провѣряемыя старостами серебрянаго ряда. Разумѣется, такое устройство, въ которомъ не трудно узнать будущіе Петровскіе цехи, не было распространено повсемѣстно. Мы можемъ наблюдать его въ болѣе крупныхъ центрахъ, какъ Москва, Ярославль, Нижній,—въ другихъ посадахъ отношенія были проще, невыработаннѣе, хотя ученичество является, повидимому, стариннымъ народнымъ институтомъ, распространеннымъ всюду. Но во всякомъ случаѣ ремесло было мелкимъ домашнимъ производствомъ даже въ такихъ предпріятіяхъ, какъ государевы. Ремесленники XVII вѣка жили, въ среднемъ, небогато: „Для ихъ плохой жизни“, говоритъ Олеарій, требуется немного, и они трудами рукъ своихъ добываютъ себѣ... денегъ на пищу и на чарку водки и могутъ пропитать себя и своихъ родныхъ“.

Работные люди.

г) У крупныхъ промышленниковъ и у купцовъ, иногда даже у ремесленниковъ, мы встрѣчаемся съ „работными людьми“ или „наймитами“. Свободный наемный трудъ былъ дѣйствительно очень распространеннымъ явленіемъ въ XVII вѣкѣ. Посадскіе упомянутой нами Соли Камской, въ которой въ 1646 г. считалось 504 тяглыхъ двора, работаютъ на чужихъ промыслахъ (раньше, вообще, промыслы были мельче и находились въ рукахъ мѣстныхъ предпринимателей), они служатъ въ качествѣ работныхъ „поваровъ“ и „подварковъ“, водоливами, чистятъ варничныя мѣста, возятъ дрова, служатъ ярыжками на судахъ промышленниковъ. Контингентъ работныхъ людей пополнялся также изъ уѣздныхъ крестьянъ, которые нерѣдко „кормятся по городамъ“, изъ обѣднѣвшихъ посадскихъ сходцевъ, которыхъ, напр., въ поволжскихъ

городахъ довольно часто можно встрѣтить въ качествѣ ярыжныхъ (рабочихъ) на судахъ и на промыслахъ, даже изъ мелкихъ служилыхъ людей, но пока довольно трудно выяснить несомнѣнно пеструю картину отношеній ярыжныхъ къ своимъ хозяевамъ. Были среди нихъ и спеціалисты наемные рабочіе, особенно въ такихъ промыслахъ, какъ извозъ, плотничество, судоходство, соленареньe и т. п. Нанимаясь, по крайней мѣрѣ на отвѣтственныя мѣста, работный человѣкъ даетъ на себя „запись“, которая именуется иногда въ памятникахъ „крѣпостью“. По такимъ записямъ можно преслѣдовать передъ судомъ и администраціей („судъ и правежъ“), при чемъ несоблюденіе срока найма даже простымъ ярыжкой считалось, преступленіемъ, и отъ хозяина въ такомъ случаѣ приходилось „убѣгать“. Приказчики даютъ отчетъ „передъ Спасомъ прямое слово“. Работные люди получаютъ отъ нанимателя вознагражденіе иногда деньгами, иногда натурой, по крайней мѣрѣ отчасти (напр., хлѣбомъ, платьемъ). При этомъ, предприниматель нерѣдко давалъ работнымъ людямъ „деньгами и запасами“ впередъ, а работные люди потомъ „отработываются... за то во многіе годы, а денежнаго платежу отъ тѣхъ работниковъ не бываетъ“. Плата бывала годовой или поденной. Въ первой половинѣ XVII вѣка она равнялась, для ярыжныхъ (черноработныхъ), на Москвѣ, приблизительно 1 алтыну, повышаясь иногда до 10 денегъ; годовое вознагражденіе въ Москвѣ же, въ концѣ столѣтія, считалось рублей 10—11. Такого вознагражденія, еще уменьшавшагося въ посадахъ, хватало лишь на скромное существованіе. Поэтому положеніе работныхъ людей почти всегда рисуется невеселыми штрихами: на Соли Вычегодской, напр., „много работныхъ людишек і жены и дитишка нищетою около Строгановых дворов и скитаютца въ миру“...

Павелъ Смирновъ.

Великій государь и его власть *).

Къ XVI вѣку власть московскаго государя, поборовъ всѣ анти-самодержавные элементы, достигаетъ небывалой высоты, найдя въ произведеніяхъ публицистовъ того времени яркое теоретическое обоснованіе. Царь—намѣстникъ Бога на землѣ; народъ въ государственной власти не имѣетъ своей доли—вотъ общій взглядъ **).

Но въ смутное время московское самодержавіе испытываетъ крушеніе: верхъ берутъ недовольные элементы; источникъ власти оказывается въ рукахъ народныхъ представителей, вслѣдствіе чего эта власть подверглась существеннымъ внутреннимъ измѣненіямъ: въ нее вошли новые элементы, преобразившіе ее до неузнаваемости.

---

*) Литература: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. II, Русская историческая библіотека, т. XIII. *Котошихинъ*. Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Записки отд. русск. и слав. археологіи Имп. рус. археол. общества, т. II (письма царя Алексѣя Михайловича). *Фокеродтъ*. Россія при Петрѣ Великомъ (Чтенія общества исторіи и древностей Россійскихъ, 1874 г., кн. II). *Коллинсъ*. Нынѣшнее состояніе Россіи (Чтенія общ. истор. и древн. Россійскихъ, 1846 г., № 1). *Устряловъ*. Сказанія князя Курбскаго, „Челобитная“ Ивана Пересвѣтова въ Чтеніяхъ общест. ист. и древ. Россійскихъ 1908 г., кн. 1. *Костомаровъ*. Русская Исторія, т. II. *Марковичъ*. Избраніе на царство М. Ѳ. Романова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г. сентябрь—октябрь). *Платоновъ* Очерки по исторіи смуты, *его же*. Земскіе соборы московскаго государства, *его же*. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1906 г. декабрь). *Латкинъ*. Земскіе соборы. *В. Алексѣевъ*. Вопросъ объ условіяхъ избранія на царство М. Ѳ. Романова (Русская Мысль 1909 г., кн. XI).

**) См. Политическія партіи первой половины XVI в. и власть Московскаго царя. Проф. *Довнаръ-Запольскаго*. Русская исторія, т. II, стр. 118.

Положеніе послѣ смерти царя Ѳедора.

Послѣ смерти царя Ѳедора Иваповича, послѣдняго представителя династіи Рюриковичей, престолъ оказался вакантнымъ. Народъ выбралъ въ цари Бориса Годунова, т. е. замѣстилъ престолъ по своей волѣ. Такимъ образомъ власть, имѣвшая до сихъ поръ своимъ источникомъ Божіе изволеніе, получила свои полномочія изъ рукъ народа, изъ власти „Божіей милостію“ превратилась во власть „волею народа“, стала избирательной. *Избираемость* и является первымъ измѣненіемъ въ существѣ государственной власти подъ вліяніемъ Смуты, первымъ новымъ элементомъ въ составѣ ея. Начиная съ Бориса Годунова, цѣлый рядъ носителей государственной власти—самозванецъ Дмитрій, В. Шуйскій, временное правительство 1611 года и, наконецъ, первые Романовы получаютъ власть волею народа. При этомъ принципъ избираемости настолько входитъ въ практику, что избраніе царя происходитъ даже въ предѣлахъ одной династіи, когда власть могла бы перейти по наслѣдству. Именно, Алексѣя Михайловича, сына Михаила Ѳедоровича, по свидѣтельству Котошихина, „на царство обрали“ представители народа. Пусть это даже только форма, торжественное признаніе народомъ правъ Алексѣя Михайловича на московскій престолъ (какъ представляютъ дѣло нѣкоторые ученые)—не больше. Для насъ важенъ самый фактъ замѣщенія престола при *участіи народа*. Кромѣ, того у насъ есть доказательство, такъ сказать, переворота, происшедшаго въ умахъ общества того времени, во взглядѣ на источникъ власти, въ смыслѣ признанія такимъ источникомъ воли народа. До насъ дошло извѣстіе, что, когда къ В. Шуйскому, уже избранному на царство, ворвалась толпа съ шумомъ и угрозами, онъ обратился къ ней со слѣдующими любопытными словами: „Что пришли, люди, ко мнѣ съ нелѣпымъ шумомъ? Если хотите убить меня, я готовъ умереть. Если же съ престола согнать, то не можете этого учинить, пока не сойдутся большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди и я съ ними.

Избираемость царя.

И какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и готовъ по тому совѣту сотворить". Шуйскій хотѣлъ сказать, что кто далъ ему власть, тотъ и можетъ только отнять ее у него, т. е. народъ. Воля народа—вотъ рѣшающій факторъ въ надѣленіи верховной властью. Описанная сцена лежитъ, такъ сказать, на совѣсти автора—въ другихъ источникахъ (кромѣ Русской исторической библіотеки) мы ея не находимъ. Но, если даже заподозрить ее, какъ фактъ, она сохраняетъ свое значеніе въ качествѣ иллюстраціи мысли, циркулировавшей въ обществѣ того времени.

Ограниченіе власти.

Сдѣлавшись избирательной, государственная власть сдѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ Смуты также *ограниченной*. Есть извѣстіе, что уже первый избранный народомъ царь (Б. Годуновъ) былъ ограниченъ въ своей власти, но это извѣстіе мало достовѣрно и отличается неопредѣленностью, неясностью. Идея ограниченія развилась позже, и первое несомнѣнное ея приложеніе видимъ при избраніи на царство В. Шуйскаго.

Василій Шуйскій.

Именно, Шуйскій далъ на себя „запись", подкрѣпленную крестнымъ цѣлованіемъ, т. е. присягой. Въ „записи" новый царь клятвенно обѣщался: 1) никого не предавать смерти, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами; 2) не отнимать имущества у жены и дѣтей виновнаго, разъ они съ нимъ въ мысли не были; 3) не слушать ложныхъ доносовъ и преслѣдовать доносчиковъ; 4) вообще всѣ дѣла рѣшать праведно, по суду и слѣдствію. Въ этихъ условіяхъ заключаются гарантіи личной и имущественной неприкосновенности, выговоренныя у новаго царя. Если мы вспомнимъ, что личность и имущество въ предшествующія цартвованія (Ивана IV въ особенности) были не обезпечены, то содержаніе перваго ограничительнаго акта станетъ для насъ совершенно понятнымъ. „Запись" была разослана повсюду, вмѣстѣ и одновременно съ извѣстительной грамотой объ избраніи на царство В. Шуйскаго.

Нѣкоторые изслѣдователи не хотятъ видѣть въ „записи“ Шуйскаго ограничительнаго акта, считая перечисленные выше пункты ея простымъ обѣщаніемъ царя, притомъ еще въ несовсѣмъ ясно формулированныхъ выраженіяхъ, и указываютъ также на то, что „судъ съ боярами своими“ не повторенъ въ извѣстительныхъ грамотахъ. Это, по нашему мнѣнію, софизмъ. Въ данномъ случаѣ важенъ фактъ *обязательства* и *присяги* царя независимо отъ содержанія акта. Московскіе государи до Смутнаго времени именно въ отсутствіи обязательствъ передъ народомъ, скрѣпленныхъ присягой, видѣли главный признакъ самодержавія и отличіе московскаго порядка отъ иного. Когда новгородцы выразили желаніе, чтобъ Иванъ III поцѣловалъ крестъ на условіяхъ присоединенія Новгорода къ Москвѣ, онъ категорически отказалъ имъ въ этомъ и не велѣлъ цѣловать креста даже боярамъ своимъ. Онъ считалъ присягу подданнымъ и обязательство передъ ними несогласнымъ со своимъ достоинствомъ и московскимъ порядкомъ.

Избраніе Владислава.

Болѣе широкое и отчетливое выраженіе идея ограниченія государственной власти получила въ договорѣ бояръ съ польскимъ королевичемъ Владиславомъ черезъ посредство Жолкевскаго 4 февраля—17 августа 1610 года. Хотя кандидатура Владислава провалилась, тѣмъ не менѣе условія, на которыхъ предполагалось его воцареніе, для насъ въ высокой степени интересны и цѣнны. Это—единственный юридическій памятникъ, въ которомъ полно и ясно формулированы ограничительныя условія, и который можетъ быть поставленъ въ рядъ съ настоящими конституціонными актами. Договоръ 1610 года, подобно многимъ конституціямъ, сначала опредѣляетъ общія гражданскія права населенія. Такъ, прежде всего обезпечивается личная и имущественная неприкосновенность — „не сыскавши вины и не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими никого не казнити и чести ни у кого не отымати и въ

заточеніе не засылати, помѣстей и вотчинъ и дворовъ не отымати". Судъ обѣщается на основаніи дѣйствующихъ нормъ—„суду быти и совершитеся по прежнему обычаю и по судебнику". Затѣмъ гарантируются права населенія по службѣ. Именно „всѣхъ чиновъ служилыхъ жилецкихъ людей россійскаго государства имѣти всѣхъ по достоинству въ чести и въ жалованьи и въ милости и... всякихъ людей жаловати, смотря по службѣ и кто чего достоинъ". Наконецъ, въ виду католическаго вѣроисповѣданія Владислава, обезпечивается неприкосновенность православія—„христіанскія православныя вѣры греческаго закона ничѣмъ не рушить и не безчестить и иныхъ никакихъ вѣръ не вводити". Установивъ эти, такъ сказать, конституціонныя гарантіи, договоръ далѣе опредѣляетъ новый порядокъ управленія. Царь, согласно договору, дѣлитъ свою власть съ боярской думой и земскимъ соборомъ. При этомъ измѣненіе старыхъ и изданіе новыхъ законовъ происходитъ при участіи думы и собора. „...А будетъ похотятъ въ чемъ пополнити (судебникъ) для укрѣпленія судовъ, государю на то поволити съ думою бояръ и всей земли"... Для взысканія же новыхъ налоговъ требуется согласіе боярской думы—„сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ боярами, ни въ чемъ не прибавливати"—поборовъ съ населенія. Боярской же думѣ принадлежитъ судъ по политическимъ дѣламъ—„въ государскихъ и земскихъ дѣлахъ".

Избраніе Михаила.

Идея ограниченія нашла себѣ сторонниковъ также и при избраніи царя въ 1613 году. Послѣ горячихъ споровъ, агитаціи и пререканій на земскомъ соборѣ этого года обозначилась кандидатура Михаила Романова, и вмѣстѣ съ нимъ выступила мысль объ ограниченіи власти новаго царя. Возможность имѣть въ лицѣ Михаила Ѳедоровича, болѣзненнаго, слабаго юноши, монарха съ ограниченной властью, была однимъ изъ избирательныхъ маневровъ и, благодаря своей соблазнительности, дала торжество романовской партіи. Са-

мый фактъ ограниченія власти Михаила Ѳедоровича не засвидѣтельствованъ документально—ограничительная „запись“ до насъ не дошла. Это обстоятельство даетъ основаніе нѣкоторымъ ученымъ отрицать ограниченіе, и, если бы отсутствіе въ нашихъ рукахъ „записи“ означало несуществованіе ея, а не утрату, можно было бы присоединиться къ этимъ ученымъ. Но, во-первыхъ, „запись“ могла быть дѣйствительно утеряна и даже сознательно уничтожена противниками ограниченія. Во-вторыхъ, у насъ имѣется цѣлый рядъ извѣстій о томъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ при избраніи на царство далъ на себя ограничительную „запись“. Такъ, напримѣръ, извѣстный подъячій Григорій Котошихинъ (XVII в.), упомянувъ о томъ, что царь Алексѣй при избраніи на царство „письма (записи) на себя никакого, что прежніе цари давывали“ не давалъ, прибавляетъ: „А отецъ его, блаженныя памяти царь Михайло Федоровичъ, хотя „самодержцемъ“ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего“. Другой авторъ, псковскій лѣтописецъ, современникъ событія, говоритъ, что бояре, посадивши Михаила Ѳедоровича на царство, „привели его къ присягѣ, что, если на комъ изъ ихъ вельможескаго и боярскаго рода будетъ вина въ преступленіи, то не казнити ихъ, но разсылати въ заточеніе“. Оба извѣстія, какъ Котошихина, такъ въ особенности псковскаго лѣтописца кратки и мало опредѣленны. На основаніи ихъ трудно составить себѣ отчетливое представленіе объ условіяхъ и формѣ ограниченія. Не то это боярская интрига (Псковскій лѣтописецъ—„лестію уловили“ царя), не то болѣе или менѣе правильное раздѣленіе власти между царемъ и боярской думой (Котошихинъ). Но на помощь намъ приходятъ извѣстія съ другой стороны, со стороны иностранцевъ позднѣйшаго времени, XVIII вѣка—болѣе точныя и опредѣленныя. По словамъ одного изъ нихъ, Фокеродта, дѣло заключалось въ слѣдующемъ: Члены земскаго собора 1613 года единодушно рѣ-

шили не выбирать себѣ въ цари никого, кромѣ того, который подъ присягой обѣщается предоставить полный ходъ правосудію по старинным земскимъ законамъ, не судить никого государскою властью, не вводить новыхъ законовъ безъ согласія собора, а тѣмъ менѣе отягощать подданныхъ новыми налогами или рѣшать что бы то ни было въ дѣлахъ войны и мира". И „царь Михаилъ, согласно разсказу Фокеродта, не колеблясь принялъ и подписалъ" эти условія.

Роль земскихъ соборовъ въ царствованіе Михаила.

Всѣ эти извѣстія—русскія и иностранныя—такъ многочисленны (число ихъ доходитъ до 7) и такъ единодушно и настойчиво говорятъ объ ограниченіи власти царя Михаила, что считать послѣднее за басню не приходится. Наконецъ, въ-третьихъ, въ пользу факта ограниченія говоритъ выдающаяся роль земскаго собора въ царствованіе Михаила. Это царствованіе есть пора расцвѣта и самой напряженной дѣятельности нашего сословнаго представительства. Никогда раньше и никогда послѣ земскій соборъ не игралъ такой роли въ государственномъ управленіи. Достаточно указать на самостоятельныя сношенія собора съ населеніемъ, на обращеніе его отъ своего имени за помощью государству по случаю похода Владислава (1618 г.) при существованіи царя, чтобы представить себѣ исключительное положеніе выборныхъ земли при царѣ. Безъ участія собора не происходило въ первые годы царствованія Михаила ни одного государственнаго акта. Сборы налоговъ, новая перепись населенія, вопросы войны и мира—все это обсуждается на земскомъ соборѣ и приводится въ исполненіе „по указу государя" и по „земскому приговору". Есть ли это ограниченіе власти монарха въ нашемъ, конституціонномъ смыслѣ, какъ думаютъ одни изслѣдователи, или сотрудничество представителей земли съ царемъ, какъ представляютъ себѣ дѣло другіе—по существу безразлично. Фактъ раздѣленія власти на лицо не подлежитъ сомнѣнію. А гдѣ власть раздѣлена, тамъ не можетъ быть рѣчи о пол-

ной и исключительной принадлежности ея кому-либо изъ соучастниковъ, въ данномъ случаѣ царю. Иначе говоря, самодержавія въ московскомъ смыслѣ, въ смыслѣ Ивана III и IV, нѣтъ. Замѣтимъ еще, что, согласно извѣстіямъ о царствованіи Михаила и фактическимъ даннымъ, онъ дѣлитъ свою власть съ тѣми учрежденіями, которыя предполагались въ такомъ же качествѣ въ договорѣ 1610 года, признаваемомъ всѣми за ограничительный актъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ объ ограниченіи власти Михаила остается не совсѣмъ ясной юридическая сторона, фактъ же ясенъ.

Ответственность власти.

Намъ остается еще упомянуть о принципѣ *отвѣтственности* власти, всплывшемъ подъ вліяніемъ Смуты на поверхность народнаго сознанія.

Совершенно ясное и отчетливое выраженіе этотъ принципъ, хорошо знакомый домосковскому періоду русской исторіи, нашелъ себѣ въ „земскомъ приговорѣ“ 1611 года. Избравъ временное правительство изъ трехъ лицъ—Ляпунова, Трубецкого и Заруцкаго, и составивъ объ этомъ приговоръ, народъ поставилъ на видъ избраннымъ радѣніе о народныхъ нуждахъ, грозя въ противномъ случаѣ лишеніемъ власти. „А буде бояре, которыхъ выбрали нынѣ всею землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство—читаемъ въ приговорѣ—о земскихъ дѣлахъ радѣти и расправы чинити не учнутъ, во всемъ въ правду и по сему земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлати не станутъ и за ними всякія земскія дѣла остановятся... и намъ всею землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнити и въ то мѣсто выбрать иныхъ, поговоря со всею землею, кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодится“. Относительно даннаго правительства идея отвѣтственности не получила примѣненія. Но, что это было не пустымъ звукомъ въ устахъ народа, не декорумомъ, показываетъ судьба царя В. Шуйскаго. Низложеніе съ престола было для Шуйскаго именно возмездіемъ за худое управленіе.

Реставрація самодержавія при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Итакъ, избираемость, ограниченность и отвѣтственность—таковы новые элементы, вынесенные государственной властью изъ Смуты.

Однако, всѣ эти новизны оказывались непрочны, не пустили глубокихъ корней и довольно скоро исчезли изъ обихода московскаго государственнаго порядка, уступивъ мѣсто прежнимъ принципамъ, господствовавшимъ въ досмутное время. Сравнительно дольше держался въ сознаніи народа и въ практикѣ московскаго государства принципъ избираемости власти. Онъ, какъ мы уже знаемъ, дожилъ до царя Алексѣя, котораго „обрали на царство“. Ограниченіе власти утратило свою силу еще при Михаилѣ—во вторую половину его царствованія. И царь Алексѣй, по свидѣтельству Котошихина, уже „письма (подписи) на себя не далъ никакого“, пишется „самодержцемъ“ и „государство свое править по своей волѣ“. А принципъ отвѣтственности не нашелъ себѣ никакого примѣненія за предѣлами Смуты. Однимъ словомъ, государственный порядокъ, сдвинутый событіями Смутнаго времени со своего основанія, опять сталъ на него. Произошла, такъ сказать, реставрація самодержавія. Вернулась прежняя теорія власти, внѣшняя ея обстановка и соотвѣтствующая ей практика.

Представитель верховной власти этого времени, царь Алексѣй Михайловичъ—самаго возвышеннаго понятія о своей власти, далекъ отъ понятія о власти Смутнаго времени. „Благословилъ и предалъ намъ, государю (Богъ) провести и разсуждати люди Свои на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ въ правду“—говоритъ царь Алексѣй о себѣ. И подданные, въ частности, правители и военачальники, должны смотрѣть на царя, какъ на избранника Бога, и относится къ нему соотвѣтствующимъ образомъ—„отъ сердца подавая любовь Богоданному царю нашему, воздавая ему должное покореніе, послушаніе и благодареніе и работая ему по всей волѣ его и по повелѣнію его, о людяхъ и объ

общей пользѣ какъ Господу работая, а не человѣкомъ"... Это только въ менѣе яркихъ и сильныхъ выраженіяхъ теорія власти Ивана IV. Въ соотвѣтствіи съ высокимъ понятіемъ о власти, находилась и внѣшняя обстановка ея. Отзывы иностранцевъ о царѣ Алексѣѣ и впечатлѣнія ихъ отъ двора и режима, напоминаютъ извѣстныя намъ извѣстія и впечатлѣнія иностранцевъ XVI вѣка, напримѣръ, Герберштейна. По словамъ Карлейля, дворъ московскаго царя былъ такъ хорошо, пышно обставленъ, что „между всѣми христіанскими монархами, едва-ли есть одинъ, который бы превосходилъ въ этомъ московскій. Подданные, ослѣпленные его блескомъ, пріучаются тѣмъ болѣе благоговѣть передъ царемъ и чествть его почти наравнѣ съ Богомъ". Коллинсъ говоритъ объ изолированности царя, недоступности его для народа, величіи и необыкновенной охранѣ царя, его государевой чести и здоровья, доходящей до того, что „о происшествіяхъ двора никто не смѣетъ сказать ни слова" подъ страхомъ жестокаго наказанія. Прибавимъ сюда еще свидѣтельство Котошихина, что царь Алексѣй относительно „всякихъ великихъ и малыхъ своего государства дѣлъ" „съ боярами и съ думными людьми спрашивается о томъ мало", „въ его волѣ, что хочетъ, то и учинити можетъ". Онъ даже установилъ порядокъ внѣзаконнаго управленія черезъ посредство такъ называемаго Тайнаго приказа, куда поступали всякія дѣла, почему-либо привлекшія вниманіе царя Алексѣя и, минуя общій порядокъ, рѣшались здѣсь по личному его усмотрѣнію. Земскіе соборы послѣ 1654 года, т. е. въ теченіе остальныхъ 22 лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича, не созывались. Однимъ словомъ, по всѣмъ признакамъ, вернулись времена первыхъ московскихъ самодержцевъ, правившихъ „безъ воспрашиванія".

Однако, возстановленіе самодержавія, какъ государственнаго порядка, не означало возвращенія московскому государю власти въ полномъ объемѣ. Съ формальной, внѣшней стороны въ рукахъ московскаго

царя находилась вся власть, безраздѣльно, исключительно. И несомнѣнно, эта внѣшняя сторона, сильно импонировавшая иностранцамъ, дала поводъ имъ для тѣхъ отзывовъ, которые приведены выше. На дѣлѣ же было иначе. За импозантной внѣшностью скрывалось содержаніе, исключавшее полноту и безраздѣльность власти московскаго государя.

Роль „владущихъ“.

Дѣло въ томъ, что реставрація самодержавія произошла при дѣятельномъ участіи того круга лицъ, который былъ связанъ съ Романовыми еще во время Смуты родственными и дѣловыми связями. Это или родовитая знать въ родѣ Шереметева, Черкасскаго, Салтыкова, Головина и др., или дѣльцы, посѣдѣвшіе въ приказахъ дьяки: Шаниловъ, Третьяковъ, Грамотный, Сыдовный-Васильевъ. Съ ними-то и пришлось московскому государю раздѣлить власть. Пробравшись послѣ избранія на царство Романовыхъ во дворецъ, члены названнаго кружка, въ качествѣ правительства, овладѣли мало-по-малу всею властью. Извѣстія о захватѣ ими власти и возрастающемъ вліяніи ихъ при дворѣ, идутъ съ самаго момента воцаренія Романовыхъ. По словамъ извѣстнаго уже намъ псковскаго лѣтописца, вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ Михаила, „опять они стали насиловать православныхъ“, а „царя ни во что вмѣнили и не боялись его“. Понятно, кого разумѣетъ авторитетъ „владущими“. На то же указываетъ въ своихъ письмахъ иностранецъ Мосса, бывшій въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ. Но при Михаилѣ на пути властолюбивыхъ стремленій „владущихъ“ стоялъ земскій соборъ. Представители народа не только заслоняли „владущихъ“ и, такъ сказать, конкурировали съ ними въ раздѣленіи власти съ царемъ, но и подкапывались подъ ихъ власть и благополучіе. На соборахъ иногда раздавались горячія жалобы выборныхъ земли на злоупотребленія властей—„налоги“ и „обиды“, чинимыя ими населенію. Когда же земскіе соборы прекратили свое существованіе, не безъ „владущихъ“, при царѣ Алексѣѣ, то они получили власть уже вполнѣ безраздѣльно и

и прочно. Алексѣй Михайловичъ не даромъ отмѣтилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что слово его „теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленія“. Обыкновенно слово его было не страшно и пользовалось малымъ авторитетомъ. Популярные дьяки Плещеевъ, Траханіотовъ, Третьяковъ, да временщики Милославскіе, Морозовъ, Никонъ—вотъ безспорные авторитеты того времени. Они „владѣли царствомъ“ и распоряжались всѣмъ. Царь же былъ лишь послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. „Государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ, да молчитъ“. Такъ говорили въ народѣ про царя Алексѣя.

Московскіе государи „молчали“, потому что были связаны съ „владущими“ узами дружбы и общностью интересовъ. Они предпочли ихъ даже въ качествѣ сотрудниковъ земскимъ выборнымъ. Въ нихъ они надѣялись найти опору и орудіе своей власти. Но случилось такъ, что сотрудники обратились въ господъ положенія, властелиновъ, и не они оказались опорой и орудіемъ царской власти, а царь для нихъ опорой и орудіемъ ихъ замысловъ и плановъ. Для успѣшнаго и безпрепятственнаго выполненія послѣднихъ они живой стѣной отгородили царя отъ народа. Народъ не допускался подойти къ царю не только въ качествѣ совѣтчика на соборѣ, но даже просителя. Народныя челобитья разрывались въ клочья, а сами челобитчики сажались „за пристава“, какъ это было передъ мятежемъ 1648 г.

Однимъ словомъ, какъ выражается проф. Платоновъ, „началась бюрократизація управленія, и на мѣстѣ соборнаго начала выдвинуто было приказное“. И власть московскаго государя, утративъ земскій характеръ, пріобрѣтенный ею за время смуты, получила приказный бюрократическій характеръ, вылилась въ форму приказнаго или, иначе, *бюрократическаго самодержавія*.

В. Алексѣевъ.

Боярская дума XV—XVII столѣтій*).

Общій характеръ учрежденія.

Боярская дума—высшее правительственное установленіе Московскаго государства, его маховое колесо, по выраженію В. О. Ключевскаго. Между тѣмъ, въ современной литературѣ не существуетъ полнаго согласія даже по вопросу, можно ли считать боярскую думу учрежденіемъ. Въ томъ смыслѣ, какой это понятіе имѣетъ въ настоящее время, боярская дума, дѣйствительно, не была учрежденіемъ. Она не имѣла устава, ни другого законоположенія, которое бы ограничивало и направляло ея дѣятельность; ея составъ, равно какъ и ея компетенція никогда не были строго опредѣлены, а между тѣмъ „по существу, дума была законодательнымъ учрежденіемъ", а не только „актомъ думанія" княжескихъ и царскихъ совѣтниковъ.

Чтобы дать себѣ ясный отчетъ о томъ, чѣмъ была боярская дума древней Руси, надо отрѣшиться отъ современныхъ формальныхъ опредѣленій, выработанныхъ наукою государственнаго права. Не ими можетъ быть „взвѣшенъ подлинный удѣльный вѣсъ боярской думы", какъ не ими можетъ быть „опредѣлено по-

*) Литература: *В. О. Ключевскій*. „Боярская дума древней Руси". *В. И. Сергѣевичъ*. „Княжеская дума" (Р. юрид. древности II, вып. 2). *Н. П. Загоскинъ*. „Боярская дума" (Исторія права Московскаго государства, т. II). *М. Ф. Владимірскій-Буда новъ*. „Новыя изслѣдованія о Боярской думѣ" (Сборникъ государств. знаній, т. VIII, 104—121). *М. А. Дьяконовъ*. „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси", т. I (изд. 1, 155—166, 444—469). *А. Н. Филипповъ* „Исторія Русскаго права" (Ч. I. вып. 1, 229—238; вып. 2, 176—197). *С. К. Богоявленскій*. „Расправная палата при Боярской думѣ". *С. А. Котляревскій*. „Что дастъ „Боярская дума" В. О. Ключевскаго для государствовѣдѣнія (Объ послѣднія статьи въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, М. 1909).

длинное мѣсто" земскихъ соборовъ въ русской исторіи. Правительственныя установленія Московскаго государства слагались не творческой волей законодателей, не сознательной юридической мыслью: ихъ слагала жизнь, бытъ тѣхъ темныхъ и грубыхъ людей, которые ковали Московское царство. Чтобъ постигнуть ихъ государственныя идеи, чтобъ вѣрно оцѣнить смыслъ и характеръ правительственной дѣятельности того времени, понять и „маховое колесо" этой дѣятельности— боярскую думу, слѣдуетъ постараться поближе присмотрѣться къ тѣмъ реальнымъ условіямъ, среди которыхъ протекала старинная русская жизнь, и развивалось русское общество. Только изучая реальную жизнь Московской Руси, познаемъ мы и ея своеобразныя государственныя учрежденія, отъ которыхъ не осталось ни уставовъ, ни регламентовъ, а сохранились лишь практическіе результаты ихъ вѣковой работы.

Дума удѣльной эпохи.

Боярская дума существовала задолго до того, какъ сложилось Московское царство. Первоначальное совѣщаніе князя со старшими дружинниками и съ лучшими представителями древне-русской земщины, боярская дума стала измѣняться, по мѣрѣ того какъ мѣсто старой Кіевской Руси и могущественной Новороссіи XII вѣка—Суздальщины Андрея Боголюбскаго и Всеволода III—стали занимать бѣдныя измельчавшія и разрозненныя княжества-вотчины.

Въ противоположность думѣ Кіевской Руси, дума мелкихъ сѣверо-восточныхъ княжествъ почти замалчивается въ лѣтописяхъ XIII—XIV вѣковъ, и мы знаемъ ее почти только по тѣмъ документамъ, въ которыхъ отражается ежедневный, будничный ходъ княжескаго управленія. Насколько можно судить о составѣ думы того времени, въ ней сидѣли управители отдѣльныхъ отраслей дворцовой администраціи или дворцоваго хозяйства, носившіе по старому названіе бояръ; совѣтъ князя-вотчинника составлялся изъ его дворцовыхъ приказчиковъ, помогавшихъ ему вести его хозяйство. Совѣтъ

этотъ не былъ ни многочисленъ, ни постояненъ въ своемъ составѣ; это можно одинаково утверждать какъ относительно удѣльныхъ княжествъ, такъ и относительно великихъ. Дума удѣльнаго верейскаго князя около половины XV вѣка составлялась по одному дѣлу изъ 3-хъ, по другому изъ 2-хъ бояръ; а когда этотъ князь, выслушавъ докладъ о размежеваніи своей земли съ землей Троице-Сергіевскаго монастыря, велѣлъ дать монастырскому повѣренному межевую грамоту, „тутo былъ у него всего“ одинъ боярин князь Ромодановскій. Великій князь рязанскій Иванъ Ѳедоровичъ (1409—1456 г.) далъ дворцовое село Солотчинскому монастырю, „поговоря“ съ думой въ составѣ пяти бояръ. Правительственныя дѣйствія великаго князя тверского Михаила Борисовича происходили иногда съ помощью думы изъ 2-хъ бояръ; въ такомъ же маломъ составѣ дѣйствовала въ XV вѣкѣ и дума великаго князя московскаго.

Дума московскаго князя.

Составъ и значеніе боярской думы московскаго князя стали измѣняться, когда московское княжество стало собирать вокругъ себя удѣльныя земли сѣверовосточной Руси. Сосредоточенное во дворцѣ управленіе княжеской вотчиной осложнялось по мѣрѣ того, какъ увеличивалось владѣніе московскаго князя. Случайныя порученія князя-вотчинника превращались мало по малу въ постоянныя должности.

Ростъ владѣній увеличилъ и число областныхъ правителей, также, обыкновенно, назначавшихся изъ числа бояръ, сидѣвшихъ въ думѣ. Дума такимъ образомъ увеличивалась въ своемъ общемъ составѣ, который сталъ распадаться на постоянный и перемѣнный. Къ первому принадлежали начальники дворцовыхъ вѣдомствъ, ко второму—областные правители, такъ какъ они, находясь въ командировкѣ, удерживали свое званіе членовъ думы. Само собою разумѣется, что дѣйствительное значеніе имѣли только постоянные члены думы, начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ или, согласно

установившемуся уже тогда термину, приказовъ. Начальники приказовъ—главные дѣятели думы при Василіи Темномъ и Иванѣ III. Это какъ бы совѣтъ министровъ при князѣ, который остается постояннымъ его предсѣдателемъ; сами приказы или, по крайней мѣрѣ, древнѣйшіе изъ нихъ, служатъ канцеляріями думы. На такое значеніе первоначальной думы, какъ совѣта министровъ, указываетъ и ея немногочисленный, какъ уже выше указано, составъ и ея единство: дума никогда не распадалась на отдѣленія или какіе-нибудь постоянные департаменты.

Ростъ московскаго княжества и намѣчавшееся еще въ XIV вѣкѣ значеніе его, какъ центральной и самой могущественной изъ земель сѣверовосточной Руси, отразились и на составѣ всего московскаго боярства; болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ княжествахъ, московскія боярскія фамиліи пріобрѣтали постоянный составъ: ко времени Ивана III, московскій великій князь былъ окруженъ кольцомъ боярскихъ фамилій, оставшихся совѣтниками и сотрудниками московскаго государя въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній; они приходили къ московскому князю, какъ къ наиболѣе сильному, оставались при немъ, какъ при наиболѣе надежномъ, а въ критическія минуты помогали ему защищать и отстаивать себя: такъ было въ княженіе Дмитрія Донского и въ смуту при Василіи Темномъ.

Измѣненія въ составѣ думы при Иванѣ III.

Новыя явленія, обнаружившіяся при Иванѣ III, внесли новыя черты въ исторію боярства и боярской думы. Боярство московское въ началѣ XV вѣка познатнѣло и увеличилось въ своемъ составѣ. Собираніе русскихъ земель привело въ Москву, какъ извѣстно, большое число бывшихъ удѣльныхъ князей. Князья же, уступивъ или, въ лучшемъ случаѣ, продавъ свои владѣнія великому князю московскому, являлись къ его двору, по большей части съ горькимъ чувствомъ развѣнчанныхъ владыкъ, затаившихъ вражду къ счастливому собрату, ставшему ихъ государемъ. Вра-

ждебно настроенные противъ великаго князя московскаго, они не были обезсиленными. Большая часть договоровъ, передавшихъ земли удѣльныхъ князей въ руки великаго князя московскаго, оставляли въ прежнихъ княжествахъ значительныя владѣнія, которыми князья владѣли, какъ привилегированными вотчинами. Они сохранили въ нихъ право суда, право сбора податей, право предводительствовать населеніемъ въ походахъ. По своему положенію они болѣе всего напоминали крупныхъ вассаловъ феодальнаго государя средневѣковой Европы. Такое положеніе дѣлъ давало имъ силу, съ которой не могъ не считаться московскій князь. Они приходили въ Москву съ ясно сознательными притязаніями на участіе въ управленіи государствомъ, опираясь въ этомъ и на свои, все еще большія матеріальныя средства и на старый дружинный обычай совѣта князя съ дружиной и съ представителями земщины и, наконецъ, на признаніе себя происходящими отъ общаго съ московскимъ княземъ родоначальника, потому до извѣстной степени равными ему. Московскій великій князь включилъ ихъ въ составъ своего боярства, и въ началѣ XVI вѣка почти вся дума уже состояла изъ числа бывшихъ удѣльныхъ князей, ставшихъ невольными слугами московскаго князя. Такъ незамѣтно боярская дума измѣнила свой характеръ, и изъ совѣта министровъ подъ княжескимъ предсѣдательствомъ она превращалась въ аристократическій по своему характеру государственный совѣтъ, члены котораго смотрѣли на великаго князя, какъ на перваго между равными и были настроены по большей части оппозиціонно.

Образованіе и значеніе думныхъ чиновъ.

Измѣненія въ составѣ совѣтниковъ московскаго князя повлекли за собой и другія послѣдствія. Боярская дума, которая въ удѣльное время была очень немногочисленна, стала теперь разростаться; если уже и ранѣе она не была однородной по составу, то теперь она разслоилась еще болѣе. Съ 1505 г. до 1593 включи-

тельно можно насчитать до 200 лицъ, бывшихъ членами боярской думы въ чинѣ бояръ, изъ нихъ до 130-ти принадлежали къ фамиліямъ удѣльныхъ князей, и только 70 бояръ были не княжескаго происхожденія. Въ этой высшей группѣ служилой знати члены княжескихъ фамилій чаще всего достигали боярства, минуя окольничество; фамиліи не княжескаго происхожденія за исключеніемъ двухъ—трехъ, въ родѣ Воронцовыхъ, Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, обыкновенно получали боярство, побывъ нѣкоторое время въ чинѣ окольничаго.

Уже это обстоятельство сообщаетъ второму думному чину нѣкоторыя особенныя черты, которыя становятся еще яснѣе, если знать, что чинъ окольничаго для очень многихъ былъ вѣнцомъ служебной карьеры. За тотъ же періодъ времени отъ 1505 до 1594 года, въ составѣ боярской думы было до 140 окольничихъ, изъ нихъ князей только съ небольшимъ 30, да и то изъ второстепенныхъ или успѣвшихъ захудать княжескихъ фамилій. Всѣ остальные, т. е. около 80% принадлежали къ кореннымъ фамиліямъ старыхъ московскихъ бояръ, привычныхъ слугъ московскихъ князей со временъ ихъ родоначальника Ивана Калиты.

Въ исходѣ XV вѣка и началѣ XVI-го обозначается и третій думный чинъ, вокругъ котораго группируются захудавшія фамиліи, не имѣющія возможности достигнуть боярства и окольничества. Тогда же появляются и думные дьяки, составлявшіе четвертую и послѣднюю группу чиновъ боярской думы: это были ея секретари, попадавшіе въ думу не по происхожденію, но какъ необходимыя для ея дѣятельности дѣловыя пружины, Такъ постепенно образуются думные чины; они, однако, долго не превращаются въ простые служебные ранги, и между ними въ теченіе всего XVI вѣка еще продолжаетъ сохраняться довольно замѣтное соціальное развитіе.

Какъ указано выше, развитію государства и осложненію думы соотвѣтствовалъ и ея численный ростъ.

Великій князь Василій наслѣдовалъ отъ отца 19 бояръ, 6 окольничихъ, одного дворецкаго и одного казначея, а сыну оставилъ 23-хъ бояръ и окольничихъ, не считая думныхъ дворянъ и дьяковъ. Въ концѣ столѣтія князь Борисъ имѣлъ уже 45 думныхъ совѣтниковъ.

Значеніе думы въ политической исторіи XVI в.

Исторія боярской думы при великомъ князѣ Василіи, отчасти Иванѣ и ближайшихъ преемникахъ послѣдняго, тѣсно связана съ политической исторіей этого времени: собраніе бояръ, въ которомъ первое мѣсто заняли титулованные пришельцы, должно было естественно сдѣлаться центромъ, объединявшимъ боярство въ его борьбѣ съ московскими государями. Слѣдить за этой великой борьбой, занявшей все XVI столѣтіе, не входитъ въ нашу задачу, но мы можемъ отмѣтить важнѣйшіе ея моменты, поскольку они затрагиваютъ боярскую думу.

Однимъ изъ первыхъ послѣдствій борьбы, начавшейся при Иванѣ III, было воскресеніе прежняго совѣта московскаго князя. Оппозиціонный государственный совѣтъ самъ собою выдвигалъ совѣщаніе великихъ князей съ немногими излюбленными совѣтниками. Властный Василій любилъ рѣшать дѣла, по мѣткому выраженію современника, „самъ третей у постели“, возбуждая этимъ недовольство бояръ. Боярское правленіе въ малолѣтство Ивана Грознаго дало на нѣкоторое время боярской думѣ неоспоримое первенство, но десятилѣтнее правленіе бояръ не прибавило крѣпости и устойчиваго значенія боярской думѣ. Личные счеты, узкіе интересы кружка, полная беззаботность о будущемъ, нежеланіе или неумѣніе дать какое бы то ни было воспитаніе Ивану и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное убожество политической мысли ярко сказались въ десятилѣтіе 1538—1548 гг. Если бояре и не сѣяли смуты, то они сѣяли во всякомъ случаѣ самодурство и произволъ, изъ которыхъ и выросъ Грозный. Независимо отъ отрицательнаго вліянія на личность Грознаго, боярское правленіе уронило общественныя симпатіи къ боярству

и подорвало его авторитетъ; не могло оно усилить и авторитета боярской думы, которая въ это время превратилась въ послушное орудіе своекорыстнаго кружка.

Однако, позднѣе при царѣ Иванѣ боярская дума все такъ же отражала на себѣ политическія теченія момента. Средоточіе глухого недовольства бояръ, она оттѣсняется на задній планъ, сначала избранной радой Сильвестра, Адашева и Курбскаго, потомъ опричнымъ кружкомъ; и та и другой — отдаленные преемники боярской думы великаго князя Василія. Опальная глава „земщины" — боярская дума вновь занимаетъ первое мѣсто въ государствѣ въ послѣдніе годы Ивана, когда съ исчезновеніемъ многихъ боярскихъ фамилій, сметенныхъ опалами и казнями или искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ, она на время приближалась къ своему первоначальному виду совѣщанія государя съ его ближайшими помощниками, во главѣ которыхъ стали родные царя—Захарьины-Юрьевы и Годуновы. Первенствуя вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ въ возникшихъ во второй половинѣ XVI вѣка земскихъ соборахъ, боярская дума сдѣлалась вновь очагомъ политической борьбы, когда противъ избраннаго на царство Бориса Годунова объединились всѣ отдѣльныя группы стараго московскаго боярства.

Смутное время—послѣдняя эпоха, когда боярская дума сохраняетъ свое прежнее политическое значеніе. Въ ея средѣ развивается движеніе, приводящее къ низложенію и гибели Годуновыхъ; ея вліятельные члены съ В. И. Шуйскимъ во главѣ свергаютъ самозванца. Наконецъ, боярская дума держитъ въ своихъ рукахъ власть въ короткій промежутокъ времени, отдѣляющій сведеніе царя Василія съ престола отъ оккупаціи Москвы Жолкевскимъ въ августѣ 1610 года.

Измѣненія въ составѣ и значеніи думы въ XVII столѣтіи

На этомъ кончается самостоятельная политическая роль стараго боярства и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчается новое измѣненіе въ значеніи боярской думы. Разоренное еще при царѣ Иванѣ, боярство проигрываетъ за-

тѣянную имъ въ Смутное время опасную политическую игру: непопулярность боярскаго царя Василія и симпатіи значительной части бояръ къ Владиславу окончательно подорвали ихъ политическій престижъ. Новыя соціальныя силы и впереди ихъ народившееся недавно служилое дворянство идутъ на смѣну старому боярству, и эта смѣна незамѣтно совершается подъ шумъ послѣднихъ событій Смутнаго времени. Фамиліи крупныхъ дѣятелей XVI вѣка исчезаютъ одна за другой: нѣтъ болѣе Шуйскихъ, Мстиславскихъ, Годуновыхъ; на долго выбываютъ и другія боярскія фамиліи дѣятелей Смуты—Голицыныхъ, Куракиныхъ, Воротынскихъ; въ составѣ ея одиноко выступаютъ представители Трубецкихъ, Шереметьевыхъ. Мѣсто старыхъ бояръ XVI в. занимаютъ новыя фамиліи, возвысившіяся въ Смуту и при царяхъ новой династіи—князья Репнины, Лыковы, Львовы, Пожарскіе, Одоевскіе, Долгорукіе; изъ нетитулованныхъ—Салтыковы, Шеины, предки которыхъ сто лѣтъ ранѣе не нашли бы себѣ мѣста въ думѣ.

Появленіе среди думы очень скромной по происхожденію царской родни Стрѣшневыхъ, Милославскихъ, Нарышкиныхъ, провинціальныхъ дворянъ въ родѣ Ордына-Нащокина и проникновеніе туда низшихъ слоевъ московскаго служилаго люда, въ лицѣ А. С. Матвѣева, довершаетъ постепенное генеалогическое паденіе состава думы. Съ измѣненіемъ состава и съ исчезновеніемъ стараго боярства мѣняется и значеніе думы; изъ центра политической борьбы она превращается въ послушное орудіе власти, „изъ политической силы превращается въ простое правительственное удобство“ и „остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ“. Однимъ словомъ, движущая сила становится механическимъ орудіемъ. Въ этой стадіи всего удобнѣе изучать работу боярской думы, тѣмъ болѣе, что именно отъ XVII столѣтія дошло до насъ наибольшее число документовъ, знакомящихъ насъ съ этой работой.

Боярская дума—обычное названіе, даваемое теперь высшему учрежденію московскаго государства. Но это названіе книжное, явившееся много позднѣе; оно не было въ употребленіи въ московскую эпоху. „Обычными названіями боярскаго совѣта были „дума“ или „бояре“. Составъ учрежденія въ XVII столѣтіи значительно возрастаетъ количественно и при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ достигаетъ 60-ти человѣкъ, а въ правленіе Софіи число членовъ думы перевалило даже за сотню. Какъ и до Смуты, члены думы распадались на 4 отдѣльныхъ чина: бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, но чины эти уже не имѣли того внутренняго соціальнаго значенія, какое они имѣли въ XVI столѣтіи.

Если наиболѣе знатные люди попрежнему проходили въ бояре, минуя окольничество, то самая знатность имѣла уже нѣсколько иной характеръ: знать потеряла ту независимость отъ царской власти, какою она отличалась въ XVI столѣтіи, родство съ царской семьей, приближеніе ко двору, занятіе высшей должности становится синонимомъ знатности. Новые соціальные слои, заступившіе мѣсто стараго боярства, пользуясь сочувствіемъ и могуществомъ правительства первыхъ Романовыхъ, выдвигали на первый планъ принципъ личной выслуги—„великъ и малъ живетъ государевымъ жалованіемъ“,—который мало по-малу вытѣснилъ древній принципъ мѣстничества, отрицавшій за самодержавными государями право повысить „отечество“, т. е. знатность отдѣльныхъ родовъ. Новое дворянство, овладѣвая одновременно и народнымъ трудомъ и политическимъ вліяніемъ въ странѣ, проводило въ жизнь бюрократическіе порядки, при которыхъ чины были только показателями личнаго служебнаго превосходства и не болѣе. Въ эту именно сторону эволюціонировали и думные чины въ XVII в., и если эта эволюція еще не успѣла завершиться, если бюрократическое начало было въ ней менѣе ясно выражено,

неужели при высшихъ учрежденіяхъ послѣ-Петровской эпохи, то все же дума царя Михаила уже далеко успѣла уйти отъ думы и Ивана III и его преемниковъ.

Засѣданія думы.

Московская жизнь въ старое время начиналась рано. Рано начиналось и засѣданіе думы. Всѣ современники очень согласно указываютъ, что бояре съѣзжались въ царскій дворецъ ударить челомъ царю въ первомъ часу по восходѣ солнца и оставались во дворцѣ на засѣданіе думы. По указамъ 1669 и 1676 г.г. думнымъ чинамъ велѣно было съѣзжаться въ первомъ часу дня и ночи, т. е. не только утромъ, но и вечеромъ, когда засѣданія продолжались нерѣдко до 8 часовъ ночи, т. е. до 10—11 часовъ вечера по нашему счету. Постояннымъ временемъ перерыва были лишь часы отъ полдня до вечерни, когда члены думы возвращались домой пообѣдать и отдохнуть. Акты XVI столѣтія указываютъ на то, что въ царскомъ дворцѣ существовала особая „палата, гдѣ бояре судятъ“, т. е. гдѣ преимущественно засѣдала дума. Въ XVII столѣтіи такого постояннаго мѣста для засѣданій не было. Дума собиралась для дѣловыхъ засѣданій иногда въ государевой „комнатѣ“, въ личныхъ апартаментахъ царя, въ другихъ случаяхъ въ парадныхъ залахъ дворца, влѣво отъ боярской площадки, на мѣстѣ нынѣшнихъ большихъ залъ Кремлевскаго дворца или же въ существующей до нынѣшняго времени золотой палатѣ. Для парадныхъ пріемовъ въ присутствіи царя, дума собиралась и въ грановитой палатѣ. Коротко сказать, дума не имѣла точно опредѣленнаго мѣста засѣданій, но необходимость для бояръ являться ежедневно во дворецъ показываетъ, что дума собиралась вокругъ государя и тамъ, гдѣ былъ государь. Близость къ государю—основная черта думы, неизмѣнно отличавшая ее отъ удѣльнаго времени до ея исчезновенія при Петрѣ. Отсюда становится понятнымъ и собраніе думы внѣ дворца, напримѣръ, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ Иванъ Грозный постановилъ приговоръ съ

боярами о мѣстничествѣ въ 1549 г., и даже внѣ Москвы—напримѣръ въ царскихъ резиденціяхъ—Коломенскомъ или Измайловѣ и даже въ Троицкомъ монастырѣ.

Предметы вѣдомства думы.

Близость думы къ государю опредѣляетъ и предметы занятій думы. Засѣданія ея, происходившія до смуты, повидимому, до трехъ разъ въ недѣлю, участились по мѣрѣ осложненія государственнаго механизма и въ XVII вѣкѣ происходили каждый день. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ засѣданія думы состояли въ обсужденіи докладовъ, поступавшихъ изъ приказовъ. Конечно, государь могъ рѣшить всякій вопросъ и безъ думы; но онъ въ то же время могъ о каждомъ дѣлѣ „указать поговорить“ боярамъ при себѣ и безъ себя; въ послѣднемъ случаѣ бояре „свой поговоръ“ вносили государю или же, опять-таки съ разрѣшенія государя, облекали его въ форму для всѣхъ обязательнаго приговора. Такой порядокъ вещей отражался и на редакціи думскихъ постановленій въ XVII вѣкѣ. Если въ засѣданіи царь присутствовалъ лично, то приговоръ думы начинался словами: „великій государь указалъ, а бояре приговорили“; отсутствіе царя вызываетъ другую формулу: „по указу великаго государя бояре приговорили“. Судя по этому, царь Алексѣй и сынъ его царь Ѳедоръ часто присутствовали въ думѣ; то же, повидимому, можно сказать и о царевнѣ Софіи. Лишь съ паденіемъ ея засѣданія думы безъ царя становятся обычнымъ явленіемъ, и дума въ послѣдніе годы своей исторической жизни отдѣляется отъ государя.

Порядокъ занятій.

Думные люди, состоявшіе въ то же время начальниками приказовъ, обычно сами докладывали въ думѣ о дѣлахъ своего приказа, въ противномъ случаѣ докладчиками бывали думные дьяки, и лишь изрѣдка въ думѣ докладывали дѣла начальники учрежденій, не носившіе думнаго чина. Отмѣтимъ здѣсь особое положеніе думныхъ дьяковъ. Выступая доклад-

чиками въ боярской думѣ, они дѣйствовали въ качествѣ ея дѣлопроизводителей, секретарей; но обычно они въ то же время стояли во главѣ самыхъ важныхъ, самыхъ старинныхъ приказовъ: посольскаго, помѣстнаго, разряднаго. Такое обстоятельство сближало эти приказы съ думой и заставляло думу съ одной стороны тѣснѣе входить въ кругъ посольскихъ, помѣстныхъ и военныхъ дѣлъ, а съ другой—помянутые приказы были какъ бы канцеляріями думы, у которой особой своей канцеляріи не было. Въ особенности былъ близокъ къ думѣ разрядный приказъ, обычно распубликовывавшій приговоры думы, сообщая ихъ содержаніе въ другія правительственныя учрежденія.

Разсмотримъ теперь кругъ вѣдомства думы. Кругъ этотъ можно опредѣлить довольно ясно и кратко. Боярская дума обсуждала всякое важное дѣло, каково бы ни было его содержаніе, разъ о такомъ дѣлѣ „государь указалъ говорить боярамъ“; въ частности дума рѣшала вопросы, на которые не было отвѣта въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Вопросы такого рода могли возникать, какъ въ сферѣ административныхъ отношеній, такъ и въ области законодательной; но даже и въ первомъ случаѣ приговоры думы носили законодательный характеръ и должны были служить обязательнымъ прецедентомъ: „да и впредь бояре приговорили“,—гласила тогда формула боярскаго приговора. По существу дѣла боярская дума касалась всякой отрасли государственнаго управленія, и ни одно важное дѣло не миновало этой постоянной сотрудницы московскаго государя.

Очень многія детали обыденной работы думы остаются для насъ все же неясными; это происходитъ оттого, что лишь очень немногіе изъ современниковъ могли наблюдать пристально за ея дѣятельностью и описать послѣднюю; единственнымъ въ своемъ родѣ является знаменитое описаніе, сдѣланное Котошихинымъ.

Описаніе Котошихина оставляетъ впечатлѣніе какой-то тяжелой и неподвижной работы думы. Такое впечатлѣніе является, однако, ошибочнымъ. Въ тяжелыхъ платьяхъ и огромныхъ шапкахъ сидѣли люди, которымъ, какъ и всѣмъ ихъ собратьямъ, были свойственны порывы страсти и увлеченій, а малая культурность общества дѣлала иногда не въ мѣру горячими такихъ людей, отъ которыхъ по ихъ сану или возрасту меньше всего можно было бы ожидать какихъ нибудь вспышекъ. Мы знаемъ, что въ думѣ бывали и жаркіе дебаты и споры, и что члены думы отъ словъ иногда переходили къ дѣйствіямъ.

Въ 1620 году неважный дворянинъ Чихачевъ, служившій при царѣ въ рындахъ, затѣялъ мѣстническое дѣло противъ князя Шаховского. Призванный на судъ боярской думы, онъ явился туда, притворяясь больнымъ, на костыляхъ и былъ за безчестіе князя Шаховского приговоренъ къ кнуту: „Долго ждать бояре“, сказалъ думный дьякъ Томило Луговскій и, выхвативъ у Чихачева одинъ костыль, принялся бить его по спинѣ и по ногамъ. Смотря на это, боринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, дядя царя, не утерпѣлъ, хватилъ другой костыль Чихачева и присоединился къ дьяку, при чемъ оба приговаривали: „не подѣломъ билъ челомъ, знай свою мѣру“. Побивъ рынду, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ попрежнему, а кнутъ отставить. Въ 1661 г. самъ царь Алексѣй уподобился въ своихъ дѣйствіяхъ своему дядѣ и дьяку Луговскому. Возмущенный хвастовствомъ своего тестя И. Д. Милославскаго, вызывавшагося стать во главѣ арміи и привести въ Москву плѣннаго польскаго короля, Алексѣй Михайловичъ обругалъ боярина, далъ ему пощечину, надралъ бороду, вытолкалъ его изъ палаты и захлопнулъ за нимъ дверь.

Съ половины XVII вѣка въ дѣятельности боярской думы замѣчаются нѣкоторыя новыя явленія. Развиваясь постепенно, они заставили исторію думы еще разъ по- Расправная палата.

вернуть по новому руслу и привели древнее учрежденіе къ его концу.

Еще значительно ранѣе этого времени силою вещей боярская дума выдѣляла изъ своей среды комиссіи для исполненія особыхъ порученій царя, которыя было трудно выполнить многочленному коллегіальному учрежденію. Самыя раннія изъ такихъ комиссій стоятъ въ связи съ отлучками государя изъ столицы и съ дипломатическими сношеніями Москвы съ другими государствами. Уѣзжая изъ Москвы на войну,—это бывало при Иванѣ IV и Алексѣѣ Михайловичѣ,—въ богомольный походъ подъ Троицу, въ Волоколамскъ, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій или какой-нибудь иной монастырь, или выѣзжая въ какую-нибудь загородную резиденцію, царь поручалъ управленіе Москвою особой комиссіи, которая обычно называлась по имени старшаго боярина, засѣдавшаго въ ней „съ товарищами“. Вмѣстѣ съ распорядительной властью она получала и судебныя функціи, такъ какъ управленіе столицей и отправленіе царскаго суда не допускали перерыва. Можно думать, что такая комиссія, получившая позднѣе названіе расправной палаты, появилась еще при Иванѣ Грозномъ; не функціонируя при неподвижныхъ царяхъ Ѳедорѣ Ивановичѣ и Михаилѣ, она вновь воскресла съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича. Переговоры съ иностранными послами также обычно поручались отвѣтнымъ комиссіямъ, засѣдавшимъ въ такъ называемой отвѣтной палатѣ, давшей свое названіе и самой комиссіи. Изъ всѣхъ подобныхъ комиссій особое значеніе получила расправная палата.

Выше сказано, что воцареніе живого, любившаго передвиженіе царя Алексѣя составило эпоху въ исторіи расправной палаты. При этомъ государѣ расправная палата сдѣлалась почти постояннымъ учрежденіемъ, какъ бы промежуточнымъ звеномъ между думой и приказами.

Воцареніе больного и хилаго Ѳедора Алексѣевича окончательно закрѣпило постоянныя функціи расправной палаты, превративъ ее въ исполнительную комиссію боярской думы, вѣдавшую текущія дѣла внѣ присутствія государя, даже и въ то время, когда онъ находился въ Москвѣ, рѣшавшую дѣла безъ доклада высшей власти, дѣла по земельнымъ тяжбамъ, по жалобамъ на приказы, дѣла общаго характера, уголовныя и гражданскія.

Открывая собою цѣлый рядъ государей, по разнымъ причинамъ не входившихъ въ дѣла текущаго управленія, Ѳедоръ Алексѣевичъ положилъ начало разрыву высокаго союза царя съ думой, а расправная палата оттѣснила послѣднюю на задній планъ.

Очень замѣтная при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, расправная палата какъ будто исчезаетъ въ первое время послѣ смуты и переворотовъ въ маѣ 1682 года. Только съ іюня 1683 года опять находимъ „въ палатѣ у расправныхъ дѣлъ" думныхъ людей подъ предсѣдательствомъ князя М. А. Голицына: впрочемъ время правленія Софіи и всемогущества князя В. В. Голицына не давало простора для дѣятельности расправной палаты. Рѣшенія палаты пересматривались, а иногда отмѣнялись властнымъ временщикомъ. Предсѣдатель ея князь М. А. Голицынъ не пользовался большимъ авторитетомъ и не былъ въ числѣ старинныхъ бояръ; въ 80-хъ годахъ даже управленіе Москвой въ отсутствіе государя не всегда ввѣрялось расправной палатѣ: такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1683 года цари, отправляясь въ продолжительное путешествіе въ Суздаль, Владиміръ и Троицкій монастырь, оставили для управленія Москвой особую комиссію подъ предсѣдательстомъ князя Н. И. Одоевскаго. Съ 1685 года расправная палата исчезаетъ совсѣмъ. 12 сентября 1689 года царь Петръ возстановилъ расправную палату подъ предсѣдательствомъ князя Я. Н. Одоевскаго, который съ этого времени раз-

сматриваетъ поступившія въ палату вершенныя дѣла и вѣдаетъ Москву при отсутствіи высшей власти. Въ такомъ видѣ палата существуетъ до 17 марта 1694 г., когда былъ изданъ указъ, предписывавшій разсматривать всѣ дѣла боярамъ всѣмъ, т. е всему присутствію боярской думы. Такимъ образомъ, казалось, что дума въ цѣломъ ея составѣ должна вновь стать на первое мѣсто и вновь получить свое старое значеніе. На самомъ дѣлѣ случилось иное: историческія условія выдвинули впередъ болѣе тѣсную коллегію, и, несмотря на уничтоженіе расправной палаты, она скоро вновь возродилась къ жизни, хотя и не съ прежнимъ названіемъ.

Послѣднія измѣненія въ дѣятельности и значеніи боярской думы.

Новыя невиданныя ранѣе привычки и вкусы царя Петра придавали необычныя формы дѣятельности думы. Бывали случаи, когда дума дѣйствовала, какъ казалось по старому, собиралась въ присутствіи государя и постановляла приговоры по докладамъ изъ приказомъ. Но привычный порядокъ высшаго управленія колебался. Создавались новыя учрежденія, умножались государственныя дѣла; осложнялся государственный механизмъ еще и потому, что царь почти всегда находился въ отлучкѣ, а управленіе довѣрялъ своимъ замѣстителямъ, не старшимъ чинамъ думы, а лицамъ, пользовавшимся его личнымъ довѣріемъ независимо отъ ихъ чина, званія или положенія. Такъ, въ 1697 г. при отъѣздѣ за границу Петръ довѣрилъ управленіе Москвою стольнику князю Ѳ. Ю. Ромодановскому. Съ первыхъ годовъ новаго столѣтія прибавилась новая причина разложенія боярской думы. Дума стала пустѣть потому, что съ началомъ сѣверной войны многіе изъ ея членовъ получили назначенія командовать войсками, слѣдить за приготовленіемъ къ войнѣ и т. д.

Среди этихъ перемѣнъ исчезаетъ и старинная формула постановленій боярской думы: „царь указалъ, бояре приговорили“ и замѣняется краткой формулой: „великій государь указалъ“. Въ исторіи первыхъ лѣтъ XVIII сто-

лѣтія нѣтъ и помина объ участіи думы въ дѣлахъ управленія. Однако, новыя условія вовсе не означали полнаго устраненія бояръ отъ государственныхъ дѣлъ; они указывали только на новыя и на этотъ разъ рѣшительныя измѣненія въ составѣ и характерѣ думы. Порѣдѣвшая, лишенная своей старой торжественной обстановки, боярская дума первыхъ годовъ XVIII столѣтія, собиравшаяся то у царя въ Преображенскомъ, то попрежнему въ Кремлевскомъ дворцѣ, превращается постепенно въ ту самую расправную палату, которая замѣнила было думу въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Можно сказать, пожалуй, еще опредѣленнѣе: боярская дума въ послѣдній періодъ своего существованія утратила тотъ характеръ государственнаго совѣта, который она пріобрѣла при Иванѣ III, и вновь возвратилась къ своему первообразу, т. е. становилась совѣтомъ министровъ, исполнителей царскихъ указаній и замѣстителей царя, постоянно отсутствовавшаго изъ Москвы.

Въ ноябрѣ 1708 года въ засѣданіяхъ думы участвовало всего 8 лицъ; лица эти занимали, кромѣ того, мѣста начальниковъ приказовъ и т. п., но не всѣ изъ нихъ состояли въ тѣхъ чинахъ, съ которыми прежде неразрывно связано было званіе членовъ думы. Превращеніе думы въ совѣтъ министровъ чувствовалось и современниками. При овладѣвшемъ въ то время стремленіи замѣнять старыя русскія названія иностранными, боярская дума получила названіе консиліи, а члены ея стали называться министрами. Эти названія соотвѣтствовали истинному положенію вещей: Совѣтъ министровъ, не всегда состоящихъ въ думныхъ чинахъ и исполняющихъ текущія обязанности всегда отсутствующаго государя—вотъ дума послѣдняго времени. Не требуется большого напряженія мысли, чтобы видѣть, что эта боярская дума гораздо болѣе похожа на Петровскій сенатъ перваго его состава, нежели на живописную, топорную и неподвижную боярскую думу

московскаго царя. И на самомъ дѣлѣ, указъ 22 февраля 1711 года, учредившій Сенатъ, лишь констатировалъ существовавшій порядокъ вещей и закрѣпилъ его, „опредѣливъ быть для отлучекъ государя Правительственный Сенатъ для управленія“, введя въ его первоначальный 9-ти членный составъ тѣхъ самыхъ начальниковъ отдѣльныхъ отраслей внутренняго управленія, которые засѣдали въ послѣднемъ собраніи отжившей боярской думы.

Юр. Готье.

Земскіе соборы *).

Приблизительно съ половины XVI вѣка въ тече- Названіе
ніе болѣе столѣтія мы видимъ въ Московскомъ госу-

*) Литература: *Б. Чичеринъ.* „О народномъ представительствѣ“ 1866 г. (кн. III, гл. V). *П. Бѣляевъ.* „Земскіе соборы на Руси“ (Рѣчи и отчетъ Моск. унив. 1867 г.). *В. Сергѣевичъ.* „Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ“ (въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“, т. II или въ его „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по др. ист. русск. права“). *И. Ждановъ.* „Церковно-Земскій соборъ 1551 г.“ и „Матеріалы по исторіи Стоглаваго собора“ (Собр. сочин., т. I). *Н. Загоскинъ.* „Исторія права Московскаго государства“. т. I. *Его же.* „Уложеніе царя и вел. князя Алексѣя М. и земскій соборъ 1648—1649 (рѣчь на годичномъ актѣ 5 ноября 1879 г. въ Казанскомъ университетѣ). *И. Дитятинъ.* „Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ исторіи права Московскаго государства (Русская Мысль, 1880 г., № 5 или въ его „Статьяхъ по исторіи русскаго права“). *В. О. Ключевскій.* „Составъ представительствъ на земскихъ соборахъ“ (Русская Мысль, 1890 г., № 1; 1891 г., № 1; 1892 г. № 1). *Его же.* „Боярская дума древней Руси“. *М. Ключковъ.* „Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 г.“ (Вѣстникъ Права, 1904 г., № 11). *С. Платоновъ.* „Статьи по русской исторіи“. *Его же.* „Къ исторіи земскихъ соборовъ“ (въ „Журналѣ для всѣхъ“, 1905 г. и отдѣльно). *П. Васенко.* „Хрущовскій списокъ Степенной книги и извѣстія о земскомъ соборѣ 1550 г.“ (Ж. М. Н. П. 1903 г., апрѣль и отдѣльно). *М. В. Довнаръ-Запольскій.* „Время царя І. Грознаго (въ „Русской исторіи въ очеркахъ и статьяхъ“ подъ его же редакціей, т. II). *С. Рождественскій.* „О земскомъ соборѣ 1642 г. (въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому“. ч. I, 1907 г.). *А. Заозерскій.* „Къ вопросу о составѣ и значеніи земскихъ соборовъ“ (Ж. М. Н. П., 1909 г., іюнь). *Г. Шмелевъ.* „Отношеніе населенія и областной администраціи къ выборамъ на земскіе соборы въ 17 вѣкѣ“ (въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому“, 1909 г.). *А. Кабановъ.* „Организація выборовъ на земскіе соборы XVII вѣка“ (Ж. М. Н. П., 1910 г., сентябрь). *С. Авалiани.* „Земскіе соборы“, Одесса, 1910 г. (здѣсь же указана болѣе подробная литература). *Ю. Готье.* „Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ“, М. 1909 г. (Сборникъ документовъ 16—17 в.в. для веденія практическихъ занятій).

дарствѣ учрежденіе, которое въ историческихъ памятникахъ того времени называется „совѣтомъ всея земли“, „всею землею“, „общимъ вся Руси градовъ людскимъ совѣтомъ“, „вса земля людьми“ или просто „соборомъ“. Въ наукѣ же это учрежденіе принято называть „земскимъ соборомъ“.

Происхожденіе соборовъ.

Одни ученые склонны видѣть начало земскихъ соборовъ въ вѣчахъ, другіе—въ княжескихъ съѣздахъ, въ совѣщаніяхъ князя съ думой, съ духовными властями и „градскими людьми“, въ церковныхъ соборахъ или въ городскихъ мірахъ. Дѣйствительно, возникновеніе земскихъ соборовъ было связано съ перечисленными явленіями русской жизни, но только по идеѣ, и говорить объ органической связи съ однимъ изъ этихъ явленій едва ли возможно. Къ непосредственному появленію земскихъ соборовъ могло послужить какое-нибудь явленіе русской исторіи, можетъ быть, съѣзды служилыхъ въ Москву. Во всякомъ случаѣ земскіе соборы выработались самой жизнью, а не явились неожиданно, по волѣ одного лица, потому что въ такомъ случаѣ современные имъ памятники не замедлили бъ отмѣтить это нововведеніе, чего въ самомъ дѣлѣ мы не видимъ. На образованіе земскихъ соборовъ наибольшее вліяніе, очевидно, оказали церковные соборы, издавна сложившіеся и дѣйствовавшіе въ Россіи.

Идеи о соборѣ.

Взгляды современниковъ не могли также не оказать сильнаго вліянія на образованіе и исторію земскихъ соборовъ. „Бесѣда преп. Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ“, относящаяся ко времени послѣ половины XVI в., настаиваетъ на томъ, что царь долженъ управлять государствомъ „съ князи и съ бояры и съ прочими міряны“, и „подабаетъ съ міромъ во всемъ вѣдати царю самому, со властьми своими, а не съ иноки“. По мысли „Иного сказанія“, составленнаго послѣ „Бесѣды....“, вѣроятно, во время опричины, духовенство должно благословить царей на созваніе „единомысленнаго вселенскаго совѣта ..... отъ всѣхъ

градовъ своихъ и уѣздовъ градовъ тѣхъ", царь долженъ этотъ совѣтъ „безпрестанно держати погодно при собѣ, и собѣ ото всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому о всегодпемъ посту и о каяніи міра сего и про всякое дѣло міра сего". Курбскій, переписываясь съ Грознымъ, утверждалъ, что царю необходимо имѣть при себѣ „совѣтъ всенародныхъ человѣкъ". Къ сожалѣнію, эти свидѣтельства сохранились отъ довольно поздняго времени, отъ середины XVI в., но, несомнѣнно, что подобныя воззрѣнія существовали въ умахъ людей даже раньше XVI в. Эти идеи есть не что иное, какъ видоизмѣненіе тѣхъ взглядовъ дружинниковъ древней Руси, по которымъ князь былъ обязанъ совѣщаться со своими воинами. Объединеніе Москвы, увеличеніе войскъ и измѣненіе въ ихъ организаціи и въ управленіи государствомъ— все это естественно повело къ развитію этихъ взглядовъ древней Руси въ тѣ формы, съ которыми мы встрѣчаемся съ половины XVI в.

Соборы въ XVI в.

Итакъ, какъ фактическое содержаніе русской жизни, такъ и идейные взгляды нашихъ предковъ послужили вполнѣ благопріятной почвой тому учрежденію, которое совершенно ясно вырисовывается предъ нашими взорами послѣ половины XVI столѣтія. Едва ли будетъ ошибкой, если мы будемъ считать однимъ изъ прецедентовъ земскихъ соборовъ собраніе 1471 г., когда Иванъ III послалъ „по всѣ епископы земли своея и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по *вся воя* свои", а когда они собрались, то всѣ они, „мысливше... не мало" о походѣ на Новгородъ, рѣшили отправиться на него войной. Подобнаго рода совѣщанія изъ бояръ (боярской думы), духовенства („освященнаго собора"), и воевъ, или, иначе говоря, служилыхъ, мы видимъ и въ XVI в. Въ 1550 г. состоялся „соборъ примиренія", какъ его назвалъ академикъ Ждановъ; вѣроятнѣе всего, это не былъ соборъ въ настоящемъ смыслѣ, а только собраніе духовенства, служилыхъ,

челобитчиковъ, пріѣхавшихъ въ то время въ столицу, и жителей г. Москвы. Въ 1551 году былъ созванъ церковный Стоглавый соборъ, на которомъ присутствовали рядомъ съ духовенствомъ „князи и бояре и воины“, такъ что этотъ соборъ акад. Ждановъ справедливо считалъ „церковно-земскимъ“, тѣмъ болѣе, что соборъ касался не только церковныхъ вопросовъ, но и чисто земскихъ. Въ 1566 г. по вопросу о перемиріи съ Польшей и Литвой собрался соборъ, главнымъ образомъ состоящій изъ свѣтскихъ чиновъ. Это есть первый земскій соборъ, о которомъ дошли до насъ точныя свѣдѣнія о его составѣ и соборный актъ. Въ 1598 г. состоялся земскій соборъ для избранія Годунова.

Соборы въ XVII в.

Смута начала XVII в. всколыхнула мысль, „и великое россійское царство яко море восколебася“; Смутное время способствовало выработкѣ самостоятельности въ русскихъ людяхъ и сообщило выборному началу большое значеніе. Наиболѣе важными соборами XVII в. были: соборъ 1613 г., избравшій Михаила, 1642 г., собравшійся по вопросу объ Азовѣ, и въ 1649 г., созванный для составленія Уложенія. Соборъ 1653 г., обсуждавшій вопросъ о принятіи Малороссіи, былъ послѣднимъ полнымъ земскимъ соборомъ. Послѣ него можно отмѣтить соборъ 168? г., избравшій Петра, а потомъ и Іоанна, а также соборъ 1698 г., судившій Софью, и о которомъ только сообщаетъ одинъ иностранецъ—Корбъ.

Число соборовъ.

Точно установить число соборовъ нельзя, потому что памятники не всегда позволяютъ вполнѣ установить, имѣемъ ли мы дѣло въ данномъ случаѣ съ земскимъ соборомъ или же просто съ совѣщаніемъ или случайнымъ собраніемъ нѣкоторыхъ группъ лицъ. Проф. Сергѣевичъ считалъ, что всѣхъ соборовъ съ половины XVI в. по 1653 г. было 16 и распредѣлялъ ихъ между отдѣльными царствованіями слѣдующимъ образомъ: при Иванѣ Грозномъ—2, при Василіи Шуйскомъ—1, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ—9, при Алексѣѣ

Михайловичѣ—4; при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ было созвано 2, но не всенародныхъ; кромѣ того, было еще 3 избирательныхъ собора и 1, низложившій Шуйскаго. Другіе ученые даютъ иной перечень соборовъ; напримѣръ, Латкинъ считаетъ, что относительно полныхъ соборовъ за весь XVI и XVII в.в. было 20, а всѣхъ соборовъ (относительно полныхъ, неполныхъ и фиктивныхъ)—32. Одно лишь то несомнѣнно, что наибольшее количество соборовъ падаетъ на царствованіе Михаила. Такимъ образомъ, время перваго Романова было золотымъ вѣкомъ земскихъ соборовъ.

Существеннымъ вопросомъ въ исторіи земскихъ соборовъ является вопросъ о ихъ составѣ. „Совѣтъ всея земли“, т. е. земскій соборъ, слагался изъ трехъ элементовъ: боярской думы, т. е. изъ постояннаго совѣта государя, „освященнаго собора“, т. е. изъ высшихъ духовныхъ лицъ во главѣ съ митрополитомъ, а позднѣе патріархомъ, и, наконецъ, изъ земскихъ людей, въ число которыхъ входили военно-служилые или другіе служилые люди и выборные отъ тяглыхъ. Отъ подобныхъ соборовъ слѣдуетъ отличать соборы, образовавшіеся случайно, гдѣ участвовалъ въ рѣшеніи вопроса московскій народъ, напримѣръ, соборъ 1606 г., когда бояре избрали Шуйскаго и предложили его народу; такіе соборы напоминаютъ вѣча древней Руси; съ другой стороны слѣдуетъ также отличать тѣ соборы, которые состояли только изъ одного сословія, напримѣръ, соборъ 1682 г., на которомъ присутствовали служилые люди и рѣшали вопросъ объ уничтоженіи мѣстничества. **Составъ соборовъ.**

Въ составѣ соборовъ XVI в. едва ли можно видѣть выборный элементъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ теперь понимается. Эти соборы составлялись изъ служилыхъ людей, которыхъ правительство созывало для рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ; иначе говоря, эти соборы составлялись изъ правительственныхъ агентовъ. Оффиціальное положеніе боярской думы и „освященнаго собора“, которые входили въ составъ

земскихъ соборовъ, понятно само собой; дворяне же, бывшіе на соборахъ XVI в., несли какую-нибудь военную или административную службу, т. е. были также оффиціальными лицами; участіе торговыхъ людей въ соборахъ тоже носило оффиціальный характеръ, потому что гости служили по финансовой части, а старосты и сотскіе торговыхъ сотенъ по свойству своей дѣятельности входили въ составъ государственной администраціи. Такимъ образомъ, соборы XVI вѣка состояли изъ оффиціальныхъ, или должностныхъ лицъ.

Если въ XVI в. не было выборнаго элемента, или же его тамъ трудно замѣтить, то въ XVII в. онъ является несомнѣнной принадлежностью соборовъ. Выработкѣ и развитію выборнаго начала главнымъ образомъ способствовало Смутное время, когда общины проявили усиленную дѣятельность, когда города взаимно пересылались грамотами и своими представителями, и когда вопросы рѣшались „сослався съ городы". На этой основѣ и возникъ выборный „совѣтъ всея земли", ярко выразившійся на соборѣ 1613 г., гдѣ на ряду съ лицами, явившимися въ силу своего служебнаго положенія (бояре, дьяки и пр.), видимъ депутатовъ, избранныхъ самимъ населеніемъ. Однако, въ XVII в. выборное начало не торжествуетъ надъ должностнымъ, или оффиціальнымъ, а существуетъ рядомъ съ нимъ, причемъ въ то время какъ на однихъ соборахъ выборное начало сильно выражено (соборъ 1649 г.), на другихъ мы видимъ рядомъ съ выборнымъ должностной элементъ.

По количеству своихъ членовъ важнѣйшіе соборы отличались многолюдствомъ. На соборѣ 1566 г. было 374 человѣка (духовенства—8,5%; бояръ и другихъ высшихъ чиновъ—7,7%; дворянъ, дѣтей боярскихъ съ торопецкими и луцкими помѣщиками—55%; приказныхъ—8,8%; торгово-промышленныхъ людей—20%); на соборѣ 1598 г.—512 участниковъ (духовенства—21,2%; бояръ и высшихъ чиновниковъ—10,3%; военно-служи-

лыхъ—52%; приказныхъ и отъ дворцовой администраціи—9,5%; торгово-промышленныхъ людей—7%); на соборѣ 1613 г., навѣрное, было болѣе 700 человѣкъ, по мнѣнію проф. Платонова, хотя всѣхъ подписей на соборномъ актѣ всего—277 (духовенства—57 подписей; бояръ и служилыхъ—136 подписей и „городскихъ выборныхъ свѣтскихъ чиновъ"—84 подписи); на этомъ соборѣ было представлено не менѣе 50 городовъ; на соборѣ объ Уложеніи 1648—1649 г.г. число представленныхъ городовъ доходило до 120, если не больше; членовъ на этомъ соборѣ было до 340, но подписалось подъ Уложеніемъ лишь 315 (на этомъ соборѣ было: духовенства—14 человѣкъ, бояръ и другихъ высшихъ чиновъ и дьяковъ—34, дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ—174, торгово-промышленныхъ людей—94, а остальные неизвѣстнаго чина). Изъ вышеприведенныхъ цифръ видно, какіе чины присутствовали на соборахъ; крестьянъ мы не видимъ; нѣкоторые ученые готовы признать ихъ присутствіе на соборѣ 1613 г.; но другіе опровергаютъ это мнѣніе, хотя несомнѣнно, что крестьянство, если само не бывало на соборахъ, то могло вмѣсто себя посылать духовныхъ или торговыхъ лицъ, какъ наиболѣе подходящихъ къ соборной дѣятельности.

Поводъ къ созыву собора.

Поводомъ къ созыву соборовъ служили разныя причины. Вопросы о войнѣ или мирѣ, финансовыя затрудненія, желаніе узнать мнѣніе извѣстной группы лицъ по данному вопросу, необходимость „устроить государство", выбрать новаго царя или санкціонировать его избраніе—все это служило непосредственнымъ поводомъ къ созыву собора.

Кто созывалъ соборы?

Соборы созывались государемъ, а въ междуцарствіе патріархомъ, какъ это было при избраніи Михаила.

Призывныя грамоты.

Если правительство хотѣло спѣшно созвать соборъ и только изъ оффиціальныхъ лицъ, то оно просто приказывало бывшимъ въ Москвѣ должностнымъ лицамъ

явиться на соборъ, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько дней составлялся соборъ (напримѣръ, въ 1642 г.). Но если правительство имѣло въ виду очень важное дѣло, напримѣръ, избраніе государя или составленіе Уложенія, и притомъ не требующее особенной спѣшности, то оно заранѣе приготовлялось къ созыву собора и разсылало призывныя грамоты въ провинціи къ воеводѣ или другому высшему административному лицу данной мѣстности. Освободивъ Москву отъ поляковъ, временное правительство въ 1612 году сзываетъ грамотами „изо всякихъ чиновъ“, „изо всѣхъ городовъ“, „по десяти человѣкъ отъ городовъ“ „для государственныхъ и земскихъ дѣлъ“ и избранія царя, результатомъ чего явился соборъ 1613 г. Царскія призывныя грамоты указываютъ, по какому дѣлу созываются въ Москву выборные, и сколько нужно выбрать депутатовъ отъ даннаго избирательнаго округа; избирательнымъ округомъ обыкновенно признавался городъ съ уѣздомъ, а въ немъ различались куріи или по сословіямъ: духовенство, дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе люди, или же по отдѣльнымъ статьямъ, чинамъ, или просто по экономическимъ и помѣстнымъ группамъ: городовые и дворовые дворяне, бѣлоозерцы, можайскіе помѣщики, галицкіе помѣщики, иноземцы и пр. Правительство указывало въ грамотахъ, какъ нужно производить выборную кампанію, къ какому сроку выслать выборныхъ и какими мѣрами побуждать населеніе къ ускоренію выборовъ. Когда государственная власть желала имѣть на соборѣ должностныхъ лицъ, то уже одно ихъ служебное положеніе было для нихъ цензомъ, но когда правительство предлагало населенію выбрать изъ своей среды членовъ на соборъ, то тогда оно предъявляло къ нимъ извѣстный цензъ. Призывныя грамоты требуютъ, чтобы выбранныя лица были „добрые и разумные и постоятельные люди“, „смышленные“, „съ которыми можно было бы поговорить“, „опытные“, „которые бы умѣли разсказать обиды, и насильства, и

разоренія, и чѣмъ московскому государству полнится и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы московское государство, чтобы пришло все въ достоинство", „чтобы намъ всякія ихъ нужды, и тѣсноты, и разоренія, и всякіе недостатки были вѣдомы".

Отношеніе воеводъ.

Воевода, получивъ призывную грамоту, объявляетъ ее всему населенію. Такъ, напримѣръ, онъ „государевъ указъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ торговые дни о выборныхъ людяхъ... сказывалъ во многіе дни... и по торжкамъ кликать... посылалъ". Кромѣ того, воевода долженъ былъ „имянно" „сказать", т. е. извѣстить избирателей о выборахъ. Для этого воевода разсылалъ по городу извѣщеніе посадскимъ, а для оповѣщенія дворянъ, посылалъ въ уѣздъ по ихъ вотчинамъ и помѣстьямъ своихъ обычныхъ разсыльщиковъ съ приказаніемъ, чтобы дворяне съѣзжались въ городъ для производства выборовъ. Послѣ такого опубликованія воевода долженъ былъ лично разъяснить собравшимся мѣстнымъ дворянамъ и посадскимъ ихъ обязанности и условія по выборамъ, а когда нужно, то и пристыдить ихъ за медлительность. Воеводы должны были стараться исполнить всѣ приказанія правительственной власти относительно выборовъ и послать опредѣленное число выборныхъ къ указанному сроку въ Москву. Но воеводамъ, при всемъ ихъ добромъ желаніи, не всегда удавалось быть исполнительными. Не разъ случалось, что воевода получалъ поздно призывную грамоту, такъ что для выборовъ почти не оставалось времени, а то грамота приходила даже послѣ указаннаго срока созыва собора; или же выборы затягивались на долгое время, вслѣдствіе ли уклоненія населенія отъ ихъ производства, или же по причинѣ нерадѣнія самого воеводы къ своей службѣ. Часто бывало, что правительство было плохо освѣдомлено, есть ли въ данной мѣстности посадскіе, и требовало присылки посадскихъ выборныхъ изъ городовъ, гдѣ „нѣтъ ни одного человѣка" посадскаго; иногда же число посадскихъ въ городахъ было

мало, да и тѣ были заняты государственной службой. Выборная кампанія велась Разрядомъ, а такъ какъ Разрядъ болѣе заботился о военно-служилыхъ людяхъ и тщательно велъ ихъ регистрацію, то и понятно, что московское правительство было гораздо лучше освѣдомлено о военно-служиломъ классѣ, чѣмъ о посадскихъ. Но и при требованіи дворянскихъ выборныхъ, правительство не всегда точно знало истинное состояніе военно-служилыхъ въ данной мѣстности и, напримѣръ, изъ Рязани разъ требовало 8 дворянскихъ депутатовъ, что было не по средствамъ города и уѣзда. Но бывало, что воевода злоупотреблялъ своею властью, подтасовывалъ выборы, и посылалъ вмѣсто настоящихъ выборныхъ своихъ ставленниковъ, и на одномъ изъ такихъ дѣлъ была поставлена помѣта дьяка: „за это его *(воеводу)* осудить гораздо".

Отношеніе населенія.

Если во время Смуты населеніе смотрѣло на соборы, какъ на единственный путь къ устраненію государственнаго нестроенія, и охотно посылало выборныхъ на соборы, то потомъ это идейное представленіе о соборахъ ослабѣло, и населеніе стало смотрѣть на выборы въ соборъ, какъ на одну изъ обязанностей, которую ему приходилось нести, а потому старалось избѣгать „государева и земскаго дѣла", т. е. быть избраннымъ на соборъ. Иногда дворяне совсѣмъ не съѣзжались въ города для избранія депутата или же пріѣзжали въ такомъ маломъ количествѣ, что никого нельзя было выбрать; иногда же они просто подавали воеводѣ списокъ тѣхъ, которые должны были въ этомъ году ѣхать „по выбору" въ Москву, но въ большинствѣ случаевъ они совершали выборъ, при чемъ случалось, что уже выбранные депутаты укрывались отъ явки въ городъ, и воеводѣ приходилось посылать въ Москву только тѣхъ, которыхъ онъ могъ заполучить въ городъ. Бывало, что самому воеводѣ приходилось выбирать дворянъ и посадскихъ и посылать ихъ депутатами на соборъ. Очевидно, такія же уклоненія были и среди тор-

гово-промышленныхъ людей, особенно дорожившихъ временемъ и непрерывнымъ веденіемъ своихъ торговыхъ дѣлъ. Однако, подобное отношеніе къ выборамъ не всегда видимъ, и такой соборъ, какъ 1649 г., вызвалъ въ населеніи большое оживленіе, и хотя съ одной стороны нѣкоторые города и на этотъ соборъ не прислали своихъ выборныхъ, но зато изъ другихъ городовъ было послано больше депутатовъ, чѣмъ требовало правительство. У насъ есть яркіе примѣры того, какъ населеніе серьезно относилось къ выбору депутатовъ и настойчиво защищало свои права. Такъ, при выборахъ на соборъ 1648 – 1649 гг. ельчане жаловались царю, что воевода лично выбралъ двухъ дѣтей боярскихъ и насильно заставилъ уѣздныхъ поповъ подписать этотъ выборъ, „а не по нашему велѣнію“, и что эти кандидаты воеводы—„ушники“, и „насъ продаютъ за одно съ воеводы и небылыя слова на насъ, холопей твоихъ, воеводамъ наговариваютъ“. При выборахъ на соборъ 1651 года въ Крапивнѣ воевода самовольно замѣнилъ двухъ посадскихъ своими ставленниками, между прочимъ боярскимъ сыномъ Федосомъ Богдановымъ; но избиратели энергично взялись защищать свое правое дѣло и подали царю челобитную, что „вмѣсто посадскихъ людей—пріѣхалъ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ тотъ Федоска по отпискѣ *(воеводы)* къ твоему государеву великому царственному, и земскому, и литовскому дѣлу, будто въ выборныхъ, а мы, холопы твои, дворяне и дѣти боярскіе и городскіе всякихъ чиновъ люди такова воришка, и составщика, и пономаренка къ твоему государеву великому дѣлу не выбирали и выбору не давали и такому воришкѣ Федоску... у такова твоего государева царственнаго дѣла быть нельзя“. Вслѣдствіе этой жалобы государь „велелъ ево *(Федоску Богданова)* отставить“, т. е. исключить изъ числа соборныхъ членовъ; воевода же былъ потомъ смѣненъ.

Населеніе потому дорожило въ подобныхъ слу- Наказы.
чаяхъ своимъ выборнымъ правомъ, что оно посред-

ствомъ своихъ выборныхъ могло добиться осуществленія своихъ желаній. При созывѣ собора 1612 г. избиратели должны были съ выборными „совѣтъ свой.... отписати за своими руками“, что нужно дѣлать. Также на соборѣ 1613 г. депутаты должны были пріѣзжать, „договоряся въ городѣ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры“. Курскіе служилые люди вручили своему выборному на соборъ 1648—1649 гг. Малышеву челобитье (иначе говоря—наказъ) съ изложеніемъ своихъ желаній, но Малышевъ не провелъ ихъ на соборѣ, и поэтому куряне „шумѣли“ на Малышева за то, что „у государева у соборнаго Уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей государевъ указъ учиненъ“, что „онъ на Москвѣ разныхъ ихъ прихотей въ Уложеньѣ не исполнилъ“ или, по выраженію самихъ курянъ, за то, что „противъ сѣверскихъ и польскихъ украинныхъ городовъ челобитья *не о всѣхъ нашихъ нуждахъ* твой государевъ указъ учиненъ“. Ожидая за это возмездія отъ своихъ избирателей, злополучный выборный просилъ у государя „выдачи ему береженой грамоты“. Конечно, нельзя категорически утверждать, что избиратели давали своимъ выборнымъ наказы именно въ современномъ намъ смыслѣ, но несомнѣнно, что они посредствомъ нихъ посылали царю свои челобитья, потому что это былъ самый удобный и вѣрный путь къ достиженію цѣли, а съ другой стороны—они словесно указывали выборнымъ, чего слѣдуетъ имъ добываться на соборѣ.

Отъѣздъ выборнаго и прибытіе на соборъ.

Когда избиратели выбрали выборныхъ, то составлялся „выборъ за руками“, т. е. протоколъ этого выбора, подписываемый избирателями. Воевода посылалъ этотъ „выборъ за руками“ въ Москву вмѣстѣ со своей „отпиской“, въ которой онъ извѣщалъ государя о полученіи царскаго указа о выборахъ, о результатѣ ихъ и перечислялъ поименно, кто выбранъ, и указывалъ, куда онъ приказалъ имъ явиться въ Москвѣ для своей

заявки. Обыкновенно сами выборные брали „выборъ за руками“ и воеводскую „отписку“, какъ оправдательные документы своего избранія, и ѣхали въ Москву, гдѣ являлись въ Посольскій приказъ или Разрядъ, въ которомъ дьяки вели ихъ списки, съ указаніемъ, когда выборные прибыли, и получены ли отписки воеводъ о ихъ избраніи.

Порядокъ соборныхъ засѣданій.

Всѣ члены собора, какъ выборные, такъ и должностныя лица, собирались то въ Грановитой Палатѣ, то въ Стоглавой Избѣ, то въ Отвѣтной Палатѣ, въ Успенскомъ соборѣ или въ чрезвычайныхъ случаяхъ даже на Красной площади или вообще подъ открытымъ небомъ. Засѣданіе обыкновенно открывалось рѣчью, которую или самъ царь произносилъ или же ее читалъ дьякъ. Въ этой рѣчи излагался поводъ созыва собора, и предлагалось членамъ собора разрѣшить указанные вопросы. Иногда соборнымъ членамъ раздавались „для подлиннаго вѣдома“, „порознь“, „письмо“, т. е. письменное сообщеніе о задачахъ собора, какъ это было на соборѣ 1642 г. Участники собора давали отвѣтъ или по сословіямъ, или по статьямъ, или по образовавшимся на соборѣ группамъ, или же каждый членъ давалъ отдѣльный отвѣтъ. Отвѣты излагались самими членами въ видѣ сказокъ или же записывались дьяками. Участники собора слушали вступительную рѣчь вмѣстѣ, а потомъ совѣщались уже отдѣльно по чинамъ и сословіямъ. Но на нѣкоторыхъ соборахъ (1649 г. и 1682 г.) видимъ двѣ палаты, которыя выслушиваютъ рѣчь порознь: верхную—съ высшими чинами, и нижнюю—съ низшими чинами. Обыкновенно соборъ приходилъ къ единогласному рѣшенію, но иногда получались уклончивые отвѣты отъ разныхъ группъ собора или же даже отдѣльныя мнѣнія, несогласныя съ мнѣніемъ большинства. Все, происходящее на соборѣ, заносилось дьяками въ соборный актъ, т. е. протоколъ, который скрѣплялся печатями царя, патріарха и высшихъ чиновъ, а низшіе чины скрѣпляли его крестнымъ цѣ-

лованіемъ; кромѣ того, соборный актъ подписывался участвовавшими въ соборѣ, при чемъ, вслѣдствіе большого числа безграмотныхъ, подписывались другіе или же одно лицо расписывалось за цѣлую группу. Соборный приговоръ, или актъ, утвержденный государемъ, приводился исполнительной властью въ дѣйствіе, для чего писались въ провинцію грамоты съ приказаніемъ исполнить на основаніи „соборнаго уложенія“ тѣ или другія мѣропріятія, которыя были постановлены соборомъ. Послѣ собора царь иногда приглашалъ къ своему столу „дворянъ и дѣтей боярскихъ выборныхъ всѣхъ городовъ“ и выборныхъ посадскихъ людей“ (соборы 1648—1649, 1651, 1653 гг.). Такимъ парадным обѣдомъ заканчивалась дѣятельность земскаго собора.

Вѣдомство соборовъ.

Предметы, подлежащіе вѣдѣнію соборовъ, опредѣлялись властью, сзывавшей ихъ. Соборы, созванные въ междуцарствіе, избирали царя (1598, 1613 г.г.); другіе соборы вѣдали иностранныя дѣла, вопросы о войнѣ и мирѣ (1566, 1642, 1653 гг.), внутреннее законодательство (1584, 1648—1649, 1682 гг.), разрѣшали экономическіе вопросы, напримѣръ, о привилегіяхъ англичанамъ (1618, 1648—1649 гг.), о денежномъ сборѣ для пополненія истощенной казны для военныхъ и государственныхъ надобностей. По призывнымъ грамотамъ 1619 г. созывались выборные „устроить Московское государство“, еще не оправившееся послѣ Смуты; соборъ 1648—1649 г. былъ созванъ „государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна“; соборъ 1653 г. обсуждалъ вопросъ о принятіи Малороссіи, а соборъ 1682 г.—о лучшемъ устроеніи ратнаго дѣла и уничтоженіи мѣстничества. Но на соборахъ члены его иногда посредствомъ подачи челобитныхъ сами подавали инціативу къ рѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ. Такъ, на соборѣ 1621 г., созванномъ по поводу войны съ Польшей, слу-

жилые просили царя произвести провѣрку служилыхъ людей („разобрать службу"), чтобы тяжесть службъ была правильнѣе распредѣлена между ними; въ 1642 г. члены собора жаловались на злоупотребленія администраціи, а въ 1648—1649 гг. подавали челобитныя для разрѣшенія разныхъ вопросовъ, напримѣръ, объ отдѣльномъ существованіи Монастырскаго приказа, что и было исполнено.

Вслѣдствіе этого соборы въ разное время имѣли разнообразныя функціи, являясь то учредительнымъ, то законодательнымъ, то совѣщательнымъ учрежденіемъ.

Продолжительность собора.

Совѣщанія членовъ собора продолжались неодинаковое время: однѣ группы выборныхъ совѣщались (напримѣръ, на соборѣ 1642 г.) нѣсколько дней, другія—нѣсколько недѣль. Продолжительность же дѣятельности самихъ сборовъ, какъ учрежденія, тоже была неодинаковой: вопросы рѣшались то въ нѣсколько часовъ (напримѣръ, соборъ 1645 г., присягнувшій новому царю Алексѣю), то въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (соборы 1648—1649, 1653 гг.). Нѣкоторые ученые говорятъ, что земскіе соборы въ началѣ царствованія Михаила въ теченіе 10 лѣтъ продолжались нѣсколько лѣтъ, именно три года, такъ что они пріобрѣтали характеръ постояннаго государственнаго учрежденія. Однако, едва ли можно найти достаточно данныхъ для такого мнѣнія, и говорить о существованіи каждаго земскаго собора въ теченіе трехлѣтія: 1613 г. по 1615 г., съ конца 1615 г. по 1619 г. и съ середины 1619 г. по 1622 г., нужно съ большой осторожностью и лучше не настаивать на этомъ и согласиться, что земскіе соборы созывались правительствомъ по мѣрѣ надобности и послѣ рѣшенія поднятаго вопроса каждый разъ распускались, а при возникновеніи новыхъ вопросовъ снова созывались, при чемъ, если поднимался вопросъ первостепенной важности и не требующій скораго отвѣта, то созывъ велся въ широкихъ размѣрахъ,

а при вопросахъ второстепенной важности или требующихъ немедленнаго рѣшенія—соборъ созывался изъ наличныхъ въ Москвѣ элементовъ, необходимыхъ для собора.

Вознагражденіе и разъѣздъ выборныхъ.

По окончаніи обсужденія вопроса соборъ расходился, и депутаты разъѣзжались по домамъ. Когда выборные ѣхали въ Москву на соборъ, они должны были, какъ и при всякой другой службѣ, снарядиться въ дорогу и имѣть свои „запасы“, чтобы прожить въ соборное время въ Москвѣ; эти „запасы“ служилый долженъ былъ самъ себѣ приготовить, и у насъ нѣтъ указаній, чтобы эти „запасы“ собирались избирателями. Правительство признало службу 1648—1649 г.г. тяжелой и вознаграждало ея участниковъ разнообразными способами: дворяне повышались по службѣ, назначались на выгодныя должности, получали придачу къ денежному и помѣстному окладу, а именно за участіе въ работахъ собора 1648—1649 г.г. „за ту де ихъ службу государева жалованья выборнымъ людемъ прибавлено помѣстнаго окладу по сту четей, денегъ по 5 рублевъ“; посадскіе же получали цѣлый рядъ привилегій: право безпошлиннаго куренія, освобожденіе отъ постоя и т. п. Такимъ образомъ, члены этого собора возвращались домой съ извѣстной матеріальной выгодой, что выдѣляло ихъ среди остального населенія. Тѣ выборные, которые получили отъ своихъ избирателей указанія, какія мѣры нужно провести на соборѣ, но не могли этого исполнить, съ большой опаской возвращались домой, ожидая отъ избирателей физическаго внушенія за неисполненный наказъ; объ этомъ можно заключить изъ одного мѣста уже упомянутой челобитной: „велѣно ихъ, выборныхъ людей, въ городѣхъ воеводамъ отъ городскихъ людей ото всяково дурна оберегати для того, что у твоего государева у соборново Уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статьей твой государевъ указъ учиненъ“. Какъ видно, соборная служба была не безъ терній и шиповъ! Выборные,

уѣзжая изъ Москвы, также просили, чтобы имъ выдали „указъ съ соборнаго Уложенія о нашихъ нуждахъ изъ памятей", очевидно, для того, чтобы, имѣя въ рукахъ эти оправдательные документы, они могли бы доказать своимъ избирателямъ, что они исполнили тѣ или другія ихъ желанія и провели ихъ въ законодательство. Именно такимъ образомъ поступилъ извѣстный уже намъ Малышевъ.

Значеніе соборовъ.

Значеніе земскихъ соборовъ различно, судя по времени ихъ созыва, состава, по вопросамъ, ими обсуждаемымъ, и по условіямъ, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, но общее значеніе дѣятельности земскихъ соборовъ несомнѣнно велико и, дѣйствительно, можно сказать, что они сыграли большую роль въ устроеніи русскаго государства. Особенно была велика по значенію дѣятельность ихъ въ Смуту и послѣ нея, когда приходилось „устроять государство". Дѣятельность собора 1613 г. освободила Россію отъ дальнѣйшихъ потрясеній, а послѣдующіе соборы дали возможность странѣ найти пути и средства укрѣпиться. Соборъ 1648—1649 г.г. съ необыкновенной яркостью вырисовывается по своему значенію среди другихъ соборовъ. Это былъ, можно сказать, величайшій соборъ по важности своихъ результатовъ, онъ далъ государству сводъ законовъ, который на долгое время служилъ руководствомъ въ управленіи страной. Члены этого собора приняли горячее участіе въ выработкѣ законовъ, и до 60 статей вошли въ Уложенье только по челобитью выборныхъ. Соборы служили правительству прекраснымъ средствомъ узнать настроеніе страны, получить свѣдѣнія, въ какомъ состояніи находится государство, можетъ ли оно нести новые налоги, вести войну, какія существуютъ злоупотребленія, и какъ ихъ искоренить. Но соборы наиболѣе важны были для правительства тѣмъ, что оно пользовалось ихъ авторитетомъ для проведенія такихъ мѣръ, которыя при иныхъ обстоятельствахъ вызвали бы неудовольствіе, а то и

даже сопротивленіе. Безъ нравственной поддержки соборовъ нельзя было бы собирать въ теченіе многихъ лѣтъ тѣ многочисленные новые налоги, которыми обкладывалось при Михаилѣ населеніе для покрытія неотложныхъ государственныхъ расходовъ. Если соборъ, или вся земля, постановила, то тогда уже нечего дѣлать: волей неволей приходится сверхъ мѣры раскошеливаться, а то и даже отдавать послѣднее сбереженіе.

Постановленіе соборовъ, дѣйствовавшихъ при царяхъ, считалось обязательнымъ для страны, но оно не было обязательнымъ для правительства. Конечно, правительство, созывая соборъ по своей волѣ, или же подъ вліяніемъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, созывало его съ цѣлью послушаться его совѣта, заручиться его авторитетомъ, и поэтому постановленія собора почти всегда исполнялись правительствомъ. Но, напримѣръ, соборъ 1642 г. въ общемъ рѣшилъ не отдавать туркамъ Азова, хотя члены собора и сознавали тяжелое экономическое положеніе населенія, а правительство отказалось отъ войны съ Турціей, приказавъ казакамъ очистить Азовъ. Этотъ соборъ показываетъ, какъ высоко несли свое знамя соборы, и какъ они серьезно относились къ государственнымъ вопросамъ, ставя задачи государства на первомъ планѣ. Не даромъ же правительство требовало, чтобы на соборы выбирались лица, опытныя въ земскихъ и государственныхъ дѣлахъ. Большинство членовъ этого собора чистосердечно разсказало, какъ оно обременено налогами и службами, но все-таки признало для государственной пользы необходимымъ защищать Азовъ, и всѣ изъявили согласіе помочь каждый по своимъ силамъ. Такимъ образомъ, стремленіе Петра къ Азову было сознано „всей землей“ еще задолго до него, но правительство 1642 г. благоразумно удержалось отъ занятія этого города, взвѣсивъ тяжелое положеніе страны. Такъ же высоко понялъ соборъ свои задачи

въ 1566 г., когда рѣшался вопросъ, воевать ли съ Польшей изъ-за расширенія земель по направленію къ Балтійскому морю; соборъ заявилъ, что, если не воевать, то государству будетъ „тѣснота" отъ Польши, и Грозный царь повелъ войну, но она была неудачна. Такимъ образомъ, и соборъ 1566 г. былъ проникнутъ той же мыслью, которой руководился Петръ Великій, отбивая у шведовъ Балтійскіе берега. Конечно, нельзя говорить, что всѣ соборы стояли на высотѣ своего призванія, и такіе соборы, какъ избирательные 1605, 1610, 1682 г.г. случайнаго и неполнаго состава, на которыхъ люди руководились не государственной мыслью, а минутнымъ настроеніемъ, чувствомъ и личными выгодами, не могутъ быть сравниваемы съ соборами 1566, 1613, 1642, 1648—1649 г.г. и др.

Упадокъ соборовъ.

Соборы исчезли не сразу, а постепенно, подобно тому, какъ зародились. Если соборъ 1566 г. является первымъ вполнѣ достовѣрнымъ и дѣйствительнымъ земскимъ соборомъ, то соборъ 1653 г. нужно считать послѣднимъ полнымъ соборомъ, потому что послѣ этого года правительство, когда было необходимо обратиться къ мнѣнію свѣдущихъ людей, созывало уже не „всѣхъ чиновъ выборныхъ людей", а представителей только того сословія, которое наиболѣе было заинтересовано даннымъ вопросомъ. Такъ, въ 1660 г., 1662—1663 г.г. бояре совѣщались съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы о денежномъ кризисѣ, въ 1672 и 1676 гг. московское купечество обсуждало вопросъ объ армянской кампаніи; въ 1681—1682 г.г. служилые люди совѣщались по ратнымъ дѣламъ, а отдѣльно отъ нихъ тяглые люди—по податнымъ, и только потомъ служилые люди, но не тяглые, соединились съ „освященнымъ соборомъ" и боярской думой для торжественной отмѣны мѣстничества. Однако, населеніе понимало значеніе земскихъ соборовъ и указывало на необходимость ихъ созыва. Такъ, въ 1662 г. во время тяжелаго денежнаго кризиса призванные гости и другіе торгово-промышленные люди

ответили на вопросъ, какъ прекратить экономическій кризисъ, что „то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ и о томъ у великаго государя просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“.

Одни ученые видятъ причину паденія соборовъ въ усиленіи высшаго класса, близкаго ко дворцу и къ управленію государствомъ, а другіе въ возрастаніи царской власти, абсолютизма; третіе связываютъ съ одной стороны возникновеніе соборовъ съ введеніемъ при Грозномъ земскаго самоуправленія, а съ другой стороны видятъ упадокъ соборовъ въ усиленіи въ XVII в. воеводской власти. Но несомнѣнно, что не одна причина повела къ упадку соборовъ, а цѣлая совокупность явленій способствовала ихъ паденію. Среди этихъ явленій нужно отмѣтить такія, какъ измѣненіе и развитіе экономическаго и сословнаго строя государства, личныя наклонности правителей, и вообще новыя условія и событія, которыя сильно отличались отъ предыдущаго времени. Государство къ XVIII в. экономически окрѣпло, выросъ и укрѣпился правительственный классъ, которому было непріятна дѣятельность земскихъ соборовъ, члены которыхъ все рѣзче и настойчивѣе указывали на злоупотребленія администраціи; власть царя стала болѣе самостоятельной (обстоятельство, отмѣченное Котошихинымъ), и менѣе нуждалась въ соборномъ авторитетѣ для проведенія своихъ мѣропріятій; появились лица, враждебно настроенныя противъ соборовъ, напримѣръ, Никонъ, временщикъ своей эпохи; также московскій бунтъ 1648 г., новгородскій, псковскій и другіе внесли начало опасеній въ правительственную среду, которая, по словамъ одного иностранца (Родеса), постоянно боялась новыхъ проявленій народнаго гнѣва, и это могло за-

ставить правительство избѣгать призыва въ Москву большого количества служилыхъ и выборныхъ, которыхъ къ тому же ему приходилось содержать, а также вознаграждать за соборную дѣятельность, что ложилось сильнымъ бременемъ на небогатую казну московскаго государства. Конечно, Великій царь при своей реформаторской дѣятельности не могъ надѣяться на поддержку соборовъ, которые при немъ окончательно заглохли.

Такъ въ XVI вѣкѣ зародились земскіе соборы, къ серединѣ XVII вѣка совершился ихъ расцвѣтъ, а къ концу этого столѣтія они уже безвозвратно отцвѣли.

Б. Курцъ.

Приказный строй управленія Московскаго государства *).

Приказы, при помощи которыхъ московскіе государи болѣе двухъ столѣтій управляли своей вотчиной, составляютъ существенную и любопытнѣйшую сторону Московскаго государства. Они возникли еще при московскихъ великихъ князьяхъ, развивались съ властью царей и были замѣнены другими учрежденіями, когда Московское государство стало Россійской имперіей.

Въ первоначальномъ смыслѣ слова приказъ есть то же, что порученіе. „Быть на приказѣ“ или „на приказахъ“ значило исполнять какое-нибудь дѣло или порученіе. Говорили: такіе-то люди, дѣло или городъ

*) Литература: Старая литература о приказахъ указана въ 49 пт. Энциклопедическаго словаря Брокгауза. Вполнѣ удовлетворительнаго общаго обзора исторіи приказной системы нѣтъ, такъ какъ исторія большинства отдѣльныхъ приказовъ не изслѣдована. Наиболѣе важныя монографіи: по исторіи Разряда до XVII вѣка—*Н. П. Лихачевъ*. „Разрядные дьяки XVI вѣка“, СПБ. 1888 года; о Посольскомъ приказѣ—*С. А. Бѣлокурова*. Чт. Об. И. и др., 1906 года и отдѣльно; о приказѣ Тайныхъ дѣлъ—*П. Я. Гурляндъ*. Ярославль, 1902 года; о Ямскомъ приказѣ см. въ его работѣ о ямской гоньбѣ въ Московскомъ государствѣ, Ярославль, 1900 г.; по исторіи четей—статья *С. Ѳ. Платонова* въ статьяхъ по Русской Исторіи, СПБ. 1903 г. и обзоръ литературы вопроса *Е. Д. Сташевскаго* въ „Извѣстіяхъ Кіевскаго университета“ за 1908 г., XII; обзоръ новѣйшей литературы о приказахъ сдѣланъ *С. А. Шумаковымъ* въ статьѣ: „Къ исторіи московскихъ приказовъ“. Ему же принадлежатъ многочисленныя изысканія по исторіи Помѣстнаго приказа (въ Чт. Общ. Ист. и Др. Р.), которыя пока даютъ еще только сырой матеріалъ. Богатый матеріалъ для исторіи приказовъ даютъ описанія сохранившихся приказныхъ архивовъ — Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Московскаго отдѣленія архива Императорскаго Двора.

„приказаны", т. е. поручены какому-нибудь лицу. Если порученіе состояло изъ какого-нибудь одного дѣла, то приказъ оканчивалъ свое существованіе съ исполненіемъ его. Таковы въ XVII вѣкѣ многочисленные временные приказы для сбора чрезвычайныхъ налоговъ и различные сыскные приказы. Таковъ же знаменитый приказъ боярина кн. Н. И. Одоевскаго съ товарищами, которому было поручено подготовить Уложенье, и который населеніе въ своихъ челобитныхъ иногда называло Уложеннымъ приказомъ.

Приказы, какъ учрежденія.

Когда предметомъ порученія былъ извѣстный кругъ повседневныхъ дѣлъ, то съ теченіемъ времени онъ могъ легко пріобрѣсти значеніе учрежденія. Практика вырабатывала однообразные пріемы рѣшенія дѣлъ, а житейская логика заставляла подчиняться имъ. Съ теченіемъ времени возникала потребность въ архивѣ для храненія рѣшенныхъ дѣлъ и въ постоянномъ штатѣ знающихъ дѣло служащихъ. Такъ постепенно центръ тяжести переходилъ съ лицъ на дѣло, и личное порученіе превращалось въ учрежденіе. Этотъ переходъ совершался путемъ практики, безъ сознательно поставленной опредѣленной цѣли, такъ что очень трудно, часто даже совсѣмъ невозможно сказать, когда именно возникъ данный приказъ, какъ учрежденіе. Можно только отмѣтить, что приказы раньше стали учрежденіями въ такихъ отрасляхъ управленія, которыя состояли изъ повседневныхъ однообразныхъ дѣлъ. Различныя отрасли дворцоваго хозяйства уже въ первой четверти XVI-го вѣка, почти безъ всякаго сомнѣнія, управляются учрежденіями, тогда какъ такое важное для государства дѣло, какъ международныя сношенія, получаетъ значеніе учрежденія только въ серединѣ того же вѣка.

Органическій ростъ приказнаго строя.

Ближайшія нужды и задачи управленія опредѣляли вѣдомство и число приказовъ. Когда территорія государства разросталась, когда возникали новыя потребности, то московскіе цари, чуждые отвлеченныхъ

соображеній, распредѣляли по приказамъ новыя дѣла такъ, какъ имъ казалось удобнѣе въ данный моментъ: разъединяли и соединяли приказы, создавали для новыхъ нуждъ новые, или поручали удовлетвореніе ихъ какому-нибудь старому. Привычка и рутина поддерживали иногда то, что пережило уже свое первоначальное назначеніе. Приказный строй росъ, подобно двору домовитаго хозяина, который не любитъ, чтобы что-нибудь пропадало, а строитъ, перестраиваетъ, надстраиваетъ и пристраиваетъ различныя службы по мѣрѣ надобности. Такъ, съ теченіемъ времени, происходило скорѣе нагроможденіе приказовъ, чѣмъ внутреннее развитіе всего строя. Этимъ объясняются какъ нестройность и сложность приказной системы, такъ и ея прочность и практичность. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать недостатковъ ея, какъ это дѣлаютъ многіе изслѣдователи, а главное, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что приказы, какъ всякія человѣческія учрежденія, пережили періодъ расцвѣта, когда они удовлетворяли насущнымъ потребностямъ, и періодъ упадка, когда стали брать верхъ отрицательныя стороны. Весьма распространенное мнѣніе, что въ приказномъ строѣ царила путаница и неопредѣленность, отчасти сильно преувеличено, частью основано на недоразумѣніи или незнаніи подробностей вопроса. Всякій согласится, что стройность и систематичность учежденій не есть цѣль сама по себѣ и не составляетъ ихъ назначенія, однако, когда дѣло доходитъ до оцѣнки приказнаго строя, то ему приписываются такіе недостатки, которыхъ онъ не имѣлъ совсѣмъ, или имѣлъ, но не всегда, или, наконецъ, такіе, которые являются недостатками только съ привычныхъ намъ точекъ зрѣнія. Указываютъ, напримѣръ, на Болховъ, какъ на такой городъ, который блуждалъ изъ приказа въ приказъ, какъ будто только для того, чтобы поддержать установившуюся за приказами репутацію хаотичности. Недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что было два Болхова, одинъ—нынѣ уѣздный

городъ Орловской губерніи, а другой Болховецъ или Болховой—маленькій городокъ возлѣ Бѣлгорода. Первый былъ вѣдомъ во Владимирской чети и другихъ приказахъ, а второй во всѣхъ отношеніяхъ—въ Разрядѣ. Смѣшеніе этихъ двухъ городовъ и появленіе ихъ то въ Разрядѣ, то въ другихъ приказахъ, создало за Болховомъ репутацію блуждающаго города. Мнѣніе о приказной черезполосицѣ тоже очень преувеличено. Во-первыхъ, большая часть территоріи государства, была вовсе незнакома съ нею. Все гражданское, военное и финансовое управленіе Сибири находилось въ рукахъ только приказа Казанскаго дворца, изъ котораго въ 30-хъ годахъ XVII вѣка былъ выдѣленъ особый приказъ—Сибирскій; всѣмъ Поволжьемъ управлялъ прик. Казанскаго дворца, Поморскими городами сѣвера—Новгородская и Устюжская чети, югомъ государства—Разрядъ, всѣми обширными дворцовыми владѣніями—прик. Большаго дворца. Эти области, даже безъ Сибири, составляли не менѣе двухъ третей всего государства. Черезполосица существовала только въ центрѣ государства—въ Замосковьѣ съ прилегающими къ нему уѣздами и отчасти на западѣ. Неудобства ея стали ощутительны для населенія только въ XVII вѣкѣ, вѣрнѣе, во второй половинѣ его, когда съ ростомъ и усложненіемъ государства, возникло много новыхъ приказовъ. За всѣмъ тѣмъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что челобитчики блуждали по улицамъ Москвы, не зная, въ какой приказъ имъ нужно обратиться съ своимъ дѣломъ. Успѣхи, которые сдѣлало Московское государство съ конца XV вѣка до уничтоженія приказовъ, очень значительны, и нѣтъ никакихъ основаній говорить, что они были достигнуты *несмотря* на приказную систему, а не при помощи ея. Какъ бы то ни было, приказный строй просуществовалъ болѣе двухъ столѣтій, а „регулярно сочиненныя“ учрежденія Петра Великаго были отмѣняемы раньше примѣненія на практикѣ.

Царь и приказы.

Душой и главнымъ рычагомъ всей приказной системы былъ царь. Вся она основана на предположеніи личнаго участія царя въ управленіи; приказные судьи и дьяки—только приказчики царя. Всѣ ихъ полномочія опредѣляются имъ, и вся ихъ дѣятельность проходитъ подъ его личнымъ наблюденіемъ. Государь входитъ во всѣ детали управленія, судитъ, присматриваетъ за своими казначеями и вездѣ руководитъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста государства, умноженія и усложненія дѣлъ, личное участіе царя въ дѣлахъ становится все затруднительнѣе, пока не дѣлается во многихъ отношеніяхъ фикціей. Приказный строй лишается своего одухотворяющаго начала и начинаетъ разрушаться. Въ виду невозможности для царя всюду поспѣть, дать вездѣ руководящія указанія и наблюдать за всѣмъ, появляется необходимость съ одной стороны отграничить область верховнаго управленія, гдѣ личное участіе царя необходимо, отъ подчиненнаго, гдѣ оно излишне; съ другой стороны, для подчиненнаго управленія нужно выработать общія нормы дѣйствій и создать контроль. Несомнѣнно, что эти нужды сознавались, но слишкомъ слабо, и московское правительство шло навстрѣчу имъ слишкомъ медленно и нерѣшительно. Особенно туго развивался контроль.

Счетные и сыскные приказы.

У московскихъ царей не было постоянныхъ контрольныхъ учрежденій, и они всегда больше разсчитывали на частные извѣты, жалобы пострадавшихъ и обиженныхъ и на ссоры самихъ приказныхъ, чѣмъ на свои чрезвычайные сыскные и счетные приказы. Ревизіи производились рѣдко, большею частью при смѣнѣ должностныхъ лицъ учрежденія, когда отставка или переводъ приказнаго на другую должность развязывали языки его бывшимъ подчиненнымъ и давали возможность получить хорошій матеріалъ для слѣдствія. Ревизія сводилась, главнымъ образомъ, къ послѣдующему бумажному контролю. Иногда одинъ приказъ получалъ порученіе обревизовать другой, иногда же для

этого учреждался временный спеціальный счетный или сыскной приказъ. Мнѣніе, будто при Алексѣѣ Михайловичѣ существовалъ постоянный Счетный приказъ, которому былъ порученъ счетъ всѣхъ другихъ приказовъ, неправильно и не подтверждается дѣлами этого приказа, сохранившимися въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ *). Въ дѣйствительности этотъ приказъ контролировалъ только военные расходы 60-хъ годовъ, и если, быть можетъ, и ревизовалъ какой-нибудь приказъ вообще, то случайно, по особому порученію.

Внутренній контроль въ приказахъ не былъ предусмотрѣнъ опредѣленными правилами и всецѣло зависѣлъ отъ предусмотрительности и служебнаго усердія судей и дьяковъ.

Царь и челобитчики.

Для царей очень важнымъ средствомъ контроля надъ приказными были челобитья населенія. Никто не былъ ограниченъ въ правѣ подать лично царю челобитную съ просьбой о какой-нибудь милости, съ жалобой на любой судебный приговоръ или на любое дѣйствіе приказныхъ, на обидчиковъ вообще. Это неограниченное право челобитья настолько важно, что его нельзя обойти молчаніемъ, изучая приказный строй. Московскіе цари долго не дѣлаютъ попытокъ ограничить его, даже тогда, когда съ ростомъ государства оно стало для нихъ явно очень обременительнымъ. Впервые въ Уложеньѣ 1649 г. было постановлено: „не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлахъ государю никому челобитенъ не подавати“ (X гл. 20 ст.). Нѣкоторые историки придаютъ этой нормѣ значеніе большее, чѣмъ она имѣла въ дѣйствительности, тогда какъ она является только выраженіемъ сознанія неудобствъ неограниченнаго права челобитья. Въ самомъ дѣлѣ, всякому просителю было проще, а главное, дешевле обратиться

*) Оно основано, повидимому, на словахъ Гр. Котошихина, „О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича“, 4 изд. Имп. Арх. Ком., Спб. 1906 г. 117 стр.

съ своей нуждой въ приказъ, а не къ царю, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ приходилось долго жить на Москвѣ, выбирая удобный случай для подачи челобитной, и обезпечивать себѣ сильное покровительство, чтобы не потерять дѣла въ приказѣ, которому такой обходъ, конечно, не могъ быть пріятнымъ. Если челобитчики обращались прямо къ царю, минуя приказъ. то это объясняется тогдашними нравами и порядками, Обычно челобитчикъ, пріѣзжая въ Москву, прежде всего отправлялся на домъ къ дьякамъ и подьячимъ и улаживалъ свое дѣло. Въ случаѣ надобности, онъ ходилъ съ поклономъ и съ подарками и къ судьѣ. Подаривъ младшаго подьячаго, чтобы онъ написалъ грамоту или составилъ по дѣлу выписку, справнаго подьячаго, чтобы онъ „поднесъ“ дѣло начальству и замолвилъ свое слово, судью и дьяка, чтобы они учинили указъ безволокитно, словомъ, обладивъ свое дѣло, проситель подавалъ въ приказъ челобитную, что было уже въ значительной мѣрѣ только формальностью. Этимъ объясняется ничтожное количество дошедшихъ до насъ челобитныхъ, по которымъ просители получили отказъ. Не было никакого смысла исполнять стоющую денегъ формальность (подача челобитныхъ была обложена пошлиной), когда проситель зналъ заранѣе, что ему откажутъ. Уложенье предписываетъ продѣлать именно эту ненужную формальность. Въ результатѣ— подача безнадежной челобитной стала обязательной, и челобитье стало дороже. Послѣднее не могло не охладить нѣсколько энергіи просителей, но принципъ по существу оставался неизмѣннымъ, такъ какъ родъ дѣлъ и случаи, когда челобитчикъ долженъ былъ бы удовлетвориться дѣятельностью приказа и не докучать царю, остались безъ опредѣленія.

Челобитный приказъ.

Исторія Челобитнаго приказа, существовавшаго уже въ половинѣ XVI в., къ сожалѣнію почти совсѣмъ не изучена. Этотъ приказъ имѣлъ двойное назначеніе. Во-первыхъ, въ немъ были вѣдомы судомъ и управою

дьяки и подьячіе всѣхъ приказовъ, т. е. ему были подсудны всѣ иски частныхъ лицъ къ приказнымъ. Во-вторыхъ, онъ былъ какъ бы канцеляріей для челобитныхъ, подаваемыхъ царю. Царь, принявъ у просителя челобитную, передавалъ ее челобитному дьяку, который всегда сопровождалъ его на выходахъ, и приказывалъ ему помѣтить на ней свой милостивый царскій указъ. Челобитчикъ съ этой „подписной“, т. е. помѣченной, челобитной отправлялся въ соотвѣтствующій дѣлу приказъ, который долженъ былъ исполнить государевъ указъ или доложить государя, если возникали какія-либо затрудненія. Однако это идеальное общеніе царя съ подданными имѣло нѣкоторыя неудобства. Оно должно было отнимать у государя много дорогого времени, а главное, часто ставить его въ затруднительное или непріятное положеніе. Чѣмъ болѣе усложнялось управленіе, тѣмъ чаще государю приходилось либо отказывать,—что всегда непріятно, либо удовлетворять просителя наобумъ, такъ какъ изъ челобитной, конечно, нельзя было узнать всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Изобрѣтательность приказныхъ помогала царямъ избѣгать этихъ крайностей. Практика выработала шаблоны государевыхъ милостивыхъ указовъ: они иногда уклончивы, часто могутъ быть истолкованы въ нѣсколькихъ смыслахъ и еще чаще выражены въ условной формѣ. Нѣкоторымъ позавидовала бы сама пиѳія: „будетъ такъ, какъ бьетъ челомъ,—учинить указъ по государеву указу“, или: „будетъ инымъ такимъ (какъ челобитчикъ) давано, ино и ему дать“, или: „будетъ такъ, какъ бьетъ челомъ,—дать грамота къ воеводѣ“. Рѣшить, что дѣло именно такъ, какъ говоритъ челобитчикъ, или что онъ похожъ на тѣхъ, кому „давано“, что все его дѣло подходитъ подъ какой-нибудь предыдущій государевъ указъ,—все это предоставлялось тому же приказному, который вызвалъ жалобу. Помѣта на челобитной вовсе не имѣла, въ большинствѣ случаевъ, въ виду рѣшить дѣло, ея цѣль—

это побудить приказъ разсмотрѣть дѣло и учинить указъ, т. е. рѣшить вопросъ, не волоча понапрасно челобитчика. Такъ съ теченіемъ времени вырождалось право и значеніе челобитья царю, и создавался безъисходный кругъ: царь отсылаетъ челобитчиковъ въ приказъ, а приказные, раздраженные жалобой на нихъ, подъ разными предлогами волочатъ попрежнему просителя и вынуждаютъ его опять докучать царю. Въ результатѣ, дѣла вершитъ тотъ, кто ихъ знаетъ, т. е. тотъ же приказный. Впрочемъ, отнюдь нельзя сказать, что сопротивленіе приказнаго всегда проходило для него безъ непріятныхъ послѣдствій; если цари не могли разобраться во всѣхъ подробностяхъ дѣла, то ихъ грозный упрекъ: „опять на тебя челобитчики“, долженъ былъ сильно обуздывать своеволіе и корысть приказныхъ. Многое зависѣло, конечно, отъ личности царя. При Алексѣѣ Михайловичѣ челобитчикъ иногда подавалъ безрезультатно 30—40 челобитныхъ, на которыхъ изображены почти одинаковыя помѣты: „учинить указъ по государеву указу тотчасъ“, а на иныхъ выражено недоумѣніе: „выписавъ тотчасъ, доложить государя, для чего указа не учинено?“.

Помѣты думныхъ дьяковъ.

Думные дьяки, какъ лица постоянно близкіе къ царю, тоже помѣчали часто челобитныя, и ихъ помѣты имѣли такое же значеніе, какъ помѣты челобитныхъ дьяковъ. Въ XVII в. по временамъ бывало, что думные почти совсѣмъ заслоняли въ этомъ дѣлѣ челобитныхъ дьяковъ. Здѣсь многое, очевидно, зависѣло отъ личнаго состава Челобитнаго приказа и отъ степени расположенія къ нему царя.

Доклады государю изъ приказовъ.

Когда приказъ затруднялся рѣшить какое-нибудь дѣло, то онъ докладывалъ его государю и боярамъ. Доклады могли быть устными, но чаще бывали писанные. Очень важно отмѣтить, что опредѣленныхъ правилъ относительно того, какія дѣла приказы могутъ вершить сами, а какія они должны докладывать царю, не существовало. По этому вопросу источники XVI и

XVII в.в. выражаются одинаково: „а котораго дѣла за чѣмъ (т. е. почему-либо) вершить не мочно, и о томъ дѣлѣ, выписавъ, докладывать царя и бояръ“. Такая формулировка вопроса для насъ кажется невразумительной, но московскіе государи, очевидно, не опасались чрезмѣрной самостоятельности приказовъ, такъ какъ для послѣднихъ всегда было выгоднѣе сложить съ себя при помощи доклада отвѣтственность на царя, тѣмъ болѣе, что царь, не зная всѣхъ тонкостей дѣла, рѣшалъ его по ихъ же подсказу. Такимъ образомъ, опредѣлить, какое дѣло можно вершить, а какого нельзя, предоставлялось чутью и такту завѣдующихъ. Есть указанія на то, что приказные иногда совѣтовались частнымъ образомъ съ вліятельными думными людьми и рѣшали дѣло самостоятельно или докладывали его царю, смотря по обстоятельствамъ. Думные приказные могли дѣлать доклады во дворцѣ, но недумные,—а такихъ было много,—должны были, подобно челобитчикамъ, ловить государя на выходахъ, богомольяхъ и въ церквахъ во время службъ и дѣлать свои доклады наспѣхъ при весьма неподходящей обстановкѣ. Такая постановка вопроса о докладахъ въ серединѣ XVII в. становится явно неудобной. Многочисленные, часто неважные доклады отнимаютъ у царя много времени и возлагаютъ на него отвѣтственность по такимъ сложнымъ вопросамъ техники управленія, которые трудно рѣшить правильно въ той обстановкѣ, въ которой происходили многіе доклады, и вполнѣ могли бы быть предоставлены подчиненнымъ органамъ управленія. Одновременно съ этимъ несамостоятельность приказовъ замедляетъ веденіе дѣлъ, принося только вредъ. Слабое развитіе общаго права вскрываетъ намъ причины этого порядка.

Общіе указы и доклады.

Московскіе цари и ихъ приказные не были изобрѣтательны на общія нормы, не любили ихъ и постоянно нарушали сепаратными указами, когда это казалось имъ цѣлесообразнымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. На

общіе законы они смотрѣли не какъ на нормы, которыя слѣдуетъ примѣнять вездѣ и всегда, а какъ на возможные приблизительные образцы для рѣшенія той или иной категоріи дѣлъ. Ихъ неразвитая юридическая мысль лишь съ большимъ трудомъ вкладываетъ конкретные случаи повседневной практики въ общія нормы. По этому вопросу можно было бы привести множество примѣровъ. Въ первой четверти XVII в. былъ изданъ общій указъ—не давать на откупъ кабаковъ дворянамъ и ихъ людямъ, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ Печатный приказъ запросилъ объ этомъ всѣ приказы, то оказалось, что одни изъ нихъ совсѣмъ не знали этого указа, другіе его исполняли, а третьи не исполняли по особымъ государевымъ указамъ. Когда общій указъ причинялъ или могъ причинить убытокъ казнѣ, то приказы никогда не примѣняли его, да и не имѣли права примѣнять, не доложивъ государя или бояръ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ, когда въ 1639 г. былъ изданъ указъ объ отмѣнѣ мелкихъ монополій, то каждый городъ отдѣльно долженъ былъ бить челомъ государю о примѣненіи къ нему указа *).

Неудобства несамостоятельности приказовъ.

Въ области суда московскіе цари довольно рано и полнѣе всего отдѣлались отъ докладовъ, хотя и въ XVII в. имъ нерѣдко приходилось рѣшать такія судныя дѣла, которыя по своему существу могли бы быть рѣшены приказами на основаніи общихъ указовъ. Въ области же финансовъ они и въ XVII в. лично разсматриваютъ и рѣшаютъ самыя мелкія дѣла, оставляя за приказными очень мало самостоятельности. При Алексѣѣ Михайловичѣ неудобства этого сказываются очень сильно. Этотъ государь, по недостатку ли времени или по другимъ причинамъ, просто избѣгаетъ докладовъ. Результаты получаются очень печальные. Въ архивныхъ дѣлахъ намъ встрѣчались случаи, когда

*) См. подробности объ этомъ въ нашей статьѣ: Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго государства въ XVII в. въ сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1910 г.

приказные по полугоду и болѣе тщетно искали случая доложить дѣло царю. Въ архивахъ сохранилось множество изготовленныхъ докладовъ этого времени, которые такъ и остались безъ рѣшенія; это цѣлые столбцы, такъ называемыхъ, „невершеныхъ докладовъ“. Въ окладныхъ приказныхъ книгахъ царя Алексѣя мы нерѣдко читаемъ, что такой-то доходъ не полученъ, что онъ сталъ недоимкой,—„и то дѣло выписано государю въ докладъ; и о томъ, что государь укажетъ?“ Этотъ однообразный припѣвъ повторяется изъ года въ годъ за десятокъ лѣтъ подрядъ. Несамостоятельность приказныхъ, умѣстная въ небольшой вотчинѣ московскихъ великихъ князей, стала дѣйствовать очень вредно съ усложненіемъ дѣлъ и ростомъ государства. Цари, опасаясь дать приказамъ волю и оставить ихъ безъ своего контроля, хотѣли по прежнему доходить до всего лично и въ результатѣ оказались заваленными массой неважныхъ докладовъ, которые лишали ихъ возможности и времени внимательно разсматривать важные. Множество указовъ середины XVII в. остаются на бумагѣ, такъ какъ примѣненіе ихъ на практикѣ вызываетъ много непредвидѣнныхъ вопросовъ, а царь своей властью не устраняетъ сомнѣній приказныхъ.

Приказы при царѣ Михаилѣ.

Упадокъ приказнаго строя становится замѣтнымъ и несомнѣннымъ во второй четверти XVII в. Властный и энергичный Филаретъ Никитичъ быстро приводитъ въ порядокъ расшатанный Смутой приказный механизмъ. Если онъ и не былъ въ силахъ дойти до всего лично, то все-таки порядокъ поддерживается его твердой рукой и страхомъ. Однако нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ сознавалъ необходимость реформъ, а не простой реставраціи. При немъ все сводится къ починкѣ старой машины старыми же средствами. Учрежденный въ 1620 г. приказъ, „что на сильныхъ бьютъ челомъ“ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Во всякомъ случаѣ существованіе его рядомъ съ Челобитнымъ приказомъ не совсѣмъ понятно. Очевидно, что

Челобитный приказъ уже плохо выполнялъ свое назначеніе. Очень сомнительно, чтобы и новый сыскной приказъ былъ лучше стараго Челобитнаго. Смерть Филарета и неудачная Смоленская война вызвали во всѣхъ слояхъ общества сильное броженіе, которое отразилось и на приказахъ. Однако еще нѣкоторое время они работаютъ сносно, отчасти, быть можетъ, по инерціи, всегда важной въ работѣ учрежденій, отчасти благодаря вліянію Михаила Ѳедоровича, не обладавшаго сильнымъ умомъ и твердымъ характеромъ, но получившаго подъ руководствомъ отца значительный опытъ. Въ концѣ его царствованія въ дѣятельности приказовъ становится уже замѣтнымъ нѣчто весьма неладное. Самовольство и злоупотребленія безнаказныхъ судей и дьяковъ растетъ, приказы, лишенные въ значительной степени связующаго ихъ начала—царской руки, начинаютъ обособляться, со стороны населенія все чаще раздаются жалобы на волокиту и злоупотребленія.

Приказы при царѣ Алексѣѣ.

Съ теченіемъ времени, во все царствованіе Алексѣя Михайловича, безпорядокъ увеличивается и рѣзко проявляется даже въ такомъ внѣшнемъ фактѣ, какъ порядокъ приказнаго письмоводства. Всякому, кто долго занимался въ архивахъ, бросается въ глаза порядокъ въ документахъ первыхъ двухъ третей царствованія Михаила Ѳедоровича и большой безпорядокъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Взять хотя бы приходо-расходныя книги приказовъ, этотъ очень важный родъ документовъ. Раньше онѣ ведутся чисто, въ порядкѣ, „безъ скребенья и чищенья“, каждая статья тщательно записана и „очищена“, т. е. указано, получены ли по ней деньги, или нѣтъ, если не получены, то почему, и что государевъ указъ о недоимкѣ. Вся книга, во избѣжаніе злоупотребленій, скрѣплена по листамъ дьякомъ. Книги Алексѣя Михайловича, особенно второй половины его царствованія, представляютъ жалкій видъ. Это—большіе фоліанты почти чистой бумаги, въ которыхъ кое-гдѣ записаны, по однообразному шаблону, часто безъ всякой

очистки, окладныя статьи. Иныя статьи по небрежности недописаны, и за цѣлый рядъ лѣтъ неизвѣстно, получены ли деньги или нѣтъ, и почему не получены. Мѣстами чистая бумага испачкана какими-нибудь росчерками или неумѣстными изрѣченіями. Намъ встрѣтился, напримѣръ, такой случай: подъ окладомъ кабака, гдѣ слѣдовало записать поступленіе дохода, изображенъ благочестивый вздохъ—„помилуй мя Боже по велицей милости"..., вздохъ, свидѣтельствующій какъ о набожности подьячаго, такъ и о его пренебреженіи къ важному государственному документу. Размѣръ пройденнаго къ безпорядку пути можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ. Когда въ 1631 г. новый дьякъ Устюжской чети, принимая по описи архивъ своего предшественника, нашелъ въ немъ одну старую (1619 г.) приходо-расходную книгу, которая не вся была скрѣплена по листамъ дьякомъ, то объ этомъ случаѣ было доложено государямъ, т. е. отцу и сыну. Государи, выслушавъ докладъ, указали опечатать книгу и хранить ее до времени за особой печатью. А 40 лѣтъ спустя царь Алексѣй приказываетъ справиться въ Новгородской чети, какъ давно изъ городовъ ея вѣдомства перестали присылать смѣты, т. е. годичные отчеты. Понятно, что отсутствіе городовыхъ смѣтъ лишало приказы возможности составлять приказные, и, быть можетъ, поэтому до насъ дошло нѣсколько десятковъ приказныхъ смѣтъ Новгородской, Устюжской и Галицкой четей за первую половину вѣка и ни одной за время царствованія Алексѣя.

Тайный приказъ.

Алексѣй Михайловичъ не обладалъ твердымъ характеромъ и чувствовалъ себя безсильнымъ среди приказовъ. Медлительность, злоупотребленія и своеволіе раздражали его. Между тѣмъ онъ жаждалъ дѣятельности и глубоко вѣрилъ въ свое высокое призваніе. На такой почвѣ возникъ приказъ Великаго государя Тайныхъ дѣлъ. До монографіи И. Я. Гурлянда и до изданія значительнаго количества дѣлъ Археографической комиссіей объ этомъ приказѣ существовали до-

вольно легендарныя мнѣнія. Теперь уже невозможно говорить, что Тайный приказъ былъ какимъ-то инквизиціоннымъ учрежденіемъ или началомъ тайной полиціи, однако нельзя сказать, чтобы онъ уже получилъ полную и вполнѣ правильную оцѣнку. И. Я. Гурляндъ въ одномъ мѣстѣ своей работы сравниваетъ его съ отдушиной, черезъ которую голосъ притѣсненнаго народа могъ достигнуть до царя, и говоритъ, что населеніе чувствовало въ этомъ потребность. Послѣднее вѣрно, но сравненіе намъ кажется неудачнымъ. С. Ѳ. Платоновъ въ рецензіи на трудъ И. Я. Гурлянда указалъ *), что одна такая отдушина уже существовала, и что она была законопачена какъ разъ въ царствованіе царя Алексѣя: это—земскіе соборы. Слѣдуетъ напомнить о другой отдушинѣ, постоянной, которая существовала давно и пережила Тайный приказъ. Это—Челобитный приказъ. Какая была надобность учреждать новый приказъ, когда царь при желаніи могъ воспользоваться Челобитнымъ приказомъ, который въ приказномъ строѣ долженъ былъ играть роль отдушины? Замѣчаніе И. Я. Гурлянда, что въ учрежденіи Тайнаго приказа сказалось стремленіе царя къ непосредственному дѣйствительному участію въ дѣлахъ управленія, совершенно вѣрно, но возникаетъ вопросъ, какое это имѣло значеніе, если вся приказная система, вмѣстѣ съ Челобитнымъ приказомъ, развилась и была основана на принципѣ личнаго участія царя въ управленіи. Тайный приказъ быстро разросся въ большое учрежденіе съ многочисленнымъ персоналомъ и широкимъ очень пестрымъ кругомъ дѣлъ. Сохранились указанія на то, что онъ, разросшись, выродился въ обычный приказъ со всѣми присущими имъ въ то время недостатками. Даже болѣе того: близость къ царю и его благосклонность давали возможность дьякамъ и подьячимъ Тайнаго приказа совершать такія злоупотребле-

*) Въ „Статьяхъ по русской исторіи". СПБ. 1903 г.

нія, которымъ, вѣроятно, завидовало „крапивное сѣмя“ другихъ приказовъ. Злоупотребляли не только дьяки и подьячіе, но даже мелкія сошки приказной системы. Какіе-нибудь ничтожные подьячіе съѣзжей избы Нижняго Новгорода (Симановы), опираясь на свое родство съ подьячими Тайнаго приказа, заставляли трепетать передъ собой мѣстнаго дьяка и молчать воеводу.

Тайный приказъ можно разсматривать какъ симптомъ упадка приказнаго строя. Алексѣй Михайловичъ, выросшій въ понятіяхъ старины, не понималъ новыхъ нуждъ управленія. Онъ не чувствовалъ себя хозяиномъ въ разросшемся дворцѣ приказныхъ учрежденій, ему хотѣлось, по примѣру своего предка, имѣть свою „опричнину“, и онъ, отчаявшись стать хозяиномъ въ старомъ домѣ, рѣшилъ построить себѣ особое жилье. „Опричнина“, соотвѣтственно вкусамъ и характеру царя, получаетъ странный, но во всякомъ случаѣ безобидный характеръ. Безъ всякой системы, безъ признаковъ планомѣрной работы серьезной государственной мысли, царь по временамъ заглядываетъ въ приказы, чтобы унести оттуда то, что ему понравилось для обстановки своихъ жилыхъ аппартаментовъ. Все въ Тайномъ приказѣ носитъ печать личныхъ вкусовъ царя: тутъ, рядомъ съ важными государственными дѣлами, случайно исторгнутыми изъ другихъ приказовъ, соколиная охота: личная переписка царя и какое-нибудь хозяйственное предпріятіе, вродѣ винокуренія, откорма скота или будныхъ становъ; рядомъ съ аптекой и дѣломъ распространенія богослужебныхъ книгъ какое-нибудь сыскное дѣло про блудное воровство, почему-либо обратившее на себя вниманіе царя среди массы другихъ подобныхъ дѣлъ: дѣла благотворительности, а рядомъ государственная приходо-расходная смѣта. Со смертью Алексѣя Михайловича Тайный приказъ по совершенной ненадобности былъ немедленно уничтоженъ.

Приказы въ концѣ XVII в.

Изслѣдованіе перехода отъ приказнаго управленія къ коллегіямъ выходитъ за предѣлы нашей статьи. Отмѣтимъ только важнѣйшіе факты. Въ послѣдней

трети XVII в. было много сдѣлано для объединенія различныхъ отраслей управленія. Такъ, помѣстныя и вотчинныя дѣла были сосредоточены въ Помѣстномъ приказѣ. Въ этомъ же приказѣ было объединено дѣло описаній и переписей почти всего государства. Вѣдомство Разбойнаго приказа было распространено на сѣверъ, гдѣ раньше разбойныя и татиныя дѣла вѣдали чети. Таможенные и кабацкіе сборы всего государства (за исключеніемъ Сибири) были переданы приказу Большой Казны, тогда какъ раньше они поступали по крайней мѣрѣ въ 9—10 приказовъ. Стрѣлецкій приказъ сталъ получать съ 1672 г. свои доходы съ такихъ городовъ, гдѣ раньше ихъ сбирали Новгородская и Устюжская чети и приказъ Казанскаго дворца. Вообще, тенденція разрушить территоріальные приказы и распредѣлить ихъ вѣдомство между приказами по роду дѣлъ внѣ всякаго сомнѣнія. Другой фактъ—это соединеніе нѣсколькихъ приказовъ подъ начальствомъ однихъ лицъ. Раньше это бывало исключеніемъ, теперь, т. е. въ послѣдней трети вѣка, становится какъ бы системой. Этотъ пріемъ нѣсколько упрощалъ задачу верховной власти, такъ какъ управленіе всѣми приказами оказывалось въ рукахъ небольшого количества довѣренныхъ и вліятельныхъ лицъ и получало большее единство. Сообразно съ этимъ, въ приказный строй проникаетъ начало бюрократическаго подчиненія младшихъ завѣдывающихъ (товарищей и дьяковъ) старшимъ.

Личный составъ приказовъ.

Какъ можно ожидать, личный составъ приказовъ былъ очень разнообразенъ. Постоянной частью состава было большее или меньшее количество подьячихъ. Во главѣ же приказовъ стояли то дворяне (судьи) съ дьяками, то одни дьяки, то, въ видѣ исключенія, подьячіе. Такъ, Мастерской государевой Палатой, Аптекарскимъ и Постельнымъ приказами долгое время завѣдывали подьячіе „въ дьячье мѣсто“. Во главѣ нѣкоторыхъ несамостоятельныхъ приказовъ стояли выборные гости. Такъ, Большой Московской таможней (Таможеннымъ

приказомъ), подчиненной приказу Большого Прихода, такъ же какъ Кабацкимъ приказомъ, вѣдавшимъ московскіе кабаки и подчиненнымъ Новой чети, управляли головы (изъ гостей) и цѣловальники, избираемые ежегодно гостями и московскими торговыми людьми. Эти подьячіе „въ дьячье мѣсто“ и выборные головы сносились съ другими приказами, какъ и всѣ прочіе приказы, памятьми, а первые, т. е. подьячіе, имѣли право доклада государю. Во главѣ большинства приказовъ стояли судьи изъ дворянъ и дьяки или одни дьяки. Число тѣхъ и другихъ и чинъ были различны, смотря по важности приказа и по временнымъ потребностямъ. Въ судныхъ по преимуществу приказахъ обыкновенно были дворяне съ дьяками, а въ цѣломъ рядѣ такихъ важныхъ приказовъ, какъ Разрядъ, Посольскій приказъ и Новгородская четь, въ которыхъ судныя дѣла стояли на второмъ планѣ, очень долгое время, почти всю первую половину XVII в., были одни дьяки, отъ 3—5 человѣкъ. По существу названіе судей равно приложимо и къ дьякамъ, такъ какъ они въ дѣйствительности были такими же судьями, какъ „судьи“ изъ дворянъ.

Судьями такихъ важныхъ приказовъ, какъ Ямской, Стрѣлецкій, Московскій и Владимирскій судные, Помѣстный и другіе обыкновенно были бояре, въ другихъ менѣе важныхъ—окольничіе, думные дворяне и другіе высшіе чины. Судьи наблюдали за своими сослуживцами—товарищами и дьяками, руководили въ приказахъ дѣлами и докладывали ихъ вмѣстѣ съ дьяками въ случаѣ надобности государю. Въ письмоводствѣ приказовъ они не принимали никакого участія и не прикладывали своихъ рукъ къ документамъ; на то были „устроены“ дьяки. Судьи.

На дѣлѣ главными дѣльцами приказовъ были дьяки. Въ противоположность судьямъ изъ дворянъ, которые садились управлять приказомъ между военной и дворцовой службами, дьяки были спеціалистами Дьяки.

дѣла и хозяевами приказовъ. Всего приказныхъ дьяковъ, не считая тѣхъ, которые служили въ городахъ и были въ разныхъ посылкахъ, въ серединѣ XVII в. было человѣкъ 75—80. Къ концу вѣка ихъ стало много больше. Большинство дьяковъ происходило изъ подьячихъ, выслужившихся послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ приказной работы. Провинціальные дворяне дѣлали карьеру быстрѣе и нерѣдко попадали въ дьяки, минуя подьячество. Таковы въ XVII в. Заборовскіе, Неупокой Кокошкинъ, Борняковы, Пустошкины, Кошнины, Грязевы, Баимъ, Болтинъ и другіе. Дѣловитость, богатство и спеціальныя познанія въ торговыхъ дѣлахъ открывали путь къ дьячеству и гостямъ и торговымъ людямъ. Такъ, минуя даже подьячество, попали въ дьяки: московскій гость Михаилъ Смываловъ (въ Устюжскую четь), братья Панкратовы (на Казенный Дворъ) и братья ярославцы Чистые. Въ XVII в. этотъ разношерстный классъ еще не успѣлъ обособиться въ сильную позже бюрократію. Однако развитіе и усиленіе администраціи, помѣстья, полученныя за службу, вотчины, купленныя на деньги, нажитыя на службѣ, и родственныя связи съ служилымъ дворянствомъ,—все это указывало ясно направленіе, въ которомъ будетъ развиваться высшій слой приказныхъ Московскаго государства.

Думные дьяки.

За заслуги царь жаловалъ дьяковъ въ думу, причемъ обычно они продолжали управлять тѣмъ же приказомъ, гдѣ были въ дьячествѣ. Такіе дьяки въ XVII вѣкѣ назывались думными. Въ первой половинѣ вѣка ихъ было человѣкъ 4—5, а во второй стало больше, человѣкъ 10—12. Повидимому, только въ Разрядѣ и въ Посольскомъ приказѣ всегда одинъ изъ дьяковъ былъ думнымъ. Присутствіе же ихъ въ другихъ приказахъ не считалось, повидимому, обязательнымъ и зависѣло болѣе отъ служебныхъ случайностей, чѣмъ отъ важности приказа.

Взаимныя отношенія судей и дьяковъ.

Каковы бы ни были число и чинъ начальствующихъ приказа, они должны были дѣлать всѣ дѣла „заодинъ“, т. е. съ общаго вѣдома и согласія. Однако, это вовсе не значило, что приказы были коллегіальными учрежденіями, такъ какъ самый принципъ рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ былъ чуждъ понятіямъ XVII вѣка. Мы не видимъ никакихъ слѣдовъ голосованій на земскихъ соборахъ и въ боярской думѣ, гдѣ они были бы еще болѣе умѣстны, чѣмъ въ приказахъ. Съ другой стороны, приказы никакъ нельзя назвать бюрократическими учрежденіями, такъ какъ судьи и дьяки были равноправными товарищами, не были подчинены одинъ другому, и все старшинство однихъ передъ другими выражалось въ томъ, что въ дѣлахъ и грамотахъ старшіе писались раньше младшихъ. Поэтому самая постановка вопроса о томъ, были ли приказы учрежденіями коллегіальными или бюрократическими, кажется намъ ненадобной и неправильной. Взаимныя отношенія государевыхъ приказчиковъ не были опредѣлены заранѣе установленными правилами, и все предоставлялось ихъ личному такту. Московскіе государи, вѣроятно, съ умысломъ послѣдовательно придерживались такой политики: надзоръ товарищей другъ за другомъ и отсутствіе подчиненія были въ ихъ рукахъ средствомъ контроля. Съ другой стороны, предполагалось, что царь всегда можетъ устранить своимъ словомъ возможныя при такихъ отношеніяхъ и нежелательныя для дѣла разногласія. По мѣрѣ ослабленія непосредственнаго участія царя въ дѣлахъ управленія, такой порядокъ становится неудобнымъ, и въ приказы проникаетъ начало подчиненія младшихъ старшимъ. Въ концѣ XVII вѣка приказы уже въ значительной степени бюрократическія учрежденія. Раньше же самый заурядный дьякъ могъ охранять свою самостоятельность и быть, что называется, бѣльмомъ на глазу у сильнаго боярина, пока онъ „искалъ государю прибыли“ и радѣлъ въ дѣлахъ въ государевыхъ интересахъ.

Подьячіе.

Черную работу въ приказахъ исполняли подьячіе, набранные изъ „всенародства“, больше всего изъ дѣтей духовенства и посадскихъ людей. Природной смышленности, умѣнья писать и случая было достаточно, чтобы попасть въ подьячіе. Необходимыя служебныя познанія давала долголѣтняя практика. Молодой подьячій служилъ сначала нѣсколько лѣтъ безъ жалованья и былъ на положеніи „неверстаннаго“ подьячаго. Затѣмъ его верстали окладомъ отъ 1 до 5 рублей. По заслугамъ окладъ повышался, подьячій переходилъ въ „среднюю статью“ и, наконецъ, могъ достигнуть мѣста „стараго“ подьячаго. Старые подьячіе были уже важными людьми въ приказахъ. Окладъ ихъ жалованья достигалъ 35—40 руб., а сверхъ денежнаго, въ нѣкоторыхъ приказахъ они были поверстаны хлѣбнымъ жалованьемъ и даже помѣстными окладами. Старые подьячіе наблюдали за младшими товарищами, большею частью вѣдали въ приказѣ приходъ и расходъ и „приписывали“ грамоты и памяти, какъ отвѣтственные секретари. Такія приписи назывались справами, а подьячіе, уполномоченные дѣлать ихъ,—справными. Такъ какъ старые подьячіе держали въ своихъ рукахъ все дѣло и знали его до тонкостей, то случалось, что вліяніе ихъ было не меньше, чѣмъ самихъ дьяковъ. Это видно по тому, что просители даютъ имъ иногда такую же взятку, какъ дьяку.

Подьячіе сидѣли въ приказахъ десятки лѣтъ, смѣнялись постепенно и были поэтому настоящими хранителями приказныхъ традицій и знатоками всѣхъ закоулковъ своего вѣдомства. Этотъ устойчивый элементъ поддерживалъ индивидуальность приказовъ, которая проявляется въ массѣ мелочей: то въ особой формѣ составлять доклады, то въ особой манерѣ писать грамоты и вести книги и т. п. Связанные тѣсными и постоянными сношеніями съ управляемымъ населеніемъ, подьячіе не только знали всѣ тонкости и мелочи письмоводства, но и всѣ детали дѣла. Они прекрасно знали,

насколько приблизительно повысится кабацкій доходъ какого-нибудь Можайска, если черезъ него пройдутъ на государеву службу ратные люди; какъ отразятся ранніе заморозки на торговлѣ Устюга или мелководье—на ярмаркѣ Нижняго, гдѣ какой урожай, и гдѣ хорошо идутъ какіе промыслы. Родственныя связи придавали еще бо́льшую устойчивость хозяйничанью подьячихъ. Очень часто они сидѣли въ приказахъ цѣлыми гнѣздами. Группы братьевъ, какихъ-нибудь Оловяниковыхъ, Симоновыхъ, Деревнинныхъ, Ключаревыхъ и другихъ, связанныхъ узами родства съ подьячими того же и другихъ приказовъ, сидятъ у дѣлъ десятки лѣтъ. Когда одинъ изъ нихъ пролѣзетъ въ дьяки, то можно видѣть, какъ онъ начинаетъ вытягивать свою родню.

Порядокъ дѣлопроизводства.

Со всѣхъ концовъ Московскаго государства въ приказы стекались отписки городовыхъ приказныхъ людей. Ихъ привозили или нарочные гонцы, если дѣло было поважнѣе, или случайные попутчики—какой-нибудь челобитчикъ или торговый человѣкъ, пріѣзжавшіе въ Москву по своимъ дѣламъ. Подьячіе, принимая отписки и другіе документы, клали ихъ на столъ передъ судьи и дьяковъ. Дьякъ читалъ отписку съ судьей, поговоря съ нимъ, дѣлалъ на ней резолюцію (помѣту) и раздавалъ отписки подьячимъ по столамъ, смотря въ какой слѣдовало. Дѣленіе приказовъ на столы и количество столовъ было различно, смотря по приказу и по временнымъ удобствамъ. Денежный и судный столы встрѣчаются въ большинствѣ приказовъ. Въ нѣкоторыхъ же приказахъ, какъ напр. въ Разрядѣ, въ Помѣстномъ и въ Новгородской чети, сверхъ этихъ столовъ, были еще территоріальные. Однѣ отписки слѣдовало принять къ свѣдѣнію;—на нихъ дьякъ помѣчалъ: „чтена, въ столпъ“, т. е. подклеить въ столбецъ къ другимъ документамъ, или: „деньги принять, а отписка въ столпъ“, и т. п. На другія отписки слѣдовало отвѣчать, давая городовымъ приказнымъ указанія и предписанія. На такихъ отпискахъ дьякъ по-

мѣчалъ иногда подробно, но всегда сжато, свою резолюцію. Старый подьячій, получивъ помѣченную отписку, передавалъ ее одному изъ младшихъ и давалъ указанія, какъ составить отпускъ. Младшій подьячій справлялся въ старыхъ отпускахъ, т. е. въ прежнихъ дѣлахъ, и по извѣстному шаблону составлялъ грамоту, включая въ нее помѣту дьяка. Тогда старый подьячій просматривалъ черновикъ, дѣлалъ въ немъ поправки и подносилъ дьяку. Дьякъ, если находилъ нужнымъ, чернилъ, т. е. исправлялъ, съ своей стороны, и возвращалъ черновикъ подьячимъ для переписки набѣло. Старый подьячій свѣрялъ бѣловикъ съ черновикомъ и свидѣтельствовалъ это своей справкой на оборотѣ бѣловой грамоты—„справилъ подьячій имя-рекъ“ *)). Дьякъ, прочтя бѣловикъ, приписывалъ его, т. е. скрѣплялъ на оборотѣ по склейкамъ своей подписью, послѣ чего грамоту оставалось только снести въ Печатный приказъ, который прикладывалъ восковую печать и взималъ за это, въ извѣстныхъ случаяхъ, пошлины. Если на отписку требовались какія-либо справки, то дьякъ помѣчалъ: „выписать въ докладъ“ или: „выписать въ докладъ государю“. Тогда подъ наблюденіемъ стараго подьячаго, и за его справой, младшіе подьячіе изготовляли докладъ, который или заслушивался въ приказѣ или былъ докладываемъ государю.

Внѣшняя обстановка приказовъ.

Нѣсколько словъ о внѣшности и обстановкѣ приказовъ не будутъ лишними; они дополнятъ изображенную нами картину. Приказъ помѣщался обыкновенно въ просторной избѣ изъ 2—3 срубовъ и былъ покрытъ дранью и тесомъ. Изба отапливалась глиняными печами, а двери и слюдяныя окна для тепла были обиты сукномъ и войлокомъ. Простые сосновые столы и скамейки составляли всю обстановку приказа. Дѣла хранились въ лубяныхъ и осиновыхъ коробьяхъ. У

*) Всѣ документы, за исключеніемъ книгъ, писались на одной сторонѣ листовъ бумаги, которые подклеивались одинъ къ другому мездринымъ клеемъ и скатывались въ столбцы.

печи висѣлъ мѣдный или глиняной рукомойникъ. Горница, гдѣ сидѣли судьи и дьяки, была обставлена получше: столъ былъ накрытъ краснымъ или зеленымъ сукномъ, стѣны иногда обиты тесомъ или обиты матеріей, а окна закрывались для тепла войлочными ставнями. Просители ждали своей очереди въ сѣняхъ или на крыльцѣ. При многихъ приказахъ была своя тюрьма для колодниковъ, ждавшихъ суда или отбывавшихъ наказаніе. Сальныя свѣчи въ желѣзныхъ „шенданахъ" освѣщали внутренность приказа, гдѣ подьячіе, согнувшись надъ столами, выводили гусиными перьями на заморской бумагѣ свое каверзное письмо, просыпали его москворѣцкимъ пескомъ и опутывали своей чернильной паутиной отдаленнѣйшіе уголки Московскаго государства.

Обзоръ важнѣйшихъ приказовъ.

Перечисленіе всѣхъ приказовъ въ настоящей статьѣ было бы излишне, а описаніе ихъ, хотя бы краткое, заняло бы нѣсколько десятковъ страницъ. Поэтому мы ограничимся краткой характеристикой важнѣйшихъ постоянныхъ приказовъ, оставя совсѣмъ въ сторонѣ временные и чрезвычайные.

Посольскій приказъ вѣдалъ международныя сношенія и рядъ другихъ дѣлъ, имѣвшихъ съ ними болѣе или менѣе тѣсную связь. Такъ, онъ вѣдалъ дѣла иноземной торговли и судилъ иноземцевъ въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ. Въ его же рукахъ было дѣло выкупа и обмѣна плѣнныхъ, а когда въ 1649 г. былъ установленъ для этого новый налогъ, то онъ сталъ поступать на распоряженіе Посольскаго приказа.

Разрядъ или *Разрядный* приказъ вѣдалъ службой служилыхъ людей всего государства. Въ его рукахъ былъ весь воинскій урядъ, т. е. онъ велъ списки служилыхъ людей съ окладами денежнаго и помѣстнаго жалованья, назначалъ ихъ на военныя и гражданскія службы, велъ послужные списки и въ извѣстныхъ случаяхъ раздавалъ жалованье и награды. Черезъ него государи вели военныя дѣйствія. Такимъ образомъ, онъ

былъ какъ бы генеральнымъ штабомъ и военнымъ министерствомъ. По мѣрѣ колонизаціи юга Разрядъ пріобрѣлъ значеніе территоріальнаго приказа. Въ самомъ концѣ XVI в. онъ вѣдалъ на югѣ только нѣсколько городовъ, имѣвшихъ большое стратегическое значеніе (Воронежъ, Курскъ, Елецъ, Ливны, Ст. Осколъ, Лебедянь и Бѣлгородъ). Управленіе этими городами онъ раздѣлялъ съ другими приказами: съ Помѣстнымъ, Пушкарскимъ, Стрѣлецкимъ и другими. Города же, построенные въ XVII в., были въ исключительномъ вѣдомствѣ Разряда, и къ второй половинѣ XVII в. у него образовалась большая территорія, которую онъ вѣдалъ одинъ во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. судомъ и управою, всякими доходами, служилыми людьми всѣхъ чиновъ, землями, описаніями и т. д.

Помѣстный приказъ вѣдалъ помѣстныя и вотчинныя дѣла, раздавалъ и отбиралъ помѣстья, слѣдилъ за переходами ихъ и вотчинъ отъ однихъ лицъ къ другимъ и судилъ истцовъ въ земельныхъ дѣлахъ. Получая изъ Разряда свѣдѣнія относительно окладовъ служилыхъ людей, онъ руководился ими и съ своей стороны извѣщалъ Разрядъ о помѣстныхъ дачахъ и вотчинахъ. Такимъ путемъ поддерживалось соотвѣтствіе между земельнымъ обезпеченіемъ служилыхъ людей и службой съ земель. Въ концѣ первой трети XVII в. въ Помѣстномъ приказѣ сосредоточивается писцовое дѣло всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, которое до того онъ раздѣлялъ съ приказомъ Большого Прихода и съ четвертями.

Приказъ *Казанскаго* (и Мещерскаго) *Дворца* былъ территоріальнымъ вѣдомствомъ, управлявшимъ всѣмъ Поволжьемъ, начиная отъ границъ Нижегородскаго уѣзда и до Астрахани и Терки. До 1634 г. этотъ приказъ вѣдалъ также Сибирь, когда для управленія послѣдней былъ образованъ особый самостоятельный приказъ—*Сибирскій*.

Подъ названіемъ *четвертей* или *четей* въ XVII в. существовало 6 приказовъ весьма различныхъ по своему значенію: Новгородская (она же Нижегородская), Устюжская, Галицкая, Владимирская, Костромская (Ярославская) и Новая. Вопросъ о происхожденіи четей много занималъ историковъ, но до сихъ поръ далеко не выясненъ и едва ли можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ по недостатку первоисточниковъ. Все, что можно сказать съ увѣренностью, это то, что въ началѣ второй половины XVI в. въ связи съ отмѣной кормленій часть государства,—какая, въ точности неизвѣстно,—была раздѣлена между 4 учрежденіями, которыя получили названіе четвертей. Чети должны были собирать съ своихъ городовъ нѣкоторые доходы, которые были предназначены на жалованье служилымъ людямъ, такъ назыв. четвертчикамъ, вмѣсто отмѣненныхъ кормленій. Дальнѣйшая исторія четей еще темнѣе. Прежде всего слѣдуетъ выдѣлить *Новую* четь, которая была учреждена въ 1619 г. и вѣдала только кабацкій доходъ въ Москвѣ, а съ 1619 г. въ городахъ Галицкой, Владимирской и Костромской четей. Четвертчиковъ у нея никогда не было, и населеніе называло ее иногда, имѣя въ виду ея спеціальность, Кабацкой четью. Точно также, судя по всему, не было четвертчиковъ и у *Новгородской* чети. Существованіе четвертчиковъ въ XVII в. несомнѣнно только въ 4 четяхъ: въ *Галицкой*, *Владимирской*, *Костромской и Устюжской*. Но здѣсь вопросъ осложняется тѣмъ, что Устюжская четь возникла не ранѣе царствованія царя Василья Шуйскаго. Такимъ образомъ, остается предположить, что въ XVI в. первоначально были какія-то другія 4 чети, отличныя по своему вѣдомству отъ существовавшихъ въ XVII. Въ этомъ вѣкѣ Новгородская четь настолько отличается по своему вѣдомству отъ другихъ, что своимъ названіемъ чети только способна вызывать недоразумѣнія. Она была территоріальнымъ приказомъ и вѣдала свои Поморскіе города во всѣхъ

отношеніяхъ, а управленіе тѣхъ городовъ, гдѣ уѣзды были испомѣщены служилыми людьми (Вологда, Нижній Новгородъ, Арзамасъ, Гороховецъ, Псковъ и Вел. Новгородъ), она раздѣляла съ другими приказами, хотя всетаки и здѣсь большая часть дѣлъ была въ ея рукахъ. Устюжская четь вѣдала полно, во всѣхъ отношеніяхъ ту часть своихъ городовъ, которая находилась въ Поморьѣ, и гдѣ не было помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Въ Замосковныхъ городахъ она вѣдала только посады, да и то не во всѣхъ отношеніяхъ. Остальныя чети вѣдали въ XVII в. только посады, хотя сохранилось много указаній на то, что онѣ были вытѣснены изъ уѣздовъ развитіемъ и ростомъ помѣстной системы. Когда эти чети въ 1619 г. лишились кабацкаго дохода, то въ ихъ рукахъ остались совсѣмъ ничтожные доходы.

Приказъ *Большаго Прихода* былъ важнымъ конкуррентомъ четей въ области финансовъ. Въ XVII в. онъ вѣдалъ таможни и лавки въ большинствѣ городовъ всѣхъ четей за исключеніемъ Новгородской, куда доступъ ему былъ закрытъ. Онъ важенъ еще тѣмъ, что вѣдалъ таможни и лавки Москвы, которыя давали очень большой доходъ. Судя по всему, раньше его финансовое значеніе было еще больше. Такъ, есть много указаній, что въ его рукахъ было дѣло дозоровъ и описаній, отдача на оброкъ пустошей, оставшихся отъ помѣстной раздачи. Въ его же кассу поступалъ важный въ XVI в. налогъ—малыя ямскія деньги, который въ XVII в. утратилъ свое значеніе.

Разбросанныя по всему государству дворцовыя владѣнія управлялись во всѣхъ отношеніяхъ приказомъ *Большаго Дворца*. Онъ самостоятельно назначалъ въ своемъ вѣдомствѣ воеводъ и другихъ приказныхъ людей, посылалъ писцовъ и дозорщиковъ и сбиралъ всѣ доходы. Для суда дворцовыхъ служащихъ и крестьянъ существовалъ *Дворцовый Судный* приказъ. Во дворцѣ же были вѣдомы до 1649 г. монастыри, когда для нихъ былъ учрежденъ особый приказъ—*Мона-*

стырскій. Тѣ доходы, которые Дворецъ получалъ натурой, онъ эксплоатировалъ на царскія и общегосударственныя нужды на подчиненныхъ ему учрежденіяхъ: на *Сытномъ*, *Кормовомъ и Хлѣбномъ* дворцахъ.

Разныя нужды царскаго обихода удовлетворялъ цѣлый рядъ мелкихъ самостоятельныхъ приказовъ: *Аптекарскій*, *Золотой и Серебряный*, *Постельный*, *Мастерскія Палаты* государя и государыни и т. п. При надобности, конечно, эти приказы служили и для общихъ нуждъ. *Конюшенный* приказъ управлялъ царскими конюшнями и тѣми землями, которыя ему были даны для содержанія людей и лошадей. Сверхъ земель для той же цѣли ему были даны записныя пошлины во многихъ городахъ, сбиравшіяся при продажѣ лошадей, и множество доходныхъ бань въ Москвѣ.

Каменный приказъ вѣдалъ во многихъ городахъ кирпичниковъ, каменьщиковъ и горшечниковъ и занимался постройками крѣпостей, церквей, дворцовъ и т. п. Для храненія и эксплоатаціи богатой рухляди московскихъ царей, т. е. мѣховъ, матерій, царскаго платья и т. п. существовалъ *Казенный Дворъ*. Онъ же занимался до учрежденія Большой Казны покупкой и продажей иноземныхъ товаровъ, какъ для царскаго обихода, такъ и для прибыли. Въ его обширныя кладовыя другіе приказы ставили иногда на храненіе свои сбереженія. Монету чеканилъ *Денежный Дворъ*. Когда въ 30-хъ годахъ XVII в. правительство занялось въ широкихъ размѣрахъ торговыми предпріятіями, то для этого былъ образованъ приказъ *Большой Казны*, который не слѣдуетъ смѣшивать съ Большой Казной, существовавшей уже въ XVI в. Приказъ Большой Казны взялъ у Казеннаго Двора торговыя операціи иноземными товарами и сталъ развивать торговыя операціи туземными товарами, главнымъ образомъ хлѣбомъ, солью, поташомъ, смолой и т. п. Къ нему перешло отъ Челобитнаго приказа управленіе гостями и гостиной и суконной сотнями. Реформа 1680—1681 гг. не на дол-

гое время очень возвысила значеніе приказа Большой Казны, такъ какъ ей были переданы таможни и кабаки всего государства за исключеніемъ Сибири.

Важное мѣсто въ системѣ приказовъ занималъ *Печатный*, который хранилъ государевы печати и бралъ печатныя пошлины со всѣхъ документовъ, которые исходили изо всѣхъ приказовъ, за исключеніемъ приказа Большаго Дворца. Большой Дворецъ и здѣсь сохранялъ свою самостоятельность и самъ бралъ пошлины съ своихъ грамотъ и дѣлъ.

Казенныя сообщенія съ городами поддерживалъ одинъ изъ древнѣйшихъ приказовъ—*Ямской*. Онъ строилъ ямскія слободы, наблюдалъ за ними, судилъ въ разныхъ дѣлахъ ямщиковъ, выдавалъ подорожныя памяти для ѣзды по ямамъ, а въ XVII в. сталъ сбирать одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ прямыхъ налоговъ—большія ямскія деньги. Послѣднее придало ему значеніе важнаго финансоваго приказа.

Нѣсколько военныхъ приказовъ вѣдало различныя отрасли военнаго дѣла и служилыхъ людей разныхъ родовъ оружія. Разрядъ сверхъ того назначенія, которое нами указано выше, объединялъ въ своихъ рукахъ все военное дѣло. Изготовленіе, закупку и храненіе оружія выполняли *Оружейный* и *Пушкарскій* приказы (приказы Бронный и Ствольный были временными). Послѣдній сверхъ того на значительной части территоріи Московскаго государства завѣдывалъ постройкой и содержаніемъ городовыхъ укрѣпленій. Служилые иноземцы первое время послѣ Смуты были вѣдомы въ Разрядѣ, а выходцы изъ Литвы и Польши—въ *Панскомъ* приказѣ. Казаковъ вѣдалъ *Казачій*, а стрѣльцовъ—*Стрѣлецкій* приказы. Позже Панскій, а затѣмъ Казачій приказы были уничтожены, а для войскъ иноземнаго строя были учреждены *Иноземскій* и *Рейтарскій* приказы. Изъ этихъ приказовъ особенно важенъ *Стрѣлецкій*, какъ потому, что стрѣльцы составляли значительную часть военныхъ силъ, такъ и

потому, что въ его кассу поступалъ на содержаніе стрѣльцовъ очень важный прямой налогъ—стрѣлецкіе хлѣбные запасы и деньги за нихъ. Благодаря этому, Стрѣлецкій приказъ, наряду съ Ямскимъ, былъ въ XVII в. очень важнымъ финансовымъ приказомъ.

Судъ и управа распредѣлялись очень сложно между множествомъ приказовъ. Трудно указать такой приказъ, которому бы въ извѣстныхъ случаяхъ не приходилось быть мѣстомъ для разбора и рѣшенія судныхъ дѣлъ. Подсудность дѣлъ вообще опредѣлялась тѣмъ приказомъ, въ которомъ былъ вѣдомъ судомъ отвѣтчикъ. Одни лица были подсудны приказу по своему званію, должности или чину, другіе по территоріи, на которой они жили. Такъ, иноземцы были вѣдомы судомъ въ Посольскомъ приказѣ, каменьщики въ Каменномъ, дворцовые люди и крестьяне въ Дворцовомъ Судномъ, ямщики—въ Ямскомъ и т. д. Помѣщики Бѣлозерскаго уѣзда вообще были вѣдомы судомъ во Владимірскомъ Судномъ приказѣ, но тѣ изъ нихъ, которые были иноземцами, судились въ Панскомъ, а позже въ Иноземскомъ приказахъ. Сверхъ приказовъ, для которыхъ судныя дѣла были побочнымъ занятіемъ, существовали спеціально судные. Два такихъ приказа мы уже упоминали—*Владимирскій Судный* и Дворцовый. Кромѣ Владимирскаго приказа въ XVII в. существовалъ еще *Московскій*, а въ XVI в. кромѣ того *Дмитровскій*. Это были приказы по гражданскпмъ дѣламъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и ихъ людей и крестьянъ. Разбойныя и татиныя дѣла на большей части Московскаго государства вѣдалъ *Разбойный* приказъ, а дѣла о холопствѣ—приказъ *Холопья Суда*. Для Москвы территоріальнымъ судебнымъ мѣстомъ былъ *Земскій* приказъ, съ которымъ впрочемъ конкуррировали по личной подсудности многіе другіе приказы.

Приказная волокита.

Московская приказная волокита пользуется заслуженной, но сильно преувеличенной дурной славой. Приказныхъ обвиняютъ въ продажности, грубомъ не-

уваженіи къ праву и справедливости, въ волокитѣ, т. е. въ томъ, что она „волочила“ просителей—заставляла ихъ долгое время проѣдаться на Москвѣ, ходя за дѣломъ, и тратиться на взятки. Чтобы правильно оцѣнить эти упреки, нужно прежде всего отказаться отъ поспѣшныхъ сравненій прошлаго съ настоящимъ и постараться выяснить, что въ приказной волокитѣ зависѣло отъ лицъ, что отъ общихъ условій жизни, въ чемъ выражалась волокита, и какія измѣненія происходили въ этомъ отношеніи съ теченіемъ времени.

Централизація управленія.

Очень благопріятную почву для волокиты создавала сильная централизація управленія. Московскіе цари перенесли на разросшееся государство принципы и пріемы управленія, которые были выработаны въ ихъ вотчинахъ. Мѣстные органы управленія такъ же несамостоятельны, какъ и центральные приказы. Цари какъ будто не довольствовались тѣмъ, чтобы быть душой приказовъ,—они хотѣли, какъ добрые хозяева, быть душой всего государства. Это сказывается особенно ярко въ финансовомъ управленіи. Напр., самыя ничтожныя доходныя статьи сдаются на откупъ въ Москвѣ, а воеводы—только исполнители московскихъ распоряженій. Когда какой-нибудь доходъ сбирали выборные люди, и кончался годъ ихъ службы, то они для отчета должны были ѣхать въ Москву. Ничтожность сбора,—какихъ-нибудь 10—20 руб., и дальность разстоянія не были въ глазахъ приказа разумнымъ основаніемъ для освобожденія выборныхъ отъ невольнаго дальняго путешествія. Нѣтъ нужды, что поѣздка въ Москву могла обойтись дороже самаго сбора. Въ другихъ отрасляхъ управленія централизація едва ли меньше. Небольшая починка какой-нибудь городовой башни, назначеніе подьячаго въ съѣзжую избу маленькаго городка и т. п., все это рѣшается въ Москвѣ въ приказахъ. Если въ области суда централизація была меньше, то все-таки она была очень обременительна для населенія, такъ какъ касалась его ближе. Москов-

ское правительство иногда ограничивало юрисдикцію воеводъ, но не находило нужнымъ устанавливать судебныхъ инстанцій. Вообще, по мелкимъ гражданскимъ дѣламъ населеніе, конечно, предпочитало судиться на мѣстѣ у воеводъ, такъ какъ поѣздка въ Москву могла стоить дороже иска, но ничто не мѣшало истцу, а въ извѣстныхъ случаяхъ и отвѣтчику, потребовать разсмотрѣнія дѣла на Москвѣ въ приказѣ. Эти порядки объясняютъ намъ причину постоянныхъ жалобъ населенія на приказную волокиту и на „поклепщиковъ и ябедниковъ“, которые затѣвали поклепные, т. е. ложные, иски, чтобы „помириться“ на небольшой суммѣ. Боязнь мирныхъ обывателей истратиться на далекую поѣздку въ Москву и подвергнуться всѣмъ мытарствамъ приказной волокиты постоянно подстрекала поклепцовъ. Нѣтъ нужды много говорить о томъ, что эти черты приказнаго строя становились для населенія все болѣе обременительными и непріятными по мѣрѣ роста государства и усложненія общественной жизни.

Законъ и обычай.

Извѣстно, что старина, то, что повелось изстари, имѣла очень большое значеніе въ Московскомъ государствѣ. Кризисъ конца XVI в. и Смута сильно пошатнули значеніе старины и породили новыя нужды, не предусмотрѣнныя ею. Съ другой стороны, государство въ своемъ развитіи сталкивалось съ обычаями, которые обыкновенно имѣли мѣстное происхожденіе и часто противорѣчили новымъ государственнымъ интересамъ. Государевъ указъ вторгается въ область обычая и разрушаетъ его. Борьба ведется очень упорно, но безсознательно и непослѣдовательно: она носитъ не принципіальный, а казуистическій характеръ. Въ общемъ и въ цѣломъ старина считается священной, и когда указъ отмѣняетъ ее въ какомъ-нибудь частномъ вопросѣ, то противорѣчіе его съ другими обычаями мало смущаетъ московскихъ законодателей. Слабость юридической мысли и творчества оставляютъ эти противорѣчія безъ рѣшеній, что вноситъ въ правовыя по-

нятія населенія вредную смуту. Это столкновеніе обычая съ указомъ, которое мы можемъ наблюдать во многихъ отрасляхъ государственной и общественной жизни, медленное развитіе общаго права и постоянные компромиссы мутили правовыя понятія населенія и создавали почву для приказныхъ каверзъ и злоупотребленій. Въ серединѣ XVII в. потребность въ общемъ правѣ остро ощущалась населеніемъ, однако Уложенье удовлетворило ее въ небольшой мѣрѣ, такъ какъ въ немъ главное вниманіе обращено на процессуальное право, а матеріальное очень несовершенно и страдаетъ большими пробѣлами. Въ немъ оставлены безъ рѣшенія такіе вопросы, для которыхъ практика уже давала значительный матеріалъ.

Пережитки кормленій.

Весь строй управленія Московскаго государства постоянно поддерживалъ въ населеніи взглядъ, что всякое, даже самое мелкое, дѣйствіе приказныхъ, всякое соприкосновеніе съ ними должно быть оплачено особо. Почти весь строй обложенія носилъ пошлинный или цѣлевой характеръ. Для правительства всякая услуга населенію, всякая особая нужда, какъ, напр., выкупъ плѣнныхъ, были предлогомъ и основаніемъ потребовать отъ населенія жертвъ, которыхъ оно не несло по принципу подданства. Населеніе вѣками привыкало къ мысли, что каждое изъ тѣхъ „невещественныхъ“ благъ, которыя создаетъ государство, должно быть куплено и оплачено особо. Всякое челобитье, всякое дѣйствіе суда и администраціи должны быть оплачены отдѣльно. Даже колодникъ, котораго послѣ всѣхъ мытарствъ сажали въ тюрьму, долженъ былъ заплатить „влазную“ пошлину и пожелѣзное. Часть этихъ доходовъ поступала въ казну государей, а часть они оставляли за приказными, вмѣсто жалованья,—давали приказнымъ кормъ. Съ теченіемъ времени кормленія стали подвергаться ограниченіямъ, а затѣмъ были уничтожены, но привычки, созданныя ими, остались. Въ сущности, при отмѣнѣ кормленій,

выиграло одно государство. Приказнымъ было обѣщано государево жалованье, но дано недостаточное, а главное—выдавалось оно нерегулярно, а населеніе, принявшее на себя уплату кормленнаго окупа государству, въ концѣ концовъ, оказалось вынужденнымъ платить сверхъ старыхъ налоговъ и кормленнаго окупа еще внѣлегальные кормы голоднымъ, по прежнему, приказнымъ.

Заключеніе.

Было бы неправильно, указавъ на недостатки приказной системы, ничего не сказать о ея достоинствахъ. Мы уже говорили, что у приказныхъ не было общаго и профессіональнаго образованія; въ сущности, это были смѣтливые мужики, хорошо усвоившіе путемъ практики технику дѣла. Пока все шло, „какъ было напередъ сего", пока было, къ чему „примѣриваться", они прекрасно управлялись съ своимъ дѣломъ. Когда же возникали какіе-нибудь новые вопросы, когда помощь старины оказывалась недостаточной, то они обнаруживали неизобрѣтательность и даже безпомощность. Но зато имъ были чужды многіе недостатки позднѣйшей бюрократіи. Они были ближе къ населенію, хорошо знали его повседневныя нужды и, какъ практики, не мудрили и не изощряли своей изобрѣтательности на спинахъ управляемыхъ. Все сѣро въ приказной администраціи, мы не видимъ крупныхъ дѣлъ и едва различаемъ въ отдѣльныхъ выдающихся дѣльцахъ индивидуальный обликъ. Два вѣка, изо-дня въ день, они ткутъ незамѣтно свою паутину и, прикладывая грошъ къ грошу, терпѣливо увеличиваютъ наслѣдство отцовъ. Бережливость, которая граничитъ со скупостью, мелочная экономія—вотъ характерная черта финансоваго хозяйства приказныхъ. Такъ ими было заложено основаніе будущаго блеска и богатства. На смѣну приказной администраціи, съ начала XVIII вѣка, пришла другая:—полуобразованная и разноплеменная толпа бюрократовъ, самонадѣянныхъ, скорыхъ на всевозможные прожекты,

не менѣе корыстныхъ, наглыхъ въ своихъ сношеніяхъ съ населеніемъ и расточительныхъ, какъ люди, неожиданно получившіе большое наслѣдство. За этимъ поколѣніемъ пошли другія. Не наше дѣло сравнивать ихъ, но мы должны были воздать должное приказнымъ.

С. Б. Веселовскій.

Мѣстное управленіе Московской Руси*).

Согласно ходячимъ взглядамъ, Московское государство вообще и управленіе его въ частности, по сравненію съ послѣдующей императорской эпохой, отличалось несложностью и простотой отношеній.

Подобное воззрѣніе является, однако, ошибочнымъ, въ особенности въ отношеніи административномъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Внѣшнюю простоту московскому управленію придавала его крайняя централизація, нерѣдко ставившая въ непосредственное подчиненіе московскимъ приказамъ, наряду съ крупными, также незначительные мѣстные органы власти; но указанная централизація не устраняла множественности другъ съ другомъ не согласованныхъ мѣстныхъ установленій. На мѣстахъ въ административномъ отношеніи господствовала крайняя пестрота, и прихотливость территоріальнаго дѣленія соперничала съ прихотливостью организаціи должностей. Органы „приказнаго“, „вѣрнаго“, „земскаго“, полупри-

*) Литература: *Неволинъ*. Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго. Полное собраніе сочиненій, т. VI. *Дмитріевъ*. Исторія судебныхъ инстанцій. *Андреевскій*. О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. *Чичеринъ*. Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ. *Градовскій*. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. *Дитятинъ*. Изъ исторіи мѣстнаго управленія (Русская Мысль, 1886 года, №№ 3—6). *Готье*. Замосковный Край. *Бѣляевъ*. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. Общія указанія въ курсахъ: *Сергѣевичъ*. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права. *Филипповъ*. Исторія русскаго права. *Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIII. *Ключевскій*. Курсъ Русской исторіи, ч.ч. I и III.

казнаго—полуземскаго характера, всѣ съ неяснымъ кругомъ вѣдомства и соподчиненія сосуществовали, постоянно сталкивались и запутывали взаимныя отношенія.

Происходило это вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій, при которыхъ слагалось Московское государство. Постепенно входившія въ его составъ отдѣльныя дотолѣ самостоятельныя княжества и земли не обладали развитымъ управленіемъ. Московское же правительство, вначалѣ поглощенное заботами объ утвержденіи своего политическаго господства, не могло удѣлять достаточно вниманія вопросамъ мѣстнаго управленія. Только позднѣе, послѣ Ивана III, когда дѣло объединенія Руси въ основныхъ чертахъ было закончено, Москва задумалась о томъ, какъ управлять громадными присоединенными областями.

Въ этомъ отношеніи московское правительство могло пойти двоякимъ путемъ: ему предоставлялось опереться или на служилыхъ людей, на всемъ пространствѣ государства обособленныхъ и находившихся въ его полномъ распоряженіи, или на мѣстныя общины посадскихъ и волостныхъ людей. Иначе говоря, черезъ служилый классъ Москва могла развить приказное управленіе или же призвать населеніе къ самоуправленію. Первый путь былъ въ духѣ московскаго правительства, и потому въ XVII вѣкѣ онъ получилъ преобладаніе надъ остальными, но въ XVI столѣтіи ему трудно было сразу укрѣпиться. Прежде всего самый процессъ преобразованія служилаго класса въ сословіе еще не закончился, а затѣмъ старыя, унаслѣдованныя отъ прошлаго, должности волостелей и намѣстниковъ не вполнѣ отвѣчали усложняющимся потребностямъ управленія. Созданныя для простѣйшихъ задачъ первобытнаго государства, по преимуществу для суда, эти органы не отвѣчали новымъ запросамъ развивающагося государства: его полицейской дѣятельности и, прежде всего, установленію безопасности. Не могли они выполнять, какъ слѣдуетъ, и другія административныя обя-

занности, напримѣръ, по сбору податей и надзору за правильнымъ отправленіемъ населеніемъ повинностей, что для Московскаго государства являлось предметомъ большой важности. Не помогло горю пользованье служилыми людьми, не помогли и разныя уставныя грамоты, по которымъ должны были „ходить" намѣстники и волостели. Грабежи и разбои множились, служилые люди отягощали населеніе поборами и разоряли его, а сами оказывались недостаточно отвѣтственными за всѣ упущенія, проступки и преступленія.

Въ половинѣ XVI вѣка правительство, отчаявшись въ служиломъ элементѣ, бросилось къ самоуправленію. Возникло крестьянское „губное" управленіе для борьбы съ преступниками и смѣшанное городское и сельское для финансовыхъ дѣлъ. Однако, для своего укрѣпленія и развитія самоуправленіе, въ свою очередь, требовало соотвѣтствующихъ условій, которыхъ не оказалось въ тогдашней жизни.

Указы Іоанна Грознаго призывали къ самоуправленію всѣхъ посадскихъ и волостныхъ людей, но такой призывъ могъ имѣть значеніе лишь въ предположеніи личной свободы призываемыхъ. А она-то и убывала въ Московскомъ государствѣ съ года на годъ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій сильно развивается крѣпостное право. Свободными отъ него остаются лишь города да черныя волости, но количество послѣднихъ постоянно уменьшается, а города—не перестаютъ быть слишкомъ незначительными для того, чтобы стать основой самоуправленія. По отношенію городскихъ общинъ, кромѣ того, приходится замѣтить, что онѣ сами придавали весьма мало цѣны самоуправленію и болѣе хлопотали о сліяніи всего городского населенія въ одно сословіе, нежели охраняли мѣстныя корпоративныя права и преимущества.

Въ силу всего этого и самоуправленіе захирѣло, не успѣвши разцвѣсть, и подпало подъ власть приказныхъ органовъ.

Итакъ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ московскому правительству на мѣстахъ оказалось невозможнымъ всецѣло опереться на земское начало, и потому снова пришлось вернуться къ приказному строю, хотя уже и на новыхъ основаніямъ. Возникаетъ должность воеводы, должность отличная отъ намѣстнической и волостельской, прежде всего, въ силу правъ и порядка подчиненности. Съ одной стороны воевода является съ начала XVII вѣка въ качествѣ нормальнаго главнаго мѣстнаго органа, но съ другой стороны ему, преемнику намѣстнической власти, московское правительство не считаетъ возможнымъ оказывать полное довѣріе. Воеводское управленіе подавало къ тому слишкомъ частые и многочисленные поводы, вслѣдствіе чего чувствовалась необходимость, какъ и при намѣстникахъ, ввести въ приказное управленіе поправку. Эта поправка выразилась въ желаніи не отказываться отъ помощи выборныхъ земскихъ должностныхъ лицъ. Въ итогѣ совмѣстной дѣятельности воеводъ и органовъ самоуправленія получилась та путаница, та сложность въ порядкѣ завѣдыванья мѣстными хозяйственными и полицейскими дѣлами, о которыхъ говорилось выше.

Областное дѣленіе.

Преслѣдуя цѣли собиранія и объединенія удѣльныхъ разрозненныхъ владѣній, Москва стремилась къ уничтоженію крупныхъ областныхъ дѣленій. Прежнія земли и области сохраняли значеніе лишь географическаго термина; отчасти они опредѣляли область вѣдомства приказовъ, но отнюдь не сферу дѣятельности мѣстнаго областного начальства. Высшихъ областныхъ учрежденій Москва не создала. По главному правилу, города сносились непосредственно съ центральными учрежденіями и въ соединеніи съ уѣздомъ представляли собою самую крупную административную единицу.

Какъ остроумно замѣтилъ Соловьевъ, „все, что было приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему уѣхано или заѣхано, составляло его уѣздъ“. Въ такомъ первоначальномъ смыслѣ слово

„уѣздъ“ встрѣчалось и ранѣе: тѣ подраздѣленія волостей, которыя тянули къ городу судомъ и данью, составляли его уѣздъ, называемый тогда волостью. Въ московскій періодъ уѣздъ получаетъ точное значеніе административной единицы. Величина уѣздовъ была крайне неравномѣрна. Въ первое время существованія Московскаго государства нѣкоторые уѣзды были очень велики, такъ, напримѣръ, новгородскій уѣздъ составлялъ вначалѣ всѣ новгородскія земли. Послѣдующая же политика московскихъ князей заключалась въ томъ, чтобы дробить пріобрѣтенныя владѣнія и создавать многочисленныя уѣздныя дѣленія. Такъ, Заонежскіе и Лопскіе погосты, отдѣленные отъ Новгородскаго уѣзда, составили самостоятельную область; затѣмъ выдѣлилась Старая Руса, а изъ ея округа— Сумерская волость.

Впослѣдствіи уѣздъ получилъ болѣе тѣсное значеніе. Онъ выступилъ въ значеніи земель, приписанныхъ къ городу, въ отличіе отъ самого города. Уѣздные люди стали противупоставляться городскимъ-посадскимъ. Эти уѣздные люди въ свою очередь были росписаны по своимъ административнымъ округамъ, имѣвшимъ наименованіе становъ и волостей. Первоначальное различіе между обѣими административными единицами, станомъ и волостью, въ точности не установлено. Градовскій полагаетъ, что вначалѣ станомъ назывался округъ, гдѣ не жилъ самостоятельный начальникъ-намѣстникъ, и куда онъ изъ волости посылалъ своихъ чиновниковъ-тіуновъ и доводчиковъ. Эти чиновники останавливались въ станѣ при своихъ разъѣздахъ по округу; для нихъ здѣсь былъ нарочно устроенъ особый дворъ въ центральномъ селеніи, куда и приходили всѣ, у кого имѣлось дѣло къ тіуну или доводчику. Къ XVII вѣку отношенія стана и волости мѣняются; зачастую волости уже оказываются подраздѣленіями становъ, въ большинствѣ же случаевъ оба вида мѣстныхъ территоріальныхъ подраздѣленій сравнялись въ

своемъ значеніи. Волости, какъ части становъ, въ свою очередь распадались на болѣе мелкія единицы: деревни, выставки, починки, слободы, села и пр. Все это были по существу общины, тянувшія судомъ и данью къ волостямъ. Различіе между ними приходится искать прежде всего въ фактическомъ происхожденіи этихъ общинъ. Такъ, починкомъ назывался только что начинавшійся поселокъ, выставкой — поселокъ крестьянъ, вышедшихъ изъ другого большого селенія, слободой— поселеніе крестьянъ, ремесленниковъ или промышленниковъ, осѣвшихъ около города и вначалѣ свободныхъ отъ податей и повинностей.

Станы и волости являлись главнымъ дѣленіемъ уѣздовъ въ Московскомъ государствѣ, но въ Новгородской и Псковской области имѣлись другія мѣстныя названія—пятины, погосты, избы. Весь Новгородскій уѣздъ былъ раздѣленъ на пять пятинъ: Обонежскую, Деревскую, Бѣжецкую, Шелонскую и Вотскую; пятины дѣлились на половины. Волостямъ въ Новгородскомъ уѣздѣ соотвѣтствовали погосты. Собственно, слово „погостъ“ обозначало мѣсто, гдѣ стояла церковь. Погосты встрѣчались, впрочемъ, и въ другихъ уѣздахъ—Пермскомъ, Чердынскомъ, Владимірскомъ, Ярославскомъ, но больше въ значеніи села съ церковью.

Въ Псковской землѣ уѣздъ подраздѣлялся на губы, которыя нельзя смѣшивать съ губными округами, введенными московскими государями для спеціальнаго „губного“ управленія*). Псковскія губы— чисто мѣстнаго и притомъ весьма древняго происхожденія. Въ Псковѣ еще встрѣчались „засады“, какъ дѣленіе высшее по сравненію съ губой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи имѣлись еще особыя, ниже уѣзднаго дѣленія „дороги“; такъ, въ Казанскомъ уѣздѣ были Зюрейская и Казанская дороги; въ центральныхъ мѣстностяхъ упоминаются „ключи“; напримѣръ, Вяземскій ключъ, ключъ Нижняго Новгорода, т. е. Вяземскаго и Нижегородскаго уѣздовъ.

*) О немъ ниже.

Кромѣ приведенныхъ общихъ административныхъ подраздѣленій Московскаго государства, можно еще упомянуть спеціальныя финансовыя, духовныя, военныя. Такъ, для платежа податей и отправленія повинностей села, станы, волости и даже цѣлые уѣзды складывались въ особые округа, не имѣвшіе, однако, постояннаго значенія; въ церковномъ отношеніи государство дѣлилось на эпархіи, въ военномъ—на областные разряды. Разрядомъ называлась совокупность городовъ, обязанныхъ во время войны высылать служилыхъ людей въ тотъ или другой избранный правительствомъ городъ, не получавшій, однако, вслѣдствіе этого какихъ-либо общеадминистративныхъ преимуществъ. Если города и различались между собою, то главнымъ образомъ по своему фактическому значенію. Самыми значительными городами считались Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, Казань, Астрахань, Тобольскъ и Томскъ. Эти города обладали наибольшими округами, туда посылались въ качествѣ начальниковъ области наиболѣе знатныя лица съ большимъ кругомъ власти. Къ крупнымъ городамъ иногда приписывались болѣе мелкіе.

Изъ всего изложеннаго видно, что Московское государство, возникшее изъ историческихъ случайностей удѣльнаго періода, не представляло въ отношеніи административнаго дѣленія правильной законченной системы, а являлось какъ бы накопленіемъ историческихъ наростовъ. Правительство, озабочиваясь упорядоченіемъ управленія, принимало мѣры къ уравненію неправильностей, но эти также почти безсистемныя и случайныя мѣропріятія еще болѣе осложняли и запутывали дѣло. Попытки систематизаціи появились лишь позднѣе въ императорскую эпоху, когда Россія ближе столкнулась съ теоріей и практикой западной государственной жизни.

Начиная съ XIV по конецъ XVI вѣка въ области мѣстнаго управленія „приказными“ органами, т. е. правительственными въ полномъ смыслѣ слова, являлись

намѣстники и волостели, смѣнившіе прежнихъ посадниковъ.

Намѣстническое управленіе.

Происхожденіе намѣстничества таково. Съ присоединеніемъ новаго удѣла или княженія московскіе государи назначали туда въ главный городъ своего довѣреннаго съ кругомъ власти подобной той, которая господствовала здѣсь ранѣе, т. е. княжеской. Назначеніе намѣстникомъ именовалось пожалованьемъ въ виду тѣхъ выгодъ, съ которыми соединялось отправленіе намѣстничьей должности. Такимъ пожалованьемъ могли быть удостоены въ бывшемъ своемъ удѣлѣ и прежніе мѣстные князья, чему служатъ примѣромъ князья Ростовскіе. Съ подобной же властью получали намѣстничество служилые татарскіе цари въ Каширѣ, въ Касимовѣ. При пожалованьи князей и царей намѣстническая власть предоставлялась наслѣдственно. Случалось, однако, что подобная наслѣдственность устанавливалась и въ некняжескомъ и нецарскомъ родѣ, при чемъ, однако, преемство власти происходило въ такихъ случаяхъ не въ силу общаго пожалованья, а лишь съ особаго на каждый разъ соизволенія монарха. На указанныхъ условіяхъ намѣстничалъ родъ Протасьевыхъ съ начала XV по конецъ XVI столѣтія. По большей части намѣстники носили наименованіе тѣхъ городовъ, которые были стольными городами прежнихъ князей, напримѣръ, намѣстники Бѣлозерскій, Переяславскій, и назначались на срокъ. Безсрочное намѣстничанье представлялось исключеніемъ.

Въ должности намѣстника скрывались два начала: частное—извлеченіе средствъ жизни, обогащеніе жалуемаго, и государственный интересъ управленія. Частныя стороны намѣстничества ограничивались въ пользу государственной различными способами: срочностью службы, назначеніемъ въ тотъ же городъ одновременно двухъ намѣстниковъ, таксировкой „кормовъ“, т. е. повинностей, которые полагались намѣстнику съ населенія, и отъ которыхъ онъ получалъ наименованіе кор-

мленщика. Вначалѣ размѣры кормовъ опредѣлялись, такъ называемыми, уставными грамотами, а затѣмъ, согласно Судебнику, по особымъ книгамъ, имѣвшимся въ приказахъ. Кормы устанавливались слѣдующіе: „въѣзжій кормъ"—при въѣздѣ намѣстника на кормленіе; денежные и натуральныя приношенія на Рождество, Пасху, Петровъ день, пошлины торговыя, судебныя, брачныя. Между прочимъ въ послѣднемъ случаѣ, если бракъ совершался въ средѣ жителей одного и того же города или волости, намѣстники получали „свадебное" или „новожилый убрусъ" (платокъ), а если дѣвушка выдавалась въ чужую мѣстность—„выводную куницу" (мѣхъ). Превышеніе таксы грозило намѣстнику наказаніемъ.

Подчиненные органы намѣстническаго управленія также обладали смѣшаннымъ частно государственнымъ характеромъ. Это были его холопы-тіуны, доводчики, черезъ которыхъ онъ отправлялъ судъ. Станы и деревни уѣзда дѣлились между названными чиновниками намѣстника, но отвѣтственность за ихъ дѣятельность, поскольку о томъ могла быть рѣчь въ тогдашнее время, ложилась на кормленщика. Число тіуновъ и доводчиковъ, сроки ихъ службы опредѣлялись въ уставныхъ грамотахъ; законъ также предписывалъ имъ, чтобы при разъѣздахъ по уѣзду они не отягощали населенія лишними лошадьми и людьми и долговременными остановками. „А гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутъ ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевати", говоритъ Бѣлозерская уставная грамота 1488 года.

Намѣстники соединяли въ своихъ рукахъ въ одно и то же время власть военную и гражданскую, административную и судебную, хотя главное назначеніе намѣстничьей должности заключалось въ приведеніи данной области въ связь съ центральнымъ правительствомъ Московскаго государства.

Наряду съ намѣстниками, въ качествѣ кормленщиковъ, существовали волостели. Намѣстникъ правилъ

городомъ и подгородными станами; волости управлялись волостелями, которые обыкновенно ни въ чемъ не зависѣли отъ намѣстника своего уѣзднаго города; только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ намѣстнику принадлежалъ судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ въ волостяхъ его уѣзда. У волостелей, какъ и у намѣстниковъ, имѣлись свои тіуны-судьи, доводчики и праветчики—судебные пристава. Ограниченія кормленія касались какъ намѣстниковъ, такъ и волостелей. Намѣстничество давалось обыкновенно болѣе знатнымъ служилымъ людямъ—боярамъ; волостельства получали менѣе родовитые. Не всѣ намѣстники и волостели обладали равными правами. Существовали намѣстники и волостели „съ судомъ боярскимъ“ и „безъ боярскаго суда“; первые рѣшали дѣла объ укрѣпленіи и освобожденіи холоповъ и уголовныя окончательно, а вторые должны были отсылать ихъ къ докладу въ Москву. Власть кормленщика охватывала не весь подвѣдомственный ему округъ: ему не подчинялись, такъ называемыя, обѣленныя лица: служилые люди, учрежденія духовныя, слободы, дворцовыя вотчины. Эти „иммунитеты“ Западной Европы, у насъ именовавшіеся „тарханами“, были уничтожены лишь въ XVI столѣтіи, и то не вездѣ.

Частноправная сторона кормленщичьей службы, въ связи со значеніемъ кормленія какъ вознагражденія не за несеніе мѣстной службы, а за предшествовавшія придворныя или военныя заслуги, сильно подрывали ея государственную сторону и являлись причиною множества злоупотребленій. Усилія правительства ввести кормленіе въ норму не достигали цѣли. Кормленщики правили и пользовались властью „на себя“ и стремились выжать изъ населенія все, что было возможно. Въ Москву постоянно сыпались жалобы на непосильное отягощеніе кормами населенія, вслѣдствіе чего при Іоаннѣ Грозномъ указомъ 1556 г. кормы намѣстниковъ и волостелей были отмѣнены и замѣнены особой податью въ казну. Этотъ указъ въ дѣйствительности, однако, не

уничтожилъ кормленій, хотя по внѣшности они получили форму добровольныхъ приношеній, потерявшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній признакъ опредѣленности, что надолго отравило нравы послѣдующей мѣстной администраціи. Корыстный характеръ дѣятельности кормленщиковъ и ихъ равнодушіе къ требованіямъ управленія вызвали въ центральномъ правительствѣ подъ конецъ отрицательное къ себѣ отношеніе и послужили въ XVI вѣкѣ, съ одной стороны, ко введенію особаго губного порядка а съ другой,—къ общей поддержкѣ органовъ самоуправленія и почти повсемѣстному уничтоженію намѣстничества.

Воевод-ское управленіе.

Намѣстниковъ въ качествѣ органовъ приказнаго управленія съ начала XVII вѣка смѣнили воеводы, но отношенія между мѣстной и центральной властью отъ этого не измѣнились. Попрежнему въ области имѣлась лишь одна правительственная инстанція, уѣздное управленіе, теперь сосредоточенное въ рукахъ воеводы. Собственно, въ нѣкоторые, въ особенности пограничные, города воеводы съ властью военнаго управленія назначались еще при намѣстникахъ; дьякамъ же въ этомъ случаѣ поручалось управленіе финансовой частью.

Что касается возникновенія и распространенія воеводскаго управленія, то воеводы были посланы въ Сибирь тотчасъ послѣ ея завоеванія. Въ 1535 г. при началѣ войны съ Польшей „для вящей осторожности“ были опредѣлены воеводы во многихъ городахъ. Въ отличіе отъ постоянныхъ „полковыхъ“ и „ратныхъ“ воеводъ такихъ лицъ военно-административнаго управленія называли *годовыми* (городовые). По сравненію съ намѣстниками эти управители были органами государственнаго управленія въ полномъ смыслѣ слова. Въ идеѣ въ ихъ должности отсутствовалъ всякій частноправный характеръ. Они не были „кормленщиками“ и должны были получать за свою службу государево жалованье.

Всеобщее введеніе воеводъ въ уѣзды относится къ Смутному времени. Вызвала воеводское управленіе необходимость имѣть въ ту распатанную въ общественномъ отношеніи эпоху въ каждомъ городѣ административно-военную власть, связывающую область съ центромъ и вѣдающую всѣ классы населенія, а не одни только тяглые, какъ намѣстническая.

Воеводы назначались по волѣ и усмотрѣнію государя по челобитной, которую предварительно разсматривалъ одинъ изъ думскихъ дьяковъ Царской или Золотой Думы. Самое назначеніе шло или черезъ Разрядный приказъ или черезъ другой, въ вѣдѣніи котораго находилось просимое воеводство. Хлопотали сѣсть на воеводство желающіе, но иногда само населеніе просило о назначеніи того или другого лица или о продленіи полномочій уже сидящаго воеводы. Какъ и въ отношеніи намѣстниковъ, при назначеніи на воеводство правительство обыкновенно мало обращало вниманія на административныя достоинства назначаемаго. Обращалось главнымъ образомъ вниманіе на его прежнюю военную службу. Какъ требующее менѣе напряженія, соединенное съ меньшими трудами и опасностями, городское воеводство разсматривалось, какъ нѣкоторая награда за дѣйствительную ратную дѣятельность и даже какъ вознагражденіе за „инвалидность“. Поэтому московское правительство выражало неудовольствіе по поводу того, что многіе служилые люди, избѣгая несенія военныхъ обязанностей, „отбывая государевой службы“, бьютъ челомъ на воеводство. Взглядъ Москвы на этотъ счетъ между прочимъ выпукло выразился въ слѣдующемъ мѣропріятіи Алексѣя Михайловича. Въ 1661 г. предписано во всѣ города, подвѣдомственные Разряду, назначать въ воеводы и приказные люди изъ раненыхъ и бывшихъ въ плѣну, „а которые отпущены въ воеводы и въ приказные люди нераненые, и тѣхъ перемѣнить раненымижъ“.

Воевода обыкновенно назначался на каждый городъ съ уѣздомъ, но въ виду того, что нѣкоторые уѣзды включали въ свой составъ по нѣсколько городовъ, одному воеводѣ также могли быть подчинены многія городскія поселенія. Города, какъ было указано выше, дѣлились по фактическимъ даннымъ на большіе, средніе и меньшіе. Въ зависимости отъ такого дѣленія опредѣлялся кругъ лицъ, изъ котораго назначались воеводы и характеръ ихъ управленія. Въ большіе города, напримѣръ, въ Новгородъ, Смоленскъ, Казань, посылались воеводами знатнѣйшія лица и высшіе чины, бояре и окольничьи и притомъ съ товарищами изъ окольничьихъ или стольниковъ, или дьяками, которые равнымъ образомъ участвовали въ правительственной дѣятельности воеводъ. Въ малыхъ городахъ воеводы управляли однолично. Много воеводъ назначалось изъ дворянъ, написанныхъ по Московскому списку. Кромѣ дьяковъ, имѣлись въ воеводскомъ управленіи еще подъячіе, именовавшіеся подъячими „съ приписью“ потому, что доношенія въ Москву посылались за ихъ подписью. Участіе товарищей и подъячихъ въ воеводскомъ управленіи дѣлало послѣднее въ извѣстной степени коллегіальнымъ, но не совсѣмъ. Коллегіальность въ точномъ смыслѣ слова предполагаетъ рѣшеніе вопросовъ по большинству голосовъ, Москва же требовала лишь общаго совмѣстнаго, согласнаго дѣйствія *). Это обстоятельство не мѣшало, однако, воеводамъ съ товарищами ссориться, „чиня межъ себя рознь и несогласіе и той рознью чиня государеву дѣлу поруху“.

Изъ воеводы съ товарищами и дьяками образовывалась приказная изба, „съѣзжая“, установленіе иногда весьма сложное, дѣлившееся на „повытья“.

Что касается круга вѣдомства воеводскаго управленія, то онъ былъ очень широкъ, сложенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленъ. Прежде всего воевода вѣ-

*) См. Филипповъ, Исторія Русскаго Права, часть I, выпускъ II, стр. 343.

далъ дѣла военныя: онъ заботился, чтобы въ городѣ имѣлось достаточное количество всякихъ воинскихъ припасовъ; если не было нарочно насланныхъ къ тому лицъ „горододѣльцевъ“, воевода прилагалъ стараніе къ укрѣпленію старыхъ и построенію новыхъ городовъ и острожковъ и заселенію ихъ ратными и тяглыми людьми; онъ же начальствовалъ надъ разными мѣстными служилыми людьми: дворянами, дѣтьми боярскими, пушкарями, рейтарами, драгунами, затинщиками, воротниками, стрѣльцами. Воевода принималъ мѣры къ оборонѣ города.

Особенно обширна была воеводская власть въ полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ.

Что касается полиціи, то въ этой области подъ наблюденіемъ воеводы возводились казенныя зданія, сооружались дороги; воеводѣ предписывалось охранять городъ отъ огня: „на посадѣ и слободахъ учинить заказъ крѣпкой и биричемъ велѣти кликать въ многіе дни, чтобъ въ лѣтнее время никаковъ человѣкъ избъ и бань не топили и ввечеру съ огнемъ не сидѣли“. Для большей дѣйствительности такихъ распоряженій изъ посадскихъ людей выбирались „объѣзжіе головы“, которые должны были дозоромъ объѣзжать городскія владѣнія и смотрѣть, чтобы посадскіе пекли хлѣбы и варили кушанье за „острогомъ“, за укрѣпленіями, а если въ острогѣ, то на просторныхъ мѣстахъ и далеко отъ жилья. Бани до осени запечатывались, а на крышахъ становились бочки съ водой. Ослушникамъ грозило отъ воеводы строгое наказаніе. Воевода смотрѣлъ, чтобы нигдѣ не было „бою, грабежу“, чтобы „однолично нигдѣ татей и разбойниковъ, разбойничьихъ становъ и пріѣзжихъ не было“. Воеводѣ поручалось преслѣдованіе волшебства.

Воевода долженъ былъ наблюдать, чтобы тяглые участки не пустѣли, чтобы тяглецы изъ другихъ округовъ въ его уѣздѣ не проживали; наряду съ этимъ на обязанности воеводы лежало береженіе „посадскихъ и

уѣздныхъ людей" отъ всякихъ обидъ со стороны помѣщиковъ и другихъ постороннихъ лицъ.

Какъ при намѣстникахъ, такъ и послѣ нихъ, въ уѣздѣ продолжали существовать полуприказныя мѣстныя учрежденія—губныя власти и органы самоуправленія въ точномъ смыслѣ слова. По отношенію тѣхъ и другихъ, воеводѣ вначалѣ принадлежало лишь право надзора безъ вмѣшательства въ дѣятельность названныхъ учрежденій. Позднѣе это положеніе измѣнилось. Гдѣ существовало губное управленіе, тамъ воевода являлся его полнымъ начальникомъ; въ отношеніи же земскихъ властей, органовъ самоуправленія, воевода главенствовалъ лишь по полицейской части; дѣла же финансовыя и вообще хозяйственныя ни въ какой зависимости отъ него не состояли; воеводамъ было строго запрещено „въ денежные сборы и въ мірскія дѣла вступаться и воли у нихъ (у земскихъ властей), въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отъимать".

Судебная дѣятельность воеводъ страдала большой неопредѣленностью. Тамъ, гдѣ не существовало губныхъ старостъ, воеводы вѣдали „разбойныя и татинныя" дѣла въ ихъ полномъ объемѣ. Кромѣ губного производства, отъ выборныхъ органовъ постепенно перешедшаго въ полное вѣдѣніе воеводы, его суду подлежали государственныя преступленія: поддѣлка фальшивой монеты, корчемство, преступленіе по должности и др. Въ гражданскихъ дѣлахъ воеводская подсудность, смотря по мѣстности, колебалась въ зависимости отъ цифры цѣны иска, отъ 10 до 100 руб. Воевода не могъ судить помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ.

Въ отношеніи своей дѣятельности воевода вообще являлся въ уѣздѣ органомъ приказовъ, а въ судебномъ отношеніи первой инстанціей. Права и обязанности воеводъ излагались въ особыхъ наказахъ, которые, однако, отличались полнотой лишь по отношенію военнаго дѣла, судебной власти и надзора за сборомъ податей. Что же касается способа выполненія лежащихъ

на мѣстной администраціи задачъ, то она предоставлялась личному воеводскому усмотрѣнію и такту. Въ пограничныхъ городахъ, гдѣ воеводы располагали относительнымъ правомъ дипломатическихъ сношеній, въ наказахъ предусматривались правила обхожденія съ иноземцами.

Построенная по сравненію съ намѣстничьей въ извѣстной мѣрѣ на новыхъ началахъ воеводская должность, тѣмъ не менѣе, не удовлетворила въ дѣйствительности въ должной мѣрѣ ни интересовъ правительства, ни запросовъ мѣстнаго населенія. Причиною тому послужили, прежде всего, два обстоятельства: тѣсная преемственная связь воеводства съ намѣстничествомъ и отсутсвіе какъ надзора за дѣятельностью воеводъ, такъ и ихъ настоящей отвѣтственности. Что касается связи прежняго кормленщичества съ воеводствомъ, то, несмотря на указы о запрещеніи воеводскихъ кормовъ, таковые продолжали существовать въ видѣ добровольныхъ приношеній. Правительству это было хорошо извѣстно. Служилые люди просились на воеводство, чтобы „покормиться", и поэтому должности воеводскія назывались „корыстовыми". Формально въ XVII-мъ вѣкѣ кормленщики болѣе не существуютъ *), но въ дѣйствительности воеводы продолжаютъ „кормиться" отъ дѣлъ, и правительство принимаетъ это въ соображеніе при назначеніи на воеводство. Не стѣсняемый какими-либо уставными грамотами съ таксировкой кормовъ, воевода бралъ, что только можно было взять у населенія. Соловьевъ юмористически изображаетъ, какъ радовался дворянинъ, челобитье котораго о воеводствѣ оказывалось уваженнымъ. „Радъ дворянинъ собраться въ городъ на воеводство—и честь большая, и кормъ сытый. Радуется жена; ей будутъ приносы; радуются дѣти и племянники; послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земскій староста на

*) Или существуютъ по исключенію. См. Сергѣевичъ. Юридическія древности, т. II. выпускъ 2. стр. 416 и 417.

праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ. Радуется вся дворня—ключники, подклѣтные—будутъ сыты: прыгаютъ малыя ребята, и ихъ не забудутъ: пуще прежняго отъ радости несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ: ему тоже будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу".

Но воеводы не довольствовались добровольными приношеніями. Ихъ управленіе заклеймено массой злоупотребленій всякаго рода, среди которыхъ вымогательство стоитъ на первомъ мѣстѣ, а затѣмъ слѣдуетъ корыстная же поноровка населенію въ неплатежѣ казенныхъ податей и неотправленіи повинностей. У Чичерина и Костомарова собраны важнѣйшія дѣянія мѣстныхъ администраторовъ XVII столѣтія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Шуяне въ 1665 году жаловались на воеводу Баркова за то, что онъ „посадскимъ людямъ чинитъ тѣсноту и налогу большую и напрасныя продажи и убытки; бьетъ насъ безъ сыску и безъ вины, и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и выимая изъ тюрьми, бьетъ батогами безъ вины". Енисейскій, воевода Голохвастовъ, кромѣ обычнаго воеводскаго воровства, отдавалъ на откупъ „зернъ и корчму и безмужнихъ женъ". Съ сребролюбіемъ соединялось иногда безпричинное русское озорство. Такъ, одинъ воевода ходилъ по городу съ батогомъ въ полтора аршина длиной и билъ всѣхъ встрѣчныхъ, приговаривая: „всѣхъ исподтиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьми не отбывать".

Правительство пыталось обуздывать отдѣльныхъ лицъ и принимать мѣропріятія общаго характера, но тщетно. Воеводы назначались на годъ, на два, опредѣлялись къ должностямъ лишь по просьбѣ населенія; на нихъ налагалась обязанность отчетности, имъ грозила государева „опала", удалявшая служилаго человѣка отъ всѣхъ дѣлъ. Но что могли сдѣлать отдѣльные случаи отвѣтственности тамъ, гдѣ должностныя преступленія совершались въ массѣ, а виновные умѣли „ладить" со своимъ начальствомъ—московскими приказами.

Губныя учрежденія.

Приказною должностью, хотя и основанной на выборномъ началѣ, представлялась въ Московскомъ государствѣ должность губного старосты, а вмѣстѣ съ нею и губного цѣловальника. Вслѣдъ за намѣстниками и воеводами губные старосты и цѣловальники являлись начальственными лицами съ опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства по дѣламъ преслѣдованія воровъ и разбойниковъ; кромѣ того, на нихъ лежали и другія административныя обязанности. Объемъ власти губныхъ учрежденій вообще мѣнялся въ зависимости отъ условій времени и мѣста.

Причиною возникновенія губныхъ органовъ послужили слѣдующія обстоятельства. Кормленщики, преслѣдуя свои личныя частныя цѣли, мало обращали вниманія на дѣла мѣстнаго благоустройства и безопасности. Для указанныхъ цѣлей въ каждомъ уѣздѣ была своя простѣйшая система выборныхъ органовъ самоуправленія: разные сотскіе и старосты, между прочимъ имѣвшіе право участвовать на судѣ намѣстника и тіуна. Несмотря на свое существованіе, выборные органы были, однако, очень стѣснены въ своей дѣятельности подавлявшей ихъ властью намѣстника. Между тѣмъ разбои и всякаго рода другія безчинства понемногу достигли въ уѣздахъ высшаго развитія. Въ отвѣтъ на просьбы общинъ правительство съ 30-хъ годовъ XVI столѣтія разрѣшило, наконецъ, населенію по уѣздамъ самому ловить и казнить лихихъ людей подъ условіемъ личной и имущественной отвѣтственности за неудовлетворительное выполненіе этого дѣла. Губными округами вначалѣ были волости, а затѣмъ въ уѣздѣ установилось одно губное вѣдомство. Губные органы, какъ было указано выше, состояли изъ старостъ и цѣловальниковъ *); при нихъ полагался губной дьякъ. Всѣ вмѣстѣ эти власти образовывали „губную избу“.

*) Цѣловавшихъ крестъ при обѣщаніи честно выполнять свои обязанности.

Для выборовъ губныхъ старостъ и дьяковъ устраивались особые съѣзды всѣхъ классовъ населенія уѣзда: князей, дѣтей боярскихъ, духовныхъ лицъ, крестьянъ; губныхъ же цѣловальниковъ выбирали лишь посадскіе и уѣздные люди. Участіе въ выборахъ являлось обязательнымъ для избирателей, такъ какъ они отвѣчали за избранныхъ передъ правительствомъ. Въ XVII вѣкѣ выборы производились подъ руководствомъ правительственныхъ властей. Губной староста избирался изъ высшаго класса мѣстнаго населенія: изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ, при чемъ необходимымъ условіемъ являлась неопороченность, извѣстная степень имущественной самостоятельности, „прожиточность“, и грамотность. Вначалѣ губныя учрежденія „жаловались“ по челобитьямъ населенія особыми „губными грамотами“, но со второй половины XVI вѣка съ превращеніемъ губного самоуправленія въ установленія нормальнаго характера выдача губныхъ грамоть прекратилась, а выборнымъ людямъ стали давать наказы и списки Уставной книги Разбойнаго приказа, куда они должны были являться для повѣрки правильности выборовъ и утвержденія въ должности.

Число губныхъ старостъ не всегда являлось одинаковымъ; иногда ихъ было по два въ городѣ, иногда—по одному. Срокъ пребыванія въ должности точно также не былъ опредѣленъ: нѣкоторые занимали свои должности въ продолженіе одиннадцати и тринадцати лѣтъ, тогда какъ другіе оставались по три, по четыре года.

Что касается цѣловальниковъ, то отъ нихъ тоже требовалась неопороченность, имущественная обезпеченность, но грамотность не входила въ условіе дѣйствительности выборовъ. Число цѣловальниковъ, подлежавшихъ избранію, было неопредѣленно; избирались они обыкновенно на годъ, но оставались на своихъ мѣстахъ иногда и болѣе—до шести лѣтъ.

Начавшійся съ однихъ разбойныхъ дѣлъ кругъ вѣдомства губныхъ учрежденій съ теченіемъ времени сильно развился; постепенно сюда были присоединены дѣла татинныя (по воровству), въ началѣ XVII вѣка—по убійствамъ. Уложеніе же 1648 года и Новоуказныя статьи относятъ къ вѣдомству губныхъ учрежденій зажигательство, совращеніе съ вѣры, насиліе женщинъ, сводничество, непочтеніе къ родителямъ. Мало того, какъ приказный человѣкъ, губной староста помимо уголовныхъ завѣдывалъ полицейскими, судебными, финансовыми дѣлами, производилъ переписи, сыскивалъ бѣглыхъ и проч. Происходило это потому, что въ отношеніи воеводскаго управленія губное не имѣло точныхъ границъ. Если, съ одной стороны, губные старосты находились не повсюду, то съ другой—въ одномъ и томъ же городѣ тогда существовали и воеводы, и губные органы и, такъ называемые, сыщики, чиновники, спеціально посылаемые правительствомъ для искорененія преступленій. Какъ и въ прочихъ отрасляхъ управленія, Москва въ губномъ проявляла непостоянство и колебанія. Такъ, въ 1669 году губные старосты были подчинены сыщикамъ, въ 1679 г. сыщики и губные старосты уничтожены, а въ 1684 г. снова возстановлены старосты, окончательно уничтоженные только въ 1702 году. Отсюда видно, что правительство, несмотря на выборный характеръ губныхъ должностей, придавало имъ вполнѣ приказное чиновничье значеніе. Отсюда понятно, почему въ отсутствіе воеводъ ихъ замѣщали губные старосты, которые тогда и завѣдывали всѣми приказными дѣлами.

Возникшее по челобитьямъ населенія въ противовѣсъ воеводскому губное управленіе, однако, не всегда оказывалось на высотѣ положенія. Примѣры намѣстническихъ и воеводскихъ злоупотребленій не остались безъ вліянія и на приказно-выборныхъ людей. Сохранилось много жалобъ на губныхъ старостъ, обвинявшихъ ихъ въ безвинномъ держаніи людей по тюрьмамъ

и на пыткахъ по корыстнымъ соображеніямъ. Обусловливалось это явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что московское правительство, обезпечивая отвѣтственность губныхъ органовъ за небрежное исполненіе своихъ обязанностей по борьбѣ съ преступностью, ничѣмъ не обезпечивало закономѣрности поведенія по отношенію земскихъ людей.

Земское самоуправленіе.

Органами мѣстнаго земскаго управленія въ полномъ смыслѣ слова должны быть признаны только такъ называемые „излюбленные головы", впослѣдствіи повсюду именуемые старостами, а затѣмъ земскіе дьяки и лучшіе люди—цѣловальники. Эти учрежденія также возникли въ половинѣ XVI вѣка. Въ указѣ 1555 г. Іоаннъ Грозный заявилъ: „напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ... городы и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобытья великія и докука были безпрестанная, что намѣстники... чинятъ имъ продажи и убытки великія. И мы, жалуючи крестьянство... намѣстниковъ и праветчиковъ *) отъ городовъ и отъ волостей отставили... велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити".

Эти излюбленные старосты вмѣстѣ съ другими выборными были дѣйствительными органами самоуправленія уже потому, что воевода не являлся въ отношеніи ихъ, какъ по отношенію къ губнымъ старостамъ, непосредственнымъ начальствомъ. Какъ было уже указано, воеводы по праву главенствовали надъ земскими властями лишь въ области полицейскаго, но не финансоваго и экономическаго управленія. Пока же воеводское управленіе не стало повсемѣстнымъ, тамъ, гдѣ его не было, земскія власти обладали полной мѣстной независимостью. Округа такого земскаго самоуправленія представлялись разнообразными: нѣкоторые охватывали цѣлые уѣзды, другіе—волости. Вѣдомство ихъ, однако, простиралось лишь на людей, горожанъ, посадскихъ

*) Исполнитель рѣшенія намѣстничьяго управленія.

и крестьянъ тяглыхъ, откуда видно, что въ этомъ самоуправленіи отсутствовала необходимая всесословность. Помимо того, значенію самоуправленія вредило то обстоятельство, что если оно и развивалось, то въ сторону, главнымъ образомъ, финансоваго и притомъ казеннаго—фискальнаго управленія, хотя Иванъ IV, уничтоживъ кормленщиковъ, надѣлилъ выборныхъ земскихъ излюбленныхъ головъ, старостъ, цѣловальниковъ и земскихъ судеекъ властью не только финансовой и полицейской, но и судебной.

Въ XVII вѣкѣ учрежденія Грознаго почти вездѣ подверглись уничтоженію, а земскіе выборные были устранены отъ участія въ судѣ воеводъ и приказныхъ людей.

Произошло это, повидимому, потому, что позднѣйшее московское правительство главнымъ образомъ цѣнило выборныхъ съ точки зрѣнія обезпеченія правильности поступленія государственныхъ доходовъ имуществомъ старостъ и цѣловальниковъ, такъ какъ отвѣтственность за сборы лежала всецѣло на органахъ самоуправленія, которые въ случаѣ недоимокъ ставились „на правежъ“, т. е. подъ палки, впредь до уплаты казеннаго взысканія. Отсюда понятно, почему правительство охотно предоставило въ завѣдываніе излюбленныхъ людей кромѣ прямыхъ и косвенные налоги въ видѣ кабацкихъ и таможенныхъ сборовъ. Въ кабацкіе и таможенные головы и цѣловальники избирались посадскіе и торговые люди, на обязанности которыхъ лежало устраивать таможни, заводы, кружечные дворы, преслѣдовать контрабанду и т. п. Выборныя должности по финансовому управленію были извѣстны подъ именемъ „вѣрныхъ“ и особенное значеніе получили въ XVII столѣтіи, когда имъ была дана законодательная нормировка въ Уложеніи. Въ существѣ дѣла, поскольку выборные органы хотя бы и самостоятельно завѣдывали сборомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, они, тѣмъ

не менѣе, являлись попросту выборными чиновниками. Слѣдовательно, органами самоуправленія въ точномъ смыслѣ могли быть названы лишь тѣ земскіе старосты и цѣловальники, которые, помимо финансовыхъ, несли и общеадминистративныя обязанности. До послѣдней четверти XVII вѣка таковыми были: дѣла по общинному владѣнію землей, по записке на тягло, по производству мірскихъ выборовъ и мѣстной полиціи.

Отличіе „вѣрныхъ“ должностей отъ другихъ земскихъ заключалось въ томъ, что здѣсь требованія для избранія были болѣе строгія. Избраніе „вѣрныхъ“ людей обыкновенно происходило подъ надзоромъ правительственнаго чиновника. Въ избраніи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ участвовали богатые люди изъ среды мѣстныхъ жителей. Предписывалось выбирать не „воровъ“, не „бражниковъ“, „которые были бы душею прямы и животомъ прожиточны и которымъ бы можно было *вѣрить* въ сборѣ государевой казны“.

Какъ земскіе, такъ и вѣрные выборные выбирались обыкновенно на годъ, но съ разными цѣлями. Первые—во избѣжаніе затяжныхъ злоупотребленій въ отношеніи населенія, вторые—въ виду тягости ихъ службы, требовавшей частой смѣны.

Какъ и въ отношеніи воеводъ, намѣстниковъ и губныхъ старостъ законодательство мало обезпечивало крестьянъ и посадскихъ отъ произвола земскаго начальства. Но глубоко въѣвшемуся въ нравы русскаго общества пороку земскіе старосты подчасъ не хуже приказныхъ и губныхъ органовъ истощали долготерпѣніе согражданъ. Въ 1665 году шуяне по этому поводу писали въ поданной царю жалобѣ: „И будучи онъ Иванъ у насъ, сиротъ твоихъ, въ старостахъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ многое большое дурно; а въ денежныхъ приходахъ и расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть; онъ же, староста, подговари-

вался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику*). Пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ и на насъ, твоихъ сиротъ, наговариваетъ, и воевода, стакався съ откупщикомъ и имъ земскимъ старостой сиротъ твоихъ продаютъ и убыточатъ".

Земскія учрежденія для тяглаго населенія, горожанъ и крестьянъ, являлись всеуѣздными. Въ большихъ нѣкоторыхъ городахъ, однако, существовало нѣчто въ родѣ спеціальнаго городского управленія. Такъ, въ Новгородѣ имѣлись собранія городскихъ людей, общіе сходы въ Земскій судъ для производства выборовъ и для управленія текущими дѣлами; исполнительная власть ввѣрялась пяти старостамъ въ соотвѣтствіи съ пятью концами города. Въ Псковѣ также дѣйствовали общегородскіе старосты. Впрочемъ, здѣсь извѣстнымъ сподвижникомъ царя Алексѣя Михайловича Ординымъ-Нащокинымъ произведена была попытка создать городское самоуправленіе на подобіе нѣмецкихъ и польскихъ городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Общее собраніе гражданъ должно было избирать 15 членовъ земской избы съ тѣмъ, чтобы каждые пятеро находились бы при дѣйствительномъ управленіи въ теченіе трехъ лѣтъ. Этимъ городскимъ властямъ должны были подчиняться посадскіе люди и монастырскіе крестьяне. Наряду съ организаціей управленія, предусматривались взаимоотношенія губныхъ и городскихъ властей и воеводы. Низшіе классы населенія Пскова горячо поддерживали указанное нововведеніе, но высшіе, которымъ старая безурядица была болѣе на руку, вмѣстѣ съ замѣстившимъ Нащокина на псковскомъ воеводствѣ княземъ Хованскимъ, добились отмѣны новшества.

Помимо общаго земскаго управленія, изстари сохранилось въ Московскомъ государствѣ еще и самоуправленіе общинъ. Въ городѣ Москвѣ, не обладав-

*) Московское правительство мѣняло тогда вѣрную систему на откупную.

нимъ общеземскимъ самоуправленіемъ, каждая слобода составляла самоуправляющуюся единицу. Тотъ же порядокъ существовалъ и въ уѣздныхъ волостяхъ. Помимо сотскихъ и старостъ, „лучшіе люди“ принимали участіе въ мірскихъ дѣлахъ, собираясь на спеціальные для этого сходы.

В. Грибовскій.

Памятники права Московскаго государства*).

Обычное право и законъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ первый періодъ русской исторіи памятники права содержатъ, поскольку они не являются переводными сборниками, главнымъ образомъ *обычное право*, т. е. совокупность тѣхъ представленій о правдѣ и справедливости, которыя зарождаются, развиваются и живутъ въ представленіяхъ самого народа, независимо

*) Литература. Изданіе, съ комментаріями, важнѣйшихъ памятниковъ права Московскаго государства до Соборнаго Уложенія см. во II и III выпускахъ „Хрестоматія по исторіи русскаго права“ *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*. Новѣйшія изданія грамотъ и другихъ памятниковъ московскаго періода, напечатанныя безъ комментаріевъ, но съ указаніемъ на важнѣйшую литературу: 1) „Намѣстничьи, губныя и земскія грамоты Московскаго государства“, изданныя подъ редакціею *А. И. Яковлева* историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго Московскаго университета (М., 1909 г.); 2) „Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ“, изданіе подъ редакціею *С. В. Бахрушина* (М., 1909 г.); 3) „Памятники по исторіи Смутнаго времени“, издан. подъ редакціею *А. И. Яковлева* (М., 1909 г.); 4) Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ, изд. подъ редакціею *Ю. В. Готье* (М., 1909 г.); три послѣднія изданія выходятъ подъ общимъ заглавіемъ „Памятниковъ русской исторіи“. Важнѣйшая литература: курсы—„Исторія права Московскаго государства *Н. П. Загоскина* (Каз., 1877 г.), т. I; „Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права“ (С.-П., 1888 г.); *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* „Обзоръ исторіи русскаго права“ (К., 1908 г.); *М. А. Дьяконова* „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“ (С.-П. 1908 г.); *А. Н. Филиппова* „Учебникъ исторіи русскаго права“ (Ю., 1912 г.), изъ коего съ сокращеніями берется и печатаемая статья. Важнѣйшія монографіи: *Н. Шалфѣева* „Объ уставной книгѣ разбойнаго приказа“ (С.-П., 1868 г.); *Н. П. Загоскина* „Уставныя грамоты Московскаго государства“ (М., 1883 г.); *С. А. Шумакова* „Губныя и земскія грамоты Московскаго государства“ (М., 1895 г.); *его-же* „Новыя губныя и земскія грамоты“ (Журн. М. Н. Просвѣщ., 1909 г., № 10); *Д. Я. Самоквасова* „Архивный матеріалъ“, вып. I, (М., 1904 г.), вып. II (М., 1909 г.).

отъ предписаній верховной власти. Столкновеніе старыхъ народныхъ юридическихъ воззрѣній съ новыми, проявленіе иноземныхъ вліяній, въ связи съ воздѣйствіями на языческіе нравы и обычаи христіанства, вызываетъ творческую дѣятельность вѣча, княжеской, свѣтской и духовной властей. Появляются законы, т. е. предписанія верховной власти, при чемъ княжескія судебныя рѣшенія являются прецедентами, изъ коихъ впослѣдствіи создаются общія законодательныя правила, или юридическія нормы. Однако, *законъ*,—поскольку онъ проявлялся въ уставной дѣятельности князей, въ договорахъ и вѣчевыхъ грамотахъ,—игралъ, по сравненію съ обычаемъ, лишь *второстепенную* роль; подъ вліяніемъ устойчиваго консерватизма обычнаго древняго права сильно видоизмѣнялось даже *иноземное* право, сильно къ намъ притекавшее въ первые вѣка русской исторіи. Но въ государствѣ Московскомъ наблюдается уже нѣсколько иное, чѣмъ въ земскій періодъ, соотношеніе между обычнымъ правомъ и закономъ, какъ источниками права. Чѣмъ болѣе растетъ власть московскихъ государей и ихъ законодательныхъ органовъ, тѣмъ сильнѣе развивается изданіе законовъ. Масса узаконеній, исходившихъ отъ верховной власти и являвшихся въ Москвѣ, то въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ и указовъ, то въ видѣ особыхъ сборниковъ (подъ наименованіемъ Судебниковъ, Уложенія и пр.), заставляетъ, при первомъ бѣгломъ обзорѣ всего этого матеріала, придти даже къ выводу, что въ XVI—XVII вѣкахъ законъ вполнѣ уже господствуетъ надъ обычнымъ правомъ, и что послѣднее теперь является малозначительнымъ и, во всякомъ случаѣ, второстепеннымъ источникомъ права. Съ формальной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія происхожденія всѣхъ указанныхъ памятниковъ права, указанный выводъ представляется вѣрнымъ, но съ матеріальной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія своего содержанія, законы весьма часто лишь санкціонируютъ въ своихъ нормахъ то, что соотвѣт-

ствуетъ основнымъ народнымъ правовоззрѣніямъ. Иначе говоря, они продолжаютъ ту же работу возведенія въ законъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, которая началась еще въ удѣльно-вѣчевое время. Господство же закона надъ обычнымъ правомъ не только съ *формальной*, но и съ *матеріальной* точки зрѣнія, проявляется вполнѣ лишь въ новой исторіи нашей, въ особенности съ эпохи преобразованій XVIII вѣка, когда законодательное творчество наполняетъ наше право нормами, заимствованными изъ разнородныхъ, иноземныхъ и своихъ, источниковъ, и мало считается съ вопросомъ, на сколько эти нормы находятся въ соотвѣтствіи съ народными правовоззрѣніями. Тогда само *народное* право, при рѣзкомъ раздѣленіи общества на двѣ группы, одну, живущую по законамъ, другую—по обычному праву, превращается въ право *простонародное*.

Узаконенія, являвшіяся въ московскій періодъ, дошли до насъ либо въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ и указовъ, либо въ видѣ особыхъ юридическихъ сборниковъ. Сборники эти были почти всѣ (за исключеніемъ Судебника 1589 г.), *оффиціальнаго* происхожденія, чѣмъ они отличались отъ многихъ сборниковъ права перваго періода, не имѣвшихъ за собою, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ своемъ составѣ, санкціи верховной власти. Отдѣльныя, или сепаратныя, узаконенія носили первоначально (въ XIV—XV вѣкахъ) наименованіе грамотъ, позднѣе (со второй половины XVI вѣка)—указовъ. Они давались какъ лицамъ физическимъ или юридическимъ, такъ и тѣмъ или другимъ мѣстностямъ. Накопленіе этихъ узаконеній, естественно, вызывало необходимость ихъ собранія вмѣстѣ, съ цѣлью извѣстной систематизаціи и выбора какъ наиболѣе важнаго, такъ и наиболѣе нужнаго для практики судовъ законодательнаго матеріала. Но такое собраніе воедино разнообразныхъ грамотъ и указовъ не могло быть сдѣлано ранѣе конца XV вѣка, т. е. ранѣе объединенія подъ властью московскихъ государей прежнихъ удѣльныхъ

княжествъ. Изданіе того или другого сборника отдѣльныхъ узаконеній не прекратило совершенно появленія послѣднихъ, но оно, время отъ времени, ихъ объединяло воедино и тѣмъ облегчало пользованіе ими.

Развитіе законодательства путемъ *отдѣльныхъ грамотъ* предшествовало, по времени, попыткамъ составленія *сборниковъ* юридическихъ нормъ (т. н. Судебниковъ), почему необходимо прежде всего остановиться на обзорѣ этихъ грамотъ. Грамоты.

Грамотою въ древности называется всякій письменный (отъ греческаго слова γράμματα—письмена) актъ воли князя или вѣча, дававшихъ отдѣльнымъ лицамъ или мѣстностямъ какія-либо права публичнаго или частнаго характера. Позднѣе слово „грамота“ стало усвояться не только актамъ законодательнаго, но и судебнаго характера, а равно и гражданскимъ актамъ, совершавшимся частными лицами между собою (каковы, напр., грамоты купчія, мѣновыя, раздѣльныя и т. д.). Грамотъ дошло до насъ отъ изучаемаго періода нѣсколько тысячъ; часть ихъ напечатана и изслѣдована, но еще бо́льшая часть остается въ архивахъ, подвергаясь время отъ времени изученію, далеко, впрочемъ, не обнявшему всего содержанія извѣстныхъ въ наукѣ видовъ грамотъ. Обиліе грамотъ и разнообразіе ихъ содержанія создаетъ для историковъ права весьма трудную задачу ихъ классификаціи по какимъ-либо общимъ признакамъ. Историками нашего права предлагалось нѣсколько системъ классификацій древнихъ грамотъ. Одною изъ распространенныхъ системъ надо назвать систему проф. Н. П. Загоскина, который дѣлитъ всѣ грамоты *законодательнаго* характера (на нихъ только и останавливаемся здѣсь) на шесть видовъ, а именно: 1) грамоты *жалованныя*, 2) *судныя*, 3) *губныя*, 4) *таможенныя*, 5) *уставныя, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія* и 6) *уставныя, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго самоуправленія*.

Грамоты жалованныя.

Подъ *жалованными* грамотами, въ узкомъ смыслѣ этого понятія, надо подразумѣвать такіе законодательные акты, коими верховная власть предоставляла либо отдѣльнымъ лицамъ, либо цѣлымъ общинамъ тѣ или иныя *привиллегіи*, или льготы. Каждая жалованная грамота была *частнымъ*, или *сепаратнымъ закономъ* (priva lex), установленнымъ верховною властью въ пользу лицъ, удостоенныхъ данной милости или привиллегіи. Развитіе пожалованій совпадаетъ съ развитіемъ власти государей и ихъ могущества. Грамоты обычно получали подтвержденіе отъ преемника государя, ихъ давшаго, что дѣлалось въ письменной формѣ, а именно—на оборотной сторонѣ грамоты.

Жалованныя грамоты можно раздѣлить на нѣсколько группъ *по предмету пожалованія*. Такъ, напр., тѣ грамоты, коими жаловались кому-либо земли, воды и угодья, называются *вотчинными* жалованными грамотами. Далѣе, тѣ грамоты, коими физическія или юридическія лица освобождались отъ уплаты какихъ-либо общихъ налоговъ и отъ несенія таковыхъ же повинностей, а равно и отъ общей подсудности, называются въ литературѣ грамотами *льготными* или иммунитетными (также освободительными). Въ частности, если льгота была финансоваго характера, то такая грамота носила названіе *обѣльной* грамоты; если эта льгота освобождала пожалованное лицо отъ суда мѣстныхъ властей и дѣлала его подсуднымъ самому князю, а людей, живущихъ на землѣ такого пожалованнаго лица, подчиняла суду землевладѣльца, то такая грамота называлась *несудимою*. Тѣ же грамоты, въ коихъ получившее грамоту лицо пріобрѣтало льготы или привиллегіи какъ финансоваго, такъ и судебнаго характера (или, какъ еще говорятъ, содержавшія „полное освобожденіе“ отъ общихъ „тягостей суда и дани“) именовались *тарханными* грамотами (или просто „тарханами“).

Со второй половины XVI вѣка замѣтно стремленіе ограничить распространеніе иммунитетовъ, или пожа-

лованій, коими тѣ или иныя лица освобождались отъ общихъ финансовыхъ налоговъ и повинностей, а равно и отъ суда мѣстныхъ властей. Это стремленіе совпадаетъ со временемъ достиженія московскими государями *едино* и *самодержавной* власти, временемъ сосредоточенія всѣхъ суверенныхъ правъ въ ихъ рукахъ. Съ этимъ сосредоточеніемъ у насъ, какъ и вездѣ, не могло мириться дробленіе власти между частными собственниками (монастырями, боярами и пр.), почему иммунитеты начинаютъ постепенно терять свое значеніе, пока въ новое время не исчезаютъ совершенно. Такъ, уже Судебникъ 1550 г. не только запрещаетъ выдавать впредь тарханныя грамоты, но и предписываетъ отобрать ранѣе выданныя. Подтвержденіе этого правила позднѣе, даже въ концѣ XVII вѣка, показываетъ, что постановленіе Судебника не исполнялось въ точности, и грамоты эти продолжали даваться.

Грамоты уставныя.

Вторымъ, весьма важнымъ въ исторіи нашего права, видомъ грамотъ надо считать *грамоты уставныя*. Подъ уставными грамотами понимаютъ такіе законодательные акты, коими устроялся, или установлялся (откуда и ихъ названіе) порядокъ мѣстнаго управленія, при чемъ подробно регламентировались разныя стороны этого управленія. Такъ какъ на Москвѣ само мѣстное управленіе было организовано то по принципу правительственнаго управленія, то по принципу самоуправленія, т. е. оно вѣдалось въ различныя эпохи либо органами, назначенными государственною властью, либо органами выборными, или земскими, то и самыя уставныя грамоты, по вполнѣ основательному утвержденію проф. Н. П. Загоскина, можно раздѣлить на двѣ группы, а именно: „на уставныя грамоты, опредѣляющія *порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія*“ и на „уставныя грамоты, опредѣляющія *порядокъ мѣстнаго земскаго самоупрвленія*“. Цѣлью изданія первой группы грамотъ было противодѣйствіе произволу и злоупотребленіямъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ—

намѣстниковъ и волостелей — путемъ регламентаціи отношенія этихъ властей къ населенію по закону. Давались эти грамоты, обыкновенно, по челобитью жителей, хранившихъ затѣмъ ихъ въ церквахъ—какъ важнѣйшіе акты, *гарантирующіе права населенія*,—и затѣмъ просившихъ о подтвержденіи этихъ грамотъ у преемниковъ того великаго князя или царя, которымъ онѣ были даны. Въ началѣ грамоты обозначался тотъ великій князь или царь, который давалъ грамоту, и указывалось, кому эта грамота была пожалована. Затѣмъ указывалась причина выдачи грамоты—обычно, челобитье жителей данной земли, просившихъ оградить ихъ отъ произвола намѣстниковъ и волостелей, или подтвердить, въ цѣляхъ того же огражденія, прежнюю грамоту. Выдача грамоты разсматривалась, какъ пожалованіе, такъ какъ та мѣстность, которая имѣла уставную грамоту, получала своего рода милость, благодаря которой она находилась въ лучшемъ положеніи, сравнительно съ другими. Уставныя грамоты давались самому населенію, въ лицѣ его представителей, чѣмъ онѣ существенно отличались отъ наказовъ, которые давались центральною властью мѣстнымъ правителямъ, и при томъ давались не столько въ интересахъ мѣстнаго населенія, сколько въ интересахъ самого управленія и его наилучшей организаціи, въ цѣляхъ правительства.

Вторую группу уставныхъ грамотъ образуютъ, какъ уже указывалось, уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія. Этими грамотами устроялось мѣстное *земское выборное* управленіе. Какъ уже указывалось нами, цѣлью изданія уставныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, было противодѣйствіе со стороны центральной власти произволу и злоупотребленіямъ намѣстниковъ, волостелей и прочихъ агентовъ правительственной власти въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Цѣль эта, однако, плохо достигалась на практикѣ, такъ какъ мѣстные управители всегда нахо-

дили средства къ невыполненію именно тѣхъ постановленій уставныхъ грамотъ, которыя могли бы болѣе всего обезпечить населеніе отъ ихъ насилій и лихоимствъ. Злоупотребленія властью со стороны намѣстниковъ и волостелей особенно давали себя чувствовать въ малолѣтство Іоанна Грознаго и въ началѣ его царствованія, пока царь не взялъ на себя правленія государствомъ. По собственному сознанію Іоанна Грознаго, откровенно высказанному въ одной изъ земскихъ уставныхъ грамотъ, ему „отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники наши, и волостели, и ихъ пошлинные люди (лица, взымающія пошлины), сверхъ нашего жалованія указу, чинятъ имъ продажи (берутъ штрафы) и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей, отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великія; да отъ того на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уѣздѣхъ деревни и дворы, запустѣли и наши дани и оброки сходятся не сполна“. Эти жалобы жителей дали поводъ къ замѣнѣ правительственнаго персонала выборнымъ, тѣмъ болѣе, что правительственные агенты, разоряя населеніе, не обезпечивали также и самой казнѣ бездоимочнаго поступленія „даней и оброковъ“.

Уставныя грамоты, коими вводилось выборное управленіе, могутъ быть справедливо названы *земскими* уставными грамотами, такъ какъ, въ лицѣ „излюбленныхъ“ старостъ и головъ, управленіе данною мѣстностью передавалось самимъ земщинамъ. Но кромѣ этихъ земскихъ уставныхъ грамотъ, были еще уставныя грамоты *губныя*. Намѣстники, волостели и ихъ „пошлинные люди“,—разоряя своими поборами мѣстное населеніе и плохо обезпечивая казнѣ поступленіе „даней и оброковъ“,—мало имѣли въ то же время вообще авторитета въ глазахъ населенія, а въ частности, не могли беречь

населенія отъ постоянныхъ во многихъ мѣстностяхъ разбоевъ и грабежей. Къ центральной власти, по обычаю, неслись объ этомъ отовсюду челобитья. Челобитчики, извѣрившись въ правительственную помощь отъ грабежей со стороны намѣстниковъ и волостелей, просили ихъ „пожаловать“ и дозволить „быть у нихъ, для татинныхъ и разбойныхъ дѣлъ, приказчикамъ и старостамъ волостнымъ, и губнымъ цѣловальникомъ, и лихихъ людей, и татей, и разбойниковъ сыскивать межъ себя самимъ“ и т. п. Особыми уставными грамотами, получившими въ литературѣ общее наименованіе „губныхъ“, общинамъ предоставлялось право какъ *предупрежденія преступленій, такъ затѣмъ право суда и наказанія* важнѣйшихъ преступниковъ (первоначально разбойниковъ, позднѣе—татей, убійцъ, поджигателей и др.), съ возложеніемъ на земщину заботъ объ устройствѣ тюремъ и содержаніи въ нихъ преступниковъ.

Что касается земскихъ уставныхъ грамотъ, то онѣ регламентируютъ отправленіе выборными органами *управленія* и *суда* въ той мѣстности, которой дана грамота. Поэтому, кромѣ обычныхъ въ грамотахъ указаній на то, кѣмъ, какой мѣстности и по чьему челобитью дана грамота, онѣ содержатъ подробныя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, коимъ ввѣряется управленіе и судъ (а именно—объ излюбленныхъ головахъ, или старостахъ, судьяхъ, земскихъ дьякахъ, цѣловальникахъ и др.), о производствѣ выборовъ ихъ и о приведеніи ихъ къ присягѣ, о ихъ обязанностяхъ передъ населеніемъ и пр. По обычаю времени, онѣ угрожаютъ смертною казнью и конфискаціею имущества за неисполненіе обязанностей или злоупотребленія властью и, наоборотъ, обѣщаютъ свободу „отъ пошлинъ и податей“ и „царское жалованье“, если „намъ (т. е. царю) и землѣ управа ихъ будетъ люба“.

Затѣмъ весьма существенную часть грамотъ составляютъ постановленія *финансоваго* характера, а именно, постановленія, въ которыхъ трактуется объ

оброкѣ за прежній „намѣстничь и за тіуновъ кормъ“, а равно и за кормъ другихъ лицъ „намѣстничьяго“ и „волостелинаго“ управленія, такъ какъ съ уничтоженіемъ указанныхъ органовъ правительственнаго управленія, мѣстности, получившія уставную грамоту, платили особый оброкъ деньгами, при чемъ грамотами устанавлился порядокъ раскладки оброка, мѣсто, время и способъ его доставки, запрещалось брать посулы и т. д.; наконецъ, возлагалась на излюбленныхъ головъ и другихъ выборныхъ людей отвѣтственность за несвоевременную доставку оброка. Очень важнымъ здѣсь было въ особенности право раскладки оброка и пошлинъ самимъ населеніемъ „межъ себя“, благодаря чему они могли падать на отдѣльныя части населенія („лучшихъ“, „среднихъ“ и „молодыхъ“) болѣе правильно и равномѣрно, сообразно доходности ихъ земли и промысловъ.

Наконецъ, въ грамотахъ есть постановленія, касающіяся полицейскаго уголовнаго и гражданскаго права, а равно и процесса. Въ цѣломъ, эти постановленія не остались безъ вліянія на послѣдующее законодательство.

Губныя грамоты.

Губныя грамоты передали выборнымъ всесословнымъ органамъ дѣла, касавшіяся уголовной юстиціи. Для выполненія цѣлей этой юстиціи создавались, по челобитью жителей отдѣльныхъ мѣстностей, на Москвѣ особые судебные округа или губы, которыми и завѣдывали выборныя губныя власти. Впрочемъ, слово губа, въ значеніи извѣстной, территоріальной единицы, явилось впервые не въ Москвѣ, но извѣстно было уже изстари Псковской землѣ, гдѣ волости подраздѣлялись на губы (напримѣръ, была Наровская губа и др.), а въ Псковской Судной Грамотѣ говорится о старостахъ „губьскихъ“, стоявшихъ во главѣ этихъ подраздѣленій. Обращаясь къ краткому обзору содержанія губныхъ грамотъ мы видимъ, что въ нихъ указывается, какъ должны были производиться выборы губныхъ властей

(старостъ, головъ, цѣловальниковъ и др.), каковы должны быть ихъ обязанности, а равно и отвѣтственность за „корыстованіе“, за осужденіе неправильно,—„по недружбѣ“ и мести—невинныхъ людей, за пренебреженіе исполненіемъ обязанности „разбойниковъ обыскивати и сыскивати“. „Вѣдали-бъ старосты губные и цѣловальники разбойныя и татиныя дѣла“—говоритъ одна изъ губныхъ грамотъ—„а дѣлали разбойныя и татиныя дѣла, разбойниковъ и съ истцы ихъ судили, и обыскивали, и пытали и разбойныя дѣла вершили по сему цареву и великаго князя уставному списку въ правду безо всякія хитрости“. Затѣмъ губныя грамоты регламентируютъ порядокъ надзора за проѣзжими и пріѣзжими людьми, устанавливаютъ правила какъ обыска „лихихъ людей разбойниковъ“, такъ поимки ихъ, суда и казни, опредѣляютъ, сколько „съ разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ съ суда“ должно „имати пошлинъ“, указываютъ, каково должно было быть отношеніе губныхъ властей къ суду намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ. Какъ уже видно изъ этого бѣглаго обзора, губныя грамоты были богаты постановленіями по уголовному процессу, и эти постановленія не остались безъ вліянія на наше послѣдующее законодательство (XVI—XVII вѣковъ).

Грамоты судныя и таможенныя.

Особую группу грамотъ составляли грамоты *судныя* и *таможенныя*. Первыя, какъ это ясно уже изъ ихъ наименованія, были актами, въ коихъ давались нормы, касавшіяся *организаціи суда*. *Судныя грамоты* освобождали общины, коимъ онѣ были пожалованы, отъ подсудности мѣстнымъ правительственнымъ органамъ и предписывали имъ выбирать себѣ судей самимъ, излагали права и обязанности ихъ въ области гражданской и уголовной юрисдикціи, устанавливали ихъ отвѣтственность, требовали, чтобъ выборные судьи наиболѣе важныя преступленія (разбои, убійства, поджоги и др.) судили вмѣстѣ съ губными старостами „по губнымъ грамотамъ“, сами же выборные или „излю-

бленные“ судьи должны были, подобно губнымъ старостамъ, вести судоговореніе съ участіемъ „волостныхъ лучшихъ крестьянъ“ или „посадскихъ лучшихъ крестьянъ“. Эти постановленія судныхъ грамотъ весьма важны, такъ какъ служатъ непререкаемымъ указаніемъ на участіе на Москвѣ народнаго элемента въ отправленіи судебныхъ функцій. Къ сожалѣнію судныхъ грамотъ дошло до насъ весьма немного.

Что касается грамотъ *таможенныхъ*, то онѣ опредѣляли порядокъ *таможенно-финансоваго* управленія Московскаго государства. Какъ извѣстно, на Руси до второй половины XVIII вѣка существовали внутреннія таможни, въ которыхъ собирались разнаго рода торговые сборы. Финансовое управленіе отличалось на Москвѣ удивительною изобрѣтательностью относительно всякаго рода налоговъ и пошлинъ. Таможенныя грамоты подробно исчисляютъ размѣры внутреннихъ пошлинъ, падавшихъ на товары, указываютъ предметы, лицъ и мѣстности, подлежавшіе этимъ пошлинамъ или освобожденные отъ нихъ, опредѣляютъ взысканія за неплатежъ пошлинъ, и вообще устанавливаютъ порядокъ таможенно-финансоваго управленія и, въ силу отмѣченнаго своего содержанія, заключаютъ въ себѣ весьма интересныя свѣдѣнія по исторіи нашего финансоваго права. Дошедшія до насъ таможенныя грамоты можно раздѣлить на двѣ группы—на грамоты, опредѣляющія порядокъ *казеннаго таможеннаго* управленія и на грамоты, опредѣляющія порядокъ *откупного таможенно-финансоваго управленія*.

Другіе виды грамотъ.

Таковы важнѣйшіе виды грамотъ Московскаго государства. Ими, однако, далеко не исчерпываются виды грамотъ *законодательнаго* характера, являющихся на Москвѣ. Изъ не названныхъ нами можно еще указать на грамоты *договорныя* и *духовныя*, на грамоты *утвержденныя* и *приговорныя* и др. Договорными или крестоцѣловальными („докончальными“) грамотами назывались грамоты, въ которыхъ содержались договоры

великихъ князей съ удѣльными и опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія. Эти грамоты были извѣстны уже первому періоду; древнѣйшею договорною грамотою второго періода считается грамота 1341 г., представляющая собою договоръ, заключенный сыновьями Іоанна Калиты; позднѣйшею грамотою надо считать договорную грамоту 1531 г., заключенную между Василіемъ III и его братьями Юріемъ и Андреемъ (всѣхъ грамотъ дошло до насъ около ста). Договорныя грамоты представляютъ, вмѣстѣ съ духовными грамотами князей, или ихъ завѣщаніями, весьма важный первоисточникъ для ознакомленія со взаимными междукняжескими отношеніями въ московскій періодъ и со взглядами государей на власть, владѣніе землею и пр.

Что касается грамотъ утвержденныхъ и приговорныхъ, или соборныхъ, то онѣ весьма важны для ознакомленія съ дѣятельностью нашихъ земскихъ соборовъ, такъ какъ первыя являются актами такъ называемыхъ избирательныхъ соборовъ, вторыя гласятъ о томъ, что дѣлалось на прочихъ соборахъ.

Значеніе грамотъ въ развитіи права Москов. государства.

Въ общемъ, всѣ эти грамоты законодательнаго характера являются весьма важными памятниками нашего права по слѣдующимъ основаніямъ. Во-первыхъ, большинство этихъ памятниковъ права, а именно грамоты, явившіяся въ XIV—XV вѣкахъ, остаются для насъ единственными свидѣтелями движенія русской юридической мысли послѣ составленія Русской Правды и до времени 1-го Судебника; во 2-хъ, и изданіе I Судебника не остановило совершенно развитія нашего права черезъ посредство отдѣльныхъ грамотъ и указовъ; въ 3-хъ, памятники мѣстнаго законодательства не остались безъ значительнаго вліянія на сборники московскаго періода (Судебники, Соборное Уложеніе и такъ называемыя „указныя книги“ приказовъ) и такимъ образомъ получили общерусское значеніе.

Судебникъ 1497 г.

Политическое объединеніе Москвою этихъ земель къ концу XV должно было повлечь за собою и *объ-*

единеніе законодательное: необходимо было землямъ, составившимъ одно Московское государство, дать одинъ *общій кодексъ законовъ*. Однако, законодательное единство земель, вошедшихъ въ составъ даннаго государства, нигдѣ не достигается сразу, непосредственно послѣ того, какъ самостоятельныя прежде территоріальныя единицы теряютъ свою политическую обособленность: наоборотъ, вездѣ подчиненіе этихъ земель однимъ общимъ законамъ идетъ медленно и при томъ въ извѣстной постепенности. Труднѣе всего измѣняются дѣйствіемъ центральной законодательной власти нормы гражданскаго права, регулирующія взаимныя отношенія отдѣльныхъ гражданъ между собою, такъ какъ въ нихъ всего болѣе выражается внутреннее органическое различіе земель по ихъ народнымъ обычаямъ и нравамъ. Болѣе поддаются видоизмѣненію учрежденія, вообще дѣйствовавшія въ отдѣльныхъ земляхъ, и въ частности—учрежденія судебныя. Неудивительно поэтому, что вездѣ объединительныя попытки центральной власти первоначально направляются на созданіе однообразныхъ учрежденій и общихъ процессуальныхъ кодексовъ, т. е. кодексовъ, объединяющихъ судоустройство и судопроизводство присоединенныхъ территорій и подчиняющихъ это судоустройство и судопроизводство центральному суду. У насъ первый кодексъ на Москвѣ былъ изданъ въ 1497 г.; онъ носитъ въ литературѣ—по аналогіи со II Судебникомъ 1550 года—наименованіе Судебника; по содержанію своему онъ является, какъ и II Судебникъ, *судебнымъ уставомъ*, такъ какъ главнымъ образомъ касается нормъ судоустройства и судопроизводства. Надо замѣтить, что пользованіе юридическимъ матеріаломъ, заключавшимся въ многочисленныхъ, въ разное время и разнымъ мѣстностямъ данныхъ, грамотахъ могло быть нерѣдко весьма затруднительно для самихъ органовъ центральной власти, которые должны были съ ними справляться. При этомъ новыя условія политической жизни требо-

вали и болѣе точнаго опредѣленія отношеній центральныхъ судебныхъ органовъ къ мѣстнымъ, съ превращеніемъ частныхъ нормъ грамотъ въ общія. Несомнѣнно, было легче пользоваться однимъ кодексомъ, чѣмъ многочисленными и разрозненными законодательными актами, каковыми были грамоты и указы.

Составленіе сборниковъ, по преимуществу, процессуальнаго содержанія, подобныхъ Судебникамъ, отвѣчало также цѣли обезпеченія суду наибольшей суммы доходовъ, въ видѣ пошлинъ, сбираемыхъ за отправленіе правосудія. Поэтому Судебники съ такою тщательностью и такъ подробно касаются опредѣленія размѣровъ и случаевъ полученія органами судебной власти, при отправленіи ими ихъ функцій, тѣхъ или иныхъ доходныхъ статей. Судъ въ древнее время—источникъ дохода, и было весьма важно, какъ въ интересахъ власти, такъ и населенія, точно и опредѣленно установить, когда и сколько надо было платить за производство судебныхъ дѣлъ.

Составленіе и источники Судебника 1497 г.

Относительно составленія перваго Судебника сохранилось въ нашей исторіи очень мало свѣдѣній. Извѣстно лишь изъ лѣтописи, что составленіе это было поручено въ 1497 г. дьяку *Владиміру Гусеву*, уже на слѣдующій годъ,—послѣ выполненія имъ указанной кодификаціонной работы—казненному за участіе въ заговорѣ о возведеніи на престолъ послѣ смерти Іоанна III его сына Василія, вопреки волѣ великаго князя имѣть своимъ преемникомъ внука Дмитрія. Извѣстно также изъ вступительной статьи къ Судебнику, что онъ былъ утвержденъ Іоанномъ III и боярскою думою въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1497 г. Впрочемъ, составленіе Судебника едва-ли представляло большія трудности для перваго московскаго кодификатора, такъ какъ Судебникъ вообще не создавалъ новаго права, а лишь соединялъ въ одно цѣлое тѣ юридическія нормы, какія нашлись въ мѣстномъ законодательствѣ, и какія казались тогда пригодными къ примѣненію въ Москов-

скомъ великомъ княжествѣ. Источниками Судебника были Русская Правда, Псковская Судная Грамота, уставныя и судныя грамоты. Меньше всего использована имъ Русская Правда, такъ какъ изъ нея взяты,— при томъ съ нѣкоторыми отступленіями отъ текста,— всего двѣ статьи, что, конечно, весьма характерно, такъ какъ показываетъ, что юридическія воззрѣнія конца XV вѣка настолько уже отличались отъ юридическихъ понятій Русской Правды, что перенесеніе послѣднихъ въ Судебникъ не было возможно, за исключеніемъ немногихъ случаевъ. Гораздо больше взято Судебникомъ изъ Псковской Судной Грамоты, которая и по времени своего составленія и по содержанію была ближе къ Судебнику, чѣмъ Русская Правда.

Судебникъ бѣднѣе Псковской вѣчевой грамоты постановленіями по праву гражданскому, что объясняется частію тѣмъ, что первый кодификаторъ московскаго періода вовсе и не имѣлъ намѣренія воспроизвести въ своемъ сборникѣ гражданское право. Интересно отмѣтить, что I Судебникъ не имѣетъ еще особой нумераціи для своихъ отдѣльныхъ статей, и нынѣ принятое дѣленіе его на 68 статей было сдѣлано впервые проф. Вл.-Будановымъ (въ II выпускѣ его „Христоматіи“, гдѣ помѣщенъ Судебникъ), въ цѣляхъ болѣе удобнаго ихъ цитированія. Разсматривая содержаніе I Судебника, большинство нашихъ историковъ права держится дѣленія, предложеннаго проф. Вл.-Будановымъ, а именно дѣленія его на четыре части или на четыре отдѣла. Первую часть составляютъ статьи, относящіяся къ суду центральному (1—36 ст.), при чемъ въ срединѣ этого отдѣла нѣкоторыя статьи (9—14) относятся, однако, къ праву уголовному; вторую часть (37—45 статьи)—постановленія, относящіяся къ суду провинціальному или областному, третью - къ гражданскому праву и гражданскому процессу (46—66); послѣднюю (4-ю) часть составляютъ двѣ статьи (67 и 68), считающіяся дополнительными; онѣ относятся къ процессу.

Система и изданія Судебника 1497 г.

Судебникъ 1497 г. былъ найденъ, въ русскомъ спискѣ начала XVI вѣка, лишь въ 1817 г., а затѣмъ былъ изданъ въ Москвѣ въ 1819 г., вмѣстѣ съ Судебникомъ 1550 г. и дополнительными къ нимъ указами, К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. Но впрочемъ, въ неполномъ своемъ спискѣ и въ латинскомъ переводѣ Судебникъ былъ извѣстенъ еще съ 1549 г., когда вышло въ Вѣнѣ первое изданіе сочиненія барона Герберштейна, подъ наименованіемъ „Rerum Moscovitikarum Commentarii“ (русскій переводъ этого сочиненія подъ заглавіемъ „Записки о Московіи“ изданъ былъ въ 1866 г.).

Судебникъ 1550 г.

Изданіе въ 1497 г. Судебника не остановило развитія нашего законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ и указовъ, такъ какъ въ жизни постоянно встрѣчались новые юридическіе вопросы, требовавшіе посредствомъ грамотъ того или другого законодательнаго разрѣшенія; есть также указаніе на то, что сынъ Іоанна III, Василій III, дополнилъ Судебникъ отца своего новыми узаконеніями; но этотъ такъ называемый „Судебникъ Василія Іоанновича“ не дошелъ до насъ. Во всякомъ случаѣ, черезъ 50 слишкомъ лѣтъ послѣ вступленія въ дѣйствіе I-го Судебника, могла, естественно, явиться снова потребность объединенія законодательства, созданнаго путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ и указовъ. Эта потребность была, съ одной стороны, тѣмъ ощутительнѣе, что I Судебникъ не отличался полнотою своего содержанія, а съ другой, начало царствованія Іоанна IV ознаменовалось стремленіемъ этого государя къ реформамъ и „исправленію“ недостатковъ стараго законодательства; это всего лучше могло быть достигнуто путемъ пересмотра и дополненія Судебниковъ Іоанна III и Василія III.

Большинство ученыхъ нашихъ доселѣ пыталось связать такъ или иначе изданіе втораго или „Царскаго“, (какъ онъ еще называется) Судебника съ дѣятельностью перваго земскаго собора. Въ послѣднее время,

однако, ученые приходятъ къ мысли, что первымъ достовѣрнымъ земскимъ соборомъ былъ соборъ 1566 г. Разъ сомнительнымъ представляется самый созывъ земскаго собора въ 1550 г., нельзя говорить, конечно, и объ его участіи въ составленіи или разсмотрѣніи Судебника. Изъ вступительной статьи къ Судебнику можно лишь положительно говорить о томъ, что Судебникъ былъ уложенъ (т. е. разсмотрѣнъ и утвержденъ) царемъ вмѣстѣ съ боярскою думою, а изъ рѣчи царя на Стоглавомъ Соборѣ 1551 г. видно, что къ этому разсмотрѣнію и утвержденію былъ призванъ также „освященный соборъ“ (соборъ высшаго духовенства). Такой призывъ духовенства къ совѣщаніямъ боярской думы не представлялъ собою чего-либо исключительнаго; онъ бывалъ и ранѣе, случался и послѣ, какъ это мы можемъ, напр., отмѣтить по отношенію къ утвержденію Соборнаго Уложенія и пр.

Исторія не сохранила до нашего времени никакихъ извѣстій о томъ, кому было поручено составленіе проекта второго Судебника, а равно, въ какой мѣрѣ первоначальный проектъ былъ измѣненъ при разсмотрѣніи его боярскою думою; нѣтъ также указаній и на тѣ источники, изъ которыхъ взято содержаніе II Судебника.

Источники Судебника 1550 г.

Такъ какъ, по мысли его составителей (о которой свидѣтельствуетъ рѣчь Іоанна на Стоглавомъ Соборѣ), новый Судебникъ долженъ быть *исправленіемъ Судебника 1497 г.* Этотъ послѣдній поэтому и легъ въ основаніе текста Судебника 1550 года, явившись, такимъ образомъ, его главнымъ первоисточникомъ. Затѣмъ II Судебникъ вмѣстилъ въ себя *содержаніе тѣхъ грамотъ и указовъ*, какіе явились въ свѣтъ послѣ изданія I Судебника. Если предположить (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ права), что былъ еще какой-то Судебникъ, составленный при Василіи Іоанновичѣ, то и онъ долженъ былъ явиться источникомъ Судебника 1550 г., такъ какъ включалъ

въ себя законодательство времени правленія названнаго великаго князя.

Обращаясь къ обзору важнѣйшихъ постановленій, появившихся въ царствованіе Іоанна IV, надо назвать постановленіе, коимъ запрещалась дача кому-либо впредь тарханныхъ грамотъ, при чемъ даже предписывалось отобрать „старыя тарханныя грамоты“ у тѣхъ, кому онѣ были даны раньше. Хотя постановленіе это на практикѣ невполнѣ соблюдалось, и тарханныя грамоты на Москвѣ продолжали иногда даваться и позднѣе, однако самый принципъ этого постановленія былъ весьма важенъ и представлялъ новшество по сравненію съ предшествующимъ законодательствомъ, а въ частности—съ Судебникомъ 1497 г. Судебникъ 1550 г., возставая противъ иммунитетовъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ области суда и дани (чѣмъ были „тарханныя грамоты“), пытался уничтожить привиллегированность ихъ положенія и подчинить ихъ общимъ нормамъ закона. Затѣмъ *новыми* являются постановленія о томъ, что законъ не имѣетъ обратной силы и что надлежало „впредь всякія дѣла судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, какъ царь и великій князь въ семъ своемъ Судебникѣ съ котораго дни уложилъ“, а равно и постановленіе о припискѣ къ Судебнику новыхъ указовъ. Этими постановленіями впервые даются общія опредѣленія о силѣ дѣйствія закона во времени и о порядкѣ составленія впредь законовъ, въ чемъ нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ. Новымъ является также во II Судебникѣ назначеніе въ цѣломъ рядѣ статей строгихъ наказаній судьямъ за неправосудіе, злоупотребленіе властью, посулы, между тѣмъ какъ I Судебникъ ограничивался лишь простымъ запрещеніемъ „брать посулы“, „судомъ мстити“ или „дружити“, да повелѣніемъ „прокликати по торгамъ..., чтобъ ищея и отвѣтчикъ судіамъ и приставомъ посулу не сулили въ суду“.

Помимо новыхъ статей, въ Царскомъ Судебникѣ находится рядъ статей, дополняющихъ и развивающихъ болѣе подробно постановленія I Судебника. Такъ, прежде всего здѣсь надо отмѣтить статьи, касающіяся роли народнаго элемента въ судѣ намѣстниковъ; эти статьи, несомнѣнно, гораздо полнѣе и обстоятельнѣе (чѣмъ соотвѣтствующее постановленіе I Судебника) говорятъ объ участіи старостъ и цѣловальниковъ въ указанномъ судѣ и прилагаютъ всѣ заботы о томъ, чтобы сдѣлать это участіе дѣйствительнымъ и необходимымъ для суда. Есть нѣкоторыя дополненія въ постановленіяхъ, относящихся къ гражданскому праву и процессу. Такъ, напр., Царскій Судебникъ подробно разработалъ вопросъ о правѣ выкупа вотчинъ, что, конечно, было весьма важно для землевладѣльцевъ; ввелъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ вопросѣ объ источникахъ холопства, въ интересахъ огражденія личной свободы; такъ, напр., имъ требуется докладная грамота для обращенія сельскаго ключника въ холопы (тогда какъ I Судебникъ допускалъ еще обращеніе послѣдняго въ холопы безъ „доклада“); имъ постановляется, что дѣти холоповъ, рожденныя до обращенія послѣднихъ въ холопы, должны считаться свободными и пр. Царскій Судебникъ—далеко, конечно, несовершенный памятникъ нашего права, и на основаніи его нельзя еще составить себѣ всесторонняго представленія о развитіи юридической мысли у насъ въ половинѣ XVI в., между прочимъ, потому, что Судебникъ 1550 г., подобно своему предшественнику, слишкомъ мало касается институтовъ гражданскаго права и не воспроизводитъ дѣйствовавшихъ въ народѣ нормъ обычнаго права. Но названный памятникъ права не свидѣтельствуетъ и о застоѣ этой мысли: воспроизводя отдѣльныя постановленія I-го Судебника, онъ точнѣе развиваетъ его начала и полнѣе отвѣчаетъ на намѣчаемыя имъ задачи, а это наглядно показываетъ, что праворазвитіе шло тогда впередъ, такъ какъ нуждалось въ

болѣе обработанномъ кодексѣ, чѣмъ Судебникъ 1497 г. Царскій Судебникъ, наконецъ, болѣе своего предшественника, отвѣчалъ началамъ централизаціи, получившимъ въ это время преобладаніе въ управленіи государствомъ. Не безинтересно также отмѣтить, что въ Ц. Судебникѣ впервые вводится, какъ наказаніе, тюремное заключеніе.

Система Судебника 1550 г. и изданія его.

Обращаясь къ системѣ разбираемаго памятника, надо сказать, что мы видимъ въ Судебникѣ 1550 г. раздѣленіе всего законодательнаго матеріала на статьи (или на „главы“, какъ онѣ названы въ дошедшихъ до насъ спискахъ; такихъ статей по отдѣльнымъ спискамъ насчитывается либо 99, либо 100). Уже это одно дѣленіе на статьи представляетъ извѣстный шагъ впередъ, сравнительно съ Судебникомъ 1497 г. Затѣмъ, если мы и во II Судебникѣ еще находимъ, какъ и въ I-мъ, однородныя по содержанію статьи разбросанными по всѣмъ частямъ памятника,—что, конечно, являлось недостаткомъ системы въ распредѣленіи подлежащаго матеріала—то во всякомъ случаѣ эта безпорядочность въ распредѣленіи статей по отдѣламъ права замѣтна меньше во II Судебникѣ, чѣмъ въ I-мъ. Съ этою оговоркою можно признать, что и II Судебникъ распадается на четыре части.

Царскій Судебникъ былъ открытъ въ 1734 г. тѣмъ же историкомъ XVIII в. В. Н. Татищевымъ, которому наука исторіи русскаго права обязана открытіемъ Русской Правды. „Яко вещь дивную“ онъ представилъ найденный экземпляръ Аннѣ Іоанновнѣ. Затѣмъ, получивъ еще нѣсколько списковъ Судебника и присоединивъ къ нему—также собранные имъ—дополнительные къ Судебнику указы, онъ занялся приготовленіемъ найденнаго памятника права къ печати, снабдилъ его весьма важными примѣчаніями и объясненіями, не потерявшими своего значенія доселѣ, и представилъ свою рукопись въ Академію Наукъ. Судебникъ 1550 г былъ, однако, напечатанъ лишь въ 1768 г., при этомъ перво-

начально--не въ указанной обработкѣ Татищева, а по списку С. Башилова, переводчика Академіи Наукъ, присоединившаго къ изданному имъ Судебнику нѣкоторые другіе памятники права. Судебникъ же, приготовленный къ печати Татищевымъ, былъ изданъ Г. Ф. Миллеромъ въ томъ же году въ Москвѣ: затѣмъ послѣдовало второе изданіе Судебника, но уже въ Татищевской обработкѣ. Въ настоящее время наилучшимъ изданіемъ какъ Судебника 1550 г., такъ и Судебника 1497 г., надо считать изданіе проф. Вл.-Буданова, помѣщенное во II-мъ выпускѣ его „Христоматіи по исторіи русскаго права"; изданіе это снабжено многими примѣчаніями, весьма важными для пониманія отдѣльныхъ статей указанныхъ памятниковъ права.

Судебникъ 1589 г.

Мы не будемъ разсматривать памятникъ, изданный почти одновременно съ царскимъ Судебникомъ (а именно въ 1551 г.), извѣстный подъ именемъ *Стоглава*. Онъ является, по преимуществу, сборникомъ постановленій *церковнаго* права. Не будемъ останавливаться также на Судебникѣ 1589 г., недавно, сравнительно найденномъ. Судебникъ 1589 г. представляетъ собою попытку *частнаго лица* ввести въ царскій Судебникъ нѣкоторыя дополненія, при чемъ, однако, эта попытка не привела къ признанію Судебника 1589 г. сборникомъ права, имѣющимъ примѣненіе въ судахъ *). Перейдемъ къ очерку исторіи самаго знаменитаго памятника Московскаго государства—Соборнаго Уложенія.

Соборное Уложеніе.

Соборное Уложеніе, по общему мнѣнію нашихъ историковъ права, является *важнѣйшимъ* кодексомъ допетровскаго законодательства, изданнымъ государственною властью (Р. Правда, какъ извѣстно, есть сборникъ частнаго происхожденія). Важность этого памятника опредѣляется какъ его содержаніемъ, такъ и тою исторической ролью, какая выпала на его долю. Такъ,

*) Объ этихъ сборникахъ подробно см. въ моемъ „Учебникѣ исторіи русскаго права". Юрьевъ. 1912 г.; они помѣщены (подъ рубриками „Стоглавъ" и „Указныя книги приказовъ. Судебникъ 1589 г.").

здѣсь достаточно указать, что,—начиная съ половины XVII вѣка вплоть до изданія, въ царствованіе императора Николая I въ 1832 г., нынѣ дѣйствующаго Свода Законовъ Россійской Имперіи,—Соб. Уложеніе лежало въ основѣ развитія русскаго законодательства, будучи въ теченіи почти 2-хъ вѣковъ (худо ли это или хорошо) *единственнымъ нашимъ гражданскимъ кодексомъ*, такъ какъ всѣ многочисленныя попытки, начиная съ Петра Великаго, создать новый гражданскій кодексъ, кончались неудачею, и новая Россія осталась при прежнемъ гражданскомъ Уложеніи (въ половинѣ XIX вѣка былъ только изданъ уголовный кодексъ—такъ называемое Уложеніе о наказаніяхъ). Затѣмъ и послѣ изданія Свода законовъ въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ Соборное Уложеніи вошло въ самый Сводъ законовъ и такимъ образомъ продолжаетъ, хотя частично, быть и донынѣ первоисточникомъ дѣйствующаго нашего права.

Обращаясь къ содержанію Уложенія, надо сказать, что какъ по количеству, такъ и по качеству своихъ, а равно и иноземныхъ первоисточниковъ, Уложеніе остается и важнѣйшимъ юридическимъ памятникомъ московскаго періода. Затѣмъ, оно отличается лучшею, сравнительно съ предшествовавшими памятниками права,—*систематикою* законодательнаго матеріала и, наконецъ, тѣмъ, что въ немъ отразились живо всѣ тѣ особенности юридическаго быта Московскаго государства, которыя создались вѣками. Нельзя еще не отмѣтить и того обстоятельства, что Уложеніе Алексѣя Михайловича не даромъ зовется Соборнымъ, такъ какъ въ его созданіи видна не одна только государственная, но и общественная мысль;—ибо, чѣмъ болѣе подвигается изученіе эпохи Соборнаго Уложенія, тѣмъ яснѣе опредѣляется учеными значительная роль земскаго собора, созваннаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649 г. и принимавшаго непосредственное участіе въ составленіи нѣкоторыхъ важныхъ законоположеній изучаемаго памятника. Небезъинтересно также для

характеристики Уложенія, что оно вскорѣ стало предметомъ многихъ переводовъ иностранцевъ. Такъ, въ 1663 г. баронъ Мейерберъ перевелъ его по латыни въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Iter in Moscoviam; затѣмъ черезъ 20 лѣтъ оно вышло по французски (въ Лейденѣ), а въ началѣ XVIII вѣка переведено на нѣмецкій и, наконецъ, на датскій языкъ. Что касается русскихъ изданій памятника, то и ихъ было много, при чемъ два первыхъ появились еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; одно изъ нихъ, первое, представляло собою, въ свою очередь, первый у насъ примѣръ обнародованія закона путемъ печати: до этого времени наши законы оставались въ рукописи и обнародывались разсылкою въ приказы, или путемъ прокликанія ихъ по торгамъ. Это первое изданіе Уложенія, сдѣланное in folio, представляетъ собою теперь очень большую рѣдкость. Остальныя изданія памятника распредѣляются по различнымъ годамъ между временемъ отъ 1659 г. до 1908 года*). Рукописный подлинникъ Уложенія, или т. н. „Уложенный столбецъ“ дошелъ до насъ. Это вообще рѣдкость для древнихъ юридическихъ памятниковъ, всегда доходящихъ только въ спискахъ, часто очень неисправныхъ и тѣмъ весьма затрудняющихъ изслѣдователей. Подлинное Уложеніе нашли въ царствованіе Екатерины II въ 1767 г., послѣ долгихъ поисковъ, сдѣланныхъ вслѣдствіе желанія императрицы видѣть подлинникъ памятника передъ началомъ того великаго дѣла, которое было ею самою тогда предпринято, а именно: созыва комиссіи для сочиненія новаго Уложенія. По-видимому, императрица хотѣла видѣть подлинникъ Соборнаго Уложенія, чтобы знать, при участіи кого и какъ оно было составлено. Затѣмъ, осмотрѣвъ памятникъ, она велѣла сдѣлать для него серебряный вызо-

*) Послѣднимъ изданіемъ, доступнымъ для всѣхъ, является изданіе истор.-филол. факульт. Императорскаго Московскаго университета подъ редакціею *М. К. Любавскаго* — „Соб. Улож. царя Алексѣя Михайловича“ (М., 1908 г.).

лоченный ковчегъ, въ которомъ Уложеніе хранится и до днесь въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Новое изданіе памятника предположено въ недавнее время Академіею Наукъ. По внѣшнему виду Уложеніе является свиткомъ изъ склеенныхъ листовъ въ 434 аршина длины; оно скрѣплено 315 подписями.

Причины, вызвавшія составленіе Уложенія 1649 г.

Давъ общую характеристику Соборнаго Уложенія, перейдемъ теперь къ уясненію какъ историческихъ причинъ, вызвавшихъ пересмотръ законодательства и созданіе указаннаго памятника нашего права, такъ и тѣхъ ближайшихъ поводовъ, благодаря которымъ это созданіе совершилось. Въ началѣ XVII вѣка Смутное время расшатало всѣ основы государственной жизни, породивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общественныхъ отношеніяхъ мссу тяжелыхъ жизненныхъ условій. Отсюда, естественно, вытекала *необходимость пересмотра стараго законодательства*, далеко не удовлетворявшаго потребностямъ, вытекавшимъ изъ условій, въ которыя было теперь поставлено и государство, и общество. Кромѣ того, въ половинѣ XVII вѣка у насъ накопилась громадная масса, разрозненная и противорѣчивая, узаконеній всякаго рода, извѣстная подъ именемъ *дополнительныхъ* статей къ Судебнику или *статейныхъ списковъ*, записанныхъ *въ Указныхъ книгахъ приказовъ*, и требовавшая пересмотра*). Эта разрозненная масса значительно должна была затруднять отправленіе правосудія и давать огромный просторъ произволу судей и дьяковъ. Такое состояніе законодательнаго матеріала весьма способствовало развитію знаменитой московской „волокиты“, такъ какъ законовъ никто не зналъ, кромѣ дѣльцовъ того времени—дьяковъ, и ими было весьма трудно пользоваться, въ виду ихъ разбросанности по

*) Эти дополнительныя ко II Судебнику статьи, сохранившіяся въ т. н. „Указныхъ книгахъ приказовъ“, явились важными источниками Соборнаго Уложенія: о нихъ подробно см. въ моемъ „Учебникѣ исторіи русскаго права“.

разнымъ приказамъ. Многія причины, такимъ образомъ, требовали пересмотра законодательства и собранія его воедино. Но въ царствованіе Михаила Ѳедоровича нечего было объ этомъ и думать, въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ нестроеній. Трудно сказать, сколь долго не приступали бы къ пересмотру законодательства, если бы уже въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича не произошло нѣкоторыхъ внутреннихъ событій, явившихся ближайшимъ *поводомъ* созыва земскаго собора и ускорившихъ самую необходимость пересмотра законодательства. Въ первые два года его царствованія современники отмѣтили громадныя злоупотребленія и взяточничества временщиковъ. На государево имя безпрестанно подавались челобитныя съ жалобами, но онѣ или не доходили до царя, или представлялись ему, какъ неосновательные доносы. 25 мая 1648 года произошелъ, наконецъ, въ Москвѣ открытый бунтъ, во время котораго выведенный изъ себя народъ убилъ Плещеева и Траханіотова. Дѣло было такъ: давно шелъ по Москвѣ ропотъ; начались сборища у церквей и шли совѣщанія, вожаки которыхъ рѣшились лично обратиться къ царю съ челобитьемъ. И вотъ, когда однажды царь Алексѣй Михайловичъ возвращался изъ Сергіево-Тройцы, толпа остановила его коня и слезно молила оставить Плещеева и др. Царь обѣщалъ, и довольный народъ началъ было расходиться, какъ ругань и плети друзей Плещеева, въѣхавшихъ въ толпу, вывели его вновь изъ себя. Тогда-то „бысть волненіе“, говоритъ лѣтописецъ; „и возсташа чернь на бояръ, къ нимъ же приста̀ша и служилые люди и бысть междоусобица великая... Убиша міромъ Плещеева, а Траханіотова казниша на пожарѣ“. За мятежомъ вспыхнулъ громадный пожаръ. Безпорядки были прекращены только новымъ обѣщаніемъ царя замѣстить должности убитыхъ людьми честными и справедливыми и наблюдать за безпосульнымъ и безволокитнымъ отправленіемъ правосудія, при чемъ царь, по окончаніи мятежа,

воспользовавшись однажды крестнымъ ходомъ, обратился къ народу съ рѣчью, прося простить его воспитателя Морозова, противъ котораго народъ также былъ сильно возбужденъ. И вотъ, меньше чѣмъ чрезъ два мѣсяца послѣ описаннаго бунта, именно 16 іюля того же года, былъ данъ царскій указъ о составленіи новаго уже Уложенія. Интересно, что въ такъ называемой „памяти“,—отправленной Новгородскимъ воеводой губному старостѣ въ Нагорную половину Обонежской пятины—о присылкѣ изъ этой области одного выборнаго къ земскому собору, собиравшемуся въ Москвѣ по поводу составленія Уложенія, говорится, что составленіе проекта „уложенной книги“,—порученное, какъ увидимъ дальше, князю Одоевскому съ товарищами,—предпринимается по указу государя, по приговору бояръ и по „челобитью стольниковъ, и стряпчихъ, и жильцовъ (это были тогдашнія наименованія низшихъ разрядовъ служилыхъ людей), и дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, и иноземцевъ, и гостей, и гостинныя, и суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей“. Челобитья очень часто подавались царю и по отдѣльнымъ, и по общимъ вопросамъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ одномъ изъ нихъ,—до насъ не дошедшемъ, но упоминаемомъ въ указанной „памяти“,—выражалось желаніе земщинъ о томъ, чтобъ было составлено Уложеніе. Если нельзя, можетъ быть, прямо поставить въ генетическую связь важные безпорядки, происшедшіе въ маѣ 1648 г., съ указомъ о составленіи Уложенія, данномъ въ іюлѣ того же года, то несомнѣнно, съ другой стороны, что эти безпорядки послужили ближайшимъ поводомъ къ созыву собора. Объявляя указъ о составленіи комиссіи и созывая земскій соборъ для участія въ дѣлѣ созданія Уложенія, правительство дѣйствовало согласно съ желаніемъ общества, съ желаніемъ, нашедшимъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ указанномъ выше челобитьѣ.

Приступая, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, къ исторіи составленія Уложенія, надо сказать, что матеріалъ для этой исторіи, прежде всего, находится въ *предисловіи* къ Соборному Уложенію. Предисловіе это представляетъ весьма большую важность, какъ подлинное, современное созданію памятника свидѣтельство о слѣдующихъ вопросахъ: 1) объ источникахъ, изъ которыхъ предполагалось,—по указу государя, благословенію духовенства и мнѣнію боярской думы,—составить Уложеніе и о лицахъ, коимъ эта подготовительная работа въ комиссіи была поручена; 2) о составѣ земскаго собора; 3) о совершеніи означенной работы и отношеніи къ ней царя, освященнаго собора, боярской думы и выборныхъ земскаго собора, вмѣстѣ съ приказомъ о рукоприкладствѣ (подписи) и напечатаніи Соборнаго Уложенія. Изученіе предисловія, съ необходимыми къ нему дополненіями и юридическимъ его разборомъ, есть изученіе вопроса о составленіи самого памятника; поэтому необходимо остановиться на каждой изъ указанныхъ частей.

Изъ I части предисловія видно, что къ дѣлу составленія Уложенія было приступлено съ того, что по совѣщаніи царя съ соборомъ духовенства и боярской думою, назначена изъ 5 лицъ комиссія, которой и было поручено заняться подготовленіемъ того законодательнаго матеріала, на основаніи котораго, по мнѣнію царя и боярской думы, должно было быть составлено Уложеніе. Указаніе предисловія на законодательный матеріалъ, на коемъ должно было основываться Уложеніе, не отличается, впрочемъ, полнотою, какъ это мы увидимъ ясно изъ дальнѣйшаго. Во всякомъ случаѣ, этотъ матеріалъ былъ двоякаго характера: это, во 1-хъ, „правила святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ и градскіе законы греческихъ царей“ и во 2-хъ, прежніе Судебники Іоанна III и Іоанна IV, а также тѣ дополнительныя статьи къ нимъ, которыя явились послѣ этихъ Судебниковъ.

Что касается „правилъ святыхъ Апостолъ и св. Отецъ и градскихъ законовъ греческихъ царей“, то подъ ними разумѣются тѣ опредѣленія, какія входили въ составъ нашей *Кормчей*, содержавшей въ себѣ какъ Греческій Номоканонъ, такъ и нѣкоторые другіе памятники византійскаго права. Духовно-свѣтское византійское законодательство, вошедшее въ составъ нашихъ „Кормчихъ“, создавалось, какъ извѣстно, въ различныя историческія эпохи и отражало на себѣ господство различныхъ юридическихъ идей. Естественно, поэтому, что оно отличалось и различными началами, отразившимися на его содержаніи. Въ то время, какъ постановленія духовнаго происхожденія—„правила св. Апостоловъ и св. Отецъ церкви„—дышатъ глубокогуманными, христіанскими началами, заимствованія изъ свѣтскаго византійскаго законодательства, т. е. изъ такъ называемыхъ *градскихъ законовъ* (подъ которыми надо разумѣть не только Прохиронъ, называемый въ Кормчихъ градскимъ закономъ, но и постановленія другихъ греческихъ императоровъ, что видно между прочимъ изъ предисловія къ Уложенію, гласящаго „.....которыя статьи написаны..... въ градскихъ законахъ греческимъ царей“), и частью изъ Моисеева законодательства, дышатъ суровостью, духомъ мести и нетерпимости. Эти начала Моисеевыхъ законовъ переходятъ потомъ и въ каноническія ученія средне-вѣковой западной церкви. Въ Уложеніи можно отмѣтить только три—четыре статьи, заимствованныя изъ Моисеева закона. Градскіе законы отразились прежде всего на системѣ уголовныхъ наказаній Уложенія, тогда какъ постановленія духовно-христіанскаго законодательства—на постановленіяхъ памятника, имѣвшихъ нравственно-юридическій характеръ. Уложеніе требуетъ, напр., отъ дѣтей призрѣнія престарѣлыхъ родителей и родственниковъ; запрещаетъ брать % по долговымъ обязательствамъ; преслѣдуетъ неблагодарность, уничтожая силу даренія въ тѣхъ случаяхъ, когда одаренный по-

ступитъ неблаговидно по отношенію къ лицу, его одарившему. Такъ, въ главѣ VIII „объ искупленіи плѣнныхъ“, устанавливая „полоняникомъ на окупъ збирати ежегодь съ городовъ всего Московскаго государства“ . . . деньги, Уложеніе напоминаетъ, что „Хрістосъ не токмо сребра, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити“ . . . и т. д. Двойственный характеръ началъ законодательства свѣтскаго и духовнаго отражается рядомъ постановленій того и другого законодательства. Такъ, это видно, напр., изъ той главы, гдѣ Уложеніе, назначая свое „жестокое“ наказаніе за лжеприсягу („бить кнутомъ по торгамъ по три дня и, бивъ, посадити въ тюрьму на годъ и впредь ему ни въ чемъ не вѣрити и ни въ какихъ дѣлѣхъ никакого суда не давати“), въ то же время дѣлаетъ, для назиданія и устрашенія клятвопреступника, обширную выпись изъ правилъ св. Отецъ о церковномъ отлученіи за цѣлованіе креста „на кривѣ“ и изъ эклоги царя Леона Премудраго (т. е. Льва Исавра) о томъ, что надлежитъ „кленущемуся во лжю языкъ урѣзати, аще послѣ обличенъ будетъ“. Слѣдующимъ источникомъ Уложенія его предисловіе называетъ *старые Судебники и послѣдующее за ними законодательство*, предписывая справити (т. е. сличить) послѣднее съ первыми. Какъ совершалось это сличеніе, по какимъ соображеніямъ однѣ статьи Судебниковъ оставлялись неприкосновенными, а другія отбрасывались, прямо сказать нельзя, въ виду того, что до насъ не дошло дѣлопроизводство комиссіи Одоевскаго. Но это сличеніе, однако, должно бы было очень затянуть работу комиссіи, если-бъ она не нашла себѣ значительнаго облегченія въ такъ называемыхъ „Указныхъ книгахъ приказовъ“, гдѣ записывались дополнительныя къ Царскому Судебнику статьи.

Роль Земскаго Собора въ составленіи Уложенія 1649 г.

Обращаясь къ вопросу о *роли земскаго собора* въ созданіи Уложенія, надо сказать, что вопросъ этотъ былъ очень долго спорнымъ въ литературѣ объ Уложеніи. Наиболѣе отрицательнымъ являлось мнѣніе

извѣстнаго ученаго *Б. Н. Чичерина*, который въ своемъ сочиненіи „О народномъ представительствѣ“ высказалъ, между прочимъ, мысль, что цѣль собранія земскаго собора состояла не въ рѣшеніи того или другого вопроса, а въ утвержденіи новаго законодательнаго памятника. Поэтому „здѣсь нѣтъ“, говоритъ онъ, „ни законодательной дѣятельности собранія, ни обсужденія предлагаемыхъ вопросовъ. Составленное комиссіею Уложеніе читается выборнымъ, и они прикладываютъ къ нему свои руки“. Г. Чичеринъ повторяетъ здѣсь мысль Строева, какъ повторяли ее и другіе, въ числѣ ихъ даже Бѣляевъ. Теперь, однако, эта мысль при тѣхъ новыхъ, частію неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ матеріалахъ, какими владѣетъ наука, и послѣ новыхъ работъ по вопросу должна считаться совершенно оставленной. Какъ само предисловіе къ Уложенію, такъ и другія свидѣтельства ясно доказываютъ намъ, что *комиссіи Одоевскаго была поручена*: 1) *подготовительная работа* по собранію законодательнаго матеріала и 2) *формулировка* тѣхъ вопросовъ, которые должны были рѣшаться на соборѣ, но совсѣмъ не составленіе Уложенія. Если припомнить то мѣсто предисловія, гдѣ говорится о томъ, что̀ было поручено этой комиссіи, и что̀ было ею исполнено, то будетъ ясно, что во 1-хъ, комиссія эта должна была „выписать“ изъ „правилъ св. Апостолъ и св. Отецъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей“ тѣ статьи, которыя „пристойны къ государевымъ и земскимъ дѣлѣмъ“; во 2-хъ, она должна была „собрать“ всѣ старые указы и боярскіе приговоры и затѣмъ „справити“ (т. е. сличить) эти „государскіе указы и боярскіе приговоры съ старыми Судебниками“—все это была работа чисто подготовительная, выполненная, дѣйствительно, комиссіей. Затѣмъ, кромѣ этого, комиссіи Одоевскаго было, какъ говоритъ предисловіе, дано порученіе сдѣлать слѣдующее: „а на которыя статьи (т. е. законодательные вопросы) въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ госу-

царей въ Судебникахъ не положено, и тѣ-бы статьи по тому-же написати (т. е. сформулировать) и изложити общимъ совѣтомъ". Выраженіе „общій совѣтъ" толковалось Строевымъ, какъ равносильное выраженію „всѣ составители Уложенія", т. е., по Строеву,—всѣ члены комиссіи кн. Одоевскаго. Но, какъ справедливо замѣтилъ проф. Загоскинъ, подъ этимъ выраженіемъ надо разумѣть именно земскій соборъ, такъ какъ само предисловіе говоритъ далѣе, что Уложеніе было чтено „выборнымъ людемъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ", ясно показывая, что подъ „общимъ совѣтомъ" надо понимать земскій соборъ. Итакъ, если изъ текста предисловія видно, съ одной стороны, что законодательной комиссіи кн. Одоевскаго была поручена подготовительная работа, собраніе матеріала, то, съ другой, изъ него же явствуетъ, что новые вопросы законодательства, не находившіе себѣ матеріала въ прошломъ, комиссія должна была разрѣшить общимъ совѣтомъ съ выборными.

Изъ другихъ данныхъ ясно, что роль земскаго собора не ограничивалась только разрѣшеніемъ новыхъ законодательныхъ вопросовъ, но и состояла въ перерѣшеніи прежнихъ законовъ. Какъ же было организовано участіе выборныхъ въ составленіи Уложенія? Оно было организовано въ двухъ различныхъ формахъ: въ формѣ непосредственнаго участія выборныхъ въ работахъ комиссіи Одоевскаго и въ формѣ подачи выборными земскаго собора челобитій на имя государя о тѣхъ или иныхъ законодательныхъ, подлежащихъ обсужденію, вопросовъ. Частью изъ изданныхъ въ недавнее, сравнительно, время матеріаловъ *), мы узнаемъ, что нѣкоторые изъ выборныхъ участвовали въ работахъ

*) Таковы: „Матеріалы по исторіи земскихъ соборовъ" *В. Н. Латкина* (С.-Петербургъ, 1884 г.); „Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 г. *А. Н. Зерцалова* (Москва 1888 г.), а также нѣкоторые документы въ изданіи *Ю. В. Готье* „Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ" (Москва, 1909 г.).

комиссіи Одоевскаго *), за что и получали жалованье, повидимому, не дававшееся тѣмъ выборнымъ, которые въ работахъ не участвовали. Мы не знаемъ, конечно, что именно дѣлали выборные, сидя „съ бояры“ комиссіи Одоевскаго, такъ какъ дѣлопроизводство этой комиссіи не дошло до насъ. Но пріѣхавъ въ Моску еще до 1 сентября 1648 года (къ этому времени, какъ извѣстно, созывался соборъ) и начавъ свое сидѣнье съ боярами въ сентябрѣ, если не раньше, выборные оставались на Москвѣ около полугода. Здравый смыслъ говоритъ, что жить въ Москвѣ такъ долго безъ дѣла, получая при этомъ царское жалованіе, выборные не могли. Они принимали участіе въ работахъ по составленію Уложенія. На это есть прямое указаніе въ актахъ, найденныхъ недавно, изъ коихъ видно, что еще въ половинѣ января 1649 г. выборные „отъ царскаго и земскаго дѣла не отдѣлались“, т. е. иначе говоря, не окончили своей работы по составленію Уложенія. Вообще, несомнѣнно, что комиссія Одоевскаго не представила къ 3 октября 1648 г. готоваго Уложенія, которое было лишь „чтено“ выборнымъ; несомнѣнно, что Уложеніе вырабатывалась постепенно и было кончено не раньше января 1649 года, что выборные участвовали въ работахъ комиссіи Одоевскаго, или лично, или подавая на имя царя, какъ это мы увидимъ, челобитья. Было ли кромѣ того допускаемо обсужденіе, если не всего памятника въ его цѣломъ, то по частямъ на соборѣ въ полномъ составѣ его двухъ палатъ? **). Можно думать, что да, такъ какъ и само Уложеніе го-

*) Комиссія эта, которой была поручена работа по собранію законодательнаго матеріала и составленію законопроекта, состояла изъ 5 лицъ: бояръ кн. Н. И. Одоевскаго, кн. С. В. Прозоровскаго, окольничаго кн. О. Ѳ. Волконскаго и двухъ дьяковъ—Гаврилы Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова.

**) Указаніе на двѣ имѣется въ самомъ предисловіи къ Уложенію, гдѣ сказано, что „какъ то Уложеніе... чтено (было) выборнымъ людямъ и въ то время въ отвѣтной палатѣ (такъ назывался залъ, гдѣ бояре вели переговоры съ иноземными послами, или,—

воритъ о нѣкоторыхъ статьяхъ, что ихъ „*Соборомъ уложили*“ (42 ст., гл. XVII и др.); есть и другія свѣдѣнія о томъ же.

Вліяніе челобитій на законодательство и Уложеніе 1649 г.

Кромѣ непосредственнаго участія въ работахъ комиссіи Одоевскаго, вліяніе выборныхъ земскаго собора сказалось въ тѣхъ *челобитьяхъ*, которыя ими подавались царю и которыя потомъ дали содержаніе многимъ важнѣйшимъ статьямъ Уложенія. При этомъ надо вообще отмѣтить, что челобитья во весь московскій періодъ являлись важнымъ источникомъ права, почему ихъ вліяніе на Уложеніе не представляетъ собою ничего чрезвычайнаго. Несомнѣнно, что вліяніе челобитій на московское законодательство есть очень характерная, весьма богатая послѣдствіями особенность этого періода *). Вліяніе это значительно ослабѣваетъ лишь въ слѣдующій, петербургскій періодъ. Несомнѣненъ также фактъ, что „челобитья“ затрогивали всѣ вопросы жизни, касались и частныхъ, и общихъ нуждъ и потребностей. Отмѣтимъ, какъ примѣръ только, что отмѣна въ областяхъ правительственнаго управленія и замѣна его земскимъ самоуправленіемъ, введеніе такъ назыв. „губныхъ грамотъ“, закрѣпленіе крестьянъ, пересмотръ правительствомъ законодательства и созданіе новыхъ кодексовъ (какъ, напр. Уложенія) и уставовъ (какъ напр. Новоторговаго устава 1667 г.) и т. д., совершалось подъ вліяніемъ челобитій и въ томъ направленіи, какое ими указывалось.

Два важныхъ вывода необходимо сдѣлать изъ этого вліянія челобитій на законодательство. Если мы сравниваемъ содержаніе челобитій съ тѣмъ, что, какъ

какъ тогда говорили—„были съ ними въ отвѣтѣ“), по государеву указу сидѣлъ боярин князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и съ нимъ выборные люди“; царь же слушалъ чтеніе Уложенія съ освященнымъ соборомъ и членами боярской думы.

*) Интересныя данныя по вопросу о челобитьяхъ находимъ, между прочимъ, въ статьѣ *М. М. Богословскаго* „Земскія челобитныя въ древней Руси“ (Богословскій Вѣстникъ, 1911 г., № 1 - 4).

ихъ результатъ, являлось потомъ въ видѣ закона, и замѣчаемъ, что содержаніе послѣдняго, въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, совпадаетъ съ содержаніемъ челобитій, то мы въ правѣ сказать, что это вниманіе правительства къ челобитьямъ подданныхъ даетъ самому законодательству весьма яркую окраску законодательства народнаго, основаннаго на внимательномъ отношеніи законодателя къ народнымъ нуждамъ и потребностямъ. Въ Московскомъ государствѣ поэтому почти невозможны были случаи появленія законовъ, подобныхъ тѣмъ, которые стали часты у насъ въ XVIII в., и которые шли совершенно въ разрѣзъ съ народными юридическими воззрѣніями, вѣками слагавшимся. Надо признать, что въ основѣ вниманія къ челобитьямъ лежала, несомнѣнно, та здравая мысль, что законодательныя мѣры правительства должны отвѣчать потребностямъ и интересамъ страны.

Отмѣчая это плодотворное вліяніе челобитій на законодательство, нельзя закрыть глазъ на другое слѣдствіе этого вліянія, отрицательнаго, однако, значенія. На Москвѣ подача челобитій не была всегда организована. Оно одинаково могло исходить и отъ малыхъ, и отъ большихъ общественныхъ группъ, взывать о защитѣ интересовъ частныхъ и общихъ. Въ этомъ, конечно, не было еще большой бѣды, если бы правительство московское умѣло или могло всегда брать на себя заботу уясненія, что̀ въ этихъ челобитьяхъ подлежало, съ точки зрѣнія общихъ пользъ государства и общества, и что не подлежало удовлетворенію. Но этого нельзя всегда отмѣтить въ дѣятельности Московскаго правительства. Скорѣе бросается въ глаза стремленіе правительства временно только удовлетворять тому или иному выраженному въ челобитьяхъ желанію. Отсюда то изумительное колебаніе указной практики государей, та неустойчивость московскаго законодательства, которая обращаетъ на себя вниманіе, и которая въ значительной степени объяс-

няется желаніемъ такъ или иначе удовлетворить требованіямъ, изложеннымъ въ поступающихъ время отъ времени челобитныхъ.

Что касается, въ частности, Уложенія, то вліяніе челобитій на этотъ памятникъ было очень значительно. Проф. Загоскинъ, идя по пути, намѣченному Шпилевскимъ, Щаповымъ и особенно Сергѣевичемъ, находитъ, что число статей Уложенія, созданныхъ подъ вліяніемъ челобитій, равно 82 статьямъ, т. е. 8,5% всего количества статей памятника. Этотъ выводъ проф. Загоскина доселѣ въ литературѣ вопроса остается, въ общемъ, непоколебленнымъ. Доказательства, которыми владѣетъ наука для рѣшенія вопроса, таковы: во-первыхъ, есть статьи, о которыхъ само Уложеніе свидѣтельствуетъ, какъ о составленныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ челобитій выборныхъ, во 2-хъ есть рядъ статей, сравненіе содержанія которыхъ съ дошедшими до насъ челобитными, прямо указываетъ, что эти статьи повторяютъ основныя положенія челобитныхъ. Важно здѣсь отмѣтить притомъ еще то, что большинство статей, созданныхъ подъ вліяніемъ челобитій, разрѣшаютъ собой наиболѣе жизненные вопросы, занимавшіе тогдашнее общество. Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ, къ сожалѣнію, остановиться подробно на разборѣ статей, составленныхъ подъ вліяніемъ челобитій (объ этомъ подробно см. въ нашемъ „Учебникѣ“, стр. 318 и сл). Остановимся лишь на одномъ примѣрѣ. Такъ, до насъ дошло одно челобитье, доложенное государю и давшее содержаніе важному постановленію Соборнаго Уложенія, а именно, еще въ 1648 году „дворяне московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе и всѣхъ городовъ служилые люди били челомъ государю о томъ, чтобы было имъ позволено „сыскивать безъ урочныхъ лѣтъ“ ихъ бѣглыхъ крестьянъ. Эта челобитная была представлена царю комиссіею Одоевскаго и повела къ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Значеніе же че-

лобитья „уложеннаго соборомъ“ слѣдующее: челобитчики, мелкіе собственники, просили объ отмѣнѣ такъ называемыхъ „урочныхъ“ или „срочныхъ лѣтъ“. „Урочными“ или „срочными годами“ назывались годы, назначенные владѣльцамъ для отыскиванія ихъ бѣглыхъ крестьянъ. Эти годы долго колебались между 5-ю и 15-ю годами, пока совершенно не были отмѣнены Уложеніемъ, которое дозволило владѣльцамъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ себѣ безсрочно, т. е. чрезъ сколько бы лѣтъ ихъ владѣлецъ ни нашелъ у другого. Въ приведенномъ челобитьѣ указанъ и мотивъ, почему мелкіе владѣльцы просили объ этой отмѣнѣ: они „по вся годы бываютъ . . . на службахъ и имъ въ тѣ указные лѣта тѣхъ своихъ крестьянъ сыскивать и провѣдать не мочно, потому что де тѣ ихъ бѣглые крестьяне, вѣдаючи указные лѣта и живучи за сильными людьми и за монастыри, переходятъ изъ вотчины въ вотчину, хотя указные лѣта выжить и отъ ихъ стариннаго крестьянства отбыть“. Правительство послѣ долгихъ колебаній склоняется, наконецъ, на сторону мелкихъ собственниковъ, вынужденное необходимостью обезпечить за ними крестьянъ, чтобы въ свою очередь не слышать отъ нихъ жалобъ на невозможнотть исправно нести службу въ войскѣ, въ которомъ они составляли главный контингентъ.

Послѣдствія этой мѣры объ урочныхъ годахъ (отмѣненныхъ Уложеніемъ) и закрѣпившихъ окончательно крестьянъ, были, какъ извѣстно, очень печальны. Но нельзя не отмѣтить, что эта мѣра была „уложена Соборомъ“, по челобитью извѣстной части его членовъ. Общее заключеніе изъ всего сказаннаго будетъ то, что земскій соборъ принималъ, въ лицѣ своихъ выборныхъ, важное участіе въ составленіи Уложенія, именуемаго вполнѣ справедливо, поэтому, Соборнымъ.

Литовскій статутъ, какъ источникъ Уложенія 1649 г.

Въ числѣ первоисточниковъ очень важную роль, игралъ *Литовскій Статутъ*. Указаніе на этотъ источникъ, имѣется какъ въ самомъ подлинномъ спискѣ Уложенія (на поляхъ котораго 56 статей отмѣчены, какъ взя-

тыя изъ Литовскаго Статута), такъ и въ другихъ памятникахъ, при чемъ надо замѣтить, что, въ дѣйствительности, заимствованія идутъ гораздо далѣе, чѣмъ это отмѣчено на подлинномъ Уложеніи.

Предисловіе къ Уложенію не упоминаетъ объ Литовскомъ Статутѣ въ числѣ источниковъ. Объясняется это обстоятельство тѣмъ соображеніемъ, что Литовскій Статутъ, какъ памятникъ древняго литовско-русскаго права, въ эпоху созданія Уложенія, совсѣмъ уже и не былъ новымъ для насъ источникомъ права, на который слѣдовало бы указать отдѣльно. Извѣстно, что Литовскій Статутъ началъ усвояться нашею московскою практикой гораздо раньше созданія Уложенія. Доказательствомъ этому служатъ „Указныя книги приказовъ“. Такъ, до насъ дошли нѣкоторыя „дополнительныя“ статьи ко II-му Судебнику, прямо взятыя изъ Литовскаго Статута (онѣ сохранились въ такъ наз. „эрмитажномъ сборникѣ дополнительныхъ къ Судебнику статей“), такъ что комиссія Одоевскаго, дѣлая указанное ей сличеніе старыхъ Судебниковъ съ новымъ законодательнымъ матеріаломъ, появившемся послѣ нихъ, нашла нѣкоторыя части Литовскаго Статута въ Указныхъ книгахъ приказовъ, уже рецепированными (т. е. воспринятыми въ переводѣ и измѣненными, согласно съ нѣкоторыми особенностями нашего быта), чѣмъ и воспользовалась. Иначе трудно представить себѣ, какъ могла бы эта комиссія успѣть сдѣлать переводъ статей Статута въ короткій срокъ ея работы, если-бъ рецепція не была сдѣлана раньше. Съ внутренней точки зрѣнія, возможность широкаго заимствованія началъ Литовскаго Статута въ такомъ строго-національномъ памятникѣ, какъ Уложеніе, объясняется тѣмъ, что этотъ Статутъ былъ, по существу своему, сборникомъ древняго русскаго обычнаго права, общаго всей Руси— восточной и западной. Это право господствовало также и на Литвѣ до XVI вѣка. Доказательствомъ этого слу-

житъ не только русскій языкъ памятника, въ которомъ, впрочемъ, много полонизмовъ, но еще болѣе сравненіе его содержанія съ памятниками нашего древняго обычнаго права, открывающее здѣсь глубокое національное единство между ними. Это единство особенно сказывается относительно такъ наз. первой редакціи Литовскаго Статута отъ 1529 года, составленной по-русски (и уже потомъ переведенной на польскій языкъ), задолго до соединенія Литвы съ Польшей, тогда какъ въ третьей редакціи 1588 г. уже болѣе ясно видно польское вліяніе. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ, не будучи новымъ источникомъ для времени Уложенія, вошелъ въ послѣднее въ совершенно переработанномъ видѣ, при чемъ были уничтожены тѣ его тенденціи, которыя отличались узко-сословной окраской. Приведемъ лишь одинъ примѣръ этой переработки, говорящій въ пользу юридическаго анализа Уложенія. Такъ, напр., въ гл. V Уложенія говорится вмѣстѣ о двухъ совершенно разнородныхъ преступленіяхъ—дѣланіи фальшивой монеты и подмѣси мастерами въ благородные металлы неблагородныхъ. Уложеніе, слѣдуя здѣсь прямо Статуту, ставитъ ихъ рядомъ, но, однако, вопреки Статуту, назначаетъ за нихъ различныя по строгости наказанія (за прибавку въ мѣдныя и серебряныя монеты олова и свинца—залитіе горла расплевленнымъ металломъ; а за прибавку ихъ въ золотыя и серебряныя вещи частныхъ лицъ—битье кнутомъ). Статутъ же, смотря на то и другое преступленіе, какъ на однородныя, за оба назначаетъ смертную казнь чрезъ сожженіе. Очевидно, юридическій анализъ Уложенія уже выше, ибо дѣланіе фальшивой монеты и подмѣсь мѣди или олова въ золотыя и серебряныя вещи — совершенно разныя преступленія. Статутъ смѣшалъ ихъ изъ излишняго вниманія къ матеріальному составу преступленія: оба производятся одинаковымъ ремесломъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько, хотя, съ другой стороны, справед-

ливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя статьи Уложенія представляютъ въ себѣ неясности, недомолвки и т. д., именно вслѣдствіе редакціонныхъ ошибокъ его составителей, неумѣвшихъ почему-либо справиться со своимъ источникомъ. Понятно, какъ важно при изученіи какого-либо памятника знать источникъ, изъ коего заимствовано извѣстное постановленіе: тогда ясно будетъ виденъ истинный смыслъ каждой статьи.

Заканчивая обзоръ источниковъ Уложенія, сдѣлаемъ изъ всего вышесказаннаго общее заключеніе. Изучаемый памятникъ по своимъ источникамъ есть памятникъ національнаго, исторически-сложившагося права. Не чуждаясь заимствованій, онъ относится къ нимъ не рабски-пассивно, что такъ часто замѣчается потомъ, въ эпоху преобразованій, а сознательно претворяя ихъ въ нормы, прямо пригодныя къ тогдашней нашей жизни. Изъ чужихъ источниковъ онъ болѣе всего беретъ изъ источника славяно-русскаго, какимъ является Статутъ; затѣмъ—изъ Кормчихъ. Изъ своихъ—въ широкихъ размѣрахъ пользуется вѣковою практикою высшаго законодательнаго органа московскихъ государей—именно практикою боярской думы. Эта практика регулируется жизненными потребностями, какъ ими же регулируются и челобитья выборныхъ земскаго собора, повліявшія на Уложеніе. Въ результатѣ отъ сочетанія этихъ источниковъ создался памятникъ, нетерявшій въ нѣкоторыхъ частяхъ своего практическаго значенія цѣлые вѣка, хотя, съ другой стороны, и не принадлежавшій къ тѣмъ кодексамъ, которые двигаютъ впередъ и рѣзко видоизмѣняютъ жизненныя отношенія, подчиняя ихъ своимъ новымъ началамъ.

Система Уложенія и его содержаніе.

Обращаясь къ системѣ памятника и его содержанію, отмѣтимъ, что съ внѣшней стороны Уложеніе представляетъ собою болѣе порядка, чѣмъ замѣчается въ какомъ-либо изъ предшествующихъ памятниковъ. Авторы его дѣлаютъ, во-первыхъ, попытку раздѣлить весь законодательный матеріалъ по отдѣльнымъ главамъ, трактующимъ объ извѣстныхъ однородныхъ во-

просахъ, а главы подраздѣляютъ уже на статьи; затѣмъ они располагаютъ этотъ матеріалъ по степени его важности. Всѣхъ главъ въ Уложеніи двадцать пять *).

Новоуказныя статьи.

Законодательная дѣятельность въ Московскомъ государствѣ, конечно, не остановилась съ изданіемъ С. Уложенія. Жизнь шла впередъ, а потому ея движеніе отражалось и на законодательствѣ. На время отъ 1649 г. до единодержавнаго царствованіе Петра Великаго (т. е. до 1696 г.) приходится отмѣтить, продолжая только внѣшній обзоръ исторіи источниковъ, какъ нѣсколько важныхъ общихъ памятниковъ права, явившихся вскорѣ послѣ созданія Уложенія, такъ еще въ бо́льшемъ количествѣ—рядъ важныхъ отдѣльныхъ узаконеній. Эти отдѣльныя узаконенія въ исторіи нашего права носятъ общее названіе *новоуказныхъ статей*. Ихъ дошло до насъ очень много. Обозрѣвая содержаніе этихъ новоуказныхъ статей, надо сдѣлать то заключеніе, что уже въ половинѣ XVII в. ясно чувство-

*) Содержаніе Соборнаго Уложенія по главамъ слѣдующее: глава первая носитъ наименованіе—о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ (9 статей); гл. II) „о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать“ (22 ст.); гл. III) „о государевѣ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было“ (9 ст.); гл. IV) „о подпищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ“ (4 ст.); гл. V) „о денежныхъ мастерѣхъ, которые учнутъ дѣлати воровскіе деньги“ (2 ст.); гл. VI) „о проѣзжихъ грамотахъ въ иные государства“ (6 ст.); гл. VII) „о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго Государства“ (32 ст.); гл. VIII) „о искупленіи плѣнныхъ“ (7 ст.); гл. IX) „о мытахъ и о перевозѣхъ и о мостахъ“ (20 ст.); гл. X) „о судѣ“ (287 ст.); гл. XI) „судъ о крестьянѣхъ“ (34 ст.); гл. XII) „о патріаршихъ приказныхъ и о всякихъ людѣхъ, что на нихъ судъ давати на патріаршемъ дворѣ“ (3 ст.); гл. XIII) „о Монастырскомъ Приказѣ (7 ст.); гл. XIV) „о крестномъ цѣлованіи“ (10 ст.); гл. XV) „о вершенныхъ дѣлѣхъ“ (5 ст.); гл. XVI) „о помѣстныхъ земляхъ“ (69 ст.); гл. XVII) „о вотчинахъ“ (55 ст.); гл. XVIII) „о печатныхъ пошлинахъ“ (71 ст.); гл. XIX) „о посадскихъ людѣхъ“ (40 ст.); гл. XX) „о холопьемъ судѣ“ (119 ст.); гл. XXI) „о разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ (104 ст.); гл. XXII) „указъ за какія вины кому чинити смертная казнь и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе“ (26 ст.); гл. XXIII) „о стрѣльцахъ“ (3 ст.); XXIV) „о атаманѣхъ и казакахъ“ (2 ст.); гл. XXV) „о корчмахъ“ (21 ст.).

валась необходимость реформъ, почему бо́льшая часть новоуказныхъ статей имѣетъ характеръ не только дополненія, но и дальнѣйшаго развитія и видоизмѣненія началъ Уложенія. Исторія ихъ образованія такова же, какъ и дополнительныхъ ко II Судебнику статей. При неясности, неполнотѣ или даже отсутствіи закона, приказы, черезъ начальствующихъ въ нихъ лицъ, входили съ докладомъ къ государю и его боярской думѣ, въ которой уже и давалось разрѣшеніе даннаго случая. Часто докладъ составлялся изъ нѣсколькихъ вопросовъ, или „статей", ждавшихъ себѣ законодательнаго разрѣшенія. Такимъ путемъ развивалось вообще право въ Московскомъ государствѣ въ промежуткахъ между изданіями кодексовъ. Общая характерная черта дополнительныхъ и новоуказныхъ статей— ихъ казуистичность. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы встрѣчаемъ указанія на такія новоуказныя статьи, которыя являются прямо отдѣльными рѣшеніями боярской думы на частные случаи, причемъ даже не исчезли изъ статей имена тѣхъ частныхъ лицъ, дѣла коихъ разрѣшались. Мы бы могли принять ихъ за отдѣльныя рѣшенія, если бъ не знали, что эти рѣшенія постановлялись въ собраніи съ такимъ законодательнымъ характеромъ, какъ боярская дума, и если бъ въ нихъ не было, обыкновенно, прибавленія, что-де рѣшеніе по данному извѣстному дѣлу должно имѣть впредь значеніе руководства для всѣхъ аналогичныхъ случаевъ.

Новоторговый уставъ.

Кромѣ этого вида *новоуказныхъ статей*, казуистичныхъ по формѣ, надо отмѣтить еще нѣсколько общихъ уставовъ и наказовъ, изданныхъ отъ имени самого государя. На время царствованія Алексѣя Михайловича приходится нѣсколько такихъ уставовъ и наказовъ; изъ нихъ самымъ знаменитымъ является *Новоторговый Уставъ*, созданный вслѣдствіе челобитья „Московскаго государства гостей и гостинныхъ сотенъ и черныхъ сотенъ торговыхъ людей" (какъ въ этомъ удостовѣряетъ предисловіе къ нему), жаловавшихся

царю на то, „что пріѣзжіе иноземцы безстрашно учали товары худые, поддѣльные... въ Москву и въ городы привозить и Русскимъ торговымъ людямъ въ заповѣдѣхъ и въ промыслѣхъ многіе убытки чинить“. Изданный въ удовлетвореніе временныхъ нуждъ, Новоторговый уставъ имѣетъ, однако, важное значеніе по тѣмъ общимъ мѣрамъ, которыя предпринимаются въ немъ для поднятія какъ торговли, такъ и значенія торговаго класса. Творцемъ этихъ мѣръ, приведенныхъ вполнѣ въ исполненіе только вѣкомъ спустя, надо считать одного изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ людей XVII в. на Москвѣ, именно Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Еще будучи въ 1665 г. воеводою въ Псковѣ, Ординъ-Нащокинъ предложилъ устраивать тамъ по двѣ ярмарки въ годъ, во время которыхъ бы жители могли торговать безпошлинно съ иностранцами. Предлагая это, Нащокинъ исходилъ изъ той мысли, „что во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги, которые учинены безъ пошлинъ“, и что, слѣдовательно, торговля будетъ развиваться въ нихъ быстро и безпрепятственно, между тѣмъ какъ въ Московской Руси при обиліи мелкихъ и разнообразныхъ пошлинъ съ товаровъ, равно какъ по другимъ причинамъ, внутренняя торговля была затруднена. Затѣмъ онъ пошелъ еще далѣе, предложивъ устроить выборное изъ гражданъ городское управленіе для суда по торговымъ дѣламъ. Этотъ порядокъ, однако, не долго существовалъ во Псковѣ, но Нащокинъ провелъ свою замѣчательную мысль въ Новоторговомъ уставѣ, предполагая устроить особый приказъ, который вѣдалъ бы исключительно торговыя дѣла. *Новоуказными статьями завершается многообразное движеніе богатаго памятниками права законодательства Московскаго государства.*

Александръ Филипповъ.

Землевладѣніе и сельское хозяйство въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. *).

I. Землевладѣніе.

I.

Всѣ земли Московскаго государства, кромѣ никому непринадлежавшаго дикаго поля на южной окраинѣ и дремучихъ лѣсовъ на сѣверо-востокѣ, дѣлились на слѣдующіе разряды: черныя, дворцовыя, церковныя, частновладѣльческія или вотчинныя и помѣстныя. Главнымъ

Виды земельной собственности.

*) Литература. *Блюменфельдъ.* „Формы землевладѣнія въ древней Россіи“ (Записки Новороссійскаго университета, т. 40, Одесса. 1884 г.); *Бѣляевъ.* „Формы землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ“ (Врем. Об. Ист. и Др. Рос., т. XI); *Симсонъ.* Калужскій уѣздъ въ XVII вѣкѣ по писц. книгамъ (Тр. Калуж. Уч. Ар. Ком.); *Е. Н. Щепкина* „Тульскій уѣздъ въ XVII вѣкѣ. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Р., 1892 г., кн. IV); *Лаппо.* „Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ“ (Чтенія Об. Ист. и Др. Рос., 1894 г., кн. IV); *Сташевскій.* „Московскій уѣздъ въ XVI в.“, Кіевъ, 1908 года: *Смирновъ.* „Орловскій уѣздъ въ XVI вѣкѣ“, Кіевъ, 1910 г.: *Рождественскій.*„ Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ“. СПБ., 1897 г.; *Ефименко.* „Изслѣдованія народной жизни“, М., 1884 года; *Соколовскій.* „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи“, СПБ., 1878 года; *Сергѣевичъ.* „Древности русскаго права“, т. III, СПБ., 1904 г.; *Лаппо-Даниловскій.* „Организація прямого обложенія“, СПБ., 1890 г.; *Платоновъ.* „Очерки по исторіи Смуты“, СПБ., 1899 г.; *Рожковъ.* „Сельское хозяйство Московскаго государства“ въ XVI вѣкѣ, М., 1904 г.: *Милюковъ.* „О недвижимыхъ владѣніяхъ духовенства въ Россіи“, М., 1861 г.; *Павловъ.* „Очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“ (Записки Новорос. университета, т. 7, за 1871 годъ); *Дубасовъ.* „Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Изъ исторіи инородческаго и русскаго землевладѣнія въ Тамбовскомъ краѣ“, Тамбовъ, 1897 г.: *Миклашевскій.* „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго госу-

основаніемъ для такого различія земель служили принадлежность земли тому или иному лицу, а въ связи съ этимъ и разнообразіе государственныхъ повинностей, которыя шли съ данной земли. Уже въ XVI вѣкѣ начинаетъ устанавливаться въ Московскомъ государствѣ взглядъ на землю, какъ на непосредственный источникъ службы государству, выражавшійся въ той или иной формѣ. Всѣ земли, за немногими исключеніями, несли общегосударственные налоги, шедшіе на удовлетвореніе общегосударственныхъ нуждъ, но каждый изъ видовъ земельной собственности несъ, помимо этихъ общихъ налоговъ, еще особую, ему только свойственную, службу. Это различіе въ отбываніи службы государству служило основаніемъ дѣленію земель на указанные выше разряды, и чтобы уяснить себѣ отличіе различныхъ видовъ земельной собственности, необходимо разсмотрѣть отношеніе каждаго изъ нихъ къ отбытію службы и въ связи съ этимъ и тѣ особенности правового положенія, которыя были съ этимъ отбываніемъ связаны.

Земли черныя.

Землями черными назывались такія земли, которыя помимо всякихъ другихъ налоговъ, шедшихъ со всѣхъ безъ исключенія земель, платили еще и особый сборъ, шедшій въ государеву казну подъ именемъ „оброка“. Эти черныя земли не принадлежали никакому отдѣльному лицу: собственникомъ ихъ былъ міръ, крестьянская волость. Волость эта распоряжается своей

дарства“, Москва, 1894 г.; *Перетятковичъ*. „Поволожье въ XVII в.“; *Забѣлинъ*. „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“ (Вѣстникъ Европы, 1871 г. № 1—2); *Кореневскій*. Изъ исторіи помѣщичьяго хозяйства Московской Руси XVII в. Кіевъ, 1906 г.; *Сторожевъ*. „Тверское боярство XVII вѣка; *Готье*. „Замосковный край въ XVII вѣкѣ“, М., 1906 г. *Сторожевъ*. „Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—30 г.“ (Сборникъ посв. В. О. Ключевскому, М., 1910 г.); *Вагрушинъ*. „Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI вѣка“ (тамъ же); *Бѣляевъ*. „Крестьяне на Руси“, М., 1846 г., посл. изд.; *Гнѣвушевъ*. „Сельское населеніе Новгородской области“, Кіевъ. 1912 г.; *Павловъ-Сильванскій*. „Феодальныя отношенія въ древней Руси“, СПБ., 1910 г.

землей, раздавая участки крестьянамъ, которые за землю обязывались нести государевы оброки и всѣ волостныя повинности. Черные крестьяне, говоря о своихъ земельныхъ участкахъ и ихъ пріобрѣтеніи, выражались слѣдующимъ образомъ: „А мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дали волость, старосты съ крестьяны, и язъ избу поставилъ“ *).

Земли дворцовыя.

Государевы дворцовыя земли составляли личную собственность царя и великаго князя московскаго. Сообразно съ этимъ, населеніе этихъ земель должно было отбывать свою особую повинность. Оно должно было платить въ государеву казну особый денежный оброкъ и поставлять продукты на государевъ обиходъ. Такимъ образомъ, ихъ особая повинность въ дѣлѣ служенія государству выражалась въ удовлетвореніи потребностей главы государства, и это отличало ихъ отъ другихъ земель. Сообразно такому назначенію опредѣлялась и организація этихъ земель. Оброкъ съ нихъ собирался въ приказъ Большого Дворца, и долженъ былъ удовлетворять многочисленнымъ и разнообразнымъ нуждамъ двора царя и великаго князя московскаго. Сообразно съ этимъ назначеніемъ оброка въ числѣ дворцовыхъ волостей было много селъ и деревень неземледѣльческихъ въ собственномъ смыслѣ слова, а промышленныхъ. Такъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ было обиліе рыбы, существовали государевы дворцовые рыболовные слободы и рядки, жители которыхъ обязаны были поставлять на государевъ обиходъ рыбу, въ другихъ мѣстностяхъ медъ, и очень часто въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ устраивались государевы конюшни, причемъ населеніе было обязано содержать эти конюшни въ порядкѣ и поставлять сѣно для лошадей на зиму.

Крестьяне дворцовыхъ волостей были точно также, какъ и крестьяне черные, объединены въ крестьянскіе міры. Обычно государевъ оброкъ налагался и въ этихъ

*) О черныхъ земляхъ см. въ статьѣ „Сельское населеніе Московскаго государства“, стр. 35—40.

земляхъ на всю волость цѣликомъ, и міру со своими выборными представлялось распредѣлять этотъ оброкъ между отдѣльными крестьянами сообразно величинѣ ихъ участковъ. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ роль міра была весьма незначительна, ограничиваясь круговою порукою въ уплатѣ платежей. Дворцовыми землями завѣдывала довольно сложная приказная администрація. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали воеводы, главное завѣдываніе дворцовыми землями лежало на нихъ. Ближайшій надзоръ и распоряженіе землями лежали на обязанности приказчика, который въ тѣхъ городахъ, гдѣ воеводъ не было, дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, а судъ въ дворцовыхъ земляхъ принадлежалъ дворецкому. Помимо этихъ приказныхъ чиновъ были еще и болѣе мелкіе: таковы сельскій ключникъ и городскіе дьяки: сушильный, погребной и кормовой, изъ которыхъ первый, какъ видно изъ самого названія, завѣдывалъ хлѣбными овинами (сушильнями), второй погребами, а третій выдачей кормовъ. Всѣ они принимали хлѣбъ у крестьянъ, на обязанности которыхъ лежала и доставка его въ городъ. Отдачей земель вновь входившимъ въ составъ міра крестьянамъ завѣдывалъ приказчикъ великаго князя. Онъ заключалъ порядныя съ ними, онъ отводилъ имъ участки земли, онъ же давалъ имъ опредѣленныя льготы. Староста же, какъ выборное лицо міра, слѣдилъ только за правильной уплатой повинностей каждымъ отдѣльнымъ членомъ общины. Такимъ образомъ, самодѣятельность міра на дворцовыхъ земляхъ была сильно стѣснена. Но и тутъ, въ случаѣ какихъ-либо ходатайствъ, міръ выступалъ, какъ нѣчто цѣлое. Міръ долженъ былъ содержать на свой счетъ администрацію, выплачивая въ ея пользу опредѣленные кормы. Эти кормы достигали обычно 5% всей вносимой дворцовыми крестьянами суммы. Особенность уплаты оброка дворцовыми крестьянами заключалась въ томъ, что и въ концѣ XVII вѣка и даже въ началѣ XVIII вѣка, такія отдаленныя отъ

Москвы мѣстности, какъ Новгородъ, напримѣръ, посылали туда значительную часть своихъ оброковъ натурой, безъ перевода этого оброка на денежный, кромѣ той части, которая по особымъ указаніямъ изъ Москвы, расходовалась на мѣстѣ.

Земли монастырскія.

Церковными землями въ Московскомъ государствѣ назывались такія, которыя принадлежали митрополиту и архіереямъ, монастырямъ и церквамъ.

Крупными земельными собственниками были въ Московскомъ государствѣ монастыри. Землями своими монастыри владѣли обычно на вотчинномъ правѣ, т. е. имѣли на свою землю полныя права собственниковъ. И монастыри, какъ общее правило, вносили въ государеву казну съ своихъ земель общегосударственныя повинности, но весь доходъ съ крестьянъ шелъ въ пользу монастыря. Надо замѣтить, что этими доходами со своихъ земель монастыри пользовались небезвозмездно: они несли свою государеву службу: были „богомольцами государевыми“. Подобно тому какъ помѣщики защищали государство отъ военной опасности, монастыри замаливали грѣхи всего государства передъ Богомъ. Изъ жизни крупныхъ и богатыхъ монастырей трудно вывести вышеуказанный характеръ монастырскаго землевладѣнія. Эти монастыри существовали „изстарины“, никогда не стояли „безъ пѣнья“, и обычно пользовались особымъ покровительствомъ правительства. Но на мелкихъ монастырькахъ сѣверной Россіи какъ нельзя лучше видно, что только моленье за государя и все христіанство давало монастырю право владѣнья землей. Можно привести рядъ примѣровъ, когда монастырскія земли такихъ монастырей, въ случаѣ ихъ запустѣнія, отписывались на государя; можно указать и такіе случаи, когда пустой монастырь, въ которомъ не совершается служба за неимѣніемъ церковно-служителей, и старцы котораго для своего пропитанья арендуютъ у государства земли, получаетъ эту же арендованную землю безвозмездно въ свое

пользованіе, если въ его церкви начинается служба. Изъ такихъ примѣровъ ясно, что и монастыри несли свою государеву службу, служили своими молитвами дѣлу спасенія государства.

Какъ „государевы богомольцы“, монастыри пользовались сильнымъ покровительствомъ со стороны московскаго правительства. Наиболѣе крупные изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ получали на свои земли тарханныя грамоты, освобождавшія ихъ отъ уплаты общегосударственныхъ налоговъ. Многіе монастыри, которые вели какія либо торговыя операціи, освобождались отъ таможенныхъ пошлинъ и т. д. Всѣ эти обстоятельства давали особую силу и прочность монастырскому землевладѣнію. Освобожденіе отъ государственныхъ повинностей давало монастырямъ возможность льготить своимъ крестьянамъ, а это привлекало къ нимъ большое количество послѣднихъ, и ихъ земли были густо населены: населеніе охотно приходило къ монастырю и неохотно отъ него уходило. Положеніе крестьянъ на монастырскихъ земляхъ мало чѣмъ отличалось отъ положенія на земляхъ другихъ владѣльцевъ. Можно только отмѣтить, что, видимо, монастырскіе крестьяне были меньше обременены оброками.

Земли церковныя.

Въ противоположность монастырскому землевладѣнію, земель церковныхъ, т. е. принадлежавшихъ бѣлымъ церквамъ, было немного. Сравнительно крупными земельными участками владѣли только городскія соборныя церкви. Такъ, московскій Успенскій соборъ обладалъ значительнымъ количествомъ вотчинъ, обычно же городскія приходскія церкви владѣли незначительными клочками земли и жили тѣмъ, что собирали съ прихожанъ. Землевладѣніе церквей сельскихъ, погостскихъ тоже было очень невелико. Эти погостскія церкви получали земли отъ того лица, которому принадлежала земля, на которой онѣ были расположены. Земли этой давалось обычно очень немного, отъ 15 до 30 десятинъ,

только на пашню священнослужителямъ. По общему правилу земля эта освобождалась отъ тягла, и никто изъ лицъ, служившихъ въ данной церкви, не платилъ никакихъ государевыхъ доходовъ, но только въ томъ случаѣ, если онъ пахалъ только „церковную пашню", данную этой церкви. Въ томъ же случаѣ, если церковнослужители арендовали другія земли, они отъ платежа государственныхъ налоговъ не освобождались.

Крупной роли въ землевладѣніи Московскаго государства эти земли, конечно, играть не могли.

Земли вотчинныя.

Вотчинными землями назывались земли частновладѣльческія, принадлежавшія частнымъ лицамъ на правѣ частной собственности. Владѣлецъ вотчины могъ поступать со своей землей, какъ ему заблагоразсудится: могъ ее продавать, закладывать, мѣнять и т. д., безъ всякихъ ограниченій со стороны правительственной власти. Въ Московскомъ государствѣ можно отмѣтить вотчины трехъ категорій: одни изъ нихъ принадлежали потомкамъ удѣльныхъ князей, другія старымъ слугамъ Московскаго князя—Московскимъ боярамъ, получившимъ ихъ еще во времена удѣловъ, наконецъ, многіе бояре удѣльныхъ князей, переѣзжая на службу великаго князя Московскаго, получали отъ него вотчины. Старинныя родовыя вотчины удѣльныхъ князей сохраняли и въ XVI в. нѣкоторыя старинныя льготы: въ нихъ правительственныя права соединялись съ вотчинными. Обычно вотчинныя земли были освобождены отъ уплаты налоговъ, и ихъ владѣльцы были на своей землѣ „государями". Въ ихъ рукахъ находилась судебная власть, они имѣли свой дворъ и свое войско, раздавая въ своихъ вотчинахъ своимъ служилымъ людямъ землю въ помѣстья и вотчины. Эти государственныя права были у удѣльныхъ княжатъ остатками старины, остатками ихъ самостоятельности, но и на свои вновь пріобрѣтенныя вотчины они переносили прежніе взгляды. Вотчины, принадлежавшія московскому и удѣльному боярству, тоже пользовались

значительными льготами: обычно къ нимъ не шли государственныя повинности, и ихъ владѣльцы обладали извѣстной долею юрисдикціи, хотя и не столь полной, какъ княжата. Эти вотчины составляли особое привиллегированное землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ. Источники не даютъ въ настоящее время возможности опредѣлить размѣры этого вида землевладѣнія, но несомнѣнно въ началѣ XVI в. они были значительны, и это землевладѣніе играло крупную роль въ государственной жизни, будучи опорой для политическихъ притязаній Московскаго боярства.

Земли помѣстныя.

Помѣстными землями назывались такія, которыя раздавались государемъ ради военной службы. Эти земли составляли изъ себя какъ бы особый фондъ, которымъ Московское правительство содержало на первыхъ порахъ всю свою вооруженную силу. Помѣстье давалось государемъ служилому человѣку за его службу: онъ пользовался доходами съ помѣстья, и за это былъ обязанъ выступать по первому требованію въ походъ „коннымъ и оружнымъ“, при чемъ и продовольствіе на время похода онъ долженъ былъ имѣть свое. Такимъ образомъ, помѣстье замѣняло собой жалованье служилому человѣку, и владѣнье помѣстьемъ было условнымъ, а не полнымъ. Такъ, помѣстье отбиралось, „отписывалось на государя“ въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ его по какимъ-либо причинамъ не могъ нести государевой службы.

Помѣщики получали свои помѣстья либо изъ земель пустыхъ, ненаселенныхъ, либо изъ земель населенныхъ. Въ первомъ случаѣ они сами должны были озаботиться привлеченіемъ на свою землю крестьянъ, для того, чтобы получать какой-либо доходъ съ земли. Во второмъ случаѣ они получали землю подъ условіемъ не пустошить ее чрезмѣрными оброками, чтобы „государевой казнѣ убытка не было“. Это бывало особенно часто въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣстье давалось изъ земель черныхъ или дворцовыхъ. Крестьяне

этихъ земель, помимо обще-государственныхъ повинностей, какъ мы указали выше, уплачивали въ казну опредѣленный оброкъ. Этотъ оброкъ и переходилъ въ распоряженіе новаго владѣльца, но такъ какъ новый владѣлецъ могъ по своему усмотрѣнію увеличивать оброкъ, шедшій въ его пользу, и этимъ непомѣрно отягчать крестьянъ, которые и сбѣгали, то правительство, стремясь сохранить количество плательщиковъ общегосударственныхъ налоговъ, выставляло помѣщика отвѣтственнымъ за уплату ихъ. Если помѣстье пустѣло по винѣ помѣщика, то помѣщикъ платилъ въ государеву казну и за „пустое“.

Крестьяне на помѣстныхъ земляхъ обыкновенно не представляли изъ себя міра, какъ чего-то цѣлаго. Съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ помѣщикъ заключалъ особую порядную запись, и каждый отдѣльный крестьянинъ самъ единолично несъ отвѣтственность за правильную уплату оброка. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда помѣщикъ получалъ въ помѣстье значительную часть какой-либо черной волости, внутренній распорядокъ крестьянскаго міра сохранялся въ его помѣстьи, и крестьянскій міръ пріобрѣталъ тотъ приблизительно характеръ, какой онъ носилъ на земляхъ дворцовыхъ. Но обычно черныя волости попадали въ руки помѣщиковъ столь незначительными частями, настолько дробились при этомъ переходѣ, что отъ мірской организаціи не оставалось почти никакихъ слѣдовъ.

II.

Распредѣленіе различныхъ видовъ земельной собственности на территоріи Московскаго государства.

Перечисленные виды землевладѣнія были далеко неравномѣрно распредѣлены по территоріи Московскаго государства. Причины этой неравномѣрности лежали въ историческихъ условіяхъ пріобрѣтенія того или иного края и въ военныхъ потребностяхъ Московскаго государства. Способъ пріобрѣтенія той или иной части государства, его значеніе въ дѣлѣ военной обороны страны, налагали свой отпечатокъ на виды земле-

владѣнія. Московское правительство само довольно точно различало отдѣльныя области своего государства именно въ смыслѣ ихъ отношенія къ военнымъ потребностямъ. Такими областями къ XVII вѣку были слѣдующія: Замосковный край—территорія стараго Московскаго и Владимірскаго княжествъ, Рязанскіе города—территорія прежняго Рязанскаго княжества, къ западу отъ рязанскихъ городовъ лежали Украинные или Польскіе города, составлявшіе границу дикаго поля, еще западнѣе, за Окой, лежали города Заоцкіе, по верховьямъ Днѣпра и Западной Двины были расположены города „отъ Литовской украины", къ юго-востоку отъ которыхъ лежали Сѣверскіе города, далѣе на сѣверъ отъ городовъ Литовской украины лежали города Нѣмецкой украины, т. е. Новгородъ и Псковъ со своими пригородами, а бывшія сѣверныя владѣнія Великаго Новгорода, вмѣстѣ съ Подвиньемъ, Вяткой и Пермью составляли Поморье; наконецъ, города по Волгѣ, выросшіе на почвѣ прежняго Казанскаго и Астраханскаго царствъ, получили названіе Низа или Понизовыхъ городовъ.

Въ смыслѣ особенностей землевладѣнія можно разбить всѣ перечисленныя области на слѣдующія части: *центральную*, куда войдетъ Замосковный край и отчасти Рязанскіе города, *пограничныя* области, куда должно отнести города Заоцкіе, Сѣверскіе и города отъ Литовской и Нѣмецкой украины, *Поморье*, *Понизовье* и *города Польскіе*.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того, какъ распредѣлялись виды поземельной собственности въ этихъ отдѣльныхъ районахъ. Центральная часть государства, *Замосковный край*, къ концу XVI вѣка представляетъ полную картину преобладанія частнаго и именно монастырскаго землевладѣнія. По приблизительнымъ подсчетамъ можно думать, что въ Московскомъ уѣздѣ въ рукахъ монастырей было около 44% всей пахатной земли, у помѣщиковъ 22%, у вотчинни-

ковъ 17%, а остальная земля находилась въ рукахъ дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ. Приблизительно такую же картину представляютъ и другіе уѣзды Замосковнаго края. Въ этой области можно наблюдать какъ бы борьбу между двумя землевладѣльческими группами, монастырской и помѣстной, остальные виды землевладѣнія играютъ очень незначительную роль.

Землевладѣніе въ *пограничныхъ областяхъ* носитъ нѣсколько иной харатеръ, чѣмъ въ Замосковномъ краѣ. Потребность въ оборонѣ границъ требовала усиленнаго заселенія этихъ мѣстностей военно-служилымъ элементомъ. И дѣйствительно, въ уѣздахъ, входившихъ въ составъ этихъ пограничныхъ областей, мы встрѣчаемся съ рѣшительнымъ преобладаніемъ помѣстнаго землевладѣнія. Здѣсь нѣтъ ни крупныхъ вотчинъ, ни крупныхъ монастырскихъ владѣній: почти всѣ земли заняты помѣстьями и притомъ въ большинствѣ случаевъ помѣстьями мелкими. Только въ *городахъ Заоцкихъ* встрѣчаются болѣе крупныя помѣстья, только тамъ во всей пограничной полосѣ можно встрѣтить и нѣкоторое количество земель монастырскихъ и служилыхъ людей разныхъ статей. Въ этомъ отношеніи землевладѣніе пограничной полосы отчасти противуположно землевладѣнію центра. Довольно сильно выдѣляется землевладѣніе Поморья: тутъ мы встрѣчаемся въ XVI в. почти съ полнымъ отсутствіемъ свѣтскаго вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія. Отдаленность этой мѣстности отъ границъ и особыя географическія условія, которыя давали возможность врагу нападать только мелкими отрядами „на ладьяхъ“, продвигаясь по рѣчкамъ, сдѣлали ненужнымъ содержаніе въ этомъ краѣ боярской конницы. Правительству было достаточно ограничиваться содержаніемъ мелкихъ гарнизоновъ по незначительнымъ крѣпостямъ, да и тутъ ему на помощь приходила частная иниціатива. Пользуясь льготами и уступками со стороны правительства въ этомъ сравнительно безопасномъ краѣ широко развили свою

хозяйственную дѣятельность *монастыри*, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ монастырю Соловецкому, владѣнья котораго охватывали весь берегъ Бѣлаго моря. Монастырь этотъ не только эксплоатировалъ землю и богатые промыслы Поморья и велъ крупную торговлю, но взялъ на себя и рядъ чисто правительственныхъ функцій, созидая укрѣпленія и содержа въ нихъ за свой счетъ гарнизоны. Въ Вятской и Пермской землѣ роль Соловецкаго монастыря въ Поморьѣ играли *Строгановы*, захватившіе огромныя земельныя пространства и точно также за свой счетъ содержавшіе цѣлое войско, впослѣдствіи покорившее Сибирь. Но помимо этихъ крупныхъ владѣній, частнаго землевладѣнія, какъ помѣстнаго, такъ и вотчиннаго, въ Поморьѣ мы почти вовсе не встрѣчаемъ. Поморье можетъ быть названо типичнымъ крестьянскимъ краемъ. Во всей этой области сохранились крупныя черныя волости, наряду съ которыми въ западной части Поморья было и значительное количество земель дворцовыхъ.

Понизовые города, почти всѣ возникшіе послѣ паденія Казани или незадолго до этого, обладали очень привлекательными качествами для колонистовъ. Здѣсь въ очень многихъ мѣстностяхъ почва была не хуже чернозема южной Украины, а жизнь была много безопаснѣе. Русскимъ колонистамъ, хотя и приходилось тутъ сталкиваться вплотную съ инородческимъ населеніемъ, но, покоривъ его, Москва только перемѣнила одно владычество на другое—татарское на свое московское, и поэтому переселенцы имѣли дѣло съ мирными инородцами. Въ этой части государства, вслѣдствіе этихъ условій, возникли и укрѣпились всѣ тѣ формы землевладѣнія, которыя характерны и для Замосковнаго края. Правительство очень многія земли отписало на Дворецъ, на многихъ земляхъ посадило помѣщиковъ—„князей и дѣтей боярскихъ, которыхъ государь послалъ въ свою вотчину въ Казань на житье“. Пользуясь сравнительнымъ спокойствіемъ края, и ду-

ховенство стремилось захватить и закрѣпить за собою значительныя пространства земли и угодій, преимущественно на берегахъ Волги. Можно думать, что и въ Понизовьи монастырское землевладѣніе имѣло столь же широкое распространеніе, какъ и въ центральныхъ областяхъ государства.

Особую картину представляютъ *города Польскіе*, съ сѣвера примыкавшіе къ Заоцкимъ и Сѣверскимъ, а съ юга непосредственно соприкасавшіеся съ дикимъ полемъ. Условія, въ которыя была поставлена оборона южной границы Московскаго государства, привели къ тому, что здѣсь развилась и особая форма землевладѣнія. Эти условія заключались въ слѣдующемъ. Врагъ на южной границѣ не дѣйствовалъ открыто, онъ не велъ прямой наступательной войны, а ограничивался набѣгами. Поэтому и служба на южной окраинѣ приняла характеръ сторожевой. Здѣсь не было надобности содержать боярскую конницу—достаточно было имѣть опредѣленное количество мелкихъ служилыхъ людей. Какъ исключеніе, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно отмѣтить существованіе „государевой пашни“, но дворцовыхъ крестьянъ нѣтъ. Главный контингентъ населенія составляютъ „приборные“ служилые люди, обладавшіе очень незначительными земельными участками на помѣстномъ правѣ, и среди нихъ встрѣчается сравнительно небольшое количество помѣщиковъ—дѣтей боярскихъ съ болѣе высокими земельными окладами, но все таки эти служилые люди среди другихъ „статей“ Московскихъ служилыхъ людей оказываются мелкопомѣстными. Этотъ южный край Московскаго государства вполнѣ заслужилъ названіе „военнаго округа“, и его служилые люди были вовсе не похожи на служилыхъ людей центральныхъ областей.

III.

Судьба землевладѣнія въ XVI в.

Въ XVI в. землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ пережило тяжелую пору. Обнаруживается запустѣніе въ Новгородской области, гдѣ отъ прежняго

густого населенія остается ко второй половинѣ XVI в. не болѣе 10%, а многіе погосты и волости совершенно пустѣютъ. Такое же запустѣніе начинаетъ обнаруживаться и въ центральныхъ областяхъ государства, которыя къ семидесятымъ годамъ столѣтія сильно пустѣютъ. Огромныя пространства земли лишаются населенія, и на мѣстѣ полей образуются пустоши. Въ чемъ заключалась причина этого запустѣнія? Какъ мы уже знаемъ, въ XVI столѣтіи Россія была затронута перемѣщеніемъ торговыхъ путей Европы: особенно сильно пострадалъ нашъ сѣверо-востокъ, центръ и Пріокскій бассейнъ. Надо отмѣтить при этомъ, что наибольшую картину запустѣнія въ отмѣченныхъ областяхъ представляютъ земли помѣстныя, хотя затрагивались имъ и монастыри. На это были свои особыя причины, усугублявшія экономическій кризисъ. Московскій помѣщикъ для несенія своей службы очень нуждался въ деньгахъ и поэтому облагалъ своихъ крестьянъ слишкомъ высокими оброками. Съ другой стороны, помѣщику средней руки не приходилось подолгу сидѣть у себя въ помѣстьи: онъ долженъ былъ большую часть времени проводить внѣ его, на государевой службѣ. Ясно, что вести свое хозяйство сколько нибудь хорошо онъ не могъ. А между тѣмъ въ XVI в. рѣзко сказывался переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, и требовались перемѣны въ хозяйствѣ для того, чтобы идти въ уровень съ экономическимъ развитіемъ вѣка и не разоряться. Этихъ требованій времени и не могъ выполнить занятый государевымъ дѣломъ московскій помѣщикъ. Онъ, обычно, вмѣсто приспособленія своего хозяйства къ новымъ условіямъ ограничивался увеличеніемъ крестьянскихъ оброковъ. Населеніе, не будучи въ состояніи выносить тягости ихъ, стремилось выйти изъ помѣстья и занять новыя мѣста. Со времени покоренія Казани открылось широкое поле для колонизаціоннаго стремленія населенія. Сравнительная безопасность Понизовья тянула туда массу переселен-

цевъ. Стремилось населеніе и на югъ къ городамъ Польскимъ. Богатый черноземъ и всякаго рода „угодья“ этого края были настолько привлекательны, что изъ за нихъ колонистъ забывалъ объ опасностяхъ татарскихъ набѣговъ. Можно отмѣтить еще и движеніе населенія на сѣверъ въ Поморье, въ Вологодскій и Бѣлозерскій уѣзды. Помимо тяжести оброковъ и государева тягла, населеніе побуждало къ уходу отчасти развивавшееся въ центрѣ сильнѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ прикрѣпленіе, а съ другой стороны истощеніе природныхъ богатствъ центра. Въ центральной области ко второй половинѣ XVI вѣка лѣса были уже очень сильно вырублены, а вмѣстѣ съ лѣсами исчезалъ и звѣрь и „бортные ухожаи“. Въ поискахъ за этими угодьями населеніе и отправлялось на окраины государства. Этотъ отливъ населенія изъ центра и преимущественно съ земель помѣстныхъ поставилъ въ очень затруднительное положеніе существованіе военно-служилаго класса. Его земельный фондъ утрачивался. Правда, въ распоряженіи правительства были огромныя земельныя пространства, но обладаніе землей безъ крестьянъ не могло обезпечить служилаго человѣка. Пустая земля не приносила ему никакого дохода.

Черныя земли; раздача ихъ въ помѣстья.

Въ XVI вѣкѣ основная потребность Московскаго государства выражалась все въ большемъ и большемъ увеличеніи военныхъ силъ государства. Для содержанія военныхъ силъ, прежде всего, была потребна земля, и XVI вѣкъ характеризуется ростомъ помѣстнаго землевладѣнія за счетъ земель отчасти дворцовыхъ, но главнымъ образомъ, за счетъ земель черныхъ. Раздача дворцовыхъ земель въ XVI столѣтіи не была очень значительной, потому что правительство опасалось растратить тотъ основной земельный фондъ, который давалъ средства на нужды самого дворца, а дворцовые расходы въ это время значительно увеличивались, расширялась дѣятельность приказа Большого Дворца.

Естественно, поэтому, что правительство обратилось къ неиспользованному земельному фонду, къ чернымъ землямъ. Помѣщикъ, получалъ въ свое пользованіе обычно часть какой-либо волости, причемъ на него не налагалось никакихъ обязанностей, кромѣ того, чтобы онъ не увеличивалъ очень сильно оброковъ съ этой земли и не привелъ бы эту землю къ запустѣнію.

Черныя земли раздавались въ государствѣ крайне неравномѣрно. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны были по условіямъ военнаго дѣла быть заселены военно-служилымъ классомъ, черныя земли въ теченіе XVI вѣка почти совершенно исчезаютъ. Такими мѣстностями былъ центръ государства и мѣстности, лежавшія по западной его границѣ. Такъ, въ Новгородской области въ началѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ довольно значительное количество черныхъ волостей, онѣ энергично раздаются, и къ концу XVI вѣка черныхъ волостей тамъ остается ничтожное количество. Только въ далекомъ Заонѣжьи остается нѣсколько крупныхъ черныхъ волостей. Такое же исчезновеніе черныхъ волостей можно наблюдать и въ центральныхъ частяхъ государства и въ Замосковномъ краѣ. Правда, не всѣ черныя волости были розданы, но количество ихъ значительно уменьшилось къ началу XVII вѣка.

„Окняженіе" черныхъ волостей.

Менѣе сильное вліяніе оказало на количество черныхъ волостей обращеніе ихъ въ земли дворцовыя или иначе „окняженіе" ихъ. Ростъ дворцевыхъ потребностей, о которыхъ мы уже упомянули выше, вызывалъ у правительства стремленіе увеличивать фондъ дворцовыхъ земель, и это увеличеніе шло за счетъ земель черныхъ. Мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, по которымъ можно было бы дать общія цифры указанныхъ нами перемѣнъ. Ограничимся только нѣкоторыми примѣрами. Такъ, изъ 16 извѣстныхъ во второй половинѣ XVI вѣка черныхъ волостей, въ первой четверти XVII вѣка—9 оказались въ рукахъ помѣщиковъ, 1—въ рукахъ монастыря и три были отписаны во дво-

рецъ (судьба остальныхъ трехъ неизвѣстна). Этотъ, хотя и незначительный примѣръ, можетъ показать, каково было соотношеніе между раздачей черныхъ волостей въ помѣстья и отпиской ихъ на дворецъ. Такимъ образомъ, одной изъ характерныхъ чертъ XVI вѣка является раздача черныхъ волостей и увеличеніе за ихъ счетъ землевладѣнія помѣстнаго.

Вотчинныя земли.

Вотчинное боярское землевладѣніе было достаточно велико въ началѣ XVI вѣка. Главный контингентъ этихъ вотчинъ составляли изстаринныя владѣнія удѣльныхъ князей. Онѣ представляли изъ себя крупныя волости съ изстариннымъ укладомъ хозяйства. Но въ первой половинѣ XVI вѣка онѣ начинаютъ уже колебаться. Прежде всего на нихъ до извѣстной степени отразилось развитіе денежнаго хозяйства. Въ вотчинахъ удѣльныхъ князей и въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка еще сохранялся архаическій порядокъ хозяйства строго натуральнаго и, конечно, онѣ не могли не разориться при рѣзкомъ переломѣ въ сторону хозяйства денежнаго. Это разоренье выражалось главнымъ образомъ въ крупной задолженности. Нуждаясь въ деньгахъ и не имѣя ихъ при натуральномъ способѣ хозяйства, вотчинники должны были закладывать свои земли въ руки главнымъ образомъ монастырей, и ихъ вотчины постепенно таяли, выходили изъ ихъ рукъ. Но этотъ постепенный процессъ разоренья вотчинниковъ не смогъ бы повліять на нихъ очень сильно. Главный и рѣшительный толчекъ къ уничтоженію вотчинъ былъ данъ Грознымъ. Съ одной стороны постоянныя конфискаціи земель у опальныхъ бояръ, а съ другой—введеніе опричнины, связанной съ огромной мобилизаціей земельной собственности, привели къ тому, что значительная часть крупныхъ родовыхъ вотчинъ растаяла, перешла изъ рукъ прежняго княжескаго рода въ руки цѣлаго ряда помѣстныхъ людей, а частью попадала въ монастыри. Конечно, не только одно введеніе опричнины уничтожило крупныя родовыя вотчины.

Онѣ и до введенія опричнины начали уже понемногу таять, раздаваемыя въ монастыри на поминъ души или продаваемыя по частямъ за долги, но только опричнина сломила ихъ окончательно. Такимъ образомъ, въ теченіе XVI вѣка съ одной стороны крупныя родовыя вотчины прежнихъ удѣльныхъ князей исчезаютъ, съ другой стороны землевладѣлецъ вотчинникъ значительно ограничивается въ своихъ правахъ, и хотя еще и не юридически, но фактически уже вотчина въ значительной степени приближается къ такому же условному владѣнію, какъ и помѣстье.

Сліяніе вотчинъ и помѣстья.

Въ удѣльное время вольный слуга вполнѣ распоряжался своей вотчиной; онъ могъ служить въ одномъ удѣлѣ, а вотчина его могла находиться въ другомъ: его служба князю не была тѣсно связана съ землевладѣніемъ. Послѣ объединенія всѣхъ удѣловъ, всякій вотчинникъ сдѣлался слугой великаго князя московскаго, а его вотчина оказалась въ Московскомъ государствѣ. Постепенно въ сознаніе и правительства и общества проникалъ взглядъ, что вотчинная земля также должна нести службу, какъ и земля помѣстная. Формула, что всякій служилый человѣкъ долженъ имѣть землю, замѣнилась другой: всякій владѣющій землею человѣкъ долженъ тѣмъ самымъ вступить въ военно-служилый классъ. Это мнѣніе нашло свое выраженіе и въ законодательствѣ. Въ 1556 г. былъ изданъ законъ, по которому съ вотчинъ должна была идти служба.

Обязательство службы съ вотчинъ привело къ стѣсненію въ правѣ владѣнія вотчинами. Прежде всего всякій, пріобрѣтавшій вотчину обязанъ былъ служить съ нея. Съ другой стороны, явились распоряженія, препятствовавшія свободному распоряженію родовыми вотчинами. Стремясь къ обезпеченію служилаго класса, правительство указами 1562 и 1572 гг. воспретило отчужденіе родовыхъ вотчинъ; допускалось въ извѣстныхъ случаяхъ только отчужденіе половины родовой вотчины, но съ тѣмъ, что родичи имѣютъ право вы-

купа. Правительство заботилось въ этомъ случаѣ о сохраненіи въ рукахъ боярскаго рода опредѣленнаго земельнаго фонда, который давалъ бы возможность этому роду нести государеву службу. Этимъ ограниченіемъ значительно стѣснялись права вотчинника, частнаго владѣльца своей земли. Да и само понятіе вотчины, какъ родового владѣнія, въ XVI в. начало постепенно изглаживаться изъ сознанія людей того времени. Появилось значительное количество вотчинъ, пожалованныхъ великимъ княземъ за службу—за „полонъ“ и за „осадное сидѣнье“. Обычно въ такихъ случаяхъ часть помѣстья, чаще всего около 20% его, жаловались въ вотчину, но бывали случаи, когда въ вотчину жаловались и новыя земли. Распоряженіе этими жалованными вотчинами было еще болѣе стѣснено. Указъ 1572 г. отличаетъ вотчины жалованныя отъ родовыхъ и предписываетъ, чтобы по смерти ихъ владѣльца съ ними поступали такъ, какъ опредѣляла это жалованная грамота въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А жалованныя грамоты были весьма различны: многія изъ нихъ оговаривали, что въ случаѣ смерти владѣльца вотчина его должна быть отписана на государя. Эти жалованныя вотчины были, слѣдовательно, владѣніемъ условнымъ, какъ и помѣстья, только права ихъ владѣльцевъ были нѣсколько шире.

Ростъ помѣстнаго землевладѣнія.

За счетъ указаннаго нами выше уменьшенія черныхъ и вотчинныхъ земель въ теченіе XVI в. идетъ непрерывный ростъ земель помѣстныхъ. Обиліе войнъ и необходимость обороны широко раздвинувшихся предѣловъ государства неуклонно требовало широкаго развитія помѣстной системы, разореніе служилаго класса заставляло увеличивать помѣстные оклады. Помѣстное землевладѣніе во всѣхъ частяхъ государства, кромѣ Поморья, становится преобладающей формой землевладѣнія. Количественно оно значительно превосходитъ вотчинное, и въ своемъ развитіи постепенно опережаетъ и монастырское землевладѣніе. Цифровыя

данныя не настолько полны, чтобы по нимъ можно было бы дать указанія на количественный ростъ помѣстнаго землевладѣнія, но несомнѣнно, что онъ былъ очень великъ. Вмѣстѣ съ этимъ количественнымъ ростомъ помѣстнаго землевладѣнія надо отмѣтить и нѣкоторое измѣненіе въ самомъ характерѣ помѣстнаго землевладѣнія. Въ теченіе XVI вѣка постепенно вырабатывается принципъ, по которому помѣстье послѣ смерти владѣльца остается за наслѣдниками прямыми или боковыми, и такимъ образомъ оно получаетъ нѣкоторыя черты вотчиннаго владѣнія.

Эта передача помѣстій прямымъ наслѣдникамъ не была въ XVI в. узаконена, она существовала только на практикѣ, но эта практика постепенно подготовляла сознаніе къ понятію о родовомъ помѣстѣ, постепенно сближала помѣстное владѣніе съ вотчиннымъ. Дѣйствительно, съ одной стороны съ вотчинъ идетъ служба, и правительство до извѣстной степени ограничиваетъ распоряженіе ими, а съ другой стороны помѣстья становятся постепенно наслѣдственными, и граница между вотчиннымъ и помѣстнымъ землевладѣніемъ все болѣе и болѣе стирается.

Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ.

Наряду съ землевладѣніемъ помѣстнымъ, XVI в. характеризуется и ростомъ монастырскаго землевладѣнія. Мы уже указывали на вклады, какъ на способъ обогащенія монастырей, но помимо этого способа монастыри широко организуютъ покупку земли. Обладая крупными денежными средствами, монастыри старательно округляли свои владѣнія. Они мало стѣснялись цѣной, которую можно было заплатить за тотъ или иной земельный участокъ. Московскіе помѣщики—дѣти боярскіе указывали на то, что монастыри предлагаютъ за землю обычно столь высокую плату, что „мимо монастырей вотчинъ никому ни у кого купити не мочно“. Да и сами вкладчики, внося деньги на поминъ души, стремились къ тому, чтобы на нихъ монастырь пріобрѣлъ землю, ибо земля достояніе вѣчное,

а деньги могутъ быть растрачены. Такъ, путемъ вкладовъ и прикупокъ росли монастырскія вотчины, постепенно пріобрѣтая опасные для государства размѣры. Можно сказать, что къ концу XVI в. въ рукахъ монастырей и вообще духовенства сосредоточилась почти 1/3 всей распаханной земли Московскаго государства, и эта цифра будетъ врядъ ли преувеличена. И, что еще важнѣе, эта часть земли была наиболѣе населенной и наиболѣе удобной для хлѣбопашества и богатой угодьями. Такое количество земли, не несшей военной службы, не могло не безпокоить правительства, занятаго мобилизаціей военной силы государства. Еще въ самомъ началѣ XVI в. на соборѣ 1503 года былъ поднятъ вопросъ о правѣ монастырей владѣть вотчинами. Хотя этотъ вопросъ исходилъ изъ среды самого духовенства, и былъ вызванъ, казалось, соображеніями о разложеніи иноческаго житія подъ вліяніемъ богатства, тѣмъ не менѣе продолжавшаяся и послѣ собора ожесточенная полемика ясно указываетъ на то, что здѣсь былъ затронутъ важный для всего государства вопросъ. Такъ, Курбскій прямо указывалъ на опасность вкладовъ по душѣ для служилаго сословія. Монахи, по его словамъ, поддерживая мысль о спасительной силѣ вкладовъ для души, сдѣлали служилый классъ хуже нищихъ убогихъ, такъ какъ служилые люди раздали подъ ихъ вліяніемъ свои земли въ монастыри. Соборъ 1503 года не привелъ ни къ какимъ результатамъ: право владѣнія вотчинами было оставлено за монастырями, но не прекращавшіяся жалобы служилыхъ людей на монастырское засилье заставили правительство принять рядъ мѣръ для того, чтобы пріостановить переходъ служилыхъ земель въ руки монастырей. Грозный въ 1551 году сдѣлалъ попытку конфисковать нѣкоторыя земли митрополичьи, расположенныя подлѣ Москвы, для испомѣщенія на нихъ служилыхъ людей, но эта попытка встрѣтила столь сильный отпоръ со стороны духовенства, что не могла осуществиться. Отъ

конфискаціи правительству пока пришлось отказаться, оставались только ограничительныя мѣры. Такъ, было воспрещено отдавать вотчины въ монастыри безъ особаго для всякаго раза доклада государю, былъ усиленъ правительственный надзоръ надъ монастырскими доходами и расходами. Но эти мѣры не имѣли особаго успѣха: запрещенія легко обходили, придавая вкладамъ иной характеръ. Вмѣсто прямого вклада устраивалась, напримѣръ, мѣна болѣе крупнаго земельнаго участка на малоцѣнный клочокъ монастырской земли, и подъ видомъ мѣны происходилъ на самомъ дѣлѣ вкладъ въ монастырь и т. п. Всѣ отдѣльныя мѣропріятія, направленныя противъ расширенія монастырскаго землевладѣнія, завершились указомъ 1581 г., которымъ было воспрещено монастырямъ и архіереямъ покупать, брать въ закладъ или по душѣ вотчины у служилыхъ людей и вообще увеличивать свои владѣнія какимъ бы то ни было способомъ. Что же касается до вотчинъ купленныхъ или взятыхъ въ закладъ монастырями у служилыхъ людей, то ихъ отобрать на государя, причемъ ему предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать, платить за эти отобранныя земли или нѣтъ.

Правительство воспользовалось своимъ правомъ очень умѣренно. Отписка нѣкоторыхъ вотчинъ была произведена въ 1592—3 гг. у Троице-Сергіевскаго монастыря, причемъ отписаны были вотчины спорныя.

Результаты Смуты.

Конецъ XVI вѣка засталъ землевладѣльцевъ въ періодъ сложной борьбы за землю и за рабочія руки. Кризисъ, который, какъ было указано выше, тяжелѣе всего отразился на среднемъ служиломъ землевладѣніи, велъ къ крупному соціальному противорѣчію въ жизни государства. Смута завершила начатый еще Грознымъ процессъ уничтоженія родового боярства, она смела его остатки, какъ уничтожила и придворную знать, занявшую мѣсто родовой аристократіи послѣ реформъ Грознаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она показала и

невозможность низшему, прикрѣпляемому къ землѣ классу завоевать себѣ свободу. Какъ верхніе, такъ и низшіе слои населенія оказались разбитыми Смутнымъ временемъ, и первенствующее положеніе въ государствѣ занялъ военно-служилый и городской классы, которые и сдѣлались предметомъ особыхъ заботъ правительства въ XVII в. Правда, надо оговориться: на мѣсто прежней правительственной знати въ XVII в. довольно быстро выступила новая, но она долгое время, приблизительно до второй половины этого вѣка, не пользовалась особо привиллегированнымъ положеніемъ въ государствѣ, и первое мѣсто въ государствѣ безспорно заняло служилое сословіе.

Земли мелкихъ и среднихъ служилыхъ людей наиболѣе потерпѣли во время Смутнаго времени, но, вообще говоря, хозяйственная неурядица, непосредственно внесенная Смутнымъ временемъ, была хотя и очень рѣзкой, но далеко не глубокой. Государство начало оправляться отъ Смуты чрезвычайно быстро. Въ 13—24 годахъ XVII в. государство оправлялось не столько отъ мимолетныхъ потрясеній Смутнаго времени, сколько излѣчивало болѣе глубокіе слѣды кризиса XVI в., а между тѣмъ улучшеніе въ экономическомъ положеніи земель началось наблюдаться уже до Смуты. Смута только временно задержала начавшееся исцѣленіе отъ экономическаго кризиса. Въ указанный періодъ времени мы видимъ постепенное улучшеніе хозяйственныхъ условій помѣстныхъ земель, весь XVII в. характеризуется непрерывнымъ ростомъ и укрѣпленіемъ помѣстнаго землевладѣнія.

Раздача дворцовыхъ земель въ XVII в.

XVI вѣкъ, какъ мы указали выше, характеризовался постепеннымъ исчезновеніемъ черныхъ земель и обращеніемъ ихъ въ земли помѣстныя. Нужда въ земляхъ для раздачъ „воинскому чину“ заставляла даже покушаться на монастырскія вотчины. Земельный фондъ государства такимъ образомъ былъ въ достаточной мѣрѣ истощенъ. Послѣ того какъ надъ Москов-

скимъ государствомъ пронеслась Смута, закончившаяся побѣдой средняго класса, обратились къ другому, менѣе затронутому предыдущими раздачами, разряду земель, именно къ землямъ дворцовымъ. Въ Московскомъ государствѣ всегда существовало значительное количество земель свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ, но эти свободныя земли были въ то же время пустыми, а земля безъ крестьянина не имѣла никакой цѣнности. Между тѣмъ дворцовыя земли наиболѣе успѣшно пережили и кризисъ XVI в. и Смуту и запустѣли меньше, чѣмъ другія земли. Эти земли и начали раздавать въ помѣстья. Въ этой раздачѣ можно отмѣтить три различныхъ фазиса: раздачу земель во время самой Смуты, раздачи 1612—13 годовъ и 1614—20 годовъ. Во время Смуты широко была распространена раздача земель придворнымъ фаворитамъ. Претенденты на престолъ, стремясь снискать себѣ расположеніе крупнаго боярства, утвердившись на престолѣ, широко раздавали земли своимъ приверженцамъ. Всѣ раздаваемыя ими земли попадали при этомъ въ руки правящей аристократіи. Земское правительство 1612—13 годовъ также должно было обратиться къ этому земельному фонду для награжденія за службу всѣхъ тѣхъ, которые способствовали „устроенію“ земли. Въ этотъ періодъ времени земли были розданы преимущественно большому боярству и виднымъ столичнымъ дѣятелямъ. За этотъ періодъ было роздано около 45.500 дес. дворцовыхъ земель. Правительство Михаила Ѳедоровича должно было послѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ, и въ 1614—20 годахъ продолжается усиленная раздача дворцовыхъ земель, но при этомъ землей награждаются уже не большіе бояре, а дворяне городовые и дѣти боярскіе. Теперь мы почти не встрѣчаемъ раздачъ крупными участками: обычно земли раздаются участками мелкими. Здѣсь мы не видимъ стремленія наградить свыше мѣръ какого-нибудь крупнаго боярина, давши ему огромныя помѣстья,—скорѣе

здѣсь можно видѣть болѣе разумное отношеніе къ фонду, стремленіе его использовать для блага государства, создавая возможность для служилаго класса нести свою службу. Этой раздачей правительство стремилось обезпечить служилый классъ, ставшій главной опорой государства. За первую четверть XVII в. раздача дворцовыхъ земель была очень велика, и хотя мы не можемъ въ настоящее время выразить ее въ цифрахъ, но на ея величину указываютъ мѣры, принятыя правительствомъ противъ истощенія фонда дворцовыхъ земель. Въ 1627 году былъ изданъ указъ, которымъ воспрещалось впредь по челобитнымъ раздавать дворцовыя земли кому-либо изъ служилыхъ людей. Запрещеніе это мотивировано было тѣмъ, что „на государевъ обиходъ и на всякіе дворцовые расходы и государевымъ дворцовымъ людемъ всѣхъ чиновъ и ружникамъ и оброчникамъ на жалованье денегъ и хлѣба недоставаетъ много, а исполнить неоткуда". Указъ этотъ нѣсколько пріостановилъ раздачу дворцовыхъ волостей, но не прекратилъ ея. Усиленіе придворной знати привело къ тому, что въ ея интересахъ раздача дворцовыхъ земель продолжалась, и переходили эти земли въ руки крупныхъ придворныхъ чиновъ. Помимо этого, раздача дворцовыхъ земель была сокращена только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось населенныхъ дворцовыхъ волостей. Пустыя дворцовыя земли, которыхъ было особенно много въ западной части государства, продолжали раздаваться безпрепятственно. Уложеніе и вовсе отмѣнило указъ 1627 года. Въ началѣ царствованія Ѳедора Алексѣевича раздача дворцовыхъ земель продолжается: за это время было роздано 2795 дворовъ, а съ 80-хъ годовъ XVII в. раздача дворцовыхъ земель идетъ усиленнымъ темпомъ: за 18 лѣтъ съ 1682 по 1700 годъ было роздано въ вотчины и помѣстья крупнымъ придворнымъ чинамъ 26.647 дв., помимо этого мелкіе служилые люди получили 388 дв., да иноземцу къ желѣзнымъ заво-

дамъ было придано 327 дворовъ. Дворцовыя волости обращались не только въ помѣстья и вотчины. Значительная часть ихъ была въ XVII в. передана монастырямъ, покровительство которымъ вновь проявляется въ XVII в. Правительство во вторую половину XVII в. могло болѣе свободно распоряжаться своими землями, потому что развитіе денежнаго хозяйства, съ одной стороны, и появленіе регулярныхъ войскъ на жалованьѣ, которыя вытѣсняли постепенно боярскую конницу, давало возможность не особенно заботиться объ обезпеченіи ея усиленными земельными дачами.

Черныя земли въ XVII в.

Къ XVII в. черныхъ волостей осталось уже сравнительно немного. Огромная часть ихъ была роздана въ помѣстья или превращена въ дворцовыя волости еще въ XVI в. Уцѣлѣвшія же отъ этихъ раздачъ волости въ центральной части государства и въ Поволжьи почти исчезаютъ за первую четверть XVII в. Усиленная раздача дворцовыхъ волостей, вызвавшая, какъ мы видѣли выше, опасенія правительства, привела къ тому, что послѣ прекращенія этой раздачи на нужды помѣстнаго землевладѣнія были обращены земли черныя. Результатомъ этихъ раздачъ было почти полное исчезновеніе черныхъ волостей во всемъ государствѣ, кромѣ Поморья, гдѣ за XVII в. только незначительная часть черныхъ волостей, главнымъ образомъ, лежавшихъ по Двинѣ, перешла въ руки монастырей.

Монастырское землевладѣніе въ XVII в.

Въ исторіи монастырскаго землевладѣнія въ XVII в. надо отличать два періода: до Соборнаго Уложенія и послѣ него. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича роль духовенства въ жизни государства была очень велика, и сообразно съ этимъ правительство охотно шло навстрѣчу стремленіямъ духовенства къ увеличенію своихъ земель. Законъ 1581 года, ограничивавшій права духовенства на пріобрѣтеніе вотчинъ, въ первую половину XVII в. вовсе не исполнялся. Правительство смотрѣло сквозь пальцы на всевозможные обходы и даже прямыя нарушенія этого закона. Оно даже само

подавало примѣръ частнымъ вотчинникамъ, довольно широко раздавая монастырямъ дворцовыя земли. Помимо крупнаго вліянія духовенства въ правительственныхъ дѣлахъ, здѣсь сыграло роль и то обстоятельство, что острая нужда въ помѣстьяхъ въ первую четверть вѣка была удовлетворена черными и дворцовыми волостями. Двумя указами 1620 и 1622 года было парализовано дѣйствіе закона 1581 года. Первымъ изъ нихъ предоставлялось полное право распоряженія служилымъ людямъ тѣми вотчинами, которыя они получили „за царя Василія осадное сидѣнье“, а вторымъ отмѣнялось право выкупа родовыхъ вотчинъ, оказавшихся въ рукахъ монастырей, если о нихъ не было челобитья до 1613 года. Эти мѣры, въ связи съ указомъ 1628 года, разрѣшавшимъ покупку въ вотчины порожжихъ земель и послѣ такой покупки передачу ихъ въ монастыри, дали новый толчекъ къ развитію монастырскаго землевладѣнія. Развитіе это, однако, встрѣтило довольно скоро, уже къ концу первой половины XVII в., извѣстную реакцію въ обществѣ. Развитіе денежнаго хозяйства и ростъ служилаго землевладѣнія привели къ чрезвычайному вздорожанію земель. Земля начала дорого цѣниться, и въ 40-хъ годахъ XVII в. можно замѣтить уменьшеніе дачъ въ монастыри со стороны частныхъ лицъ. Постепенно на эту точку зрѣнія становилось и правительство. Царю было подано соборное челобитье, въ которомъ выборные люди всей земли ходатайствовали о возстановленіи закона 1581 года и о возвращеніи служилымъ людямъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя перешли къ духовенству вопреки этому закону. На это челобитье Уложенье отвѣтило тѣмъ, что возстановило дѣйствіе не только закона 1581 года, но и болѣе ранняго, 1551 года, которымъ воспрещалось духовенству пріобрѣтать земли какимъ бы то ни было образомъ. Надо думать, что постановленіе Уложенія не вполнѣ точно соблюдалось, ибо во второй половинѣ XVII в. продолжали издавать указы, ограничивавшіе

ростъ монастырскаго землевладѣнія. Тѣмъ не менѣе со второй половины ростъ монастырскаго землевладѣнія прекращается. Въ этомъ выразилась рѣшительная роль военно-служилаго класса въ политической жизни страны.

Земли служилыя въ XVII в.

Изъ предыдущаго изложенія уже можно сдѣлать выводъ о непрерывномъ ростѣ служилаго землевладѣнія въ XVII в. Дѣйствительно, можно приблизительно считать, что съ третьей четверти XVII в. около $^3/_4$ всѣхъ земель государства находилось въ рукахъ военно-служилаго класса. Такимъ образомъ, въ XVII в. продолжался тотъ же процессъ, что и въ XVI. Вмѣстѣ съ этимъ ростомъ служилаго землевладѣнія постепенно измѣняется и его характеръ. Въ XVI вѣкѣ вотчины составляли сравнительно незначительную величину по сравненію съ помѣстьями, въ XVII вѣкѣ мы можемъ наблюдать крупный ростъ вотчиннаго землевладѣнія за счетъ помѣстнаго. Вотчины во второй половинѣ XVII в. почти всюду составляютъ большій процентъ служилыхъ земель, нежели помѣстья. Процессъ увеличенія вотчиннаго землевладѣнія начался сейчасъ же послѣ Смуты и сразу принялъ довольно крупные размѣры. Огромные участки дворцовыхъ земель были розданы въ вотчины непосредственно послѣ Смуты тѣмъ лицамъ, которыя принимали активное участіе въ упроченіи новой династіи. Еще раньше много вотчинъ было роздано „за царя Василія осадное сидѣнье“, слѣдующая крупная раздача произошла уже 1619—20 года за „Московское осадное сидѣнье въ королевичевъ приходъ“. Эти крупныя раздачи были однимъ изъ путей, которымъ росло вотчинное землевладѣніе. Другой путь былъ аналогиченъ первому: служилымъ людямъ за ихъ службу части помѣстій или даже все помѣстье передавалось въ вотчинное владѣніе. Эта передача помѣстья въ вотчину была широко распространена въ XVII в. Наконецъ, былъ еще третій путь, ведшій къ росту вотчиннаго землевладѣнія. По указу 1628 года

была разрѣшена продажа порожжихъ земель и помѣстій въ вотчины. Этимъ правомъ очень широко воспользовались служилые люди, отчуждая свои помѣстья. Отчужденіе приняло настолько широкіе размѣры, что уже въ 1629 году было издано два указа, ограничивавшіе эту продажу, подтвержденные Уложеніемъ. Но продажа помѣстій продолжалась въ обходъ этихъ указовъ, а о порожжихъ земляхъ указы эти говорили очень неопредѣленно, и продажа ихъ совершалась, видимо, безпрепятственно. Эти продажи послужили еще однимъ путемъ, который велъ къ возрастанію вотчиннаго землевладѣнія.

Параллельно съ этимъ процессомъ въ XVII в. шелъ и другой, совершенно измѣнявшій характеръ самаго помѣстнаго землевладѣнія. Помѣстье постепенно теряетъ характеръ владѣнія условнаго и принимаетъ всѣ черты вотчины *). Въ XVII в. помѣщики получили на свои помѣстья права, вполнѣ приближавшія помѣстье къ вотчинѣ. Это привело къ тому, что служилый классъ къ концу вѣка представлялъ уже однородную массу вотчинниковъ. Помѣстье было поглощено вотчиной, и законъ Петра 1714 года о единонаслѣдіи въ сущности закрѣплялъ только сложившійся въ XVII в. порядокъ вещей.

II. Сельское хозяйство.

I.

Эксплуатація земли владѣльцами.

Землевладѣльцы въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII в. для полученія доходовъ въ своихъ земель обращались къ сдачѣ ихъ въ аренду отдѣльнымъ лицамъ-крестьянамъ. Крестьяне, въ строгомъ смыслѣ этого слова, были арендаторами земли, и ихъ арендная плата и составляла доходы съ даннаго помѣстья вотчины или дворцовой волости. Только длинный историческій процессъ превратилъ свободнаго арендатора

*) Объ этомъ см. въ статьѣ „Служилое сословіе", стр. 24—27.

въ крѣпостного человѣка. Рабскій и вольнонаемный трудъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ Московской эпохи первоначально игралъ очень незначительную роль, почти равную нулю. Такъ, въ Новгородской области въ началѣ XVI в. сельское несвободное населеніе составляло не болѣе 2—2½% всего земледѣльческаго населенія, все же остальное количество земледѣльцевъ было крестьянами-арендаторами. Въ концѣ этого столѣтія въ Орловскомъ уѣздѣ среди зависимаго земледѣльческаго населенія „люди“ помѣщика составляли около 6%, остальные 94% были крестьяне и бобыли. Приблизительно такое же отношеніе между арендаторскимъ и несвободнымъ трудомъ въ сферѣ сельскаго хозяйства можно наблюдать и въ другихъ частяхъ Московскаго государства. Что касается труда вольнонаемнаго, то его размѣры были еще менѣе значительны, да и самый этотъ трудъ былъ чаще неземледѣльческимъ, а промышленнымъ. Обработка земли посредствомъ сдачи ея въ аренду была единственнымъ способомъ эксплуатаціи земли, и доходъ земли тѣмъ самымъ выражался арендной платой за нее, носившей названіе оброка.

Только во времена сильнаго упадка сельскаго хозяйства и ухода крестьянскаго населенія съ владѣльческихъ земель увеличивается нѣсколько „людская“ запашка, такъ какъ помѣщикъ стремится распахивать пустоши, привлекая къ этому своихъ людей.

Крестьянскіе оброки.

Древнѣйшей формой оброка было „половье“ т. е. половина всего получаемаго съ земли хлѣба или другого продукта, и древнѣйшее названіе для крестьянина было половникъ. Съ теченіемъ времени форма оброка постепенно измѣнялась. Кромѣ хлѣба, крестьянинъ долженъ былъ вносить въ пользу владѣльца земли и другіе продукты своего хозяйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась и доля хлѣбнаго оброка. Въ XVI в. встрѣчается третья, четвертая и пятая часть хлѣбнаго урожая и вмѣстѣ съ этимъ продукты скотоводства,

какъ то: мясо, масло, сыръ, шерсть и т. п. Кромѣ того въ мѣстностяхъ, гдѣ была развита какая-либо отрасль сельской промышленности, въ составъ оброка входили и ея продукты. Такъ, въ мѣстностяхъ съ развитымъ рыболовствомъ крестьяне платили владѣльцамъ оброки рыбой, въ мѣстностяхъ съ развитымъ разведеніемъ льна, оброки платились или непосредственно льномъ въ сыромъ видѣ, или льняными тканями; можно отмѣтить въ качествѣ оброковъ еще дрова, деревянныя издѣлья, всякаго рода продукты охоты, медъ; крестьяне, занимавшіеся кузнечнымъ ремесломъ, платили владѣльцу оброки желѣзными издѣльями: косами, сковородами, сошниками и т. д. Изъ этого перечня оброковъ видно, что землевладѣлецъ получалъ отъ крестьянина часть того продукта, который крестьянинъ добывалъ на его землѣ.

Развитіе денежной формы оброка.

Наряду съ этой натуральной формой оброка съ давнихъ временъ существовалъ оброкъ и въ денежной формѣ. Его платили не крестьяне въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. не земледѣльцы, а лица, занимавшіяся торгомъ или извозомъ. Они арендовали обычно небольшой участокъ земли, нужный не для пашни, а для постройки двора, и арендную плату вносили деньгами. Въ теченіе XV и XVI вѣковъ, по мѣрѣ развитія мѣнового хозяйства, денежная форма оброка начинаетъ получать все большее и большее распространеніе. Владѣльцы земли начинаютъ чувствовать нужду въ деньгахъ и стремятся получать оброки не продуктами, а деньгами. Часть крестьянскаго оброка переводится на деньги. Первоначально деньги землевладѣльцы брали за какіе либо продукты, входившіе въ составъ оброка, при чемъ устанавливалась цѣна этого продукта, приблизительно равная его рыночной цѣнѣ. Но въ дальнѣйшемъ денежный оброкъ сталъ необходимой составной частью общаго крестьянскаго оброка. Въ дворцовыхъ волостяхъ процентъ денежнаго оброка въ Новгородской области въ 1500 г. колебался отъ 10 до 6%,

наиболѣе распространены были случаи 30—40%; въ черныхъ волостяхъ тамъ же и въ то же время—отъ 13 до 53%, чаще всего 25—30%; въ помѣстьяхъ среднимъ должно считать около 33%, но нерѣдки случаи, когда отдѣльные крестьяне платили весь оброкъ деньгами. Эта денежная часть въ теченіе XVI и XVII в. все болѣе и болѣе увеличивается за счетъ части оброка натуральной, и въ иныхъ случаяхъ вовсе вытѣсняетъ ее. Можно констатировать, какъ общее явленіе, что во второй половинѣ XVI в. въ земляхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ оброкъ слагается изъ двухъ крупныхъ частей: денежной и оброка хлѣбомъ. Остальные виды оброка, какъ масло, сыръ, мясо, почти исчезаютъ. Такъ постепенно форма денежнаго оброка становится преобладающей, по крайней мѣрѣ въ помѣстныхъ земляхъ.

Размѣры оброка.

Величина оброка для каждаго отдѣльнаго крестьянскаго двора была очень разнообразна. Это происходило во-первыхъ отъ того, что крестьянскіе участки земли были неодинаковы, а во-вторыхъ отъ того, что каждый крестьянинъ заключалъ особый договоръ съ владѣльцемъ данной земли, при чемъ условія арендной платы на землю были, конечно, различны. Болѣе равномѣрны были оброки крестьянъ черныхъ и дворцовыхъ. И въ этихъ земляхъ крестьяне платили различную аренду, но вслѣдствіе круговой поруки крестьяне на этихъ земляхъ уравнивали платежи по количеству и по доходности земли каждаго отдѣльнаго члена міра. Въ виду такого разнообразія по величинѣ оброковъ невозможно указать даже приблизительно средней его цифры, и приходится ограничиваться отдѣльными примѣрами. Такъ, въ началѣ XVI в. въ дворцовыхъ волостяхъ Новгородской области величина оброка на 1 обжу, если его выразить въ денежныхъ единицахъ, колебалась отъ 21 до 80 новгородскихъ денегъ въ различныхъ волостяхъ, т. е. на нашъ счетъ отъ 2 р. 52 к. до 9 р. 60 к., чаще же всего встрѣ-

чаются оброки въ 50 денегъ, т. е. приблизительно 6 рублей на наши деньги. Въ той же области, въ черныхъ волостяхъ, оброкъ колеблется отъ $9^1/_2$ денегъ до 50, т. е. отъ 1 руб. 14 к. до 6 руб., чаще встрѣчается оброкъ въ 35 денегъ, т. е. 4 р. 20 к. Въ земляхъ помѣстныхъ той же области можно наблюдать такую величину оброковъ въ серединѣ XVI в.: Въ одномъ помѣстьи съ обжы бралось по 6 денегъ по $1^1/_2$ коробьи ржи и овса и съ 2-хъ обежъ курица и сыръ. Это на наши деньги составитъ около 1 р. 80 к.; въ другомъ, смежномъ, 12 денегъ, по $1^3/_4$ коробьи ржи и овса, по 2 горсти льну, т. е. около 4 р. 68 к. Надо замѣтить, что это только примѣры, а не среднія цифры. Въ развитіи крестьянскихъ оброковъ надо отмѣтить еще одну черту. Въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ въ теченіе XVI в. можно прослѣдить тенденцію къ большему однообразію въ оброкахъ. Владѣльцы стремятся къ тому, чтобы равные участки ихъ земли приносили приблизительно равный доходъ. Въ XVII в. это становится, повидимому, очень широко распространеннымъ явленіемъ. По крайней мѣрѣ, многіе договоры крестьянъ съ владѣльцами земли не указываютъ точной цифры арендной платы, ограничиваясь указаніями на необходимость для новаго арендатора платить наравнѣ съ другими крестьянами даннаго помѣстья. Особенно часто такое явленіе замѣчается въ крупныхъ монастырскихъ вотчинахъ.

Барская запашка.

Обрабатывая путемъ аренды почти всю свою землю, московскій землевладѣлецъ тѣмъ не менѣе нѣкоторую ея часть обрабатывалъ безъ посредства арендаторовъ. Это была та часть, которую онъ отводилъ себѣ и обрабатывалъ своими людьми. Часть эта была весьма незначительна и только немногимъ превышала обыкновенный крупный крестьянскій участокъ. Только сѣнокосовъ владѣлецъ захватывалъ больше, что вызывалось необходимостью содержать значительное количество лошадей, нужныхъ служилому человѣку для го-

сударевой службы. Помимо этой запашки на самого себя, часть земли владѣлецъ раздавалъ своимъ слугамъ, которые, какъ можно думать, получали доходы со своихъ участковъ въ свою пользу. Такими участками пользовались или слуги владѣльца, выходившіе съ нимъ въ походъ, или же лица сельской администраціи: прикащики, ключники, посельскіе. Такого рода раздача земель была тоже очень незначительна по сравненію съ количествомъ земли, сдававшимся въ аренду.

Барщина.

Съ развитіемъ денежнаго хозяйства въ странѣ часть земли, обрабатывавшаяся непосредственно помѣщикомъ, начинаетъ все болѣе возрастать, и для обработки ея несвободныхъ холопьихъ рукъ въ помѣщичьемъ дворѣ не хватаетъ. Владѣльцы, гдѣ это возможно, стремятся вести свое собственное хозяйство въ возможно большихъ размѣрахъ, разсчитывая не только на потребленіе внутри самого хозяйства, но и на вывозъ продуктовъ, на продажу ихъ. Поэтому на крестьянъ арендаторовъ налагаются не только оброки, но постепенно въ ихъ обязанности входитъ все въ большей степени работа на помѣщика, барщина. Барщина возникла первоначально въ наиболѣе прогрессивныхъ экономически хозяйствахъ—монастырскихъ. Крестьяне арендаторы уже въ XV в. въ монастыряхъ обязывались въ своихъ порядныхъ не только уплачивать оброки, но и „всякое издѣлье монастырское дѣлать“: сѣно косить на монастырь, дрова возить и т. п. Постепенно барщина развивается и въ крупныхъ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ среднихъ размѣровъ. Здѣсь барщина возникаетъ и развивается въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, уже въ самомъ началѣ XVI в. указанная выше потребность служилаго человѣка въ содержаніи лошадей приводила къ тому, что наличныхъ силъ помѣщичьяго двора не хватало для сѣнокосовъ, поэтому онъ обращался къ крестьянскому труду, и крестьяне косили сѣно „на помѣщика волостью“. Съ

другой стороны потребность въ рабочихъ рукахъ заставляла помѣщика обращаться къ рабочей силѣ въ видѣ платы за аренду его земли. Въ серединѣ XVI в. неоднократно встрѣчаются случаи, когда люди „безпашенные“, т. е. арендовавшіе у помѣщика землю только подъ свой дворъ, а не для распашки, вмѣсто уплаты аренды деньгами обязуются работать на владѣльца опредѣленное количество дней въ году. Стремленіе возможно больше эксплуатировать всю свободную землю, проявлялось еще и въ томъ, что владѣльцы расширяли свою запашку за счетъ запустѣвшихъ крестьянскихъ участковъ. Распахиванье такихъ участковъ собственными силами помѣщичьяго двора явленіе въ XVI в. широко распространенное. Эти явленія хозяйственной жизни указываютъ на все возраставшую потребность въ трудѣ, направленномъ непосредственно на нужды владѣльческаго хозяйства, а это косвеннымъ образомъ указываетъ и на ростъ собственно барскаго хозяйства. Постепенно изъ двухъ указанныхъ путей развивается барщина, какъ общее явленіе, и начинаетъ играть все болѣе и болѣе замѣтную роль. Развитіе барщины и барской запашки является показателемъ, что помѣщичье хозяйство становится уже крупнымъ, денежнымъ, въ немъ продукты изготовляются не для потребленія внутри самого хозяйства, какъ замкнутой единицы, а для рынка. Сельскій хозяинъ начинаетъ торговать хлѣбомъ, и эта торговля даетъ ему необходимыя денежныя средства въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ денежные оброки крестьянъ.

Обмѣнъ сельскохозяйственными продуктами.

Измѣненіе внутренней структуры хозяйства въ помѣстьяхъ и вотчинахъ находилось въ соотвѣтствіи съ возраставшимъ обмѣномъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Центромъ сельско-хозяйственнаго обмѣна была Москва, служившая главнымъ пунктомъ хлѣбной торговли и для всего центральнаго пространства государства, для Поволжья и для близлежащей степной окраины, откуда къ Москвѣ подвозились значительные

запасы хлѣба. Другими центрами торговли были Нижній и Ярославль. Окраинныя части государства, сѣверная и южная часть степной полосы, являлись обычно покупателями хлѣбныхъ запасовъ, а взамѣнъ продавали другіе продукты. Въ общемъ, сельско-хозяйственный обмѣнъ въ XVI в. надо признать игравшимъ довольно значительную роль въ странѣ. Хозяйства строго натуральнаго типа были въ XVI в. сравнительно рѣдкимъ явленіемъ въ центральныхъ областяхъ государства и по большимъ торговымъ путямъ: Двинѣ, Сибирскій дорогѣ и т. п.

Что касается до вывоза заграницу, то онъ не былъ очень великъ въ XVI в. въ смыслѣ вывоза хлѣба. Хлѣбные избытки центральныхъ и южныхъ областей потреблялись внутри страны тѣми мѣстностями, гдѣ хлѣба было мало. Изъ хлѣбныхъ продуктовъ можно отмѣтить только вывозъ гречихи и пшеницы, а оба эти растенія, особенно пшеница, рѣдко и въ незначительныхъ количествахъ высѣвались въ Московскомъ государствѣ. Зато въ заграничной торговлѣ крупную роль играли техническія растенія, т. е. ленъ и конопля, равно какъ продукты скотоводства, сало и кожи.

Въ XVII в. можно отмѣтить, съ одной стороны, нѣкоторое развитіе обмѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ, а съ другой стороны торговля начинаетъ сосредотачиваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ—крупныхъ торговцевъ. Такими крупными торговцами были монастыри и крупные вотчинники, наряду съ которыми можно отмѣтить существованіе и скупщиковъ хлѣба, бывшихъ посредниками между мелкими производителями и рынкомъ. Это развитіе обмѣна вытекало изъ все развивавшагося денежнаго хозяйства внутри самихъ производительныхъ единицъ.

II.

Помѣстье XVI в.

Центральнымъ мѣстомъ въ помѣстьи былъ помѣщичій дворъ. Онъ обычно строился или въ крупномъ

селеніи, получавшемъ въ такомъ случаѣ названіе села, или стоялъ особнякомъ, и тогда эта усадьба носила названіе „усадища“. Въ помѣщичьей усадьбѣ, кромѣ помѣщичьихъ хоромъ и службъ, обычно былъ еще и дворъ „челяденной“, въ которомъ жили люди помѣщика. Вокругъ „усадища“, очень часто на сравнительно далекомъ разстояніи отъ него, были расположены деревни, населенныя крестьянами. Деревни эти, обычно очень небольшія (3—5 дворовъ), раскинуты были на большомъ пространствѣ, и каждая изъ нихъ представляла изъ себя вполнѣ самостоятельное цѣлое. Очень часто помѣщику принадлежала не вся деревня, а только часть ея, а другія части принадлежали другимъ владѣльцамъ, такъ что далеко не всегда помѣстье представляло изъ себя нѣчто цѣлое. Отдѣльныя деревни и дворы нерѣдко перепутывались съ владѣньями другого помѣщика или вотчинника. Подлѣ усадища находилась и пахотная земля, которую помѣщикъ „пахалъ на себя“, остальная земля, обрабатывавшаяся крестьянами, была тоже такъ же разбросана, какъ и отдѣльныя деревни. Помимо пахотной земли въ составъ помѣстья входили сѣнокосы и лѣсъ. Сѣнокосы точно также, какъ и пашня, были обычно приписаны къ отдѣльнымъ деревнямъ, и только отдѣльныя „пожни“, которыя косили на помѣщика, были расположены вдали отъ селеній по берегамъ рѣкъ или около болотистыхъ мѣстностей. Лѣсъ приписывался обычно ко всему помѣстью. Если помѣстье было расположено по какой либо рѣкѣ или озеру, то въ качествѣ угодій къ нему приписывались и рыбныя ловли, причемъ, если одно озеро приходилось на нѣсколько помѣщиковъ, то обычно они дѣлили его по числу тонь. Этими угодьями помѣщикъ пользовался или самъ или же сдавалъ ихъ на оброкъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, помѣстье въ XVI в. состояло изъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ—крестьянскихъ дворовъ, не связанныхъ въ хозяйственной дѣятельности между собой. Каждый кре-

стьянинъ велъ свое хозяйство безъ всякой зависимости отъ другихъ крестьянъ этого помѣстья и безъ всякихъ указаній со стороны владѣльца, который былъ заинтересованъ только въ правильномъ полученіи оброка. За этими поступленіями наблюдалъ обычно ключникъ помѣщика, который и жилъ въ какой либо изъ деревень, болѣе удобной для цѣлей хозяйственнаго присмотра, причемъ въ свою пользу онъ получалъ нѣкоторую долю крестьянскаго оброка—обычно $^1/_{14}$—$^1/_{15}$ часть его.

Приблизительно такой же характеръ имѣли и крупныя вотчины въ XV и началѣ XVI в. Онѣ точно также состояли изъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, и отличались отъ среднихъ помѣстій только большей округленностью владѣній, избѣгая черезполосицы, и болѣе сложной администраціей, вызванной ихъ крупными размѣрами. Развитіе денежнаго хозяйства измѣнило характеръ такихъ вотчинъ.

Крупная вотчина въ XVII в.

Вотчина въ XVII в. попрежнему состояла изъ ряда отдѣльныхъ деревень, съ селомъ, какъ центромъ хозяйственной администраціи, но ея отдѣльныя деревни не представляли изъ себя индивидуальныхъ хозяйствъ. Они были въ своей хозяйственной дѣятельности объединены распоряженіями, исходившими отъ боярина или его прикащика. Объединеніе это выражалось въ однообразіи платежей и въ обязательности барщины. Незначительное въ XVI в. количество земли подъ усадищемъ владѣльца въ XVII в. становится крупнымъ земельнымъ участкомъ, который обрабатывается барщиннымъ крестьянскимъ трудомъ. Стремясь къ массовому производству сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для рынка, вотчинникъ усиленно заботится о расширеніи своей запашки: онъ расчищаетъ новыя поля среди лѣсовъ и кустарниковъ, обрабатываетъ земли запустѣвшихъ деревень и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность его не ограничивается только производствомъ хлѣба; производя продукты для рынка, онъ заботится

о разведеніи техническихъ растеній, льна, конопли и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ этому представлялась возможность, въ крупной вотчинѣ мы встрѣчаемъ соляныя варницы, при обиліи лѣса добываніе поташу и дегтя въ крупныхъ размѣрахъ. Обычно крупная вотчина имѣла нѣсколько мельницъ для своего хлѣба, предназначеннаго въ продажу. Чѣмъ крупнѣе была вотчина, чѣмъ шире былъ масштабъ хозяйственной дѣятельности ея владѣльца, тѣмъ ближе и ближе приближалась она по своему положенію въ государствѣ къ положенію удѣла XV вѣка, хотя основа этого положенія была иная. Въ удѣлѣ извѣстная самостоятельность имѣла свои корни въ правахъ прежняго самостоятельнаго государства, въ вотчинѣ XVII вѣка самостоятельность вытекала изъ ея экономической мощи, какъ крупнаго денежнаго хозяйства.

Вотчинникъ широко пользовался, помимо крестьянскаго, холопьимъ трудомъ. Изъ среды этихъ холоповъ онъ выбиралъ администрацію, а въ мѣстностяхъ вновь колонизуемыхъ, содержалъ при себѣ довольно значительные военные отряды, Такъ, Соловецкій монастырь содержалъ рядъ небольшихъ крѣпостей для охраны и своихъ промысловъ и государственной границы, цѣлый рядъ городковъ имѣли и Строгановы. Разумѣется, это слишкомъ крупные примѣры, но они отчасти характеризуютъ и положеніе другихъ вотчинниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крупный вотчинникъ пользовался въ своей вотчинѣ правомъ суда по очень многимъ проступкамъ, и этотъ судъ онъ творилъ или самъ, или черезъ своего прикащика-управителя данной вотчины. Онъ же издавалъ и цѣлый рядъ чисто-полицейскихъ постановленій, клонившихся къ мѣрамъ общаго благоустройства своихъ крестьянъ. И судъ, и административныя и полицейскія постановленія—все это въ вотчинѣ исходило отъ самого владѣльца и придавало ей характеръ государства въ государствѣ.

Такъ какъ главной цѣлью массоваго изготовленія продуктовъ въ вотчинѣ была ихъ продажа, то крупный вотчинникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговцемъ. По зимнему пути изъ вотчинъ шли обычно огромные обозы хлѣба и другихъ продуктовъ на близлежащіе, а иногда и довольно отдаленные рынки. Успѣшность продажи была крупнымъ интересомъ вотчинника, который зорко слѣдилъ и за хлѣбными цѣнами и за общимъ настроеніемъ рынка. Сообразно такой разносторонней хозяйственной дѣятельности, крестьянская барщина въ крупныхъ вотчинахъ была очень разнообразна. Помимо непосредственной земледѣльческой работы, крестьяне должны были отдавать владѣльцу опредѣленное количество дней въ году для работы на его промышленныхъ предпріятіяхъ, а особенно тяжело ложилась подводная повинность, такъ какъ крестьяне же были обязаны и доставлять хлѣбъ на рынки.

Два указанныхъ типа хозяйства существовали въ Московскомъ государствѣ, одинъ рядомъ съ другимъ, и между ними былъ рядъ и промежуточныхъ ступеней. Оба они обнаружили большую живучесть и изъ Руси до-Петровской дожили и до конца XIX вѣка—до освобожденія крестьянъ.

III.

Крестьянское хозяйство. Система хозяйства.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію, какъ эксплуатировали свои участки земли непосредственные производители продуктовъ—крестьяне-арендаторы. Здѣсь мы можемъ отмѣтить значительное разнообразіе въ отношеніяхъ земледѣльца къ землѣ въ различныхъ областяхъ государства. Въ центральной и западной части государства главнымъ занятіемъ населенія было земледѣліе въ собственномъ смыслѣ слова. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ крестьянинъ въ этой области обрабатывалъ свой участокъ исключительно подъ хлѣбъ. Луга и сѣнокосы не играли крупной роли въ его хозяйствѣ, они служили только для содержанія

необходимаго количества рабочаго скота. Разведеніе скота на продажу было здѣсь болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Нѣсколько иную картину можно наблюдать въ юго-западной части Новгородской области. Здѣсь, наряду съ земледѣліемъ, крупнымъ источникомъ существованія населенія является въ XVI вѣкѣ и скотоводство. Крестьяне усиленно занимаютъ пожни-сѣнокосы, и по количеству этихъ сѣнокосовъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ видно, что скота крестьяне держатъ много. Относительно этой части государства до насъ дошелъ и цѣлый рядъ другихъ извѣстій, которыя указываютъ на существованіе значительной торговли кожами и саломъ. Такое же развитіе скотоводства можно наблюдать и по Сѣверной Двинѣ, гдѣ скотоводство играетъ въ XVI вѣкѣ крупную роль въ хозяйственной дѣятельности населенія. Поволжье и Прикамскій край даетъ картину земледѣльческаго населенія, но какъ въ той, такъ и въ другой области довольно значительную роль въ хозяйствѣ играетъ и охота. Пушной звѣрь, уже почти уничтоженный въ серединѣ XVI вѣка въ центральныхъ областяхъ, былъ еще въ изобиліи въ лѣсахъ Заволжскихъ, Камскихъ и Уральскихъ. Здѣсь, особенно въ Поволжьи (напр., Нижегородскій уѣздъ), въ подспорье къ земледѣлію населеніе занималось, кромѣ охоты, и пчеловодствомъ. Въ степной, ближе къ центру, полосѣ господствовала земледѣльческая система хозяйства, южнѣе можно замѣтить нѣкоторое развитіе скотоводства. Наконецъ, нужно еще отмѣтить крайній сѣверъ государства, гдѣ земледѣліе не играло никакой роли, а главными промыслами населенія были рыбная ловля, охота, солеваренье и скотоводство.

Чтобы дать понятіе объ источникахъ существованія населенія въ этихъ мѣстахъ приведемъ перечисленныя угодья въ одной купчей крѣпости, гдѣ земля продается: „съ орловымъ и ястребцевымъ гнѣздомъ, и со пнемъ и съ лежачей колодою, и съ стоячимъ деревомъ и съ бортною долею, и со пчелами

старыми и молодыми, и съ луги и съ озеры и съ малыми текучими рѣчками, и съ липяги и съ дубровами, и съ рыбною и бобровою ловлею, и со всякимъ становымъ звѣремъ, съ лосемъ, съ козою и свиньею, и съ болотомъ клюковнымъ". Здѣсь перечисленъ цѣлый рядъ всевозможныхъ угодій, нѣтъ только пахотной земли, и въ пользованіи этими угодьями населеніе далекой степной окраины добывало средства къ существованію и продукты для обмѣна.

Кромѣ вышеуказанныхъ подсобныхъ крестьянскихъ промысловъ слѣдуетъ еще отмѣтить разведеніе техническихъ растеній. Такъ, въ Новгородской и особенно въ Псковской области было широко распространено разведеніе льна, занимавшее хотя и меньшее, но все таки видное мѣсто въ Ярославскомъ, Ростовскомъ, Углицкомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ. Въ этихъ же мѣстностяхъ, хотя и въ болѣе слабой степени, была развита культура конопли. Особенно же богато конопле́й было Поднѣпровье—области Смоленская, Дорогобужская и Вяземская. Таковы были въ общихъ чертахъ различные способы эксплуатаціи крестьянами своихъ участковъ. Въ общемъ, конечно, главную роль играло земледѣліе въ смыслѣ культуры хлѣбныхъ злаковъ.

Система земледѣлія.

Разсмотримъ теперь системы земледѣлія, существовавшія въ Московскомъ государствѣ, т. е. способы пользованья землей собственно для производства растительныхъ продуктовъ. Въ центральной части государства мы встрѣчаемъ въ большинствѣ случаевъ въ первой половинѣ XVI в. паровую-зерновую систему хозяйства съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. При такой системѣ земледѣлія подъ залежью остается не больше половины земли, при чемъ обработанная земля раздѣляется на три поля, изъ которыхъ одно засѣвается озимымъ хлѣбомъ, другое яровымъ, а третье остается подъ паромъ. Такого же рода систему земледѣлія можно встрѣтить и въ Прикамской и Приволжской

области; словомъ, повсюду почти, гдѣ населеніе было сравнительно густымъ, существовала эта сравнительно интенсивная система земледѣлія. Во вновь колонизуемыхъ мѣстахъ, гдѣ свободной земли было больше, были распространены болѣе экстенсивныя системы. На югѣ въ степяхъ господствовала переложная система земледѣлія. Эта система состоитъ въ томъ, что подъ пашню распахивается „дикое поле“, т. е. еще нетронутая земля, съ нея собирается рядъ урожаевъ, затѣмъ она забрасывается сравнительно надолго, лѣтъ на 10—15, а земледѣлецъ переходитъ къ обработкѣ другого участка, истощивъ его—къ третьему и т. д., пока вновь не возвращается къ прежнему. На сѣверѣ въ лѣсахъ переложную систему замѣняла система подсѣчная, отличавшаяся отъ переложной только тѣмъ, что на вновь выбранномъ подъ пашню мѣстѣ приходилось выжигать и выкорчевывать покрывавшій его лѣсъ. Наряду съ этой системой въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ сѣвера широко была распространена такъ называемая „лядинная“ система земледѣлія. При этой системѣ очищенный отъ лѣса участокъ земли раздѣляется на три поля, на которыхъ ведется правильный сѣвооборотъ, но этотъ участокъ, дающій очень хорошіе урожаи, послѣ нѣсколькихъ (8—15 л.) эксплуатаціи забрасывается, и земледѣлецъ переходитъ къ новому участку. Таковы были системы хозяйства къ серединѣ XVI в. Сельско-хозяйственный кризисъ внесъ значительное ухудшеніе въ систему земледѣлія, особенно въ центральныхъ областяхъ государства. Отливъ рабочихъ рукъ привелъ къ тому, что болѣе интенсивная система, паровая-зерновая, въ этихъ мѣстностяхъ начала уступать мѣсто системѣ переложной. Къ концу XVI в. помимо цѣлаго ряда запустѣлыхъ участковъ земли, можно видѣть, что почти повсюду перелогъ начинаетъ преобладать надъ „пашней паханой“. Это же явленіе можно наблюдать и въ ближайшихъ къ центральной мѣстности частяхъ государства. Менѣе

Упадокъ земледѣльческой техники къ концу XVI в.

сильно отразился кризисъ на мѣстностяхъ окраинныхъ, гдѣ, особенно въ южной полосѣ, къ концу XVI в. можно наблюдать неоднократные случаи перехода отъ экстенсивныхъ способовъ веденія хозяйства къ болѣе интенсивнымъ. Къ 90-мъ годамъ XVI в. можно наблюдать совмѣстно съ ослабленіемъ кризиса и нѣкоторое улучшеніе въ земледѣльческой техникѣ: притокъ населенія вновь вызываетъ къ жизни прежнюю паровую-зерновую систему хозяйства. Смута вновь вноситъ разореніе въ государство и потрясаетъ начавшееся было налаживаться хозяйство, и только ко второй половинѣ XVII в. результаты какъ кризиса, такъ и Смуты исчезаютъ совершенно, и въ огромной части государства, кромѣ окраинъ, конечно, господствующей системой хозяйства становится паровая-зерновая съ правильнымъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ.

Рабочій скотъ и орудія.

Чтобы закончить обзоръ техники сельскаго хозяйства необходимо еще упомянуть, что въ качествѣ рабочаго скота употреблялись и лошади, и волы, а земледѣльческимъ орудіемъ была обычно соха, хотя изрѣдка встрѣчаются указанія и на плугъ.

Дворъ, какъ единица хозяйства.

Единицей крестьянскаго хозяйства былъ дворъ. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ Московскомъ государствѣ общинной, артельной запашки. Каждый крестьянскій дворъ ведетъ всегда свое индивидуальное хозяйство. Но иногда въ одномъ дворѣ объединяется два или больше семейства. Эти лица, совмѣстно обрабатывавшія свой участокъ, носили на сѣверѣ названіе „складниковъ“, т. е. лицъ, сложившихъ вмѣстѣ свой капиталъ и рабочія силы для обработки опредѣленнаго земельнаго участка; на югѣ они носили названіе „сябровъ“— сосѣдей. Однако, можно думать, что каждый изъ нихъ въ хозяйствѣ и доходахъ имѣлъ свою строго опредѣленную договоромъ складства долю. Обычно, наличныхъ силъ крестьянской семьи хватало для обработки своего участка, но иногда возникала потребность въ рабочихъ рукахъ, и тогда въ крестьянскую семью при-

Рабочія руки.

нимались посторонніе. Нельзя въ точности установить отношеній, возникавшихъ въ такихъ случаяхъ, но самое названіе этихъ лицъ „подсусѣдники и захребетники“ указываетъ на то, что они не выступали въ хозяйствѣ въ качествѣ самостоятельныхъ производителей, а были скорѣе на положеніи рабочихъ, которые за свой трудъ пользовались полнымъ содержаніемъ хозяина. Такіе случаи, однако, крайне рѣдки, потому что крестьяне вели очень некрупное хозяйство.

А. М. Гнѣвушевъ.

Торговля и промышленность *).

До конца XVI вѣка экономическая жизнь Московской Руси сохраняетъ переходной характеръ: торговый обмѣнъ съ другими странами не былъ особенно великъ; несмотря на развитіе внутренняго обмѣна, во многихъ мѣстахъ народное хозяйство сохраняло характеръ хозяйства натуральнаго. Такое хозяйство не имѣло нужды въ обмѣнѣ. Только небольшое число предметовъ, удовлетворявшихъ требованіямъ высшихъ классовъ населенія, или нѣкоторыя изъ такихъ предметовъ, которые не могли быть сдѣланы на Руси, напримѣръ, за отсутствіемъ матеріала: какъ предметы изъ мѣди, олова и т. п., въ небольшомъ числѣ получалось черезъ Новгородъ и Псковъ въ обмѣнъ на мѣха, ленъ и нѣкоторые

*) Спеціальная литература вообще бѣдна. Главнѣйшія сочиненія: *Костомаровъ*. „Очерки торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (собраніе соч., т. XX); *Мельгуновъ*. „Очерки по исторіи русской торговли IX—XVII в.“, М., 1905 г.; *Соколовскій*. „Къ вопросу о состояніи промышленности въ Россіи въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтій“ (Уч. зап. Казан. универ. 1890 г., кн. 3); *Корсакъ*. „О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства Зап. Европы и Россіи“, М., 1861 г.; *Середонинъ*. „Сочиненіе Дж. Флетчера о Россіи“ СПБ., 1891 года; *Никитскій*. „Очерки экономическаго быта В. Новгорода“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос., 1893 г., кн. I—II); *М. В. Довнаръ-Запольскій*. „Торговля и промышленность Москвы въ XVI—XVII вѣкахъ“; *Гамель*. „Англичане въ Россіи (Журн. Мин. Нар. Пр., 1856 года № 2—3). Предисловіе *В. А. Кордта* къ „Отчету Альберта Бурха и Іоганна фонъ-Фельтдриля“ (Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 116 за 1902 г., „о посольствѣ въ Россію въ 1630 и 1631 г.)“; *Семеновъ А.* „Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности, съ половины XVII вѣка“, СПБ., 1859 г.; *Огородниковъ*. „Очерки исторіи г. Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи“, 1890 г.; *Хлѣбниковъ*. „Астрахань въ старые годы“, СПБ., 1907 года.

другіе продукты. Но уже во второй половинѣ XVI столѣтія замѣчается движеніе въ направленіи къ широкому обмѣну товарами, захватывавшему какъ землевладѣльческіе верхи государства, такъ и мелкихъ производителей—крестьянъ. Большую роль въ этомъ отношеніи сыграла завязавшаяся черезъ Архангельскъ торговля съ иностранными государствами, которая замѣнила до нѣкоторой степени сношенія съ Балтійскими берегами. Безспорно также, что и кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ и землевладѣніи, которымъ характеризуется значительная часть 2-й половины XVI столѣтія, оказалъ вліяніе на развитіе мѣнового хозяйства. Развитіе его стало выражаться въ усиленіи разработки природныхъ богатствъ страны, какъ съ цѣлью вывоза за границу тѣхъ или другихъ продуктовъ, такъ и для цѣли внутренняго обмѣна. Разъ появляются промыслы, то вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается и особый классъ торговцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ, имѣющихъ цѣлью или добываніе и обработку продукта, или торговый обмѣнъ его. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ половинѣ XVI в. для русскихъ людей не совсѣмъ было ясно существованіе города безъ полей, потому что горожане занимались сельскимъ хозяйствомъ также, какъ и жители селъ: „и тому ся стати мочно ли, чтобы городу быти безъ уѣзду, а и село и деревня безъ поль и безъ угодій не живутъ, а городу какъ быть безъ уѣзду“, говорили выборные на соборѣ 1566 г. Столѣтіе спустя уже въ Московской Руси можно насчитать рядъ довольно крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, какъ Москва, Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Нижній-Новгородъ, Астрахань и нѣкоторые другіе, въ которыхъ можно замѣтить довольно значительное развитіе промысловъ, ремеслъ и торговли, и въ которыхъ уже жители живутъ „безъ поль“, занимаясь своими торгомъ и промыслами.

Природныя богатства Россіи представляли собою цѣлый рядъ такихъ предметовъ, въ которыхъ весьма

нуждались современныя западно-европейскія государства, почему первыя же торговыя сношенія прежде всего обратились на эти продукты. Это было сырье, иногда полуфабрикаты, и только въ небольшомъ количествѣ вывозились уже готовыя издѣлія.

Природныя богатства Московіи.

Иностранцы при первыхъ же соприкосновеніяхъ съ Московіею учли ея природныя богатства. Такъ всѣ они отмѣтили дешевизну хлѣбныхъ продуктовъ, какъ слѣдствіе большого количества земли, годной для обработки. Впрочемъ, вывозъ хлѣба сталъ получать замѣтное значеніе только въ XVII столѣтіи. Зато сразу же иностранцы обратили вниманіе на мѣха. Сибирь и сѣверный край Европейской Россіи доставляли обильное количество мѣховъ пушныхъ звѣрей. Холмогоры были однимъ изъ лучшихъ важныхъ мѣстъ по торговлѣ мѣхами. Ярмарка въ небольшомъ селеніи Ламножнѣ была мѣстомъ, куда съѣзжались самоѣды и промѣнивали мѣха на сукно, олово, мѣдь и другіе продукты. Мѣха шли въ разныя страны и не только въ Западную Европу, но также въ Грецію, Турцію, куда вообще покупались лучшіе соболи, затѣмъ въ Персію и Китай. Наиболѣе цѣнился соболій мѣхъ. Затѣмъ въ продажу шли куницы, горностаи, бѣлки, лисицы, выхухоли и др. Русскіе были очень искусны въ выдѣлкѣ мѣховъ, ихъ сортировкѣ, а также и въ поддѣлкѣ. Мѣха были не только предметомъ торговли, но они были такимъ товаромъ, который нерѣдко употреблялся какъ орудіе обмѣна: мѣхами царь давалъ подарки своимъ слугамъ и даже посылалъ подарки европейскимъ дворамъ, равно и субсидіи имъ, напримѣръ Крымскому хану.

Въ водахъ Московіи добывалось очень большое количество рыбы, почему рыбій жиръ также служилъ немалымъ предметомъ отпуска. Рыболовныя компаніи особенно работали у Лапландскаго берега; тамъ же добывались тюленій жиръ и моржевые клыки. Для внутренняго употребленія производился ловъ рыбы въ

большомъ количествѣ въ устьяхъ Волги. Огромные транспорты ея поднимались къ Москвѣ и направлялись въ другіе города. Даже воздухъ въ Астрахани былъ, по словамъ Дженкинсона, зараженъ отъ массы рыбы, которой почти исключительно питались жители, терпя въ то время нужду въ мясѣ и хлѣбѣ. Ловъ рыбы иногда давалъ такіе результаты, что промышленники должны были уничтожать часть пойманной рыбы. Рыбная ловля давала еще одинъ результатъ уже для внѣшней торговли. За границу въ большомъ количествѣ черезъ Архангельскій портъ направлялась паюсная или мятая икра; въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія ея вывозилось ежегодно до 15.000 пудовъ, что доставляло царю (казна монополизировала эту торговлю) большой доходъ. Изъ другихъ предметовъ отпуска надо отмѣтить отпускъ предметовъ лѣсоводства, какъ поташъ, смола, деготь, лѣсныя губки, мачты. Среди предметовъ животноводства шли слѣдующіе: волосъ, говяжье сало, мыло, особенно костромское, свиная щетина, бичи, струны и вообще кожа. Юфть играла большое значеніе среди русскаго отпуска. Она производилась преимущественно въ Казанскомъ, Нижегородскомъ, Московскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уѣздахъ. Но кромѣ того часть юфти скупалась московскими купцами на Украинѣ и даже въ Литвѣ, и затѣмъ черезъ Архангельскій портъ попадала въ Германію. Торговля пенькой и частью льномъ имѣла уже меньшее значеніе. Такъ какъ лучшій ленъ производился въ Псковской области, то вывозъ его шелъ преимущественно черезъ Нарву въ Балтійское море. Напротивъ, сѣверные уѣзды отпускали ленъ въ обратномъ видѣ, именно въ видѣ холста. Онъ шелъ изъ Ярославскаго, Валдайскаго, Каргопольскаго уѣздовъ, вообще съ Двины и Ваги. Иностранцы очень хвалятъ русскій холстъ и крашенину изъ него. Однако, тонкое полотно тогда уже получалось изъ Голландіи. Вообще, торговыя книги, въ которыхъ заключается наставленіе купцамъ, какъ надо торговать съ иностран-

цами, перечисляютъ до 54 товаровъ, шедшихъ изъ Московской Руси за границу.

Промышленность.

Мы перечислили только что такіе продукты, которые находили себѣ сбытъ преимущественно за границей, но надо замѣтить, что развитіе промысловъ отражалось и на томъ, что многіе предметы добывающей и обрабатывающей промышленности имѣли довольно широкое распространеніе и въ предѣлахъ самого Московскаго государства. Мы перечислимъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ укажемъ главнѣйшіе пункты производства ихъ. Такъ, кожевенное дѣло пользовалось значительнымъ развитіемъ. Небольшой городъ Шуя на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ на 174 тяглыхъ двора имѣлъ третью часть дворовъ подъ кожевенными заведеніями. Эти кожевенныя избы были однако не велики по своимъ размѣрамъ. Довольно большое число кожевенныхъ заводовъ мы встрѣчаемъ еще въ Вологдѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Ярославскія и вологодскія полотна уже въ XVII вѣкѣ находили себѣ сбытъ въ различныхъ другихъ городахъ. Иногда же выдѣлялись отдѣльные пункты, выдававшіеся своимъ производствомъ. Такъ, село Дунилово (Нижегород. уѣзда) и тогда уже было извѣстно выработкой пестрядей и холста. Обиліе пеньки на сѣверѣ побудило англичанъ устроить въ Холмогорахъ канатный заводъ.

Можно указать довольно большое количество мѣстъ, выдававшихся кузнечнымъ дѣломъ, напримѣръ, извѣстное село Павлово (нынѣ Горбатовскаго уѣзда Нижегород. губ.). На Руси всегда чувствовалась потребность въ желѣзѣ. Желѣзная руда добывалась въ различныхъ мѣстахъ на сѣверѣ, напримѣръ, въ Устюгѣ Великомъ, Устюжнѣ Желѣзнопольской, въ Череповецкомъ уѣздѣ, гдѣ и теперь сотни селеній заняты выработкой гвоздей. Въ Устюжнѣ отливалось въ концѣ XVII вѣка довольно большое количество ядеръ: на-

примѣръ, въ 1682 году приказано было здѣсь выковать 338 тысячъ ядеръ. Кромѣ Устюжны Желѣзнопольской, значительная добыча желѣза производилась еще и въ Тихвинѣ, оно и было извѣстно въ продажѣ подъ именемъ Тихвинскаго уклада. Въ Тверскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ жили кузнецы, которые славились выработкой мелкихъ гвоздей. Жители Галича имѣли много горновъ, работая главнымъ образомъ для московской артиллеріи. По словамъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, желѣзо добывалось еще около Серпухова, близъ Каширы и вообще въ Корельской области, т. е. въ Каргополѣ, Устюжнѣ Желѣзнопольской и другихъ мѣстахъ. Но во 2-й половинѣ XVII вѣка главное производство желѣза сосредоточивается подъ Тулой. Здѣсь, въ 30 верстахъ отъ Тулы, было знаменитое село Бѣгилово, гдѣ дѣлались мелкія желѣзныя вещи и бронныя издѣлія. Особая кузнечная слобода здѣсь была извѣстна уже со временъ царя Ѳедора Іоанновича. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ подъ Тулой устроены были большіе заводы, которые и отданы были въ аренду иноземцу Марселису. Въ 1656 году появляется еще 2 завода на рѣкахъ Угодѣ и Провѣ, тоже отданные въ аренду иностранцамъ. О размѣрахъ производства Тульскихъ заводовъ можно судить потому, что въ 1668 году отъ Марселиса правительство потребовало доставить 20.000 пудовъ желѣза, 5000 кованныхъ досокъ, затѣмъ дало большой заказъ на ядра, пушки и другіе матеріалы. Тульскіе заводы главнымъ образомъ обслуживали нужды военнаго вѣдомства, и въ первые годы Петровскаго правленія тульскіе кузнечные мастера не разъ должны были выполнять для казны большіе и спѣшные заказы разнаго рода оружія.

Изъ другихъ предметовъ ископаемаго царства надо отмѣтить изготовленіе селитры, которая дѣлалась во многихъ мѣстахъ, особенно въ Угличѣ, Ярославлѣ и Устюгѣ, добычу сѣры, слюды. Слюда до конца XVII вѣка замѣняла стекла въ окнахъ, будучи предметомъ

заграничнаго вывоза. Стекло тогда и въ Западной Европѣ было невысокаго качества. Флетчеръ отдаетъ преимущество слюдѣ передъ стекломъ и рогомъ: она чище и прозрачнѣй, не трескается, какъ стекло, и не горитъ, какъ рогъ. Слюда добывалась въ Корельской области, и на Двинѣ, у береговъ Сѣвернаго моря. Но, конечно, самое важное значеніе имѣла добыча соли. Она добывалась изстари во многихъ мѣстахъ Россіи. Еще въ XV вѣкѣ Соловецкій монастырь имѣлъ обширныя соляныя варницы. И въ послѣдующее время соль добывалась въ большомъ количествѣ на сѣверѣ, во владѣніяхъ Соловецкаго монастыря, на рѣкѣ Неглѣ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ Соликамскѣ, и вообще въ Пермскомъ краѣ. Тутъ были государевы соляныя варницы, а также и варницы извѣстныхъ именитыхъ людей Строгановыхъ. Довольно большіе промыслы были въ Старой Русѣ. По словамъ Флетчера, въ Старой Русѣ даже добывалась лучшая соль. Разработка соли здѣсь такъ расширилась въ XVII вѣкѣ, что Старая Руса снабжала солью весь сѣверо-западный край. Съ присоединеніемъ Астрахани началась разработка соли въ этомъ краѣ. Здѣсь соляныя варницы находились въ рукахъ монастырей и частью въ рукахъ казны. Размѣръ добычи соли въ Астрахани неизвѣстенъ, но вообще онъ былъ весьма значителенъ, потому что по словамъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, ежегодно въ Астрахань отравлялось до 500 судовъ за рыбой и солью.

Какъ мы только что видѣли, въ Московской Руси подвергались обработкѣ тѣ продукты, которые обусловливались главнымъ образомъ природными богатствами страны, но во многихъ отношеніяхъ производство однако не достигало значительныхъ успѣховъ. Такъ, при богатствѣ льна, холстъ однако не вырабатывался такого качества, какой получался изъ Голландіи. При богатствѣ кожей, послѣдняя однако вызозилась преимущественно въ сыромъ видѣ и подвергалась уже за границей дальнѣйшей выработкѣ. Въ иныхъ случаяхъ

количество добываемаго продукта далеко не соотвѣтствовало потребности. Такъ было, напримѣръ, съ желѣзомъ: хотя оно и добывалось во многихъ мѣстахъ, но въ этомъ продуктѣ всегда чувствовался недостатокъ. Московское правительство XVII вѣка уже начинало сознавать значеніе разработки природныхъ богатствъ страны и необходимость поднятія качественной стороны. Эти заботы выразились въ вызовѣ иноземныхъ мастеровъ, которые обязаны были обучать русскихъ учениковъ, въ нѣкоторыхъ изысканіяхъ новыхъ продуктовъ обработки и, наконецъ, въ заведеніи большихъ заводовъ для выработки тѣхъ или другихъ продуктовъ. Русское производство отличалось тѣмъ, что все это были очень небольшія ремесленныя заведенія, съ небольшимъ числомъ рабочихъ, и небольшимъ оборотнымъ капиталомъ. Уже въ послѣдніе годы XVII столѣтія правительство пытается завести большіе заводы и фабрики. Первый примѣръ подобнаго рода можно видѣть въ сооруженіи Тульскихъ заводовъ. Въ самой Москвѣ сдѣлано было еще нѣсколько подобнаго рода попытокъ, напримѣръ, былъ устроенъ сафьянный заводъ. Дворцовые хамовники, т. е. ткачи, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ заняты были производствомъ полотна, и организація государева Хамовнаго двора напоминаетъ собою большую мануфактуру. Но все это лишь слабыя попытки завести фабрики и заводы болѣе или менѣе крупнаго масштаба. Практическіе результаты эта мысль дала лишь при Петрѣ Великомъ. Однако отсутствіе крупныхъ мѣстъ производства вовсе не означаетъ слабаго развитія его. Нѣкоторыя отрасли безъ сомнѣнія, какъ мы видѣли, были достаточно развиты.

Потребность въ обработанныхъ издѣліяхъ удовле- Ремесла.
творялась довольно значительнымъ развитіемъ ремесленнаго класса. Дѣйствительно, во многихъ городахъ количество ремесленниковъ, особенно въ соотношеніи съ количествомъ населенія, оказывается весьма зна-

чительнымъ. Иностранцы вообще отдавали дань удивленія сметливости русскихъ ремесленниковъ и ихъ умѣнью перенимать у иноземцевъ улучшенные способы работы, такъ что иноземные мастера иногда не допускали русскихъ мастеровъ къ той части работы, которая требуетъ особыхъ знаній или пріемовъ. Особенно славились русскіе мастера чеканнаго дѣла по золоту и серебру, кузнечные мастера и др. Мастерство было развито по спеціальностямъ, иногда весьма дробнымъ. Такъ, въ одной Москвѣ можно было насчитать до 250 различныхъ спеціальностей. Разумѣется, рабочій, специализировавшійся на приготовленіи только одной какой-либо части предмета, можетъ дѣлать ее съ бо́льшимъ искусствомъ и меньшей затратой труда, нежели рабочій, которому приходится дѣлать весь предметъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ области желѣзнаго, литейнаго и мѣднаго дѣла можно насчитать до 50 различныхъ спеціальностей, начиная отъ кузнецовъ, пушкарей, и кончая замочниками, игольниками, пуговичниками, булавочниками и т. под. Въ такихъ крупныхъ городахъ, какъ Москва, Нижній Новгородъ и другіе, количество мастеровъ было очень значительно, и они доставляли на рынокъ самые разнообразные предметы потребленія. Такъ, уже въ XVII вѣкѣ на Московскомъ рынкѣ можно было пріобрѣсти не только предметы роскоши, но и всѣ предметы домашняго обихода, начиная отъ одежды, посуды и т. д. Это значитъ, что каждое отдѣльное хозяйство, по крайней мѣрѣ въ крупнѣйшихъ центрахъ, тогда далеко не представляло собой замкнутой хозяйственной единицы, въ которой всѣ предметы или даже большинство предметовъ потребленія вырабатывалось трудами членовъ этого хозяйства. Свои работы ремесленники выполняли различнымъ образомъ: въ однихъ случаяхъ они работали на дому у заказчиковъ, но также дѣлали свои издѣлія для продажи на рынокъ, продавая торговцамъ, сидѣвшимъ въ лавкахъ, или же непосредственно потребите-

лямъ на рынкѣ. Ремесло требовало извѣстнаго обученія, и въ средѣ московскихъ ремесленниковъ выработались обычаи, нѣсколько напоминающіе западно европейскіе цехи. Учившіеся ремеслу поступали къ мастеру въ качествѣ учениковъ, затѣмъ уже дѣлаются подмастерьями и наконецъ мастерами, когда начинали брать самостоятельно заказы. Неизвѣстно, во всѣхъ ли ремеслахъ, но по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ наиболѣе сложныхъ, выработались извѣстнаго рода правила, въ силу которыхъ данное лицо называлось мастеромъ, т. е. лицомъ, умѣющимъ дѣлать тѣ или иныя произведенія. Выучившіеся у мастеровъ ремеслу должны были представлять ремесленному старостѣ „письмо“ отъ мастера, свидѣтельствующее о пріобрѣтенныхъ познаніяхъ. Въ большихъ городахъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, гдѣ ремесленниковъ было много, во главѣ каждой отдѣльной ремесленной организаціи стояли особые выборные старосты.

Внутренняя торговля.

Мы только что сдѣлали рядъ указаній, характеризующихъ состояніе промышленности. Уже изъ предыдущаго легко было замѣтить, что различныя формы промышленности преобладали въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ. Это приводило къ обмѣну продуктами производства. Наконецъ, мы говорили объ обмѣнѣ и сырыми продуктами. Это подводитъ насъ къ выясненію вопроса объ условіяхъ внутренней торговли. Она сосредоточилась преимущественно въ городахъ, но далеко не исключительно. Условія внутренняго обмѣна Московской Руси отличаются отъ условій торговли въ Западной Европѣ тѣмъ, что торговыми пунктами служатъ не только города, но даже и села; равнымъ образомъ мѣновое хозяйство успѣло проникнуть очень глубоко, и въ торговой дѣятельности принимаетъ участіе не одинъ городской классъ, но и различные другіе элементы общества: крестьяне, служилые люди, монастыри и т. п.

Въ самомъ дѣлѣ торгъ и промыслы въ селахъ представляютъ собою типичную черту московской торговли и промышленности. Еще на рубежѣ XV и XVI вѣковъ обширная Новгородская область была усѣяна такъ называемыми рядками, т. е. такими пунктами, въ которые съѣзжались окрестные жители въ опредѣленное время для ярмарочнаго торга. Повидимому, эти рядки не имѣли постоянныхъ жителей. Въ собственно московскихъ областяхъ мы встрѣчаемъ длинный рядъ селъ, серьезнымъ занятіемъ жителей которыхъ является торговля или сельская промышленность. Еще во 2-й половинѣ XVI столѣтія писцовыя книги Тверского уѣзда зарегистрируютъ рядъ селъ, куда съѣзжаются торговые люди, скупщики и торгуютъ здѣсь всякимъ товаромъ. Небольшіе по количеству жителей, такія села иногда обладаютъ относительно значительнымъ количествомъ лавокъ и лавочныхъ мѣстъ; эти лавки сосредоточивались на рынкѣ. Такія села служили центромъ торговли окрестныхъ селеній, и тутъ можно было встрѣтить различные предметы первой необходимости: жизненные припасы, одежду, земледѣльческія орудія и вообще предметы несложнаго деревенскаго хозяйства; въ ярмарочные дни окрестные крестьяне свозили на рынокъ для продажи продукты своихъ издѣній, пригоняли скотъ и т. п. О размѣрахъ такихъ торговыхъ селъ можно иногда судить по писцовымъ книгамъ. Въ с. Лотощинѣ, Микулинскаго уѣзда, во 2-й половинѣ XVI в. было 32 лавки, 21 лавочное мѣсто пустое, и особыя мѣста, огороженныя плетнемъ, гдѣ становились пріѣзжіе торговцы. Извѣстное и нынѣ село Дунилово, Тульскаго уѣзда, уже процвѣтало своей торговлей въ XVI в. Къ концу этого столѣтія въ этомъ селѣ было 178 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, а на его рыночной площади находилось семь амбаровъ, т. е. мѣстъ крупной оптовой торговли, 2 харчевни, 4 кузницы, 3 солодовни, да 37 лавокъ и рядъ мѣстъ для мелкой торговли. Поволжье въ XVII в., несмотря

на свой прекрасный черноземъ, тѣмъ не менѣе характеризуется цѣлымъ рядомъ селеній, жители которыхъ преимущественно заняты какимъ-либо промысломъ или торгомъ; описаніе этихъ селъ въ писцовыхъ книгахъ представляетъ собой часто весьма любопытную картину: при незначительномъ количествѣ земледѣльцевъ въ собственномъ смыслѣ писцовая книга даетъ длинный перечень плательщиковъ налоговъ по ихъ занятіямъ— кожевниковъ, скорняковъ, токарей, рыболововъ, сыромятниковъ, калашниковъ и т. п. Физическія условія страны вообще не допускали русскихъ поселянъ исключительно предаваться земледѣльческому промыслу. Мѣстныя особенности нѣкоторыхъ уѣздовъ преимущественно благопріятствовали образованію въ нихъ торгово-промышленныхъ поселеній. Иногда цѣлая обширная мѣстность характеризуется господствомъ ихъ. Обширный Двинскій край, примыкавшій къ Холмогорамъ и Архангельску, былъ преимущественно заселенъ торгово-промышленнымъ людомъ, ютившимся здѣсь въ сельскихъ поселеніяхъ. „А въ Двинской-де землѣ"—показывали гости и торговые люди гостинной сотни въ 1675 году"—„на посадахъ и въ уѣздахъ знающихъ и прожиточныхъ и богатыхъ торговыхъ людей, кромѣ пашенныхъ крестьянъ, много". Такимъ же, напримѣръ, былъ и Усольскій уѣздъ, находившійся на границѣ Россіи съ Сибирью.

Московское правительство XVII в., стремившееся сконцентрировать торговлю въ городахъ, главнымъ образомъ въ фискальныхъ цѣляхъ, пыталось даже ограничить свободу сельской торговли и конкуренцію крестьянъ, привозившихъ свои произведенія для продажи на городской рынокъ, но борьба въ этомъ направленіи не приводила къ желательнымъ результатамъ.

Ярмарки.

Уже предшествующія указанія говорятъ намъ о томъ, что торговля велась преимущественно ярмарочная. Она преобладала какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Исторія нашей торговли знаетъ цѣлый рядъ

ярмарокъ, пользовавшихся особой извѣстностью. Такъ, въ Холмогорскомъ краю еще въ XVI в. была извѣстна ярмарка въ селѣ Лампожнѣ. Въ двухъ миляхъ отъ города Мологи въ первой половинѣ XVI в. бывала самая многолюдная ярмарка у Холопьяго городка; сюда съѣзжались иноземцы западные и восточные, а также много русскихъ купцовъ. Здѣсь господствовала исключительно мѣновая торговля, причемъ главнымъ предметомъ ея былъ обмѣнъ восточныхъ товаровъ на западные и русскіе. Въ началѣ XVII в. уже получаетъ преобладающее значеніе знаменитая Макарьевская ярмарка. Она происходила недалеко отъ Нижняго, у стѣнъ монастыря св. Макарія Желтоводскаго. Царь Михаилъ пожаловалъ монастырю „на свѣщи, на ладанъ, на церковныя строенія и братіи на пропитаніе“ право собиранія доходовъ на этой ярмаркѣ. Макарьевская ярмарка была самой крупной въ Россіи, какъ и въ настоящее время. Сюда съ нижней Волги шли огромные транспорты товаровъ и здѣсь они мѣнялись на товары, пришедшіе изъ Москвы, изъ Архангельска, Великаго Новгорода и другихъ городовъ. Торговля въ Архангельскѣ и Астрахани носила также ярмарочный характеръ. Къ концу XVII в. на крайнемъ востокѣ получаетъ большое значеніе Ирбитская ярмарка, а на югѣ—Свинская ярмарка, недалеко отъ Брянска, на берегу Десны, у монастыря, противъ устья рѣчки Свини, впадающей въ Десну. Здѣсь шелъ обмѣнъ греческихъ товаровъ на московскіе. Вообще, къ концу XVII вѣка быстро растутъ южныя ярмарки и торговое движеніе въ здѣшнихъ городахъ, какъ Путивль, Воронежъ и т. д.

Пути сообщенія.

Характерно отмѣтить, что при преобладаніи ярмарочной торговли, требовавшей передвиженія товаровъ, пути сообщенія въ Московской Руси, отличались, однако, крайними неудобствами. Самый важный путь, Волга, даже во второй половинѣ XVII вѣка былъ весьма не безопасенъ на пути между Казанью и Астраханью, такъ какъ нѣсколько приволжскихъ городовъ, весьма

удаленныхъ одинъ отъ другого, не могли обезопасить торговыхъ каравановъ отъ нападенія разбойныхъ казаковъ и другихъ воровскихъ людей. Кромѣ того караваны часто терпѣли отъ голода, т. е. недостатка въ хлѣбѣ, такъ какъ на пути не было селеній. Впрочемъ, рѣчные пути все-таки сравнительно были удобны. Напротивъ, сухопутныя дороги были перерѣзаны болотами, рѣчками, проходили по глухимъ, лѣсистымъ мѣстностямъ, чѣмъ вообще вызывали единодушное удивленіе иностранцевъ.

Интересъ москвичей къ торговлѣ и права торговцевъ.

Къ числу особенностей московской торговли мы отнесли и то обстоятельство, что ею занимались не только исключительно торговые люди, но вообще торговля была любимымъ занятіемъ москвичей. Въ Московскомъ государствѣ всѣ старались торговать и промышлять, чѣмъ кто могъ, отъ царя до послѣдняго холопа. Иностранцы удивлялись отсутствію гонора у большинства высшаго населенія Московскаго государства, потому, что эти классы не брезгали заниматься торгомъ, несмотря на занимаемое ими высокое положеніе въ государствѣ. Самъ московскій царь былъ крупнѣйшимъ купцомъ въ государствѣ. Многіе изъ крупнѣйшимъ бояръ занимались тѣмъ же. Такіе бояре, какъ извѣстный Борисъ Ивановичъ Морозовъ, князь Яковъ Черкасскій, извѣстный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, патріархъ Филаретъ и многіе другіе, вели черезъ своихъ приказчиковъ весьма крупные торговые обороты: ихъ крестьянъ, послужильцевъ, захребетниковъ можно было встрѣтить въ торговыхъ рядахъ разныхъ городовъ и на промыслахъ. Извѣстно, что московское правительство со временъ Уложенія стремится сконцентрировать городскую торговлю исключительно въ рукахъ посадскихъ элементовъ, т. е. въ рукахъ торгово-промышленнаго класса въ собственномъ смыслѣ, но это ему не удалось: на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ въ самой Москвѣ только половина лавокъ и другихъ торговыхъ мѣстъ принадлежала московскимъ посадскимъ людямъ;

въ остальныхъ сидѣли стрѣльцы, пушкари, частновладѣльческіе и дворцовые крестьяне, приказчики служилыхъ людей или духовенства. Такъ сильно было распространено во всѣхъ слояхъ населенія стремленіе къ труду и промыслу. Правда, московская торговля выдвигала сравнительно малое число капиталистовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Она отличалась тѣмъ, что большинство торговало въ розницу, по мелочамъ. Мы почти не знаемъ крупныхъ оптовыхъ торговцевъ или заводчиковъ, спеціализовавшихся на какомъ-нибудь одномъ торговомъ дѣлѣ. Даже очень крупный московскій купецъ стремился захватить въ свои руки самые разнообразные предметы торговли, старался закупать гдѣ можно было и что можно было повыгоднѣе, старался ничего не держать на складѣ, какъ можно скорѣе пускать въ оборотъ. Оттого почти и не было фирмъ, торговавшихъ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ товаромъ. Не было даже крупныхъ магазиновъ въ нашемъ смыслѣ слова. Московскія лавки были очень незначительны по своимъ размѣрамъ, полная лавка мѣрою 4—6 кв. саж., но обыкновенно торговали въ полулавкахъ, въ четвертяхъ лавокъ, даже въ восьмыхъ, т. е. въ очень небольшихъ помѣщеніяхъ. Поэтому даже очень крупные капиталисты отличались отъ мелкихъ торговцевъ тѣмъ только, что имѣли въ одномъ и томъ же городѣ иногда по десятку и по два лавокъ. Мало того, московскій капиталистъ стремился не только торговать различными предметами во многихъ лавкахъ одного и того же города, но наиболѣе крупные изъ нихъ старались разбросать свои торговыя и промышленныя операціи по провинціи. Поэтому одного и того же гостя московскаго или иного посадскаго человѣка встрѣчаемъ и на соляныхъ промыслахъ въ Перми, и на рыбныхъ въ Поволожьи, и на Архангельской ярмаркѣ; онъ же захватываетъ, гдѣ можетъ, государственные откупа, таможни, кабаки и т. п. статьи.

Разумѣется, такая многосторонняя дѣятельность, связанная съ разнообразіемъ нѣсколькихъ предметовъ торга, вызывала потребность въ большомъ количествѣ людей, при помощи которыхъ велась торговля. Поэтому каждый крупный купецъ былъ въ то же время человѣкомъ „семьянистымъ“, по выраженіямъ памятниковъ, при чемъ подъ семьей разумѣлись и дальніе и близкіе родственники, находившіеся отъ крупнаго человѣка въ зависимости; затѣмъ у купца были приказчики, сидѣльцы, захребетники и разные наемные люди. Мало того, купецъ старался не единолично вести торгъ или промышленность, а велъ его въ компаніи съ другими капиталистами. Въ самомъ дѣлѣ, торгъ въ отдаленной Сибири, поѣздка въ Самаркандъ, да даже торговыя операціи по обширной русской равнинѣ дѣлали затруднительнымъ единоличное веденіе торга. Торговцы или отправлялись вмѣстѣ для торговыхъ операцій, ѣли изъ одного котла, или же составляли компаніи, заключали между собою складническія записи, опредѣлявшія паи каждаго изъ участниковъ предпріятія.

Только что указанныя особенности московскаго торга, его разбросанность въ смыслѣ географическомъ, разнообразіе въ смыслѣ предметовъ торговли и промысловъ, трудность путей сообщенія, ярмарочный характеръ его,—всѣ эти условія вырабатывали изъ московскаго торговца человѣка очень ловкаго, оборотливаго, довольствующагося иногда весьма незначительной прибылью. Рѣшительно всѣ иностранцы отдаютъ дань удивленія сметкѣ и оборотливости московскаго торговца. Они умудрялись продавать иностранные товары по такой низкой цѣнѣ, по какой ихъ можно было купить въ Германіи и въ Англіи. Это происходило вслѣдствіе того, что мѣновой способъ торговли и быстрый обмѣнъ товаровъ давалъ все же выгоды. Но съ другой стороны рѣшительно всѣ иноземцы, сталкивавшіеся съ московскими торговцами, отмѣчаютъ крайне отрицательныя черты ихъ—хитрость, стремленіе къ обману; запросы

московскихъ купцовъ поражали иностранцевъ. Умѣнье обмануть, по словамъ Олеарія (1635—38 г.), было единственнымъ качествомъ, которое очень цѣнили московскіе купцы. По словамъ Герберштейна (1517—26 г.), московскіе купцы выказывали большое лукавство въ торговыхъ сдѣлкахъ: если начнутъ клясться и божиться,— знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлью обмануть. По словамъ итальянца Контарини (1476 г.), московскій народъ „продувнѣй и лукавѣе всѣхъ прочихъ".

Ростъ торговли.

Ростъ торговли и промышленности къ концу XVII вѣка является дѣломъ безспорнымъ, хотя, къ сожалѣнію, его очень трудно учесть въ какихъ-нибудь цифровыхъ данныхъ. Но онъ чувствуется по тому оживленію, какое замѣчается въ городахъ: онъ замѣтенъ и потому, что въ московскомъ населеніи отлагается особое торгово-промышленное сословіе, наконецъ, онъ замѣтенъ по росту городовъ. Такъ, за 20-лѣтіе 1620—1640 г.г. въ общемъ населеніе большинства городовъ выросло на 60,5%. Такой ростъ надо признать весьма значительнымъ по сравненію съ ростомъ городовъ въ Западной Европѣ въ наиболѣе оживленные моменты ея торгово-промышленной дѣятельности: такъ, здѣсь за 40-лѣтіе 1801—1840 г.г., т. е. за періодъ нарастанія на Западѣ промышленности, городское населеніе увеличилось всего на 43%, а въ послѣдующіе 45 лѣтъ (1840—1886 г.) оно увеличилось на 98%. Поэтому, несмотря на неполноту нашихъ свѣдѣній, несмотря на нѣкоторую ихъ отрывочность, можно однако утверждать, какъ несомнѣнный фактъ, ростъ московскаго города въ теченіе XVII вѣка.

Правда, въ обширной Московіи всегда было значительное количество городовъ, которые представляли собою укрѣпленные пункты; мы, конечно, говоримъ о такихъ городахъ, которые пріобрѣли характеръ торговыхъ центровъ.

Даже внѣшній видъ торговаго города московскаго періода представлялъ собою любопытную картину. Торговая жизнь сосредоточивалась на рынкахъ, которыхъ въ большомъ городѣ иногда бывало нѣсколько. Вся площадь усѣяна небольшими помѣщеніями, лавками. Лавки расположены рядами, при чемъ въ каждомъ ряду идетъ торгъ только какимъ-нибудь однимъ предметомъ: въ одномъ ряду торгуютъ исключительно сапогами, въ другомъ шапками, въ третьемъ шелковыми матеріями, въ слѣдующемъ—мѣднымъ и желѣзнымъ товаромъ, виномъ, калачами, лукомъ или чеснокомъ и т. д. Каждый рядъ невеликъ по числу лавокъ. На площади или среди рядовъ расположены еще болѣе мелкія мѣста торга: шалаши, скамьи, бочки съ квасомъ; въ другихъ мѣстахъ сидятъ торговки или торговцы съ лукошками, торгуютъ „приносомъ“. На этихъ ларяхъ продаются всевозможные товары, но главнымъ образомъ харчевые продукты, или разные предметы украшенія, бѣлила, румяна и т. п. Всѣ эти торговыя помѣщенія тѣснятся въ одномъ мѣстѣ; занимаютъ проходы, дѣлаютъ узенькія улицы между рядами почти непроѣзжими. Тутъ же гдѣ-нибудь стоятъ на биржѣ извозчики, которые, будучи наняты сѣдокомъ, съ гиканьемъ и крикомъ мчатся среди торгующихъ. Кромѣ торговцевъ, имѣющихъ опредѣленныя мѣста для торга, на торговой площади и въ рядахъ снуетъ множество „походячихъ“ торговцевъ. Квасники разносятъ въ кувшинахъ квасъ, калачники—калачи, мясники—мясо и т. п. Весь этотъ людъ, смѣшавшійся съ пришедшими для купли, представляетъ собою подвижную, бойкую, крикливую толпу. Всѣ кричатъ, восхваляя свои товары. Торговцы страшно запрашиваютъ, предлагая покупателю товаръ, покупатель начинаетъ съ предложенія цѣны вдвое меньшей. Обѣ стороны божатся, клянутся, крестятся на огромныя иконы, которыя тутъ же украшаютъ торговые ряды... Между торгующимися нерѣдко происходятъ и столкновенія, особенно съ иноземцами:

Видъ городовъ.

московскій купецъ не прочь пустить въ ходъ такой сильный аргументъ, какъ кулакъ, для доказательства указанной имъ стоимости продаваемаго товара. Вообще, московская рыночная площадь представляла собою пестроту, напоминающую современные восточные базары. Сюда пріѣзжалъ и крестьянинъ для того, чтобы продать свои сельскіе продукты и закупить необходимыя для него вещи. Тутъ же толкался ремесленникъ, принесшій свое издѣліе, тутъ же въ толпѣ или гдѣ-нибудь на опредѣленномъ мѣстѣ стояли и сидѣли площадные подъячіе—адвокаты, предлагавшіе свой трудъ для написанія разнаго рода челобитій и заключенія всякихъ сдѣлокъ. Тутъ же гдѣ-нибудь вблизи и безмѣстные попы, принесшіе на продажу списокъ священной книги, или же предлагавшіе свой трудъ для того, чтобы помолиться о здравіи, или за упокой родителей. Интересно, что и эта, такъ сказать, интеллигентная толпа, вела себя также непринужденно, какъ и всякая толпа: въ Москвѣ безмѣстные попы, ожидавшіе найма на службы около храма Св. Василія Блаженнаго, развлекались кулачнымъ боемъ, бранились между собою и вели себя весьма непристойно, такъ что церковныя власти должны были принимать всяческія мѣры противъ безчинства поповъ. Охраненіе порядка въ такой толпѣ было дѣломъ нелегкимъ. Оно возлагалось и на рядовыхъ старостъ и на особыхъ полицейскихъ властей въ лицѣ объѣзжихъ головъ.

Мы разсмотрѣли особенности московской торговли и промышленности, связанныя съ внутреннимъ рынкомъ. Значеніе и ростъ торговаго оживленія Московскаго государства сдѣлается для насъ болѣе яснымъ, когда мы ознакомимся еще съ одной стороной вопроса, именно съ внѣшней торговлей.

Внѣшняя торговля. Балтійское море.

Прежде всего замѣтимъ, что старинная русская торговля на Западѣ и чрезъ Великій Новгородъ къ XV вѣку въ сильной мѣрѣ упала и потеряла свое прежнее значеніе. Это зависѣло отъ многихъ причинъ,

и прежде всего оттого, что Ганзейскій союзъ, оживлявшій Новгородскую торговлю, потерялъ свое прежнее доминирующее значеніе и уступилъ мѣсто новымъ торговымъ центрамъ. Затѣмъ, въ XV вѣкѣ основные продукты русскаго вывоза, мѣха и воскъ, не имѣли уже для западно-европейскаго общества прежняго значенія. Ввозъ же на Русь нѣмецкихъ товаровъ не могъ имѣть значительныхъ размѣровъ, потому что Великій Новгородъ обѣднѣлъ, потерялъ рынокъ, былъ раздираемъ политическими смутами и, наконецъ, подпалъ подъ власть московскаго великаго князя. У Ивана III съ ливонскими нѣмцами и съ Ганзою начались весьма недружескія отношенія. Въ 1492 г. Иванъ III построилъ Иванъ-городъ, что весьма показалось опаснымъ ливонскимъ нѣмцамъ. Когда же въ Ревелѣ сожгли двухъ русскихъ купцовъ, то Иванъ III совсѣмъ закрылъ Ганзейскій дворъ въ Новгородѣ, конфисковавъ имущество нѣмецкихъ купцовъ. Такъ прекратилась торговля русскихъ купцовъ съ Ганзою. Правда, въ 1514 и затѣмъ въ 1535 году торговый договоръ былъ возобновленъ, впослѣдствіе въ теченіе XVI вѣка неоднократно велись переговоры съ Любекомъ и Швеціей, но подготовленное ранѣе экономическими причинами паденіе ганзейской торговли не могло быть возстановлено. Впрочемъ, былъ моментъ, когда русская торговля на Балтійскомъ морѣ на короткое время получила было значеніе, именно когда Иванъ Грозный занялъ Нарву. Значеніе этого порта для русской торговли легко видѣть изъ того факта, что адмиралъ Горнъ захватилъ въ 1556 году 200 англійскихъ и голландскихъ судовъ съ товарами, направлявшимися къ Нарвѣ. Но этотъ подъемъ прекращается вслѣдъ за неудачами, послѣдовавшими въ годы Ливонской войны. Вообще, и во 2-й половинѣ XVI вѣка Новгородская и Псковская торговля не только не играетъ серьезной роли, но постепенно падаетъ. Паденіе ея отмѣчено такимъ наблюдательнымъ иноземцемъ, какъ англичанинъ Флетчеръ, который

указываетъ на ежегодную убыль вывоза черезъ Новгородъ: послѣ войны съ Баторіемъ вывозъ воска упалъ въ 5 разъ, вывозъ сала и кожъ—въ раза и т. п. И въ XVII вѣкѣ торговля черезъ Новгородъ со Швеціей и нѣмцами не играла большого значенія.

Бѣлое море. Англичане.

Доминирующую роль во внѣшней торговлѣ получилъ весьма неудобный портъ на крайнемъ сѣверѣ—Архангельскъ. Извѣстно, что Архангельскій портъ былъ открытъ англичанами въ 1553 г. Англійская компанія, имѣвшая цѣлью завести торговлю съ Индіей и Китаемъ, отправила 3 корабля для поисковъ морского пути. Капитанъ Ченслеръ, командовавшій однимъ изъ трехъ судовъ (остальные два погибли), былъ бурею прибитъ къ берегамъ Бѣлаго моря къ бухтѣ Св. Николая. Ченслеръ представился царю Ивану и завязалъ съ Московіей дружескія отношенія. Московское правительство хорошо оцѣнило значеніе морского пути и дало англичанамъ широкія привиллегіи. Съ другой стороны, и англичане усмотрѣли возможность черезъ Московію вести торговыя сношенія съ Персіею и Бухаріею и съ тѣхъ поръ дѣлали не разъ попытки забрать эти сношенія въ свои руки.

Привиллегіи, которыя были предоставлены англичанамъ, заключались прежде всего въ безпошлинномъ торгѣ во всемъ государствѣ, съ тѣмъ однако, что купцы должны были предъявлять свои товары казнѣ для закупки его. Затѣмъ англичанамъ предоставлялось право вести торговлю чрезъ Россію съ Востокомъ, устроить канатныя фабрики въ Вологдѣ, разыскивать подъ Вологдой руды, имъ же предоставлялось заводить конторы и подворья въ городахъ, судить своихъ членовъ безъ вмѣшательства русскихъ судовъ, держать русскихъ работниковъ; заимодавецъ не могъ посадить англійскаго должника въ тюрьму, но могъ брать только поручительство; допускалось хожденіе англійской монеты въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ и, наконецъ, только англійскимъ судамъ предоставлялось приставать на всемъ Бѣломорьи.

Англичане очень быстро устроились въ Московіи. Главная ихъ контора находилась въ Москвѣ, въ Китайгородѣ у церкви св. Максима Исповѣдника, затѣмъ были конторы и подворья въ Новгородѣ и Псковѣ, Казани, Астрахани, Костромѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ; въ Холмогорахъ они устроили прядильныя фабрики. Однако, широкія привиллегіи англичанъ вскорѣ вызвали неудовольствіе русскихъ купцовъ, и самъ Иванъ Грозный сталъ раздѣлять это неудовольствіе и выражать гнѣвъ. Къ этому присоединилось еще слѣдующее обстоятельство: нѣкоторые изъ англійскихъ должниковъ были казнены Иваномъ IV, и тогда возникъ вопросъ объ отвѣтственности русскаго правительства за долги казненныхъ. Англичане послѣ долгихъ переговоровъ этого и добились, но Иванъ Грозный уменьшилъ ихъ привиллегіи, ограничивъ торговлю англичанъ только собственно московскими городами, а поѣздки въ Казань и Астрахань разрѣшались лишь съ позволенія царя.

Послѣ неудачной Ливонской войны въ Архангельскомъ порту стали появляться корабли и другихъ національностей — фламандцевъ, голландцевъ, нѣмцевъ. Иностранцы начали конкурировать между собою, что было къ немалой выгодѣ русскихъ. Царь Борисъ, подобно своему предшественнику, покровительствовалъ иноземной торговлѣ, но, впрочемъ, ставилъ ей границы, именно—ограничивая иноземную торговлю только оптовой, а сношенія иноземцевъ съ востокомъ ограничилъ торговлею царскими товарами. Стремленіе англичанъ возобновить свои прежнія привиллегіи оказались неудачными. Выяснилось, что англійскіе купцы занимались лазутничествомъ, что нѣкоторые изъ нихъ занимали у русскихъ и не хотѣли платить и т. п. Англійское правительство, для того, чтобы покончить съ этими недоразумѣніями, прислало особаго посла, Флетчера, причемъ послѣдній особенно добивался монопольнаго права англичанъ торговать на Бѣломъ морѣ и черезъ

Московію съ крайнимъ Востокомъ. Эти требованія были отвергнуты, потому что, по словамъ бояръ, несправедливо запирать море для всѣхъ въ угоду небольшому числу людей. Мало того, русское правительство „изъ особой любви къ королевѣ", рѣшило пересмотрѣть привиллегіи англичанъ и въ новой грамотѣ уже значительно сократило ихъ. Такъ города, въ которыхъ англичане могли имѣть конторы, были ограничены Москвою, Ярославлемъ, Вологдой и Холмогорами, запрещены поѣздки на востокъ, отъ пріѣзжающихъ купцовъ требовались списки членовъ компаніи, судъ надъ членами компаніи творили русскіе приказные люди, было отнято право держать русскихъ приказчиковъ и слугъ. Смутное время на короткій періодъ прервало правильныя сношенія съ англичанами, хотя царь Михаилъ Ѳедоровичъ впослѣдствіи подтвердилъ прежнія ихъ привиллегіи, причемъ впрочемъ ограничилъ число торговавшихъ купцовъ. Несмотря на сдѣланныя ограниченія, все же англичане занимали слишкомъ привиллегированное положеніе. Безпошлинный торгъ давалъ имъ возможность конкурировать съ другими націями: они покупали русскіе товары и перепродавали ихъ голландцамъ, нѣмцамъ и т. д. Представляя собою небольшую группу лицъ, тѣсно сплоченную общностью интересовъ, они старались установить цѣны, умѣло выжидая повышенія ихъ на свои продукты и пониженія на русскіе. Неудивительно, поэтому, что русскіе торговые люди стали въ свою очередь принимать мѣры противъ привиллегій англійскихъ купцовъ и старались подѣйствовать на политику царскаго правительства. Въ половинѣ XVII вѣка значеніе торгово-промышленнаго класса, какъ мы знаемъ, было уже весьма значительно. Не удивительно поэтому, что когда въ 1646 г. московскіе гости и торговые люди представили новому правительству царя Алексѣя цѣлый обвинительный актъ противъ англичанъ, то царь нашелъ предлогъ для того, чтобы нарушить привиллегіи, выданныя его пред-

шественниками. Московское правительство объявило, что оно ограничиваетъ англійскую торговлю только однимъ Архангельскимъ портомъ, потому что англичане являются представителями народа, „который убилъ до смерти государя своего Карлуса“. Такимъ образомъ, московскіе торговые люди добились ограниченія англичанъ въ торговлѣ, такъ какъ хорошо понимали, что конкуренція въ средѣ иноземцевъ можетъ принести имъ только пользу. Вскорѣ послѣ этого пріѣхавшій въ Московію спеціальный посолъ графъ Карлейль уже ничего не могъ добиться изъ прежнихъ привиллегій: московскіе гости и инспирированное ими правительство стояли на томъ, будто англичане оголодили русское царство, вывозя даже съѣстные припасы и т. п.

Голландцы.

Торговля съ голландцами началась въ концѣ царствованія Ивана Грознаго. Вскорѣ они устроили свои конторы въ Москвѣ, Архангельскѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Усть-Колѣ. Въ 1614 году царь Михаилъ подтвердилъ привиллегіи голландцевъ, разрѣшивъ имъ пріѣздъ въ Архангельскъ и Колу, освободивъ ихъ дворы отъ пошлинъ и установивъ взиманіе съ нихъ половинной пошлины; въ гражданскихъ и торговыхъ дѣлахъ голландцы должны были судиться Посольскимъ приказомъ, а по уголовнымъ дѣламъ—у воеводъ. Голландцы имѣли право торговать всякимъ товаромъ, но только оптомъ, т. е. продавать сукна кипами и поставами, камку и бархатъ поставцами, заморскія вина—бочками и куфами и т. п. Имъ воспрещалась торговля вразбробь, на аршинъ, въ развѣсъ и особенно торговля спиртными напитками. Кромѣ упомянутыхъ выше городовъ, имъ разрѣшено было устраивать свои дворы еще въ Новгородѣ и Псковѣ. Однако голландцы могли пріѣзжать только на лѣто, а если кто хотѣлъ зимовать въ Холмогорахъ, то требовалось особое на то разрѣшеніе. Имъ разрѣшалось держать не болѣе одного дворника изъ числа русскихъ, а въ правѣ держать русскую прислугу было отказано „ради нашей истинной христіанской вѣры“.

Голландцы были самыми сильными конкурентами англичанъ, отчего между обѣими соперничающими націями происходили безконечныя недоразумѣнія и споры: англичане и голландцы недолюбливали другъ друга. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что голландцы налетаютъ, какъ саранча, и отбиваютъ хлѣбъ у англичанъ. Съ другой стороны, голландцы старались унизить англичанъ въ глазахъ русскихъ. Между прочимъ, съ этой цѣлью они прибѣгали къ карикатурамъ: напримѣръ, рисовали безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами, или льва въ видѣ собаки съ обрѣзанными ушами, и эти гравюры распространяли среди русскихъ; англичане же очень обижались и жаловались на голландцевъ. Впрочемъ, по отношенію къ русскимъ купцамъ голландцы поступали также, какъ и другіе иноземцы, такъ, напр., они препятствовали попыткамъ русскихъ купцовъ самостоятельно вывозить въ Амстердамъ русскіе товары: когда купецъ Власовъ отправился съ товарами въ Амстердамъ, то тамъ никто не купилъ у него товаровъ, а когда онъ воротился въ Архангельскъ, то голландцы раскупили все по хорошей цѣнѣ.

Впрочемъ, положеніе и голландцевъ и англичанъ съ теченіемъ времени уравнялось, потому что новоторговый уставъ 1667 года лишилъ всѣхъ иноземцевъ ихъ привиллегій въ отношеніи платежа пошлинъ и другихъ условій торговли.

Архангельскъ.

Главнымъ мѣстомъ иноземной торговли съ западными народами былъ Архангельскъ, ранѣе называвшійся портомъ св. Николая. Монастырь стоялъ въ пустынной мѣстности, но когда началась торговля, московское правительство выказало ревностную заботу объ устроеніи здѣсь города. Любопытно, что московское правительство и къ устройству Архангельскаго порта приступило съ тѣми пріемами, съ какими оно строило города на южной окраинѣ. Холмогорскіе воеводы, Нащекинъ и Залѣсинъ, получили приказаніе въ 1653 году дѣлать городъ у Архангельскаго мона-

стыря „на спѣхъ“; сосѣдніе посошные люди должны были заняться устройствомъ города. Среди непроходимыхъ дебрей сѣвера вскорѣ появилась крѣпость, амбары, тюрьма, кабаки и церкви—всѣ неотъемлемые признаки московскаго города. Московское правительство насильственно переводитъ населеніе въ новый городъ, но дѣло плохо налаживается, что вполнѣ понятно: въ торговый центръ переводятъ посошныхъ крестьянъ, они жалуются на необычныя условія новаго мѣстожительства и бѣгутъ, бредутъ розно: въ 1587 году въ Архангельскій городъ было переселено 133 семьи пахотныхъ крестьянъ, а въ 1606 г. изъ нихъ осталось 30 человѣкъ. Пахотные крестьяне мечтали о пашнѣ: „Архангельскій городъ стоитъ въ самомъ болотномъ, безпашенномъ мѣстѣ, ни единой волости и деревни къ тому городу не приписано“, жаловались они. Новымъ посадскимъ людямъ плохо живется съ иноземцами: конкурировать съ иноземцами въ торговлѣ они не могутъ, иноземцы ихъ всячески притѣсняютъ и даже свои дворы ставятъ на пашенной землѣ: „нашу искони вѣчную мірскую дорогу,—жаловались архангелогородцы царю Михаилу,—заперли и скотинишку нашему на мірскую искони вѣчную дорогу отъ ихъ дворовъ учинился заборъ и проходу скотишку нашему нѣтъ“. Московское правительство предъявляетъ къ населенію трудно выполнимое требованіе: дружить съ нѣмцами имъ воспрещалось, Архангельскій городъ былъ первое время приписанъ къ Холмогорамъ и тамъ имѣлъ свою земскую избу, почему по дѣламъ приходилось ходить за 50 верстъ; холмогорцы захватили торги, а архангелогородцы должны были оберегать торговлю, содержать стражу и стрѣльцовъ, избирать административныхъ лицъ.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени выгоды торговаго положенія города стали получать преобладающее значеніе, въ немъ стали поселяться не одни невольные поселенцы изъ пашенныхъ крестьянъ, но торгъ

привлекъ и капиталистовъ и разныхъ промышленниковъ. Въ 1620-хъ годахъ въ Архангельскомъ городѣ уже числилось 370 монастырскихъ, посадскихъ и служилыхъ людей дворовъ; тогда же въ Архангельскѣ было два гостинныхъ двора—русскій и нѣмецкій. Въ каждомъ изъ нихъ были казенные амбары и лавки, сдававшіеся купцамъ въ наймы изъ оброка, а равно и частныя лавки, принадлежавшія торговымъ людямъ, русскимъ и иноземнымъ. Въ русскомъ гостинномъ дворѣ считалось 84 казенныхъ амбара и 32 лавки, въ нѣмецкомъ—86 амбаровъ. Кромѣ того, на посадѣ было 70 отдѣльныхъ лавокъ. Правда, и тогда еще Архангельскій городъ далеко уступалъ своему сосѣду—Холмогорамъ, потому что въ это самое время въ послѣднемъ городѣ писцовая книга, кромѣ гостиннаго двора, насчитываетъ 315 лавокъ, болѣе полусотни амбаровъ, 63 кузницы, 9 харчевенъ и 19 чулановъ.

Впрочемъ, независимо отъ количества жителей, архангельская торговля имѣла большое значеніе. Архангельскъ жилъ ярмаркой и оживлялся только во время навигаціи. Съ ранней весны отъ Вологды по Двинѣ тянулись караваны дощанниковъ, карбасовъ, насадовъ и плотовъ съ русскими товарами. Къ половинѣ іюня приходили первыя иностранныя суда, они являлись подъ конвоемъ военныхъ судовъ тоже караваномъ. У устья Двины иностранныя суда были встрѣчаемы особыми вожами (лоцманами), которые вводили ихъ въ гавань. Ярмарка начиналась съ 1 іюня и продолжалась до 1 сентября, до Семена-дни, хотя на практикѣ она продолжалась и долѣе этого оффиціальнаго срока. Главный торгъ совершался въ гостинномъ дворѣ, гдѣ была таможня, находившаяся въ завѣдываніи одного изъ московскихъ гостей. Торговля производилась исключительно оптовая. Кромѣ Архангельска, торговля происходила въ сосѣднихъ городахъ: въ Колѣ, въ Холмогорахъ, иногда въ устьѣ Печоры.

Размѣры Архангельскаго торга довольно трудно учесть въ цифровыхъ данныхъ. Въ общемъ, въ его портъ заходило до 50 иноземныхъ кораблей, которые привозили самые разнообразные товары. Для характеристики ввоза приведемъ перечень товаровъ, которые были привезены въ Архангельскъ въ 1636 г., а именно: жемчугъ, золото и серебро пряденное, атласъ, шелковыя матеріи, бархатъ, камка, тафта веницейская, бумазея, полотенца коленскія, сукно, фряскія вина, пряныя зелья, сахаръ, финики и проч., мускательный товаръ, паникадила, оловяныя братины, сердоликовые камни для перстней, чернильные орѣхи, киноварь, сурикъ, камедь, сандалъ, нашатырь, квасцы, грецкое мыло, сельди, стекло, бумага писчая, бумага хлопчатая, бѣлила, желѣзо бѣлое и черное, мѣдь красная, колокола, мѣдные котлы и тазы, ртуть, деревянное масло, скипидаръ, желѣзо, слоновая кость, порохъ, свинецъ, олово, мишура, бобры и ярки нѣмецкія, бирюзовыя листья, ножи, карты, иголки, шляпы, зеркальныя стекла, бисеръ.

Не знаемъ, какъ великъ былъ ввозъ иноземныхъ товаровъ въ переводѣ ихъ на стоимость русскаго рубля того времени. Во всякомъ случаѣ, обороты Архангельской торговли были значительны, о чемъ можно судить по количеству взимаемыхъ торговыхъ пошлинъ. Такъ, если вѣрить свѣдѣніямъ, приведеннымъ у Кильбургера, то таможенныя пошлины давали московскому правительству въ пятилѣтіе съ 1654—1658 г.г. въ среднемъ по 67.508 руб. въ годъ, въ 1659—1663 г.г. въ среднемъ по 74.289 р. въ годъ, въ 1664—1668 г.г. по 68.746 руб. въ годъ, въ 1669—1673 г.г. по 66.059 руб. въ годъ. Значеніе этихъ цифръ будетъ понятно, если мы припомнимъ, что московскій рубль 2-й половины XVII в. равнялся 17-ти рублямъ 80 годовъ XIX вѣка, и, слѣдовательно, въ настоящее время московскій рубль долженъ стоить значительно болѣе 17-ти рублей. Такимъ образомъ, московское правительство получало милліонные доходы съ Архангельской промышленности.

Русскій вывозъ состоялъ изъ русскаго сырья или полуфабрикатовъ. По словамъ довольно освѣдомленнаго шведа Де-Родеса, въ самомъ началѣ 2-й половины XVII-го столѣтія первенствующую роль въ русскомъ отпускѣ играли кожи, частью выдѣланныя; ихъ вывозилось на сумму болѣе 370.000 московскихъ рублей; затѣмъ стоитъ хлѣбъ, котораго вывозилось на сумму болѣе 264.000 рублей; рядомъ съ нимъ надо указать и на вывозъ такихъ предметовъ сельскаго хозяйства, какъ сало, и свиная щетина, которыхъ вывозилось на 152.000 руб. Затѣмъ слѣдовалъ вывозъ мѣховъ и другихъ товаровъ.

Архангельская торговля во всякомъ случаѣ была самой крупной по своимъ размѣрамъ. Непосредственно за нею стоитъ торговля въ Астрахани.

Торговля съ востокомъ.

Еще при Иванѣ IV завязались торговыя сношенія черезъ Астрахань съ Бухарой и Самаркандомъ. Черезъ Бухарію на Астраханскій рынокъ поступалъ товаръ изъ Индіи. Эта послѣдняя страна особенно интересовала московское правительство, быть можетъ, подъ вліяніемъ домогательствъ иноземныхъ купцовъ. Цѣня индійскую торговлю, московское правительство особенно старалось завязать связи съ Персіей. При царѣ Михаилѣ русскіе посланники ежегодно отправляются въ Персію. Иногда Московское правительство отдавало торговлю съ Персіей, гдѣ главнымъ товаромъ торговли былъ шелкъ, особымъ компаніямъ и такимъ образомъ монополизировало ее. Такъ, въ 1634 году голштинская компанія получила привиллегію торговли съ Персіею на 10 лѣтъ; съ 1667 года на нѣкоторое время персидскую торговлю въ свои руки захватила армянская компанія. Впрочемъ, московскіе капиталисты настойчиво возражали противъ монополизаціи персидской торговли. Мы только что говорили объ интересѣ московскаго правительства къ индійской торговлѣ. Еще въ XVI вѣкѣ, Афанасій Никитинъ съ торговыми цѣлями пробрался въ Индію, но тѣмъ не менѣе торговыя связи

не наладились. Черезъ сто лѣтъ царь Алексѣй пробуетъ отправить спеціальное посольство въ Индію (въ 1663 году), но оно было задержано персидскимъ шахомъ; въ 1676 году московское правительство все-таки успѣло послать торговый караванъ въ Индію, но эта попытка окончилась неудачей. Однако индійскіе купцы сами нашли путь въ Астрахань, и здѣсь они пользовались большими льготами.

Астрахань и др. порты.

Центромъ южной торговли съ Азіей была Астрахань. Это былъ международный восточный рынокъ, куда съѣзжались персіяне, армяне, бухарцы, хивинцы, турки, греки, индусы. Русскіе купцы привозили сюда сафьянъ, овчины, деревянную посуду, сѣдла, уздечки, ножи, разныя бездѣлушки, хлѣбъ и другіе припасы; изъ Персіи сюда привозился шелкъ, краски, мечи; почти тѣ же товары получались изъ Средней Азіи.

Съ персами торговля велась черезъ Баку, Дербентъ, съ Хивой и Бухарой—черезъ Караганское пристанище. Торговля велась особенными караванами, которые отправлялись и прибывали въ опредѣленное время года.

Вообще московское правительство очень цѣнило русскую торговлю. Съ половины XVII стол. оно принимаетъ рядъ дѣятельныхъ мѣръ для того, чтобы завести правильныя сношенія съ Китаемъ. Къ концу столѣтія эти сношенія можно считать уже болѣе или менѣе налаженными, и въ 1689 году московскому послу Головину удалось заключить съ Китаемъ торговый договоръ. Русская торговля съ Китаемъ велась посредствомъ каравановъ. Въ Нерчинскѣ снаряжался караванъ съ русскими товарами, состоявшими преимущественно изъ мѣховъ. Онъ отправлялся въ Пекинъ, гдѣ русскіе мѣха вымѣнивались на китайскія ткани, шелкъ, хину, ревень, чай. Торговля была преимущественно царская, хотя нѣкоторое участіе въ ней принимали и частные торговцы.

Экономическая политика Московскаго государства въ XVI—XVII вв.*).

I. Вотчинная политика.

Вотчинная система хозяйства.

Экономическая политика Московскихъ князей до конца XVI вѣка была всецѣло проникнута вотчиннымъ характеромъ. Отдѣльнаго государственнаго хозяйства не существовало, такъ какъ въ Москвѣ отсутствовало различіе между частнымъ княжескимъ имуществомъ и государственнымъ. А это безразличіе вело къ тому, что князья распоряжались принадлежавшими имъ правами государственнаго характера также, какъ они привыкли распоряжаться своимъ частнымъ имуществомъ. Принадлежавшее, напр., имъ право государственнаго характера на тамги, мыта и другія пошлины, а также право судить и оберегать людей отъ воровъ и разбойниковъ, они завѣщали своимъ наслѣдникамъ, поступались имъ въ пользу частныхъ лицъ, нигдѣ и ни въ чемъ не обнаруживая сознанія недѣлимости, неотчуждаемости, вообще принадлежности этого права не лицу, а княженію. Такимъ образомъ, московскіе князья были государями съ привычками вотчинника. Естественно, что и ихъ хозяйство мало чѣмъ отличалось отъ хозяйства другихъ лицъ. Вплоть до половины 15 вѣка это хозяйство было натуральнымъ, болѣе того, оно являлось хозяйствомъ самоудовлетворяющимся, замкнутымъ или вполнѣ автономнымъ. Въ княжескихъ вотчинахъ, говоритъ г. Бахрушинъ, „все хозяйство велось съ такимъ разсчетомъ, чтобы снабжать дворъ князя всѣмъ необходимымъ; всѣ хозяйственные продукты шли исклю-

*) Указаніе на литературу см. въ слѣдующей статьѣ.

чительно на потребленіе двора, какого-либо сбыта на сторону, если не считать продажи соли, мы не видимъ". При такой организаціи производства торговля была слабо развита. Эта торговля была по преимуществу торговлей внѣшней, главные предметы ея были предметы роскоши, а главные потребители этихъ предметовъ—князья и крупные землевладѣльцы. Съ одной стороны, у этихъ лицъ вырабатывались привычки и потребности, для удовлетворенія которыхъ мѣстныхъ произведеній не хватало, съ другой, они обладали громаднымъ количествомъ натуральныхъ продуктовъ, которые были ими получаемы въ видѣ оброка и другихъ сборовъ съ зависимаго населенія. Подъ вліяніемъ этой новой потребности въ иностранныхъ товарахъ, главнымъ образомъ, въ предметахъ роскоши, мы замѣчаемъ у московскихъ князей планомѣрное стремленіе открывать новые рынки, завязывать торговыя сношенія какъ съ Западной Европы, такъ и съ Востокомъ. Въ этомъ отношеніи любопытна лихорадочная торговая дѣятельность Ивана III; она говоритъ о томъ, какими предметами обмѣна интересовался великій князь. „Иванъ III-й всюду на Востокѣ скупалъ драгоцѣнные камни и товары; онъ поручилъ, напримѣръ, своему послу въ Крымъ не забыть сказать отъ него нѣкоему Хозѣ Асану, что, если у него будутъ лалы, яхонты дорогіе и жемчугъ добрый, то чтобъ непремѣнно пріѣхалъ въ Москву и привезъ съ собою; узнавъ, что жена Менгли-Гирея владѣетъ жемчужиной Тохтамыша, онъ не успокоился, пока не получилъ ея". Въ результатѣ Иванъ III оставилъ наслѣдникамъ такую массу драгоцѣнностей, о которой его предшественники не имѣли понятія. За великимъ княземъ тянулись удѣльные князья и вообще крупные землевладѣльцы. Ихъ духовныя буквально наполнены упоминаніями о предметахъ пріобрѣтенной ими роскоши. Эти новыя потребности, не находя себѣ удовлетворенія въ строѣ натуральнаго самоудовлетворяющагося хозяйства, тѣмъ самымъ расшатывали

это хозяйство, перестраивая его на новыхъ началахъ обмѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ претерпѣвали измѣненіе и старыя хозяйственныя привычки. Вотчина уже не могла удовлетворять той натуральной экономіи, которая сводилась къ стремленію получить все необходимое въ своемъ хозяйствѣ. Съ появленіемъ рынковъ, съ развитіемъ обмѣна, въ хозяйствѣ возникали новые, болѣе сложные разсчеты.

Ростъ государственныхъ потребностей.

Параллельно съ описаннымъ выше процессомъ, перестраивающимъ княжескую вотчину на новыхъ началахъ обмѣна, можно въ это же время отмѣтить и другой, болѣе важный, процессъ, именно ростъ потребностей государственнаго характера, въ результатѣ котораго нарождалось хозяйство государственное.

Объединеніе удѣловъ подъ властью московскаго князя являлось не только простымъ расширеніемъ его вотчины. Сопровождаясь ростомъ національнаго самосознанія, это объединеніе ставило новыя задачи верховной власти. Среди этихъ задачъ на первомъ мѣстѣ стояла борьба съ внѣшними врагами не того или другого удѣла, а всей Русской земли. Такимъ образомъ, прежніе московскіе князья, а теперь государи, силой обстоятельствъ выдвигались на болѣе широкую арену международной политики. А между тѣмъ, веденіе этой политики предъявляло имъ запросы, не находившіе себѣ удовлетворенія ни въ одной изъ формъ ихъ вотчиннаго дворцоваго хозяйства. На первомъ мѣстѣ среди этихъ запросовъ естественно стояли нужды военныя. Съ одной стороны, приходилось увеличить армію, съ другой, дать ей подходящее вооруженіе и позаботиться о ея содержаніи. Около 1490 года появляется постоянная армія въ формѣ зависимаго отъ правительства служилаго класса. Армія съ теченіемъ времени растетъ. Но вскорѣ одной этой дворянской конницы оказывается далеко недостаточно для веденія военныхъ операцій противъ пѣхоты болѣе культурныхъ сосѣдей. И вотъ, на службѣ московскаго князя появляется не-

большой отрядъ „пищальниковъ“, въ серединѣ XVI в. переименованныхъ въ стрѣльцы. Отрядъ стрѣльцовъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, обходится значительно дороже дворянской конницы. Въ то время, какъ дворяне и дѣти боярскіе служили преимущественно съ земель и лишь на время похода получали денежныя приплаты, наемная пѣхота, стрѣльцы, получаетъ уже ежегодное жалованье. Такимъ образомъ, армія увеличивалась и требовала для своего содержанія все большее и большее количество денегъ. Удовлетворить эту потребность собственными силами дворцоваго хозяйства не представлялось теперь возможнымъ. Во-первыхъ, это хозяйство все же еще оставалось хозяйствомъ натуральнымъ, тогда какъ удовлетвореніе новыхъ потребностей требовало денегъ, во-вторыхъ, экономическая мощь дворцоваго хозяйства, разсчитанная на болѣе скромныя требованія удѣльной поры, была черезчуръ незначительна при создавшихся новыхъ условіяхъ.

Денежное хозяйство.

Это вызвало къ жизни цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ послѣдствій. Съ одной стороны, создавшаяся нужда въ деньгахъ ускоряла до болѣзненности переходъ натуральнаго хозяйства къ денежному: это становится замѣтнымъ ко второй половинѣ 16-го вѣка и наблюдается, во-первыхъ, въ измѣненіи характера владѣльческаго оброка съ крестьянъ, во-вторыхъ, въ паденіи цѣнности денегъ.

Однако это измѣненіе очень долго не сопровождалось перемѣной въ техникѣ хозяйственныхъ пріемовъ. Московскіе цари изъ вотчинниковъ съ привычками государя превратились въ государей съ привычками вотчинниковъ. Центръ тяжести съ ихъ дворцовыхъ земель перешелъ на все государство, но это государство считалось ихъ „вотчиной“. Въ этой вотчинѣ они и хозяйничали съ тѣми пріемами, которые усвоили себѣ на дворцовыхъ земляхъ. Эти пріемы въ примѣненіи ихъ къ государственному хозяйству можно наз-

вать фискальными; къ анализу фискальной политики московскихъ царей мы теперь и переходимъ.

Фискальная политика.

„Покойный царь Иванъ Васильевичъ, писалъ Флетчеръ, обыкновенно говаривалъ, что народъ сходенъ съ его бородою: чѣмъ чаще стричь ее, тѣмъ гуще она будетъ расти, или съ овцами, которыхъ необходимо стричь, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, чтобы не дать имъ совершенно обрости шерстью". Въ этихъ немногихъ словахъ наблюдательнаго иностранца, правда, немного рѣзко, но глубоко правдиво, сказались тѣ безхитростные пріемы московскихъ царей, которые они примѣняли въ сферѣ своего государственнаго хозяйства. Все здѣсь, такимъ образомъ, сводилось къ умѣнію взять какъ можно болыпе. Съ населеніемъ, съ тѣмъ, что оно можетъ „оскудать" почти совсѣмъ не считались. Наоборотъ, населеніе всегда подозрѣвалось въ желаніи скрыть отъ правительства часть своего дохода, уклониться, избѣжать платежа. Возьмите любой наказъ сборщикамъ податей и вы неизбѣжно встрѣтите въ немъ стереотипную фразу: „а хто станетъ ослушатца, на тѣхъ бы правили и наказанье дѣлали по наказу". Дѣйствительно, населеніе уклонялось отъ платежей или „чинилось сильно", какъ образно выражались на Москвѣ. Но это было лишь слѣдствіемъ московской фискальной политики: тамъ, гдѣ весь смыслъ этой политики сводится къ желанію стричь овецъ, мудрено ожидать у населенія расположенія къ этой операціи. Естественно, что населеніе шло на утекъ, вырабатывало свои особые пріемы сокрытія отъ фискальныхъ агентовъ правительства. Эти пріемы зачастую поражаютъ васъ своей оригинальностью или замысловатостью, предъ вами какъ будто цѣлая вполнѣ законченная система отбыванія отъ тягла. Въ Москвѣ отвѣчали на это иногда не менѣе остроумной системой уловленія плательщиковъ различныхъ сборовъ. Но въ наказѣ центральнаго правительства, въ концѣ концовъ, трудно было предвидѣть всѣ

уловки населенія, къ которымъ оно прибѣгнетъ на мѣстахъ. Поэтому наказы обыкновенно открывали широкій просторъ усмотрѣнію агентовъ правительства. „А однолично бы есте збирали (такія то деньги) съ великимъ радѣніемъ, розсуживая смотря по тамошнему дѣлу не оплошно и предъ прежнимъ годомъ въ зборѣ искали нашей казнѣ прибыли". Въ результатѣ этой борьбы правительства и населенія развивалась московская финансовая техника, расцвѣченная всѣми цвѣтами приказной „хитрости" и крючкотворства. Въ Москвѣ умѣли взять, но на этомъ, кажется, и заканчивались всѣ достоинства московской финансовой политики. Въ общемъ, эта политика, обнаруживая большую житейскую сноровку, отличалась бѣдностью теоретической мысли. Она вся держалась на двухъ устояхъ, чтобы никто и ничто не былъ въ избылыхъ, и чтобы казнѣ передъ прежнимъ годомъ было прибыльнѣе. Съ одной стороны, изъ этого требованія вытекало стремленіе изъять всѣ податныя привилегіи, съ другой накрыть налоговымъ бременемъ всѣ источники народнаго дохода. И нужно признать, что вторая задача Москвѣ удавалась лучше, чѣмъ первая.

Податныя привилегіи.

Податныя привилегіи на Москвѣ очень стараго происхожденія. Онѣ возникаютъ въ пору слабости княжеской власти, и тогда, когда князья смотрѣли на совокупность государственныхъ правъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, какъ на свою частную собственность. Необходимость вознаграждать за службу, вообще за рядъ услугъ, начиная съ услуги на войнѣ, въ управленіи, и кончая молитвой игумена монастыря, побуждаетъ князей, зачастую за неимѣніемъ другихъ средствъ, поступаться въ пользу этихъ лицъ принадлежавшимъ имъ правомъ собирать налоги, какъ прямые, такъ и косвенные, а также отчуждать свое регальное право на судъ. Въ результатѣ этой политики получался цѣлый рядъ податныхъ изъятій, оформленныхъ жалованными грамотами. Однѣ изъ нихъ (несу-

димыя грамоты) *) освобождали или совершенно, или отчасти отъ суда намѣстниковъ, волостелей, воеводъ и представляли право вотчиннику самому судить своихъ крестьянъ, кромѣ наиболѣе важныхъ, уголовнаго характера, преступленій, какъ-то душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, другія (льготныя грамоты) освобождали чаще всего на опредѣленное количество лѣтъ (отъ 3 до 20) отъ платежа и отъ участія въ повинностяхъ: „и тѣмъ людямъ не надобѣ моя дань (на столько-то лѣтъ), ни ямъ, ни подвода, ни писчая бѣлка, ни иная никоторая пошлина“. Но особенный ущербъ интересамъ казны наносило изъятіе отъ платежа таможенныхъ пошлинъ, которыя вмѣстѣ съ кабацкимъ доходомъ, какъ увидимъ позднѣе, составляли главную часть бюджета московскаго правительства. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ изъятій: въ XVI в. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь получилъ жалованную грамоту, по которой запрещалось взимать пошлины съ продаваемой монастыремъ поморской соли и съ запасовъ, покупавшихся на монастырь по всѣмъ городамъ; въ 1595 г. размѣръ безпошлинной продажи соли тѣмъ же самымъ монастыремъ былъ опредѣленъ въ 40,000 пудовъ, еще большую привилегію получилъ монастырь въ 1639 г., когда грамотой Михаила Ѳедоровича на Двину кабацкимъ и таможеннымъ головамъ запрещалось брать пошлины съ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, какъ съ его провозной соли, такъ и съ запасовъ, купленныхъ на деньги, вырученныя отъ продажи 40,000 п. соли. Примѣръ этотъ не единственный. Кромѣ указанныхъ уже привилегій, были еще изъятія и другого рода. Именно, въ государствѣ на ряду со сборами, взимавшимися правительствомъ, существовали сборы, взимавшіеся частными лицами въ свою пользу. Такъ, напр., памятники XVI в. упоминаютъ о кабакахъ, принадлежавшихъ не только боярамъ, но и ли-

*) Судъ въ древности съ его судебными пошлинами былъ немаловажнымъ источникомъ дохода.

цамъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей. Далѣе, частныя лица на территоріи своихъ вотчинъ имѣли свои мосты, перевозы, на которыхъ пошлина съ проѣзжавшихъ взималась не въ пользу казны, а въ пользу ихъ владѣльцевъ-вотчинниковъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны далеко не всѣ сборы, взимавшіеся съ населенія, были сосредоточены въ рукахъ государства, многіе изъ нихъ составляли право частныхъ лицъ, съ другой—государство поступалось и тѣми сборами, которые принадлежали ему. Такой порядокъ, возникшій въ эпоху слабости княжеской власти, или точнѣе въ эпоху расхищенія ея многихъ верховныхъ правъ, продолжался и позднѣе при московскихъ самодержцахъ. Нельзя сказать, чтобы въ Москвѣ не чувствовали всей убыточности сложившагося порядка; наоборотъ, московскіе государи, уже начиная съ Ивана Грознаго, предпринимали попытки уничтожить податныя привилегіи, основанныя на жалованныхъ тарханныхъ грамотахъ. Такъ, Грозный въ 1549 году распорядился отмѣнить тарханы, позднѣе въ 1617 г. извѣстенъ царскій указъ и боярскій приговоръ объ уничтоженіи старыхъ и новоподписанныхъ жалованныхъ тарханныхъ грамотъ, то же самое мы знаемъ и относительно 1672 г. Раньше, въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка былъ предпринятъ пересмотръ жалованныхъ грамотъ, причемъ это дѣло было поручено особому Сыскному приказу. Боролись московскіе государи и съ частными перевозами, мостами и кабаками. „Указали есмя, читаемъ въ одномъ изъ указовъ Ѳедора Ивановича, во всемъ своемъ государствѣ, во всѣхъ городахъ и на посадѣ и въ уѣздѣ, которые были перевозы и мосты, вѣдати на насъ, а иные перевозы и мосты устроили на себя наши бояре и дворяне и землю нашу пустошатъ безъ нашего указу, и тѣ всѣ перевозы и мосты, во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ, велѣли есмя вѣдати на себя, для того,—слухъ насъ дошелъ, что въ томъ мотчанье и убытки великіе чинятся“. Поэтому предпи-

сывалось прокликать на посадахъ и въ уѣздахъ царское жалованье всей землѣ: сказать, что на всѣхъ большихъ перевозахъ будутъ собирать пошлину земскіе цѣловальники, по новому указу,—половину на царя, половину на вотчинниковъ. Этотъ законъ, такимъ образомъ, съ одной стороны, объявлялъ вѣданіе мостовъ и перевозовъ дѣломъ казеннымъ и бралъ ихъ въ казенное управленіе, съ другой, половиной сбора онъ все же поступался частнымъ владѣльцамъ. И въ другомъ еще отношеніи этотъ законъ былъ неполонъ: онъ ничего не говоритъ о малыхъ перевозахъ и мостахъ, сборъ за пользованіе ими всецѣло остался въ рукахъ вотчинниковъ. Такимъ образомъ, какъ этотъ указъ Ѳедора Ивановича, такъ и попытки отмѣны тарханныхъ грамотъ не были ни достаточно категорическими, ни проводились съ надлежащей послѣдовательностью. Тарханы продолжали существовать, существовали и частные сборы еще въ XVII вѣкѣ *). Объясненія этой безуспѣшной борьбы надо искать отнюдь не въ отсутствіи умѣнія московскаго правительства бороться съ податными привилегіями, а въ томъ, что московское самодержавіе базировало на поддержкѣ какъ разъ тѣхъ слоевъ населенія, въ рукахъ которыхъ были эти привилегіи. Это „сильные люди“ московскаго государства, сначала боярство, затѣмъ дворянство и почти всегда монастыри.

Изысканіе новыхъ источниковъ обложенія.

Итакъ, первая часть московской финансовой программы, чтобы никто въ избылыхъ не былъ, на практикѣ не могла быть проведена съ той строгостью, какой можно было ожидать отъ московскаго правительства. Въ Москвѣ стригли овецъ, но далеко не всѣхъ. Но тѣмъ болѣе поражаетъ изслѣдователя та виртуозность, съ какой въ Москвѣ умѣли отыскивать новые источники дохода. Глазъ и рука московскихъ царей не пропускали безъ вниманія и безъ побора никакой мелочи въ со-

*) Окончательно тарханы были отмѣнены только при Петрѣ Великомъ.

ставѣ государственнаго хозяйства. Даже прибыльщики Петровской эпохи съ ихъ „прожектами“ порой блѣднѣютъ передъ мѣропріятіями московскаго правительства. Особенно изощрялись на Москвѣ въ сферѣ косвеннаго обложенія. Таможенная система заключала въ себѣ болѣе 40 наименованій различныхъ пошлинъ. Одни изъ нихъ были пошлинами проѣзжими и падали или на вещи (мыты за провозъ товаровъ), или на лица (головщина, задніе колачи, костки), или на тѣ и на другія. Затѣмъ были пошлины торговыя, которыя взимались, съ одной стороны, за самое право торговли, съ другой— за продажу товаровъ. Особенно многочисленны были пошлины, взимаемыя за право торговли, а между тѣмъ торговецъ могъ вѣдь и не продавать своего товара. Здѣсь брали съ цѣны товара, за явку товара въ таможню, за пользованіе казеннымъ помѣщеніемъ—гостиннымъ дворомъ и амбаромъ, причемъ купецъ не могъ отказаться отъ такой любезности правительства, за вывозъ товаровъ съ гостиннаго двора (поворотное), за складку товаровъ передъ взвѣшиваніемъ (свальное), за взвѣсъ или помѣръ, за подниманіе товара на вѣсы, за „узолки“ съ таможенными печатями, накладываемые на товары (поузольщина) и т. д. Далѣе особыми источниками казеннаго дохода служили торговыя бани, площадное письмо, мыльная рѣзня, сѣнная труха и т. д. Однимъ словомъ, ни малѣйшая мелочь не ускользала отъ вниманія правительства, отъ правительственнаго побора. Это была своеобразная генеральная облава на обывателя, при чемъ большинство указанныхъ сборовъ донимало не только своей тяжестью, сколько своей численностью.

Отношеніе къ населенію и реформа.

Съ нашей точки зрѣнія такая финансовая политика была политикой слѣпой. Выгоды, которыя получало московское правительство въ результатѣ этой политики, ни въ коемъ случаѣ не равнялись тому ущербу, который наносился торговой и промышленной дѣятельности населенія. Такъ напримѣръ, таможенная система

препятствовала развитію торговли и промышленности. Изъ-за тяжести налоговъ и ихъ большой численности не было выгоды привозить товары издалека, большинство товаровъ не было доступно для массъ. Производительныя силы населенія не увеличивались, а наоборотъ, находились въ состояніи какой-то спячки. Народная психологія была въ извѣстной степени психологіей тупого отчаянія; въ одной изъ иностранныхъ брошюръ (брошюра анонимная, написанная въ отвѣтъ на брошюру Нейкерке 1630 г.) приводится небольшой, но въ высшей степени интересный разсказъ: иностранцы обращали вниманіе русскихъ, говорится въ немъ, на громадное количество нераспаханныхъ земель и побуждали ихъ къ обработкѣ эихъ новинъ, на что русскіе отвѣчали, что имъ пришлось бы слишкомъ много отдавать приказнымъ людямъ, если они будутъ обрабатывать большія пашни. „Зачѣмъ намъ много работать, говорили они, когда намъ все равно остается только на хлѣбъ и соль“. Но не помогая народному труду стать болѣе производительнымъ, а, наоборотъ, отягощая этотъ трудъ, московское правительство тѣмъ самымъ вырывало у себя возможность развивать государственное хозяйство и „полнить“ государственную казну. Отчасти это объясняется московской народной психологіей, о которой очень краснорѣчиво говоритъ иностранный наблюдатель де-Родесъ. Де-Родесъ очень низкаго мнѣнія о хозяйственныхъ талантахъ московскихъ людей. Во-первыхъ, они непредусмотрительны, ихъ разсчеты никогда не простираются на будущее, во-вторыхъ, они жадны къ большимъ барышамъ и „не понимаютъ, что маленькій барышъ, при частомъ оборотѣ, приноситъ несравненно болѣе выгоды“. Но кромѣ психологіи, здѣсь оказывало свое вліяніе то обстоятельство, что московское государственное хозяйство строилось не въ предвидѣніи будущихъ затрудненій или нуждъ, а непосредственно подъ вліяніемъ ихъ. Съ каждой новой потребностью возникала нужда въ опредѣленномъ количествѣ

матеріальныхъ средствъ для ея удовлетворенія. Удовлетворить эту нужду можно было, во-первыхъ, назначеніемъ новаго налога или повышеніемъ размѣра старыхъ, во-вторыхъ, результатъ той и другой финансовой операціи въ цѣляхъ непосредственнаго и скораго удовлетворенія возникшей потребности, главнымъ образомъ военнаго характера, всегда долженъ быть извѣстнымъ напередъ. Возникла, напримѣръ, потребность въ организаціи иноземныхъ полковъ, для того, чтобы навербовать и сорганизовать эти полки, необходима такая-то сумма денегъ. Въ Москвѣ высчитали эту сумму и, объявляя новый налогъ „на кормъ нѣмецкимъ людямъ", разверстываютъ сумму налога на рядъ единицъ обложенія, т. е. сохъ; приходится, положимъ, 400 руб. на соху, о томъ, какъ заплатитъ населеніе эти деньги, въ Москвѣ мало заботятся. Такимъ образомъ, московская налоговая система строилась поверхъ платежныхъ силъ населенія, бюджетъ государства мало зависитъ отъ уровня производительныхъ силъ населенія, количество налоговаго бремени опредѣлено заранѣе правительствомъ. Это—такъ называемая репартиціонная система налоговъ, такая система, въ которой каждый налогъ имѣетъ свой опредѣленный на годъ окладъ. Выгода этой системы въ томъ, что правительство можетъ напередъ учесть количество поступленій, невыгода въ томъ, что при увеличеніи производительныхъ силъ страны весь этотъ приростъ пропадаетъ для правительственнаго бюджета.

Откупа.

Въ Московскомъ государствѣ окладными налогами были не только прямые, но и большая часть косвенныхъ. Изъ нихъ главные: таможенная пошлина и кабацкая прибыль очень часто сдавались по опредѣленному окладу на откупъ. Вообще, взиманіе косвенныхъ налоговъ производилось по двумъ системамъ, по такъ называемой вѣрной или казенной, и откупной. Сначала и вѣрная и откупная система существовали параллельно, но въ 1681 году первая изъ нихъ возобладала

надъ второй. Откупная система больше отвѣчала стремленіямъ московскаго правительства, она вполнѣ соотвѣтствовала всей его финансовой политикѣ, такъ какъ она гарантировала ему поступленіе сборовъ въ опредѣленномъ размѣрѣ. Правда, и при вѣрной системѣ московское правительство ставило таможеннымъ и кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ предѣльную сумму (обычно окладъ, или поступленіе предыдущаго года), меньше которой они не должны были собрать въ текущемъ году. Но если у нихъ обнаруживался недоборъ и они умѣли доказать, что недоборъ зависѣлъ отъ такихъ причинъ, какъ хлѣбный неурожай, моровое повѣтріе и другихъ народныхъ бѣдствій, сокращавшихъ, съ одной стороны, размѣръ торговли, съ другой— потребленіе царскаго вина (кабацкое дѣло было царской монополіей), то этотъ недоборъ ни съ нихъ, ни съ населенія не взыскивался. Другое дѣло откупъ: что бы ни случилось съ населеніемъ, будетъ ли оно пить на царевомъ кабакѣ, или нѣтъ, до этого московскому правительству не было дѣла. Откупщикъ все равно обязанъ заплатить сумму откупа. Такимъ образомъ, въ теоріи откупъ гарантировалъ отъ недобора, потому онъ былъ выгоднѣе для правительства, чѣмъ первая система. Но для населенія откупщики были настоящимъ бичемъ. Они всѣми правдами и неправдами, съ массой злоупотребленій, старались выбирать свои деньги и получить на нихъ возможно больше прибыли. Въ 1632 году посадскіе люди г. Дмитрова били челомъ государю, что „для откупщиковъ продажъ и великаго ихъ насильства они въ конецъ погибли“. И не только Дмитровцы, но и населеніе другихъ посадовъ и уѣздовъ не мирилось съ откупщиками. Обычно населеніе въ этихъ случаяхъ просило или сдать всему посаду тотъ кабакъ въ откупъ „не для прибыли, а чтобъ отъ грабежей откупщиковъ въ конецъ не погибнуть“, или замѣнить откупъ вѣрнымъ управленіемъ. Но и вѣрное управленіе было мало чѣмъ лучше откупного. Дѣло

въ томъ, что съ Москвы обыкновенно требовали отъ кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, а также отъ воеводъ, которымъ принадлежалъ высшій надзоръ за таможней и царскимъ кабакомъ, чтобы они чинили прибыль государевымъ кабацкимъ и таможеннымъ доходамъ: „И вамъ бы воеводамъ о томъ порадѣти, чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, чтобы нашей казнѣ была прибыль“. И когда одинъ изъ воеводъ, именно воевода Верхотурья, рѣшился въ отвѣтъ на это требованіе указать, что на ихъ кабакѣ всѣ пропились, одолжали и обнищали, и что, по его мнѣнію, кабакъ нужно бы закрыть, чтобъ вдосталь все не разорить, или по крайней мѣрѣ, нужно бы „отъ кабацкаго питья унимать“, то на это донесеніе послѣдовалъ такого рода отвѣтъ: „и вы пишете къ намъ не радѣя о нашемъ дѣлѣ, что кабакъ хотите отставить. Прежъ васъ многіе на Верхотурьѣ воеводы бывали, а о томъ кабакѣ къ намъ не писывали... и вы, дѣлая лѣностью своею и не хотя намъ служити, пишете къ намъ не дѣломъ“. Впрочемъ, донесеніе воеводы было принято къ свѣдѣнію, что слѣдуетъ изъ продолженія цитуемаго указа: „и вы-бъ велѣли учинить заказъ крѣпкій, чтобъ на кабакѣ тутошніе люди не пропивалися... и сами бы есте къ тому призирали почасту, чтобъ... кабацкихъ денежныхъ доходовъ передъ прежними годы собрали съ прибылью.., чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль..., а опричь тутошнихъ служилыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ пить на кабакѣ будетъ кому“. Такимъ образомъ воеводѣ предлагалось разрѣшить трудную диллему, чтобъ на кабакѣ въ одно и то же время не пропивались, и чтобъ доходы его, между тѣмъ, увеличивались привлеченіемъ къ кабаку какихъ то постороннихъ людей. Мы не знаемъ, нашелъ ли этотъ воевода „питуховъ“ на сторонѣ, вѣрнѣе,—онъ не искалъ ихъ, а предоставилъ пропиваться въ конецъ мѣстному населенію. Въ другихъ случаяхъ московское

правительство на подобныя челобитныя отвѣчало еще короче и строже, безъ всякихъ совѣтовъ и поученій. Кабацкій голова Устюга Великаго доносилъ въ Москву, „что государевѣ казнѣ чинится недоборъ великій“, такъ какъ „питуховъ не стало: многіе люди оскудѣли и въ напойныхъ деньгахъ отъ прошлаго головы стоятъ на правежѣ“. „Пишешь воровски, отвѣчали ему съ Москвы, хочешь воровать; велимъ доправить вдвое“. И, дѣйствительно, недоборы доправляли, т. е. взыскивали или на головѣ съ цѣловальниками, или на тѣхъ, кто по нихъ ручался, а въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ и на всемъ населеніи, которое ихъ выбирало къ вѣрному сбору, „чтобъ на то смотря инымъ не повадно было такихъ воровъ къ такимъ государевымъ дѣламъ выбирать“, и за то „порастрясти ихъ мірскіе животишки“. При такомъ ревнивомъ отношеніи правительства къ своей монополіи-кабаку, головамъ и цѣловальникамъ естестественно оставалось прибѣгать къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы учинить въ текущемъ году прибыль или, по крайней мѣрѣ, избѣжать недобора. Въ Москвѣ побуждали ихъ къ этому не только угрозами (правежъ), но и обѣщаніемъ въ случаѣ успѣха наградъ деньгами, дорогими сукнами, серебряными чарками. Въ выборѣ средствъ для успѣшнаго выполненія дѣятельности кабацкихъ головъ не стѣсняли. По выраженію одной грамоты, имъ разрѣшалось въ своей сферѣ дѣйствовать „безстрашно“ и „никакого себѣ опасенія не держать“. Съ одной стороны, имъ позволялось отпускать „питухамъ“ вино въ долгъ, правда, не болѣе, какъ на гривну, съ другой, намъ извѣстны факты, когда питье съ кабака отпускалось подъ закладъ, „потому тогда и сборъ былъ больше“, замѣчаетъ одинъ кабацкій голова. Кредитъ въ кабацкомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, увеличивалъ царскую кабацкую прибыль, но кабацкіе головы не могли на этомъ остановиться. Чтобы увеличить количество и, такъ сказать, качество „питуховъ“, они постарались, гово-

рить проф. Дитятинъ, „обставить царскій кабакъ, во первыхъ, по возможности соблазнительнѣе, увеличивая его, и такъ довольно могучую для московскаго человѣка, притягательную силу всяческими прелестями въ глазахъ питуховъ, начиная съ различныхъ невинныхъ забавъ, вродѣ гуслей, скомороховъ и т. п. игръ сатанинскихъ, переходя къ картамъ, зерни и т. п.“; во вторыхъ, поровнли кабацкими сѣтями опутать возможно большій районъ“. Съ этой цѣлью, напр., они добивались правительственныхъ указовъ, которыми игорный притонъ узаконялся только на кабакѣ. Въ 1668 году тюменцы говорили въ разспросѣ тобольскому воеводѣ, что когда по временамъ игры запрещались и игорныя принадлежности были отнимаемы, „и въ то де время бьютъ челомъ кружечнаго двора и съ квасной цѣловальники—какъ де зерни и картъ не будетъ, и государева де питья никто безъ того пить не станетъ, и послѣ де цѣловальничья челобитья живетъ зернь и карты повольно, и въ то де время и питья живетъ больше“. „Питуховъ отъ кабаковъ не отгонять“ писали съ Москвы, и, памятуя этотъ царскій указъ, кабацкіе головы и цѣловальники не только не отгоняли, а, наоборотъ, усердно уловляли ихъ, привлекали, поспѣвая за ними со своими „продажными питьями“ на ярмаркахъ, богомольяхъ, чудотворныхъ мѣстахъ, или, еще проще, раздавали вино и пиво на руки сторожамъ и рабочимъ, служащимъ при кабакахъ, а тѣ „то вино и пиво съ кабака по домамъ, которые коло кабака живутъ, разносятъ“. Если этихъ мѣръ было мало, если „кабацкія прелести“ дѣйствовали недостаточно, то головы и цѣловальники не останавливались и передъ болѣе рѣшительными мѣрами. Такъ, они приписывали на питуховъ многія лишнія деньги, или, замѣтивъ деньги у пришедшаго въ кабакъ, которыя тотъ принесъ съ собою „для прокладу, не пить“, велѣли „тѣхъ питуховъ ковать въ желѣзо, въ тюрьму сажать..., на правежѣ бить на смерть“,—все съ тою цѣлью, чтобы за-

ставить его оставить эти деньги на кабакѣ. Такова была эксплоатація одной изъ главныхъ доходныхъ статей московскаго правительства—кабаковъ. Мы намѣренно остановились на ней подробнѣе, чтобы рельефнѣе показать, съ одной стороны, пріемы и цѣли московской фискальной политики, съ другой, ея результаты. Итакъ, въ Москвѣ руководились однимъ принципомъ, который Юрій Крижаничъ мѣтко назвалъ „людодерствомъ"; съ народомъ, съ его обнищаніемъ считались мало. Въ результатѣ такой финансовой политики, производительныя силы населенія не могли развиваться въ той степени, въ какой онѣ могли развиться при наличности многихъ благопріятныхъ условій, изъ которыхъ на главномъ мѣстѣ стояли торговля съ иностранцами и новыя пріобрѣтенія, въ родѣ Поволжья, богатой Сибири, или плодороднаго юга. А эта спячка народныхъ силъ имѣла и обратное дѣйствіе. Именно, она не давала развиваться и государственному бюджету. Такъ, московская фиксальная политика въ самой себѣ носила язвы своего разложенія. И это разложеніе шло параллельно съ пробужденіемъ русскаго города, его промышленныхъ и торговыхъ силъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этой переходной эрѣ въ исторіи московской экономической политики, намъ необходимо нѣсколько остановиться спеціально на торговой политикѣ московскаго государства 16-го и первой половины 17 вѣковъ.

Торговая политика: ея связь съ фискальной.

Государственныя потребности требовали своего удовлетворенія въ деньгахъ. Фискальная политика была насосомъ, выкачивающимъ эти деньги изъ населенія. Въ Московскомъ государствѣ не было недостатка въ драгоцѣнныхъ металлахъ, но для отысканія ихъ и разработки не хватало людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ. Такъ, въ 1482 году Іоаннъ III просилъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина прислать горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной, а также въ отдѣленіи металла отъ земли.

„У насъ есть серебро и золото, велѣлъ онъ сказать королю, но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ нашемъ государствѣ“. Но, несмотря на эти неоднократныя обращенія къ Западной Европѣ съ вызовомъ „рудознатцевъ“, разработка минеральныхъ богатствъ въ Россіи, за исключеніемъ желѣза и мѣди, ни въ XVI, ни въ первой половинѣ XVII вѣка не привилась. Москва не добывала своего серебра и, слѣдовательно, не могла чеканить собственной серебряной монеты, а между тѣмъ государственное денежное хозяйство было построено на серебряной валютѣ. Серебро и золото поэтому, главнымъ образомъ въ иностранной монетѣ, получалось изъ-за границы. Способомъ полученія ихъ была внѣшняя торговля. Этимъ обстоятельствомъ отчасти объясняются усилія московскаго правительства развить свою внѣшнюю торговлю, отыскать для своихъ продуктовъ все новые и новые рынки сбыта. Такъ, торговая политика была дополненіемъ политики фискальной.

Система денежнаго баланса.

Уже указанное обстоятельство—необходимость полученія изъ-за границы иностранной монеты для поддержанія денежнаго обращенія въ странѣ—придавало торговой политикѣ Московскаго государства ту форму, которую можно назвать системой денежнаго баланса. Система денежнаго баланса, эта система ранняго меркантилизма, представляетъ изъ себя совокупность разнообразныхъ мѣръ, связанныхъ одной общей мыслію и клонившихся къ одной цѣли—обезпечить странѣ возможно большее количество монеты. Эти мѣры должны преслѣдовать, такимъ образомъ, двоякую цѣль: во первыхъ—привлечь какъ можно болѣе монеты изъ-за границы, и, во вторыхъ,—не дать ей опять исчезнуть. Съ первой цѣлью торговая политика, построенная на системѣ денежнаго баланса, стремится развить вывозъ изъ страны насчетъ ввоза въ нее, сосредоточить торговлю въ опредѣленныхъ пунктахъ для надзора за торговлей и за тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, часть упла-

чиваемыхъ денегъ при всякой отдѣльной продажѣ за границу состояла изъ иностранной монеты или металла, которые предназначались для ввоза въ данную страну. Что касается мѣръ, направленныхъ къ недопущенію вывоза денегъ изъ страны, то къ нимъ относятся: непосредственное запрещеніе вывоза и требованіе, чтобы всякій иностранецъ, ввозящій товары въ данную страну, покидая ее, истратилъ всѣ полученныя за нихъ деньги, т. е. накупилъ туземныхъ товаровъ на одинаковую цѣнность.

Превышеніе ввоза надъ вывозомъ.

Всѣ эти мѣропріятія были знакомы московскому правительству и осуществлялись имъ на практикѣ. Вывозъ изъ „Московіи“, по отзывамъ иностранцевъ, всегда превышалъ ввозъ въ нее западно-европейскихъ товаровъ, что съ ихъ точки зрѣнія являлось большимъ недостаткомъ въ торговлѣ съ Россіей, такъ какъ разницу приходилось довозить монетой. Съ одной стороны, это превышеніе вывоза надъ ввозомъ обусловливалось положеніемъ Московскаго государства въ международной торговлѣ того времени, съ другой искусственными мѣропріятіями московскаго правительства*).

XVI и XVII вѣка въ западно-европейской торговлѣ были временемъ наибольшаго стремленія къ рынкамъ Востока. Востокъ доставлялъ пряности, ревень, шелкъ, сырецъ, шелковыя и другія дорогія ткани; изъ Китая шелъ чай, изъ Индіи драгоцѣнные камни; а такъ какъ привозъ этихъ товаровъ въ Западную Европу съ открытіемъ морского пути въ Индію возросталъ, то цѣны на нихъ сильно понизились. Вслѣдствіе этого товары Востока, главнымъ образомъ, пряности и шелковыя ткани, получали въ населеніи все большее и большее распространеніе. И тогда, какъ въ Средніе вѣка пряности служили преимущественно медикаментами, теперь они стали въ большомъ количествѣ употребляться въ пищу. Это поддерживало на нихъ спросъ, а удовлетвореніе спроса вызывало оживленную конкурен-

*) См. статью „Торговля и промышленность“.

ціе между соперничающими націями. Между тѣмъ морской фрахтъ въ Индію обходился дорого. Тогда, особенно въ Англіи и Голландіи, начинаютъ образовываться компаніи для отысканія новыхъ, болѣе короткихъ и дешевыхъ путей на Востокъ. Эти пути должны были проходить черезъ Россію. Такъ, по условіямъ момента, транзитное положеніе Московскаго государства въ торговлѣ запада съ востокомъ становилось въ высшей степени выгоднымъ. Совокупность указанныхъ факторовъ благотворно вліяла на увеличеніе московскаго экспорта; что касается ввоза въ Московское государство, то Западная Европа доставляла сюда предметы своей обрабатывающей промышленности, эти предметы удовлетворяли потребностямъ московской арміи (пушечные, вообще, военные запасы), высшихъ слоевъ населенія, наконецъ, многіе изъ нихъ пріобрѣтались съ тѣмъ, чтобы въ торговлѣ съ Востокомъ послужить предметомъ обмѣна на восточные товары; въ широкихъ слояхъ населенія предметы европейской промышленности, хотя и входили въ обиходъ, но не въ такой степени, чтобы стать въ этомъ обиходѣ предметами первой необходимости. Поэтому, ввозъ въ Московію былъ менѣе вывоза изъ нея, а разница между ними, какъ указано выше, доплачивалась деньгами.

Такимъ образомъ, основное положеніе системы денежнаго баланса, превышеніе экспорта надъ импортомъ, осуществлялось въ Москвѣ въ значительной степени подъ давленіемъ указаннаго выше благопріятнаго положенія Россіи въ международной торговлѣ того времени.

Запрещеніе иностранцамъ непосредственной торговли съ Востокомъ.

Къ достиженію той же цѣли были направлены и мѣропріятія московскаго правительства. Одни изъ нихъ стремились сохранить за Москвой указанныя выше условія, другія были направлены на самую организацію торговли, организацію, въ которой большую роль игралъ принципъ монополіи. Что касается мѣръ перваго порядка, то сюда, прежде всего надо отнести запрещеніе

иностранцамъ права непосредственной торговли съ восточными странами.

Когда въ 1594 году экспедиція Мушерона открыла островъ Вайгачъ и берега Тартаріи, то Мушеронъ за эту экспедицію получилъ запрещеніе торговать въ Россіи; въ тѣхъ же цѣляхъ, „чтобы нѣмецкіе люди не узнали дороги въ Сибирь“, была запрещена въ 1584 г. экспедиція англичанъ къ Оби, а когда Боусъ (въ 1584 г.) потребовалъ, чтобы царь открылъ англичанамъ приморскія пристани устьевъ рѣкъ Печоры, Енисея и Оби, то послѣдовалъ отвѣтъ, что „тому статись невозможно“, такъ какъ въ этихъ областяхъ водятся кречеты, соболи, товары слишкомъ дорогіе, чтобы ихъ отпускать въ Англію, и Московскому государству „какъ безъ того быти“. Такого же взгляда держалось московское правительство и въ началѣ 17-го вѣка. Сохранились грамоты Михаила Ѳедоровича тобольскимъ воеводамъ о принятіи мѣръ, чтобы нѣмецкіе люди не узнали дороги въ Сибирь. Для этого предписывалось объявить торговымъ и промышленнымъ людямъ, чтобы они „съ нѣмецкими людьми въ Мангазею не ходили и съ ними опричь Архангельскаго города не торговали“.

„Повольная“ торговля.

Уже въ этомъ запрещеніи иностранцамъ торговли съ Востокомъ вполнѣ сказывается проводимый московскимъ правительствомъ принципъ монополіи. На этомъ же принципѣ въ концѣ концовъ была построена и сама организація торговли. Здѣсь мы сталкиваемся съ любопытнымъ представленіемъ Москвы о такъ называемой „повольной торговлѣ“. Начиная съ 1571 года Елизавета Англійская добивалась во что бы то ни стало монополизировать торговлю Московско-Англійской компаніи и совершенно исключить изъ оборота съ Россіей англичанъ, не принадлежащихъ къ компаніи, и даже вообще другихъ иностранцевъ. На эти домогательства послѣдовало нѣсколько отвѣтовъ царя Ѳедора Ивановича, формулированныхъ, по свидѣтельству Боссенара, дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Въ одномъ изъ та-

кихъ отвѣтовъ Ѳедоръ Ивановичъ писалъ Елизаветѣ (1587 г.): „бьютъ намъ челомъ многіе нѣмцы разныхъ земель, англичане и Францовскіе земли, і нидерлянскіе земли, і иныхъ земель на твоихъ гостей, которые пріезжаютъ къ пристанищу морскому по нашимъ жалованнымъ грамотамъ, что твои гости кораблей ихъ съ товары къ нашему государству пропускати не хотятъ..., а мимо себя инымъ гостемъ съ товары ѣздити не велятъ, и мы тому і вѣрити не хотимъ. А только такъ, какъ намъ бьютъ челомъ на твоихъ гостей.., і то твоихъ гостей правда ли, что за наше за такое за великое жалованье, а тако иноземцовъ отгоняютъ, і тою Божью дорогу, окіянъ море какъ мочно переняти и унять і затворить“? Въ другомъ отвѣтѣ та же самая мысль выражена болѣе кратко и опредѣленно: „торгъ всякому пригоже повольной дати, то наша государская милость и праведный судъ ко всѣмъ человѣкомъ къ торговымъ, торговля повольная ровна“.

Монопольная организація русской торговли.

Но этотъ принципъ „повольной торговли“ въ Москвѣ понимался нѣсколько односторонне. Онъ не означалъ свободы торговли въ нашемъ пониманіи этого термина. Сущность „повольной торговли“ заключалась въ слѣдующемъ: всѣ иностранные купцы безъ исключенія имѣли право приставать на своихъ корабляхъ съ своими товарами къ портамъ Московскаго государства и только здѣсь совершать свои торговыя сдѣлки. Слѣдовательно, принципъ „повольной торговли“ проводился въ противовѣсъ монопольнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ торгующихъ съ Россіей націй.

Такимъ образомъ, это было отрицаніе монополіи для одной изъ договаривающихся сторонъ, именно для иностранцевъ. Въ Москвѣ великолѣпно понимали весь вредъ для русской торговли этой иностранной монополіи, въ чемъ бы она ни проявлялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же самой Москвѣ употребляли всѣ усилія, чтобы организовать русскую торговлю на отрицаемыхъ для иностранцевъ началахъ монополіи. Съ этой

цѣлью иностранные купцы не имѣли права иначе, какъ по особымъ жалованнымъ грамотамъ, выдаваемымъ довольно скупо и за особыя заслуги, торговать внутри государства и, такимъ образомъ, получать товары непосредственно изъ рукъ производителей. Наоборотъ, мѣста торговли съ иностранцами были строго опредѣлены: это Архангельскъ, Псковъ, Новгородъ, Казань, Астрахань: было опредѣлено и время торговли, наконецъ, иностранцы могли продавать свои товары только оптомъ, но не въ розницу и не въ разносъ: „и они свои товары на товаръ меняютъ и тѣ товары свои продаютъ мѣстнымъ дѣломъ, а на рознь своихъ товаровъ и въ развѣсъ і въ аршинъ на своемъ дворѣ не продаютъ, не меняютъ..., а торговати имъ своими товары и мѣняти самимъ, а русскимъ торговымъ людемъ отъ нихъ не торговати“. Эта регламентація иностранной торговли, такимъ образомъ, имѣла въ виду сохранить за русскими купцами роль посредниковъ въ торговлѣ. Мы могли бы ожидать отсюда, что московскіе финансисты додумаются и до другой мѣры, прямо вытекающей изъ перечисленныхъ, именно, въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія монопольной организаціи торговли, поощрять русскихъ купцовъ сплачиваться въ торговыя компаніи. Однако документы объ этомъ не говорятъ. Но зато они удѣляютъ большое вниманіе „царской торговлѣ его величества“. Вмѣсто монопольныхъ компаній отдѣльныхъ русскихъ купцовъ существуетъ одна царская торговая монополія, что вполнѣ соотвѣтствуетъ вотчиннымъ привычкамъ верховной власти и представленію московскихъ царей о государствѣ, какъ о своей вотчинѣ.

Царская торговая монополія.

Сущность царской монополіи заключалась въ томъ, что рядъ товаровъ объявлялся заповѣдными, это значило, что ими никто не могъ торговать кромѣ царя. Къ такимъ товарамъ принадлежали: шелкъ сырецъ, вымѣниваемый въ Персіи на холсты, медъ, мѣха, затѣмъ ревень, отчасти соль и рыба, всегда икра, въ неуро-

жайные годы хлѣбъ, лучшіе сорта мѣховъ и нѣкоторые другіе. Де-Родесъ въ своихъ „Размышленіяхъ о русской торговлѣ въ 1653 году“ приводитъ и нѣкоторыя цифры, касающіяся этой царской торговли. Онъ говоритъ, напр., что ежегодный отпускъ шелка даетъ его величеству 13500 р., икры—30000 р., ревеню 7500 р.; что касается хлѣбной торговли, то въ послѣдніе четыре года она доставила „Его царскому Величеству“ слишкомъ милліонъ талеровъ *). По свидѣтельству тѣхъ же иностранцевъ, царь вообще склоненъ взять въ свои руки чуть ли не всѣ отрасли торговли своего государства. Извѣстно, что въ нѣкоторые годы царская казна скупала всѣ товары, которые привозили греки и персіяне. Въ Сибири царь былъ главнымъ купцомъ-промышленникомъ. Мы знаемъ царскія артели, ходившія по Сибири, у царя были свои кочи для рыбнаго промысла. Сибирскіе акты говорятъ намъ, какъ постепенно мѣховая торговля съ инородцами краснымъ товаромъ и бакалеей переходила въ руки царя. Его торговля здѣсь шла бойко, такъ какъ была поставлена въ привилегированное положеніе. Былъ учиненъ крѣпкій заказъ, читаемъ въ одной грамотѣ, чтобы служилые и торговые люди у вогуличей, остяковъ и другихъ инородцевъ не покупали и не мѣняли „лутчихъ“ и „середнихъ“ соболей, черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, черныхъ и карыхъ бобровъ, лучшихъ бѣлокъ и куницъ, такъ какъ все это должно быть скуплено въ государеву казну. За нарушеніе указа виновнымъ быть отъ насъ, говорится въ грамотѣ, „въ великой опалѣ“ и „кажненнымъ смертью“. Но царь не гнушался и торговлей въ розницу предметами менѣе значительными: на московскихъ рынкахъ продавались масло, орѣхи, яблоки, холсты, принадлежащіе казнѣ; продававшіе торговцы и торговки громко зазывали къ себѣ покупателя, объявляя, что это царскіе товары.

Такимъ образомъ, Московскій царь, дѣйствительно, былъ склоненъ захватить въ свои руки чуть ли не всѣ

*) Талеръ—$^1/_2$ р.

отрасли торговой дѣятельности. Эта царская торговля осуществлялась при помощи гостей, которые въ данномъ случаѣ являлись факторами „Его Царскаго Величества". Это была отвѣтственная служба гостей, такъ какъ они обязаны были подъ страхомъ матеріальныхъ взысканій, искать во всемъ государевой торговлѣ прибыли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же гости, по свидѣтельству де-Родеса, выступали по отношенію къ царской торговлѣ не только въ роли факторовъ, но и въ роли обязательныхъ купцовъ. Это имѣло мѣсто, когда въ царской казнѣ или собиралось большое количество товаровъ, напр., мѣховъ, которые въ данное время не имѣли сбыта; или, когда часть товара, напр., икра, портилась, тогда гости обязаны были по казенной оцѣнкѣ закупить эти товары и вѣдаться съ ними, какъ пожелаютъ. Случалось, говоритъ де-Родесъ, что они получали барышъ, но чаще имъ приходилось много приплачивать.

Мѣры привлеченія денегъ въ страну.

И „повольная торговля" и царская монополія были направлены къ тому, чтобы организовать торговлю въ цѣляхъ полученія наибольшей прибыли, уплачиваемой иностранцами звонкой монетой. Этой же цѣли служили еще слѣдующія мѣропріятія московскаго правительства. Во-первыхъ, иностранные купцы за товары, покупаемые въ казнѣ, обязаны были уплачивать своей монетой, напр., талерами. Во вторыхъ, за товары, покупаемые казной у нихъ, имъ предлагалось въ видѣ эквивалента не деньги, а товары, и только въ томъ случаѣ, если купцы не брали товаровъ въ обмѣнъ, то уплата производилась московскими деньгами, перечеканенными изъ иностранной монеты. Чтобы понять всю выгоду для московской казны послѣдней операціи, надо принять во вниманіе, что талеры, во первыхъ, принимались (въ половинѣ XVII вѣка) по опредѣленному принудительному вѣсу—14 на русскій фунтъ, что давало казнѣ прибыли съ вѣса отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2\%$, во вторыхъ, при перечеканкѣ талеровъ въ московскія деньги полу-

чалось на монетномъ дворѣ снова до 30% барыша. Такимъ образомъ, номинальная цѣнность московскихъ денегъ, предлагавшихся иностранцамъ, была выше ихъ реальной стоимости, или, что то же самое, эти деньги предлагались по принудительному курсу, потому иностранцы предпочитали въ обмѣнъ на свои товары получать не деньги, а московскіе товары. Всѣ эти мѣры приводили къ тому, что московское государство ежегодно получало изъ за границы довольно значительное количество необходимой для поддержанія денежнаго обращенія въ странѣ звонкой монеты. Въ одномъ Архангельскѣ, говоритъ Де-Родесъ, „по самымъ вѣрнымъ изслѣдованіямъ получается обыкновенно слишкомъ 600.000 талеровъ, которые сдаются всѣ на монетный дворъ Его Царскаго Величества".

Мѣры удержанія денегъ въ странѣ.

Такъ осуществлялось на Москвѣ одно требованіе теоріи денежнаго баланса, привлеченіе денегъ въ страну,—что касается связаннаго съ нимъ требованія, чтобы деньги не уходили изъ страны, то на счетъ мѣропріятій этого рода наши свѣдѣнія довольно скудны.

Съ одной стороны намъ извѣстно категорическое запрещеніе московскаго правительства вывозить деньги на Востокъ въ обмѣнъ на восточные товары. Это запрещеніе было важно уже потому, что восточныя страны также не чеканили своихъ денегъ и нуждались въ нихъ, какъ въ орудіяхъ обмѣна. Съ другой, если вѣрить шведскимъ историкамъ 18-го вѣка, а вслѣдъ за ними Эверсу, то русскіе, по крайней мѣрѣ въ торговлѣ со шведами, требовали, чтобы шведы не вывозили назадъ деньги, что однако жъ не запрещалось русскимъ. Это и есть извѣстный намъ статутъ истраченія.

Заключеніе

Итакъ, ранняя торговая политика Московскаго государства при наличности государственнаго денежнаго хозяйства находилась въ тѣсной связи съ политикой фискальной. Торговая политика XVI вѣка была построена безъ теоріи, но въ конечномъ счетѣ имѣла цѣлью „денежный балансъ". Стремленіе привлечь деньги

въ страну отразилось и на самой организаціи торговли. Эта организація носила монопольный характеръ, что при преобладаніи взгляда московскихъ царей на государство, какъ на свою вотчину, приводило къ господству одного типа монополіи, именно монополіи царской. Но преобладаніе этой монополіи наносило ущербъ торговымъ оборотамъ русскаго купечества. И если въ основѣ фискальной политики Московскаго государства лежало пренебреженіе къ росту производительныхъ силъ страны, то въ результатѣ его торговой политики являлось стѣсненіе роста торговаго класса. Но та и другая политика, столь тѣсно связанныя между собой, вызывались не только вотчинной теоріей государства, но и тѣмъ, что ростъ государственныхъ потребностей опережалъ развитіе народнаго хозяйства. Во второй половинѣ 17 вѣка подъ вліяніемъ роста торгово-промышленнаго класса въ финансовой и торговой политикѣ Московскаго государства происходитъ и измѣненіе основныхъ началъ этой политики. Изъ фискальной, вотчинной она становится покровительственной.

Е. Д. Сташевскій.

Экономическая политика Московскаго государства въ XVII в.*).

I.

Значеніе буржуазіи.

Въ XVII столѣтіи торговля и промышленность дѣлаются важнѣйшей, послѣ земледѣлія, стороной народнаго хозяйства и важнѣшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ, въ то время, какъ крупная вотчина продолжала разрушаться, а царскіе животы и дворцовыя земли въ Смуту оказались расхватанными.

*) Литература. *Костомаровъ.* „Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (Собр. соч. т. XX, 1905 г.). *Соловьевъ.* „Московскіе купцы въ XVII вѣкѣ“ (Современникъ т. 71, 1858 г., кн. 9—10). *Онъ же.* „Русская промышленность и торговля въ XVI вѣкѣ“ (тамъ же, 1857 г., т. 161, кн. I). *Лодыженскій.* „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“. СПБ., 1886 г. *Опросъ.* „Правительство Московской Россіи и Петръ Великій въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу“. (Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета, 1891 г., кн. VI). *Онъ же.* „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія“. Казань, 1896 г. *Лаппо-Данилевскій.* „Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка“. (Ж. М. Н. П. 1898 г., кн. X и 1899 г., кн. II). *Милюковъ.* „Государственное хозяйство и реформы Петра Великаго“. Изд. 2-е, 1905 г. *Веселовскій.* „Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ“. М. 1909 г. „Отчетъ въ расходованіи царской казны 1611—1612 г.“. (Русская Историческая библіотека, т. II, № 95, столбецъ 231). *Лаппо-Данилевскій.* „Иностранцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳедоровича“. (Ж. М. Н. П., 1885 г., кн. IX). *Мулюкинъ.* „Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Къ исторіи русскаго государства XVI и XVII вѣковъ“. СПБ., 1909 г. *Курцъ.* „Донесенія Родеса и Архангельско-Балтійскій вопросъ въ половинѣ XVII вѣка“ (Ж. М. Н. П. 1912 г., кн. 3). *Герберштейнъ.* „Записки о Московіи (перев. Ано-

Естественно, что царская вотчина теперь не можетъ лежать въ основѣ экономической политики, равно какъ и вотчинныя традиціи разбитаго боярства. Если эти традиціи еще упорно удерживаются, то только въ видѣ пережитковъ, медленно отмиравшихъ и вызывавшихъ рѣзкое осужденіе какъ снизу, такъ и сверху общества. Насколько крупное землевладѣніе давало окраску экономической политикѣ въ XVI и началѣ XVII вѣка, настолько мелкое землевладѣніе и города ведутъ ее въ началѣ второй половины послѣдняго столѣтія.

Наряду съ дворянствомъ, „людьми“ Грознаго, царскими „холопями“, выступаютъ „торговые мужики“,— „сироты“. Значеніе послѣднихъ было ярко подчеркнуто земскими ополченіями въ Смуту, но еще царь Василій Шуйскій не забылъ въ своей присягѣ „гостей, торговыхъ и черныхъ людей“, опустивши зависимое кресть-

---

нимова и 2-е изд. перев. Маленна, СПБ., 1908 г.). *Флетчеръ*. „О государствѣ русскомъ“. Изд. 2-е, СПБ., 1905 г. „Статейный списокъ пріѣзда и пребыванія въ Россіи англійскаго посла Елизара Флетчера (Временникъ Имп. Моск. общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VIII, 1850 г.). *Де-Родесъ*. „Размышленія о русской торговлѣ“ (Магазинъ Землевѣдѣнія, 1858 г., т. I). *Кильбургеръ*. „Краткое извѣстіе о русской торговлѣ“. 1820 года. *Крыжаничъ*. „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка“. Изд. Безсонова (приложеніе къ Русской Бесѣдѣ за 1859 г. №№ 1—6). *Иконниковъ*. Статьи объ Ордынѣ Нащокинѣ въ Русской старинѣ 1883 г., ч. X—XI. *Прыжовъ*. „Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа“ СПБ., 1868 г. *Дитятинъ*. „Царскій кабакъ Московскаго государства“ (Русская Мысль 1883 г., кн. IX и въ „Статьяхъ по исторіи русскаго права“ 1889 г.). *Строевъ*. „Экономическій вопросъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ о мѣдныхъ деньгахъ“ (Московскія Вѣдомости 1856 г. № 96 и 98). *Суворинъ*. „О финансовомъ кризисѣ въ Россіи, 1659—1663 гг. (Архивъ истор. и практ. свѣд. 1863 г.). *Брикнеръ*. „Мѣдныя деньги въ Россіи 1653—1663 гг. и денежные знаки Швеціи 1716—1719 гг.“, СПБ, 1864 г. *Гурляндъ*. „Приказъ сыскныхъ Дѣлъ“ (Сборн. статей по исторіи права, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буланову). Кіевъ, 1904 г. *Павелъ Смирновъ*. „Новое челобитье 1627 г. Московскаго купечества объ изгнаніи иноземцевъ“ (Къ исторіи портовой политики Московскаго государства) (Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца 1912 г., кн. 22, вып. IV).

янство. Послѣ Смутнаго времени особенно сильна была нужда въ торгово-промышленномъ классѣ и его рублѣ. Пятинные сборы, одинъ изъ видныхъ рессурсовъ новаго правительства, взимались „съ торговъ и промысловъ“: пашенные крестьяне ихъ не платили. Да и въ обычномъ порядкѣ торговые города давали крупныя суммы, причемъ центръ тяжести лежалъ въ косвенномъ обложеніи. Сравнительно мощный экономически, торгово-промышленный классъ начинаетъ отчетливо сознавать и формулировать свои групповые интересы, причемъ во главѣ его идутъ гости *).

Экономич. программа буржуазіи.

Программа московской буржуазіи слагалась несразу, она выростала непрерывно, на протяженіи всего XVII столѣтія, переходя отъ задачи къ задачѣ, имѣя конечной цѣлью освобожденіе торгово-промышленнаго класса отъ путъ вотчинныхъ традицій XVI вѣка. Нужно было впередъ всего очистить русскій рынокъ отъ всякаго рода привиллегированныхъ торговцевъ, иностранныхъ и русскихъ, притомъ слѣдуетъ не только уравнять въ правахъ всѣхъ конкурентовъ, но наоборотъ: правительство должно перейти къ покровительству русской буржуазіи, „природныхъ холопей и сиротъ“, отъ „иновѣрцевъ“. должно стремиться къ тому, чтобы ей „за... сторонними купецкими людьми... тягости и оскорбленья не было“. На практикѣ этотъ пунктъ программы выражался въ требованіи изгнанія иноземцевъ изъ страны, въ уничтоженіи права бѣлыхъ людей торговать и промышлять въ городахъ, причемъ для послѣдняго у крупныхъ землевладѣльцевъ слѣдуетъ отнять ихъ закладчиковъ и бѣлыя слободы, построенныя на посадахъ или около нихъ, а мелкихъ служилыхъ людей принудить нести тягло и службы вмѣстѣ съ посадомъ. Свободное развитіе городского населенія требуетъ освобожденія купечества отъ сложныхъ поборовъ за перевозимые и продаваемые товары: частныя права на такого рода сборы, эти остатки эпохи удѣловъ, нужно уничтожить, а го-

*) См. статью „Посадскіе люди“.

сударственныя пошлины упростить. Должно уничтожить также откупа, столь стѣснительные для торгово промышленной жизни посада. Наконецъ, нужно убрать изъ посада разорительнаго воеводу, которому мѣсто въ пограничныхъ городахъ. Таковы были принципы экономической программы буржуазіи XVII вѣка.

II.

Экономическія воззрѣнія XVII вѣка.

Растущее значеніе московской буржуазіи придавало ея экономической программѣ извѣстный вѣсъ, особенно когда съ купечествомъ соединялось дворянство, какъ это было на Уложенномъ соборѣ 1648—9 года. Съ какимъ заботливымъ вниманіемъ приходилось глядѣть на процвѣтаніе національной торговли еще правительству царя Михаила, показываетъ извѣстное заявленіе въ 1620 году его и патріаха Филарета московскимъ гостямъ о томъ, что „въ московскомъ государствѣ... во всемъ скудость и государевой казны нѣтъ нисколько“, и, „кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ, государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ“. Благодаря этому обстоятельству, боярское правительство перваго Романова уже совершенно иначе относится къ населенію, нежели боярство Рюриковичей. У торговыхъ людей освѣдомляются о возможныхъ убыткахъ не только казнѣ, но и „имъ торговымъ людямъ“. Боярин Шереметевъ объяснялъ англичанину Мерику невозможность дать его соотечественникамъ свободный проѣздъ въ Персію интересами русскаго торгово-промышленнаго класса: „наши русскіе торговые люди оскудѣли“.

Правительство начинаетъ внимательно слѣдить за ходомъ торговли въ странѣ и пытается поддерживать ее, разумѣется, не забывая и своихъ доходовъ. Въ XVII вѣкѣ очень часто собирались комиссіи гостей и другихъ торговцевъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ экономической политики. Въ 1620 году гости обсуждали вопросъ о разрѣшеніи англичанамъ доступа

въ Персію и Китай черезъ Россію; въ 1638 г. правительство было обезпокоено упадкомъ Астраханской торговли, который долженъ былъ опустошительно отразиться на всемъ Волжскомъ бассейнѣ. Оно созываетъ совѣщаніе гостей и торговыхъ людей изъ городовъ, которые и должны были рѣшать: „какъ ныне то учинить, чтобъ въ Астрахань насады і всякие суды для торговыхъ промысловъ ходилі попрежнему, а учюги бъ и иные Астраханские рыбные ловли былі на откупу". Такія комиссіи собирались и по поводу кризиса, вызваннаго мѣдными деньгами въ 1662 году, и въ другихъ случаяхъ.

Въ заявленіяхъ правительства царя Михаила постоянно проскальзываетъ нотка заботливости о національной торговлѣ и промышленности, хотя она постоянно же сплетается съ фискальнымъ интересомъ. Такъ, въ 1627 году было указано не пускать въ Москву торговыхъ иноземцевъ безъ царскихъ жалованныхъ грамотъ: „чтобъ нашимъ торговымъ людемъ въ томъ оскудѣнья не было". Въ 1639 году, уничтожая мелкіе откупа, царь Михаилъ велѣлъ „тѣмі промыслы промышлять посадскимъ людемъ, чтобъ въ городѣхъ отъ такихъ откуповъ посадскимъ людемъ городцкихъ промысловъ не отбыть и утесненія имъ и продажъ никакихъ не было".

Меркантилистическія идеи въ Москвѣ.

Такая заботливость, помимо нужды въ средствахъ торгово-промышленнаго класса, диктовалась также проникавшими въ Московское государство съ запада взглядами на задачи государства въ области экономической политики. На западѣ въ XVII столѣтіи господствовали меркантилистическія воззрѣнія. Согласно съ ними богатство страны состоитъ изъ наличнаго запаса драгоцѣнныхъ металловъ; увеличивается оно отъ внѣшней торговли. Правительство, при помощи охранительныхъ тарифовъ, должно поставить эту торговлю такимъ образомъ, чтобы балансъ ея былъ благопріятенъ для страны, т. е. чтобы цѣнность вывоза была выше цѣн-

ности ввоза: разница, приплачиваемая иноземцами за излишекъ, остается въ странѣ и изъ года въ годъ обогащаетъ націю. При помощи тѣхъ же тарифовъ, а также субсидій, привиллегій и т. п. мѣръ, правительство должно развивать національную промышленность, во-первыхъ, въ интересахъ экономической независимости страны, а во-вторыхъ, дабы еще усилить приливъ денегъ въ нее. Наконецъ, правительство не должно допускать вывоза изъ страны драгоцѣнныхъ металловъ и удерживать ради этого народъ отъ непроизводительныхъ затратъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта теорія, особенно теорія покровительства торговли, неоднократно была развиваема передъ московскимъ правительствомъ и его „коммерціи совѣтниками“, какъ опредѣлилъ гостей Кильбургеръ.

Джонъ Меникъ.

Совѣщаніе московскихъ гостей 1620 г. было созвано по поводу предложенія англійскаго агента, Джона Мерика, открыть англичанамъ доступъ въ Персію и Китай черезъ русскіе предѣлы, а также запретить вывозъ смолы за границу. Онъ объяснялъ, что въ такомъ случаѣ въ Россіи разовьется канатное дѣло, что вообще „государи и власти не позволяютъ товаръ неприготовленный и неисправленный изъ своей земли отпускать и у людей своихъ промыслы отнимать“. Въ подтвержденіе полезности такой торговой политики, Джонъ Меникъ указывалъ на примѣръ самой Англіи, развившей у себя именно этимъ путемъ суконное производство: подобными мѣрами англійскій король „опять бѣдныхъ людей воскресилъ“, обогатилъ подданныхъ такъ, что славнѣе и богаче Англіи не было между окрестными государствами.

Англичанинъ собственно добивался разрѣшенія проходить черезъ Россію для торговли съ Персіей и Китаемъ и только для внушенія расположенія къ себѣ занялся пропагандой меркантилизма. Гости же, отвергая свободный доступъ англичанъ на востокъ, приняли покровительственную русской торговлѣ и промышлен-

ности программу. Нѣкоторые изъ нихъ указали, что, отпуская смолу за море, казна лишается пошлинъ и съ нея и съ пеньки: канаты будутъ смолить за моремъ: „канатное дѣло за смолою остановится, бѣднымъ будетъ кормиться нечѣмъ, и канатные мастера переведутся“. Рѣшено было поэтому запретить вывозъ смолы за море безъ государева указа, а покупать смолу у Архангельска вольно всѣмъ иноземцамъ,— этими мѣрами, очевидно, думали поднять канатную промышленность у корабельной пристани. Поддержали гости также просьбу англичанъ о дозволеніи имъ искать желѣзную руду и алебастръ. На остальныя пожеланія Мерика боярская дума постановила отвѣчать „гладостью“, т. е. уклончивыми отговорками.

Урокъ меркантилистической политики былъ, такимъ образомъ, усвоенъ прекрасно, но на практикѣ интересы царской торговли той же смолой часто сводили на нѣтъ его результаты.

Индустріальный кольбертизмъ въ Москвѣ.

Меркантилизмъ проникалъ къ намъ и съ другой стороны,—изъ Франціи, гдѣ тогда подвизался знаменитый дѣятель его, Кольберъ (1619—1633 г.). Въ 1651 г. въ Москву пріѣхали двое родныхъ братьевъ, французскіе дворяне, Яганъ и Карлъ де-Гронье. Они хотѣли поступить на царскую службу, приняли православіе и были зачислены затѣмъ въ дворяне по московскому списку. Старшій изъ нихъ, Янъ-де-Гронъ, подалъ въ Посольскій приказъ представленіе объ умноженіи въ Россіи государственныхъ доходовъ. Онъ предлагалъ государю: 1) построить 100 кораблей, распродать ихъ венеціанцамъ, португальцамъ, французамъ, или же съ русскими товарами отправлять ихъ во всѣ страны свѣта и получать отъ этого несчетную прибыль. Затѣмъ, 2) дѣлать изъ дубовыхъ отрубковъ бочечныя доски и посылать ихъ на Канарскіе острова для обмѣна на вина, сахаръ и лимоны, а изъ сучковъ и щепъ жечь золу и вываривать поташъ на продажу иностранцамъ; 3) завести въ Россіи фабрики для выработки бархатовъ,

парчей и всякихъ шелковыхъ тканей; 4) вмѣсто балласта, грузить русскіе корабли мраморомъ, аспидомъ и алебастромъ; 5) выписать изъ другихъ государствъ искусныхъ мастеровъ для обученія въ Россіи ткать сукна, ковры, дѣлать зеркала и хрустальную посуду, прясть изъ пеньки парусныя, а изъ льна тонкія полотна; 6) сдѣлать для корабельныхъ досокъ пильныя водяныя и вѣтряныя мельницы.

Щедрыя подарки платьемъ, кубками, соболями, денежнымъ жалованіемъ и землей (1000 и 900 четвертей, т. е. 1500 и 1050 десятинъ), наконецъ московское дворянство были наградой прожекторамъ. Они показываютъ, что и „таковъ мастеръ“ былъ „годенъ“ у московскаго двора*).

Юрій Крыжаничъ.

Наконецъ, усерднымъ проповѣдникомъ меркантилистическихъ же воззрѣній въ XVII в. былъ Юрій Крыжаничъ, нашъ первый теоретикъ политико-экономъ.

Юрій Крыжаничъ, по происхожденію хорватъ, по исповѣданію іезуитъ, мечтавшій объ обращеніи Руси въ католичество, по убѣжденіямъ панславистъ, видѣвшій въ ней опору противъ ненавистныхъ нѣмцевъ,— глубоко проникся интересами торгово-промышленнаго класса и полно выразилъ ихъ въ литературѣ. „Счастливѣйшая страна“ та, по Крыжаничу, гдѣ процвѣтаютъ „всяко рукодѣлье и тежачество (земледѣліе), и великое морское торговство“, но при этомъ нужны еще „добры законы“. Въ промышленной и торговой жизни у него на первомъ мѣстѣ стоятъ интересы предпринимателя: „пресолы**) всѣ да будутъ почтены въ брои***) ярыжныхъ****) и бездѣльныхъ людей“.

*) Моск. Арх. Ммн. Ин. Дѣлъ. Дѣла о выѣздѣ иностранцевъ, столб. 1651 г., тетрадь Малиновскаго тамъ № $\frac{1110}{1037}$ „Повѣствованіе о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей“ 1825 г. л. 75—6.

**) Прасолы, торговцы.

***) Въ ущербъ, на счетъ.

****) Рабочихъ.

Въ интереснѣйшемъ своемъ трактатѣ „Политичныя думы“ (1663—64 г.), Крыжаничъ хочетъ предостеречь правительство отъ „неправедныхъ, нечестныхъ и неистинныхъ“ способовъ вотчинной эксплоатаціи подданныхъ. Въ этихъ способахъ мы узнаемъ всѣ больные вопросы русской современности: тутъ и порча монеты (мѣдныя деньги), и монополіи, и откупа, и кабацкій торгъ, и всякое неумѣренное отягощеніе народа. „А отъ всего горшій промыселъ и земли разореніе, есть инородское торгованіе“,—отъ него нѣтъ другой корысти, „опрочь нѣконхъ подарковъ, кое даютъ царю, либо боляромъ“. „Нашъ Словенскій народъ весь есть таковому окоянству подверженъ: еже вездѣ на плечехъ намъ сѣдятъ нѣмцы, жиды, шоты, цыганы, ормляны и греки, и иныхъ народовъ торговцы, кои кровь изъ насъ изсысаютъ“. Иноземцевъ слѣдуетъ изгнать къ портамъ, но и казна пусть очиститъ внутренній рынокъ отъ своихъ операцій: „Нѣсть бо кралю лѣпо купить у своего подданника и продать своему же“. Ей отводится другая роль,—царь черезъ особыхъ агентовъ (гостей, конечно) долженъ взять въ свои руки всю иноземную торговлю, продавать русскіе товары какъ можно дороже, а иностранные товары продавать русскимъ безъ прибыли. Регулируя выгодный торговый балансъ всѣми своими средствами, власть должна озаботиться также отысканіемъ новыхъ рынковъ для русскихъ товаровъ. Наконецъ, государство приходитъ на помощь торговцамъ организаціей кредита: безпроцентными ссудами, образованіемъ банковъ и ломбардовъ, торговыхъ компаній. Однимъ словомъ, виднѣйшей задачей ея внутренней и внѣшней политики становится служба торгово-промышленнымъ интересамъ страны. Развитіе экономическаго благосостоянія подразумѣваетъ и политическое благоустройство страны. „Для ради поспѣшенія торговства и на умноженіе народа полезно есть дать нѣкія слободины гражаномъ“: послѣдніе должны управляться „посадниками“, и могутъ „Великому Господарю біять че-

ломъ", „супроть державникомъ, кои бы хотѣли превратить доберъ законъ и добро теченіе земскаго торговства". Для упорядоченія ремесленныхъ организацій, цеховъ, учреждается „Приказъ либо Дума, кая тѣмъ промышляетъ".

Деклараціи царя Алексѣя и Ордынъ-Нащокинъ.

Если въ XVI столѣтіи мы встрѣчаемъ въ публицистикѣ пожеланія лишь одинаковаго покровительства царскаго по отношенію ко всѣмъ слоямъ населенія, „даже до послѣднихъ", то публицистика XVII в. въ лицѣ Юрія Крыжанича рисуетъ программу поглощенія вниманія и силъ государства интересами торгово-промышленной и отчасти земледѣльческой группы населенія. Разумѣется, на практикѣ до этого было еще дальше, нежели отъ пожеланій публицистовъ XVI в. до осуществленія ихъ. Но въ теоріи правительство царя Алексѣя усвояетъ себѣ этотъ языкъ: вмѣсто „*царской части*" Грознаго, на первомъ планѣ у царя Алексѣя процвѣтаніе „*всенародныхъ пожитковъ мірскихъ*". Если въ первой половинѣ XVII столѣтія интересы народнаго труда неразрывно сплетаются съ интересами, часто имъ противорѣчащими, казны, то теперь они выступаютъ на первое, преобладающее мѣсто. Въ Уставной грамотѣ 1654 года правительство отрекается отъ вотчинныхъ традицій эксплоатаціи населенія откупами, подымаясь до пафоса самоотверженія: „намъ, великому Государю,.. неправедными прибытки богатитися чуждѣ и жизнь свою строити". Хотя въ этой области и „многое злодѣйство привниде въ жизнь человѣческую", однако царь „присно" желаетъ блага и преуспѣваетъ на лучшее. А однимъ изъ этихъ благъ, этого „лучшаго во всемъ" является теперь „оборона" торговыхъ людей и ихъ „свободные торги". „Во всѣхъ государствахъ окрестныхъ",—заявляетъ Новоторговый Уставъ 1667 года, „*въ первыхъ государственныхъ дѣлѣхъ свободные и прибыльные торги*, для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ, *со всякимъ бережденьемъ остерегаютъ и въ вольности держатъ*". Правительство усвояетъ себѣ даже опредѣленную теорію сущ-

ности благосостоянія страны и государства, глашатаемъ которой былъ любимецъ царя, Ордынъ-Нащокинъ. Этой теоріей были воззрѣнія меркантилистовъ. Считая торговлю „въ первыхъ государственныхъ дѣлѣхъ“, ради процвѣтанія „всенародныхъ пожитковъ мірскихъ“ правительство хочетъ удержать простыхъ людей отъ роскоши путемъ пошлинъ: „и въ иныхъ государствахъ *берегутъ серебро*, а излишнія такія вещи покупать запрещаютъ и у простыхъ нечиновныхъ людей въ ношеніи подъ заповѣдью отнимаютъ, *чтобъ въ убожество отъ того не приходили;* также и дорогія, отъ шелку и отъ суконъ, поставовъ простые и низкихъ чиновъ люди не носили. И о томъ держать, по указу Великаго государя, *отъ покупки простыхъ людей наклодною пошлиною большою* и заповѣдью безъ пощады; а того берегутъ во всѣхъ государствахъ, и отъ напраснаго убожества своихъ людей хранятъ“.

Тутъ и рѣзко выраженное меркантилистическое ученіе и указаніе на источникъ его, хотя, какъ мы увидимъ, меркантилистическія воззрѣнія не были только навѣяны иноземцами: они являлись, какъ необходимый откликъ на требованія торгово-промышленныхъ интересовъ страны, какъ сознаніе ея экономическихъ нуждъ, какъ панацея отъ тягостныхъ теперь узъ старины. Новоторговый уставъ проектируетъ цѣлый рядъ покровительственныхъ мѣропріятій. Онъ устанавливаетъ ссуды маломочнымъ торговцамъ изъ московской таможни и изъ Земскихъ избъ, освобождаетъ таможеннаго голову у Архангельска отъ воеводской опеки, проектируетъ особый „одинъ пристойный приказъ“ купецкихъ дѣлъ, гдѣ бы давали судъ на всякихъ людей по челобитьямъ купцовъ; этотъ же приказъ долженъ охранять посадскихъ людей отъ воеводскихъ насилій.

III.

Экономическая политика XVII вѣка.

Ни царь Алексѣй, ни его сотрудники не были только теоретиками: они стремятся къ осуществленію своихъ взглядовъ на практикѣ и подъ давленіемъ об-

острившихся соціальныхъ отношеній, „качанія міра“, развиваютъ въ 50-хъ годахъ XVII вѣка энергичную дѣятельность.

Мѣропріятія эти были такъ широки и рѣшительны, что, казалось, поглощали все вниманіе и всѣ силы правительственнаго механизма: шведскій агентъ де-Родесъ въ 1553 году имѣлъ полное право заявить о внутренней политикѣ царя Алексѣя: „достаточно всѣмъ извѣстно, что всѣ постановленія этой страны направлены на коммерцію и на торги“. Въ половинѣ столѣтія законодательство, дѣйствительно, носитъ цвѣта экономической политики, причемъ цѣлью своей считаетъ покровительство дворянства и русскаго торгово-промышленнаго класса, и особенно послѣдняго.

Мы говорили уже, что еще въ 1620 году правительство царя Михаила и Филарета отказали англичанамъ въ позволеніи торговать съ Персіей, такъ какъ въ этомъ видѣли невыгоду московскіе гости. Опираясь на рѣшеніе гостей, правительство затѣмъ отказывало въ немъ послѣдовательно купцамъ французскимъ (1629 г.), голландскимъ (1630 г.) и датскимъ (1631 г.). Лишь послѣ смерти Филарета, въ 1634 г., былъ заключенъ договоръ съ Голштинской компаніей, повидимому, вызвавшій неудовольствіе гостей *).

Внѣшняя торговая политика.

Однимъ изъ пунктовъ меркантилистической программы была необходимость широкаго развитія внѣшней торговли, на что указывали и русскіе теоретики. Уже Крыжаничъ настойчиво указывалъ, что царская власть должна помочь развитію торговыхъ сношеній съ отдаленными странами: онъ видѣлъ новые рынки въ Китаѣ и Индіи, желалъ усилить торговлю съ Персіей черезъ Каспійское море, съ Турціей черезъ Азовъ, наконецъ съ Малороссіей и Балканскимъ полуостро-

*) (Соловьевъ, т. IX, стр. 1235—6). По этому договору, за ежегодную уплату 600.000 ефимковъ голштинцы получали право безпошлинно торговать съ Персіей. Договоръ этотъ остался впрочемъ безъ осуществленія и былъ разорванъ въ 1639 году.

вомъ черезъ Путивль („для украинцевъ и волошановъ“). Ордынъ-Нащокинъ задавался планами не менѣе широкими, причемъ часть ихъ онъ пытался осуществить. Онъ старался устроить торговыя сношенія съ Персіей и Средней Азіей, съ Хивой и Бухарой, снаряжалъ посольство въ Индію, мечталъ о колонизаціи казаками Пріамурскаго края. Какъ Крыжаничу, и ему нечужды были мечты о сліяніи всѣхъ славянскихъ народовъ отъ Адріатики до Нѣмецкаго моря и Сѣвернаго океана, о чемъ онъ съ одушевленіемъ говорилъ при заключеніи съ Польшей Андрусовскаго мира (1667 годъ). Наконецъ, самъ царь Алексѣй пытался отбить у шведовъ Балтійское побережье, лично осаждалъ Ригу. Смыслъ этой кампаніи лучше всего объясненъ самимъ государемъ въ письмѣ къ Ордыну-Нащокину о переговорахъ со шведами: „Промышляй всякими мѣрами“, писалъ царь, „чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ Канцахъ (Ніеншанцъ) и подъ Ругодивомъ (Ревель) корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзда въ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ, да на рѣкѣ Двинѣ городъ Кукейносъ, что теперь царевичевъ Дмитріевъ, и иныя мѣста“...

Не добившись ничего по Кардисскому миру (1661 г.), въ 1662 году въ Москвѣ придумываютъ фантастическій планъ: завести русскій флотъ хотя бы въ иностранныхъ портахъ Балтійскаго моря. Посланникъ царя Желябужскій просилъ Курляндскаго герцога, чтобы тотъ, „за милость великаго государя“ и соотвѣтствующее вознагражденіе, построилъ у себя русскіе корабли „совсѣмъ, какъ можно итти“: понадобились они, чтобы торговать непосредственно съ тѣми странами, откуда вывозятъ „пряныя зелья и овощи“. Разумѣется, изъ этого ничего не вышло. На Каспійскомъ морѣ, однако, сдѣлали попытку завести флотъ: былъ спущенъ первый корабль, но послѣ сожженъ Стенькой Разинымъ. Мы знаемъ уже, что въ 1663 и 1676 г. были отправляемы посольство и торговый караванъ въ Индію су-

хнмъ путемъ, а въ 1689 г. былъ заключенъ торговый договоръ съ Китаемъ.

Экономическій кризисъ XVII вѣка.

Энергичное стремленіе къ розыскапію новыхъ рынковъ диктовалось не столько теоріей, сколько насущной потребностью оживить торговлю. Намъ приходилось говорить что въ серединѣ XVII столѣтія система торговаго обмѣна межъ Бѣлымъ и Каспійскимъ морями уже колебалась *). Упадокъ торговли съ Астраханью озабочивалъ правительство еще въ 1638 году; по словамъ де-Родеса, въ его время (1653 г.) къ Архангельску не приходило голландскихъ кораблей, составлявшихъ огромное большинство въ этомъ порту.

Самъ де-Родесъ уѣзжалъ изъ Россіи съ грандіознымъ, но казавшимся ему легко выполнимымъ, планомъ уничтоженія Архангельской торговли: послѣднюю, по мнѣнію шведскаго посланника, искусными операціями легко направить къ берегамъ Балтійскаго моря, причемъ долженъ былъ подняться одинъ изъ шведскихъ портовъ, Нарва или Ревель, торговля которыхъ въ первой половинѣ XVII вѣка замѣтно падала. „Размышленія о русской торговлѣ“, были не единственнымъ документомъ такого рода. Эверсъ особыя притѣсненія шведскихъ купцовъ въ Россіи объясняетъ именно опасеніемъ русскихъ за судьбу Архангельска: это опасеніе торговые люди высказывали въ челобитьѣ объ изгнаніи иноземцевъ 1646 г.

Внутренняя экомическая политика.

Огромный переворотъ въ группировкѣ сравнительно рѣдкаго населенія, который былъ неизбѣженъ при новомъ смѣщеніи торговыхъ путей **), пока ощущался только какъ „безпромыслица“ и „безторжица“: она обостряла соціальную борьбу, а объясненія ей впередъ всего искали въ конкуренціи иноземцевъ, которые „оголодили“ всю Русскую землю.

*) См. статью „Движеніе населенія въ Московскомъ государствѣ“, во II т.

**) См. ст. „Движеніе населенія въ Моск. государствѣ“, т. II.

Борьба съ вотчинными традиціями правительства.

Иноземцы на русскомъ рынкѣ

Утвержденная Грознымъ въ 1555 г. и затѣмъ Ѳедоромъ, англійская кампанія распалась въ 1625 году, и англійскіе купцы были обложены половинной пошлиной, также какъ и другіе иноземцы (голландцы). Въ слѣдующемъ же году, „для прошенія англійскаго Карлуса короля", Михаилъ Ѳеодоровичъ выдалъ жалованную грамоту на имя 22 англійскихъ купцовъ, во главѣ которыхъ стоялъ особый агентъ, и освободилъ ихъ отъ пошлинъ на обычныхъ условіяхъ. Торговавшіе врознь англичане были при этомъ обезврежены строгимъ запрещеніемъ коммерческихъ сдѣлокъ съ восточными купцами, а также закупокъ хлѣба и др. монопольныхъ товаровъ. Англійская торговля съ Россіей въ это время была невелика: въ 1618 г. въ Архангельской гавани было до 30 голландскихъ и только 3 англійскихъ корабля; въ 1635 г. 11 голландскихъ и 1 англійскій. Отъ Архангельска ежегодно подымались два или три дощаника, нагруженные товарами англійскихъ купцовъ, въ то время какъ голландцы завели собственныя суда на Двинѣ, и имъ принадлежало около $^1/_{10}$ всѣхъ товаровъ, привозимыхъ отъ порта къ Москвѣ. Подвозъ къ Архангельску русскихъ товаровъ въ 20-хъ годахъ также былъ въ ихъ рукахъ. „А передъ прошлымі годы, писалъ въ 1621 г. гость Иванъ Сверчковъ, торговые нѣмцы съ товары ѣздилі многіе и русскихъ товаровъ привезлі передъ прошлыми годы вдвое і втрое, и за тѣмъ і къ Архангельскому городу... государевых торговых людей изъ верховых городов никого нѣтъ, потому что тѣ товары по городомъ нѣмцы выкупилі".

Челобитья торгово-промышленнаго класса.

Естественно поэтому, что недовольство московскихъ торговыхъ людей впередъ всего обращается не на англичанъ, а на голландцевъ и другихъ привиллегированныхъ иноземцевъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Съ безсознательной хитростью москвичи раздѣлили своихъ враговъ, чтобы выгнать ихъ поочереди.

Цѣлью, какъ мы отмѣтили, было не только уничтоженіе привиллегій иноземцевъ, но и ограниченіе

послѣднихъ въ правахъ торговли и промысла, т. е. монополизація русскаго рынка для русскаго капитала. Гости и торговые люди хотѣли изгнать иноземцевъ въ портовые города, не допускать ихъ внутрь страны и въ Сибирь, запретить имъ заводить свои промыслы, средства перевозки, свои дворы по городамъ, а также наемъ русскихъ приказчиковъ. По мнѣнію русскихъ купцовъ, иноземцы должны были основываться „у морскихъ пристанищъ“, въ гостинныхъ дворахъ, поскорѣе, у Архангельска до 1 сентября, продать свои товары исключительно русскимъ купцамъ, обязательно оптомъ и не сговариваясь межъ собою, а затѣмъ закупить, тоже безъ „уговору“, русскіе товары и „ѣхати за море“. Гости и торговые люди, такимъ образомъ претендовали на исключительныя права своего класса въ эксплоатаціи русскаго рынка: закупать у мелкихъ производителей ихъ продукты, держать свои промыслы, средства передвиженія, служить посредникомъ межъ Западомъ и Востокомъ, имѣютъ право, по ихъ мнѣнію, только одни они, русскіе торговцы. Осуществить это должно государство соотвѣтствующими распоряженіями.

Такой взглядъ проводился въ цѣломъ рядѣ челобитныхъ, т. е. петицій, подававшихся обыкновенно на земскихъ соборахъ. Такія петиціи намъ извѣстны отъ 1627 г., въ которой просятъ выгнать иноземцевъ „опроче англичанъ“, 1646 и 1649 годовъ, когда требованіе высылки распространяется уже на всѣхъ безъ исключенія. Подписаны они гостями и торговыми людьми разныхъ городовъ, причемъ иногда однѣ и тѣ же подписи фигурируютъ какъ на первой, такъ и на послѣдней изъ нихъ. Въ 1649 году челобитныя буржуазіи были кромѣ того поддержаны подписями стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. За эту услугу, очевидно, представители городовъ тогда же просили у правительства надѣлить дворянство вотчинами русской Церкви.

Богатая торговля балтійскихъ портовъ первой половины XVI вѣка оставила въ сознаніи русскихъ людей XVII столѣтія яркое впечатлѣніе: почти въ каждомъ челобитьѣ мы видимъ указаніе на это далекое время, когда „дѣды и отцы наши полнилися и богатѣли“. По мнѣнію русскихъ торговцевъ все обиліе проистекало изъ того обстоятельства, что въ то время нѣмцевъ „дале Ругодива не пущивалі“. Тогда-то были русскому купечеству „торги пространные“, тогда ему было служить царю „радѣючи“. Теперь не то: у Студенаго моря нѣмцы завели свои промыслы, англичанъ вмѣсто 23-хъ человѣкъ (по жалованной грамотѣ 20-хъ годовъ) торгуетъ 60—70; вмѣсто 2—3 дощаниковъ по Двинѣ у нихъ подымается 30—40 судовъ. Изъ Астрахани и Казани ѣздятъ съ товарами Козыльбашскіе и Бухарскіе земли тезики. Враги съ запада и востока проникаютъ въ Сибирь. „А у насъ, государи, отняли вездѣ промыслъ“—заявляютъ торговые люди, но и не въ нихъ только дѣло: отъ иноземцевъ, по заявленію выборныхъ земскаго собора 1642 года, всякіе люди „обнищалі“, не только торговцевъ,—они „все Московское государство оголодили“. Такъ освѣщался русскимъ купечествомъ огромный кризисъ экономической жизни страны, долженствовавшій московское государство обратить въ Россійскую Имперію.

Изгнаніе англичанъ.

Пусть же государи воззрятъ въ свою вотчину. Пусть не дадутъ своимъ „природнымъ“ холопамъ и сиротамъ „отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и въ скудости“. Пусть вышлютъ ихъ въ портовые города, запретятъ имъ заводить свои промыслы и ставить дворы...

Вопросъ объ этомъ былъ разрѣшенъ въ 1649 году, по челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей. Но дворянство и купечество просило о высылкѣ въ портовые города всѣхъ иноземцевъ, правительство же ограничилось указомъ особенно опаснымъ теперь безпошлинной тор-

говлей англичанамъ „ѣхати за море“ и торговать „по-прежнему“, „приѣзжая“, „а пошлины платити“. Поводомъ, какъ полтора столѣтія спустя для Екатерины II при переходѣ къ покровительственному тарифу 1796 г., было то обстоятельство, что англичане „всею землею учинили большое злое дѣло: государя своего, Карлуса короля, убили до смерті“. Наконецъ, въ 1652 г., согласно Уложенью, всѣхъ иноземцевъ въ Москвѣ поселили въ особой Нѣмецкой слободѣ, запретивъ имъ свободное проживаніе въ иныхъ частяхъ города.

Отношеніе къ восточнымъ и южнымъ купцамъ.

Такая же ограничительная политика проводилась и въ отношеніи къ другимъ національностямъ, особенно южнымъ и восточнымъ. Грекамъ торговля внутри Россіи была запрещена еще въ 1647 году. Персидскіе тезики при царѣ Михаилѣ торговали преимущественно въ Астрахани и Казани, тоже было и съ хивинскими и бухарскими купцами: наказы воеводамъ восточныхъ городовъ предписываютъ не пропускать ихъ внутрь страны. Въ 1671 году Алексѣй Михайловичъ писалъ бухарскому хану Абдулъ-Азису, что онъ позволяетъ бухарцамъ съ товарами пріѣзжать въ пограничные города, „какъ бывало при предкахъ нашихъ“. Черезъ 2 года астраханскіе воеводы получили указъ не пропускать персидскихъ купцовъ „въ верховые городы и къ Москвѣ“. Только явственныя выгоды могли соблазнить правительство уклониться отъ этого систематическаго очищенія русскаго рынка отъ „иновѣрцевъ“. Такъ, въ 1667 году Ордынъ-Пащокинъ заключилъ было договоръ съ армянской компаніей купцовъ о вывозѣ всего персидскаго шелка исключительно въ Россію, при чемъ торговля имъ была обложена по сложной системѣ: транзитный сборъ былъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе участвовали въ торговлѣ русскіе купцы. Въ случаѣ вывоза шелка за границу черезъ Архангельскъ. компанія съ пуда его уплачивала 4 р. 50 к. пошлинъ. Однако уже въ 1672 году правительство освѣдомилось, не причинитъ ли армянская компанія русскому купе-

честву ущерба торговлей въ Архангельскѣ; и, получивъ отвѣтъ, что ущербъ будетъ, въ 1673 году привозъ шелка къ Архангельску для торга съ иноземцами запретило.

Таможенные тарифы.

Не смотря на свою вліятельную позицію, русское купечество не было удовлетворено разрозненными мѣропріятіями противъ иноземцевъ. Де-Родесъ въ 1553-мъ году, послѣ изгнанія англичанъ, не преминулъ отмѣтить, очевидно, общую мысль того времени: „гости Его Царскаго Величества хотятъ, чтобы *всѣ* иностранные купцы, сколько ихъ ни есть въ Москвѣ, жили бы здѣсь (въ Холмогорахъ) и не допускались далѣе внутрь страны“. Но такая политика являлась невозможной въ чистомъ видѣ,—Россія нуждалась въ Западѣ. Приходилось поэтому взять другое оружіе борьбы за русскій рынокъ,—и такимъ оружіемъ явились таможенные тарифы, если не изгнавшіе, то обезвредившіе всѣхъ безъ исключенія иноземцевъ. Одновременно были уничтожены стѣснительные для торговли мелкіе внутренніе поборы.

Внутреннія пошлины

Торгово-промышленная жизнь XVI и перв. половины XVII вв. была скована пестрымъ и сложнымъ составомъ таможенныхъ поборовъ, разнообразныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, возникшихъ еще въ эпоху самостоятельнаго существованія княжествъ русскихъ феодаловъ и очень медленно кристаллизовавшихся въ одну систему таможеннаго обложенія. Мы уже знаемъ всю стѣснительность подобнаго рода системы внутреннихъ таможенъ или, вѣрнѣе, отсутствія правильной, продуманной системы *).

Разнообразіе сборовъ усиливалось творческой фантазіей правительства и сборщиковъ. На Выми, напр., было 3 уставныхъ таможенныхъ грамоты: „первая Ростригина, а другая отъ бояръ, а третья царя Василія,—а всѣ тѣ три грамоты указомъ не сойдутца“. Разумѣется, у таможенныхъ головъ съ торговцами посто-

*) См. предущ. статью.

яшно „живетъ великій споръ“, въ результатѣ котораго сыплется дождь челобитныхъ. Правительство Михаила, не имѣя опредѣленнаго плана, должно было указывать своимъ головамъ сбирать, какъ государевой казнѣ прибыльнѣе. На Вяткѣ, въ 1623 г., таможенный уставной грамоты не было совсѣмъ, голова самъ назначалъ таможенныя ставки, руководясь обычаемъ и примѣромъ. Но голова (избранный посадомъ Нижняго Новгорода) былъ заинтересованъ въ количествѣ сборовъ,—конечно, вятчане жаловались на его непомѣрные поборы. Въ Москвѣ нашли, что „мужики брѣдятъ і во всемъ себѣ льготятъ“ и въ такихъ выраженіяхъ отписали на Вятку.

Торговый уставъ 1654 г.

Упрощеніе внутреннихъ таможенныхъ сборовъ и покровительственныя пошлины были введены уже Торговымъ уставомъ 1654 года, развиты, дополнены и усугублены Новоторговымъ уставомъ 1667 года. Тотъ и другой памятники возникли по челобитьямъ русскихъ торговцевъ и по ихъ проектамъ: „Великій Государь, слушавъ выписки и челобитья и сказокъ гостей, и гостинной, и суконной, и черныхъ сотенъ и слободъ, и городовыхъ всякихъ чиновъ торговыхъ людей, указалъ и бояре приговорили“—такова формула Устава 1554 года, отмѣнявшаго мелкія—проѣзжія, вѣсчія и др. пошлины. Уставъ 1654 г. удержалъ практиковавшуюся и раньше однообразную „рублевую пошлину“ въ размѣрѣ 5% съ продажной стоимости товара. При этомъ одинъ и тотъ же товаръ въ рукахъ одного владѣльца не могъ быть обложенъ дважды: уплачивая, наприм., при покупкѣ съ денегъ тѣ же 5%, онъ не платилъ при продажѣ товара и наоборотъ. Иноземцы между тѣмъ, при внутренней торговлѣ, по Уставу были обложены 6% съ продажной стоимости, да 2% „отъявочныхъ“ за ввозъ и за вывозъ въ страну,—всего слѣдовательно они уплачивали 8% съ оборота, почти вдвое больше русскихъ торговцевъ. Торговля у портовыхъ городовъ, выгодная для русскаго купечества, была оставлена на прежнемъ основаніи.

Новоторговый уставъ мотивированъ также челобитьемъ купечества, причемъ вкратцѣ указано и содержаніе его,—это „многіе убытки“ и домовыя разоренья“, т. е. крахи русскихъ фирмъ, „отъ пріѣзжихъ иноземцевъ во многихъ обидныхъ торгѣхъ“. „Всемилосердымъ... на всенародное слезное челобитье воззрѣніемъ“ царь съ Думой устанавливаютъ, чтобы русскіе „торговые люди имѣли свободные торги, какъ годится быти“. Свобода эта понималась, какъ защита русской торговли и промышленности отъ конкуренціи иностраннаго капитала и какъ раскрѣпощеніе внутренней торговли путемъ упрощенія внутреннихъ поборовъ. Новоторговый уставъ, въ редакціи котораго, вѣроятно, участвовалъ Ордынъ-Нащокинъ, свелъ очень ясныя, но разрозненныя тенденціи экономической политики правительства въ продуманную систему меркантилистическаго характера. Онъ впервые опоясалъ страну высокимъ покровительственнымъ тарифомъ, убивая этимъ иноземное соперничество. Новоторговый уставъ.

Общимъ принципомъ таможенной системы, кромѣ покровительства русской торговлѣ, было однократное обложеніе торговаго обмѣна товара на товаръ, причемъ пошлина падала не на покупателя, а на продавца. Пошлины на передвиженіе, „проѣзжія“, и всевозможные мелкіе поборы, отмѣняются. Въ принципѣ устанавливается единая „рублевая“ пошлина въ 5% съ продажной стоимости товара. Платитъ ее продавецъ (до 1654 г. рублевая пошлина обычно взималась съ обѣихъ сторонъ: $2^1/_2$% съ продавца и $2^1/_2$% съ покупателя). Покупаетъ каждый безпошлинно въ своемъ городѣ (Новоторговый уставъ, ст. 27); безпошлинно же могутъ закупать на свой обиходъ гости, гостинная и суконныя сотни и внѣ своихъ городовъ, но въ ограниченномъ количествѣ, рублей на 50—60 (800—1000 р. на наши деньги, ст. 39). Но если кто-нибудь пріѣзжаетъ въ городъ спеціально для закупокъ товаровъ, то онъ, объявляя привезенныя деньги въ таможнѣ, долженъ уплатить съ Русскіе торговцы.

нихъ $2^1/_2{}^0/_0$ пошлины (ст. 30), а у Архангельска даже 4% (ст. 12). Въ обоихъ случаяхъ купецъ получаетъ выпись объ уплатѣ денегъ. Въ первомъ случаѣ, при продажѣ купленнаго на эти деньги товара съ него взимается еще только $2^1/_2{}^0/_0$, что съ выписью и составляетъ 5% рублевую пошлину (ст. 30); что касается второго случая, то онъ былъ косвеннымъ поощреніемъ вывоза русскихъ товаровъ: деньги, вырученныя отъ ихъ продажи не облагались, хотя бы ихъ тутъ же снова пускали въ оборотъ на покупку иностранныхъ товаровъ. Подобное правило практиковалось, впрочемъ, по всѣмъ городамъ (ст. 20, ср. также 34). Вывозъ товаровъ изъ своего города на продажу (ст. 29), ввозъ его въ какой-либо городъ для продажи (ст. 19, 34, 23=1 ст. устава 1654 г.) облагается, въ случаѣ свершенія таковой, 5% съ цѣны. Соль уплачивала повышенную ставку въ 10% (ст. 26), а сибирскіе соболя, если они имѣли на себя проѣзжія изъ Сибири выписи, $2^1/_2{}^0/_0$, такъ какъ съ нихъ въ Сибири брали проѣзжую пошлину; въ противномъ случаѣ—5% (ст. 39).

Означенныя правила прилагались къ торговлѣ русскаго купечества одинаково русскими или иностранными товарами. Привозя къ Архангельску свои товары, купечество уплачиваетъ съ нихъ, съ вѣсчихъ, т. е. продаваемыхъ на вѣсъ—5%, съ остальныхъ—4%, съ денегъ, какъ сказано, 4% (ст. 12); но пошлина съ товара взимается лишь въ случаѣ продажи: непроданные товары владѣлецъ безпошлинно можетъ увезти, куда ему угодно (ст. 17, 18 и 25); облагается въ сущности не продажа, а мѣна товара на товаръ: ей приравнивается и покупка на деньги, вырученныя отъ продажи товара, которыя не уплачиваютъ налога (ст. 34). Выгоднѣе поэтому было являться въ пограничные города съ русскими товарами, нежели съ деньгами: при продажѣ ихъ русскій купецъ получалъ прибыль, на нее же расчитывалъ, пріобрѣтая безпошлинно заграничные товары; между тѣмъ, при одинаковомъ обложеніи, покупка на деньги

давала только одинъ второй моментъ прибыли. Такимъ образомъ, русскимъ купцамъ выгоднѣе было вывозить и ввозить, нежели только ввозить заграничные товары, отдавая за нихъ серебро. Вывозить золото и серебро (собственно ефимки) черезъ Астрахань запрещено совершенно (ст. 79). Для устраненія пониженія цѣнъ на русскіе товары, Новоторговый уставъ устраняетъ бѣдныхъ людей и мелкихъ торговцевъ отъ непосредственныхъ сношеній съ иноземцами: они должны присоединять свои товары къ „высокой цѣнѣ и къ пожиткамъ добрымъ“ и торговать „складомъ“ (Предисловіе).

Такимъ образомъ осуществлялось раскрѣпощеніе русской торговли отъ внутреннихъ пошлинъ безчисленныхъ наименованій и покровительство ей. Но особенно замѣтно послѣднее въ тѣхъ статьяхъ Устава 1667 года, которыми опредѣляется положеніе иностранныхъ купцовъ на русскомъ рынкѣ.

Иноземцы въ пограничныхъ городахъ.

Въ пограничныхъ торговыхъ городахъ: Архангельскѣ, Путивлѣ, Псковѣ и Великомъ-Новгородѣ, устанавливается свободная торговля. Иноземцы (западные купцы, персы, индѣйцы, бухарцы, армяне, кумане, черкасы, греки, волохи, молдавы и др.), платятъ при ввозѣ въ нихъ своихъ товаровъ тѣ же 5% съ вѣсчихъ и 4% съ остальныхъ (ст. 40, 48, 77), но, во-первыхъ, они платятъ за ввозъ, а не только при продажѣ, какъ русскіе (ст. 75), во-вторыхъ, русскіе купцы платятъ пошлину мелкимъ серебромъ (ст. 32), а западные иноземцы исключительно золотыми и ефимками (ст. 48) *). Между тѣмъ, ефимки, при передѣлкѣ ихъ въ русскую монету, давали до 30% прибыли, повышая такимъ образомъ ввозную пошлину своимъ высокимъ курсомъ. Покупать привезенные къ порту русскіе товары можно было не уплачивая за то дополнительныхъ сборовъ,— это былъ общій принципъ Устава. Этимъ тарифъ привлекалъ въ страну драгоцѣнные металлы. Казна отказывалась отъ пошлинъ за ввозъ денегъ однако не даромъ

*) Золотой угорскій—по 1 руб., ефимокъ—50 коп.

(за вывозъ ихъ, какъ мы знаемъ, русскіе платятъ у Архангельска 4%, а вывозъ на востокъ золотыхъ и ефимковъ запрещенъ); безпошлинная покупка могла производиться только на золотые и ефимки, принимавшіеся по опредѣленному курсу, ниже рыночной стоимости на 30% (ст. 72—73, 81). Предполагая что обложеніе ихъ было бы таково, какое уплачивали русскіе съ привезенныхъ денегъ, т. е. 4%, мы видимъ, что своимъ принудительнымъ курсомъ Уставъ выигрываетъ для казны около 24%.

Но если въ пограничныхъ городахъ иноземцы были поставлены хотя бы только по видимости въ одинаковыя условія съ русскимъ купечествомъ, то положеніе ихъ на русскомъ внутреннемъ рынкѣ сдѣлало для нихъ невозможной конкурренцію съ русскими торговцами.

Иноземцы на внутреннихъ ърынкахъ.

Внутрь страны изъ западныхъ купцовъ (отъ Пскова, В. Новгорода и Архангельска) пропускались только тѣ, у которыхъ будутъ „Великаго Государя жалованныя грамоты о торгахъ, за красною печатью“ (ст. 85). Но „жалованныя грамоты о торгахъ“, теперь не только не доставляли привиллегій, а ставили иноземцевъ въ еще болѣе тягостныя условія, нежели Уставъ 1654 года. По Новоторговому Уставу за ввозъ своихъ и вывозъ къ границѣ русскихъ товаровъ, иноземцы уплачивали 10% съ цѣны „проѣзжей“ пошлины (ст. 56, 77 и 80; 66 и 78); при этомъ западные купцы обложены тяжелѣе восточныхъ, такъ какъ они обязаны платить золотыми и ефимками по принудительному курсу. Продажная пошлина Устава 1654 г. въ 6% была сохранена для иностранцевъ (ст. 59, 64, 77 и 82), что вмѣстѣ съ проѣзжей составляло 16% стоимости товара. Вина при этомъ, такъ какъ, съ точки зрѣнія русскихъ меркантилистовъ XVII вѣка,—„оного много не нужно надобно“, обложены тяжелѣе: ввозъ оплачивался по особо высокой таксѣ (ст. 51), а продажная пошлина въ нихъ идетъ въ размѣрѣ 15% (ст. 53). Самая продажа

иноземцемъ товаровъ обставлена цѣлымъ рядомъ условій: продавать иноземецъ можетъ только оптомъ (ст. 42 и 83), причемъ обязательно торговцамъ того города, куда онъ пріѣхалъ (ст. 60): ни иногороднимъ русскимъ торговцамъ (ст. 60), ни иноземцамъ (ст. 63) продавать внутри страны нельзя даже оптомъ подъ страхомъ конфискаціи всего товара (ст. 62). Поэтому иноземный купецъ не имѣлъ права разъѣзжать по ярмаркамъ или посылать туда приказчиковъ съ товарами или съ деньгами для закупки русскихъ товаровъ подъ страхомъ отобранія того и другого (ст. 83 и 84). Русскіе товары онъ могъ закупать только у мѣстныхъ же купцовъ того города, куда ему дана грамота (ст. 60), и только въ пограничныхъ городахъ у всѣхъ (ст. 61). Разумѣется, при такихъ условіяхъ, русскій торговецъ, съ закупленными въ пограничномъ городѣ тѣми же иноземными товарами, уплачивая при продажѣ ихъ только 5% съ цѣны (а не 16%), торговавшій съ кѣмъ угодно и какъ угодно, даже за сдѣлку съ тѣмъ же иноземцемъ, повидимому, не несшій отвѣтственности (ст. 61), дѣлался единственнымъ и полнымъ владыкой русскаго рынка, раздѣляя свою гегемонію только съ царской казной, да съ привиллегированными сильными людьми.

Откупа.

Эксплоатируя населеніе путемъ безконечныхъ таможенныхъ поборовъ, препятствовавшихъ передвиженію товаровъ, казна въ XVI и въ XVII вѣкахъ отдавала въ оброкъ рѣшительно все, за исключительное обладаніе чѣмъ давали какія-нибудь деньги. Сдавали на оброкъ право ловить рыбу въ протекавшей черезъ посадъ рѣчкѣ, право писать бумаги („писчая площадка“), торговыя бани, право торговли въ развѣсъ мыломъ, сѣномъ, дегтемъ и т. п. Между посадскими мірами и различнаго рода кулаками изъ тѣхъ же міровъ, иногда тяглецами города Москвы, а чаще людьми и крестьянами крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣйствовавшими на средства патроновъ, въ XVII вѣкѣ идетъ непрерывная борьба за откупы. Въ Галичѣ, напримѣръ, до

1639 года „площадное письмо“, т. е. право писать юридическіе акты и другіе нужные документы за деньги, было за крестьяниномъ боярина князя Ивана Андреевича Голицына. Мельницы на рѣчкѣ Кешмѣ были въ откупу за крестьянами думнаго дворянина Томилы Луговскаго; воскобойня—тоже самое; всякій извозъ и перевозъ черезъ Галичское озеро—за крестьяниномъ дьяка Ивана Переносова; мыльная мелкая рѣзь, т. е. мелочная торговля мыломъ, на откупу за крестьяниномъ боярина князя Ивана Андреевича Голицына; „овсяная и сенная труха и деготь и сало ворвань“ за крестьяниномъ боярина Бориса Ивановича Морозова. То же самое было и на другихъ посадахъ: разнообразятся только имена. Въ Мценскѣ, напр., выступаетъ Троице-Сергіевская лавра, въ Мещовскѣ мельницу откупилъ посадской же человѣкъ, но это явленіе сравнительно рѣдкое: гораздо чаще въ числѣ откупщиковъ являются люди и крестьяне царицы инокини Марѳы, бояръ Романовыхъ, князей Черкасскихъ, Голицыныхъ, всякаго рода дьяковъ и подъячихъ.

Въ 1649 году посадскіе выборные люди добились важнаго успѣха: откупа сдѣлались привиллегіей посадскихъ и черныхъ людей. „А отдавати таможни и кабаки и иные всякіе откупы на откупъ государевымъ посадскимъ людемъ, и дворцовыхъ селъ и волостныхъ крестьяномъ, а инымъ ничьимъ людемъ и крестьянамъ никакихъ откуповъ на откупъ не отдавати“ читаемъ мы въ Уложеньи (гл. XVIII, ст. 23). Но откупщикъ изъ посадскихъ или черныхъ крестьянъ, на котораго было запрещено давать судъ до окончанія срока откупа, хотябы онъ 3 года сидѣлъ на откупу, могъ также, какъ и человѣкъ боярина, драть съ населенія деньги „великимъ грабежомъ“, и написывать на питуховъ „многіе лишные деньги“. Поэтому рядовымъ посадскимъ людямъ приходилось лишь горько жаловаться, что они продѣлываютъ и при царѣ Михаилѣ и при царѣ Алексѣ. Въ выраженіяхъ царской Устав-

ной грамоты 1654 года слышится голосъ ихъ челобитій, голосъ того міра, который „въ томъ ихъ (откупщиковъ) враждебномъ промыслѣ погибаетъ“, который отбылъ своихъ промышлишковъ, въ которомъ ужъ многіе „межъ дворъ скитаются“. Именно въ отвѣтъ на такія жалобы царь Михаилъ еще въ 1639 году указалъ не сдавать въ городахъ на откупъ слѣдующихъ „промысловъ“: продажи квасу, сусла, ботвиньи, „сѣниово и хмѣлевого трушенья“ (т. е. продажи въ развѣсъ, по мелочамъ), „мыльные мелкие рѣзи“ (то же самое) и дехтярныхъ промысловъ, но только тѣхъ, „которые зачелися въ недавнихъ лѣтехъ“. Указъ этотъ примѣнялся постепенно, по мѣрѣ поступленія челобитныхъ изъ посадовъ, а затѣмъ нарушался приказами, лишь только находился выгодный и щедрый откупщикъ.

И царь Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году писалъ, что, когда онъ, „подражающе божественныхъ повелѣній, преклонихомъ милостивно уши наша въ міръ слышанія“, то ему пришлось услышать „нѣчто неполезно, паче же грѣшно и міру досадительно“: повсюду процвѣтали „богоненавистные откупы“; откупщики, „врази Богу и человѣкомъ, немилосердіемъ ревнуютъ прежнимъ окаяннымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ“. Поэтому царь указываетъ: „такое злодѣйство... въ царствующемъ градѣ Москвѣ и повсюду въ городѣхъ и въ селахъ упразднити“. Далѣе идетъ списокъ упраздняемыхъ откупныхъ статей, отъ котораго дѣйствительно можно прійти въ ужасъ: „отъ сего времени нововсчинныхъ проѣзжихъ пошлинъ и мытовъ, по рѣкамъ съ судовъ посаженнаго и привальнаго и грузового, и съ людей головщины, и съ саней полозоваго и съ телегъ, и на гостиныхъ дворѣхъ, съ рыбныя складки въ лавки и въ погребы, и съ раздѣлки и съ мытья, и съ рыбныхъ бочекъ, съ бою и съ выборки, не имати и въ откупы не отдавати; и ядомыхъ харчей всякихъ и иныхъ всякихъ мѣлкихъ промысловъ: квасу, сусла, масла конопляного и коровья, вет-

чинаго сала, солодорощенья, овсяной трухи, хмѣлевой трухи, хлѣбнаго и соляного и воженнаго и бережнаго извозу, сѣнной трухи, щелку, пищей площадки, на рѣкахъ прорубнаго, золы всякой, мыльнаго рѣзанья, ворванья сала, свѣчъ сальныхъ, смолы брусковыя нарѣзь, дегтю, уголья и рогожнаго товару, лаптей, шлей, хомутовъ, на откупъ не давати, кромѣ воскобоя, и ледяного и банныхъ откуповъ". Достаточно вообразить себѣ посадъ въ узахъ этихъ откуповъ, хотя бы не всѣхъ чтобы понять, какой язвой былъ этотъ пережитокъ вотчинныхъ традицій, переведенный на языкъ развивавшагося мѣнового хозяйства XVII вѣка. Уставная грамота завѣщаетъ и дѣтямъ и внучатамъ царя „неприступно соблюдати" „сіе наше изображеніе". Тѣмъ, кто велитъ отдавать на откупа или какимъ „пронырствомъ" откупитъ, грамота грозитъ: „за такую неправду да будетъ Господь Богъ ратовати его во вся дни настоящіе живота его, а въ будущемъ вѣцѣ казнити вѣчною мукою, якоже древнихъ немилостивыхъ и человѣконенавистныхъ мытоимцевъ"; но и на землѣ нарушителей ждетъ „смертная и непрощаемая казнь". Грамота была положена за царской рукой и золотой печатью въ Успенскомъ Соборѣ и въ царской казнѣ.

Кабаки.

Кабаки въ XVII столѣтіи доставляли казнѣ крупныя выгоды, и поэтому на эксплоатацію ихъ было обращено серьезное вниманіе. Населеніе должно было выбирать изъ своей среды головъ и цѣловальниковъ для этой торговли, причемъ городъ обычно выбиралъ не на свой кабакъ, а въ кабакъ другого города. Поощряемые наградами головы и цѣловальники, равно и откупщики кабаковъ спаивали „питуховъ", такъ что выраженіе „въ кабакѣ заралялся", „испропился" былъ довольно обычнымъ терминомъ опредѣленія причинъ экономической немощи членовъ посадскихъ и сельскихъ міровъ. Головы и цѣловальники брали въ закладъ за вино рѣшительно все, до послѣдней одежды, давали пьянымъ вино въ долгъ, приписывая на ихъ

счетъ иногда огромныя суммы, а затѣмъ били несчастныхъ на правежѣ, доправливая на нихъ эти деньги. Воевода же, по наказамъ, долженъ былъ „отъ всякихъ обидъ и насильства“ оберегать не питуховъ, а кабацкаго голову. Правда, голова тоже не долженъ чинить насильства и приписывать лишнихъ „напойныхъ денегъ“, но конечная цѣль воеводы, какъ и головы,—это чтобы въ кабацкомъ сборѣ какой порухи не учинилось.

Соль Вычегодская, напр., всѣмъ міромъ жаловалась царю, что „на кабакѣхъ у Соли испропилися многие посадцкие людишки... одолжали и оспротали, и охудали, потому что даютъ нынѣ на кабакѣхъ... пиянымъ людемъ питье въ долгъ, вино и пиво, повольно“. А затѣмъ правятъ долгъ мѣсяца за 2 и 3. „И питухи деньги займуютъ изъ великихъ ростовъ и платятъ“,—а остальное головы доправливаютъ на посадцкихъ же выборныхъ цѣловальникахъ, которыхъ обязывался „окупать“ міръ. Иногда правительство вмѣшивалось въ эту операцію съ цѣлью спасти отъ своихъ же агентовъ служилыхъ людей и запрещало давать въ долгъ вино стрѣльцамъ, брать у нихъ въ закладъ одежду и т. п. Иногда такое вмѣшательство вызывалось иными, болѣе высокими, соображеніями. Въ 1676 году по указу Суздальскаго архіепископа въ Шуйскомъ посадѣ былъ розыскъ про соборнаго діакона Ларіона; и шуяне показали, что ихъ дьяконъ „на кабакѣ и по улицамъ валяется, и по харчевнямъ скитается, и приходя пьянъ къ соборной церкви, въ колокола бьетъ, и градомъ всѣмъ возмущаетъ“... Годомъ позже тотъ же посадъ допрашивали: „а пономарь все пьянъ валяется ли?.. Да... попъ Григорей въ бесѣдахъ напивается ли пьянъ и озорничаетъ ли? Всякою скаредною бранью мужской полъ и женскій бранитъ ли?“—И шуяне сказали: „Ей же, ей-ей!“

Но эти вмѣшательства являлись вообще исключеніемъ, вызывались рѣзкимъ нарушеніемъ интересовъ служилаго люда или прямо скандаломъ,—посадское

же и сельское населеніе продолжало служить объектомъ эксплоатаціи.

Вмѣстѣ съ другими откупами, Уложеніе передавало и кабаки въ руки посадскихъ, черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, но дѣло отъ этого лучше пойти не могло. Въ 1651 году было поэтому вообще запрещено сдавать на откупъ кабаки, даже самое имя, очевидно ненавистное, уничтожено: кабаки были названы кружечными дворами (сокращен. „кружало“), въ городахъ и большихъ селахъ указано быть по одному, а въ мелкихъ ихъ было велѣно уничтожить. Въ 1652 г. были запрещены кабаки частныхъ вотчинниковъ, остались лишь государевы. Передъ этимъ, 11 августа „въ Москвѣ былъ „соборъ о кабакѣхъ“ Боярской Думы и Освященнаго Собора съ участіемъ патріарха. Указали, чтобы кружечные дворы продавали только по одной чаркѣ одному человѣку, чтобы пьяницы (питухи) близъ двора не сидѣли и имъ вина не давать, а „ярышкамъ (рабочій людъ) и бражникамъ и зернщикамъ (азартная игра) на кружечномъ дворѣ не быть“. Любопытно, что изложеніе этихъ рѣшеній въ наказѣ углицкимъ кабацкимъ головамъ сопровождалось припиской: „а то имъ, головамъ и цѣловальникамъ, сказать, чтобъ имъ съ того кабака собрать передъ прежнимъ съ прибылью“. Таковы были предзнаменованія для этой первой попытки борьбы съ пьянствомъ на Руси.

Борьба съ конкуренціей землевладѣльцевъ.

Третьимъ послѣ казны и ея иноземцевъ привилегированнымъ конкурентомъ русской буржуазіи въ первой половины XVII вѣка было крупное землевладѣніе, какъ духовное, такъ и свѣтское. Тарханщики, особенно же закладчики и бѣлыя слободы на посадахъ и около нихъ составляли больное мѣсто городовъ XVII вѣка.

Тарханы.

Крупные землевладѣльцы, особенно монастыри, умѣли добиваться освобожденія своихъ торговъ отъ пошлинъ, что дѣлало конкуренцію съ ними столь же затруднительной, какъ и конкуренцію съ иностран-

цами. Мы знаемъ, какъ многочисленны были тарханщики еще въ XVI столѣтіи. Количество ихъ въ XVII ст. было не меньше: въ 1614 году, напримѣръ, помимо иноземцевъ, таможня въ Устюгѣ не взяла пошлинъ съ товаровъ Соловецкаго, Сійскаго, Прилуцкаго (на Вологдѣ), Печенѣгскаго, Кирилло-Бѣлозерскаго и Троице-Сергіева монастырей; въ 1616 году въ спискѣ тарханщиковъ оказываются еще Тихвинскій, Коряжемскій и Корѣльскій монастыри. Какъ велики были ихъ обороты показываетъ, напр., упомянутый Сійскій монастырь, закупавшій на Вологдѣ хлѣбъ и товары „въ монастырь и въ монастырские соляные и рыбные промыслы на продажу и для раздачи изъ прибыли работнымъ всякимъ людемъ“. За 3 года монастырь былъ долженъ въ 1649 году уплатить 556 р. 27 а. $1^1/_2$ д., что показываетъ годовой оборотъ не менѣе 11.000 рублей (около 130,000 р. на наши деньги). Между тѣмъ это одинъ изъ небольшихъ тарханщиковъ: Ново-Дѣвичій монастырь былъ освобожденъ царемъ Димитріемъ отъ ежегодной уплаты 3000 р. таможенныхъ пошлинъ съ ходившаго къ Астрахани судна.

Принадлежавшіе преимущественно монастырямъ, которые были либо продавцами продуктовъ своего хозяйства, либо покупали для него запасы, тарханы были болѣе невыгодны государевой казнѣ, чѣмъ купечеству, и поэтому въ первой половинѣ XVII столѣтія особенно настойчивыхъ жалобъ на нихъ мы не встрѣтили. Просуществовали они до 1672 года.

Закладчики и бѣлыя слободы.

Въ другомъ положеніи былъ вопросъ о закладчикахъ. Привиллегировнные землевладѣльцы не только стѣсняли торговлю и убивали ее своей конкуренціей, они проникали на самые посады и здѣсь черезъ своихъ людей принимали участіе въ посадскихъ промыслахъ и мелкой торговлѣ. Ихъ „защитные“ люди, закладчики, уходившіе отъ тягла въ юридическую зависимость отъ привиллегированнаго владѣльца, жили на посадахъ, иногда же, особенно въ откупахъ, пускали

въ оборотъ средства своего господина. Наконецъ, землевладѣльцы основывали на посадахъ, или около нихъ цѣлыя слободы своихъ крестьянъ, занимавшихся торговлей и промыслами. Такія села, закрытыя отъ тягла, представляли непобѣдимыхъ конкурентовъ для городовъ и туда стекалось населеніе. Напримѣръ, рядомъ съ городомъ Калугой было село Спасское Новое, въ XVII в., принадлежавшее боярамъ Романовымъ; въ немъ къ 1649 г. оказалось 441 дворъ, да на Калужскомъ посадѣ за бояриномъ Никитой Ивановичемъ жили 27 человѣкъ закладчиковъ. Такимъ образомъ, ему принадлежало 468 дворовъ, кромѣ него были и другіе владѣльцы; между тѣмъ Калужскій посадъ насчитывалъ лишь 588 дворовъ. Въ Нижнемъ, въ одной Патріаршей Богоявленской слободкѣ, считалось 376 дворовъ. Вотчинники сильно тѣснили посадъ, захватывали выгоны, дворы, застраивали и заселяли ихъ. На Холмогорахъ, напр., Соловецкій монастырь захватилъ цѣлыя улицы; въ Каргополѣ старцы Кириллова монастыря „насильствомъ“ сломали непринадлежащій имъ посадскій дворъ, а мѣсто пригородили къ своему огороду и т. д. и т. д.

Вопросъ о бѣлыхъ слободахъ поднимался еще на Стоглавомъ соборѣ (1551 г.), но остался невполнѣ рѣшеннымъ, очевидно, въ виду оппозиціи собора. На земскомъ соборѣ 1619 г. было постановлено вернуть въ тягло тѣхъ, кто заложился за сильныхъ людей и ушелъ такимъ образомъ изъ царскихъ податей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое рѣшеніе могли подсказать только представители посадовъ, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что уже въ 20-хъ годахъ XVII вѣка мы находимъ въ челобитьяхъ посадовъ прямыя предложенія отобрать у частныхъ лицъ ихъ людей, занимающихся торговлей, промыслами или ремесломъ. Новгородцы, напр., просили царя „із мітрополічіх і из монастырских вотчинъ из-за обѣльныхъ людей, которые за пімі живут, а торгуют многімі товары і животом прожиточны, даті в свою государеву отчіну въ Велікій Новгородъ на житье въ посадцкіе въ тяглые люди“.

Интересно, что проектъ экспропріаціи вотчинниковъ (бояръ и монастырей) въ пользу посадовъ, находилъ горячее сочувствіе и въ средѣ дворянства. Уже челобитье новгородскаго посада было подано сыномъ боярскимъ, что вызвало на немъ суровую резолюцію: „въ печальникех бы им ходить не пригож“. На соборѣ 1649 г. царило то же единодушіе: гости и торговые люди скорбятъ о дворянской бѣдности и желаютъ помочь ей секуляризаціей вотчинъ духовенства, а стольники, стряпчіе, дворяне и дѣти боярскіе желаютъ вмѣстѣ съ посадскими изгнать иноземцевъ, а также требуютъ конфискаціи закладчиковъ и бѣлыхъ слободъ. Союзники жалуются горько, что „такіе заступные торговые люди (ихъ!) затѣснили и изобидѣли многими обидами“. Въ Нижнемъ якобы, въ одной Благовѣщенской слободѣ, за патріархомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей сверхъ писцовыхъ книгъ набралось больше 600 человѣкъ. „Своею мощью и заступою“ они откупаютъ кабаки и таможни и всякіе откупа, накупили себѣ и въ закладъ поймали „лавки и погребы каменные“. А „при прежнихъ государехъ“ на Москвѣ и по городамъ закладчиковъ, слободъ около посадовъ и пашень и въ кабацкихъ откупщикахъ не бывало крестьянъ патріаршихъ, митрополичьихъ, владычныхъ и монастырскихъ, а также боярскихъ, окольничьихъ и думныхъ и ближнихъ и иныхъ чиновъ,—„и мятежу такова и междеусобія не бывало жъ“ — дѣлаютъ неожиданный, но вѣскій въ 1649 г. выпадъ челобитчики. Царь долженъ экспропріировать эту доходнѣйшую собственность крупныхъ землевладѣльцевъ, дабы „вездѣ было все его государево“,—но это „государево“ отдавалось либо посадскимъ мірамъ, либо, какъ проектировали сдѣлать съ монастырскими вотчинами, раздѣлялось мелкому дворянству. Какъ извѣстно, грандіозная конфискація бѣлыхъ слободъ и закладчиковъ была осуществлена согласно XIX главѣ Уложенія *).

*) См. нашу статью „Посадскіе люди Московскаго государства“.

Частно-владѣльческіе поборы.

Вторымъ пунктомъ союзнаго нападенія дворянства и буржуазіи на крупное духовное и свѣтское землевладѣніе было право владѣльцевъ облагать въ своихъ земляхъ проѣзжихъ и ихъ товары сборами въ свою пользу. Еще правительство царя Ѳедора Іоанновича задумывалось надъ этими частными правами, пережившими эпоху удѣловъ. Оно признавало, что своими поборами бояре и дворяне „землю нашу пустошатъ безъ нашего указу", но сдѣлало отсюда тотъ выводъ, что вотчинники должны поступиться половиной своихъ доходовъ въ пользу государя. Въ 1641 году дворяне и дѣти боярскіе „разныхъ городовъ" жаловались на убытки, причиняемые имъ частными мытами и перевозами „сильныхъ людей". Въ отвѣтъ послѣдовало запрещеніе устраивать безъ разрѣшенія новые сборы. Старые же и установленные съ разрѣшенія продолжали еще долго существовать. Частные сборы по жалованнымъ грамотамъ подтверждаются Уложеніемъ, только на владѣльцевъ ихъ возлагается по закону исправное содержаніе мостовъ и гатей въ своихъ владѣніяхъ. Если отъ неисправности послѣднихъ проѣзжій потерпитъ убытокъ, то послѣдній взыскивается на землевладѣльцѣ, сбирающемъ пошлину (гл. IX ст. 9—12). Мы уже упоминали, уже, что въ 1652 г. были запрещены частновладѣльческіе кабаки.

Заботы о промышленности.

Идя навстрѣчу нуждамъ торгово-промышленнаго класса, московское правительство заботится не только о процвѣтаніи русской торговли, но и промышленности. Оно вызываетъ иноземныхъ мастеровъ, заставляетъ ихъ обучать рускихъ учениковъ, поощряетъ промышленную дѣятельность англичанъ у Архангельска, посылаетъ своихъ рудознатцевъ для розыскиванія металловъ, наконецъ, заводитъ на свои средства довольно большіе заводы. Иностранные мастера для правительства теперь не только наемные техники,—они должны быть учителями русскихъ, должны содѣйствовать развитію русской промышленности и ремесла. Этотъ взглядъ неоднократно

выражается. Въ 1614 году англичанинъ Мерикъ хочетъ привезти изъ Англіи знатцевъ и кузнецовъ на Сухону, гдѣ есть оловянная и желѣзная руда. Государю отъ этого будетъ прибыль, а русскимъ людямъ наука. Виніусъ, получивши въ 1632 году жалованую грамоту на разработку желѣзной руды у Тулы, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ научить всякому дѣлу государевыхъ людей и не скрывать отъ нихъ своего ремесла. То же было повторено въ 1644 году вступившему въ компанію съ Виніусомъ голштинцу Марселису и голландцу Филимонову. Въ 1634 году были даны въ Московскомъ уѣздѣ 16 пустошей для стеклянныхъ заводовъ, но подъ условіемъ отчужденія черезъ 15 лѣтъ всего завода за вознагражденіе на государя; въ 1635 году отъ голштинской компаніи требовали, чтобы она лѣсъ для постройки судовъ покупала у царя, а плотниковъ нанимала русскихъ; въ 1638 году приглашаются часовщики, чтобы государю служить и учениковъ научить. Въ царствованіи Алексѣя Михайловича, такія мѣропріятія усилились и постепенно пріобрѣтали все большій масштабъ.

Покровительствуя національной промышленности, правительство считаетъ (согласно ученію меркантилистовъ) необходимымъ руководить производствомъ. Еще въ 20-хъ годахъ XVII вѣка оно издаетъ правила о производствѣ вещей изъ золота и серебра: была установлена проба, староста серебрянаго ряда въ Москвѣ наблюдаетъ за добротностью работы. Стремясь раціонально использовать естественныя богатства, правительство въ 30-хъ годахъ запрещаетъ употреблять капканы при ловлѣ бобровъ, а въ 1670 г. издаетъ указъ о томъ, чтобы на Переяславскомъ озерѣ рыбу ловили сѣтями опредѣленныхъ размѣровъ. Отсюда уже недалеко до Петровской регламентаціи производства.

IV.

Таковы тѣ практическія мѣропріятія, вытекавшія изъ программъ челобитныхъ торгово-промышленнаго

класса и меркантилистическихъ ученій эпохи, которыя осуществлялись при двухъ первыхъ Романовыхъ. Ихъ радикализмъ, ширина и объемъ дѣйствительно захватывали все вниманіе наблюдателя общественной жизни половины XVII вѣка и заставляли думать, что всѣ постановленія страны въ это время были направлены на коммерцію или торги.

Однако этотъ расцвѣтъ экономической политики XVII вѣка не былъ ни прочнымъ, ни продолжительнымъ. Это объясняется тѣмъ, что, во-первыхъ, неудачу потерпѣло самое крупное предпріятіе экономической политики XVII вѣка,—выпускъ мѣдныхъ денегъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что вся внутренняя экономическая политика эпохи была направлена исключительно въ интересахъ крупной буржуазіи и частью дворянства—мелкій служилый людъ стрѣльцы, рейтары, солдаты, были обойдены и иногда обижены; то же самое нужно сказать и о мелкомъ посадскомъ населеніи, середнихъ и молодшихъ людяхъ.

Мѣдныя деньги.

Начинанія внутри страны, а особенно широкія внѣшнія предпріятія половины XVII вѣка требовали крупныхъ средствъ. Въ 1654 г. началась долгая борьба съ Польшей за Малороссію, съ 1655 г. царь идетъ добывать у шведовъ балтійскіе берега, между тѣмъ источники поступленія доходовъ изсякли: въ 1654 г. былъ введенъ первый покровительственный тарифъ, сокращавшій въ конечномъ счетѣ торговлю съ иноземцами. Мы знаемъ, что торговля черезъ Архангельскъ приносила Россіи запасъ драгоцѣнныхъ металловъ и въ качествѣ пошлины и какъ доплату за русскіе товары. Между тѣмъ введеніе тарифовъ отражалось на этомъ поступленіи крайне невыгодно: Новоторговый уставъ повлекъ за собой замѣтное сокращеніе пошлинъ съ Архангельска. Наконецъ, замѣчается общее оскудѣніе торговыхъ центровъ страны на сѣверѣ и по средней Волгѣ.

Естественно, что правительство царя Алексѣя, какъ позже Петра Алексѣевича, впередъ всего искало средствъ въ монетной реформѣ. Принимая серебряные ефимки по установленной цѣнѣ (по 40, по 42 коп.), Московское правительство до половины XVII вѣка перечеканивало ихъ въ мелкую московскую монету (копейки, деньги и полденьги, какъ мы говорили, выигрывая на этомъ до 22 коп. на каждомъ. Теперь правительство снимаетъ съ себя заботу о перечеканкѣ: какъ разъ съ 1654 г. были выпущены особой монетой ефимки съ курсомъ въ 64 коп., затѣмъ „ефимки рублевы“, на которыхъ былъ наложнъ рублевый чеканъ, а также полуполтинники, т. е. ¼ ефимка съ печатью, цѣною въ 25 копѣекъ. Такимъ образомъ, крупная серебряная монета получила очень высокій принудительный курсъ въ 1 рубль, въ то время какъ ефимки безъ печатей ходили по 40 коп. Отсюда былъ одинъ шагъ до замѣны серебра менѣе цѣннымъ металломъ. Появились мѣдные полтинники, алтыны, копейки и грошовики; время ихъ выпуска упоминается первый разъ 3 марта 1656 года, но мѣдная полтина носитъ чеканъ 1654 года. Выпускъ мѣдныхъ денегъ былъ смѣлымъ опытомъ обращенія къ ассигнаціямъ, къ внутреннему займу. И этотъ опытъ, инициативу которго приписываютъ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, сначала удался: въ 1657—58 годахъ мѣдныя деньги ходили по нарицательной цѣнѣ рядомъ съ серебромъ, не смотря на то, что мѣдь была въ 60 разъ дешевле его.

Русское купечество, дабы не ронять курса мѣдныхъ денегъ, съ иноземцами обязано было разсчитываться прежнимъ серебромъ, равно какъ употреблять его и въ Сибири. Но само правительство нарушало спокойствіе рынка, стремясь извлечь изъ него серебро, нужное для заграницы, и наводнить его дешевой мѣдью сверхъ всякой мѣры. Уже въ 1655 году было приказано одну треть податей собирать серебромъ; выпуски мѣдной монеты пошли ускореннымъ темпомъ и ея нако-

пилось на огромную сумму въ 20 милліоновъ рублей (340 милл. на наши деньги) *). Благодаря этому мѣдь начала падать въ цѣнѣ: за серебряный рубль уже съ 1658 г. стали давать въ Москвѣ 1 руб. 4 коп., потомъ 1 руб. 8 коп. и 1 руб. 15 коп. Еще рѣзче сказывалась разница (лажъ) въ пограничномъ Новгородѣ. Къ 1662 г. за серебряный рубль давали уже по 12 и по 15 мѣдныхъ. Между тѣмъ серебра на рынкѣ не было по свидѣтельству современнаго „Theatrum Europeum“. Въ 1662 году въ Архангельскъ совершенно не привозили его; приходилось покупать на мѣдь, а цѣны на всѣ припасы возросли въ нѣсколько разъ. Врачъ царя Алексѣя, Каллинзъ, замѣтилъ, что въ его время всѣ товары были дороже въ 6-ть разъ; Гордонъ въ августѣ 1661 г. въ Псковѣ записалъ „по случаю упадка въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, все было чрезвычайно дорого“, Мейербергъ (въ этомъ же году) говоритъ о возвышеніи цѣнъ уже въ 14 разъ. Особенно страдалъ отъ этого мелкій служилый людъ, получавшій жалованье мѣдью, которой никто не хотѣлъ брать; боярскіе люди, которыхъ, вѣроятно, по случаю дороговизны, перестали кормить, и мелкій торгово-промышленный людъ, лишившійся средствъ къ существованію, благодаря невозможности купить и продать что-либо. Мѣновое хозяйство оказалось безъ орудій обмѣна. Въ октябрѣ 1660 года правительство опрашивало гостей о причинахъ дороговизны, и интересно, что послѣдніе гораздо больше указывали на вредную дѣятельность скупщиковъ хлѣба, нежели на мѣдную операцію: очевидно они наживали на разницѣ цѣнъ на крупныхъ и мелкихъ рынкахъ, да операція была и небезвыгодна головамъ Денежнаго Двора, такъ какъ по Котошихину и по заявленію иностранцевъ,

*) Дѣло усложнялось традиціонными злоупотребленіями около Монетнаго Двора: сильные люди (называли тестя, царя боярина Милославскаго, дворянина Матюшкина, за которымъ была родная тетка царя, гостя Василія Шорина и др.) передѣлывали въ монету собственную мѣдь, воровали и т. п.; иностранцы также ввозили поддѣльную монету.

мы знаемъ, что связь дороговизны съ мѣдными деньгами, прекрасно сознавалась современниками *).

Уничтоженіе мѣдныхъ денегъ.

Въ іюлѣ 1662 года въ Москвѣ вспыхнуло открытое возмущеніе, причемъ былъ разграбленъ дворъ гостя Василія Шорина; въ результатѣ, около 7000 человѣкъ было казнено и около 15.000 разослано въ Казань, Астрахань, въ Терки и въ Сибирь. Въ возстаніи участвовали мелкіе торговые и служилые люди, деревенскіе, „гуляющіе и бсярскіе люди; гости, состоятельные торговые слои Москвы, военные чины, кромѣ рейтаръ, иноземцы получили отъ царя „похваленіе“ и награжденіе за то, что не пристали къ „бунту“, да „еще на тѣхъ воровъ и помогали“. Черезъ годъ послѣ бунта, 11 іюня 1663 года, царь Алексѣй, „умысля,.. чтобъ еще чего межъ людми о денгахъ не учинилося“, уничтожилъ мѣдныя деньги и приказалъ уплачивать жалованье серебромъ. Бывшую на рукахъ мѣдь правительство не могло выкупить даже по рыночной цѣнѣ и предложило желающимъ размѣнъ въ 1% нарицательной стоимости, т. е. за мѣдный рубль одну серебряную копѣйку. Курсъ мѣдной монеты на серебро въ это время былъ около 6%, а рыночная цѣна мѣди около 1,6%. Разумѣется, изъ денегъ было выгоднѣе надѣлать котловъ и др. полезныхъ предметовъ, нежели мѣнять ихъ у правительства, которое даже на такой передѣлкѣ выигрывало вторично. Однако, не у всякаго хватило мѣдныхъ денегъ на котелъ,—Котошихинъ замѣчаетъ: „и тѣ деньги убогіе люди перемѣнивали, а богатые сливали“...

Неудача монетной реформы должна была сильно охладить правительство къ экономическимъ экспериментамъ. Но еще болѣе пугало его широко разливав-

*) При общемъ вздорожаніи товаровъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго выпуска денегъ фиктивной цѣнности, цѣны подымаются гораздо быстрѣе въ пограничныхъ и крупныхъ центрахъ, нежели внутри страны. Торговля поэтому временно оживляется, и крупные купцы получаютъ большую выгоду. Повидимому у насъ въ 1660 году происходило именно это явленіе.

шееся недовольство низовъ населенія, которое отъ этихъ экспериментовъ меньше всѣхъ получало и больше всѣхъ страдало.

Набросанная выше программа буржуазіи являлась по преимуществу программой крупной буржуазіи, тѣсно соприкасавшейся съ приказнымъ міромъ. Когда высылали англичанъ, то посолъ короля Карла II, графъ Карлейль, добиваясь возстановленія привиллегій своихъ соотечественниковъ, не безъ основанія указывалъ боярамъ, что русскіе гости вытѣсняютъ англичанъ, дабы самимъ захватить въ свои руки торговлю: не то сказали бы мелкіе торговцы, если бы спросили ихъ. Дѣйствительно, мелкіе торговцы и производители скорѣе проигрывали, нежели выигрывали отъ изгнанія съ русскаго рынка дешеваго иностраннаго капитала. Всю правду словъ Карлейля имъ пришлось испытать и во второй стадіи этого изгнанія: Новоторговый уставъ статьей 93-й оберегаетъ буржуазію отъ всякаго рода бродячихъ, бѣглыхъ элементовъ, связываетъ мелкій торгъ и даже запрещаетъ торговать не изъ лавокъ и рядовъ: „А кто скажется, какимъ ремесломъ или торговымъ промысломъ захочетъ кормиться, и въ тотъ бы чинъ записался и далъ отъ себя на годъ поручную запись.., также и товаровъ мимо извычайныхъ рядовъ и лавокъ въ порожихъ мѣстѣхъ нигдѣ не продавали бъ и тѣмъ бы ряды не оскужали, и ловочные люди въ убожествѣ не были бъ". Такимъ образомъ намѣчалось Петровское законодательство о цехахъ и гильдіяхъ, а также исполнялось пожеланіе Крыжанича: „Пресолы всѣ да будутъ почтены въ брой ярыжныхъ и бездѣльныхъ людей".

Гонимые кризисомъ XVII вѣка, больше всего терпѣвшіе отъ мѣдныхъ денегъ, общественные низы волновались все глубже и глубже, отъ посадовъ къ крестьянству, къ голытьбѣ... „Міръ весь качается—говорили въ 1549 году, и напуганныя было реакціонныя силы, поднимаютъ голову.

Патріархъ Никонъ, самъ нѣкогда подписавшій Уложенье, въ 1665 году писалъ: „И то всѣмъ вѣдомо,

что Соборъ (1649 г.) былъ не по воли: боязни ради и междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради". Уложенья будто бы даже не взносили къ государю; у церкви отобрали ея имущества, а ее отдали подъ судъ подъячихъ (Монастырскій приказъ). Виноваты въ этомъ вѣдомые враги божіи и дневные разбойники—дьяки да „богоборцы", вродѣ князя Одоевскаго, котораго патріархъ именуетъ Адоевскимъ, намекая на вѣчное осужденіе представителя разорившейся знати. Такихъ подстрекателей искали тогда всюду: князь Хованскій, смѣнившій въ 1666 г. Ордына-Нащокина на Псковскомъ воеводствѣ, писалъ царю про одно изъ челобитей „молодшихъ" псковичей: „и въ челобитной, государь, писано слагательно: нѣкто писалъ умной человѣкъ, а мужикамъ было такъ не сложить". Предшествующая дѣятельность реформаторовъ получаетъ у него ироническую кличку „нынѣшнихъ воль", отъ которыхъ, повидимому, успѣлъ отречься самъ царь Алексѣй Михайловичъ: „А многіе, государь, статьи въ ней писаны *къ нынѣшнимъ волямъ*, что было заведено не дѣломъ, безъ твоего государева указу, отъ своихъ вымысловъ".

Дѣло шло объ уничтоженіи въ Псковѣ кабаковъ и введеніи вольной продажи вина (такая же реформа была проведена и въ Смоленскѣ). Кабацкія избы, „гдѣ всякое безчиніе и смрадъ былъ", обращены были здѣсь въ богадѣльни. Но лучшіе люди жаловались, что они „разорились" отъ вольной продажи вина, и, несмотря на протесты молодшихъ, псковскіе кабаки были снова отданы въ 1668 году на откупъ. Впрочемъ, это было теперь неизбѣжно: еще въ 1663—64 годахъ кабаки, и на откупу и на вѣрѣ, были возстановлены по всей странѣ. „Эй, дурно, царь! писалъ Ордынъ-Нащокинъ: думные дьяки занимаются хитростями и кружечными дѣлами". Такая же печальная участь постигла въ 60-хъ годахъ почти всѣ остальныя реформы 50-хъ годовъ. Торжественно осужденная откупная система возрождается. Волокъ, напримѣръ, между Кай-рѣкой и до

Пушмы (на торговой дорогѣ отъ Вятки къ Устюгу), сначала сдавался на оброкъ, затѣмъ въ 1683 году оказался уже пожалованнымъ въ откупъ изъ наддачи Молошской пустыни, причемъ старцы, пользуясь монополіей, давали торговымъ людямъ лошадей „большою ценою“. Приказъ только скромно помѣтилъ: „А въ Уставной блаженные памяти великаго государя... грамотѣ 162 (1654 г.) напечатано: мостовъ по рѣкамъ... и бережного извозу на откупъ не давать“. Въ 1667 году были учреждены особые духовные суды, а ненавистный Никону Монастырскій приказъ уничтожается въ 1677 г. Размѣры конфискацій 40-хъ и 50-хъ годовъ значительно сокращены путемъ отдѣльныхъ безконечныхъ процессовъ землевладѣльцевъ съ посадами.

Даже въ области отношеній къ иноземцамъ была сдѣлана, правда, осторожная попытка вернуться къ старымъ порядкамъ: въ 1667 году былъ заключенъ уже извѣстный намъ договоръ съ армянской компаніей о вывозѣ шелку. Впрочемъ, это было исключеніемъ, и договоръ съ армянской компаніей уничтоженъ въ 1673 г. еще при жизни царя Алексѣя.

Сами гости, добившіеся того, чтобы ихъ писали въ Уложеньи выше дьяковъ, теряютъ это мѣсто въ 1659 году: боярскимъ приговоромъ велѣно ставить дьячье имя выше гостиннаго. Наконецъ, видные дѣятели эпохи сходятъ со сцены: по неизвѣстнымъ доселѣ причинамъ въ 1661 году былъ сосланъ въ Тобольскъ Юрій Крыжаничъ, получавшій тамъ, впрочемъ, приличное содержаніе; изъ ссылки его вернулъ только Ѳедоръ Алексѣевичъ. Около 1671 года удалился въ монастырь и „облихованный и ненавидимый человѣченко“, Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ: „Думнымъ людямъ никому не надобенъ я, писалъ онъ, не надобны такія великія государственныя дѣла“...

Павелъ Смирновъ.

Бюджетъ и армія *).

Окладные доходы.

Приходная часть бюджета Московскаго государства составлялась изъ остатка предыдущаго года, изъ доимки, помѣченной ко взятью на данный годъ, и изъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ. Въ группу оклад-

*) Важнѣйшая литература по исторіи государственнаго хозяйства Московскаго государства: *А. Лаппо-Данилевскій.* „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“, Петерб., 1890 г ; *П. Милюковъ.* „Государственное хозяйство Россіи“, Петерб., изд. 2, 1905 г.; здѣсь же на стр. 2—3 указана предшествующая литература, ее надо пополнить цѣнными изслѣдованіями *В. Незабитовскаго.* „О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ“ Собр. соч., Кіевъ, 1884 г.; *Ладыженскаго.* „Исторія русскаго тамож. тарифа“, 1886 г. Для интересующихся прямымъ обложеніемъ, именно единицами обложенія, укажемъ слѣдующія работы: *В. Курц.* „О прямыхъ налогахъ въ древней Руси“ въ юридич. сборн. Мейера, Казань, 1855 г.; *П. Д. Бѣляевъ.* „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ“, Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс., XI т.; соотвѣтствующія главы у Незабитовскаго, Лаппо-Данилевскаго; *П. Милюковъ.* „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства“, 1892 г.; *В. Владиславлевъ.* „Обжа“, Журн. Мин. Нар. Пр., 1892 г., № 8; *Дьяконовъ.* Рецензія на А. Лаппо-Данилевскаго. Журн. Мин. Нар. Просв., 1892 г., № 7; *Миклашевскій.* „Древне-русскіе поземельные кадастры“; *В. Сергѣевичъ.* „Русскія юридическія древности“, т. III; *С. Веселовскій.* „Посадская соха“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г. №№ 5—6.

Важнѣйшая литература по исторіи арміи Московскаго государства: *П. Бѣляевъ.* „О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ него до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ“, М., 1846 г.; *Его же.* „О сторожевой и станичной службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства“, Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., 1846 г., т. IV и отдѣльно; *Н. Устряловъ.* „Русское войско до Петра Великаго (Исторія Петра Великаго, т. I, 1858 г., гл. IX). Особенно Brix Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen, Berlin, 1867 г.; *Бобровскій.* „Воен-

ныхъ доходовъ, т. е. такихъ, окладъ которыхъ вычислялся по опредѣленному на бюджетный годъ размѣру, входили данные, оброчные, таможенные и кабацкіе. Составъ данныхъ денегъ былъ очень сложенъ. Въ XVII вѣкѣ данныя деньги представляли своего рода финансовый осадокъ прошлыхъ временъ, оставались неподвижными, неизмѣнными въ своемъ „старомъ окладѣ“ (Милюковъ). Въ ихъ составѣ можно различать: древнюю прямую подать, т. е. дань въ собственномъ смыслѣ, пищальныя и емчужныя деньги, сборъ на городовое и засѣчное дѣло, взносы за намѣстничій доходъ и кормъ, казначеевы и дьячьи пошлины. Эти данныя деньги не играютъ никакой роли въ финансовыхъ событіяхъ XVII вѣка. По удачному выраженію проф. Милюкова онѣ—археологическая окаменѣлость. Изъ старыхъ податей XVI вѣка сохранили свою жизненность и практическое значеніе лишь ямскія и полоняничныя деньги, съ начала XVII вѣка къ нимъ присоединяется непрерывно возрастающій налогъ—стрѣлецкія деньги (на жалованье и кормъ московскимъ стрѣльцамъ). Оброкъ имѣлъ нѣсколько значеній. Чаще всего онъ—условная плата за пользованіе землей или угодьемъ, городскимъ торговымъ мѣстомъ или промышленнымъ заведеніемъ; такимъ образомъ, по идеѣ оброкъ противоположенъ тяглу, но онъ нерѣдко замѣнялъ собой послѣднее или въ качествѣ болѣе легкой, льготной формы платежа, или въ цѣляхъ упрощенія

ное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, ч. II. Тутъ же болѣе подробная библіографія; *П. Милюковъ*. „Государственное хозяйство Россіи“, изд. 2-е, 1905 г., глава I, § 3. Изъ отдѣльныхъ статей: *С. Середонинъ*. „Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государства въ концѣ XVII вѣка“, въ Библіографѣ за 1891 г. и отдѣльно; *П. Небольсинъ*. „Русскіе солдаты и другіе военные чины до Петра Великаго“; спеціально о стрѣльцахъ; *Родословскій*. „Стрѣльцы“. См. также двѣ наши статьи: „Смѣта военныхъ силъ Московскаго государства на 1632 г.“, Военно-Истор. Вѣстникъ 1910 г., № 9—10, Кіевъ, и отдѣльно, и „Смѣта военныхъ силъ Московскаго государства въ 1663 г.“, Кіевъ, 1910 г.

податныхъ обязанностей, когда оброкомъ замѣнялось нѣсколько податей, входившихъ въ составъ тягла. Дань и оброкъ составляли группу доходовъ, которая носила названіе „четвертныхъ". О классификаціи таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ мы уже говорили *).

Неокладные.

Что касается неокладныхъ денегъ, то онѣ были очень разнообразны по своему источнику и содержанію, на нихъ лучше всего можно видѣть всю неопредѣленность и запутанность официальной московской терминологіи XVII вѣка. Въ числѣ неокладныхъ считались пошлины, экстренныя, вѣрнѣе случайныя, поступленія, затѣмъ суммы, оставшіяся за расходомъ по ассигновкамъ, доходы съ кабаковъ и тамги, не переведенные еще на окладъ и т. д. Всѣ перечисленные виды налоговъ и поступленій составляли одну группу доходовъ Московскаго государства. Это доходы ординарные.

Чрезвычайные.

Кромѣ нихъ надо указать еще на доходы экстраординарные, по московской терминологіи „запросные". Сюда относятся самые разнообразные сборы: налогъ на наемъ нѣмецкихъ и крымскихъ людей (1609 года), сборъ шубъ или денегъ за нихъ (1611 г.), пятинныя и запросныя деньги, сборъ посошныхъ людей и денегъ за нихъ, сборъ нѣмецкихъ кормовъ, рублевыя, полтинныя и полуполтинныя деньги съ дворовъ и т. д. Всѣ эти чрезвычайные налоги устанавливались преимущественно въ цѣляхъ военныхъ. Главную роль среди нихъ играли пятинныя деньги. Въ XVII вѣкѣ (до 1680 г.) извѣстно 9 сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ, 5 сборовъ десятой деньги, 1 сборъ пятнадцатой. Опредѣленіе объекта и субъекта пятиннаго налога спорно. По нашему мнѣнію, запросныя деньги—безвозвратный заемъ принудительнаго характера, а пятина—общеподоходный

*) О запросныхъ и пятинныхъ деньгахъ см. работу С. Б. Веселовскаго „Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ", Москва, 1908 г. Здѣсь указана предыдущая литература. А также нашу работу „Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры Московскаго государства" Журн. Мин. Нар. Просв., 1912 г.' №№ 4—5.

налогъ на торгово-промышленныхъ людей государства, взимавшійся въ размѣрѣ всего наименьшаго чистаго дохода, опредѣляемаго путемъ оцѣнки всего имущества*).

Ростъ бюджета.

Таковы главнѣйшія статьи прихода въ бюджетѣ Московскаго государства. Этотъ бюджетъ въ теченіе XVII вѣка не остается неизмѣннымъ, онъ растетъ. Его ростъ объясняется не только увеличеніемъ населенія, но, главнымъ образомъ, зависитъ отъ увеличивающихся военныхъ потребностей страны. Эти два процесса не идутъ рука объ рука, второй развивается быстрѣй и нерѣдко въ ущербъ первому. Поэтому развитіе бюджета государства идетъ скачками, принимаетъ часто болѣзненныя формы и влечетъ за собой немаловажныя потрясенія народно-хозяйственнаго организма.

Его характерныя черты и тенденція развитія.

Характерная черта бюджета Московскаго государства заключается въ доминирующей роли въ немъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ. Въ началѣ XVII в. они составляютъ отъ $^9/_{10}$ до $^2/_3$ всѣхъ поступленій, тогда какъ данные и оброчные отъ 6—9% до $^1/_4$, а неокладные доходы 1—7%. Въ дальнѣйшемъ мы замѣчаемъ быстрый абсолютный и относительный ростъ прежнихъ податей (гл. обр., стрѣлецкой и ямской), и тѣсно связанныхъ съ ними по назначенію чрезвычайныхъ сборовъ, которые имѣютъ тенденцію стать постоянными.

Зависимость бюджета отъ военныхъ потребностей. Армія, ея численность и измѣненіе въ составѣ.

Этотъ ростъ стоитъ въ связи съ военными потребностями и военными реформами. Во-первыхъ, численность арміи Московскаго государства увеличивается: въ концѣ XVII в. по разсчету проф. Середонина она состояла изъ 25000 дворянъ и дѣтей боярскихъ (которые выводили съ собой 50000 вооруженныхъ людей), 10000 татаръ, 20,000 стрѣльцовъ и казаковъ, 4000 иноземцевъ, всего 59000 чел., въ 1632 г. въ ней уже насчитывается 104000 чел., въ 1663 г. болѣе 250000 чел., въ

*) См. статью объ экономической и финансовой политикѣ Московскаго государства.

1681 г. 364,600 чел. Во-вторыхъ, самый составъ арміи претерпѣваетъ въ теченіе вѣка немаловажныя измѣненія. Если въ XVI в. главной силой арміи является конница дворянъ и дѣтей боярскихъ, оплачиваемая главнымъ образомъ землей (помѣстья), то въ XVII вѣкѣ на первый планъ выступаетъ стрѣлецкая пѣхота и особенно полки иноземнаго строя, наряду съ этимъ замѣчается сильный ростъ артиллеріи; измѣняется, затѣмъ, и сама организація военныхъ силъ, армія постепенно вырабатывается въ постоянную, регулярную.

Вотъ, напр., данныя двухъ опубликованныхъ и изслѣдованныхъ нами смѣтъ 1632 и 1663 г.г. Въ 1632 г. числилось дворянъ и дѣтей боярскихъ вмѣстѣ съ московской гвардіей*) 26185 чел., стрѣльцовъ 33775 чел., арміи иноземнаго строя 6118 чел., послѣдняя цифра въ первые годы Смоленской войны была доведена до 11000 (4 полка нѣмецкихъ наемныхъ людей и 5 полковъ русскихъ, организованныхъ на иноземный ладъ), Въ 1663 г. считалось на службѣ 21850 чел. дворянъ и дѣтей боярскихъ, но 4053 чел. изъ нихъ служило осадную гарнизонную службу, такимъ образомъ пригодныхъ къ бою было всего 17797 чел., да приблизительно 5500 человѣкъ служило въ двухъ „выборныхъ полкахъ“, количество стрѣльцовъ достигало цифры 65000 чел., арміи, организованной на иноземный ладъ (солдатъ, драгунъ, рейтаръ, гусаръ), было отъ 60—62000. Болѣе наглядно эти измѣненія могутъ быть представлены въ слѣдующей таблицѣ процентнаго соотношенія указанныхъ частей войскъ:

Дворяне и дѣти боярскіе составляли всей арміи	. въ	1632 г.	26%	въ 1663 г.	8½%
Стрѣльцы	„	„	32%	„ „	26%
Войска иноземнаго строя	„	„	6%	„ „	27%

*) Стольники, московскіе дворяне, жильцы.

Кромѣ того надо указать еще и на то, что нормальный составъ арміи, организованной на иноземный ладъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича по указанію одного документа долженъ былъ быть большимъ, чѣмъ оказался въ 1663 г. Московская армія иноземнаго строя въ царствованіе Алексѣя Михайловича была доведена, по крайней мѣрѣ, до 80000 человѣкъ и состояла, не считая полковъ драгунскихъ, копейныхъ, гусарскаго, изъ 20 рейтарскихъ и 55 солдатскихъ полковъ.

Вліяніе перехода къ новой организаціи арміи на бюджетъ.

Вліяніе этого перехода къ новой организаціи военныхъ силъ на государственный бюджетъ мы учтемъ, если вспомнимъ, что дворянская конница оплачивалась, главнымъ образомъ, землей, а стрѣлецкая пѣхота и войска иноземнаго образца требовали, главнымъ образомъ, денежнаго содержанія. Отсюда ясно, что расходъ на армію долженъ былъ въ теченіе вѣка неуклонно возрастать. Въ первой трети XVII вѣка по максимальному разсчету проф. Милюкова онъ составляетъ 275.000 руб., а въ 1663 году по нашему подсчету окладъ одной дѣйствующей арміи, не считая гарнизонной, опредѣлялся въ 1.000.000 руб. и болѣе чѣмъ въ 70.000 четвертей хлѣба. Причемъ львиная доля этого расхода поглощалась арміей иноземнаго строя, она обходилась отъ 746.671 до 802.199 руб. При большихъ и отвѣтственныхъ войнахъ XVII вѣка, когда если не воевали, то готовились къ войнѣ, армія вырабатывалась въ постоянную, соотвѣтственно чему наростала необходимость въ постоянномъ расходѣ, а слѣдовательно, и въ постоянной военной подати. Такой податью стала у насъ стрѣлецкая, а такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи одной стрѣлецкой податью обойтись было нельзя, то наряду со стрѣлецкой податью развиваются чрезвычайные налоги, имѣющіе своей цѣлью содержаніе, главнымъ образомъ, войскъ иноземнаго образца.

Общегосударственная смѣта 1680 г.

Таковы измѣненія въ государственномъ бюджетѣ Московскаго государства въ теченіе XVII вѣка.

Теперь, когда мы знаемъ внутреннюю тенденцію этихъ измѣненій, мы можемъ привести одну извѣстную до сихъ поръ общегосударственную смѣту доходовъ и расходовъ, относящуюся къ 1680 году.

I. Доходы на 1680 годъ.

1. Прямые налоги: ординарные . . 301.071 р. (24,6%)—
изъ нихъ стрѣлецкихъ . . 101.468 р.
Экстраординарные (запросные) . 235.338 р. (19,4%)

Итого . 536.409 р. (44%)

2. Косвенные налоги: тамож. и каб. 650.223 р. (53,3%)
3. Неокладные (пошлины) . . . . 33.735 р. (2,7%)

Всего 1.220.367 р. (100%)

II. Изъ доимки къ 1680 г. взятъ . 1.137.729 р.
III. Остатокъ отъ 1679 года . . . 366.359 р.

Итого . 2.724.455 р.

Въ это число поступило 1.177.125 р. (въ томъ числѣ ихъ доимки 434.056 руб.). Израсходовано 1.370.050 руб. (главнѣйшія статьи расхода: на армію—700.000 р., на нужды дворцоваго хозяйства—224.366 р.), остатокъ къ 1681 года—407.075 руб.

Е. Сташевскій.

Монеты Московскаго государства *).

Древнѣйшія орудія обмѣна.

На Руси, какъ и во многихъ другихъ государствахъ, предшественниками металлическихъ монетъ были нѣкоторые предметы, изобиловавшіе въ странѣ и являвшіеся орудіями обмѣна; такъ напримѣръ, вначалѣ деньги замѣнялъ скотъ, а затѣмъ, главнымъ образомъ, шкуры звѣрей—мѣховыя цѣнности, на которыя покупались и продавались различные товары и сырые продукты страны, и названія которыхъ дошли до насъ, напримѣръ: куны—куньи шкурки, векши—шкурки бѣлокъ и др. Но, наряду со внутреннимъ торговымъ обмѣномъ, конечно, существовали торговыя сношенія и съ иностранными купцами. Эти послѣдніе,

Иностранныя монеты.

*) Литература: *Савельевъ*—Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вѣка въ Россіи и при-Балтійскихъ странахъ. СПБ., 1846, 8°. *Толстой, И. И., гр.*—Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ. СПБ., 1882, fol., съ рис. *Чертковъ, А. Д.*—Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. М.. 1834, 8°. То же, прибавленіе I. М. 1837, 8°. То же, прибавленіе II. М. 1838, 8°. То же, прибавленіе III. М., 1842, 8°. Съ рисунками. *Шодуаръ, С. И., бар.*—Обозрѣніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ. Части I, II и III. СПБ., 1837—1841, 8°, съ рисунками. *Орѣшниковъ, А. В.*—Императорскій Россійскій Историческій Музей. Описаніе памятниковъ. Вып. I. Русскія монеты до 1547 г. М., 1896, 8°, съ рисунками. *Гуттенъ-Чапскій, Э. К., гр.*—Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. СПБ., 1875, 8°. *Кауфманъ, И. И.*, проф.—Серебряный рубль въ Россіи, отъ его возникновенія до конца XIX вѣка. Опытъ изслѣдованія. „Зап. Нумизм. Отд. Рус. Археол. Общ.“, т. II, вып. 1—2, стр. 1 сл. *Брикнеръ, А.*—Мѣдныя деньги въ Россіи 1656—1663 и денежные знаки въ Швеціи 1716—1719. Магистер. диссертація. СПБ., 1864, 8°.

пріобрѣтая сырые продукты страны, а въ томъ числѣ и шкуры цѣнныхъ пушныхъ звѣрей, платили за нихъ металлическими деньгами. Такимъ образомъ, на Руси обращались наряду съ мѣховыми цѣнностями и металлическія иностранныя монеты.

Клады съ иностранными монетами.

Находки кладовъ указываютъ, что первыя иностранныя металлическія деньги появились на Руси съ Востока. Встрѣчаемыя въ кладахъ восточныя монеты и, главнымъ образомъ, арабскіе диргемы, относятся съ VIII—X стол.; затѣмъ торговыя сношенія съ Востокомъ, повидимому, ослабѣваютъ, такъ какъ въ кладахъ съ восточными монетами XI вѣка начинаютъ уже встрѣчаться, хотя и въ небольшомъ количествѣ, византійскія и западно-европейскія монеты—указатели на начавшіяся торговыя сношенія съ этими странами. Въ кладахъ же XII—XIV стол. преимущественно уже встрѣчаются западно-европейскія монеты. Наконецъ, наряду съ западно-европейскими, въ XIII—XIV ст., у насъ обращаются и татарскія деньги—результатъ монгольскаго ига, которыя встрѣчаются въ кладахъ этого времени также въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, клады являются надежнымъ показателемъ, въ какомъ вѣкѣ какія изъ чужеземныхъ монетъ имѣли обращеніе на Руси.

Эти иностранныя монеты, несомнѣнно, являлись большимъ подспорьемъ въ расчетахъ не только съ иностранцами, но и въ своихъ внутреннихъ торговыхъ оборотахъ, постепенно вытѣсняя собственныя орудія обмѣна—мѣховыя цѣнности. Извѣстно также, что нѣкоторыя названія мѣховыхъ цѣнностей, напр. куны, впослѣдствіи были перенесены на извѣстные сорта иностранныхъ металлическихъ монетъ. Съ XI вѣка на Руси появляются свои собственные серебряные слитки—предшественники своихъ денегъ. Полагаютъ, что этотъ типъ мѣновыхъ знаковъ занесенъ былъ изъ Византіи. Опредѣленнаго вѣса эти слитки не имѣли, а въ платежи принимались по вѣсу; просуществовали они до

Денежные слитки.

конца XIV, а можетъ быть и до половины XV столѣтія. Таковы въ общихъ чертахъ орудія мѣны, обращавшіяся на Руси до введенія своихъ чеканныхъ монетъ.

Монеты вел. княжества Кіевскаго.

Попытка чеканить собственную монету впервые была сдѣлана въ великомъ княжествѣ Кіевскомъ. До насъ дошли такъ называемые *златники* и *сребренники*, то-есть золотыя и серебряныя монеты съ именами князей: Владиміра*), Ярослава, Святополка и нѣкоторыхъ другихъ.

Типъ этихъ монетъ, несомнѣнно, былъ заимствованъ изъ Византіи. На лицевой ихъ сторонѣ обычно помѣщалось изображеніе князя, на оборотной Спасителя, или вмѣсто него изображеніе особаго вида знака, который одни изслѣдователи принимали за княжескую хоругвь, другіе—за родовой княжескій знакъ. На прилагаемомъ рисункѣ изображена серебряная монета второго типа—со знакомъ. На лицевой сторонѣ изображеніе вел. князя Владиміра, сидящаго на престолѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ, кругомъ надпись: ВЛАДИ(МИ)РЪ НА СТО(ЛЕ); на оборотной — изображеніе упомянутаго знака и круговая надпись: А СЕ ЕГО С(РЕ)БРО (см. рис. 1).

Рис. 1.

За неимѣніемъ историческихъ данныхъ, до сихъ поръ остается невыясненнымъ окончательно вопросъ, кто изъ Кіевскихъ князей сталъ первымъ чеканить эти монеты. Монеты съ именемъ Владиміра большинство изслѣдователей приписывали Владиміру Святому, однако, за послѣднее время существуетъ предположеніе относить ихъ и къ Владиміру Мономаху. На одномъ всѣ изслѣдователи сходились, это на монетахъ съ име-

*) Золотыя монеты извѣстны только съ именемъ Владиміра.

немъ Ярослава, относя ихъ къ Ярославу I Мудрому. Впослѣдствіи чеканка монетъ въ Кіевскомъ княжествѣ, повидимому, прекратилась, такъ какъ монетъ съ именами Кіевскихъ великихъ князей, княжившихъ позднѣе, до сихъ поръ не найдено. Прекратилась она, надо думать, вслѣдствіе внутреннихъ усобицъ, а затѣмъ изъ-за монгольскаго ига.

Начало денежнаго дѣла на Москвѣ.

Возобновилась чеканка въ другомъ мѣстѣ, много времени спустя, именно на Москвѣ, не ранѣе двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIV вѣка, въ княженіе Дмитрія Донского и съ этого времени слѣдуетъ, собственно, считать начало денежного дѣла въ Россіи, то-есть, начало постоянной выдѣлки монетъ русскими денежниками, чеканившими до XVIII столѣтія исключительно только мелкую монету для обращенія, неправильной формы, размѣромъ, приблизительно, отъ современнаго намъ серебрянаго пятачка до пятіалтыннаго.

Наряду съ московскимъ великимъ княжествомъ начинается чеканка собственныхъ монетъ и въ Суздальскомъ великомъ княжествѣ; вслѣдъ за ними приступаютъ къ чеканкѣ другія русскія княжества, великія: Рязанское и Тверское, удѣльныя: Городенское, Кашинское, Микулинское, Галицкое, Серпуховское, Верейское, Можайское, Дмитровское, Ростовское и Ярославское, а также городъ Торжокъ или Новый Торгъ. Города же Великій Новгородъ и Псковъ, какъ это ни странно, въ виду ихъ тѣсныхъ сношеній съ Западомъ, начали бить свою монету гораздо позднѣе другихъ; первый—около 1419/20 г., второй—около 1424/25 года.

Монеты удѣльнаго періода.

Эти серебряныя монеты за все время удѣльнаго періода носили названіе *деньги* и почти всегда чеканились одного и того же достоинства, за рѣдкими исключеніями, когда нѣкоторые изъ князей, и то въ очень ограниченномъ количествѣ, допускали чеканку монеты половинной стоимости—*полденьги*.

Мѣдныя монеты.

Въ нѣкоторыхъ княжествахъ наряду съ серебряными, чеканились также и мѣдныя монеты, носившія

названіе *пулъ*; такъ, напримѣръ, до насъ дошли мѣдные пулы тверскіе, городенскіе и др. На Москвѣ чеканка мѣдныхъ монетъ стала производиться не ранѣе княженія Василія Темнаго, но главнымъ образомъ въ обращеніи были монеты серебряныя. На московскихъ пулахъ встрѣчается всего чаще изображеніе одноглаваго или двуглаваго орла, иногда сирены, птички или четвероногаго. Даю изображеніе московскаго пула съ одноглавымъ орломъ на лицевой сторонѣ и четырехстрочною надписью на оборотной: · ПОVЛО МОСКОВЬСКОЕ * (см. рис. 2). По какой монетной системѣ чеканились мѣдныя монеты и въ какомъ, по цѣнности, соотвѣтствіи онѣ были съ серебряными—вопросъ, до сего времени еще нерѣшенный.

Рис. 2.

Денежное производство.

Денежное дѣло на Руси за весь удѣльный періодъ находилось въ рукахъ частныхъ мастеровъ—*денежниковъ*, на откупѣ, а со стороны княжеской власти были только лица, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за качествомъ серебра и вѣсомъ изготовляемыхъ денегъ. Самое производство монетъ было очень примитивно. Онѣ, какъ извѣстно, ковались изъ проволоки, отъ которой отрубались небольшіе кусочки, соотвѣтствующаго монетѣ вѣса и плющились молоткомъ. Полученная такимъ образомъ пластинка, конечно неправильной формы, не обрѣзывалась въ правильный кружокъ, а прямо поступала подъ штампъ, изъ подъ котораго монета выходила уже готовой къ обращенію. Этотъ способъ изготовленія денегъ просуществовалъ не только за удѣльный, но и за весь царскій періоды.

До насъ дошли и спеціальныя названія нѣкоторыхъ мастеровъ денежнаго производства, напримѣръ: *ливцы*, то-есть мастера, плавившіе серебро, *тянулшики*—мастера, изготовлявшіе изъ него проволоку, *ковачи*—мастера, ковавшіе деньги. Наглядное изображеніе способа чеканки денегъ мы находимъ на цѣломъ рядѣ

тверскихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. На прилагаемомъ рисункѣ (см. рис. 3) представленъ мастеръ—ковачъ, сидящій на низкомъ сѣдалищѣ вправо, держащій въ рукахъ молотокъ; передъ нимъ наковальня, въ видѣ опрокинутой буквы ⊥, со вставленнымъ въ нее нижнимъ штампомъ для монеты; надъ нею точка, изображающая положенный на штампъ кусочекъ расплющенной проволоки. На этотъ кусочекъ ковачъ наставлялъ сверху другую половину штампа и ударялъ молоткомъ.

Рис. 3.

Надписи и изображенія на удѣльныхъ монетахъ.

На деньгахъ обыкновенно выставлялось имя князя, иногда, въ первое время, только его титулъ: „печать князя великого“, „печать княжа“; рѣже названіе княжества, напримѣръ: „деньга можайская“, „деньга городеньская“, или „пулъ тферьски“, „пуло московьское“; иногда встрѣчается имя денежника, напр.: „деньга псковская заманина“, или просто: „мастеръ александровъ“. Затѣмъ на деньгахъ помѣщались различныя изображенія: человѣка на конѣ, или человѣческихъ фигурокъ, головокъ; разныхъ звѣрковъ, птицъ и т. п.; иногда встрѣчаются даже цѣлыя сцены: охота на медвѣдя—охотникъ, идущій съ рогатиной на звѣря; охота на птицъ—человѣкъ, стрѣляющій изъ лука въ птицу, сидящую на деревѣ, и многія другія. Это громадное разнообразіе въ различныхъ украшеніяхъ и рисункахъ объясняется тѣмъ, что разъ навсегда установленнаго княжескою властью типа для денегъ за весь удѣльный періодъ не было, и всѣ изображенія на нихъ вполнѣ зависили отъ произвольной фантазіи денежныхъ мастеровъ.

Рис. 4.

Однако слѣдуетъ указать, что типъ всадника съ соколомъ, мечомъ или копьемъ въ рукѣ былъ самымъ распространеннымъ; онъ встрѣчается положительно во всѣхъ княженіяхъ и знаменуетъ собою, какъ эмблему княжеской власти—князя на конѣ, чему свидѣтельствуютъ поставленныя иногда по бокамъ изображенія буквы К—Н=князь (см. рис. 4). Этотъ типъ

впослѣдствіи, со времени княженія Ивана III, становится общегосударственнымъ, вытѣсняя всѣ другіе типы монетъ удѣльнаго періода.

О надписяхъ на монетахъ слѣдуетъ замѣтить, что въ княженія Дмитрія Донского и его сына Василія Дмитріевича, а также нѣкоторыхъ другихъ русскихъ князей, ихъ современниковъ, встрѣчаются кромѣ русскихъ также надписи татарскія, обыкновенно расположенныя на оборотныхъ сторонахъ денегъ и заимствованныя съ золотоордынскихъ монетъ. Всего чаще встрѣчается въ нихъ имя хана Тохтамыша, иногда другихъ. Присутствіе подобныхъ надписей на русскихъ деньгахъ изслѣдователи объясняютъ или прямымъ послѣдствіемъ монгольскаго ига, какъ знакъ изъявленія покорности ханамъ, или простымъ намѣреніемъ придать деньгамъ схожій съ татарскими видъ, для облегченія платежей въ торговыхъ расчетахъ съ татарами и по уплатѣ имъ дани. Даю изображеніе деньги в. к. Дмитрія Донского (1362—1389) съ подобною надписью. На лицевой сторонѣ въ линейномъ кружкѣ представлено поясное изображеніе человѣка, державшаго неопредѣленный круглый предметъ, съ круговою надписью КНАЗЬВЕЛКИДМІТИ, то есть: князь великій Дмитрій; на оборотѣ расположена татарская надпись въ три строки: Султанъ Тохтамышъ ханъ, да живетъ долго (см. рис. 5). Иногда вмѣсто имени хана встрѣчается въ надписи названіе монетнаго двора, гдѣ была выбита татарская деньга, послужившая образцомъ для русской, напр.: бита въ Гулистанѣ. Иногда эти надписи встрѣчаются въ сильномъ искаженіи по незнанію русскими денежниками татарскаго языка.

Монеты Донского.

Рис. 5.

У Дмитрія Донского всѣ его монеты носятъ татарскія надписи. У Василія Дмитріевича наряду съ подобными уже начинаютъ встрѣчаться монеты чисто

русскаго типа. Со времени вокняженія Василія Темнаго татарскія надписи пропадаютъ, ихъ на нѣкоторыхъ типахъ его денегъ замѣняютъ только *подобія* восточному шрифту, состоящія изъ различныхъ черточекъ и значковъ, на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ арабскимъ алфавитомъ неимѣющія, но и эти quasi-легенды къ концу его княженія пропадаютъ безслѣдно. Позднѣе, въ княженіе Ивана III, встрѣчаются два типа его денегъ съ правильными татарскими легендами, но надо думать, что онѣ никакого отношенія къ монгольскому игу имѣть уже не могли и явились какъ пережитокъ прежняго типа монетъ.

Монеты в. к. Василія Дмитріевича.

Изъ русскихъ надписей на деньгахъ великаго князя Василія Дмитріевича (1389—1425) встрѣчается титулъ его: „печать князя великого“, или просто: „князя великого василія“, иногда съ присоединеніемъ отчества. Даю изображеніе одного изъ болѣе распространеныхъ типовъ его денегъ. На лицевой сторонѣ всадникъ съ копьемъ въ рукѣ, кругомъ надпись: КНАЗѦВЕЛИКОГОВАСИЛ; на оборотѣ три татарскія тамги и слѣды неотчеканившейся татарской надписи (см. рис. 6).

Рис. 6.

Монеты в. к. Василія Темнаго.

У Василія Васильевича Темнаго (1425—1462) начинаетъ встрѣчаться титулъ: „осподарь всея земли рускія“, или „осподарь всея руси“. За его княженіе разнообразіе типовъ денегъ доходитъ до громаднаго числа, болѣе ста видовъ; даю для примѣра одинъ изъ болѣе раннихъ типовъ: на лицевой сторонѣ представленъ князь, сидящій на престолѣ, отъ котораго видны ручки въ видѣ львиныхъ головокъ; по бокамъ князя буквы: К--Н= князь; онъ держитъ въ рукѣ мечъ; на оборотѣ четырехстрочная надпись: | В + Е | ЛКНZЬ | ВАСІЛ | ИИ· | . Кругомъ изображеній на обѣ-

Рис. 7.

ихъ сторонахъ ободки линейные и изъ бусъ (см. рис. 7). Затѣмъ типъ съ новымъ титуломъ: князь на конѣ, поражающій копьемъ голову змѣя, кругомъ надпись: КНѦZЬВЕЛИКІВАСИЛЕН; на оборотѣ представленъ всадникъ, скачущій влѣво, съ саблею въ рукѣ; подъ конемъ маленькое животное, кругомъ линейный ободокъ, а за нимъ надпись, служащая продолженіемъ надписи лицевой стороны: ВАСИЛЬЕВИѴЬ (ОСПОДА)РЬВСѦРУСИ (см. рис. 8). Позднѣе, съ 1450 года, титулъ *осподари* появляется во множественномъ числѣ, когда Темный объявилъ своего сына, впослѣдствіи Ивана III, соправителемъ и великимъ княземъ, слѣдовательно, съ этого времени деньги чеканились отъ имени ихъ обоихъ.

Рис. 8.

До насъ не дошли историческія данныя, по какой монетной стопѣ чеканились деньги за время этихъ трехъ княженій. Одинаковымъ образомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, какую денежную систему принялъ Донской при начальномъ чеканѣ своихъ монетъ. По поводу этого можно высказать слѣдующія соображенія. Намъ хорошо извѣстно по лѣтописнымъ источникамъ, что въ домонгольской Руси самою крупною денежною единицею была *гривна*, вѣсомъ въ 96 золотниковъ, имѣющимъ происхожденіе съ Востока, отъ иракскаго фунта, на основаніи котораго чеканились восточныя, а также и золотоордынскія монеты. Въ началѣ XIV вѣка на смѣну этой гривны появляется другая единица *рублевая гривенка*, равная, по вѣсу, половинѣ первой, то-есть 48 золотникамъ; она въ одно и то же время являлась для XIV и первой половины XV столѣтій и вѣсовой, и денежной единицей; на ея почвѣ возникаетъ нашъ древнѣйшій *рубль*, но возникаетъ не просто какъ рубль, а какъ рублевая гривенка, какъ гривенка-вѣсъ, служащая рублемъ, или какъ рубль, составляющій гривенку и имѣющій ея вѣсъ. Но эта рублевая гривенка или гри-

Древнѣйшія единицы счета.

Происхожденіе рубля.

венка-рубль была единицей не реальной, а *отвлеченной* *), такъ какъ реальной рублевой единицы не существовало и счетъ на рубли всегда производился *взвѣшиваніемъ* чеканныхъ денегъ, какъ равно и серебряныхъ слитковъ.

Способы расчета деньгами въ платежахъ.

Всѣ чеканенныя деньги, какъ свидѣтельствуетъ вѣсъ дошедшихъ до насъ экземпляровъ, имѣли очень плохую юстировку отъ несовершенства чеканки, и вѣсъ въ отдѣльныхъ экземплярахъ очень часто уклонялся отъ своей нормы на нѣсколько долей. Отсюда будетъ понятнымъ, почему населеніе во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ расчетахъ прибѣгало къ платежу денегъ *въ отвѣсъ*, то-есть по вѣсу, а не счетомъ, и только самая незначительная часть платежа, трудно опредѣляемая на вѣсъ, додавалась уже монетами *въ отчетъ*, т. е. въ переводѣ на современный языкъ: вся сумма въ рубляхъ платилась по вѣсу, а копѣйки додавались по счету. То же самое практиковалось и со слитками, не имѣвшими, какъ сказано, строго опредѣленнаго вѣса.

Первоначальная монетная система и стопа.

Извѣстно, что въ основу каждой монетной системы, какъ въ древности, такъ и въ настоящее время, кладется всегда крупная денежная единица, изъ находящихся въ употребленіи въ данное время въ странѣ, и имѣющая строго опредѣленный вѣсъ. Вотъ такой то основной единицей, полагаютъ, и была въ монетной системѣ Донского упомянутая выше рублевая гривенка, или точнѣе, ея вѣсъ въ 48 золотниковъ, легшій въ основу первой денежной стопы, изъ которой и чеканилось извѣстное количество мелкихъ монетъ, то-есть денегъ. Отсюда выводятъ предположеніе, что наша первая монетная стопа была заимствована съ Востока, именно,

---

*) Отсюда происхожденіе слова *рубль*, отъ глагола *рубить*, но не въ реальномъ понятіи разрубать, какъ думали раньше, примѣняя это къ слиткамъ, разрубленнымъ пополамъ, о которыхъ говорилось выше, но въ понятіи отвлеченномъ—*дѣлить*, по отношенію къ прежней тяжелой гривнѣ 96 золотниковъ, половиною которой явилась рублевая гривенка.

отъ монетной стопы золотоордынскихъ денегъ, также имѣвшей въ основѣ вѣсъ того же иракскаго фунта. Но въ какомъ соотвѣтствіи былъ вѣсъ отдѣльныхъ экземпляровъ татарскихъ и русскихъ денегъ, до сихъ поръ съ точностью не изслѣдованъ. Одинаковымъ образомъ намъ неизвѣстно, какое количество монетъ сталъ первоначально чеканить изъ этой гривенки Донской, такъ какъ вѣсъ дошедшихъ до насъ его денегъ очень разнообразенъ, онъ колеблется въ отдѣльныхъ экземплярахъ отъ 25 до 17 долей. Разница вѣса могла происходить отъ несовершенства юстировки (провѣрки точнаго вѣса каждой монеты въ отдѣльности), отъ потертости дошедшихъ до насъ экземпляровъ, отъ ихъ обрѣзки, а быть можетъ, и отъ намѣреннаго его пониженія.

Вѣсъ денегъ Василія Дмитріевича и Темнаго.

Со второй половины княженія Василія Дмитріевича, приблизительно съ 1410 года, и на всемъ протяженіи княженія Темнаго вѣсъ отдѣльныхъ экземпляровъ ихъ денегъ постепенно падаетъ, дойдя ко времени вокняженія Ивана III до 8—7 долей. Какія были причины этого громаднаго пониженія, намъ въ точности неизвѣстно, какъ неизвѣстно, по какой монетной стопѣ чеканили свои деньги Василій Дмитріевичъ и его сынъ. Пониженія эти совершались, повидимому, неоднократно, быть можетъ въ цѣляхъ фиска, чтобы дать этимъ доходъ княжеской казнѣ, быть можетъ отъ злого умысла денежниковъ.

Какъ бы то ни было, но населеніе все же мирилось съ этимъ зломъ и, главнымъ образомъ, потому, что съумѣло приспособиться въ своихъ торговыхъ оборотахъ къ такому способу расчета въ платежахъ, отъ котораго оно не несло слишкомъ чувствительныхъ потерь. Оно и приспособилось тѣмъ, что всѣ крупные платежи производило, какъ упомянуто, деньгами *въ отвѣсъ*, а не счетомъ. Такимъ образомъ, если населеніе и терпѣло убытки отъ пониженія вѣса денегъ, то незначительные и только въ своихъ повседневныхъ

мелкихъ расчетахъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ способъ платежей деньгами въ отвѣсъ былъ необходимъ населенію еще и по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что вѣсъ денегъ въ различныхъ княжествахъ не былъ всегда одинаковъ, напр., въ Тверскомъ деньги вѣсили 14—13 долей, въ Новгородѣ всегда въ 18—17 долей. Особенно важенъ для Московскаго великаго княжества, какъ увидимъ, вѣсъ послѣднихъ.

Деньги Ивана III и его преобразованія въ монетномъ дѣлѣ.

И такъ, при вокняженіи Ивана III (1462—1505) вѣсъ московскихъ денегъ упалъ до 8—7 долей, а новгородскія въ то время вѣсили 18—17 долей. Эта разность въ вѣсѣ повела къ тому, что въ торговыхъ оборотахъ при платежахъ создались два особыхъ вѣса и счета—московскій и новгородскій. Чтобы урегулировать тотъ и другой, Иванъ III произвелъ около 1490 года реформу московской денежной системы, введя въ нее *новую тяжеловѣсную московскую деньгу*, равную по вѣсу новгородской; при чемъ вѣсъ прежнихъ маловѣсныхъ московскихъ денегъ онъ нѣсколько улучшилъ, доведя его до 9 долей, съ тѣмъ расчетомъ, что двѣ такія деньги стали равняться одной новгородской. До насъ дошли точныя свѣдѣнія о его монетной стопѣ, по которой чеканилось изъ гривенки въ 48 золотниковъ 260 новыхъ тяжеловѣсныхъ денегъ, со среднимъ вѣсомъ каждой въ $17^{47}/_{65}$ долей, а маловѣсныхъ 520 штукъ.

Даю изображеніе одного изъ типовъ его маловѣсныхъ денегъ. На лицевой сторонѣ, въ срединѣ, помѣщены двѣ звѣздочки и розетка изъ точекъ, кругомъ надпись: КNZЬВЕЛИКИI ИВАНЪ*; на оборотѣ, въ срединѣ цвѣтокъ изъ пяти лепестковъ, кругомъ: +ДЕНГАМОСКОВСКАѦ (см. рис. 9). Этотъ типъ денегъ чеканился также и сыномъ его великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ.

Рис. 9.

Въ княженіе Ивана III происходитъ и другая важная реформа въ монетномъ дѣлѣ: по всей Руси прекращается чеканка денегъ удѣльными князьями и вводится *общегосударственная* монета для всего государства Московскаго. Подтвержденіе чему находимъ въ духовной грамотѣ Ивана III, гдѣ сказано: „А сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тфѣрской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Тфѣри, какъ было при мнѣ". Общегосударственная монета была введена имъ и въ Новгородѣ, къ тому времени уже потерявшемъ свою независимость. Одинъ только Псковъ продолжалъ чеканить свои собственныя деньги.

Монеты в. к. Василія Ивановича.

Этимъ первымъ типомъ общегосударственной монеты была та новая тяжеловѣсная деньга, которую ввелъ въ московскую систему Иванъ III, ея типъ и ея монетную стопу сохранилъ безъ всякаго измѣненія и его сынъ в. к. Василій Ивановичъ (1505—1533); возможно даже предполагать, что въ первые два года княженія его сына, Ивана Васильевича, также чеканились деньги этого типа. Вотъ описаніе этой деньги. На лицевой сторонѣ изображенъ великій князь на конѣ, скачущій вправо, съ высоко поднятой саблею въ рукѣ, кругомъ надпись: КНZЬВЕЛІКІВАСІЛЕІИВАНОВИЧЬМОС· (Московскій); подъ конемъ буквы, вѣроятно, иниціалы имени денежника: ИВА, изъ коихъ первыя двѣ въ лигатурѣ. На оборотѣ надпись въ четыре строки: ѠСП|ОДАРЬ|ВСЕАР|УСИ| (см. рис. 10).

Рис. 10.

По присоединеніи Пскова къ Москвѣ, въ 1510 году, тамъ также вводится общегосударственная монета, но въ измѣненномъ типѣ, двоякаго характера. Первый изъ нихъ, болѣе распространенный, имѣлъ тождественное изображеніе на ли-

цевой сторонѣ: вел. князя на конѣ, съ тою же надписью, какъ на рис. 10, а на оборотѣ надпись: „деньга псковская“. Второй типъ, совершенно особый, имѣлъ на обѣихъ сторонахъ строчныя надписи, безъ всякихъ изображеній, на лицевой: „василеи божіею милостію царь и государь всея руси“, на оборотной: „деньга псковская заманина“. Въ концѣ поставлено имя денежника Замани. Этотъ типъ псковскихъ денегъ представляетъ первый случай, когда на русскихъ монетахъ появляется *царскій* титулъ.

Монетная реформа Ивана Грознаго.

Иванъ Васильевичъ (Грозный), какъ великій князь (1533—1547), въ первые два года чеканилъ деньги по стопѣ своихъ предшественниковъ. Въ 1535 году была произведена новая реформа денежнаго дѣла и установлена новая стопа. Въ Собраніи Русскихъ Лѣтописей находимъ: „Того же лѣта 7043 государь князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, въ третье лѣто государьства своего по преставленіи отца своего великого князя Василья Ивановича всеа Русіи, повелѣ дѣлати денги сребряные новые на свое имя, безо всякого примѣса: изъ гривенки изъ скаловые триста денегъ Новгородскихъ *)...; а по указу отца его великого князя Василья Ивановича всеа Руси, изъ тоя же гривенки дѣлали полътретьяста денегъ Новгородскихъ и десять **)... А при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ бысть знамя на денгахъ князь великій на конѣ, а имѣя мечъ въ руцѣ; а великій князь Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгахъ князь великій на конѣ, а имѣя копье въ руцѣ, и оттолѣ прозваша денги копейныя“.

Какъ мы видѣли, въ удѣльный періодъ монеты носили названіе „деньга“ и „полденьги“; со времени княженія Ивана III первыя дробятся на два разряда: денегъ тяжеловѣсныхъ и легковѣсныхъ. Со введеніемъ

*) То есть изъ вѣсовой гривенки приказано было дѣлать 300 московскихъ денегъ тяжеловѣсныхъ, новгородскаго вѣса.

**) То есть 260 денегъ.

новой монетной реформы, въ 1535 году, ихъ терминологія измѣняется, прежняя тяжеловѣсная деньга, битая въ новгородскій вѣсъ и счетъ, обращается въ *деньгу копѣйную* или *копѣйку*; прежняя маловѣсная деньга, московскаго вѣса и счета, обращается въ *мечевую деньгу* или просто *деньгу* (полкопѣйку), однозначущую по цѣнности съ прежнимъ понятіемъ „полденьги“ и представляющую собою уже не цѣлую единицу московскаго счета, а *дробную* часть копѣйки, половину ея; „полденьги“—въ *полушку*, четвертую часть копѣйки. Послѣдній разрядъ монетъ чеканился Иваномъ IV, какъ великимъ княземъ, до 1547 года, а позднѣе, повидимому, только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Царскія копѣйки Грознаго и его преемниковъ.

Такимъ образомъ, прежде существовавшіе два счета: московскій и новгородскій, замѣняются однимъ, общегосударственнымъ. Монетная стопа 1535 года сохраняется Иваномъ IV до конца его царствованія. По ней чеканится изъ гривенки серебра въ 48 золотниковъ, 300 копѣйныхъ денегъ, вѣсомъ каждая въ $15{,}_{36}$ долей. Съ принятіемъ Грознымъ (1547—1584) титула царя, устанавливается твердо типъ царскихъ монетъ: копѣекъ и денегъ (полукопѣекъ), который сохранился *безъ всякаго измѣненія* впродолженіе всего царскаго періода. Копѣйкамъ присваивается изображеніе царя на конѣ съ *копьемъ* въ рукѣ, а деньгамъ—съ *мечемъ* или *саблею*. Мѣдныхъ монетъ—дробныхъ частей копѣекъ и денегъ, за весь царскій періодъ вовсе не чеканится.

Въ послѣдующія царствованія, вплоть до конца царствованія Василія Шуйскаго, никакихъ измѣненій въ монетной системѣ не было. Вотъ типъ серебряныхъ монетъ царскаго періода. 1) Царь на конѣ, ѣдущій шагомъ вправо; въ правой рукѣ держитъ саблю. На оборотѣ четырехстрочная надпись: | ЦРЬ | I KHSЬ | ВЕЛИКІ | IВАН |. Деньга Ивана Грознаго (см. рис. 11). 2) Царь на конѣ вправо, съ копьемъ въ рукѣ; по сторонамъ буквы Б—О

Рис. 11.

(Борисъ), внизу буквы монетнаго двора: М и О (Москва). На оборотѣ пятистрочная надпись: ЦРЬ І ВЕ | ЛИКІ КНЬ БОРІСЪ ѲЕД ѠРОВИЧЬ В | СЕѪ РУСІИ . Копѣйка царя Бориса Годунова (см. рис. 12).

Рис. 12.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему ходу монетнаго дѣла, слѣдуетъ упомянуть, что за царскій періодъ отъ всѣхъ почти царствованій до насъ дошли *золотыя* монеты, самаго разнообразнаго вѣса и размѣра, начиная съ величины современнаго намъ рубля и кончая размѣромъ царской деньги. Эти золотыя монеты чеканились штемпеляли особаго рисунка, довольно разнообразнаго для разныхъ царствованій; кромѣ того, выбивались золотыя копѣйки и деньги штемпелями отъ серебряныхъ монетъ этого достоинства. Всѣ безъ исключенія золотыя монеты не представляли собою монетъ для обращенія, а служили *знаками* царской награды. Они носились иногда на цѣпочкахъ, но чаще нашитыми на платье. Для награды раздавались также, особенно ратнымъ людямъ, *позолоченныя* копѣйки. При Шуйскомъ была сдѣлана попытка выпустить золотыя копѣйки *для обращенія*, но, повидимому, она не осуществилась.

Золотыя монеты.

Есть основаніе предполагать по дошедшимъ до насъ нѣкоторымъ разрядамъ копѣекъ Шуйскаго (1608—1610), что къ концу его царствованія вѣсъ ихъ былъ понижень, но прямыхъ указаній на то еще не найдено. То же самое должно сказать и о копѣйкахъ Владислава Сигизмундовича (1610—1612); вѣсъ тѣхъ и другихъ за эти два царствованія, во многихъ случаяхъ падаетъ до 11—10 долей, вмѣсто нормальнаго, по стопѣ Грознаго, въ $15{,}36$ долей.

Монетная стопа времени Шуйскаго и Владислава Сигизмундовича.

Прямое указаніе на новое пониженіе стопы мы имѣемъ только въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича (1613—1645), когда вмѣсто прежнихъ 300 копѣекъ изъ гривенки серебра въ 48 золотниковъ стали чеканить

Пониженіе стопы при Михаилѣ Ѳедоровичѣ.

400 штукъ, со среднимъ вѣсомъ въ 11,52 доли каждая. Со второй половины его царствованія (около 1630 года) стопа еще разъ подвергалась небольшому пониженію: чеканится уже по 432 копѣйки изъ гривенки, по $10^2/_3$ доли; на этомъ уровнѣ стопа сохранилась до конца царствованія Ѳедора Алексѣевича, до 1682 года.

Денежное дѣло при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича (1645—1676), въ виду разорительныхъ войнъ и оскудѣнія царской казны, была предпринята (1654—1662) попытка двоякаго характера измѣнить денежную систему, съ фискальною цѣлью получить отъ этого возможно большій доходъ и тѣмъ поправить государственные ресурсы. Для этого было задумано выпустить, наряду съ продолжавшими обращаться серебряными копѣйками, собственную *крупную* серебряную монету достоинствомъ: въ рубль, полтину и полполтину, а также „ефимки съ признаками“. По поводу послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Россіи, за неимѣніемъ крупной монеты, въ XVI и, главнымъ образомъ, въ XVII столѣтіи, обращалась масса самыхъ разнообразныхъ иностранныхъ талеровъ, получившихъ у насъ названіе „ефимковъ“ *). Ефимки же „съ признаками“ представляли собою талеры съ двумя русскими надчеканками, свидѣтельствовавшими, что талеръ выпущенъ уже какъ русскій монетный знакъ, по извѣстной цѣнѣ. Надчеканка состояла изъ двухъ небольшихъ штемпелей; на одномъ было изображеніе царя на конѣ, какъ на копѣйкахъ, на другомъ—цифры года выпуска: 1655 (см. рис. 13).

Рис. 13.

*) Талеры—названіе крупной серебряной монеты, пользовавшейся въ Европѣ большимъ распространеніемъ; они были впервые выпущены (1518—1519 г.) владѣтельными графами Шликъ въ Іоахимсталѣ, въ Богеміи. Отсюда и названіе ихъ: „талеры“ и „іоахимы“, передѣланное въ русское „ефимки“.

Почти единовременно съ ефимками были выпущены *первыя крупныя русскія монеты*: рубли, чеканившіеся на тѣхъ же талерахъ, полтины—на половинкахъ разрубленнаго талера, и полполтины—на четвертой части талера, а также алтыны, битые штемпелями, однородными съ копѣечными, но тройного противъ копѣекъ

Рис. 14.

вѣса. Даю описаніе полполтины: на лицевой сторонѣ въ кружкѣ изъ бусъ, царь на конѣ, вправо, со скипетромъ въ рукѣ; по угламъ надпись: ПОЛ | ПОЛ | ШИН : на оборотѣ въ срединѣ шестистрочная надпись: ЦРЬ І ВЕЛИ КІИ КНЅЬ ЯЛ | ЕКСѢИ МИХ | · ЯИЛОВИ · · ЧЬ ВСЕ · | ѦРУСІ | ; по угламъ дата (частью срѣзана): | ҁ3 | р̄з | к | (7162 = 1654. См. рис. 14).

Такимъ образомъ, рублевыя монеты и ихъ дробныя части чеканились, какъ и ефимки съ признаками, на талерахъ и имѣли поэтому вѣсъ послѣднихъ, который въ среднемъ опредѣлялся въ 640 долей ($6^2/_3$ зол.) для каждаго. Между тѣмъ, прежнія серебряныя копѣйки вѣсили $10^2/_3$ дол., а въ рублѣ ихъ было сто, съ вѣсомъ въ 1066 долей. Отсюда ясно, что новыя крупныя монеты, по отношенію къ стопѣ сер. копѣекъ, стали выпускаться съ вѣсомъ болѣе легкимъ, чуть не въ двое.

Затѣмъ, въ 1656 году, правительство задумало выпустить еще болѣе обезцѣненныя деньги, именно, мѣдныя: полтины, алтыны (трехкопѣечники), гроши (двухкопѣечники), копѣйки и деньги, съ принужденіемъ принимать ихъ *по курсу серебряныхъ копѣекъ*. Даю описаніе мѣдной полтины: на лицевой сторонѣ царь на конѣ вправо, со скипетромъ въ рукѣ, кругомъ

надпись: | БЖЇЕЮМЛСТИЮВЕЛЇКИІГСДРЦРЫВЕЛІКИЇКНSЬЯЛЕКСѢЇМИХЯИЛОВІЧЬВСЕРОСИЇ * | . На оборотной двуглавый орелъ въ разукрашенной рамкѣ; вверху дата: | ЛѢПЯ ҂зрѯв | = 7162; внизу: | ПОЛПИНЯ | . Подобнымъ же штампомъ выбивались сере-

Рис. 15.

бряные рубли, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ надписи цѣнности монеты.

Всѣ эти новыя монеты, какъ малоцѣнныя крупныя серебряныя, такъ и вовсе обезцѣненныя мѣдныя, выпускались съ извѣстными ограниченіями при пріемѣ ихъ въ казну въ платежи отъ частныхъ лицъ. Такъ, нѣкоторые платежи въ казну населеніе обязано было производить только полноцѣнными серебряными копѣйками, между тѣмъ какъ сама казна всѣ платежи производила исключительно новыми монетами, а старыя копѣйки уже не выпускала въ обращеніе, а передѣлывала ихъ на малоцѣнную монету. Получилось полное разстройство монетной системы. Прежнія полноцѣнныя копѣйки не были изъяты изъ обращенія, вѣроятно потому, что правительство желало собрать ихъ путемъ принудительныхъ платежей для передѣла. Наряду съ полноцѣнными обращаются крупныя малоцѣнныя и, наконецъ, вовсе обезцѣненныя мѣдныя монеты съ принудительнымъ курсомъ на серебро.

Но надежды правительства не оправдались, народъ избѣгалъ сдавать въ казну полноцѣнныя копѣйки, а мѣдныя, не смотря на принудительный курсъ, стали постепенно падать въ цѣнѣ: въ 1659 году за сто серебряныхъ копѣекъ уже платили до 130 мѣдными, въ 1660—до 180, въ 1661—300 или 3 рубля мѣдными, 1662—8 р., 1663—до 15 руб., затѣмъ вовсе стали избѣгать ихъ въ расчетахъ.

Не смотря на неоднократные принудительные указы сдавать серебряныя копѣйки въ казну, со строгими наказаніями за ослушаніе, населеніе ихъ туда не несло, а хоронило въ тайникахъ. Всѣ жизненные продукты крайне вздорожали и въ концѣ концовъ дѣло кончилось такъ называемымъ *мѣднымъ* или *голоднымъ* бунтомъ, совершившимся лѣтомъ 1662 года. Правительство было принуждено изъять изъ обращенія не только мѣдныя, но и малоцѣнныя крупныя монеты, о чемъ послѣдовалъ указъ въ іюнѣ 1663 года. Послѣ этого въ обращеніи остались однѣ прежнія полноцѣнныя серебряныя копейки съ вѣсомъ въ $10^2/_3$ долей.

Монетная реформа за время троевластія.

Въ 1682 году правительница Софья вновь понижаетъ стопу: изъ гривенки, вмѣсто прежнихъ 432, начинаютъ чеканить 504 копѣйки, по 9,13 долей. Въ 1686 году дѣлается попытка ввести въ обращеніе особую низкопробную серебряную монету—*чехи*, величиною въ современныя намъ 20 копѣекъ, которая предназначалась для западной окраины, для облегченія торговыхъ сношеній съ Польшею; вслѣдствіе чего и внѣшній видъ ей былъ приданъ схожій съ польскими монетами—„полтораками“; чехи чеканились отъ имени царей Іоанна и Петра въ г. Сѣвскѣ, гдѣ для ихъ производства былъ устроенъ монетный дворъ. Но въ обращеніи они не привились, вѣроятно, по низкопробности металла, и вскорѣ были изъяты, а монетный дворъ закрытъ.

Стопа 1682 года продержалась до 1699 г., когда Петръ Великій задумалъ произвести коренную реформу

Монетная реформа Петра Великаго.

въ монетномъ дѣлѣ. Съ этой реформой кончается система царскихъ денегъ и начинаются монеты *императорскаго* періода. Вмѣсто прежнихъ мелкихъ царскихъ копѣекъ, неправильной формы, постепенно вводится крупная новая монета уже правильной круглой формы: съ 1699—полтины, въ 1701 году—первая золотая монета *для обращенія*—червонцы, затѣмъ серебряные: полуполтинники (25 к.) и монеты въ „десять денегъ“ (5 коп.); въ 1704 г.—сер. рубли, гривенники и алтыны (3 коп.) и, наконецъ, въ 1713 году—сер. копѣйки новаго типа. Кромѣ того вводится мѣдная монета: въ 1700 г.—деньга ($^1/_2$ коп.), полушки ($^1/_4$ коп.) и полполушки ($^1/_8$ коп.), а съ 1704 г.—копѣйки.

Однако, не смотря на введеніе серебряныхъ копѣечныхъ монетъ новаго типа, чеканъ прежнихъ сер. копѣекъ сразу не окончился, онѣ продолжали чеканиться, какъ пережитокъ времени, до 1717 года; но стопа ихъ была еще разъ понижена—до 720 штукъ изъ гривенки, съ вѣсомъ въ $8_{,40}$ долей, чѣмъ онѣ были приравнены по вѣсу къ новой основной единицѣ—реальному сер. рублю, составляя собою его сотую долю. Со введеніемъ новыхъ монетъ было введено и правило выставлять на нихъ годъ ихъ выпуска; этому же правилу подчинились и царскія копѣйки послѣднихъ годовъ, всѣ онѣ, начиная съ 1697 года, датированы. Вотъ въ общихъ чертахъ возникновеніе денежнаго дѣла въ Московскомъ государствѣ, его развитіе и переходъ къ той денежной системѣ, созданной Великимъ Петромъ, которая въ основѣ своей сохранилась до нашего времени.

С. Чижовъ.

Опечатки, вкравшіяся въ статью „Народныя волненія въ Московскомъ государствѣ“.

			Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 441,	строка 18	сверху	разграниченнаго	разгромленнаго
„ 441,	„ 36	„	ними	нимъ
„ 442,	„ 24	„	противонарднымъ.	противонароднымъ
„ 442,	„ 28	„	напастѣхъ	напастѣхъ
„ 443,	„ 22	„	нуждалосъ	нуждалось
„ 443,	„ 35	„	близостью	близости
„ 446,	„ 17	„	мѣръ,	мѣръ;
„ 446,	„ 25	„	козакъ	казакъ
„ 446,	„ 34	„	служилымъ	служилыхъ
„ 447,	„ 17	„	наконецъ	наконецъ,
„ 447,	„ 19	„	объ урочныхъ лѣтъ	объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ
„ 447,	„ 33	„	слободы“	слободы“,
„ 448,	„ 12	„	Никитичъ	Никитичъ,
„ 449,	„ 12	„	приказахъ,	приказахъ.
„ 449,	„ 13	„	хотя	Хотя
„ 451,	„ 28	„	бралъ	дралъ
„ 453,	„ 12	„	соло-вычегодцамъ	соль-вычегодцамъ
„ 456,	„ 24	„	царъ	царь
„ 458,	„ 33	„	удалосъ	удалось
„ 459,	„ 23	„	привилегій,	привилегій
„ 460,	„ 5	„	однако	однако,
„ 461,	„ 25	„	Сабакинъ	Собакинъ
„ 461,	„ 30	„	воеводы,	воеводы
„ 462,	„ 18	„	результахъ,	результатахъ
„ 462,	„ 35	„	Сабакинъ	Собакинъ
„ 463,	„ 32	„	бѣжали,	бѣжали;
„ 466,	„ 22	„	дороговъ	дороговь
„ 466,	„ 33	„	она	она,
„ 467,	„ 16	„	государь	государя
„ 468,	„ 17	„	пасхи	Пасхи
„ 470,	„ 29	„	одиношную	одинашную
„ 471,	„ 9	„	крупныя	крутыя
„ 471,	„ 29	„	чувствительный	чувствительнѣй
„ 476,	„ 19	„	голая	полая
„ 482,	„ 5	„	стенькой	Стенькой
„ 483,	„ 10	„	Сараданова	Сарафонова
„ 484,	„ 37	„	стенькины	Стенькины

Народныя волненія въ Московскомъ государствѣ *).

I.

Послѣдствія смуты.

Смута носила характеръ политической и соціальной революціи. Это была борьба высшихъ и низшихъ классовъ населенія, но эти классы не выступали другъ

*) Литература очень не велика. Для первой части статьи, кромѣ общихъ курсовъ, могутъ быть указаны: *С. Ѳ. Платоновъ.* Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. Журн. Мин. Нар. Пр., 1906 г., № 12; Словарная статья *Пѣснякова* о патріархѣ Филаретѣ (Русскій Біограф. Словарь); *В. Алексѣевъ.* Борьба за идею законности въ Московской Руси (Научно-популярная библіотека № 8). Изложеніе волненій временъ Михаила Ѳедоровича дано по архивнымъ матеріаламъ, которыми авторъ пользовался и въ другихъ отдѣлахъ статьи. Для исторіи волненій времени Алексѣя Михайловича надо въ особенности указать: *С. М. Соловьева.* Исторія Россіи, т.т. X и XI; *Н. И. Костомарова.* Историческія монографіи и изслѣдованія, 1863 г., т. II; Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей. 1874 г., вып. 4. Собр. соч. 1903 г., кн. I; *Н. Ѳирсовъ.* Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Изд. „Свободнаго знанія"; *Поповъ.* Возмущеніе Стеньки Разина, „Бесѣда", т. I, тутъ же очень цѣнные матеріалы; изъ словарныхъ статей о Разинѣ статья въ Русскомъ Біографич. Словарѣ. Затѣмъ: *В. Валишевскій.* Первые Романовы, М., 1911 г. Для бунта 1648 г. имѣется рядъ мелкихъ статей, изъ нихъ см. *С. Ѳ. Платонова.* Московскія волненія 1648 г. Журн. Мин. Нар. Просв., 1888 г., № 6 и въ Статьяхъ по русской исторіи, 1903 г. Изъ матеріала для волненій 1648, 1650 и 1662 гг. надо указать: *Олеарій.* Описаніе путешествія въ Московію, 1906 г., Лейденская брошюра съ замѣткой *Б.-Рюмина* въ Историческомъ Вѣстникѣ 1880 г. № 1, но въ особенности *А. Зерцаловъ.* О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ с. Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг., М., 1890 г. и въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Др. Россіи, 1890 г., кн. 3. См. еще ibid, 1896 г., кн. I, также *К. Якубовъ.* Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка (сборникъ матеріаловъ) Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1898 г., кн. I и отдѣльно.

противъ друга сплоченно, компактной массой; внутри ихъ бушевалъ, внося начала розни, антагонизмъ лучшихъ, наиболѣе обезпеченныхъ и потому властныхъ элементовъ и элементовъ приниженныхъ, молодшихъ, меньшихъ людей. Въ служиломъ классѣ это была борьба непожалованныхъ съ пожалованными, въ средѣ посадскихъ міровъ борьба мелкаго посадскаго люда съ купеческой олигархіей, въ черныхъ волостныхъ мірахъ борьба меньшихъ людей—„худыхъ малоумныхъ людишекъ“ съ міроѣдами. Первые всюду стояли на сторонѣ Тушина, вторые на сторонѣ политическихъ противниковъ тушинскаго лагеря. Это широко и бурно развившееся движеніе могло привести къ глубокимъ измѣненіямъ соціальнаго строя. Но на пути его стала внѣшняя опасность, опасность потери національной неприкосновенности и единства; она, съ одной стороны, отвлекла народное сознаніе отъ задачъ внутренняго порядка, предписавъ не терпящія отлагательства задачи спасенія государства, съ другой, въ этомъ послѣднемъ фазисѣ смуты она выдвинула впередъ не молодшихъ людей, не добровольцевъ казачины,—враговъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ уздъ,—а людей „лучшихъ“, прожиточныхъ, тѣхъ, кому былъ нуженъ государственный порядокъ, который оберегалъ бы ихъ интересы и собственность.

Такъ, смута кончилась торжествомъ лучшихъ, экономически сильныхъ, соціально „владущихъ“ людей. Значитъ, смута не разрѣшила соціальнаго кризиса. Причины, вызвавшія его, остались и послѣ смуты; къ нимъ прибавилась еще одна—то глубокое опустошеніе въ хозяйственномъ положеніи народа, которое произвела смута. Къ этому надо добавить наблюденіе проф. Ключевскаго надъ перемѣной въ самомъ настроеніи народа. Изъ бурь смутнаго времени народъ вышелъ гораздо впечатлительнѣй и раздражительнѣе, чѣмъ былъ прежде, онъ утратилъ былую политическую выносливость, сталъ

уже далеко не прежнимъ безропотнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства.

Таково наслѣдіе смуты. Въ немъ скрывались, какъ видимъ, въ потенціальномъ состояніи зародыши новыхъ смутъ, новыхъ народныхъ волненій. На первыхъ порахъ много зависѣло отъ того, кто послѣ смуты окажется у кормила власти, кто и въ какихъ цѣляхъ, въ какомъ направленіи поведетъ правительственную политику; смягчитъ ли эта политика проявленія соціальнаго недовольства, или, наоборотъ, обострить соціальную вражду,— тогда за вихремъ смуты неминуемо должны были послѣдовать новыя бури народныхъ волненій и мятежей.

Правящая среда и правительственная политика послѣ смуты.

Правительственная политика временъ послѣ смуты не разъ подвергалась оцѣнкѣ, однако, скудость данныхъ и до сихъ поръ мѣшаетъ правильному представленію о ней. Больше свѣдѣній мы имѣемъ относительно состава правящаго круга. Въ самомъ началѣ царствованія Михаила жалкіе остатки разграниченнаго въ смуту боярства горько жаловались на то, что въ смуту всплыло наверхъ много самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и дѣтишекъ боярскихъ. Этимъ они отмѣтили перемѣну въ соціальномъ составѣ правящаго круга. Однако новѣйшія изслѣдованія показали, что составъ этого правящаго круга, во-первыхъ, не былъ такъ простъ, во-вторыхъ, онъ не отражалъ въ себѣ интересовъ господствующихъ классовъ, каковыми послѣ смуты признавались средніе классы общества—служилые и посадскіе люди,—составъ правящаго круга былъ довольно случаенъ. Сюда прежде всего вошли дѣятели временнаго правительства 1612—1613 г.г., эти „перелеты“, сдѣлавшіе свою карьеру въ смутное время, и составили первый элементъ правительственнаго круга новаго царя; вторымъ элементомъ были „близкіе люди“ царя, „довѣренные дѣльцы“, на которыхъ царь могъ положиться, какъ на людей хорошо ему извѣстныхъ, связанныхъ съ ними старыми житейскими связями и симпатіями; третьимъ элементомъ этой своеобразной пра-

вящей кучки была родня Михаила, „зятья“, „племянники“, „шурья“. Не менѣе разнообразенъ былъ и соціальный составъ этого правительственнаго кружка: наряду съ представителями крупныхъ родовъ Шереметьевыхъ, кн. Лыковыхъ и др., мы находимъ въ немъ „обышныхъ людишекъ“ вродѣ Михалкова, Траханіотова и проч. Что касается экономическаго достатка этой новой правительственной знати, то, хотя этотъ вопросъ еще не изслѣдованъ, однако можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ предполагать, что въ общемъ онъ былъ довольно значителенъ, хотя для многихъ этотъ достатокъ и былъ недавнимъ по времени, „воровскимъ“, пріобрѣтеннымъ въ смуту по происхожденію. Какъ бы ни смотрѣли на происхожденіе этого правительственнаго круга, этой новой знати „дворца и приказа“, былъ ли онъ случайно житейски сплотившимся кружкомъ, или сложился на почвѣ политической, на принципѣ партійной солидарности, несомнѣнно одно, онъ не былъ сословнымъ, его нельзя понять, какъ правительственный классъ, отражавшій въ себѣ интересы и программы господствующихъ въ странѣ сословій. Болѣе того, какъ увидимъ сейчасъ, по пріемамъ своей дѣятельности это новое правительство было не только народнымъ, но даже *противонароднымъ*. Овладѣвъ дѣловымъ вліяніемъ и преимуществами служебной карьеры, члены этого правительственнаго кружка, „*владущіе*“, какъ назвалъ ихъ безымянный авторъ псковскаго сказанія „о бѣдахъ и скорбѣхъ и пакастѣхъ“, использовали доставшуюся имъ власть исключительно въ своихъ узкихъ эгоистическихъ цѣляхъ. Они составили „окаянный и злый совѣтъ..., царя ни во что же вмѣниша и не боящеся, понеже дѣтескъ сый“, всю землю русскую раздѣлили по своей волѣ и снова воздвиглись на мздоимство и насиліованіе православныхъ. Такими образными чертами характеризуетъ нашъ неизвѣстный авторъ дѣятельность „владущихъ“, того правительства, за которымъ скоро утвердилась новая мѣткая кличка „*сильныхъ людей*“.

Эти сильные люди злоупотребляли своей властью въ приказахъ, на воеводствахъ, однимъ словомъ въ учрежденіяхъ центральнаго и областного управленія, на мѣстахъ же, въ мѣстныхъ посадскихъ и волостныхъ мірахъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, появились свои сильные люди, свои угнетатели, они выходили изъ рядовъ лучшихъ, прожиточныхъ людей. Всякій, кто имѣлъ власть, былъ близокъ къ двору или просто былъ экономически достаточнымъ, становился въ ряды этихъ сильныхъ людей Это время было временемъ анархіи силы и произвола. Ни о какой правительственной программѣ, направленной въ интересахъ среднихъ классовъ общества, здѣсь, понятно, не могло быть и рѣчи. Скорѣй эту политику можно назвать реставраціей стараго режима, гнетъ котораго нисколько не уменьшился отъ того, что на мѣсто поверженной бурей смутнаго времени боярской аристократіи стала новая знать, кружокъ „владущихъ“.

Патріархъ Филаретъ его правительственная программа.

Однако направленіе реставраціи было взято черезчуръ рѣзко, можетъ быть даже смѣло. Такая политика прежде всего не отвѣчала требованіямъ момента, государство нуждалось въ успокоеніи, въ приведеніи въ порядокъ своихъ силъ; этого требовали политическія отношенія Московскаго государства къ его сосѣдямъ, отношенія, образовавшіяся неудачами смутнаго времени,—нельзя было оставить за шведами Новгородъ, за Сигизмундомъ Смоленскъ, за Владиславомъ титулъ московскаго царя; война продолжалась, въ будущемъ предвидѣлись новыя войны—это во-первыхъ; во-вторыхъ, такая политика была опасна и въ соціальномъ отношеніи, вѣдь, отголоски смутнаго времени были еще живы. Наконецъ, хотя „владущіе“ не стремились къ формальному ограниченію власти новаго царя, такъ какъ своимъ положеніемъ были во многомъ обязаны близостью къ нему, но нельзя не замѣтить, что фактически всѣмъ заправляли они. Это прекрасно понялъ патріархъ Филаретъ, когда вернулся изъ плѣна, и когда

началось его двоевластіе съ сыномъ. Говорятъ, что этотъ русскій кардиналъ Ришельё, властный, опальчивый, началъ съ того, что во всемъ винилъ бояръ и думныхъ людей, т. е. „владущихъ“. „Царь молодъ и неопытенъ, но о чемъ же думали и что дѣлали его совѣтники? Отчего они не позаботились принятіемъ необходимыхъ мѣръ для успокоенія земли? Не оттого-ли, что разореніе и неустройство имъ на руку, такъ какъ позволяло корыстоваться около добродушнаго юноши-царя и забирать силу“? Патріархъ сразу выдвинулъ на первый планъ многіе боевые вопросы времени: вопросъ о новомъ дозорѣ, о борьбѣ съ закладничествомъ, вопросъ объ обидахъ и притѣсненіяхъ со стороны сильныхъ людей. Съ одной стороны, это отвѣчало высокому представленію патріарха о сущности царской власти, патріахъ былъ абсолютистомъ не только на практикѣ, но и въ теоріи; съ другой стороны, это входило въ ту новую программу правительства, о которой мы можемъ догадываться и которая принадлежала Филарету. Въ одной изъ грамотъ, обращенной ко всѣмъ чинамъ и сословіямъ, читаемъ: „пишемъ мы къ вамъ, милосердуя о васъ, чтобы Божіей милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны“.

Насколько правительственная программа Филарета отвѣчала дѣйствительному положенію страны.

Но эта широкая программа не могла быть осуществлена на дѣлѣ. Она вытекала изъ требованій абсолютизма и, повидимому, приняла видъ покровительства всѣмъ чинамъ государства вслѣдствіе невозможности найти въ странѣ господствующій, довлѣющій классъ, на который можно было бы смѣло опереться; кромѣ того, тутъ надо вспомнить и о томъ, что по самому своему существу, происхожденію власть новой династіи явилась въ видѣ компромисса, вынужденнаго обстоятельствами соглашенія боровшихся въ смуту различныхъ по направленію общественныхъ силъ. На

дѣлѣ интересы и стремленія классовъ были различны, иногда прямо противоположны. Классы чувствовали на себѣ общее разстройство. Большое число служилыхъ людей не имѣло съ момента кризиса никакого надѣла, большое число служилыхъ земель было обращено въ пустыню. Ограниченіе права возврата крестьянъ годами гибельно отражалось на состояніи служилаго землевладѣнія, главнымъ образомъ, мелкаго: крестьяне уходили или перевозились отъ одного владѣльца къ другому и выжидали исхода урочныхъ лѣтъ, чтобы потомъ быть безопасными отъ притязаній прежняго господина. Перевозили крестьянъ преимущественно богатые, сильные люди, крупные землевладѣльцы, въ томъ числѣ монастыри; крестьяне охотно шли въ ихъ имѣнія, такъ какъ здѣсь они подвергались меньшимъ повинностямъ, чѣмъ у бѣдныхъ. Судъ былъ въ руку богатымъ, а не бѣднымъ. Большія села увеличивались, мелкія деревушки пустѣли. Мало чѣмъ лучше было состояніе посадовъ и черныхъ волостей. Они были обременены безчисленными повинностями; сверхъ того, всѣ ихъ промыслы и занятія были обложены множествомъ разнообразныхъ пошлинъ. Система мірскаго устройства и круговой поруки, при которой повинности требовались не съ каждаго лица, а съ цѣлой общины, увеличивала тягость повинностей, а система ихъ выколачиванія отдавала населеніе въ руки всесильной и продажной администраціи. Въ частности, на благосостояніи всѣхъ посадскихъ людей дурно отзывалось плохое состояніе правосудія, монополіи царской казны, дурныя дороги, недостатокъ безопасности на нихъ по причинѣ разбоевъ. Гости, люди гостинной, суконной сотенъ и лучшіе посадскіе люди страдали отъ непосильной для нихъ конкуренціи торговыхъ иноземцевъ, привилегіи которыхъ были увеличены: середніе и молодшіе жаловались на лучшихъ, которые, пользуясь своимъ властнымъ положеніемъ въ средѣ тяглыхъ міровъ, сваливали на нихъ бремя податей,

льготя себѣ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что въ 1627—28 г.г. умышленіемъ воеводы и дьяка дали на откупъ квасниковъ, извозчиковъ, дегтярей и банниковъ на оброкъ и площадныхъ подъячихъ; изъ другихъ грамотъ узнаемъ, что въ это время были взяты на откупъ по посадамъ сусло, брага, ботвинья, хмельное и сѣнное трушеніе, мыльное рѣзаніе, овесъ и другіе мелкіе промыслы, которыми въ городахъ живутъ, кормятся и тягло платятъ посадскіе (мелкіе) и всякіе жилецкіе люди, отъ чего посадскіе люди оскудѣли. О положеніи крестьянъ и холоповъ мы не будемъ говорить. Положеніе крестьянъ фактически ухудшалось, холопы, освободившіеся въ смуту отъ своихъ господъ, были снова разобраны по боярскимъ дворамъ. Таково было положеніе классовъ. Всѣ классы испытывали глубокое недовольство своимъ состояніемъ, требовали и ожидали отъ правительства рѣшительныхъ мѣръ, крестьяне ждали выхода и пріурочивали это ожиданіе, какъ узнаемъ изъ одного документа, къ рожденію царевича, будущаго царя Алексѣя Михайловича; холопы бѣгали съ боярскихъ дворовъ въ казаки, среди которыхъ не умирала мысль о новыхъ „Дмитрейкахъ“; мелкій служилый людъ волновался и обвинялъ правительство въ потаканіи въ крестьянскомъ вопросѣ сильнымъ людямъ: въ 1625 г. помѣстный козакъ Овдѣйко Яковлевъ говорилъ своимъ крестьянамъ, „что государь ихъ не жалуетъ, крестьянъ изъ-за нихъ велитъ выводить, и ихъ есть въ сборѣ съ 500 чел., кто изъ-за нихъ крестьянъ выводитъ, и у тѣхъ вотчины ихъ выжгутъ, а крестьянъ побьютъ и найдутъ они иного государя“. Посады и волостные міры раздирались классовой борьбой лучшихъ и меньшихъ людей; кромѣ того, интересы посадскихъ людей рѣзко сталкивались съ интересами служилымъ людей въ вопросѣ объ областномъ управленіи: для служилаго человѣка воеводство было вѣнцомъ его служебной карьеры, средствомъ пополнить всѣми правдами и неправдами свой нерѣдко скудный

достатокъ, для посада и уѣзда воевода, наоборотъ, являлся типомъ безудержнаго эксплуататора и угнетателя.

При такомъ положеніи дѣлъ многообѣщавшая соціальная программа патріарха Филарета силой обстоятельствъ должна была свестись къ *политикѣ паллиативовъ*, такъ какъ правительство понимало, что удовлетвореніе нуждъ и требованій одного класса неминуемо задѣнетъ другіе. Такъ, напр., велѣрѣчивыя обѣщанія и неоднократно высказываемая правительствомъ забота объ удовлетвореніи интересовъ мелкаго служилаго люда на дѣлѣ свелась къ тому, что служилое землевладѣніе не было урегулировано, такъ какъ пересмотръ правъ на это владѣніе не былъ доведенъ до конца, какъ не было закончено и другое мѣропріятіе, снятіе съ служилыхъ людей, выключеніе изъ ихъ окладовъ пустыхъ земель; наконецъ правительство патріарха Филарета не сдѣлало служилымъ людямъ уступки и въ вопросѣ объ урочныхъ лѣтъ.

Соціальная политика патріарха Филарета—политика паллиативовъ.

Столь же малымъ результатомъ сопровождалась и та политика патріарха, которая была направлена противъ злоупотребленій сильныхъ людей, областной и центральной администраціи. Несмотря на убѣжденіе Филарета, что, кромѣ него и царя, сильныхъ въ государствѣ быть не должно, несмотря на учрежденіе приказа „Сыскныхъ дѣлъ“, правительству не удалось вывести изъ страны сильныхъ людей. Здѣсь программа Филарета, его абсолютизмъ, зачастую сталкивалась съ его родственными, житейскими симпатіями и связями. Самымъ сильнымъ человѣкомъ на Москвѣ былъ ближній бояринъ И. Н. Романовъ, крупный землевладѣлецъ и видный колонизаторъ южныхъ степей. О тѣхъ пріемахъ, помощью которыхъ онъ „селилъ свои слободы“ узнаемъ изъ челобитной ельчанъ „всего города“. Ельчане обвиняли боярина и его людей въ обидахъ, насильствахъ, земельномъ захватѣ, крестьянской вывозкѣ; по ихъ словамъ, люди и крестьяне боярина организован-

Мѣропріятія правительства, направленныя противъ злоупотребленій администраціи, ихъ недостаточность.

ными бандами человѣкъ въ 40—50 днемъ и ночью разъѣзжали по помѣстьямъ и вотчинамъ челобитчиковъ, ихъ грабили, женъ и дочерей позорили, крестьянъ вывозили и т. д. Боярскія слободы населялись, зато „весь елецкой уѣздъ запустѣлъ безъ остатку“. Намъ, писали челобитчики, „въ украинномъ городѣ съ такимъ великимъ бояриномъ жити не мочно и мочи не стало, и только не будетъ государьской милости, и мы пропали безъ остатку: каково намъ было разоренье злое отъ государевыхъ недруговъ и отъ Литвы, и они насъ поплѣнили на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ надъ нами плѣнъ чинитъ бояринъ Иванъ Никитичъ и конца нѣтъ, пуще намъ стало крымской и нагайской войны, во всемъ елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей третьяго жеребья“. Несмотря на справедливость жалобъ, ельчане проиграли дѣло и понесли кару за то, что „огласили боярина всякими непригожими дѣлы“.

Ничего не могло подѣлать правительство и съ злоупотребленіями областной администраціи. И если для болѣе ранняго времени мы можемъ указать хотя бы на двухъ мангазейскихъ воеводъ—Палицина и Кокорева, изъ которыхъ одинъ отличался тѣмъ, что прикарманивалъ подати подъ акомпаниментъ палочныхъ ударовъ, а другой заставлялъ своихъ подчиненныхъ пьянствовать ежедневно на его собственномъ кабакѣ или сажалъ въ тюрьму съ цѣлью полученія выкупа не только людей, но и ихъ собакъ, то и теперь жизнь выдвигала не менѣе яркіе типы администраторовъ. Противъ злоупотребленій областной администраціи при Михаилѣ прибѣгали къ старому средству :возстановляли грамоты Грознаго, дававшія мірамъ право судиться и рядиться выборными чиновниками: въ 1621 г. разослали циркуляръ, запрещавшій давать воеводамъ и приказнымъ людямъ посулы, поминки; въ 1627 г. рѣшили устроить во всѣхъ городахъ губныхъ старостъ, поручали послѣднимъ воеводскія функціи.

Но все оказывалось напраснымъ. Съ одной стороны, сила выборнаго управленія со старостами и цѣловальниками въ XVII в. упала, выборные оказывались грабителями не хуже воеводъ и дьяковъ, такъ что иногда воеводамъ поручалось при сборахъ охранять народъ отъ выборнаго начальства и отъ богатыхъ мужиковъ-горлановъ. Съ другой стороны, произволъ властей, кто бы онѣ ни были, объяснялся слабостью контроля свыше и отсутствіемъ внизу сильныхъ мѣстныхъ коллективовъ.

Не лучше обстояло дѣло и въ центральномъ управленіи, въ многочисленныхъ московскихъ приказахъ, хотя сидѣвшіе въ приказахъ и цѣловали крестъ „*съ жестокимъ проклинательствомъ*“ и обѣщали судить по правдѣ,—не дружить сильнымъ и друзьямъ, не брать поминковъ, но ни „*во что та вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся и руки свои ко взяткамъ спущаютъ*“. Правда, Масса сохранилъ намъ извѣстіе, что Филаретъ во всѣхъ вѣдомствахъ перемѣнилъ штаты и смѣнилъ служащихъ, „все къ лучшему“; но, во-первыхъ, это извѣстіе, по мнѣнію проф. Платонова, не подтверждается, во-вторыхъ, даже если бы оно и подтвердилось, то такая реформа сама по себѣ имѣетъ очень незначительную цѣнность. Причина зла лежала не столько въ лицахъ, сколько въ самомъ строѣ управленія, который покоился не на принципахъ, а на лицахъ. Лицомъ опредѣлялась подсудность, по лицамъ распредѣлялась компетенція, для лицъ дѣлались изъятія, лицамъ довѣрялись функціи. Отсюда средостѣніе между верховной властью и населеніемъ изъ людей облеченныхъ властью, отсюда своекорыстіе, мздоимство, произволъ. Вотъ этой то системы и не коснулся Филаретъ. Правда, дѣятельный, энергичный, онъ вмѣшивался въ управленіе, слѣдилъ за его ходомъ, все дѣлалось по его слову, масса дѣлъ восходила изъ приказовъ на его непосредственное рѣшеніе, этимъ въ значительной степени уменьшался произволъ, но такъ

могло продолжаться лишь при его жизни; съ его смертью непосредственное руководительство со стороны верховной власти управленіемъ окончилось, и снова началось засилье сильныхъ людей и произволъ.

Недостатокъ творческихъ идей, безсиліе правительства, такимъ образомъ, сказались и въ этой области государственной жизни. Между тѣмъ въ проектахъ реорганизаціи государственнаго строя недостатка не было. Таковъ, напр., проектъ Бутурлина, въ основѣ котораго лежитъ мысль управленія государствомъ при помощи нарочно выбранныхъ для того по городамъ „нарочитыхъ людей", составляющихъ постоянный совѣтъ при государѣ съ совѣщательнымъ и контролирующимъ дѣйствія администраціи назначеніемъ. Такому участію народа въ дѣлахъ управленія абсолютистъ Филаретъ предпочелъ систему бюрократической опеки населенія. Мы уже видѣли, что мотивы опеки были благожелательны, но опекуны оказались не на высотѣ призванія. Народъ понялъ это очень многозначительно, онъ не винилъ верховную власть въ злоупотребленіяхъ, но въ его сознаніи укоренилась мысль объ измѣнѣ правящаго класса міру.

Экономическая политика Филарета.

Болѣе удачна была экономическая политика патріарха Филарета. Въ этомъ отношеніи правительство, хотя и съ большой дозой преувеличенія, могло заявить на соборѣ 1634 г., что государство пришло „въ достоинство". Тѣмъ не менѣе внимательное изученіе эпохи показываетъ, что въ силу сложныхъ задачъ внѣшней политики, въ результатѣ которой приходилось готовиться къ войнѣ съ Польшей, проводить дорого стоившую военную реформу (наемъ иноземныхъ полковъ и реорганизація русскаго войска на иноземный ладъ), платежныя силы населенія были напряжены, предѣлъ обложенія достигнутъ. Стоившая громадныхъ денегъ неудачная Смоленская эпопея увеличила въ нѣсколько разъ это податное бремя и привела страну къ новому экономическому кризису: югъ былъ опустошенъ тата-

Экономическій кризисъ.

рами, польскими отрядами и своими воровскими шайками, промышленный, богатый сѣверъ не вынесъ легшаго почти исключительно на его плечи повышеннаго податного бремени. Тогда, по выраженію документовъ, „отъ тѣхъ великихъ наваловъ стала въ мірѣ скудость большая, и люди Божіи зашатались“. Это и было началомъ того шатанія міра, которое повело къ могучимъ встряскамъ народнаго и государственнаго организма. Соціальный протестъ на почвѣ кризиса, на почвѣ новой неудачи внѣшней политики увеличивался, принимая все болѣе активныя формы. Между тѣмъ не стало сильной, сдерживающей руки патріарха Филарета, а вмѣстѣ съ этимъ развитой имъ бюрократическій строй, потерявъ надъ собой послѣдній контроль, расцвѣлъ всѣми цвѣтами необычнаго засилья и произвола.

Расцвѣтъ злоупотребленій администраціи.

Есть свѣдѣнія, что тогда въ московскихъ приказахъ стало судиться почти невозможно, такъ какъ судьи приказовъ оказывались въ родствѣ и свойствѣ другъ съ другомъ. „Божія поспѣшенія во всемъ намъ нѣтъ“, писалъ одному монастырю его слуга: „бояринъ гораздо гнѣвенъ, споны не стало многимъ монастыремъ, не намъ однѣмъ токмо;... нашу братью деретъ нещадно: самъ указъ учинитъ, да и переговору нѣтъ снова; за кого заступы большіе, тѣмъ и дѣла чинятца“. Нѣтъ заступа, бояринъ не церемонился: приказывалъ „съ суда“ изъ приказа „выбить взашей“, а челобитныя бралъ вмѣсто правильнаго по нимъ производства. Таковъ былъ кн. А. М. Львовъ въ Б. Дворцѣ. Но были дѣльцы и почище, такіе, которые надолго остались въ памяти народной, это, главнымъ образомъ, дьяки, а позднѣе „земскій судья“ Л. С. Плещеевъ. „Плещеевщина“, говоритъ проф. Платоновъ, была такимъ же словечкомъ, какимъ вѣкъ спустя стала „бироновщина“. Она означала опредѣленную манеру административнаго хищника, пріемы произвола, однако, варьировали до безконечности. Плещеевъ, напр., по словамъ Олеарія,

„нанималъ негодяевъ для того, чтобы они ложно доносили на честныхъ людей“, и выжималъ изъ оговоренныхъ послѣдніе соки. Михаилъ Ѳедоровичъ, оставшись безъ властнаго отца, ничего не могъ подѣлать съ этимъ засильемъ администраціи. Алексѣй Михайловичъ вступилъ молодымъ на престолъ и про него въ народѣ шла молва: „государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго; они всѣмъ вѣдаютъ, и самъ государь все это знаетъ, да молчитъ“.

Такимъ образомъ, правительственная политика временъ послѣ Смуты не разрѣшила не только соціальнаго кризиса, но и привела еще къ экономическому кризису и кризису въ области управленія. Причины общественнаго недовольства на лицо, теперь намъ надо раскрыть тѣ формы, въ которыя выливалось это недовольство.

II.

Формы проявленія недовольства. Волненія времени царствованія Михаила Ѳедоровича.

Ихъ было нѣсколько. Мы различаемъ среди нихъ пассивныя, сюда относятся порицанія и рѣзкая критика дѣйствій правительства, это преимущественно „неподобныя слова“; сюда же надо отнести и побѣги. Къ активнымъ формамъ надо отнести народныя волненія, мятежи. Мятежи не новость царствованія Алексѣя Михайловича. Можно сказать, что огонекъ бунта вообще не замиралъ послѣ смуты. Но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ онъ вспыхивалъ и пробѣгалъ по отдѣльнымъ областямъ и городамъ государства, не сливаясь въ одно грозное пламя. Эти отдѣльные областные мятежи вызывались или злоупотребленіемъ воеводъ, или непосильнымъ податнымъ бременемъ. Въ этихъ случаяхъ выведенные изъ терпѣнія міры или рѣзко отказывались исполнять предъявленныя имъ требованія и при тревожныхъ звукахъ „всполошнаго колокола“ встрѣчали государственныхъ агентовъ „съ кольемъ, съ жердьемъ и съ ослопы“, осыпая ихъ раздраженной „лаею“, а иногда побивая на

смерть: или это были возстанія противъ воеводъ съ осадой изъ дворовъ, съ убійствомъ ихъ слугъ, приспѣшниковъ, а также обычно съ грабежемъ „животовъ" стоявшихъ на ихъ сторонѣ лучшихъ мірскихъ людей. Примѣромъ первыхъ волненій можетъ служить бунтъ 1634 г. на Вагѣ, вызванный сборомъ пятинной деньги, выразившійся въ формѣ открытыхъ боевъ съ посланными для усмиренія стрѣльцами, но возникшій не безъ благосклоннаго участія воеводъ и при покровительствѣ управлявшаго Вагой приказа; примѣромъ волненій второго рода могутъ служить волненія у Соли-Вычегодской: соло-вычегодцамъ не везло, изъ многихъ бывшихъ у нихъ воеводъ буквально съ каждымъ приходилось прощаться ослопьемъ и краснымъ пѣтухомъ. Но все же болѣе обычной формой проявленія народнаго недовольства за время Михаила былъ побѣгъ. Отъ этихъ побѣговъ пустѣли волости и посады. Бѣжали или куда глаза глядятъ, какъ напр., бѣжала нижегородская мордва, послѣ того, какъ служилые люди захватили ихъ земли, а воеводы „пропили" даже ихъ „колпаки"; или бѣжали въ разбой по дорогамъ,—вторая половина царствованія Михаила дѣйствительно отмѣчена громаднымъ количествомъ разбоевъ; или бѣжали къ казакамъ и въ казаки на Донъ, въ это пристанище всѣхъ недовольныхъ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ укладомъ. Насколько намъ извѣстно, только разъ въ царствованіе Михаила бѣгство приняло формы большого движенія. Это произошло въ годы Смоленской войны. Шайка Балаша отдѣлилась у Смоленска отъ арміи Шеина и пошла въ „шиши"; къ ней скоро пристали большія партіи яицкихъ и донскихъ казаковъ, а также „даточные" изъ крестьянъ и холоповъ; весь этотъ сбродъ устремился на грабежъ литовскихъ городовъ, но когда поляки перешли въ наступленіе, тогда эта своеобразная армія, пополненная бѣглыми изъ городовъ и селъ холопами, крестьянами, мелкими посадскими людьми и стрѣльцами, начала

„дуванить“ южные уѣзды уже Московскаго государства. Была разбита масса помѣщичьихъ имѣній; дуванъ туманилъ головы, движеніе стало принимать формы организованнаго возстанія противъ помѣщиковъ и власть имѣющихъ. Это была прелюдія къ разиновщинѣ, она потребовала для своей ликвидаціи нѣсколько армій, ожесточила дворянство, которое съ небывалымъ остервенѣніемъ тушило мятежъ, а потомъ съ настойчивостью добивалось и добилось у правительства окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ.

Такимъ образомъ, уже въ царствованіе Михаила были затронуты всѣ извѣстные позднѣе мотивы волненій, равно какъ были использованы и формы, способы выраженія недовольства. И мы видимъ, что подъ натискомъ общественныхъ классовъ уже въ послѣдніе годы царствованія Михаила правительство было вынуждено пойти на уступки. Знаменательно, что съ этого времени его политика принимаетъ дѣйствительно ярко выраженный характеръ покровительства среднимъ классамъ общества—служилымъ и посадскимъ людямъ. Это видно изъ постепенной отмѣны урочныхъ лѣтъ, изъ отмѣны несудимыхъ грамотъ и изъ другихъ мѣръ, которыя подготовляли Уложеніе 1649 г. и вошли въ него. Такъ изъ среды недовольныхъ все больше выходятъ служилые люди и лучшіе посадскіе, зато соотвѣтственно возрастаетъ недовольство мелкаго люда, низшихъ слоевъ населенія. Интересы тѣхъ и другихъ становятся еще болѣе противоположными, однако остается одно, такъ сказать, связующее ихъ недовольство, недовольство требовательной финансовой политикой—увеличеніемъ налоговъ, особенно повышеніемъ налога на соль, затѣмъ недовольство злоупотребленіями центральной администраціи и отчасти областной. Не цѣной-ли мѣропріятій въ пользу среднихъ классовъ общества думала сохранить свое положеніе „владущихъ“ кучка московскихъ заправилъ? Какъ бы тамъ ни было, охватывающія громадный районъ народныя волненія цар-

ствованія Алексѣя Михайловича начинаются какъ разъ возстаніемъ противъ приказныхъ людей, бояръ и дьяковъ. Это „межеусобная брань на Москвѣ и по городамъ“ 1648 г.

Московскій мятежъ 1648 г.

Ее можно было предвидѣть. По одному частному письму 1641 г. видно, что уже въ то время „земля стала“, и шла „мірская молва“ про бояръ, что „бояромъ отъ земли быть побитымъ“; на соборѣ 1642 г. дворяне волновались и заявляли, что они разорены „пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“; шведскій резидентъ Крузебьёрнъ въ донесеніи отъ 1645 г. писалъ, „что положеніе дѣлъ въ Россіи критическое, общественныя дѣла запущены, ни царь, ни его совѣтники не видятъ исхода, и что въ недалекомъ будущемъ произойдетъ возстаніе“. 7 декабря 1647 г. (7156 г.) въ Москвѣ былъ пожаръ, *въ связи съ нимъ* въ тотъ же день была дана государева грамота боярину Б. Морозову съ товарищи, чтобы дворяне и дьяки „расправныя и всякія дѣла дѣлали и судили безволокитно“. Такъ начался этотъ долго памятный Москвѣ 7056 (1647—1648) годъ, въ довершеніе всего онъ оказался годомъ „хлѣбныхъ недородовъ и скотинныхъ падежей“. Московскій мятежъ вспыхнулъ 2 іюня 1648 г. и продолжался три дня. По разсказу очевидца, напечатанному на голландскомъ языкѣ въ 1648 г. въ Лейденѣ, народъ воспользовался тѣмъ, что 2 іюня совершался крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, чтобы подать его царскому величеству „нѣкія прошенія по поводу невыносимо громадныхъ податей и налоговъ и большихъ притѣсненій, ежедневно производимыхъ боярами надъ народомъ“. „Люди не въ силахъ далѣе выносить этого, говорилось въ прошеніяхъ, они, жены и дѣти ихъ скорѣе согласны немедленно умереть, чѣмъ остаться долѣе подъ гнетомъ столь чрезмѣрнаго притѣсненія“. Бояре приняли прошенія, разорвали ихъ въ клочки и бросили въ лицо просителямъ... Тогда начался

мятежъ. Мятежная толпа, въ которой среди черни, купцовъ и ремесленниковъ были и „служилые люди“, бросилась въ Кремль. Тѣлохранители-стрѣльцы, жалованіе которымъ было передъ тѣмъ убавлено, по однимъ извѣстіямъ, не высказали особаго сопротивленія передъ натискомъ толпы, по другимъ, даже присоединились къ народу. Бунтовщики не нападали на государя. Въ первый день они разграбили домъ ненавистнаго имъ временщика Морозова (дядьки царя); бросаясь на драгоцѣнныя вещи, они не брали ихъ себѣ, но ломали на куски, превращали въ порошокъ съ криками „то кровь наша“. Тогда же былъ убитъ соляной реформаторъ дьякъ Чистой. Плещееву и Траханіотову удалось найти себѣ убѣжище, но опьяненная толпа, разграбивъ ихъ дома, явилась на слѣдующій день передъ дворцомъ, требуя выдачи какъ ихъ, такъ и Морозова. Бунтъ разрастался. Оставшись безъ защиты, царь Алексѣй долженъ былъ войти въ переговоры съ взбунтовавшимися подданными. 3 іюня онъ выдалъ „всей землѣ“ Л. Плещеева на смерть, обѣщалъ Морозова и Траханіотова разослать съ Москвы, „гдѣ міряномъ годно и впредь имъ до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлъ ни въ какихъ приказахъ не бывать. И на томъ государь царъ къ Спасову образу прикладывался“. 4 іюня начался пожаръ; въ поджогѣ обвинили Морозова и Траханіотова; тогда снова „всею землею возмутились“ и стали просить выдачи измѣнниковъ. Царь выдалъ Траханіотова, но упросилъ у „міра“ помилованія Морозова, который былъ тайкомъ отосланъ въ Кирилловъ монастырь. Такова фактическая сторона московскаго мятежа 1648 г. Замѣтимъ еще, что онъ сопровождался сознательнымъ истребленіемъ массы поземельныхъ и другихъ документовъ. Мятежъ былъ направленъ противъ лихоимствующихъ судей и дьяковъ, въ немъ принимали участіе и служилые люди; однако въ этомъ мятежѣ прорывались, вѣроятно и другіе мотивы, звучали нотки, опасныя вообще приви-

легированнымъ классамъ. Въ грамотѣ отъ 26-го іюня 156 г. Сенька Колтовскій такъ передавалъ дядюшкѣ свои впечатлѣнія отъ мятежа: „пожалуй, государь, дядюшка Перѳилій Ивановичъ, прикажи мнѣ писать о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ... и нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ, и ты, государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ, а надежа ваша съ Иваномъ Владычкинымъ вся переслылась, и вы не надѣйтеся нынѣча: кому вы посулъ давали, совсѣмъ они пропали".

Распространеніе мятежа по городамъ.

Московскій мятежъ не остался единичнымъ, онъ быстро распространился по городамъ. 11 іюня вспыхнулъ мятежъ въ Козловѣ, затѣмъ въ Талицѣ, въ іюлѣ въ Сольвычегодскѣ, 4 августа пришло извѣстіе о мятежѣ на Устюгѣ Великомъ, затѣвался мятежъ на Новосили. Всюду мятежи роспространялись по вѣстямъ изъ Москвы, а вѣсти эти были таковы: „Указалъ-де государь по городамъ приказныхъ людей побивать каменьемъ". Но въ городахъ составы „гилевщиковъ" проще; это, главнымъ образомъ, молодшіе посадскіе люди или служилая бѣднота—сторожевые, полковые казаки, стрѣльцы и пр. Зато здѣсь яснѣй тотъ другой мотивъ, который мы примѣтили на Москвѣ: молодшіе люди наряду съ побиваніемъ приказныхъ людей грабятъ дворы и лавки состоятельныхъ людей, за то, что „они міръ выѣли" (Козловъ).

Броженіе на Москвѣ послѣ мятежа 1648 г. и подготовка Уложенія 1649 г.

Между тѣмъ въ самой Москвѣ „бунташное" настроеніе не исчезло. Виной тому отчасти было лишь вынужденное, притворное согласіе царя Алексѣя на удаленіе Морозова. Царь всѣми силами хотѣлъ вернуть своего „дядьку", въ Москвѣ въ пользу Морозова работали его сторонники. Нужно было заручиться поддержкой стрѣльцовъ. Послѣ бунта царь приказалъ выдать имъ удержанное у нихъ жалованье, но тутъ выступили со своими требованіями дѣти боярскіе; они стали „совѣщаться съ простымъ народомъ", тогда при-

шлось выдать имъ жалованіе и раздать имъ ихъ „наслѣдственныя имѣнія, которыми владѣли до того казненные и большіе господа“. 16 іюля 1648 г. состоялся приговоръ о составленіи проекта новаго уложенія; тогда же обѣщали „простому народу“, что у него спросятъ совѣта, когда будутъ обсуждаться дѣла, касающіяся „всей земли“. Особо стрѣльцамъ было обѣщано улучшеніе ихъ положенія. Но все напрасно, доносилъ своему правительству шведскій резидентъ К. Поммеренингъ, „чью сторону будутъ держать стрѣльцы, еще не извѣстно, въ виду того, что они осмѣливаются такъ дерзко выступать противъ его царскаго величества, указывая какъ на то, что его царское величество, вопреки обѣщанію и крестному цѣлованію, сослалъ ихъ выдающихся людей, такъ и на прочее“. „Простой народъ, писалъ онъ въ другомъ донесеніи, и дворяне хотятъ устранить партію Морозова и избавиться отъ новыхъ налоговъ“ *). Положеніе дѣлъ осложнялось еще тѣмъ, что 27 іюня заволновались боярскіе холопы, они просили, чтобы имъ была дана свобода; 3 іюля шесть изъ нихъ были обезглавлены, остальные заключены подъ стражу. „Многіе бѣгутъ и переселяются изъ Москвы..., нѣкоторые знатные люди свезли свое лучшее имущество на дворы иностранныхъ резидентовъ и пословъ... Царь тайно роздалъ мушкеты боярамъ по ихъ дворамъ, но холопы не хотѣли сражаться за бояръ, а противъ нихъ“. Даже въ средѣ правительственной знати намѣтился и разгорался раздоръ; противъ партіи Морозова выступила партія бояръ Романова и Черкасскаго; опираясь на служилыхъ людей, эта партія требовала реформъ. Въ концѣ концовъ послѣ неоднократнаго угощенія виномъ и медомъ стрѣльцовъ, послѣ новыхъ денежныхъ дачъ царю удалось упросить у народа возвращенія Морозова, но зато онъ поручился въ томъ, что судъ и расправа впредь будутъ производиться безъ

*) Требовали удаленія тестя царя, Гр. Гав. Пушкина, князей А. М. Львова, Трубецкого и др.

посуловъ и всѣмъ одинаково, обѣщалъ пониженіе цѣны на соль и уничтоженіе монополій, вообще обѣщалъ сдѣлать то, о чемъ проситъ простой народъ (2 октября). Тогда, писалъ Поммеренингъ, наступило перемирье.

Значеніе Уложенія 1649 г. въ исторіи народныхъ волненій.

Но перемирье оказалось не надолго. Результатъ его—Уложеніе 1649 г. не было выраженіемъ мнѣнія и воли всей земли. Оно было созданіемъ правительства,—съ одной стороны, служилаго и торгово-промышленнаго классовъ русскаго общества,—съ другой. Главное чего добились черезъ своихъ представителей эти классы, это—матеріальныя выгоды для нихъ самихъ: окончательное закрѣпощеніе крестьянства въ интересахъ служилаго дворянства, удаленіе торгующихъ крестьянъ съ посадовъ, ограниченіе торговыхъ привилегій стрѣльцовъ, отмѣна бѣлыхъ слободъ въ интересахъ посадскаго торгово-промышленнаго люда; къ этому надо добавить уничтоженіе въ 1649 году привилегій иностранцевъ въ интересахъ столичнаго купечества. Такъ, помѣщикъ и купецъ сдѣлались господами положенія. Зато проиграли крестьяне, были недовольны, главнымъ образомъ, отпиской слободъ, крупные свѣтскіе и духовные землевладѣльцы, вслѣдствіе уменьшенія торговыхъ привилегій, волновались стрѣльцы, „много дурного слышно было отъ закладчиковъ“, которые не хотѣли мириться съ утратой своего выгоднаго положенія. Все это вмѣстѣ съ непрекращавшимся неудовольствіемъ противъ Морозова и его сторонниковъ, съ неуменьшавшимся гнетомъ податей, создало серьезныя причины для новыхъ возмущеній. Старый закладчикъ боярина Н. И. Романова С. Корѣпинъ 17 января 1649 г. говорилъ коломнетину И. Пестову: „когда я былъ за бояриномъ Никитою Ивановичемъ, то мнѣ было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мнѣ худо сдѣлали это бояре—Б. И. Морозовъ да И. Д. Милославскій, и отъ того ихъ промыслу ходить намъ по колѣни въ крови, а боярамъ Морозову и Мстиславскому и друзьямъ ихъ быть побитыми каменьями..., а побивать мы станемъ

не все сами, есть у насъ много ярыжекъ, и холопи ваши всѣ съ нами будутъ... и стрѣльцы". Такъ, въ Москвѣ готовились новыя волненія, замышляли новый мятежъ противъ Морозова и Милославскаго во имя Романова и Черкасскаго. Однако ссылкой нѣсколькихъ стрѣлецкихъ сотенъ въ Сибирь, равно какъ и отправкой къ татарской границѣ нѣсколькихъ стрѣлецкихъ приказовъ и другими мѣрами, мятежъ былъ предотвращенъ. Но когда, повидимому, все успокоилось, опять на сѣверо-западной границѣ въ народной толпѣ послышалось несчастное имя Морозова; мятежъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ запылалъ въ Псковѣ и Новгородѣ.

Псковско-Новгородскія волненія 1650 г.: ихъ поводъ.

По Столбовскому миру было условлено выдать съ обѣихъ сторонъ перебѣжчиковъ; выдача затянулась, болѣе, въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій изъ уступленныхъ Швеціи русскихъ областей перебѣжало въ московскіе предѣлы масса народа. Шведское правительство требовало ихъ выдачи, исполнить это требованіе значило въ глазахъ московскаго правительства отдать православныхъ христіанъ „въ люторскую вѣру". Тогда благочестивый царь Алексѣй рѣшилъ выкупить перебѣжчиковъ. Сошлись на 190,000 р. Часть выкупной суммы—20000 руб. была отдана въ Москвѣ шведскому агенту Нумменсу, который и поѣхалъ съ деньгами черезъ Псковъ. Въ то же время въ зачетъ выкупной суммы было велѣно купить въ Новгородѣ и Псковѣ нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба и, добавивъ къ этому 10000 ч. изъ псковскихъ царскихъ житницъ, отпустить въ Швецію. Въ Новгородѣ закупка хлѣба была поручена торговымъ людямъ Облезову и Стоянову, въ Псковѣ—Емельянову. Эти лица не пользовались расположеніемъ новгородцевъ и псковичей. Стоянова, напр., обвиняли въ сношеніяхъ съ „нѣмцами", много лѣтъ возитъ онъ шведамъ рожь, мясо и всякіе съѣстные припасы, тѣмъ православныхъ христіанъ голодомъ моритъ. Еще хуже была репутація лучшаго человѣка Пскова Емельянова: его обвиняли въ злоупо-

требленіяхъ при сборѣ соляныхъ пошлинъ, въ сношеніяхъ съ „нѣмцами“, въ разорительной для псковичей дружбѣ съ воеводами и дьяками,—„тѣмъ онъ весь міръ своимъ затѣйнымъ воровствомъ продалъ“. Очень возможно, что и на этотъ разъ хлѣбные скупщики не удержались отъ злоупотребленій. Эти злоупотребленія въ связи съ бывшимъ тогда недородомъ въ Новгородской и Псковской областяхъ*) и послужили первымъ толчкомъ для волненій.

Развитіе волненія.

Волненія начались въ Псковѣ въ февралѣ 1650 г. Посадскіе и всякихъ чиновъ многіе люди заявили архіепископу и воеводѣ: „намъ де впредь надѣяться не на что, и въ томъ де воленъ Богъ да государь, станемъ де всѣ у житницъ сами, хотя де велитъ государь всѣхъ и перевѣшать, а въ свѣйскую землю хлѣба изъ государевыхъ житницъ намъ не давывать, потому что самимъ съ голоду помереть“. Въ этомъ заявленіи участвовали *всѣ* псковичи за исключеніемъ помѣщиковъ-дворянъ, интересъ которыхъ былъ не въ пониженіи, а въ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ. Лучшіе посадскіе люди, примкнувъ къ движенію, думали подачей челобитныхъ добиться запрещенія скупки хлѣба, къ открытому бунту они не чувствовали расположенія и не предвидѣли его. Но псковскій окольничій и воевода Сабакинъ въ отвѣтъ на просьбу псковичей—обождать съ закупкой и отсылкой хлѣба государева указа по челобитью—„всему міру угрожалъ: хлѣбъ де я отдамъ нѣмцамъ, а не вамъ псковичамъ; вы де, псковичи, изберите лутчихъ людей, кого изъ васъ повѣсить“. Но во время раздавшійся властный окрикъ воеводы, испортилъ все дѣло, а когда воевода назвалъ псковичей кликунами (названіе очень нехорошее въ Псковѣ послѣ событій смутнаго времени), то начался споръ сильный. Однако первый день прошелъ благополучно, на слѣ-

*) „Многіе, государь, православные христіане по деревнямъ ѣдятъ оловину и сосну и ужовину, и отъ того твоя государева отчина городъ Псковъ ставится до остатка пустъ“—писали Псковичи.

дующій день была назначена сходка, на этой сходкѣ посадскіе лучшіе люди и стараго приказа стрѣльцы, почуявъ недоброе, стали съ большой силой говорить, что самовольствомъ ничего не надобно дѣлать, а если въ хлѣбѣ скудость, то надобно бить челомъ государю. Толпа начала стихать, но тутъ пріѣхалъ въ Псковъ Нумменсъ. Ѣхалъ онъ странно, таясь, по задворкамъ; когда его настигли, растерялся, не могъ толкомъ объяснить откуда у него деньги, чьи грамоты, которыя онъ везъ; вмѣсто того онъ требовалъ свиданія съ ненавистнымъ псковичамъ Емельяновымъ; послѣдній бѣжалъ, но у жены его нашли государеву грамоту, которая оканчивалась словами: „а сего бы нашего указа никто у васъ не вѣдалъ“. Эти слова возбудили еще большее смятеніе. Припомнили, что Емельяновъ—„совѣтчикъ“ нѣмцевъ, что воевода изъ этой же компаніи, вспомнили, что когда посолъ Пушкинъ возвращался изъ Швеціи черезъ Псковъ и сообщалъ о результахъ посольства, то ничего не говорилъ о деньгахъ и хлѣбѣ за перебѣжчиковъ; отсюда вывели заключеніе, что все то дѣлаютъ измѣнники бояре, а государю про то не вѣдомо, а такъ какъ еще раньше шла молва, что Морозовъ дружитъ нѣмцамъ ко вреду русскихъ, то во всемъ обвинили Морозова и его доброхотовъ: они государство продаютъ, деньги и хлѣбъ отдаютъ нѣмцамъ. Такъ, начавшись на почвѣ хлѣбной дорогови подачей челобитья, псковское волненіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи получало характеръ мятежа съ политической окраской. Загудѣли всполошные колокола, каждый день пошли сходки, пожары, грабежъ. Пытали Нумменса, разграбили Емельянова и еще нѣсколькихъ лучшихъ людей, посадили архіепископа Макарія, обвиняя его въ скрытіи Емельянова, на „чѣпь въ богадѣльню“; по вздорнымъ вѣстямъ, что нѣмцы идутъ брать Новгородъ и Псковъ, отняли у присланнаго на смѣну Сабакина Львова городскіе ключи, захватили порохъ, свинецъ, прибили присланнаго для розыска кн. Волконскаго.

Начавшійся въ Псковѣ мятежъ распространился вширь и вглубь. Онъ захватилъ всѣ псковскіе пригороды, за исключеніемъ Опочки, перекинулся въ Новгородъ, куда псковичи посылали на совѣтъ 7 чел. Въ Новгородѣ причины мятежа были тѣ же, что и въ Псковѣ: кричали о скупкѣ хлѣба, объ измѣнѣ бояръ, ожидали нападенія шведовъ на городъ, захватили датскаго посланника и избили его, составили въ земской избѣ новое правительство, возмутились на воеводу и Никона; послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ проклиналъ всѣхъ новгородцевъ за мятежъ, въ св. Софіи переставливалъ обычаи, измѣнялъ старину: по словамъ Никона, „ухватили его со всякимъ безчинъемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь расшибли". На первомъ планѣ въ этомъ движеніи стояли „посадскіе и всякихъ чиновъ худые людишки", затѣмъ ярыжки и „кабацкіе голыши", къ нимъ присоединились стрѣльцы, „которые голые же люди", наконецъ даже нѣкоторые изъ поповъ. Къ указаннымъ мотивамъ движенія присоединилось недовольство злоупотребленіями воеводы, мелкіе служилые люди—стрѣльцы, воротники, пушкари кричали, что у нихъ жалованіе „по половинѣ отнято", и припоминали слова своихъ окольничихъ, воеводъ и дьяковъ: „идетъ де государево большое жалованье на Москвѣ нѣмцамъ, а вы де, природные, служите государю съ травы и съ воды и съ кнута". Въ добавокъ къ этому заволновались уѣздные крестьяне, они скоро втянулись въ движеніе. Бунтъ въ значительной степени терялъ свою политическую окраску и переходилъ въ анархію грабежа состоятельныхъ, прожиточныхъ. Положеніе дворянъ становилось критическимъ, они бѣжали, еще хуже было положеніе лучшихъ посадскихъ людей; явно не сочувствуя гилевщикамъ, они боялись своимъ упорствомъ ихъ раздражить и обратить движеніе исключительно противъ себя. Псковскій дворянинъ И. Молвяниновъ въ разспросѣ говорилъ: „какъ сойдутся съ ними дворяны, тѣ старые

стрѣльцы и посадскіе люди на одинѣ, и имъ сказываютъ, что де они съ тѣми гилевщиками не совѣтуютъ, а какъ де въ смятеніе тѣ мятежники сойдутца гилемъ, и тѣ де старые стрѣльцы и лучшіе посадскіе люди стоятъ въ особныхъ толпахъ". „Мочи нашей нѣтъ", говорили въ Новгородѣ „лучшіе" люди, „навести намъ на себя за нынѣшнюю смуту такую же бѣду, какая была при царѣ Иванѣ".

Подавленіе волненія.

Правительство дѣйствовало нерѣшительно. Оно боялось „шатавшагося міра". Начавъ съ отмѣны указа о закупкѣ хлѣба, оно старалось уговорами прекратить волненіе, затѣмъ послало Хованскаго съ войскомъ подъ Новгородъ и Псковъ. Новгородъ смирился въ апрѣлѣ, Псковъ пришлось осаждать. Хованскій жаловался на трудность осады; псковичи заперлись въ городѣ и нѣсколько мѣсяцевъ успѣшно оборонялись, грозя Хованскому: „онъ В. Новгородъ обманомъ взялъ, мы его въ котлѣ сваримъ". Никонъ настаивалъ, чтобы противъ бунтовщиковъ не предпринимать особыхъ репрессій, чтобы ихъ тѣмъ не ожесточить. Въ самой Москвѣ распространялись воровскія рѣчи, и затѣвалось что то неладное. Тогда рѣшили передать дѣло о псковскомъ бунтѣ земскому собору. Соборъ въ концѣ іюля постановилъ послать въ Псковъ особое посольство во главѣ съ епископомъ Рафаиломъ, которое именемъ государя и всей земли должно было уговорить псковичей вернуться къ повиновенію и порядку. Долго уговаривали псковичей. Ходу переговоровъ мѣшали лучшіе люди: съ пріѣздомъ посольства они взяли верхъ и начали расправляться съ „заводчиками" изъ гилевщиковъ; тогда снова вспыхнулъ мятежъ, псковичи, по ихъ словамъ, „попрежнему забили въ тарарыку". Лишь въ ноябрѣ затихъ окончательно псковскій мятежъ.

Новыя финансовыя затрудненія и мѣдныя деньги.

Волненія 1650 г. прошли безслѣдно, повидимому, они не оказали вліянія на измѣненіе правительственной политики. Прошло лѣтъ пять. Началась война съ Польшей; требуя громадныхъ жертвъ людьми и день-

гами, эта война вводила страну въ періодъ новаго экономическаго напряженія. Между тѣмъ въ 1654—55 гг. въ Московскомъ государствѣ развилась страшная эпидемія чумы. „Моровая язва“ опустошала страну, совершенно разстроила общественный порядокъ и подорвала средства правительства. Притокъ иностраннаго серебра, на которомъ была основана денежная система государства, уменьшился вслѣдствіе общаго упадка торговли и, въ частности, вслѣдствіе сокращенія привилегій иностранныхъ купцовъ. Содержаніе арміи требовало денегъ. Не зная откуда достать ихъ, правительство въ 1656 г. рѣшилось на выпускъ мѣдныхъ денегъ, придавъ имъ оффиціально цѣнность серебрянаго рубля. При громадной разницѣ въ стоимости серебра и мѣди (по однимъ расчетамъ мѣдь была въ 20 разъ, по другимъ даже въ $62^1/_2$ раза дешевле серебра) мѣдныя деньги являлись въ общемъ лишь ассигнаціями, и операція ихъ выпуска во многомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, напоминаетъ систему Джона Лоу.

Такъ, въ 1646 г. додумавшись до мысли о замѣнѣ прямыхъ налоговъ косвенными (соляная реформа), въ Москвѣ столь же самобытно пришли къ идеѣ государственнаго кредита. Сначала мѣдныя деньги пользовались полнымъ довѣріемъ, ходили al pari, „съ серебряными заровно“. Но хорошо задуманная операція попала, съ одной стороны, въ неумѣлыя, съ другой, въ падкія на соблазнъ руки. Заявляя, что только мѣдная монета имѣетъ законный курсъ и можетъ отнынѣ служить для обмѣна, правительство было непослѣдовательно, когда отказывалось принимать болѣе трети мѣдной монеты при платежахъ въ казну. Этимъ съ самаго начала подрывалось довѣріе къ новой финансовой операціи и открывался самый широкій путь для злоупотребленій. Другая бѣда заключалась въ неумѣренномъ выпускѣ новой монеты: по свидѣтельству Мейербера въ теченіе 5 лѣтъ выпуски мѣди достигли

5 милл. рублей, т. е. въ пять разъ болѣе годового бюджета, рынокъ былъ наводненъ мѣдью. Въ то же время появился цѣлый легіонъ фальшиво-монетчиковъ. Примѣръ имъ подалъ, какъ тогда говорили, тесть царя И. Милославскій вмѣстѣ съ оффиціальными монетчиками. Денежные мастера, люди небогатые, вдругъ разбогатѣли; богатые купцы, даже московскіе гости (особенно В. Шоринъ), приставленные присяжными надзирателями мѣднаго дѣла, сами покупали мѣдь, привозили ее вмѣстѣ съ казенной на Денежный дворъ, передѣлывали въ монету и отвозили на свои дворы. Тогда въ курсѣ мѣдной монеты образовался лажъ. Въ концѣ 1660 г. въ Москвѣ за серебряный рубль давали 2 мѣдныхъ, въ 1661 г.—3, съ декабря 1661 г. по мартъ 1662 г.—4, съ марта по іюнь—6, съ іюня по сентябрь—8, въ 1663 г. по мартъ—9, далѣе 12, 15. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ большихъ размѣрахъ производилась скупка серебра, переливъ его въ слитки, часть которыхъ уходила за границу. Начиналось банкротство. Товары при счетѣ на мѣдныя деньги сильно поднялись въ цѣнѣ. Настала „великая тщета и гибель большая хлѣбной цѣнѣ и во всякихъ харчахъ дороговъ великая“. Прежде всего вздорожалъ хлѣбъ. Крупные землевлевладѣльцы или вовсе воздерживались отъ продажи хлѣба, или продавали его на серебряныя деньги, а если на мѣдныя, то „неслыханной цѣной“. „Въ прежнихъ лѣтѣхъ, говорили торговые люди въ 1662 г., мочно было мастеровому человѣку и съ женой быти сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастерскому человѣку одного хлѣба саму другу надобно на 20—26 алтынъ“. Вслѣдствіе этого вздорожали „мастерскіе товары“. Бѣднота не знала что дѣлать, ей грозилъ голодъ, она уже голодала. Видя высокія цѣны товаровъ, она отъ „неразсужденія“, какъ говорили московскіе купцы, въ дороговизнѣ обвиняла торговыхъ людей, „будто они отъ мѣдныхъ денегъ великіе промыслы и богатства учинили и домы свои пополнили“. И отъ того „неразсуж-

денія", заявляли спрошенные въ февралѣ 1662 г. о причинахъ дороговизны московскіе торговые люди, „мы стали возненавидѣны отъ всѣхъ чиновъ за тое товарную продажу". На самомъ дѣлѣ положеніе ремесленниковъ и купцовъ также было затруднительно. Несмотря на то, что послѣдніе играли на разницѣ въ курсѣ, все же надо признать, что вздорожаніе хлѣба сокращало размѣры ремесла и торговли. „Въ рядѣхъ многія лавки запустѣли, и въ таможенныхъ сборахъ учинилась немалая убыль". Въ довершеніе всего иноземцы перестали продавать свои товары на мѣдныя деньги: „не продаютъ ни въ тридцать цѣнъ, просятъ противъ тѣхъ своихъ товаровъ русскихъ товаровъ, а русскіе товары, которые были иноземцамъ годны, всѣ взяты у торговыхъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ на великаго государь, и нынѣ намъ, заявляли гости и торговые люди гостинной сотни, нѣмецкихъ товаровъ купить стало не на что, которыя у насъ были деньги серебреныя, и тѣ всѣ перевели въ мѣдныя". „Въ концѣ погибаемъ и помираемъ голодной смертію", говорилъ въ 1662 г. простой народъ,—мелкіе ремесленники и купцы, рабочіе; „ожидаемъ себѣ конечныя нищеты", заявляли гости и болѣе состоятельные торговые люди. Особенно затруднительное положеніе создавалось для ратныхъ людей, получавшихъ жалованіе мѣдными деньгами по полному курсу. Уже кое-гдѣ въ войскахъ начиналося броженіе, выражавшееся въ отказѣ получать мѣдныя деньги и въ угрозахъ по адресу правительства.

Совѣщаніе 1662 г.

Обезпокоилось и московское правительство. Въ февралѣ 1662 г. оно созвало совѣщаніе торговыхъ людей, „чтобъ нынѣшнюю настоящую дороговь за помощію Божіею умалить и общество бъ христіанское видѣть безъ оскорбленія". Правительство рѣшилось постепенно перейти на серебряныя деньги, испрашивало совѣта у созванныхъ, „откуда и отъ какихъ промысловъ серебро взять". Созванные въ большинствѣ случаевъ уклонились

отъ отвѣта на поставленный вопросъ, заявивъ, „что то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ“, но воспользовались случаемъ, чтобы, съ одной стороны, подчеркнуть, что „дороговь великая“ чинится не отъ ихъ промысловъ, а отъ „мѣдныхъ денегъ и воровъ денежныхъ мастеровъ“, а съ другой, заявить о своемъ оскудѣніи, одну изъ главныхъ причинъ котораго они видѣли въ царскихъ монополіяхъ, въ существованіи тархановъ и въ томъ, что „нынѣ всякими большими и лутчими промыслами и торгами владѣютъ и промышляютъ духовный и воинскій и судебный чинъ, оставя и презрѣвъ всякое государственное правленіе“.

Бунтъ 1662 г.

Такъ, общественное недовольство получило свое направленіе, оно снова грозило правительственной администраціи, боярамъ и дьякамъ, въ которыхъ видѣли главныхъ виновниковъ злоупотребленій. Уже послѣ пасхи шелъ слухъ, „что чернь сбирается и чаять отъ нихъ быть погрому двору боярина И. Д. Милославскаго да гостя В. Шорина и иныхъ богатыхъ людей за измѣну въ денежномъ дѣлѣ“. Правительство во время не предотвратило волненій, и 25 іюля 1662 г. на Москвѣ разыгрался бунтъ. Разношерстная толпа мелкаго торговаго и ремесленнаго люда, стрѣльцовъ, нѣсколько крестьянъ и поповъ, но больше всего солдатъ и рейтаръ, при гулѣ набата, хлынула изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ жилъ тогда Алексѣй Михайловичъ, чтобы указать ему на виновниковъ своихъ бѣдъ *), на „измѣнниковъ“ и просить на нихъ управы. Толпа была безъ оружія (лишь у нѣкоторыхъ были дубины), но шла съ крикомъ и шумомъ и сильно перепугала царское семейство. Самъ „тишайшій“ вышелъ отъ обѣдни къ народу и началъ его уговаривать „тихимъ обычаемъ“ возвратиться въ Москву, обѣщая по дѣлу „учинить сыскъ и указъ“. Народъ не отпускалъ царя, нѣкоторые держали его „за платье, за пуговицы“ и съ сомнѣніемъ

*) Въ расклеенныхъ по Москвѣ воззваніяхъ были указаны И. Д. Милославскій, Ртищевъ, Матюшкинъ, гость В. Шоринъ.

спрашивали: „чему вѣрить“? Царь побожился, „далъ имъ на своемъ словѣ руку“, а одинъ изъ челобитчиковъ ударилъ съ нимъ по рукамъ, и послѣ того толпа направилась въ Москву. Однако этимъ трогательнымъ рукобитіемъ волненіе не было прекращено. Толпа, ушедшая изъ Коломенскаго, на дорогѣ встрѣтилась съ другой толпой, разграбившей домъ гостя В. Шорина и шедшей въ Коломенское, соединилась съ ней и пошла туда же. На этотъ разъ, какъ писалъ потомъ царь Алексѣй, толпа начала „бить челомъ съ большимъ невѣжествомъ“, съ угрозой, требуя выдачи „измѣнниковъ“. „Не дай погибнуть напрасно!—слышалось изъ толпы.—Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю“. Тогда по приказу „тишайшаго“ на толпу, въ которой большинство состояло изъ любопытныхъ зѣвакъ, пришедшихъ „гилю смотрѣть, что учинится“, были брошены стрѣльцы. Произошла бойня. По свидѣтельству Котошихина, перебили и забрали свыше 7.000 человѣкъ, да потонуло въ бѣгствѣ въ рѣкѣ больше ста человѣкъ. Начался розыскъ. Онъ обнаружилъ, что военный элементъ управлялъ всѣмъ движеніемъ *). Часть была повѣшена, подвергнута членовредительнымъ наказаніямъ, но большинство было сослано въ Казань, Астрахань, Терки, Сибирь „на вѣчное житье“. Тѣмъ не менѣе, въ 1663 году серебряное обращеніе было возстановлено. Однако успокоеніе не было достигнуто. Сосланные за бунтъ въ Казань говорили въ 1663 году: „воленъ-де великій государь, а имъ-де свое взять, опять бунтовать на Москвѣ, бояръ хотятъ побивать и домы на Москвѣ грабить“.

Послѣдствія волненій.

Итакъ, ни мятежъ 1648 года, ни псковско-новгородское волненіе 1650 г., ни бунтъ 1662 г. не уничто-

*) „Кадашевецъ Аничка Семеновъ въ распросѣ у пытки говорилъ: „какъ учинился бунтъ, и солдаты де Агѣева полку Шепелева и иные многіе люди изъ лавокъ всѣхъ людей выбили, а говорили, кто не пойдетъ, хотѣли побивать“.

жили причинъ народнаго недовольства. Гнетъ податного бремени, какъ слѣдствіе внѣшней политики, казнокрадство и безчисленныя притѣсненія отъ придворныхъ и приказныхъ людей, дѣйствовавшихъ рука объ руку съ ненавистными народу міроѣдами, какъ слѣдствіе системы управленія и экономическаго неравенства, наконецъ соціальное неравенство не только не были уничтожены, смягчены, но, наоборотъ, развивались къ концу вѣка, когда къ тому же въ интересахъ правящихъ круговъ перестали созываться земскіе соборы.

Эволюція волненій.

Всѣ разсмотрѣнные выше мятежи начинались протестомъ противъ злоупотребленій *отдѣльныхъ лицъ* или тѣхъ или другихъ правительственныхъ мѣропріятій, но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи теряли свою политическую окраску и обращались противъ состоятельныхъ, господствующихъ классовъ, т. е. принимали соціальную окраску. Постолько, посколько въ мятежахъ сказывалась борьба „лучшихъ“ и „меньшихъ“, дворянство и лучшіе посадскіе люди расходились съ „гилевщиками“ и стояли на сторонѣ правительства. Да и въ протестѣ противъ злоупотребленій администраціи послѣ 1648 г. дворянство и верхи посадскихъ міровъ почти совсѣмъ не принимаютъ участія; во всякомъ случаѣ они ограничиваются „подачей челобитій“ и избѣгаютъ открытыхъ мятежныхъ выступленій. Такимъ образомъ, изъ цѣпи „гилевщиковъ“ постепенно выключаются общественные серединные слои, бунтъ становится удѣломъ „голышей“. Въ 1650 году псковичи еще пишутъ „одиношную запись“, чтобы имъ „другъ друга не подтдать..., стоять всѣмъ заодно“, и угрозами включаютъ въ запись „лучшихъ“ посадскихъ людей и дворянъ. Позже это уже не повторяется. Сложное понятіе „міра“, выступленіе „всѣмъ міромъ“, „всей землей“, сужи-вается. Изъ „міра“ выпадаютъ его „домовитые“, прожиточные элементы, вслѣдъ за правительственной знатью заклейменные теперь обвиненіемъ „въ продажѣ міра“. Поэтому бунтъ все болѣе теряетъ свою политическую

окраску и все болѣе принимаетъ соціальный характеръ, характеръ движенія простонародья противъ высшихъ и среднихъ классовъ. Это, съ одной стороны, съ другой, такія движенія въ этой новой фазѣ своего развитія становятся все болѣе безнадежными для „гилевщиковъ“. И если раньше правительство, сознавая нѣкоторую солидарность въ общественныхъ выступленіяхъ, боялось „міра“ и не рѣшалось при подавленіи мятежей на крупныя мѣры, то теперь, чувствуя опору въ среднихъ классахъ общества, оно расправляется съ бунтовщиками безпощадно, что мы и видимъ въ мятежѣ 1662 г. Въ свою очередь крутыя расправы съ волнующимися, какъ результатъ движеній, отлагаются на психикѣ населенія горькими, скорбными чувствами и создаютъ въ коллективной душѣ народа то безысходно гнетущее состояніе, которое можно назвать „мукой міра“, и охваченные которымъ люди при извѣстныхъ условіяхъ не могутъ ручаться за свои поступки и выступаютъ въ движеніяхъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ озлобленіемъ. Такова эволюція разсмотрѣнныхъ нами движеній. Къ этому надо добавить два наблюденія. Во-первыхъ, движенія постолько, посколько они носили политическій характеръ, были направлены противъ отдѣльныхъ лицъ, а не противъ всего порядка, причемъ народъ вѣрилъ, что улучшеніе его участи послѣдуетъ сверху. Это во-первыхъ, во-вторыхъ, волненія происходили преимущественно въ городахъ, такъ какъ городъ, какъ административный и торговый центръ, былъ чувствительный къ несовершенствамъ управленія и къ экономическимъ тягостямъ жизни. Сельскій міръ былъ пассивнѣй. Но къ концу изучаемой эпохи, съ одной стороны, мало-по-малу разрушилась надежда на улучшеніе условій жизни сверху, а съ другой, крестьяне постепенно втягивались въ городскіе мятежи. Такъ подготовлялась „разиновщина“, движеніе, носившее соціальную окраску, имѣвшее цѣлью измѣнить существующій порядокъ силами возставшихъ и поднявшее въ своемъ розмахѣ сельскій міръ.

Поволжье предъ „разиновщиной".

Рядъ потрясеній и волненій, пережитыхъ народомъ въ теченіе 15 лѣтъ, имѣлъ своимъ слѣдствіемъ, во-первыхъ, массовыя ссылки виновныхъ, преимущественно, въ Поволжье, во вторыхъ, усиленное бѣгство недовольныхъ элементовъ на Донъ, въ казачьи городки, въ казаки.

Не съ чувствомъ раскаянія уходили сосланные въ мѣста своей ссылки, наоборотъ, они шли въ Поволжье съ глубокой враждой къ выбросившему ихъ за бортъ жизни политическому, соціальному, экономическому укладу, съ мыслью вновь поднять возстаніе, вновь собраться „гилемъ". Въ Поволжьѣ эти чувства находили для своего развитія наиболѣе удобную почву. „Здѣсь, главнымъ образомъ, на нижнемъ и среднемъ теченіи Волги, говоритъ проф. Өирсовъ, средствъ у государства для поддержанія своего авторитета было мало, а произвола администраціи и помѣщиковъ было больше, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Руси". По наблюденію проф. Перетятковича, къ половинѣ XVII в. тягости, налагаемыя на крестьянъ частными землевладѣльцами въ Поволжьѣ, увеличились сравнительно съ прежними въ нѣсколько разъ. Правительственная администрація управляла краемъ безконтрольно. Сверхъ того, Поволжье—страна инородцевъ, сравнительно недавно покоренныхъ и потому особенно чувствительныхъ и къ злоупотребленіямъ администраціи и къ тягостямъ московскаго фискальнаго режима. „Между тѣмъ въ теченіе всего XVII в. матеріальное положеніе инородцевъ не улучшалось, а ухудшалось при неусыпномъ содѣйствіи этому со стороны служилаго люда. Къ тому же ко времени Никона инородцы перестали пользоваться вѣротерпимостью: началось, напр., насильственное обращеніе мордвы въ христіанство". Такимъ образомъ, условія мѣстной жизни Поволжья подготовляли эту искони безпокойную окрайну государства къ взрыву, а пропаганда ссыльными мятежныхъ идей легко западала въ воспріимчивые умы. Нуженъ былъ лишь ло-

зунгъ и предводитель для возстанія. Этотъ лозунгъ и раздался съ береговъ тихаго синяго Дона.

Положеніе дѣлъ на Дону и начало здѣсь „воровского собранія“.

Старый демократическій укладъ жизни донского казачества къ разсматриваемому времени успѣлъ сильно измѣниться. Вмѣсто прежняго равенства намѣтилось разслоеніе казаковъ на двѣ противоположныя другъ другу группы. Къ первой принадлежали тѣ старые, коренные казаки, которые успѣли уже обжиться на Дону, познать прелесть собственности, а иногда и сравнительно крупнаго достатка,—это домовитые казаки, казацкая буржуазія; въ рукахъ ея собственно и находилась правительственная власть надъ всѣмъ Дономъ. Получая отъ „великаго государя“ жалованіе деньгами, хлѣбомъ, виномъ, порохомъ, свинцомъ, эта часть казачества не любила ссориться съ московскимъ правительствомъ, она хотѣла согласить свою вольность съ повиновеніемъ верховной московской власти. Вторую группу составляли „воровскіе“ (т. е. не признанные московской властью), по московской оффиціальной терминологіи, казаки, „голытьба“, „голутвенные люди“, какъ звали ихъ на Дону. Къ нимъ принадлежали разные „бѣгуны отечества“, главнымъ образомъ эмигранты Великороссіи. Ихъ собралось особенно много на Дону въ послѣдніе годы, когда ихъ начали такъ дѣятельно преслѣдовать на Руси. На Дону имъ было безопасно: Донъ принималъ всѣхъ, даже преступниковъ, и никого не выдавалъ съ своихъ береговъ—такъ издавна велось. Все это были бѣдняки, кормились поденной работой, а когда ея было мало, когда на Дону былъ неурожай и дороговизна, у нихъ оставался одинъ исходъ—грабежъ. Интересы этой казацкой демократіи рѣзко расходились съ интересами домовитаго казачества; послѣдніе стремились свести голытьбу на положеніе рабочихъ, угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ. Голутвенные люди не могли помириться съ положеніемъ батраковъ, наоборотъ, они являлись наиболѣе страстными, энергичными выразителями настоящаго казацкаго духа,

они хотѣли дѣйствовать свободно и считали Донъ независимымъ и самоуправнымъ. Это былъ самый безпокойный элементъ тихаго Дона, и вмѣстѣ съ тѣмъ эти „удалые добры-молодцы“, какъ зоветъ ихъ пѣсня, пользовались сочувствіемъ народныхъ массъ.

Безотрадное положеніе „голытьбы“ и исканіе выхода изъ него.

Пока голытьбы было мало, до тѣхъ поръ Донъ могъ или своими средствами прокормить ее, или открыть ей дорогу „за зипунами“ на Черное море, къ берегамъ Крыма и Турціи. Но къ половинѣ XVII вѣка уже не оставалось ни того, ни другого исхода. Количество эмигрантовъ увеличивалось съ необычайной быстротой; царскаго жалованія, вообще довольно консервативнаго, едва хватало на тѣхъ, кому оно предназначалось, на домовитыхъ казаковъ; съ другой стороны, путь за зипунами къ Черному морю былъ закрытъ „учиненными отъ турскихъ людей крѣпостьями“, да и и московское правительство, исполняя свои обязательства къ Крыму, Турціи и Персіи, стало строже относиться къ казацкимъ авантюрамъ. Тогда на Дону сталъ „голодъ большой“. Среди голытьбы началось сильное броженіе. Голытьба искала выхода изъ своего безотраднаго положенія. Въ 60-хъ годахъ она думала, что нашла его, именно въ походахъ за зипунами черезъ Астрахань, но, исполняя свои обязательства передъ шахомъ, Москва стала сторожить входъ и въ Каспійское море. Тогда „воровскіе казаки“ перенесли свои операціи на Волгу. Въ предводителяхъ этихъ грабительскихъ нападеній недостатка не было. Въ 1666 году атаманъ Васька Усъ съ шайкой въ 500 человѣкъ опустошилъ окрестности Воронежа и Тулы, подымая крестьянъ и слугъ, избивая помѣщиковъ. „Войсковая старшина“, несмотря на требованіе правительства учинить надъ нимъ судъ скорый или выдать его, ничего не могла подѣлать. Усъ продолжалъ свои подвиги, но скоро ему пришлось стушеваться передъ вождемъ гораздо большаго размаха. Это былъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ.

В. Усъ.

С. Т. Разинъ. Его характеристика.

Біографія С. Т. Разина довольно туманна. Его братъ, атаманъ одного изъ казачьихъ отрядовъ на службѣ у правительства, за самовольный уходъ со службы былъ повѣшенъ. Братья Стенька и Фролка, вѣроятно, видѣли, какъ повѣсили старшаго брата. Преданіе говоритъ, что тогда же Стенька замыслилъ отомстить за брата и задать страха всѣмъ боярамъ и знатнымъ людямъ Московскаго государства. Степанъ Тимофеевичъ былъ далеко незаурядной личностью. По мастерской характеристикѣ Костомарова, „это былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, предпріимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ своихъ движеніяхъ, сколько упорный въ предпринятомъ разъ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія; нѣкогда ходившій на богомолье въ отдаленный Соловецкій монастырь, впослѣдствіи хулившій имя Христа и святыхъ его. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, правильнаго и слегка рябоватаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное; толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять и называла его колдуномъ. Въ его душѣ, дѣйствительно, была страшная, таинственная тьма. Жестокій, кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого себя“... Таковъ былъ этотъ новый вождь и борецъ вольницы. Костомарову онъ кажется извергомъ рода человѣческаго, Ѳирсовъ, наоборотъ, въ необузданной жестокости Разина видитъ много нездороваго, ненормальнаго. Но нельзя забывать одного: Разинъ „былъ плотью и кровью казацкой вольницы, отличаясь отъ нея только размѣрами своего ума и воли и ничѣмъ болѣе“. Поэтому онъ былъ понятенъ своимъ „робятушкамъ“, а потому и любъ имъ. Широкая рус-

ская степь, казачій укладъ жизни только и могли породить разудалую натуру Разина, а неудачный складъ общества только и могъ быть причиной тѣхъ эксцессовъ въ жизни, поступкахъ Разина, которымъ удивлялись и удивляются до сихъ поръ.

Первый походъ Разина на Волгу и Яикъ.

Ставъ во главѣ недовольной голытьбы, Разинъ пытался Дономъ пройти въ Черное море; отброшенный самими казаками, онъ поднялся по рѣкѣ до того мѣста, гдѣ теченіе ближе всего подходитъ къ Волгѣ, и здѣсь близъ городка Паншина заложилъ свой воровской станъ. Его голытьба по пути грабила богатыхъ казаковъ и разоряла ихъ дома. Войсковой старшина Корнило Яковлевъ писалъ въ Москву, что онъ и войско посылали за Стенькой въ погоню, но его не догнали и не нашли. На самомъ дѣлѣ казацкая буржуазія Дона была довольна уходомъ Разина,—Донъ освобождался отъ многихъ безпокойныхъ, голутвенныхъ людей. Стенька ушелъ на 4 стругахъ, его воровской станъ былъ расположенъ на высокихъ буграхъ, а кругомъ него голая вода; по вѣстямъ было у него въ это время около 1000 чел. Всѣмъ было ясно, что цѣль похода Разина—воровать на Волгѣ. И дѣйствительно—Стенька скоро началъ „шарпать“ на этой рѣкѣ. Онъ напалъ на караванъ, шедшій внизъ по Волгѣ съ запасомъ хлѣба для Астрахани и конвоировавшій ссыльныхъ. Суда были разграблены, провожатые ихъ частью повѣшены, частью передались „ворамъ“. Такъ началась карьера удалого атамана. Пограбивъ суда на Волгѣ, Разинъ уже на 30 стругахъ прошелъ мимо Царицына, перешелъ Черный Яръ и вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря достигъ устья Яика, куда уже давно его звали „учуги разорять, людей побивать, а потомъ идти вмѣстѣ на море промышлять“. Яикъ былъ захваченъ и служилъ нѣкоторое время побѣдителю пунктомъ, откуда онъ снаряжалъ свои экспедиціи на сушѣ и по морю противъ татаръ у устья Волги и противъ мусульманскихъ галеръ вдоль Дагестана. Воровство на-

чинало принимать внушительные размѣры. Хуже всего, что на Дону примѣръ Разина заохотилъ многихъ, стали собираться новыя станицы и потянулись на соединеніе со своей братьей; вѣсть объ удальствѣ Разина достигла и Запорожья; какой-то запорожецъ Боба съ 400 хохлачей скоро увеличилъ шайку знаменитаго атамана. Московское правительство завязало переговоры съ новыми хозяевами Яика, но не добилось ровно никакого результата. Пополнивъ свою шайку донскими выходцами, 23 марта 1668 г. Разинъ выступилъ въ море, и съ тѣхъ поръ больше года на Руси не знали навѣрное, гдѣ обрѣтаются „удалые“.

Персидская эпопея Разина

Такъ началась персидская эпопея Разина. Съ 6000 чел., опустошивъ берегъ отъ Дербента до Баку, Разинъ добрался до Решта. Здѣсь его ждала вооруженная встрѣча. Тогда Стенька пустился на хитрость. Онъ вступилъ въ переговоры съ правителемъ Решта Будур-ханомъ, обмѣнялся съ нимъ заложниками, просилъ черезъ него шаха принять казаковъ подъ высокую руку въ подданство и отвести имъ земли на поселеніе на р. Ленкурѣ. Будур-ханъ согласился, открылъ рейдъ для казацкой флотиліи и выдавалъ казакамъ на содержаніе отъ 150—200 р. въ день. Но гости скоро повздорили съ хозяевами. Жители Решта напали врасплохъ на Разина, произошла бойня, Стенька принужденъ былъ покинуть городъ. Онъ отплатилъ за это ужасной местью въ Ферабадѣ, гдѣ, обманувъ довѣрчивое населеніе, сжегъ до основанія городъ, разграбилъ имущество, набралъ плѣнниковъ. Весной 1669 г. Разинъ вернулся на восточный берегъ Каспія и началъ разгромъ туркменскихъ улусовъ. Шахъ послалъ противъ казаковъ флотилію въ 70 судовъ. Произошла кровопролитная битва, кончившаяся полнымъ пораженіемъ персовъ и окончательно утвердившая славу Разина въ удаломъ мірѣ. Только три струга убѣжало съ несчастнымъ предводителемъ персовъ (Менеды-ханъ); казаки полонили его сына, Стенька сдѣлалъ своей лю-

бовницей его красавицу—дочь. Тѣмъ не менѣе оставаться на Хвалынскомъ морѣ становилось опасно, шахъ готовилъ новыя вооруженныя посылки, казацкое войско рѣдѣло. Тогда Разинъ рѣшилъ вернуться въ отечество, не зная, однако, пропустятъ его или нѣтъ на тихій Донъ.

Возвращеніе на Донъ.

На 36 судахъ съ 4000 стрѣльцовъ поджидалъ астраханскій воевода Прозоровскій возвращенія „добычниковъ“. Въ устьѣ Волги онъ загородилъ имъ дорогу. Казаки отступили. Прозоровскій былъ склоненъ къ примиренію. Онъ заранѣе выправилъ такую милостивую грамоту отъ имени царя, которая давала прощеніе казакамъ, если они принесутъ повинную. „Нѣсколько причинъ, говоритъ Костомаровъ, разомъ располагало воеводъ къ такому великодушію: во-первыхъ, походъ Стеньки произвелъ сочувствіе на Дону, слишкомъ суровое обращеніе могло раздражить донцовъ; во-вторыхъ, астраханскіе воеводы не могли положиться на свои силы, переходъ на сторону воровскихъ казаковъ стрѣльцовъ и чернаго люда заставлялъ побаиваться, чтобъ и въ Астрахани не повторилось то же въ большемъ размѣрѣ; въ-третьихъ, походъ Стеньки приносилъ пользу воеводамъ, воеводы знали, что порядочная часть добычи перейдетъ имъ на поминки. Что же касается до разоренія персидскихъ береговъ, то вѣдь и русскіе терпѣли тоже отъ своевольства персидскихъ подданныхъ, казацкій походъ былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, возмездіемъ“. Казаки пошли на мировую. 25 августа 1663 г. Разинъ со своими товарищами торжественно подписали мирный трактатъ. Они принесли повинную, обѣщали отдать пушки, забранныя на Волгѣ и Яикѣ, отпустить присоединившихся къ нимъ стрѣльцовъ, отдать морскіе струги, въ замѣнъ чего имъ было гарантировано спокойное возвращеніе на Донъ съ остатками добычи. 10 дней пировалъ Разинъ съ воеводами въ Астрахани, 4 сентября, не выдавъ всѣхъ струговъ и пушекъ, онъ отплылъ на Донъ.

По пути онъ безчинствовалъ въ Царицынѣ, гдѣ отодралъ мѣстнаго воеводу Унковскаго.

На Дону Разинъ построилъ себѣ городъ Кагальникъ и произвелъ нѣчто въ родѣ дѣлежа казацкой земли: въ Черкасскѣ старой казацкой арміей продолжалъ командовать Корнило Яковлевъ, Кагальникъ былъ резиденціей новаго донскаго диктатора,—„побѣдителя Персіи“. Далеко вокругъ разнеслась слава о Степанѣ Тимофеевичѣ, и сюда на Донъ со всѣхъ сторонъ посыпала къ нему голытьба. Когда онъ пришелъ изъ Царицына, у него было 1500 чел., черезъ мѣсяцъ въ его войскѣ насчитывалось уже 2700 чел. На Дону Разинъ воздерживался отъ всякаго грабежа. „Онъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлилъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣться, искали у него пріюта и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ его силу, въ его счастье... Стенька будто жилъ для другихъ, а не для себя“ (Костомаровъ). Такъ составилъ онъ партію, которая могла бы стать въ уровень съ противной партіей К. Яковлева. Стенька что-то замышлялъ, обдумывалъ „и приказывалъ своимъ казакамъ безпрестанно, чтобы они были готовы“, но къ чему—никто не зналъ. Весной 1670 г. Разинъ разсѣялъ всѣ недоразумѣнія. Онъ явился со своей шайкой въ Черкасскъ въ ту самую минуту, когда Яковлевъ думалъ торжественно проводить явившагося съ милостивой царской грамотой посла Евдокимова. Онъ грубо разспросилъ посла, объявилъ его шпіономъ, посланнымъ боярами, и велѣлъ бросить въ воду. Такъ произошелъ новый разрывъ Разина съ Москвой. Съ этой поры Яковлевъ только по имени оставался атаманомъ. Толпа переходила къ Разину, онъ замѣнилъ собой Яковлева, создалъ нѣчто въ родѣ диктатуры и занялся учрежденіемъ новыхъ порядковъ, нападая особенно на духовенство, въ кото-

Диктатура Разина на Дону и подготовка возстанія.

ромъ онъ видѣлъ тайныхъ агентовъ правительства, препятствуя возобновленію храмовъ и намѣчая очень любопытную попытку секуляризаціи. „На что церкви? Къ чему попы?—говорилъ Стенька.—Вѣнчать, что ли? Да не все ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вокругъ него—вотъ и повѣнчались“! Вмѣстѣ съ тѣмъ, оказавшись во главѣ приблизительно 7000 ч., Разинъ рѣшилъ, что настало время объявить созрѣвшій въ его умѣ дальнѣйшій планъ: онъ объявилъ походъ противъ бояръ и созывалъ съ собой молодцовъ на Волгу къ Царицыну, оттуда онъ думалъ подняться вверхъ по рѣкѣ, захватить города по ея теченію, перебить воеводъ, поднять сосѣднее населеніе и идти на Москву, чтобы положить тамъ конецъ управленію бояръ, враговъ народа и царя,—таковъ былъ новый грандіозный планъ Разина, который онъ открылъ своимъ товарищамъ. Зародился ли этотъ планъ лишь въ Кагальникѣ, или онъ давно, какъ думаетъ Костомаровъ, созрѣлъ въ головѣ атамана, и все предшествующее—грабежъ Волги и персидскихъ береговъ—было лишь подготовкой къ этому предпріятію, такъ какъ Разину нужны были деньги и слава въ отечествѣ,—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, его первый набѣгъ на Волгу былъ походомъ „за зипунами“, тогда онъ пріобрѣлъ любовь къ себѣ всѣхъ меньшихъ людей; теперь же онъ затѣвалъ анти-правительственное и анти-общественное движеніе, выводя его за предѣлы казацкаго предпріятія и включая въ него всѣ общественные низы.

Возстаніе. Ходъ операцій. Симбирское пораженіе и казнь Разина.

Начало предпріятія (1670 г.) было удачно. Разинъ взялъ Царицынъ, затѣмъ Камышинъ; астраханскій воевода Львовъ выслалъ противъ него стрѣлецкое войско, но оно, подъ вліяніемъ агентовъ Разина, передалось атаману и встрѣтило его кликомъ—„Здравствуй, нашъ батюшка, смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ“.—Тогда очередь настала за Астраханью. Настроеніе въ Астра-

хани было неспокойное и непадежное. Молодшіе люди, чернь, бѣдняки, стрѣльцы явно норовили Стенькѣ. Съ ихъ помощью Разинъ взялъ городъ, произвелъ судъ надъ людьми, избивая воеводъ, приказныхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, сжегъ всѣ дѣла, хранившіяся въ приказной палатѣ, подѣлилъ имущество убитыхъ между казаками, приставшими къ нимъ стрѣльцами и городской бѣднотой, ограбилъ церковныя сокровища и иностранные торговые дворы и ввелъ въ Астрахани, какъ и въ Царицынѣ и въ Камышинѣ, казацкое устройство: жители получили числовое дѣленіе, общее казакамъ, на тысячи, сотни и десятки, должны были управляться кругомъ съ выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятскими. Стенька загостился и загулялъ въ Астрахани; это было крупной тактической ошибкой и дало возможность Москвѣ собраться съ силами. Очнувшись отъ „астраханскаго безумія“, въ іюлѣ 1670 г. Разинъ, оставивъ въ Астрахани въ качествѣ замѣстителя Ваську Уса, принялся за прерванное дѣло. Но было уже поздно. Правда, обладая десятитысячнымъ войскомъ и при общей шатости волжскаго населенія, Разину удалось склонить на свою сторону Саратовъ, взять Самару, но подъ Симбирскомъ атаманъ потерпѣлъ пораженіе отъ кн. Юрія Барятинскаго съ его новыми солдатскими полками иноземнаго строя. Симбирская битва была ва-банкомъ „воровского атамана“. Пошли неудачи, обаяніе личности Разина исчезло. Его дѣло рушилось, мятежъ не пошелъ далѣе. Самъ онъ бѣжалъ, напрасно искалъ убѣжища въ Самарѣ, Саратовѣ. Такъ онъ достигъ Дона. Но тамъ къ этому времени одержалъ верхъ К. Яковлевъ, подкрѣпленный къ тому же 1000 присланныхъ изъ Москвы рейтаръ и драгунъ. Стенька съ братомъ Фролкомъ попали, повидимому, въ засаду и были выданы Москвѣ, гдѣ 6 іюня 1671 г. на Лобномъ мѣстѣ закатилась навсегда звѣзда Разина. Его четвертовали.

Кульминаціонный пунктъ возстанія.

Но до симбирскаго пораженія былъ моментъ, когда дѣло Разина приняло угрожающіе размѣры. Это было послѣ первоначальнаго отступленія Барятинскаго. Тогда подъ вліяніемъ „прелестныхъ писемъ“, во множествѣ разсылаемыхъ стенькой, запылало заревомъ мятежа все громадное пространство между Окой и Волгой на югъ до саратовскихъ степей, а на востокъ до Рязани и Воронежа. Возмутители бродили партіями и поднимали народъ. Какъ одинъ человѣкъ, возстали крестьяне помѣщичьи, вотчинные, монастырскіе, дворцовые, тяглые; они умерщвляли своихъ господъ, приказчиковъ и начальныхъ людей, называли себя казаками и, составляя шайки, шли дѣлать то же у сосѣдей. Инородческое населеніе—мордва, чуваши, черемисы, поднялось на сѣверѣ отъ Симбирска. Въ мятежѣ приняли участіе калмыки, башкиры и небольшими партіями татары. Они собирались въ шайки подъ начальствомъ русскихъ и дѣйствовали рука объ руку съ ними. Въ городахъ „приставальщиками“ къ „воровскому“ движенію оказывались меньшіе люди, общественные низы. Съ ихъ помощью сдавались города; не было пощады воеводамъ и приказнымъ; гибель постигала тѣхъ, кто не шелъ съ бунтовщиками. Разинское настроеніе было въ этотъ моментъ неотразимо, оно сплотило воровскихъ казаковъ, городскіе низы и сельчанъ; этнографически оно охватило русскихъ и инородцевъ. Оно всецѣло захватило даже иныхъ церковно-священно-служителей; такъ, напр., попъ Савва да 18 крестьянъ изъ разныхъ селъ, приставъ къ казакамъ, бились со служилыми государевыми людьми, „бунты многіе заводили, домы грабили и многимъ женскому полу чинили наруганіе, а иныхъ запытали до смерти“. Имя батюшки Степана Тимоѳеевича неслось все далѣе и далѣе, возжигая отвагу и дерзость. Алатырскій, Саранскій и др. уѣзды были разорены, у Нижняго центромъ движенія стало с. Лысково, отсюда былъ осажденъ и взятъ Макарьев-

Общественные элементы, принимавшіе участіе въ движеніи Разина.

Районъ, захваченный этимъ движеніемъ, и подавленіе возстанія.

скій монастырь, на Окѣ первой взбунтовалась вотчина кн. Одоевскаго, пристали къ движенію Арзамасъ, Пенза, Тамбовъ, возстаніе перекидывалось въ районъ Слободскихъ полковъ, а на сѣверѣ волновался Галицкій уѣздъ. Волненіе достигло Соловецкой обители, гдѣ собралось къ тому времени скопище раскольниковъ, возбужденныхъ толками Лазаря и Аввакума. Казаки Разина проникли сюда, отстранили иноковъ отъ дѣлъ, избрали начальниками свою братію—Ѳаддейку Кожевника да Ивашку Сараданова и не только учили не повиноваться церкви, но и не считать царя государемъ. Хуже всего, что уже и въ самой Москвѣ поговаривали, что Стенька вовсе не воръ, и что, когда онъ придетъ къ Москвѣ, то народъ долженъ встрѣтить его съ почестями, хлѣбомъ-солью. Послѣ пораженія подъ Симбирскомъ началось подавленіе возстанія. Оно шло быстро, такъ какъ сказывалось отсутствіе твердой организаціи и дисциплины у возставшихъ Особенно упорное сопротивленіе оказалъ Арзамаскій уѣздъ. Расправа была безпощадна; вѣшали, жгли, сажали на колъ, ссылали. Въ продолженіе 3 мѣсяцевъ въ Арзамасѣ, если только вѣрить современникамъ, казнили 11,000 чел. „Какое у васъ было намѣреніе?“—спрашивали на пыткѣ вожаковъ,—и всѣ въ одинъ голосъ говорили: „хотѣли мы Москву взять, и васъ всѣхъ, бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, перебить на смерть“.

Цѣли движенія.

Итакъ, одной изъ цѣлей разинскаго движенія было „вывести воеводъ на Руси и бояръ на Москвѣ“, или, по выраженію другого прелестнаго письма, всѣхъ „мірскихъ кровопивцевъ“, т. е. представителей правящаго и состоятельнаго классовъ. Такимъ образомъ, движеніе носило соціальную окраску. Это было въ полномъ смыслѣ всероссійское поголовное истребленіе воеводъ, помѣщиковъ и богатыхъ купцовъ. Но кромѣ этой отрицательной тенденціи изучаемаго движенія, въ немъ была и положительная сторона.

Новый соціально-экономическій распорядокъ, выдвигаемый Разинымъ.

Разинъ не только разрушалъ старый порядокъ, но и вводилъ новый. Раздѣлъ имущества высшихъ классовъ между неимущими, обездоленными и введеніе казацкаго устройства съ обращеніемъ всего народа въ вольныхъ казаковъ, т. е. всеобщая воля, казацкое устройство и управленіе, имущественное равенство,— вотъ главнѣйшіе устои разинской программы. Эта программа совпадала съ понятіями и вкусами низшихъ классовъ, вызывала народную симпатію главнымъ образомъ потому, что несла съ собою волю: освобожденіе городскихъ черныхъ людей отъ тяжелыхъ финансовыхъ повинностей, отъ произвола приказно-воеводскаго управленія, отъ притѣсненія богачами-купцами; освобожденіе боярскихъ людей и крестьянъ отъ холопской и крѣпостной зависимости, освобожденіе всѣхъ, подпавшихъ подъ тотъ или другой гнетъ въ боярско-владѣльческомъ царствѣ (Θирсовъ). Такъ, Разинъ былъ выразителемъ оппозиціоннаго настроенія массъ, его идеалъ совпадалъ съ идеаломъ этихъ массъ, отсюда размѣръ и успѣхъ разиновщины.

Политическая программа Разина и его отношеніе къ царю и патріарху.

Не такъ отчетлива была политическая программа Разина, его отношеніе къ царю и высшей церковной власти. Разинъ говорилъ, что онъ не хочетъ быть царемъ, а стремится только къ добру и пользѣ для всего народа. Но отстраняя отъ себя шапку Мономаха, Разинъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какъ онъ поступитъ съ царемъ на Москвѣ. Вѣроятно, онъ предоставлялъ это рѣшить будущему. А пока, самъ довольно безразличный къ царской власти, говорившій про царя такія рѣчи, „что и помыслить страшно“, хвалившійся, что онъ сожжетъ „на верху у государя“ всѣ дѣла, Разинъ искусно пользовался уваженіемъ народа къ царской особѣ. Онъ распространялъ слухи, что бьется за государя противъ измѣнниковъ-бояръ; потомъ, когда были двинуты противъ него царскія войска, онъ изготовилъ два судна: одно было покрыто краснымъ, другое черпымъ бархатомъ. О первомъ стенькины пре-

лестники распространяли слухъ, будто въ немъ находится сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, умершій въ томъ году. Царевичъ, говорилъ Разинъ, бѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и теперь онъ идетъ возводить его на престолъ. Самъ индифферентистъ въ вопросахъ вѣры, Разинъ учитывалъ религіозное настроеніе народа, потому онъ связывалъ свое дѣло съ дѣломъ Никона. Въ другомъ суднѣ, какъ говорили его прелестники, находился низверженный царемъ патріархъ Никонъ. Но это не мѣшало агентамъ Стеньки въ другихъ случаяхъ проповѣдывать *полное* уничтоженіе властей; въ одномъ мѣстѣ они ополчали православныхъ за гонимаго патріарха, въ другомъ подущали старообрядцевъ враждой противъ нововведеній, за которыя обвиняли тогда патріарха. Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрагивалъ въ тактическихъ соображеніяхъ Разинъ. Одно было ясно, что новый порядокъ онъ думаетъ вводить помимо царя, силами возставшихъ.

Причины неудачи разинскаго движенія и его вліяніе на народную психологію

Однако эта программа, образовать вмѣсто Московскаго государства гигантское казацкое общество, гигантскій казацкій кругъ съ его уравнительной тенденціей—стояла въ противорѣчіи съ буржуазными инстинктами всѣхъ мало-мальски обезпеченныхъ общественныхъ элементовъ государства, не согласовалась даже съ фактическимъ состояніемъ домовитаго казачества; потому движеніе Разина въ обществѣ, построенномъ на соціальномъ неравенствѣ, заранѣе было обречено на неудачу. Это во-первыхъ, во-вторыхъ, въ казацкомъ устройствѣ Разина, въ этой идеѣ раздѣла богатствъ и круга не было созидательныхъ движущихъ началъ,—стихіи вѣчевой вольницы были давнымъ давно угасшей стариной, а новаго устройства казаки не могли придумать. Въ-третьихъ, въ самомъ движеніи отрицательныя тенденціи его превалировали надъ положительными. Потому эпоха С. Разина, кровавая, громкая‘ блестящая, приведшая въ ужасъ и ожиданіе—по сло-

вамъ современника—не только Московское государство, но и всю Западную Европу, „пронеслась безплодно, какъ метеоръ, многообѣщавшій, но не выполнившій этихъ обѣщаній“. Но въ душѣ народа она оставила неизгладимый слѣдъ несбывшихся надеждъ и не поддающихся рѣшенію вопросовъ жизни. Народъ мучился, болѣлъ Степаномъ Тимофеевичемъ. „Стенька, говорилъ Костомарову царицынскій старожилъ, это мука мірская! Это кара Божія! Онъ придетъ, непремѣнно придетъ, и станетъ по рукамъ разбирать... Ему нельзя не придти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Не дай, Господи, всякому крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!“.

Е. Сташевскій.

Образованность въ Московской Руси *).

Сравнительно съ образованностью періода древняго, до татарскаго нашествія **), русская образованность средняго періода во многомъ и значительно отличается отъ древне-русской, по основному характеру своему вполнѣ „византійской“. Она постепенно подчиняется новымъ вліяніямъ—южно-славянскому, греческому и западно-

*) Литература: *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры. Часть 2-я, 3-е изд. СПБ. 1902; *І. Первольфъ.* Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до начала XVIII вѣка. Варшава. 1874; *А. Соболевскій.* Славяно-русская палеографія. Съ 20 палеографическими таблицами. Изд. 2-е. СПБ. 1908; *В. Савва.* Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе царской власти московскихъ государей. Харьковъ. 1901; *Н. Кантеревъ.* Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. М. 1885; *П. Николаевскій.* Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII вѣка. СПБ. 1882; *A. Brückner.* Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. Gotha. 1888. (Ср. рец. К. Бестужева-Рюмина „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1888, VII, отд. II, 411—423); *Н. Петровъ.* О вліяніи западноевропейской литературы на древне-русскую. „Труды Кіевск. Духовн. Акад.“, 1872, IV, VI и VII; *А. Веселовскій.* Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Изд. 3-е. М. 1906 (глава I, Ср. рец. А. Соболевскаго на первое изданіе въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1883, VII. Отд. II, 138—143); *В. Ключевскій.* Западное вліяніе въ Россіи XVII в. Историко-психологическій очеркъ. „Вопросы философіи и психологіи“; 1897. кн. 36, 38 и 39; *А. Пыпинъ.* Древнее просвѣщеніе. „Вѣстникъ Европы“, 1894. II; *А. Соболевскій.* Образованность Московской Руси XV—XVII вв. СПБ. 1892; *К. Заусцинскій.* Макарій митрополитъ всея Россіи. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1881, X и XI; *С. Бѣлокуровъ.* О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1898; *С. Соловьевъ.* Русскіе исповѣдники просвѣщенія въ XVII вѣкѣ. „Русскій Вѣстникъ“ 1857, т. XI; *Св. Николаевскій.* Русская проповѣдь въ XV и XVI вв. „Журн. Мин. Нар Просв.“, 1868, II и IV; *Н. Лавров-*

**) См. статью проф. В. Н. Перетца въ I томѣ, стр. 451—479.

европейскому; къ нимъ присоединяется самобытная струя русской наблюдательности и ученой пытливости. И вполнѣ естественно, она является закономѣрнымъ преддверіемъ къ образованности эпохи Петра Великаго, породнившей русскихъ съ Европой. Поэтому, изучая культуру петровскаго времени, изслѣдователи сплошь да рядомъ находятъ элементы „новаго“, въ томъ „старомъ“, которое служитъ содержаніемъ отчасти и настоящаго очерка.

Прежде всего остановимся на каждомъ изъ перечисленныхъ вліяній въ отдѣльности.

Южно-славянское вліяніе.

Если слѣдовать порядку хронологическому, то на первомъ мѣстѣ въ русской образованности средняго періода будетъ новая волна вліянія южно-славянскаго.

скій. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ, 1854; *Ѳ. Леонтовичъ* Школьный вопросъ въ древней Россіи. „Варш. Унив. Изв.“, 1894, V; архим. *Сергій*. Греческія школы (преимущественно средне-вѣковыя) и наши братскія и церковно-приходскія. „Христ. Чтеніе“, 1881, I; *И. Забѣлинъ*. Характеръ начальнаго образованія въ до-петровское время. Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи. Т. I. М. 1872; *Мирковичъ*. О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1876, VII; *П. Знаменскій*. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань, 1881; *Н. Грунскій*. Образованіе и воспитаніе въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ. „Русская Школа“. 1907, кн III; *Н. Лавровскій*. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. „Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей“. 1861, т. III; *Н. Смирновъ*. Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“. 1898, I—II; *И. Каптеревъ*. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ XVII в. до открытія славяно-греко-латинской академіи. „Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ“. 1889, кн. VI; *М. Сменцовскій*. Братья Лихуды. СПБ., 1899; *Д. Цвѣтковъ*. Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ. „Православное Обозрѣніе“. 1890, кн. IV; *Д. Мордовцевъ*. О русскихъ школьныхъ книгахъ въ XVII столѣтіи. М., 1862; *Д. Цвѣтковъ*. Букварная система обученія въ исходѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII. „Семья и Школа“. 1872, IV; *А. Петровъ*. Азбуковникъ о нерадиво-учащихся ученицѣхъ. „Народное Образованіе“. 1899, XI; *И. Образцовъ*. Кіевскіе ученые въ Великороссіи. „Эпоха“. 1865, кн. I; *С. Любимовъ*. Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія въ Великороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1875, VIII и IX;

Оно отразилось не только въ составѣ литературныхъ произведеній, появившихся въ русской письменности съ начала XV вѣка, не только въ болѣе изящныхъ и художественныхъ, иногда искусственныхъ, какъ дань подражанія болгарскихъ и сербскихъ писателей византійцамъ въ ихъ литературныхъ пріемахъ, но даже въ правописаніи рукописей, въ письмѣ, въ формѣ буквъ и надстрочныхъ знакахъ, въ матеріалѣ для письма, украшеніяхъ рукописей, т. е. въ области узко-палеографической. Это вліяніе носитъ вполнѣ закономѣрный характеръ и является какъ бы продолженіемъ болгарскаго и сербскаго вліяній въ древнемъ періодѣ русской образованности, но за это время въ исторіи славянской образованности на Балканахъ произошли крупныя перемѣны.

В. Эйнгорнъ. Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII вѣка. М., 1894; *С. Бѣлокуровъ.* Арсеній Сухановъ. М., 1894; *И. Шляпкинъ.* Димитрій Ростовскій. СПБ., 1891; *С. Смирновъ.* Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи. М., 1855; *А. Пыпинъ* Древній періодъ русской литературы и образованности. „Вѣстникъ Европы", 1875, X—XII; 1876, VI и XI; *А. Архангельскій.* Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ конца XV—XVII вв. „Учен. Зап. Каз. универс." 1889, IV. VII (Ср. „Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ" 1899, III, 1040—1147); *И. Порфирьевъ.* Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена. „Православный Собесѣдникъ". 1860, кн. I; *П. Милюковъ.* Главныя теченія русской исторической мысли. М. 1897; *А. Шахматовъ.* Пахомій Логоѳетъ и Хронографъ. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1899, I; *А. Прѣсняковъ.* Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. СПБ. 1893; *его же.* Московская историческая энциклопедія XVI в. „Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ". 1900; *А. Соболевскій.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Библіографическіе матеріалы. СПБ., 1903; *A. Brückner.* O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku. Львовъ и Варшава, 1906, *Безобразова.* О великой наукѣ Раймунда Люллія въ русскихъ рукописяхъ XVII в. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1896, II; *В. Бобынинъ.* Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. I—II. М. 1886 и 1893; *Я. Чистовичъ.* Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. СПБ., 1883; *Л. Зизевъ.* Русскіе Врачебники. СПБ., 1896; *А. Кирпичъ.* Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей. Казань, 1878; Кромѣ того, изданія и изслѣдованія перечисленныхъ въ очеркѣ памятниковъ письменности.

Въ половинѣ XIV вѣка въ восточной Болгаріи происходитъ соціально-религіозное и культурное движеніе, вызванное, съ одной стороны, серьезной опасностью турецкихъ завоеваній, съ другой—борьбой болгарской аристократіи и демократіи. Среди болгарской демократіи возникаетъ соціально-религіозное движеніе, нѣсколько напоминающее древнее богомильство, и отчасти тѣ „ереси“, которыя въ сѣверо-западной Руси были извѣстны подъ именемъ „стригольничества“ и „жидовствующихъ“. Болгарскіе реформаторы отрицали государственность и оффиціальную церковь, и на защиту того и другого выступаютъ болгарскій царь Іоаннъ-Александръ (1331—1365), тырновскій патріархъ Ѳеодосій, позднѣе—тырновскій патріархъ Евѳимій. Въ столицѣ Болгаріи, созывается соборъ противъ „еретиковъ“, регулируются отношенія къ вселенской патріархіи; въ столицу переносятся изъ провинціальныхъ городовъ мощи святыхъ, которые признаются патронами болгарскаго царства и церкви, выразителями болгарской національности; основываются монастыри и школы. Наконецъ, дѣлаются новые переводы съ греческаго, старыя церковныя книги исправляются, составляются новыя произведенія въ честь болгарскихъ святыхъ по всѣмъ правиламъ греческой церковной поэтики, вводится однообразіе въ правописаніи рукописей и т. д. Нѣчто подобное было и въ Сербіи того же времени и въ началѣ XV вѣка. Всѣ эти культурныя мѣры направлены въ защиту оффиціальной церкви; въ результатѣ, на смѣну старымъ славянскимъ рукописямъ, съ ошибками, на Балканскомъ полуостровѣ появляются прекрасно исправленныя книги „тырновской“ и „ресавской“ редакціи.

А съ паденіемъ Болгаріи и Сербіи культурная работа переносится въ монастыри Аѳона, въ свободныя господарства Валахію и Молдавію, а отчасти отсюда, отчасти чрезъ Аѳонъ и Константинополь переходитъ и на Русь. На Русь привозятся исправленныя болгар-

скія и сербскія книги, новыя оригинальныя и переводныя литературныя произведенія переписываются русскими книжниками, новое правописаніе приспособляется къ русскому книжному языку, украшенія рукописей (миніатюры, заставки, концовки, большія начальныя буквы, вязь) перерисовываются русскими художниками, и т. д. Словомъ, по содержанію, языку и внѣшнимъ чертамъ русская книга—этотъ лучшій и наиболѣе характерный показатель образованности извѣстной эпохи—въ XV—XVII вѣкахъ пріобрѣтаетъ такія особенности во всѣхъ отношеніяхъ, что отличить ее отъ книги предшествующаго періода нетрудно. Поэтому древнія русскія книги теперь мало читаются. Становятся непонятными и прежніе переводы и замѣняются новыми.

А на ряду съ книжнымъ вліяніемъ южно-славянскихъ земель, идутъ и живыя сношенія. Одинъ за другимъ приходятъ на Русь образованные болгары и сербы. Одни изъ нихъ занимаютъ здѣсь церковно-административныя должности, напр., митр. Кипріанъ Цамблакъ въ Москвѣ, митр. Григорій Цамблакъ въ юго-западной Руси; другіе приглашаются для литературныхъ работъ, напр., сербъ Пахомій Логоѳетъ въ XV вѣкѣ, Аникита Левъ Филологъ въ XVI и др. Они привозятъ съ собой книги, вводятъ однообразіе въ правописаніи, составляютъ новыя литературныя произведенія, передѣлываютъ житія русскихъ святыхъ согласно требованіямъ новаго византійско-славянскаго торжественнаго стиля, составляютъ историческія сказанія съ цѣлью возвысить Москву, какъ единственную представительницу чистоты православія, быть можетъ, вводятъ въ богослуженіе новые распѣвы („сербскіе“, на самомъ дѣлѣ болгарскіе). Къ ихъ работѣ присоединяются русскіе книжные люди, бывавшіе въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, и привозятъ переписанныя ими ново-исправленныя книги.

Значительное количественно, новое южно-славянское вліяніе было небогато качественно, а главное, яв-

ляясь продолженіемъ культурныхъ сношеній древняго періода, оно не принесло чего-нибудь абсолютно новаго. Здѣсь мы находимъ произведенія византійскихъ церковныхъ писателей, особенно аскетическихъ, много житій святыхъ, сочиненія, направленныя противъ латинянъ, книги по церковному праву, краткія византійскія хроники, апокрифы и т. д. Поэтому, если русскіе и могли по этимъ новымъ для нихъ книгамъ познакомиться съ естественной исторіей по „Шестедневу“ Севериана Гевальскаго или съ грамматикой по статьѣ Іоанна Дамаскина „О осьми частяхъ слова“, то все вносило мало новаго въ кругъ русской образованности сравнительно съ тѣмъ, что было у нихъ раньше.

Греческое вліяніе.

Второй факторъ въ русской образованности допетровской эпохи—вліяніе греческое XIV—XVII вѣковъ. И оно было невелико, особенно, если сравнить его съ вліяніемъ Византіи на образованность древняго періода на Руси. Попрежнему читались и переписывались произведенія византійскихъ писателей, попрежнему они считались авторитетными и образцовыми, на нихъ ссылались, имъ подражали. Церковныя власти попрежнему руководились греческими каноническими кодексами, Кормчими, куда помѣщались и свѣтскіе („градскіе“) законы византійскихъ императоровъ, а въ началѣ XVI вѣка они приравнивались къ „пророческимъ, апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ“. Когда при великомъ князѣ Іоаннѣ III шелъ вопросъ о собственности и владѣніи церковныхъ учрежденій, духовенство опиралось на византійскіе законы, въ томъ числѣ и на постановленія „благочестивыхъ царей константиноградскихъ“. Законы императора Юстиніана находимъ въ приложеніи къ „Судебнику“ Іоанна Грознаго. Составители „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича не разъ ссылаются на „градскіе законы греческихъ царей“, и т. д.

Живыя сношенія поддерживались отчасти новыми семейными узами: въ 1414 году, дочь великаго князя

Василія Дмитріевича Анна вышла замужъ за сына императора Эмануила, а племянница послѣдняго византійскаго императора Константина XI, Софія Палеологъ, вышла замужъ за великаго князя Іоанна Васильевича. Греки постоянно пріѣзжали на Русь, занимали высшія церковно-административныя должности, напр., митр. Фотій, митр. Исидоръ въ XV вѣкѣ, или игумены монастырей. Пріѣзжали они сами, для собиранія милостыни, или приглашались правительствомъ для присутствованія на извѣстныхъ церковныхъ соборахъ въ XVII вѣкѣ, въ роли учителей „греческаго ученія“, правительственныхъ переводчиковъ (Максимъ Грекъ и др.). И несмотря на то, что среди нихъ были безусловно высокообразованные люди,—новое вліяніе греческой образованности не могло быть сильно: она сама была незначительна, питалась старымъ запасомъ, и ничего выдающагося въ ней не появлялось. Литература заключалась въ переводахъ на разговорный греческій языкъ (языкъ „общій“, или „простой“) съ классическаго, книжнаго („эллинскаго“), въ переработкѣ историческихъ и богословскихъ произведеній лучшаго періода, или же въ такихъ произведеніяхъ, которыя имѣли въ виду тонкіе религіозно-философскіе вопросы, для русскихъ читателей мало доступные. Насколько велика была разница между древнимъ и „простымъ“ греческимъ языкомъ, видно хотя бы изъ словъ Максима Грека. „Эллинскій языкъ, сирѣчь греческій,—говоритъ онъ,—зѣло есть хитрѣйшій; не всякъ сице удобь можетъ постигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей, и той аще будетъ грекъ родомъ и умомъ остръ, еще же и охочъ: а точію не таковъ,—учится убо отчасти, а въ совершеніе его не дошелъ“. Кромѣ того, и въ русскомъ обществѣ, даже среди спеціалистовъ-книжниковъ, понизилось знакомство съ греческимъ языкомъ, и приходилось выписывать знающихъ людей, если необходимо было сдѣлать новый переводъ. Такъ,

великій князь Василій Іоанновичъ въ 1515 году долженъ былъ посылать на Аѳонъ за „переводчикомъ книжнымъ“, за человѣкомъ, знающимъ греческій языкъ, для перевода Толкованій Псалтыри, которая была въ его библіотекѣ. А нѣсколько греко-русскихъ словарей XIV—XV вѣковъ оказываются большею частью копіями съ южно-славянскихъ оригиналовъ. Только съ половины XVII вѣка, когда на время усилилось греческое вліяніе, когда въ Москвѣ жило много грековъ-учителей, справщиковъ, оффиціальныхъ переводчиковъ посольскаго приказа и вообще людей книжныхъ,—знаніе этого языка снова повысилось среди русскихъ, но все-таки въ единичныхъ случаяхъ. Ихъ число немного увеличивается тѣми русскими, которые ходили въ Палестину, въ Константинополь, на Аѳонъ и Синай, ходили туда какъ паломники, посланники къ патріархамъ, сами отправлялись для того, чтобы изучать монашескій бытъ (напр. Нилъ Сорскій), или спеціально ѣздили за рукописями, напр., Арсеній Сухановъ).

Въ результатѣ этого новаго вліянія у насъ появляется рядъ переводовъ съ греческаго, сдѣланныхъ въ XV—XVII вѣкахъ, большею частью на малопонятномъ русскомъ языкѣ: или вслѣдствіе желанія переводчиковъ ближе держаться оригиналовъ, или же потому, что греки-переводчики плохо знали книжный русскій языкъ. Объ одномъ изъ такихъ переводовъ, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1665 году, сохранился такой отзывъ: книга „преведена необыкновенною славянщизною, паче же рещи эллинизмомъ, и затѣмъ (—потому) о ней мнози недоумѣваютъ и отбѣгаютъ“. Изъ переводовъ этихъ отмѣтимъ Евангеліе, нѣсколько богослужебныхъ книгъ, въ числѣ ихъ литургіо ап. Іакова (католическую), „Синтагму“ (каноническаго содержанія) Матѳея Властаря, „Маргаритъ“ Іоанна Златоустаго, „Паренесисъ“ Ефрема Сирина, творенія отцовъ церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Діонисія Ареопагита, Симеона Метафраста, Григорія Синаита, нѣсколько житій

святыхъ, сказаніе объ аѳонскихъ монастыряхъ, описаніе Іерусалима, полемическія сочиненія противъ латинянъ и кальвинистовъ, сборникъ разсказовъ о чудесахъ Богоматери „Грѣшныхъ спасеніе“, „О папской власти“, „Хронографъ“ Дороѳея (до паденія Царьграда), „Физіологъ“ Дамаскина Студита, риторику, метафизику и и космографію, руководство къ иконописи, басни Эзопа и очень незначительныя произведенія современныхъ итало-греческихъ богослововъ. Не имѣли особаго значенія и такія книги, какъ переведенный Николаемъ Спаѳаріемъ съ греческой пергаменной („харатейной“) книги „Хрисмологіонъ“—историческое толкованіе пророческихъ сновъ Навуходоносора, „таже о четырехъ монархіяхъ вселенныя, и о ложномъ пророцѣ Махметѣ и о царствіи его, потомъ—предреченіе Льва царя Премудраго и иныхъ: о плѣненіи Царьграда и о туркахъ, и что имать быти въ грядущее время“. Изъ русскихъ произведеній, появившихся подъ живымъ впечатлѣніемъ византійскихъ событій, можно указать развѣ на повѣсть паденія Царьграда въ 1453 году, невѣрно приписываемую въ рукописяхъ турецкому солдату Нестору Искандеру. Интереснѣе всего, въ повѣсти этой находимъ предсказаніе о томъ, что русскій народъ побѣдитъ турокъ и завладѣетъ Седмихолмнымъ городомъ.

Мѣстные центры русской образованности.

Предсказаніе повѣсти о Царьградѣ сразу же обращаетъ интересъ изслѣдователя къ тѣмъ факторамъ въ дѣлѣ образованности XIV—XVII вѣковъ, которые относятся къ числу мѣстныхъ, спеціально русскихъ, доморощенныхъ. Это—тѣ „мѣстные“ центры образованности, которыхъ не знала древняя Русь. Они возникли въ результатѣ удѣльнаго, феодальнаго порядка Окско-Волжской Руси и носили такой же „мѣстный“ характеръ, какъ и раньше Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ или Псковъ. Теперь нельзя уже говорить объ общерусской культурѣ, литературѣ, искусствѣ и т. д. Можно говорить о владимирской, тверской, муромо-рязанской, ростово-суздальской и московской культурахъ. Сравни-

тельно съ образованностью древняго періода,—образованность періода средняго не отличалась чѣмъ-нибудь абсолютно новымъ, неизвѣстнымъ хотя бы въ зародышѣ и раньше. Вызванная русской дѣйствительностью, а не внѣшними вліяніями, она является продолженіемъ и развитіемъ образованности древне-русской.

Новгородско-Псковская образованность.

Изъ перечисленныхъ выше центровъ образованности, ограничимся характеристикой хотя бы новгородско-псковской области, тѣмъ болѣе, что по интенсивности и богатству культурнаго творчества она стояла выше остальныхъ до возвышенія Москвы, когда Москва становится фактическимъ центромъ всей сѣверно-русской образованности. То, что образованность въ Новгородѣ и Псковѣ стояла выше, чѣмъ въ другихъ сѣверно-русскихъ областяхъ, объясняется не столько близкимъ сосѣдствомъ съ западомъ и правильными торговыми сношеніями, сколько политическими и соціальными причинами—борьбой аристократической и демократической партій и болѣе тяжелыми условіями борьбы за существованіе, въ томъ числѣ и политическаго (войны съ Ливоніей и Литвой). Поэтому среди новгородской и псковской аристократіи и духовенства замѣчается значительный подъемъ и общаго уровня образованности, и отдѣльныхъ личностей. И особенно ярко выступаетъ она на сцену, когда въ XIV вѣкѣ среди псковской демократіи начинается соціально-культурное движеніе на религіозной почвѣ, „стригольничество“, а въ слѣдующемъ столѣтіи — очень похожее движеніе среди новгородской демократіи — ересь „жидовствующихъ“. Подавленіе „жидовствующихъ“ репрессивными мѣрами, вполнѣ естественно, для церковной власти не казалось концомъ борьбы. Надо было и православнымъ обладать тѣми же культурными средствами, которыя были въ рукахъ „еретиковъ“. И митрополитъ новгородскій Геннадій (1485—1504) заводитъ школы, поднимаетъ умственный уровень духовенства, заказываетъ первый у насъ полный переводъ Библіи, причемъ нѣ-

которыя библейскія книги переведены съ латинскаго (по „Вульгатѣ“) или съ еврейскаго.

А съ возвышеніемъ Москвы, когда опасность со стороны ея великихъ князей замѣтно стала угрожать вольнымъ областямъ, усиливается литературная дѣятельность иного характера. Появляются историческія сказанія съ цѣлью указать преимущества Новгорода и Пскова предъ иными областями, припомнить блестящіе моменты изъ прошлаго, подчеркнуть все, чего не было въ Москвѣ того времени. Владыка новгородскій Евѳимій (1430—1458 г.г.) дѣятельно собираетъ свѣдѣнія о прославившихся мѣстныхъ князьяхъ и владыкахъ, открываетъ ихъ мощи, заказываетъ ихъ житія и сказанія о чудотворныхъ иконахъ, возстанавливаетъ забытые церковные обряды, связанные съ славными страницами былого. Его дѣятельность продолжаетъ митрополитъ Іона (1458—1471 г.г.), по заказу котораго Пахомій Логоѳетъ перерабатываетъ нѣкоторыя житія и придаетъ имъ высокохудожественную литературную форму. Появляется вновь или пріобрѣтаютъ новый смыслъ такія произведенія, какъ „Сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы“ въ битвѣ новгородцевъ съ суздальцами, сказанія о владыкѣ новгородскомъ Моисеѣ, поразившемъ сумашествіемъ назначеннаго изъ Москвы митрополита Сергія за то, что Сергій „вознесся умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде“, и отнесся пренебрежительно къ мощамъ Моисея. Въ такомъ же родѣ—сказаніе о Варлаамѣ Хутынскомъ, защищавшемъ городъ отъ всякихъ бѣдствій, пророчество и видѣніе игумена Соловецкаго монастыря Зосимы и др. Появляется рядъ сказаній, написанныхъ съ цѣлью показать, что Новгородъ является идейнымъ преемникомъ перваго и второго Рима, заподозрѣнныхъ въ чистотѣ православія. Это — дополненія къ „Сказанію о бѣломъ клобукѣ“, который, по приказанію святыхъ, константинопольскимъ патріархомъ присланъ новгородскому владыкѣ Василію; сказаніе о Тихвинской иконѣ Богоматери, по воздуху явившейся

на Ладожское озеро изъ Царьграда „гордости ради и братоненавидѣнія“ грековъ; Житіе Антонія Римлянина, приплывшаго на камнѣ по морю изъ Рима въ Новгородскую область. Ту же тенденцію замѣчаемъ и въ литературныхъ произведеніяхъ, появившихся въ Псковской области. Псковскій соборъ построенъ по приказанію св. Ольги, видѣвшей три солнечныхъ луча надъ берегомъ р. Псковы при впаденіи ея въ Великую; псковскій князь Всеволодъ Мстиславичъ отличался благочестіемъ, ему помогалъ Богъ въ битвахъ съ врагами, такъ что „языци (—народы) латинстіи вси бояхуся имени его святаго и не смѣяху приходити на градъ Псковъ“; другой псковскій князь, Довмонтъ, одерживалъ побѣды надъ нѣмцами и литовцами силой Божеской помощи и мѣстныхъ святыхъ.

Закрѣпленіе „старины“ въ московской образованности.

Нѣчто подобное было во всѣхъ почти сѣверно-русскихъ областяхъ изучаемаго періода образованности. Собранная Москва получила изъ присоединенныхъ областей, конечно, и памятники мѣстной письменности, и ея собственная письменность также была не бѣдна въ половинѣ XVI вѣка. Тотъ инстинктъ національнаго самосохраненія, въ силу котораго „послѣдняя Русь“, доживавшая остатки дней своихъ еще во времена протопопа Аввакума, сторонилась всякихъ нововведеній, въ нихъ видѣла посягательство на православіе и добрые нравы, идеалъ находила въ старинѣ, правда, „поисшатавшейся“, по все-таки единственно спасительной,— этотъ инстинктъ заставлялъ книжныхъ людей собирать и систематизовать всѣ завѣты „порядливаго житія“, которыми крѣпокъ и устойчивъ былъ бытовой укладъ въ старину, и письменные памятники этой старины. Появляются „Домострой“ и Великія Минеи-Четьи митр. Макарія, какъ осязательное завершеніе древне-русской культуры.

Въ двѣнадцати огромныхъ томахъ большого формата митр. Макарій собираетъ почти всѣ произведенія древней письменности, существовавшія въ русскихъ

и южно-славянскихъ переводахъ—„всѣ святыя книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются“. Здѣсь нашли себѣ мѣсто Житія святыхъ восточныхъ, болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые недавно были канонизованы на московскомъ соборѣ. Далѣе слѣдуютъ Поученія и Слова византійскихъ, южно-славянскихъ и русскихъ проповѣдниковъ, историческія Сказанія и Повѣсти, библейскія и каноническія книги, Хожденія, Пчела, Патерикъ, посланія князей и архіереевъ русскихъ и т. д. Словомъ, всѣ „четьи“ произведенія, т. е. предназначенныя для чтенія и образованія, собраны были вмѣстѣ и размѣщены въ порядкѣ древне-церковнаго календаря, начиная съ 1 сентября. Начатый въ Новгородѣ, весь колоссальный трудъ собиранія, исправленія и систематизаціи, для чего Макарій „не щадилъ серебра и многихъ почестей“, былъ переработанъ въ 1552 году въ Москвѣ. Одинъ экземпляръ поднесенъ царю, другой положенъ въ Успенскомъ Соборѣ, какъ своего рода православно-московская энциклопедія, охранявшая „прежніе законы“ и способная противостоять „шатанію“ спасительной старины.

Западное вліяніе.

И ни одинъ изъ трехъ предыдущихъ факторовъ не имѣлъ такого значенія для русской образованности, какъ вліяніе западное—широкое и могучее, разностороннее и глубокое, прочное и неистребимое. Начало его почти хронологически совпадаетъ съ политическимъ концомъ Византіи и, естественно, вытѣсняетъ остатки древняго и поздняго византійскаго вліянія.

Русская и западная культура.

Останавливаясь на общей картинѣ того впечатлѣнія, какое производила на русскаго человѣка западно-европейская культура при первой встрѣчѣ съ нею, того ощущенія, какое выносило оно, впервые знакомясь съ Западомъ и входя въ непосредственное соприкосновеніе съ его особеннымъ міромъ, не надо забывать, что у русскаго человѣка въ это время была своя культура—столь же древняя (конечно, если считать ее продолженіемъ восточной византійской), правда, не

столь же глубокая, но во всякомъ случаѣ столь же своеобразная и цѣльная, какъ и культура западная. Политическія идеи и соціальные порядки, научныя знанія и укладъ жизни, наконецъ, самая психика всего міросозерцанія западнаго и русскаго человѣка къ этому времени настолько скристаллизовались въ совершенно опредѣленные и по характеру своему совершенно различные міры, что вполнѣ понятно, почему сразу же на сцену выступаютъ острые вопросы о пользѣ и вредѣ, о необходимости и опасности заимствованій у запада—у запада католическаго, „басурманскаго". Единство вѣры и обряда съ Византіей и южными славянами совершенно устраняли вопросъ о возможномъ вредѣ всякаго рода заимствованій въ періодъ предыдущій. Необходимо принять во вниманіе еще непоколебимую убѣжденность русскихъ людей стараго времени въ чистотѣ и высотѣ всей своей культуры, извѣстнаго рода обольщенность единственной „правильностью" своей вѣры, идущей изъ колыбели истиннаго христіанства—древней, еще не разложившейся подъ западнымъ вліяніемъ Византіи. Убѣжденность эта въ высшей степени характерна для русскаго человѣка и особенно для москвича XV—XVI вѣковъ. Православная Москва—третій Римъ, преемница благочестивой Византіи и хранительница истиннаго христіанства—слишкомъ грандіозная и, по понятію русскихъ, всеобъемлющая идея, и потому она вмѣщала въ себѣ не только политическую и религіозную, но и всю культурную сторону.

Мысль о превосходствѣ Москвы надъ Западомъ.

И если сильно былъ заподозрѣнъ въ чистотѣ и правотѣ второй Римъ (Византія), то о чистотѣ и правотѣ Рима перваго, соединеннаго съ представленіемъ или объ язычествѣ, или о „лжемудрствующемъ" католичествѣ, не могло быть и рѣчи. Огромныя, въ сознаніи русскихъ людей, права православной Москвы вызывали въ нихъ сознаніе такой же отвѣтственности, говорили объ обязанности хранить лучшія традиціи добраго прошлаго, хранить все драгоцѣнное достояніе второго, къ

Страхъ предъ западной образованностью.

половинѣ XV вѣка уже павшаго и „заражепнаго“ Рима, о необходимости всячески остерегаться участи его. И все, что соединялось съ представленіемъ о латинствѣ, естественно, считалось нечистымъ, богомерзкимъ, опаснымъ.

Готовая почва для этого опасенія нашлась. Она выражалась не столько въ психической разницѣ между двумя этими мірами, западно-европейскимъ и русскимъ, сколько въ такомъ же отрицательномъ отношеніи самой Византіи къ латинству, точнѣе—въ массѣ полемическихъ сочиненій, переведенныхъ давно, переводившихся вновь и вызвавшихъ немало русскихъ подражаній и переработокъ, гдѣ все латинское выставлялось въ свѣтѣ одного „еретичества“. Согласно подобнымъ сочиненіямъ, православный долженъ избѣгать всякаго общенія съ „помраченными и злосмрадными“ латинянами, даже не ѣсть и не пить съ ними изъ одной посуды. А если и случится это по „нуждѣ“, и православному придется накормить странника-латинянина, то разрѣшается дать имъ „отъ избытковъ нашихъ пити и ясти, но не въ сосудѣ нашемъ, а въ сосудахъ ихъ“. Если же у нихъ не окажется своей посуды, и придется накормить ихъ изъ посуды православныхъ, то надъ этой „осквернепной“ посудой нужно совершить молитву и очистить ее. Сплошь да рядомъ повторялись клеветы на римскую церковь, будто священники имѣютъ до семи женъ, „освящаютъ псовъ и кропятъ ихъ водой освященной и службу творятъ съ ними въ церквахъ ихъ“, „написавъ на землѣ крестъ, лежа цѣлуютъ его, и затѣмъ, вставъ, попираютъ его ногами своими“, ѣдятъ удавленину и всякую нечисть, и т. д. О римскомъ папѣ русскіе могли составить по такимъ сочиненіямъ самое ужасное представленіе, и даже въ началѣ XVII вѣка Авраамій Палицынъ называлъ папу „дядей Антихристовымъ“. Не менѣе опасными нѣсколько позднѣе казались „ереси“ Лютера и

Отношеніе къ латинству.

Кальвина, противъ которыхъ сочинялись подобныя же клеветы.

При этомъ русскіе плохо разбирались въ томъ, что̀ именно было дѣйствительно „латинскимъ“ въ извѣстномъ западномъ обычаѣ, и иногда въ простыхъ, только необъяснимыхъ „хитростяхъ“ видѣли опасное, напр. знакомый Олеарія испугался камеръ—обскуры. Византійская образованность пустила настолько прочные корни и такъ успѣла національзоваться у насъ, что представленіе о вселенной, по „Христіанской космографіи“ Козьмы Индикоплова*), оставалась въ силѣ. Въ 1626 году московскіе грамотники не безъ самодовольства укоряли Лаврентія Зиранія, получившаго образованіе въ юго-западной Руси, человѣка, по тогдашнимъ временамъ, почти ученаго: „а развѣ это правда, говоришь, облака, надувшись, сходятся и ударяются, и отътого бываетъ громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза? Огонь и звѣзды, что̀ по тверди небесной, называешь животными и звѣрями (—очевидно, знаки зодіака)“! Зизаній спрашиваетъ: „да какъ же по вашему, писать о звѣздахъ?“ „Мы пишемъ и вѣруемъ, — отвѣчаютъ московскіе начетчики, — намъ Моисей написалъ: и сотвори Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и постави ихъ на тверди небесной свѣтити по земли, и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и нощію. А животными и звѣрями ихъ не называлъ Моисей“. А когда Зизаній спросилъ какъ же свѣтила движутся, они отвѣтили: „по повелѣнію Божію, ангелы служатъ, тварь водя“. Не нужно удивляться особенно и тому, что даже ученые люди, при томъ въ болѣе позднее время (Стефанъ Яворскій), смѣялись надъ системой Коперника.

Западные техники въ Москвѣ.

Если въ періодъ дотатарскій у насъ были сношенія съ западомъ (брачныя связи съ Франціей, итальянскіе архитекторы во Владимирѣ и иныхъ городахъ, нѣмецкіе техники въ Новгородѣ), то въ началѣ слѣду-

*) См. I томъ, стр. 471—472.

ющей эпохи связи съ западомъ прекратились. Литва и литовская Русь, соединившіяся съ Польшей, съ католической Польшей, еще больше разъединяли оба міра. Кромѣ того, сохранились свѣдѣнія о томъ, что польскіе короли иногда не пропускали иностранцевъ въ Москву, боялись, чтобы московскій царь не сталъ, при помощи иностранныхъ техниковъ, еще болѣе опаснымъ врагомъ. „До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ“,—писалъ Сигизмундъ-Августъ англійской королевѣ объ Иванѣ Грозномъ. Выходило, что и на дорогѣ русскихъ къ необходимой въ извѣстныхъ случаяхъ западной образованности стояли тѣ же „латинники“.

По характерному выраженію дьяка Ивана Тимоѳеева, еще въ началѣ XVII вѣка замѣчалось колебаніе. „У насъ другъ къ другу не было дружескаго довѣрія,— говоритъ онъ. — Каждый спиной къ другому поворачивался: одни на востокъ смотрятъ, другіе на западъ“. И все-таки, боясь перваго Рима, не довѣряя второму, Москва не могла долго находиться на распутьи. Нужды практическаго, житейскаго характера — техническія знанія, политическія сношенія—обратили взоры русскаго правительства и общества къ западу.

Перемѣны въ военной техникѣ.

Прежде всего, тамъ увидѣли они превосходство въ техникѣ военнаго дѣла, „нововымышленныя непріятельскія хитрости“. И въ цѣляхъ государственной обороны, въ цѣляхъ дойти въ своихъ владѣніяхъ до моря, правительство совершенствуетъ ратное искусство, выписываетъ инструкторовъ, особенно тѣхъ, кто могъ научить русскихъ „огненному бою“. Въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка существовали уже особые полки изъ нѣмцевъ, и ихъ, какъ протестантовъ, предпочитали „французанамъ и инымъ, которые римской вѣры“. Позднѣе переводятся книги по военной техникѣ, изъ которыхъ важны слѣдующія: „Воинская книга“ („Kriegesbuch“) въ 1607 году переведена съ франкфуртскаго

изданія 1596 года; „Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ“ представляетъ выборки изъ разныхъ нѣмецкихъ книгъ, сдѣланныя въ 1620 году. Затѣмъ на русскомъ языкѣ появляется „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“ Вальгаузена („Kriegeskunst zu Fuss“), „Художества огненная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ приличныя“ Лангрини, „О предуготовленіи вещей, къ войнѣ надобныхъ“, „Вины благополучія на брани“ (т. е. Причины успѣха на войнѣ), „О вопросахъ и отвѣтахъ, вѣдѣнію воинскому благопотребныхъ“, „Уставы воинскіе въ Галанской земли“, „О случаяхъ военныхъ“ Фронтина и др. Въ 1647 году появляется печатная „Книга о ратномъ строеніи“, съ иллюстраціями и съ нѣмецкой военной терминологіей, вошедшей въ русскій языкъ.

Затѣмъ уже слѣдуютъ правительственныя мѣры улучшенія народно-хозяйственнаго производства, выгоды матеріальныя, удобства житейскія и, наконецъ, средства для образованія безъ утилитарныхъ цѣлей.

Приглашеніе западныхъ ученыхъ.

Правительство приглашаетъ изъ-за границы на царскую службу всякаго рода „хитрецовъ“: врачей, аптекарей, зодчихъ, суконныхъ мастеровъ, пушкарей, „рудознатцевъ“, часовщиковъ, литейщиковъ, астрологовъ, садоводовъ, музыкантовъ и вообще мастеровыхъ людей. Объ узкой спеціализаціи не можетъ быть и рѣчи. Въ приглашеніи извѣстному Адаму Олеарію на русскую службу говорится отъ лица царя слѣдующее: „Вѣдомо намъ учинилось, что гораздно наученъ и навыченъ въ астрономіи и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ,—а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ“ (1639 г.). Люди, руководившіе тогдашней политикой, и купечество дѣлаютъ уступку за уступкой. Даже Кремль, съ его соборами, на святость котораго, казалось, не могли посягнуть иноземный глазъ или рука, застраивается итальянскими зодчими.

Кромѣ спеціальныхъ посольствъ за границу съ цѣлью вывезти въ Россію „хитрецовъ“, правительство пользуется плѣнными, и къ 1556 году относится грамота Іоанна Грознаго къ новгородцамъ, „чтобы боярскія дѣти и всякіе люди нѣмецкихъ плѣнниковъ, нѣмцамъ и въ Литву не продавали, а продавали бы ихъ въ московскіе города“, съ обѣщаніемъ награды по 50 р. тѣмъ, кто исполнитъ указъ, и съ угрозой тюремнаго наказанія ослушникамъ. „Если случится у кого-нибудь изъ дѣтей боярскихъ и всякихъ людей нѣмецъ плѣнный, умѣющій дѣлать руду серебряную и серебряное, золотое, мѣдное, оловяное и всякое дѣло, то велѣли бы такихъ плѣнныхъ везти къ намъ, въ Москву“.

Затѣмъ, московское купечество находитъ необходимымъ поощрять иноземныхъ людей, путемъ выгодныхъ концессій, къ устройству въ Россіи промышленныхъ заведеній, такъ какъ, во-первыхъ, привлеченіе иноземныхъ капиталовъ и руководителей дастъ заработокъ русскимъ рабочимъ; во-вторыхъ, и русскіе, подражая промыслу и мастерству иноземцевъ, пользуясь техническимъ искусствомъ и орудіями производства, сами станутъ устраивать заводы,—и такимъ образомъ это вызоветъ своихъ предпринимателей. Приливъ иностранцевъ усиливается, и на Яузѣ въ началѣ XVI вѣка возникаетъ Нѣмецкая Слобода—уже нешуточное „окно въ Европу“. На ряду съ этимъ, еще при Іоаннѣ Грозномъ посылаютъ молодыхъ людей въ чужія страны „для науки разныхъ языковъ и грамотамъ“, впрочемъ, иногда съ предупрежденіемъ—своей вѣры не измѣнять и иноземныхъ обычаевъ не перенимать. Оппозиція въ лицѣ духовенства и консервативно настроенныхъ бояръ не упускаетъ случая чинить препятствія. И когда Борисъ Годуновъ задумалъ основать хорошо организованныя школы съ преподаваніемъ нѣсколькихъ языковъ и учителями-иностранцами, нѣчто въ родѣ университетовъ, то духовенство воспротивилось, находя, что крѣпость земли русской—въ единствѣ вѣры, нравовъ

и языка, а съ введеніемъ иныхъ языковъ и подъ вліяніемъ иновѣрныхъ учителей непремѣнно пойдетъ смута. И какъ бы подтвержденіе своимъ опасеніямъ оно могло найти въ переводныхъ „Космографіяхъ“ того времени, гдѣ говорилось, напримѣръ, что въ землѣ Гишпанской „вѣры ова папежская, ина же люторская, благочестіе же изсякло, человѣци же мудры и дохтуроваты дѣломъ и звѣздочетіемъ“; что неладно обстоитъ и во Франціи, гдѣ отъ прежняго благочестія и вѣры христіанской люди „заблудилися въ вѣру злую латинскую и люторскую“.

Переводы съ западныхъ языковъ.

Переводы XVI и XVII в.в. съ латинскаго и съ западныхъ языковъ носили утилитарный характеръ, какъ и позднѣе, въ петровскую эпоху. Не беллетристическія или строго-научныя произведенія были у насъ первыми по времени, а имѣвшія прикладное значеніе документы, относящіеся къ Флорентійскому собору и переведенные сейчасъ же послѣ ихъ полученія, т. е. около 1439 года. На первомъ мѣстѣ въ дѣлѣ переводовъ стоитъ Новгородъ, гдѣ, по распоряженію архіепископа Геннадія, толмачъ (—переводчикъ) Димитрій Герасимовъ работаетъ сначала надъ вывезенной изъ Рима пасхаліей, такъ какъ греческія и русскія пасхаліи не шли дальше 1492 года (7-й тысячи отъ сотворенія міра), и на Руси думали, что въ этомъ году настанетъ свѣтопреставленіе. Затѣмъ онъ переводитъ изъ нѣмецкой Библіи тѣ книги, какихъ не нашлось на церковно-славянскомъ языкѣ. Далѣе въ разгаръ борьбы съ „жидовствующими“ появляется его переводъ сочиненій, направленныхъ противъ евреевъ. Другой переводчикъ, хорватъ Веніаминъ, знавшій на родинѣ глаголицу, по порученію архіеп. Геннадія переводитъ съ латинскаго нѣсколько ветхозавѣтныхъ книгъ. Были и другіе переводчики въ Новгородѣ, но въ началѣ XVI вѣка переводы дѣлаются уже въ Москвѣ, лицами, приглашенными спеціально для этого правительствомъ. Изъ такихъ людей мы знаемъ аѳонскаго монаха грека Максима и ливонскаго пастора

нѣмца Веттермана. А позднѣе „приказные“ переводчики, служащіе Посольскаго приказа, работали надъ тѣми книгами, которыя выбирались правительствомъ, большей частью съ латинскаго (—языка науки на западѣ), затѣмъ съ польскаго и нѣмецкаго, рѣже съ голландскаго. По всей вѣроятности, такія книги указывались заѣзжими иностранцами, иногда дѣйствительно представляли новость и въ западной наукѣ, но нерѣдко давно уже потеряли на западѣ цѣну, приходя такимъ образомъ на Русь съ большимъ опаздываніемъ. Интересно, между прочимъ, что оригиналы для переводовъ въ большинствѣ случаевъ были или голландскія изданія, хотя авторы этихъ книгъ были греки, нѣмцы, поляки, французы, англичане, испанцы, итальянцы, или же изданія польскія.

Перемѣны въ книжномъ дѣлѣ.

Коснулись новшества и внѣшней стороны русскихъ книгъ. Вмѣсто византійскаго, южно-славянскаго и древне-русскаго орнамента появляются заставки и инициалы въ стилѣ Возрожденія или Бароко. Миніатюры въ краскахъ вытѣсняются гравюрами на деревѣ и металлахъ. И общая картина книжнаго дѣла производитъ такое впечатлѣніе, что вся основа грандіозной реформы, связанной съ именемъ Петра Великаго, относится цѣликомъ къ XVII вѣку.

Перемѣны въ частной жизни.

Отъ первыхъ русскихъ піонеровъ въ дѣлѣ знакомства съ образованностью европейской не ускользнули, конечно, и удобства частнаго быта, и вслѣдъ за заимствованіями первой необходимости появляются тѣ нововведенія въ повседневномъ обиходѣ, которыя всегда служатъ яркими показателями внѣшней культуры. Богатые люди строятъ каменные дома, уставляютъ ихъ мебелью западнаго образца, часами, картинами, обиваютъ стѣны тисненными кожаными обоями, устраиваютъ домашніе оркестры изъ музыкантовъ-нѣмцевъ, выписываютъ для нихъ духовые „строменты“, „органы“ и „фіоли“, заводятъ лакеевъ въ ливреяхъ, охотно обращаются къ иноземнымъ врачамъ, приглашаютъ ино-

странцевъ-воспитателей къ дѣтямъ. Нѣкоторые и сами одѣваются въ платье нѣмецкаго покроя, нѣкоторые бреютъ бороду, нарушая этимъ „христіанолюбный обычай“. Наконецъ, при дворѣ и съ одобренія патріарха забавляются тѣми самыми театральными представленіями, которыя незадолго еще признавались, если не вполнѣ „бѣсовскими“, то во всякомъ случаѣ „эллинскими“, т. е. язычниками. Голосъ извѣстнаго А. Ордина-Нащекина, что нововведенія нужно дѣлать „съ примѣра сторонніхъ чужихъ земель“, и что „доброму нестыдно навыкать и со стороны“,—былъ не одинокій. Словомъ, подъ вліяніемъ запада, въ отдѣльныхъ семьяхъ значительно мѣняется весь укладъ частной жизни.

Западные „Домострои“ въ Москвѣ.

За любопытствомъ не замедлила проявиться любознательность, пытливость въ области знаній уже неприкладныхъ, жажда чисто-научныхъ и иныхъ свѣдѣній безъ утилитарныхъ цѣлей. Мѣсто „Домостроя“ могла замѣнить переведенная въ 1671 году стольникомъ Богдановымъ съ польскаго изданія 1603 года „Экономика“ Петриція. Она переведена яснымъ и простымъ книжнымъ языкомъ и носитъ пространное заглавіе, отчасти объясняющее содержаніе: „Экономики Аристетолесовой, сирѣчь Домостроенія, съ приданіемъ (прибавленіемъ) книги двои, въ которыхъ учится всякъ домостроитель, како имать управляти жену, чадъ, рабовъ и имѣнія“. Нововведенія коснулись даже стола, въ которомъ западныя блюда стали нерѣдкостью „фряжскія“ и иныя вина необходимостью и признакомъ хорошаго тона. А практическій отдѣлъ „Домостроя“, съ его рецептами и хозяйственными совѣтами, теперь замѣнился „Поваренной книгой“ Станислава Чернецкаго, съ „образцами, како строить потравы (—блюда) мясныя разными прибавками“, и переведенное, повидимому, съ польскаго большое по размѣрамъ сочиненіе о земледѣліи, скотоводствѣ, разведеніи птицъ, рыбъ, воспитаніи дѣтей, лѣченіи животныхъ и т. д., озаглавленное „Сокровище извѣстныхъ тайнъ экономіи земской“.

Появилось обширное сочиненіе по сельскому хозяйству съ разнаго рода „регулами“ о пшеницѣ, о ржи, „о аржаномъ хлѣбѣ“, „о пивахъ, съ разнаго хлѣба дѣлаемыхъ“, „о разсмотрѣніи древесъ плодородныхъ“ и „другихъ примѣненіяхъ экономическихъ, огородныхъ и полевыхъ“,—также съ польскаго.

А наряду съ непосредственными сношеніями съ западомъ, европейская образованность широкимъ потокомъ идетъ въ Московскую Русь изъ Руси юго-западной, значительно раньше и въ силу необходимости перенимавшей плоды „зарубежной“ культуры. Вполнѣ естественно, она не встрѣчала здѣсь сильныхъ препятствій и опасеній, хотя временами они и бывали.

Система, какъ основа западной культуры.

Юго-западное культурное вліяніе на образованность московскую имѣло громадное значеніе прежде всего потому, что это была первая у насъ послѣдовательная и стройная *система* въ образованности, обязанная западно-европейской схоластикѣ. Съ переходомъ западно-русской схоластики на сѣверо-востокъ, въ значительной степени прекращается тотъ характеръ „начетчества“, которымъ отличалась въ сущности вся древне-русская образованность. Поэтому приблизительно съ половины XVII вѣка впервые можно говорить не только о средствахъ для образованія, т. е. не только о книгахъ, сообщавшихъ знанія въ научной или доступной формѣ, а можно говорить уже о школѣ, объ опредѣленномъ кругѣ знаній, обязательныхъ для тѣхъ, кто проходитъ школу.

Средствами для образованія каждый въ Московской Руси могъ пользоваться главнымъ образомъ по своей иниціативѣ, въ силу простой любознательности, или же въ силу необходимости, при томъ—сообразно съ личными способностями, каждый могъ самостоятельно перерабатывать и укладывать въ памяти добытыя знанія въ извѣстномъ порядкѣ и т. д. Схоластика совершенно измѣнила всю картину. На схоластику смотрятъ обыкновенно отрицательно, видятъ въ ней отвле-

Характеръ схоластики.

ченность, сухость, догматичность всякихъ свѣдѣній, въ корнѣ своемъ убивающихъ свободное изслѣдованіе. Такая точка зрѣнія ошибочна, прежде всего, какъ не историческая. Если всякія знанія требуютъ системы, то вполнѣ естественно, что и научныя знанія въ средніе вѣка должны были подчиниться какой-нибудь готовой системѣ. А такъ какъ христіанство было не только стройной религіей, но и объясняло, освящало и поглощало собой всякія знанія, то священное писаніе, даже помимо догмы о божественномъ своемъ происхожденіи и истинности, благодаря всей стройности, широтѣ захватываемыхъ вопросовъ и единству идеи, такъ естественно могло быть схемой для распредѣленія всякихъ знаній, въ томъ числѣ и нерелигіознаго характера. Когда познакомились съ сочиненіями Аристотеля, поразившими ученыхъ и теперь еще цѣнными именно стройностью своего міровоззрѣнія,—такъ же естественно было подчинить новыя знанія системѣ и опредѣленіямъ Аристотеля. Такимъ образомъ, не божественность св. писанія, не подлежащаго критикѣ изслѣдованія, и не авторитетъ Аристотеля, могли играть здѣсь первую и главную роль, а готовыя системы у того и другого. Въ согласованіи св. писанія и Аристотеля, надъ чѣмъ такъ много трудились средневѣковые ученые, и состояла, по мнѣнію представителей схоластики, гармонія между истинностью знаній и убѣдительностью ихъ для человѣческаго разума.

Первыя училища по западному образцу.

Кіево-Могилянская коллегія, первое у насъ высшее учебное заведеніе съ латинскимъ языкомъ въ преподаваніи и въ школьномъ обиходѣ, съ огромной, разносторонней (конечно, въ области гуманитарно-богословскихъ наукъ, какъ и въ западно-европейскихъ католическихъ академіяхъ), съ стройной системой и точной программой,—явилась такой новостью, что вполнѣ понятно, оказалась настоятельная потребность основать учебное заведеніе по ея образцу и въ Москвѣ. Это было сдѣлано въ 1687 году: сначала эллино-греческое учи-

лище, затѣмъ славяно-латинская академія. Теперь русскіе люди могли знакомиться съ серьезнымъ курсомъ гуманитарныхъ наукъ, какія были приняты на западѣ, дисциплинировались въ области новыхъ и старыхъ знаній, развивали въ себѣ критическую мысль. У нихъ подъ руками были всѣ почти выдающіяся сочиненія западно-европейскихъ ученыхъ, богослововъ, церковныхъ ораторовъ, полемистовъ и т. д., приходившихъ къ намъ, правда, съ значительнымъ опозданіемъ.

Новизна всего, полученнаго въ Московской Руси отъ Руси юго-западной въ области культуры, и особенно та система, о которой говорилось выше, на первыхъ порахъ должны были поразить москвичей, поколебать довѣріе къ своему, окрѣпшему и разросшемуся въ теченіе многихъ вѣковъ. Поэтому не обошлось безъ тѣхъ подозрѣній въ неправославіи, съ которыми Москва встрѣчала почти все новое, изъ чужихъ земель. Близость западно-русскаго книжнаго языка къ польскому, новое содержаніе сочиненій, неизвѣстные раньше авторитеты, латинскія слова, католическіе термины, западные элементы въ гравюрахъ и украшеніяхъ печатныхъ западнорусскихъ книгъ—все это вызывало опасенія, тѣмъ болѣе, что одно уже близкое сосѣдство западно-русскихъ земель съ католическими (польскими), не говоря уже объ уніи и уніатахъ, заставляло московскихъ грамотниковъ смотрѣть на нихъ съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. Изъ крупныхъ фактовъ этого рода бросается въ глаза участь „Зерцала Богословія“ Кирилла Транквиліана Ставревецкаго (издано въ 1618 г.). Привезенная въ Москву въ 1627 году книга подверглась запрещенію, какъ „папистическая“, и церковныя власти постановили ее „на пожарахъ сжечь, чтобы та ересь и смута въ мірѣ не была“. Комиссія, назначенная въ 1626 году патріархомъ для разсмотрѣнія „Катехизиса“ протоіерея Лаврентія Зизанія обратила вниманіе и на внѣшніе литературные пріемы, которыхъ не знали московскіе книжники. „Другую притчу ты сказалъ о

Новизна въ учебномъ дѣлѣ.

человѣкѣ: душа и плоть, какъ орелъ съ свиней, связаны,—говорили москвичи Зизанію.—Въ нашихъ обычаяхъ и въ греческихъ книгахъ такія бесѣды (—выраженія) о человѣкѣ не употребляются, а мнится намъ, тѣ простые прилоги (—примѣры) взяты изъ книгъ Эзопа, франкскаго (!) мудреца, баснослагателя". Затѣмъ они нашли у Зизанія свѣдѣнія о астрономіи, и замѣтили: „а та книга Острологія взята отъ волхвовъ эллинскихъ и отъ идолослужителей, потому книга эта къ нашему правовѣрію не сходна". Позднѣе, іеродіаконъ Дамаскинъ иронически обращался къ „латинщикамъ", т. е. кіевскимъ ученымъ, съ такимъ вопросомъ: „гдѣ вы взяли сей разумъ, еже токмо полатински поучатися вамъ *a, be, ce, de*, или мало вящше, и отъ таковыя науки возстаете, яко отъ превысокія нѣкоея, толь величавы, укорительны же и дерзки, яко всякій санъ и преимущество ни во чтоже вмѣняете и всѣхъ „неуками", „невѣждами" нарицаете"?

Вліяніе южной Руси.

Изъ юго-западной Руси вызываются въ Москву ученые люди для переводовъ и печатанія книгъ, справщиками въ типографіи, въ качествѣ учителей въ школахъ и въ семьяхъ, воспитателей царскихъ дѣтей, настоятелей монастырей. Кіевскіе ученые держатся въ Москвѣ тѣснымъ ученымъ кружкомъ; и къ ихъ голосамъ прислушиваются. Латинскій языкъ, который они преподавали, и на которомъ, по всей вѣроятности, говорили между собой, усиливаетъ подозрѣніе въ правовѣріи „иностранныхъ иноковъ", какъ ихъ называли здѣсь. И патріарха Никона обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что законоположенія этихъ иноземцевъ онъ хвалилъ и обычаи ихъ принималъ. „А мы прежде сего слыхали у тебя, что многажды ты говорилъ намъ: гречане, де, и малые россіяне потеряли вѣру, и крѣпости добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ". Тѣмъ не менѣе, борьба двухъ партій въ московской Руси западнической и національно-русской, со второй половины XVII вѣка, способствуетъ укрѣпленію образованности въ духѣ

западно-русской. Физіономія традиціонной московской образованности мѣняется навсегда, и возвратъ къ старинѣ былъ бы невозможнымъ даже въ томъ случаѣ, если бы сближеніе съ западомъ не входило въ программу реформъ Петра Великаго.

Таковы были главнѣйшіе факторы московской образованности XV—XVII вѣковъ. Теперь переходимъ къ обзору результатовъ этихъ вліяній и, прежде всего, коснемся вопроса о грамотности.

Вопросъ о грамотности въ старину.

Говоря о грамотности въ древней Руси, приблизительно до XIV вѣка, приходится ограничиваться однѣми догадками: не существуетъ никакихъ, не говоря уже о вполнѣ достовѣрныхъ и документальныхъ, никакихъ объективныхъ данныхъ для сужденія о степени грамотности населенія. Не въ лучшемъ положеніи будетъ изслѣдователь, если ограничитъ свою работу вопросомъ о грамотности извѣстныхъ сословій X—XIV в.в. Грамотность отдѣльныхъ лицъ въ рѣшеніи общаго вопроса, конечно, значенія не имѣетъ. Нѣсколько иное дѣло—слѣдующія три столѣтія, особенно два послѣднія, XVI-е и XVII-е, притомъ — въ рѣшеніи вопроса о грамотности Московской Руси. И единственно правильный пріемъ въ опредѣленіи степени грамотности, это—статистика „рукоприкладствъ“, т. е. подписей свидѣтелей на документахъ, челобитчиковъ, поручителей и т. д. Конечно, къ статистикѣ подписей слѣдуетъ относиться осторожно потому, что свидѣтелями во всякаго рода сдѣлкахъ большей частью приглашались люди грамотные, за то бывали и такіе случаи, что люди грамотные не подписывались по старости, вслѣдствіе плохого зрѣнія, а иные умѣли читать и не умѣли писать, просто разучились, и т. д.

Свидѣтельства о низкомъ уровнѣ грамотности.

Прежде всего—о грамотности среди духовенства. Ссылаясь на нѣсколько свидѣтельствъ старины, историки русской культуры обыкновенно дѣлаютъ выводъ чуть не о полной безграмотности сельскаго духовенства въ сѣверо-восточной Руси. На самомъ дѣлѣ это

невѣрно. Извѣстна жалоба новгородскаго архіеп. Геннадія на безграмотность кандидатовъ на должности священнослужителей въ концѣ XV вѣка. „Приведутъ ко мнѣ мужика, я велю ему Апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ,—говоритъ Геннадій.—Велю Псалтырь дать, и по тому еле бредетъ... Я велю хоть эктеніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое. Велишь начинать съ азбуки, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если отказаться посвящать, мнѣ же жалуются: такова земля, господине; не можетъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ". Еще болѣе энергичны жалобы—уже не отдѣльнаго лица и не въ опредѣленной области,—всего Стоглаваго Собора и о всей Московской Руси въ половинѣ XVI вѣка, на то, что будущіе священники и дьяконы „грамотѣ мало умѣютъ", что даже на вопросъ архіереямъ, почему они такъ слабы въ грамотѣ, обыкновенно дается такой отвѣтъ: „Мы, де, учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ (—учителей), а индѣ, де, намъ учиться негдѣ. Сколько отцы наши и мастера умѣютъ, столько и насъ учатъ". Въ такомъ же родѣ и третье свидѣтельство. Оно относится къ концу XVII вѣка и принадлежитъ крестьянину-соціологу Ивану Посошкову, который имѣетъ въ виду приходское духовенство. „И ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отличны: мужикъ за соху—и попъ за соху, мужикъ за косу—и попъ за косу; а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ".

Грамотность среди духовенства.

Документы говорятъ иное, и ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ документовъ (а отъ XVI и XVII в.в. ихъ дошли сотни тысячъ) не указываетъ на безграмотность священниковъ. Подписи священниковъ имѣются и на документахъ, написанныхъ въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ нашего сѣвера. Кромѣ того, большая часть подписей священниковъ сдѣлана опытной рукой, твердымъ и красивымъ почеркомъ: слѣдовательно, они

не разучивались писать, упражнялись въ писаніи, и такимъ образомъ, извѣстный приказъ правительства духовенству—расписываться за неграмотныхъ горожанъ и крестьянъ,—оказывается, имѣлъ фактическое основаніе.

Грамотность среди боярства и купечества.

Статистика подписей на документахъ, исходящихъ отъ бояръ и дѣтей боярскихъ, въ томъ числѣ и написанныхъ на сѣверѣ, на окраинахъ Московской Руси, даетъ отъ 50 до 80 процентовъ грамотныхъ. Между прочимъ, среди придворной знати конца XVI вѣка (грамота объ избраніи Бориса Годунова на царство) было грамотныхъ тоже около 80%. Еще выше—грамотность среди купечества. Здѣсь процентъ умѣвшихъ писать въ большинствѣ случаевъ выше 80-ти, и имѣются такіе случаи, когда изъ 168 человѣкъ торговыхъ людей, отъ лица которыхъ написана челобитная въ серединѣ XVII вѣка въ Москвѣ, подписалось 163 человѣка.

Грамотность среди другихъ сословій.

Меньше было грамотныхъ среди посадскихъ конца XVI и XVII вѣка: процентъ колеблется, доходитъ до 40, но средній уровень все-таки будетъ 20%. Наконецъ, нерѣдко были грамотные среди крестьянъ (иногда около 15%), стрѣльцовъ, пушкарей, холоповъ и т. д. Больше того: въ XVI—XVII вѣкахъ не бывало случаевъ, чтобы въ какомъ-нибудь населенномъ пунктѣ совсѣмъ не оказалось грамотныхъ. Простое умѣніе читать и писать никогда и никѣмъ не восхваляется; если и цѣнятся люди книжные, то всегда почти прибавляется, что они „грамоты гораздѣ“. Литературныя произведенія, написанныя простымъ языкомъ, не находятъ читателей и почитателей, и ихъ перерабатываютъ, украшаютъ всякаго рода „плетеніемъ словесъ“, т. е. требуется соблюденіе извѣстнаго литературнаго стиля, витіеватость.

Школы и учителя.

Свѣдѣній о школьномъ обученіи до XVII вѣка, точнѣе—о существованіи школы въ разныхъ населенныхъ пунктахъ и о прохожденіи ея разными лицами—сохранилось сравнительно много, но очень рѣдко эти свѣдѣнія даютъ надежный матеріалъ для сужденія о

школахъ того времени, какъ о правильно и постоянно функціонировавшихъ учрежденіяхъ съ опредѣленными курсами и программами, учебниками, пособіями и т. д. Можно говорить развѣ о томъ, что недостатка въ учителяхъ, „мастерахъ“ (преимущественно „мірскихъ“ дьячкахъ или же „мужикахъ“), притомъ доступныхъ для людей очень небогатыхъ,—не было даже въ глухихъ деревняхъ нашего сѣвера. Но, очевидно, чаще всего это были просто грамотные люди, которые свободное отъ другихъ занятій время посвящали обученію чужихъ дѣтей, сообщали ученикамъ все, что̀ знали сами, и за трудъ брали недорого. Поэтому „школой“ (старое названіе—„училище“; слово „школа“, появилось позднѣе, въ XVII вѣкѣ, уже подъ польскимъ или западно-русскимъ вліяніемъ) могло называться обыкновенное частное помѣщеніе, для педагогическихъ цѣлей не приспособленное, гдѣ жилъ „мастеръ“ и временно обучалъ грамотѣ, письму, счету и пѣнію. Объ одномъ изъ такихъ учителей говорится, что дѣло его „бѣше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости“. Такимъ образомъ, обученіе и школы носили совершенно частный характеръ, были школами грамотности, училищами низшими, и о школахъ правительственныхъ или общественныхъ до XVII вѣка—говорить нельзя. Въ заботахъ о подготовленіи кандидатовъ на духовныя должности,

Заботы правительства объ учрежденіи школъ.

Стоглавый Соборъ (1551 г.) предписываетъ церковнослужителямъ въ городахъ „у тѣхъ священниковъ и у діаконовъ и у діяковъ учинити въ домахъ училища“ и одновременно запрещаетъ школы монастырскія, такъ какъ присутствіе въ монастыряхъ мальчиковъ признавалось неудобнымъ для чистоты монашеской жизни (эти запрещенія находимъ, впрочемъ, и въ постановленіяхъ древнихъ соборовъ, и въ сочиненіяхъ аскетическихъ писателей Византіи). Далѣе, Стоглавъ приказываетъ гражданамъ отдавать „своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія налойнаго“, т. е. перечисляется все нужное для

исправленія обязанности дьячка или для благочестиваго мірянина, какимъ долженъ быть всякій по „Домострою“. Далѣе, идутъ самыя общія директивы, опять въ духѣ того же „Домостроя“: „и тѣ бы священники и діаконы и діяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ (—наставленіемъ), наипаче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ“ и т. д.

Школьныя книги.

Изъ школьныхъ руководствъ и пособій низшихъ училищъ многое дошло до нашего времени. Прежде всего здѣсь находимъ азбуки-прописи, съ буквами разной формы, съ образцами первоначальнаго чтенія по слогамъ, съ небольшими изреченіями и загадками для переписыванія и заучиванія наизусть. Азбуки-прописи писались на узкихъ полосахъ бумаги, какъ и документы, и свертывались въ трубку. Онѣ обыкновенно носили такое заглавіе: „Азбука скорописная ко обученію малолѣтнихъ дѣтей съ прописью, въ нейже изображены склады и прописи къ начинанію скорописи, цифирныя слова съ таблицей, и какимъ образомъ писать партикулярныя письма“, т. е. иногда прилагался „Письмовникъ“. Въ XVII вѣкѣ появляется печатная азбука, хотя продолжаютъ существовать и рукописныя прописи, съ очень красивыми вычурными буквами и раскрашенными иниціалами. Псалтырь и Часословъ—первыя и единственныя книги въ первоначальномъ обученіи. Обыкновенно обѣ книги выучивались наизусть. Ходъ ученія намѣченъ, между прочимъ, въ предисловіи къ печатной азбукѣ Василія Бурцева: „Русстіи сынове младые дѣти первіе (—сначала) починаютъ учитися по сей составнѣй словенстѣй азбуцѣ, по ряду, словамъ, и потомъ, узнавъ письмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу Азбуку, начинаютъ учити Часовникъ и Псалтирю и прочія книги“. Затѣмъ слѣдовали Апостолъ и Евангеліе. Курсъ былъ двухлѣтній.

Грамматики.

Въ XVII вѣкѣ существовало, кромѣ серьезныхъ грамматикъ и словарей, нѣсколько печатныхъ азбукъ и грамматикъ для школьнаго обихода. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ азбука Василія Бурцева: „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественная писанія“, изданная въ 1634 и 1637 годахъ, съ такимъ обращеніемъ къ читателю:

Сія зримая книжица,
По реченному „Алфавитница“,
Печатана бысть по царскому велѣнію
Вамъ, младымъ дѣтямъ, къ наученію.
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И отъ нижнія степени на вышнюю поступай,
И не лѣностнѣ и не радивѣ учися,
И дидаскала (—учителя) своего всегда блюдися.

За нею слѣдовала печатная же грамматика Мелетія Смотрицкаго „въ наученіе православнымъ, паче же дѣтемъ сущимъ“ (московское изданіе вышло въ 1648 г.), менѣе удачная и не получившая широкаго распространенія. Интересенъ букварь Каріона Истомина, напечатанный въ 1694 году и предназначавшійся для царевича Алексѣя, а также для „отроковъ и отроковицъ, мужей и женъ“, съ гравюрами, съ изображеніями разныхъ предметовъ на каждую букву.

Высшій курсъ грамматики проходился большею частію по „книгѣ философской“, какъ называлось сочиненіе „объ осьми частяхъ рѣчи“, невѣрно приписываемое Іоанну Дамаскину. Изучали ее „ученици новоначальніи“ сначала по азбукѣ, „зане (—потому что) основаніе есть первое и подошва хитрости грамматичной, а грамматика—основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ (—искусствамъ)“. По „Синопсису“ Иннокентія Гизеля проходили русскую исторію, катехизисъ—по перепечатанной въ Москвѣ южно-русской книгѣ „Собраніе науки объ артикулахъ вѣры“ (1649), географію—по многочисленнымъ „Космографіямъ“.

Другія руководства.

Устройство школъ.

О школьномъ бытѣ XV—XVII вѣковъ ничего почти неизвѣстно. Не сохранилось описанія школьныхъ зда-

ній, и только въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ имѣются свѣдѣнія о положеніи и размѣрахъ городскихъ школъ. Такъ, въ концѣ XVII в., въ Боровскѣ, „подлѣ торговой площади калужской дороги построена богадѣльня, а въ ней живутъ нищіе, да подлѣ той же богадѣльни построена школа для ученія дѣтямъ. Строеніе та школа—рождественскаго попа Ефима, и земли подъ тою школою по мѣрѣ въ длину 6 саженъ, а поперекъ 4 сажени". Единственный надежный источникъ для представленія объ интимной сторонѣ школъ допетровской эпохи, это—иллюстраціи въ житіяхъ святыхъ и въ печатной азбукѣ Бурцева. Здѣсь мы видимъ комнату безъ спеціальной школьной обстановки. Учениковъ немного, обыкновенно не больше десяти. Всѣ они въ возрастѣ отъ 7 до 10 лѣтъ. Учитель, чаще всего благообразный старикъ,—въ длинномъ кафтанѣ, указывающемъ на принадлежность къ духовному сословію. Сидятъ дѣти за обыкновеннымъ столомъ или на лавкахъ по 5, по 3 и по 2 ученика рядомъ: одни читаютъ, другіе пишутъ, третьи отвѣчаютъ, или ихъ учитель наказываетъ розгами, неразлучными спутницами всякаго обученія и воспитанія въ старое время.

Школьная дисциплина.

Общеизвѣстны „похвалы розгѣ" въ старой русской письменности, иногда въ стихахъ, напр., въ сочиненіи Каріона Истомина „Подарокъ учащимся дѣтямъ во младости, иже дарствитъ (—даритъ) ранимымъ честность во старости":

Розгою Духъ Святый дѣти бити велитъ,
Зане розга здравія, ниже мало вредитъ,
Разумъ во главу дѣтей розга прогоняетъ,
Учитъ тыя молитвѣ, и отъ злобъ встягаетъ...

Стихи на ту же тему находимъ у Симеона Полоцкаго въ его „Вертоградѣ":

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ;—

или въ Азбукѣ, напечатанной въ дворцовой типографіи въ 1671 году:

И раны, яже добро содѣваютъ,
Намъ не мерзостны въ дѣтствѣ добываютъ.
Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте.

Убѣжденіе въ необходимости „преломленія жезла“ было настолько неразлучно съ представленіемъ о воспитаніи, что ученикамъ постепенно внушалась мысль о благодарности именно за „казненіе въ юности“,—и въ образцовой бесѣдѣ учениковъ съ учителемъ, они должны были говорить ему:

Аще нѣкогда и біеніе отъ тебя терпимъ,
Но мы тѣмъ умы свои крѣпимъ.
Аще нынѣ намъ и не мнится радость,
Послѣди же уразумѣемъ въ себѣ душевную сладость.

Впрочемъ, извѣстны и гуманныя наставленія. Митрополитъ Михаилъ совѣтуетъ учителямъ: „учите не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ (—обхожденіемъ), и сладкимъ поученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, противу коегождо силы (—сообразно съ способностями каждаго) и со ослабленіемъ (—снисходительностью), да не унываютъ“. Но въ общемъ, у учениковъ оставались тяжелыя воспоминанія о школѣ, и частыя бѣгства изъ школы, зарываніе въ землю учебниковъ и т. п., подтверждаютъ пословицу о „горькихъ корняхъ ученія“.

Школьный бытъ.

Ученики почти вседа были приходящими, являлись въ школу и до, и послѣ обѣда, здѣсь же выучивали уроки, занимали опредѣленныя мѣста въ классѣ, сообразно успѣхамъ и поведенію. Не выучившій урока не отпускался домой: „таковой изъ школы свободнаго отпуска не получитъ“. Неспособные къ ученію заказывали молебны пророку Науму, чтобы онъ навелъ „на умъ“, или Козьмѣ и Даміану, которые издавна считаются покровителями обученія. Съ учебниками дѣти должны обходиться бережно, не класть рукъ на книгу, сидѣть смирно, не толкать сосѣдей: „не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего и не называй прозвищемъ товарища своего“.

За свой трудъ учителя получали, кромѣ денегъ или „натуры“, еще особый гонораръ, послѣ окончанія извѣстнаго отдѣла. Митрополитъ Геннадій въ концѣ XV вѣка жалуется на этотъ обычай. „А то мужики невѣжи учатъ робятъ да рѣчь ему испортятъ. Да первое изучатъ ему вечерню, а за это мастеру принести каши да гривну денегъ. За утреню—также да и больше того. А за часы—особо, да поминки (—подарки), кромѣ того, что̀ рядилъ отъ него. А какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего на умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ“. Въ школьныхъ букваряхъ XVII вѣка совѣтуется приносить учителямъ по воскресеньямъ съѣстные припасы:

Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите.

Нѣмецкія школы въ Москвѣ.

Конечно, иные порядки были въ школахъ, устроенныхъ въ Москвѣ нѣмцами въ Нѣмецкой Слободѣ въ концѣ XVII вѣка, хотя о нихъ извѣстно очень немногое. Скорѣе это были спеціальныя школы, гдѣ учились языкамъ, „аптекарскому и алхимистскому дѣлу“. Между прочимъ царь Алексѣй Михайловичъ посылалъ въ эти школы русскихъ мальчиковъ „обучаться театральной потѣхѣ“.

Попытки основать высшее богословское училище.

На необходимость высшихъ школъ въ Московской Руси, точнѣе—духовныхъ школъ высшаго типа, указывали заѣзжіе восточные патріархи. Александрійскій патріархъ писалъ царю Феодору еще въ 1585 году: „составь училище и поставь наказателя (—руководителя), чтобы въ немъ учились греческой грамотѣ и были бы научены отъ многихъ божественныхъ книгъ всей мудрости Божіей православной вѣрѣ“. Черезъ восемь лѣтъ то же совѣтовалъ царю другой патріархъ: „устрой у себя, царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія“. Но только въ 30 годахъ XVII вѣка былъ вызванъ въ Москву такой учитель. Ему поручили переводить книги съ гре-

ческаго, главнымъ образомъ, съ обличеніями латинянъ, „и учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческому языку и грамотѣ“. Впрочемъ, русскіе историки не находятъ слѣдовъ педагогической дѣятельности этого грека въ Москвѣ, и онъ занимался, кажется, одними переводами. Неудачны были и слѣдующія за тѣмъ попытки въ этомъ родѣ, и только къ самому началу второй половины XVII вѣка относится прямое и точное указаніе Олеарія, хотя и оно говоритъ скорѣе о случайномъ обученіи, а не о регулярномъ училищѣ.

Греко-латинскія училища въ Москвѣ.

„Въ настоящее время,—сообщаетъ ученый голштинецъ,—къ немалому удивленію надо замѣтить, что по распоряженію патріарха и великаго князя русское юношество начинаютъ обучать греческому и латинскому языкамъ. Для этого близъ патріаршаго дома учреждена уже латинская и греческая школа, которой завѣдываетъ и управляетъ одинъ грекъ по имени Арсеній“. Около того же времени устроено было училище, „ради россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія“, бояриномъ Феодоромъ Ртищевымъ при Андроніевскомъ монастырѣ въ Москвѣ, и учителями въ немъ были 30 кіевскихъ иноковъ, „изящныхъ (—совершенныхъ) во ученіи грамматики словенской и греческой, даже до реторики и философіи хотящимъ тому ученію внимати“. Около того же времени Епифаній Славенецкій въ Чудовомъ монастырѣ открылъ греческую школу высшаго типа, съ преподаваніемъ реторики и философіи. Въ 60 годахъ при Спасскомъ монастырѣ, что̀ за иконнымъ рядомъ, въ особыхъ „хоромахъ“ учились „по латынямъ“ подъячіе приказа тайныхъ дѣлъ (собственной государевой канцеляріи-кабинета), подъ руководствомъ поэта и ученаго Симеона Полоцкаго, и, повидимому, сюда были перенесены порядки кіево-могилянской коллегіи, но съ преобладаніемъ свѣтскихъ наукъ. Скоро, однако, въ обученіи Полоцкаго увидѣли „ереси латинскія и лутерскія“, противъ

него стали слышаться голоса недовольства со стороны консерваторовъ,—и вскорѣ училище было закрыто.

Въ дальнѣйшей исторіи высшихъ училищъ въ Москвѣ толчокъ дали опять-таки восточные іерархи. Размышляя надъ причиной раскола, Паисій Лигаридъ пришелъ къ выводу, что причины—двѣ: „отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыя книгохранительницы (—библіотеки)". И спрошенный, какъ исправить дѣло, Паисій отвѣчалъ: „первое (во-первыхъ), училища, второе, училища, третье училища, принуждены быти",—съ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ языками. Мысль Паисія поддерживаютъ другіе греческіе архіереи. Долгое время идетъ споръ объ основномъ характерѣ такого училища, греческомъ или латинскомъ, быть можетъ, дѣлаются и первоначальныя попытки, и, наконецъ, въ 1687 году открывается Эллино-греческое училище (или „Заиконоспасскія школы", а неоффиціально—„академія"). Черезъ 15 лѣтъ оно преобразовано въ Славяно-Латинскую Академію, съ обширной программой, лекціонной системой, съ греческимъ и латинскимъ языками преподаванія (лекціи дошли до нашего времени, большей частью въ автографахъ профессоровъ). Первыми наставниками были здѣсь греки, братья Іоанникій и Софроній Лихуды, доктора философіи, получившіе образованіе въ Венеціи и въ Падуѣ. Дальнѣйшая ихъ педагогическая дѣятельность скорѣе относится къ Петровской эпохѣ.

Самообразованіе и характеръ его.

Но всякая школа многаго не могла давать своимъ питомцамъ, и показателемъ образованности въ допетровской Руси, какъ и въ древней, попрежнему остается внѣшкольное чтеніе, книга, главнымъ образомъ переводная.

Въ самомъ дѣлѣ: на ряду съ школьнымъ образованіемъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, особенно въ древней Руси, шло образованіе внѣшкольное, самообразованіе, саморазвитіе путемъ чтенія книгъ, усвоенія прочитаннаго и размышленія или надъ тѣмъ,

что въ книгѣ было неясно, или же надъ тѣми вопросами, которые книга только выставляла, намѣчала и не разрѣшала. Этимъ она будила самостоятельную мысль. Образованіе внѣшкольное въ Московской Руси XV—XVII вѣковъ было безусловно богаче перваго количественно, а иногда и качественно. Оно—разнообразнѣе, занимательнѣе и даже глубже, основательнѣе въ томъ смыслѣ, что знанія добывались не въ готовомъ пережованномъ видѣ и не всегда даже въ готовой формулировкѣ, а пріобрѣтались они путемъ упорной самоработы. Доставались они не легко, а потому и дольше держались въ памяти, обязаны были личной пытливости, а не принужденію или обязательности (конечно, въ той или иной формѣ). Всякія недоумѣнія могли разрѣшаться только справками у болѣе начитанныхъ людей, и „грубому и несмысленному“ рекомендовалось въ такихъ случаяхъ, „не лѣниться, шествуя къ премудрѣйшему“, „не стыдыться вопросити его“,—„и онъ научитъ тя, егоже ищеши“. Отрицательная сторона всякаго „самоученія“ состояла въ отсутствіи системы, порядка, метода въ усвоеніи,—словомъ, въ отсутствіи того, что мы называемъ „школой“, „дисциплиной“. Нуженъ былъ очень сильный и самобытный умъ, чтобы вся совокупность знаній, пріобрѣтенныхъ внѣ школы, распредѣлилась бы въ немъ въ какомъ-нибудь порядкѣ. Умъ, неумѣвшій самостоятельно работать, получалъ изъ всей массы такихъ знаній нѣчто безпорядочное, отрывочное, случайное,—и пользоваться подобными знаніями было очень нелегко. Людьми образованными, „философами“, часто назывались простые начетчики, какъ и въ наше время среди старообрядцевъ. Это надо помнить все время, когда рѣчь идетъ относительно образованности русскаго человѣка XV—XVII вѣковъ. Школа, если ее и проходили, давала слишкомъ первоначальныя свѣдѣнія, и послѣднія ограничивались обыкновенно умѣніемъ читать, писать и считать. Осталь-

ное же пріобрѣталось внѣшкольнымъ путемъ и пріобрѣтало такой именно безсистемный характеръ.

Средства для образованія.

Такимъ образомъ, часто мы лишены возможности знать, *что знали* старинные русскіе люди, такъ какъ обязательныхъ программъ не было, доступныхъ библіотекъ съ извѣстнымъ подборомъ книгъ (кромѣ монастырскихъ, удовлетворявшихъ требованіямъ церковнаго устава) не существовало, всякое чтеніе носило случайный характеръ,—и намъ неизвѣстенъ ни одинъ случай, чтобы кто-нибудь прочиталъ всѣ книги опредѣленнаго круга знаній. Поэтому можно говорить лишь о томъ, *что могли знать* старинные русскіе книжники, т. е. сдѣлать обзоръ наличности книгъ XV—XVII вѣка по извѣстнаго рода знаніямъ.

Историческія книги.

На первомъ мѣстѣ стоятъ сочиненія историческія—отдѣлъ богатый и охотно читавшійся. Въ 1442 году, повидимому, въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ появилась компилятивная энциклопедія по всеобщей исторіи, приписываемая іеромонаху Пахомію Логоѳету, сербскому писателю, явившемуся на Русь съ Аѳона,—„Хронографъ“. Онъ обнимаетъ событія библейской исторіи, затѣмъ—древнихъ восточныхъ, античныхъ народовъ, Византіи до паденія ея, южныхъ славянъ и русскихъ, доведенъ въ позднихъ редакціяхъ до XVI и XVII вѣковъ. Какъ принято было въ византійскихъ хроникахъ, событія разсказываются по „царствамъ“: валтасарово, даріево, ксерксово, нероново, царство Льва Армянина, Іоанна Асѣня болгарскаго и т. д. Источникомъ для Хронографа послужили эллинскій лѣтописецъ, готовыя извлеченія изъ византійскихъ хронистовъ, „Іудейская Исторія“ Іосифа Флавія, общерусскій лѣтописный сводъ, составленный при митрополитѣ Фотіи (Владимірскій „Полихронъ“ 1423 года). Первая редакція Хронографа относится къ 1512 году, можетъ принадлежать старцу Ѳилоѳею изъ Псковской области, и до насъ дошло много списковъ книги въ этомъ видѣ. Въ 1617 году составлена вторая редакція Хронографа, пополненная событіями

исторіи западной Европы изъ „Всемірной хроники“ Мартина Бѣльскаго, изъ „Хроники“ Конрада Ликостена, и др. Русская исторія излагается по лѣтописямъ и оканчивается 1613 годомъ. Третья редакція пополнена разсказомъ о смутномъ времени по исторіи Троицкой лавры Авраамія Палицына и Сказанію о самозванцахъ и относится къ 1620—44 годамъ.

Новыя лѣтописи.

Продолжали составляться и лѣтописи какъ въ разныхъ областяхъ, такъ и въ новомъ государственномъ центрѣ, причемъ съ 1328 года, со времени Іоанна Калиты, главныя событія московской исторіи записываются систематически, повидимому, при дворѣ великокняжескомъ, а о событіяхъ 1306—1328 г.г. собраны устныя преданія и случайныя записи. Въ концѣ XIV вѣка московская лѣтопись перерабатывается, позднѣе соединяется съ лѣтописью Троицкой. Наряду съ этимъ, въ XIV и XV вѣкахъ составляются лѣтописи при митрополичьемъ дворѣ, и изъ нихъ извѣстны общерусскій сводъ, относящійся ко времени правленія митрополита Петра, „Лѣтописецъ великій русскій“, при митрополитѣ Кипріанѣ, и „Владимирскій Полихронъ“, при митрополитѣ Фотіи. Послѣдній интересенъ своею полнотой и еще тѣмъ, что въ немъ не замѣтно спеціально-московской тенденціи: нерѣдко въ сочувственныхъ выраженіяхъ говорится о князьяхъ, пострадавшихъ при собираніи Москвы. Этой объективности нѣтъ въ такъ-

Степенныя книги.

называемыхъ „Степенныхъ книгахъ“, первой систематической исторіи русской государственности, гдѣ событія излагаются по родословнымъ „степенямъ“ правителей, начиная съ Владимира. Въ основѣ ея лежитъ „Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ“ съ его легендой о присылкѣ Владиміру Мономаху царскаго вѣнца и бармъ византійскимъ императоромъ Константиномъ, съ генеалогіей русскихъ князей отъ римскаго кесаря Августа и т. д. Составленная въ XV вѣкѣ, быть можетъ Пахоміемъ Логоѳетомъ, „Степенная книга“ была переработана митрополитомъ Макаріемъ въ половинѣ XVI вѣка

и всецѣло относится къ тому роду историческихъ сочиненій второй половины того же столѣтія, которыя направлены къ оправданію политики московскихъ великихъ князей, написаны съ цѣлью возвеличить московское царство, которыя представлены посланіями Ивана Пересвѣтова („Сказаніе о царѣ Константинѣ“, Сказаніе о Мегметѣ-салтанѣ“, „Челобитная“), „Бесѣдой валаамскихъ чудотворцевъ“ и посланіями Іоанна Грознаго къ Курбскому. Въ то же время составляется грандіозная „Царственная книга“, съ 16000 большихъ иллюстрацій въ краскахъ—въ полномъ смыслѣ слова русская „историческая энциклопедія“ въ нѣсколькихъ томахъ, изъ которыхъ до насъ дошли немногіе. Къ Смутному времени относится много „Сказаній“ современниковъ и очевидцевъ, имѣющихъ выдающееся историческое значеніе. Изъ историческихъ трудовъ послѣдующаго времени обращаетъ на себя вниманіе очень популярный „Синопсисъ“ кіевскаго ученаго Иннокентія Гизеля (1674). Заглавіе книги говоритъ отчасти и о содержаніи. „Синопсисъ, или краткое описаніе о началѣ славянскаго народа, и о первыхъ кіевскихъ князяхъ, и о житіи великаго князя Владимира всея Россіи первѣйшаго самодержца, и его наслѣдникахъ даже“... (событія доводятся въ спискахъ до разныхъ эпохъ, обыкновенно кончаются присоединеніемъ Украйны къ Москвѣ). Здѣсь повторяется легенда о преемствѣ царской власти изъ Византіи, и на лицо—всѣ патріотическіе домыслы старыхъ книжниковъ, производившихъ названіе славянъ отъ „славы“, „россовъ“ отъ того, что русскіе „разсѣялись“ по обширнымъ областямъ, „Москвы“ отъ сына Іафета, Мосоха, „прадѣда московскаго народа“, и т. д. Въ теченіе столѣтія она перепечатывалась 25 разъ и до Ломоносова была единственной учебной книгой по русской исторіи. Составлялись и распространялись подробныя „Родословія пресвѣтлѣйшихъ и вельможнѣйшихъ великихъ князей и всея Россіи непобѣдимѣйшихъ монарховъ“, напримѣръ, трудъ хорвата Лаврентія Хуремича, съ

Царственная книга.

Синопсисъ.

Родословія.

посвященіемъ царю Алексѣю Михайловичу; экземпляръ перевода дошелъ до насъ изъ царской библіотеки. А въ другихъ „Родословныхъ“ высказывается взглядъ на исторію, какъ на завѣтъ будущему:

Сія книга тѣхъ людей, кои прежде жили,
Для примѣра жъ житіе свое намъ явили...
Ибо лучше отъ предковъ можно научиться:
Что̀ кому за что́ было, то и впредь случится.

Извѣстно нѣсколько „Исторій“ русскихъ окраинъ, наприм. „Исторія о казанскомъ царствѣ“ въ прекрасной литературной обработкѣ, „Сибирская лѣтопись“ Саввы Есипова, написанная въ Тобольскѣ въ 1631 г., и др.

Сочиненія по всеобщей исторіи.

Переводныхъ историческихъ сочиненій было много. Мы имѣемъ сокращенныя и въ русскомъ переводѣ „Годовыя дѣла церковныя“ (или „Лѣтодѣянія церковныя“) Баронія. Весь трудъ состоитъ изъ 12-ти томовъ, изъ которыхъ каждый объясняетъ событія одного столѣтія, начиная отъ Рождества Христова. Русскій переводъ сдѣланъ въ первой половинѣ XVII вѣка не съ латинскаго „Annales Ecclesiastici“, а съ готоваго сокращенія, принадлежащаго Петру Скаргѣ и изданнаго по-польски въ Краковѣ въ 1603 году. „Исторія Церковная“ византійскаго хрониста XIV вѣка Никифора Каллиста переведена съ латинскаго игуменомъ Спасскаго монастыря Палладіемъ въ концѣ XVII вѣка. Въ XVII же вѣкѣ переведена исторія, доведенная до императора Карла V: „О четырехъ великихъ монархіяхъ“ (Вавилонѣ, Персіи, Греціи и Римѣ) Слейдана, „Лѣтописанія отъ начала міра, трудолюбіемъ отцевъ и многихъ лѣтописателей написана и въ свѣтъ дана“ извѣстнаго польскаго историка Матвѣя Стрыйковскаго, доведенная до конца XVI вѣка. Появились книги по исторіи Польши, Чехіи, Швеціи и Англіи, напр. „Исторія польскаго короля Владислава IV“, Горчина; Лѣтопись епископа перемышльскаго Якова Пясецкаго, обнимающая европейскія событія съ 1571 по 1648 годъ, съ интересными сообщеніями о Польшѣ, самозванцахъ и смутномъ времени на Руси; „Вертоградъ королевскій“

Бартоша Папроцкаго, съ пражскаго изданія 1599 года; „Исторія вкратцѣ о Бохомѣ, еже есть о землѣ Чешской“, съ хронологіей чешскихъ королей до Рудольфа, который „счастливо государствовалъ“, съ неизвѣстнаго оригинала; „О начаткѣ Швецкаго и Готскаго государства“, также съ неизвѣстнаго оригинала; „О Карлусѣ Первомъ, королѣ великобританскомъ, французскомъ и ирланскомъ“, съ нѣмецкаго, въ XVII вѣкѣ, и др. Особое вниманіе удѣляется Турціи, затѣмъ слѣдуетъ исторія Китая, даже Абиссиніи. Въ этомъ отдѣлѣ на первомъ мѣстѣ—переведенная съ польскаго интересная книга неизвѣстнаго автора „Повѣсть о туркахъ“, съ главами „О войскѣ турковъ“, „Родословіе турское“, „Еналогія турецкая, откуль взяли свой початокъ“, „Порядокъ о рыцарствѣ цесаря турецкаго“, о религіи, завоеваніяхъ, обычаяхъ турокъ и т. д. Затѣмъ идутъ небольшія сочиненія: „О законѣ сарацинстемъ“ Петра Альфонса, „Сказаніе о Махометѣ“ Викентія изъ Бове, „Повѣсть о Махметѣ, о началѣ ученія его и кончинѣ“ (изъ нѣмецкаго календаря Фохта на 1684 годъ), „Турскаго солтана о дворѣ, и о чину его, и о Царѣгородѣ“ Старовольскаго (съ польскаго печатнаго изданія 1649 года); „Повѣсть, какъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ богдойскіе татарови одолѣли и завладѣли мало не все Китайское царство“ іезуита Мартиніуса, XVII вѣка; „Сказаніе, который называютъ въ славной Хинѣ или государство Китайскаго корень гинзенъ“, іезуита Кирхера; „Исторія Ефіопская, или краткое описаніе царства Габессинскаго“, Лудольфа и многія другія.

Географія и путешествія.

Въ отдѣлѣ географіи и путешествій также найдемъ много новыхъ оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ.

Попрежнему русскіе люди ходятъ въ Палестину, Царьградъ, на Аѳонъ. Въ половинѣ XIV вѣка появляется интересное „Сказаніе о святыняхъ Цареграда“ новгородца Стефана (около 1350 года), съ описаніемъ

великолѣпнаго храма св. Софіи, статуи имперàтора Юстиніана и другихъ древностей. Въ Путешествіи іеромонаха Троице-Сергіева монастыря Зосимы (1419—1442), описанъ Константинополь, Аѳонъ и Іерусалимъ, дополнены свѣдѣнія прежнихъ паломниковъ; между прочимъ, на Родосѣ онъ познакомился съ крестоносцами, на морѣ на него напали пираты, въ Палестинѣ онъ подвергся нападенію „злыхъ араповъ“. На Синай, въ Египетъ и Палестину въ 1550—1561 годахъ ходилъ купецъ Василій Поздняковъ съ сыномъ, родомъ изъ Смоленска, и его описаніе отличается точностью; онъ говоритъ о трудностяхъ пути, такъ какъ „многи скорби на пути бываютъ отъ беззаконныхъ турокъ и араплянъ на морѣ и на сушѣ“. Въ концѣ XVI вѣка появляется очень пространное описаніе Палестины и Синая — „Хожденіе“ купцовъ московскихъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, сохранившееся въ сотняхъ копій и 40 печатныхъ изданій, хотя авторскій трудъ принадлежитъ не имъ. Казанскій купецъ, уроженецъ Плеса на Волгѣ, Василій Гагара въ 1634 году, позднѣе черный дьякъ Троицкаго монастыря, прозвищемъ Маленькій, Арсеній Сухановъ и другіе ходятъ въ земли православнаго востока и также описываютъ достопримѣчательности и впечатлѣнія пути.

Описанія путешествій на западъ и востокъ.

Новый періодъ русскихъ „Путешествій“ выноситъ русскихъ людей много дальше Палестины. Они посѣщаютъ западную Европу, Индію, Турцію, Персію и Китай. Извѣстно путешествіе суздальца Симеона на Флорентійскій соборъ (1439 г.), съ описаніемъ итальянскихъ городовъ, святынь, природы, обычаевъ, предметовъ искусства и промышленности. Въ „Исхожденіи“ на тотъ же соборъ епископа суздальскаго Авраамія описана, между прочимъ, мистерія въ одной изъ Флорентійскихъ церквей въ праздникъ Благовѣщенія. Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ описываетъ свое „хожденіе за три моря“—въ Персію, Индію и Турцію въ 1466—1472 г.г., т. е. раньше того, какъ западная

Европа узнала объ Индіи изъ путешествія Васко-де-Гамы (1493 г.). Его описаніе отличается точностью, наблюдательностью; на всемъ видна печать человѣка любознательнаго, интересующагося не только тѣмъ, что̀ его просто поразило въ богатой и оригинальной странѣ, но и экономическими, соціальными и этнографическими вопросами При царѣ Михаилѣ Федоровичѣ московскій купецъ Ѳедотъ Котовъ написалъ „О ходѣ въ персидское царство“. Однимъ русскимъ плѣнникомъ въ Турціи, въ 1670—1686 годахъ подробно описана Турецкая имперія, писалъ онъ въ неволѣ—„въ тайнѣмъ, въ сокровеннѣмъ, въ сокрытѣ“. Другой плѣнникъ, Василій Полозовъ, описалъ Турцію и Малую Азію въ формѣ челобитной царю Федору Алексѣевичу. Въ 1567 году въ Китай ходили, по приказу Грознаго, казацкіе атаманы Иванъ Петровъ и Бурнашъ Елычевъ и описали свое путешествіе подъ заглавіемъ„ О государствахъ, что за Сибирью“. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Китай ходили Байковъ и Николай Спаѳарій.

Картографія.

Наконецъ, имѣлись и географическія карты Россіи. Это—„Большой чертежъ земли русской“, составленный въ концѣ XVI вѣка при царѣ Федорѣ Іоанновичѣ, дополненный при Годуновѣ и не разъ позднѣе, съ перечнемъ пунктовъ—„Книгой большого чертежа“.

Переводныя космографіи.

II переводныя сочиненія по географіи отличаются богатствомъ и разнообразіемъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ Географія Помпонія Мелы, извѣстная въ рукописи XVI вѣка, переведенная съ латинскаго. За ней слѣдуетъ „Книга, глаголемая Космографія, спрѣчь всего свѣта описаніе“, знаменитаго Герарда Меркатора; она обнимаетъ описаніе Европы, Африки, Азіи и Америки, издана была въ Амстердамѣ и переведена въ 1637 году съ латинскаго двумя переводчиками Посольскаго приказа. Въ другихъ спискахъ полное заглавіе ея—очень характерно: „Космографія, сложенная отъ древнихъ философовъ,—описаніе государствъ, и земель, и острововъ во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта, гдѣ какіе живутъ люди

и какія вѣры, и что гдѣ родится, и какая подъ которою земля данію и которое владѣніе". Она составлена по Меркатору, Мюнстеру и др. и прибавляется къ русскимъ „Хронографамъ". Популярностью пользовалась польская „Космографія" Бѣльскаго, иногда съ наклеенными изъ польскаго изданія гравюрами, переведенная при митрополитѣ Аѳанасіи (1565—1568). Изъ нея взяты свѣдѣнія во вторую редакцію Хронографа. Космографія Яна Ботера, озаглавленная „Театрумъ свѣта всего, на которомъ Европа, Азія, Африка и Америка, такожде народовъ, краевъ, мѣстъ нѣцыи нравы, богатства и иныя признаки выставленныя", переведенная сначала по-польски съ итальянскаго, затѣмъ по-русски съ краковскаго печатнаго изданія 1659 года. Космографія, „сирѣчь всемірное исписаніе земель во едино пребываніе и назнаменованіе степенемъ въ округахъ небесныхъ", или „Орбисъ террарумъ" („Orbis terrarum"), Ортеліуса, также переведена съ польскаго въ XVII вѣкѣ. „Позорище всея вселенныя, или Атласъ новый, въ немъже начертанія и описанія всѣхъ странъ издана суть", это— большой атласъ Блеу, съ массой рисунковъ, чертежей и картъ, переведенный извѣстнымъ Епифаніемъ Славенецкимъ и дошедшій до насъ въ автографѣ переводчика, а также и другими. Въ свое время изданіе атласа Блеу было выдающимся въ наукѣ событіемъ: онъ одновременно выходилъ на латинскомъ, голландскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Амстердамѣ въ 1643 году и очень скоро появился въ русскомъ переводѣ.

Новыя книги по всеобщей географіи.

Далѣе слѣдуетъ „Описаніе свѣта и всѣхъ въ немъ государствъ" Луки де-Линды, съ амстердамскаго изданія 1665 года; переводъ неизвѣстной нѣмецкой компиляціи начала XVII вѣка (объ императорѣ Рудольфѣ говорится, какъ о „днесь царствующемъ"), очень распространенный въ русскихъ спискахъ и, повидимому, находившійся въ библіотекѣ царевича Алексѣя Михайловича; „Водный Міръ, сирѣчь краткое описаніе о обрѣтеніи перваго морскаго корабельнаго ходу и но-

выхъ познаваемыхъ земель, такъ и описаніе о всѣхъ государствахъ", съ голландскаго, вышедшаго въ 1666 году, изданія, оканчивается открытіями Дависа и Гудзона. Въ русскомъ переводѣ извѣстна также Математическая Географія (списокъ конца XVII вѣка), съ отдѣломъ: „О заживанію глоба террестра" (т. е. о пользованіи земнымъ глобусомъ) съ неизвѣстнаго пока оригинала.

Переводныя путешествія.

Отдѣлъ географическихъ монографій также богатъ. Къ русскимъ „Хожденіямъ" примыкаетъ „Хорографія или топографія, сі есть особное и извѣстное описаніе Земли Святыя" Ансельма Краковскаго, съ польскаго перевода 1595 года, и „Путешествіе, или похожденіе, въ Землю Святую пресвѣтлосіяющаго господина его милости Николая Христофа Радзивила", съ польскаго изданія XVII вѣка, въ переводѣ того же приблизительно времени и съ поправками извѣстнаго книжника Евѳимія. За описаніями Палестины слѣдуютъ описанія Персіи, Алжира, Индіи, Шпицбергена и другихъ странъ. Изъ нихъ болѣе важны: „Описаніе нынѣшняго персицкаго двороваго разводу и владѣнія, како то обстоитъ въ духовномъ и свѣтскомъ чину отъ вышняго до нижняго чину", французскаго миссіонера Сансона, переведенное съ нѣмецкаго перевода, съ описаніемъ свадебныхъ, погребальныхъ обычаевъ персовъ и др.; „Царства Алгерійскаго краткое описаніе, отъ различныхъ авторовъ собранное", въ рукописи XVII вѣка; громадная по размѣрамъ „Исторія восточной Индіи и ближнихъ странъ" М. Готарда Артуса, съ франкфуртскаго латинскаго изданія 1601 и слѣдующихъ годовъ; „Историческое описаніе края Спитзберга, его первое изданіе, положеніе, натуру, звѣріе и прочая по ряду сказующее", также XVII вѣка; „Исторія Сарматіи Европейской, въ нейже заключается королевство Польское со всѣми господствіями, княженіями и державами своими", Александра Гваньини, переведенная два раза: съ латинскаго изданія 1581 года и съ кра-

ковскаго 1611 года, вмѣстѣ съ польскими дополненіями латинскаго оригинала Мартина Пашковскаго, также XVII вѣка. Наконецъ, въ исходѣ XVII вѣка сдѣланъ переводъ съ гамбургскаго изданія извѣстнаго Путешествія Олеарія („Переводъ съ книги цесарскаго языку, какову написалъ свѣтославный Адамъ Олеаріусъ со многимъ умноженіемъ ѣздъ описаній въ Московскомъ и Персицкомъ государствахъ", и т. д.).

Знанія по математикѣ.

Самостоятельное развитіе математическихъ наукъ въ Россіи, какъ извѣстно, начинается только съ конца первой четверти минувшаго вѣка. Поэтому въ ту эпоху, къ которой относится настоящій обзоръ, рѣчь можетъ идти развѣ о приспособленіи средневѣковыхъ латинскихъ и нѣмецкихъ руководствъ по математикѣ къ графическимъ средствамъ старой русской письменности. Въ этомъ именно и заключается вся трудность приспособленія, такъ какъ до начала XVIII вѣка только въ видѣ исключеній попадаются арабскія цифры, и далеко не всегда именно принята десятичная система счисленія. Обычной и единственной системой въ древне-русской графикѣ было обозначеніе цифръ буквами церковно-славянской азбуки подъ титлами, какъ и въ Византіи, и у южныхъ славянъ.

Неудобства старорусской цифири.

Неудобство такой системы заключалось во многомъ. Во-первыхъ, знаковъ было не десять съ нулемъ, а гораздо больше, такъ какъ и десятки обозначались особыми буквами (і—10, к—20, л—30, м—40 и т. д.), и сотни (р—100, с—200, т—300, ф—400 и т. д.). Единственно, чѣмъ уменьшалось количество цифровыхъ обозначеній, это—особыми значками при тѣхъ же цифрахъ=буквахъ единицъ, напр., для тысячъ (назывались по-гречески „хиліад", „письмена съ хвостыма": ҂а—1000, ҂к—2000, ҂г—3000), десятковъ тысячъ (назывались „тьмы", или „письмена въ кружѣхъ": а҃—10.000, к҃—20.000 и т. д.), сотенъ тысячъ (назывались „легіоны", или „письмена въ точечныхъ кру-

зѣхъ": а —100.000, к —200.000 и т. д. и милліоновъ (назывались „леодры", или „письмена въ палочныхъ кружѣхъ": а, к и т. д.). Для обозначенія болѣе крупныхъ чиселъ не было особыхъ способовъ. Такъ, десятки милліоновъ, согласно правиламъ старинныхъ руководствъ, изображались условно: „та же письмена посреди двоихъ письмянъ; спереди *како* и послѣди второе *како* же, и тѣ обдержатъ вороны", т. е. буква-цифра десятковъ милліоновъ писалась среди двухъ буквъ к, напр. к. к̄. к. обозначало 20.000.000. А сотни милліоновъ уже совсѣмъ не обозначались, и о нихъ говорилось съ оттѣнкомъ таинственности: „и потомъ послѣднее число—колода, сего далѣе числа нѣсть"... На самомъ же дѣлѣ счисленія = задачи рѣдко шли дальше единицъ милліоновъ, а въ виду того, что на практикѣ древне-русскіе люди рѣдко имѣли дѣло съ большими числами, это и не было особенно необходимымъ. Во-вторыхъ, каждая буква-цифра оставалась съ тѣмъ же значеніемъ на любомъ мѣстѣ, и кромѣ того, единицы при десяткахъ ставились сначала, затѣмъ уже десятки. Словомъ, сложеніе двухъ трехзначныхъ чиселъ обозначались такъ:

2 2 2	с к в
+ 3 3 3	т л г
5 5 5	ф н е

Изъ этого уже видно, какъ трудно было занятіе ариѳметикой. И дѣйствительно, въ старинныхъ руководствахъ сравнительно ясно производились только сложеніе и вычитаніе, а умноженіе и дѣленіе ограничивались почти одной таблицей умноженія, которая иногда имѣетъ такое заглавіе: „Счетъ греческихъ купцовъ, учитъ младыхъ дѣтокъ считати". Интересна одна старинная таблица умноженія съ опредѣленіями природы каждаго числа, напр. „Азъ (т. е. 1)—первочисленъ или единочисленный; Вѣди (т. е. 2)—единъ двоечи- Таблицы умноженія.

членный и единъ дважды", и т. д. Въ руководствахъ даются такія опредѣленія четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій: „счисленіе учитъ, како различная числа во едино число совокупити"; „отъятіе (или „убавленіе") учитъ, како отъ вящаго числа меньшее число отъяти, и что затѣмъ останется"; „умноженіе учитъ, како инымъ образомъ число умножается" и т. д. Еще труднѣе были дроби, отдѣлъ которыхъ назывался „сошнымъ письмомъ" (отсюда наше выраженіе „мелкая сошка"). Дѣйствія производились только надъ $^1/_2$, $^1/_3$ и ихъ половинами, половинами послѣднихъ и т. д., которыя обозначались словами: полтрети, полчетверти, полполтрети, полполчетверти и т. д. Десятичныхъ дробей совсѣмъ не знали; приведеніе къ одному знаменателю не практиковалось, и сложеніе или вычитаніе (о другихъ дѣйствіяхъ не могло быть и рѣчи) дробей въ старинныхъ руководствахъ больше походило на то же „начетчество", „на знахарство" или частью на „рецептъ", чѣмъ на правильные пріемы, на математическіе законы, знакомые нынѣшнему школьнику.

Старинныя ариѳметики.

Несмотря на всѣ эти трудности, „Ариѳметики" XVI вѣка умудрялись давать правила всѣхъ четырехъ дѣйствій, сообщать пріемы рѣшенія задачъ на тройное правило (называлось „правило трехъ числъ, или золотая строка"), правда, безъ общаго объясненія внутренняго основанія этого правила. И здѣсь все это отдавало скорѣе тѣмъ же „начетчествомъ", хорошо заученными хитрыми пріемами въ рѣшеніи задачъ—не больше. Другія ариѳметическія правила назывались „правило трехобратительное", „правило сугубое прямое или пятиперечневое", „правило седмиричное прямое", и т. д. Только съ введеніемъ арабскихъ цифръ (сначала въ сопровожденіи старинныхъ буквенныхъ обозначеній, а затѣмъ уже безъ послѣднихъ) и подъ вліяніемъ западныхъ и южно-русскихъ учебниковъ, а также по образцу польскихъ и нѣмецкихъ, въ концѣ XVII вѣка появляются болѣе совершенные руководства.

Новыя переводныя ариѳметики.

Изъ такихъ переводныхъ руководствъ популярностью пользавалось одно „Книга, глаголемая по гречески Ариѳметика, по-нѣмецки Алгоризма, а по-русски Цифирная Счетная Мудрость. А Мудрость—едина изъ большихъ седми мудростей; начало мудростемъ — грамматика, геометрія, музыка, тѣ 4 мудрыя книги". Въ предисловіи говорится о томъ, что „безъ сея мудрости ни единъ философъ, ни дохтуръ не можетъ быти. По сей мудрости гости (—купцы) по государевымъ землямъ торгуютъ и во всякихъ товарахъ, и въ торгахъ силу знаютъ и во вякихъ вѣсахъ, и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи, и въ морскомъ теченіи". Далѣе слѣдуетъ похвала Ариѳметикѣ отъ ея лица: „Азъ бо есмь отъ Бога свободная мудрость высокозрительнаго и добромысленнаго разума", и стихи:

Хотяй мене разумѣти,
Паче же, рещи умѣти,—
Нелестнымъ умомъ да навыкаетъ
И несуетнымъ помышленіемъ да внимаетъ.

Въ 1673 году Николай Спаѳарій перевелъ съ неизвѣстнаго оригинала „Ариѳмологію, сирѣчь числословіе", и многіе изслѣдователи считали ее школьнымъ руководствомъ по ариѳметикѣ. На самомъ же дѣлѣ это—подборъ мистическихъ чиселъ, напримѣръ, 9 чиновъ ангельскихъ и 9 музъ, 7 свободныхъ художествъ и 7 дней, „имиже настоящій вѣкъ числится", 5 чувствъ и 5 „доводовъ, имиже Богъ познавается", и т. д.

Геометрія.

Алгебра въ допетровской Руси была неизвѣстна.

Геометрія, линейная, долго не шла дальше практическихъ способовъ измѣренія земли, при самыхъ примитивныхъ приборахъ (веревка) и пріемахъ. Эти знанія необходимы были для тѣхъ, кому поручалось вымѣрять земельные участки, и кто пользовался указаніями въ книгѣ „Роспись полевой мѣрѣ, какъ мѣрить по государеву указу государевой указной саженью государевы дворцовыя села, и черныя волости, и вотчинныя..., и оброчныя, и порожнія земли въ селахъ, и въ деревняхъ,

и на пустошахъ". Пріемы вырабатывались, очевидно, одной практикой и состояли въ томъ, чтобы площади треугольника и даже круга приравнивать къ прямоугольнику и затѣмъ, перемноженіемъ двухъ смежныхъ сторонъ, получать квадратную мѣру. Измѣрять угловъ не умѣли; всякій треугольникъ просто приравнивался къ прямоугольному треугольнику; окружность круга раздѣлялась на четыре равныя части и т. д. Впрочемъ, какъ и большинство знаній этого рода въ Россіи XVI—XVII вѣкѣ, и геометрія стояла на той высотѣ, какъ и на западѣ въ средніе вѣка, до знакомства съ геометріей Эвклида. Изъ руководствъ по геометріи старѣйшимъ, повидимому, является „Геометрія, или землемѣріе, радіксомъ и циркулемъ", и другая, переведенная „съ аглинскіе печатные землемѣрные книги" 1616 года, съ довольно нескладнымъ предисловіемъ.

Астрономія

Астрономія, какъ дисциплина физико-математическихъ наукъ, почти не была извѣстна на Руси до эпохи Петра. Но прикладная ея сторона, готовыя вычисленія разныхъ астрономическихъ явленій, а также способы вычислять ихъ были распространены. Это были „пасхаліи", т. е. таблицы, по которымъ узнавали, когда будетъ пасха въ извѣстномъ году, а въ связи съ ними, въ подражаніе византійцамъ, которые часто давали подробную хронологію („кругъ луны", „кругъ солнца", „индиктъ" и т. д.), и у насъ въ рукописяхъ встрѣчаются такія же вычисленія. О теченіяхъ разныхъ планетъ говорится въ старинныхъ календаряхъ, святцахъ и гадальныхъ книгахъ, и астрономическія познанія на Руси стояли немного ниже, чѣмъ въ средневѣковой Европѣ. И если припомнимъ, какъ отнеслись московскіе грамотники къ словамъ южно-русскаго ученаго Зизанія о движеніи планетъ, будетъ ясно, какъ могли у насъ встрѣтить самыя основныя положенія открытій Коперника, Кеплера и Галилея. Въ XVII вѣкѣ появились переводы нѣсколькихъ книгъ: „Селенографія, еже есть луны описаніе и прилежное крапинъ ея

Переводныя книги по астрономіи.

и подвиженій различныхъ и иныхъ всѣхъ измѣненій и изображеній, зрительнаго сосуда помощію испытанныхъ, опредѣленіе", Іогана Гевелія, съ латинскаго изданія 1647 г.; „Кометы, лѣта 1680 видѣнныя", сочиненіе „наукъ свободныхъ и философіи и физики въ академіи Замойской учителя и астронома" Станислава Невескаго, съ польскаго изданія 1681 года; разные календари, сборники астрологическихъ статей, „Бѣги небесные, о движеніи и теченіи двою великихъ свѣтилъ небесныхъ, солнца и луны и другихъ пяти планетъ" и др.

Естествознаніе.

По естественной исторіи знанія значительно подвинулись впередъ, особенно—сравнительно съ древнимъ періодомъ русской образованности. Наряду съ переводами уже оставленныхъ на западѣ средневѣковыхъ книгъ, мы имѣемъ и дѣльныя книги, напр., „О четвероножныхъ перстныхъ" („De quadrupedibus digitalis viviparis") Альдрованда, съ боннскаго изданія 1637 года; „Проблемата, т. е. вопрошенія разныя списанія великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныя, такожде и лѣкарскія науки: о свойствѣ и о постановленіи удовъ (членовъ) человѣческихъ, такожде и о звѣриныхъ"—переводъ съ польской переработки средневѣковаго трактата псевдо-Аристотеля, изданнаго въ Краковѣ въ 1535 г. А такъ какъ природовѣдѣніе въ средніе вѣка почти всегда соединялось съ мистическими представленіями о гармоніи вселенной, то не слѣдуетъ удивляться, что въ наслѣдіе отъ запада мы получили и переводы такихъ книгъ, какъ „Таинствъ женскихъ, еще о силахъ травъ, каменій, звѣрей, птицъ и рыбъ" очень авторитетнаго Альберта Великаго, „Великая и предивная наука (или „кабалистическая") Богомъ просвѣщеннаго учителя" Раймунда Люлія, французскаго ученаго начала XVII вѣка, переведенная въ извлеченіи изъ „Ars Magna generalis et ultima". Были переводы сокращенной „Науки народныя" его же („Ars Brevis") съ рисунками, и „Книги

Михаила Скотта о естествознаніи". А разсказы о звѣряхъ, съ обычными и на западѣ легендами и диковинками, распространялись „Азбуковниками", переводами Максима Грека статей о „струнокамилѣ" (—страусѣ) и другихъ животныхъ, изъ Лексикона итальянца Свиды.

Луцидарій.

Новостью въ области книгъ по естественной исторіи былъ „Луцидаріусъ, сирѣчь Просвѣтитель" (иногда называется еще „Златой Бисеръ"). Въ русской письменности „Луцидарій" появился въ первой половинѣ XVI вѣка, и противъ него не разъ вооружался въ своихъ сочиненіяхъ Максимъ Грекъ. Разобравъ нѣсколько свѣдѣній изъ „Луцидарія", онъ доказывалъ, что эта книга „въ множайшихъ лжетъ и супротивъ пишетъ православнымъ преданіямъ", почему заслуживаетъ названія „Тенебраріусъ, еже есть Темнитель, а не Просвѣтитель". Оригиналомъ его была народная нѣмецкая книга — переработка латинскаго трактата богословскаго содержанія, озаглавленная „Elucidarium" и написанная въ видѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя. Здѣсь читатель находилъ самые разнообразныя свѣдѣнія ветхозавѣтной и всеобщей исторіи, географіи, геологіи, астрономіи, зоологіи, ботаники, анатоміи и физіологіи человѣка, богословскимъ наукамъ и т. д. Многое оказалось для русскаго читателя уже извѣстнымъ изъ ранѣе переведенныхъ византійскихъ апокрифовъ. Таковы свѣдѣнія о сотвореніи міра, паденіи ангеловъ, созданіи ада, о первыхъ людяхъ и ихъ сыновьяхъ, о земномъ раѣ. Кое-что обновило свѣдѣнія древнихъ „Шестодневовъ", „Палей", „Физіологовъ", „Александріи", „Христіанской топографіи" Козьмы Индикоплова, „Бесѣды трехъ святителей" и др.

Космографическія представленія по Луцидарію.

На ряду съ очень достовѣрными сообщеніями и объясненіями, въ „Луцидаріи" сплошь да рядомъ попадаются легенды, знакомыя отчасти изъ названныхъ выше книгъ. „Отъ земли даже до луны суть лукавіи духи, иже именуются и демони; тѣ намъ пакости дѣютъ, пріемлюще тѣло отъ воздуха. Отъ луны даже до

звѣздъ есть воздухъ вельми огненъ; тамо поставлени святіи ангели-хранители человѣковъ отъ дьявольскаго ухищренія". „Еще именуется кребусъ, яже знаменаетъ змія дракона, понеже адъ полнъ есть огненныхъ драконовъ и червей, иже никогда не умираютъ". „Небеса сутъ трои. Едино есть отъ земли даже до луны; второе отъ луны даже до звѣздъ; третее же надъ твердью и бѣ именуемо огненное небо; на томъ бо есть Богъ самъ со всѣми святыми Своими". О землѣ говорится слѣдующее: „Міръ сей около (—вокругъ) обліянъ водами, сирѣчь моремъ, а земля плаваетъ на водѣ, яко желтокъ въ яйцѣ, но не можетъ двигнутися, понеже ни на чемъже стоитъ". Много занимательныхъ разсказовъ о животныхъ взяты изъ средневѣковыхъ „Бестіаріевъ". Для иллюстраціи—два описанія: носорога и крокодила. „Единорогъ таковъ есть утварью (—сложеніемъ), яко лисица, имать единъ рогъ, иже есть четырехъ ступеней, есть свѣтелъ и сѣчетъ, аки мечъ. И вельми то животно грозно есть: всѣхъ противящихся ему истязяетъ рогомъ своимъ". „Тамо же есть въ водѣ глисты, сирѣчь черви, имѣюще двѣ руцѣ, аки человѣчи, и есть длиною саженъ и локоть, и толь сильни, елефанта (—слона) поимая (—схватывая) влечетъ въ воду и истлѣваютъ".

Медицина.

Отдѣлъ книгъ по медицинѣ очень богатъ. Здѣсь находимъ простонародные „Лѣчебники" съ массой суевѣрій, симпатическихъ средствъ и заговоровъ, очень пространные „Травники", гдѣ рѣчь идетъ о цѣлебныхъ свойствахъ разныхъ видовъ растительнаго царства, животнаго, минераловъ; довольно серьезный для своего времени лѣчебникъ „Вертоградъ" (начала XVII вѣка); переводный сокращенный „Прохладный Вертоградъ", книгу, „избранную отъ многихъ мудрецовъ, о различныхъ врачевскихъ вещахъ, къ здравію человѣческому пристоящихъ", и др. Въ 1534 году плѣннымъ нѣмцемъ былъ переведенъ съ нѣмецкаго итальянскій лѣчебникъ, названный по-русски „Благопро-

хладнымъ Цвѣтникомъ". Въ 1696 году холмогорскій архіеп. Аѳанасій составилъ „Реэстръ изъ дохтурскихъ наукъ, которыя суть къ человѣческимъ немощамъ прилично держать лѣкарства, и тѣ лѣкарства къ какой причинѣ быти належатъ", и т. д. Существовала у насъ очень популярная и на Западѣ „Анатомія" Реммелина, извѣстнаго „изыскателя въ лѣчебномъ дѣлѣ" („Catoptron microcosmicon"), переведенная съ изданія 1632 года, съ такимъ заглавіемъ: „Исторія и объявленіе, малаго Свѣта Зерцало, которое есть образъ Божіей твари, о человѣческомъ тѣлѣ". Затѣмъ слѣдуетъ вполнѣ основательный для своего времени Лѣчебникъ голландскаго „врачебныя науки доктора" XVII вѣка Беверина; Гигіеническія правила неизвѣстнаго автора; „Управленіе здравія врачевъ парижскихъ, царю аглицкому списанное, научающее, яко всякъ человѣкъ по вся цѣлаго року мѣсяца такъ въ яденіи и питіи, яко и въ сѣченіи жилъ имать радѣтися" (—въ кровопусканіи долженъ заботиться), изданное въ Краковѣ въ 1532 году и переведенное на всѣ почти европейскіе языки, въ стихахъ:

Аще тя цѣла, аще здрава хощешь имѣти,
Престань тяжко пещися и тяжко скорбѣти:
Скорбно сердце, гнѣвъ частый, мысль всегда уныла,—
Сіи тріе снѣдаютъ людемъ скоро тѣла.

Общественныя науки.

Совершеннѣйшей новостью въ обиходѣ русскаго читателя были книги по теоріи и практикѣ государственнаго права. Здѣсь находимъ „Образецъ крестьянскаго политицкаго князя", которую написалъ „Дидако Саеведра Факсарду, шпанскій рыцарь", извѣстный государственный дѣятель испанскій и юристъ, посланникъ при многихъ европейскихъ дворахъ (1584—1648). Это—символическое изображеніе христіанскаго государя, съ рисунками, и только такіе отдѣлы въ книгѣ, какъ „о мудрыхъ нарѣчіяхъ и о воскормленіи владѣтельныхъ и монарскихъ дѣтей", можетъ самымъ отдаленнымъ образомъ напоминать наставленія Владимира Мономаха. Далѣе идетъ трактатъ польскаго писателя

Моджеевскаго „De republica emendata“, изданный въ Краковѣ въ половинѣ XVI вѣка, въ русскомъ переводѣ носящій заглавіе: „О гражданскомъ житіи, или о поправленіи всѣхъ дѣлъ“; большое сочиненіе Лорихія о воспитаніи государя, съ занимательными примѣрами изъ греческой и римской исторіи, переведенное также съ краковскаго изданія того же приблизительно времени: „Книги о воспитаніи и наказаніи всякаго начальника, не токмо господину, но и подданному къ читанію полезны суть зѣло“; „Описаніе винъ (т. е. причинъ), имиже къ погибели и къ разоренію всякія царства приходятъ“, и т. д.

Результаты западнаго вліянія.

Перечислить всѣ новые источники для образованія немыслимо. Достаточно еще разъ указать на то, что западное вліяніе совершенно измѣнило характеръ письменности и физіономію русскаго книжнаго человѣка. Начиная съ внѣшняго вида, съ почерка рукописей и шрифта, печатныхъ книгъ, „римскаго“ лѣтосчисленія отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра (лѣтоисчисленія „христіанскаго“, какъ называли его въ старину), и кончая тѣми сообщеніями о происшествіяхъ въ западной Европѣ, которыя переводились чиновниками Посольскаго приказа съ такъ-называемыхъ летучихъ листковъ и раньше „курантовъ“ и являются прототипомъ нашихъ газетъ,—все измѣнилось. Появляются въ русскомъ переводѣ даже книги, относящіяся уже къ „роскоши“ въ культурѣ, напр., „О содержаніи псовой охоты и о порядкахъ, какъ надлежитъ знающему и прямому охотнику содержать охоту“, поляка воеводы познанскаго Яна Остророга: „Книга Охотничій Регулъ, или порядокъ о содержаніи псовой охоты“, рижскаго нѣмца Христіана фонъ-Лесси, гдѣ подробно говорится о верховой ѣздѣ, конюшнѣ, коннозаводствѣ. Въ XVII же вѣкѣ переписываются и читаются у насъ „Гиппика, или наука о коняхъ, способъ натуры, примѣтъ разныхъ конскихъ познанія, вскормленія, ученія, такъ разныхъ немощей и тяжкихъ припадковъ лѣченія по-

Переводы по другимъ отраслямъ знанія.

дающая", „Королевская ѣздная Школа господина Плювинеля, королевскаго величества высшаго конюшаго", съ гравюрами французскаго оригинала и портретомъ Людовика XIII, „Ученіе како объѣзжати лошадей, се есть художество о яжденіи", его же; „О строеніи конскаго дому", съ рисунками—типами разныхъ породъ лошадей чужеземныхъ: „персянскихъ, арабскихъ, барбарской" и т. д.

Старинныя русскія энциклопедіи.

Новое содержаніе въ русской образованности требовало систематизаціи. „Минеи-Четьи" митр. Макарія должны были собрать всю наличность произведеній, бытовавшихъ въ древне-русской письменности, письменности главнымъ образомъ духовной. Единственно возможная для этого система, притомъ вполнѣ подходящая къ характеру этой письменности, какъ мы знаемъ уже, была календарная. Для XVII вѣка этого оказалось мало. Краткость сообщеній, легкость отысканія всякихъ свѣдѣній — потребность и признакъ болѣе высокой культуры. Переписать всѣ произведенія цѣликомъ теперь не представлялось возможности чисто физической; достаточно было однихъ экстрактовъ, самыхъ существенныхъ свѣдѣній. И вотъ, появляются энциклопедическіе словари, „Азбуковники", по внѣшности совершенно напоминающіе такіе же словари нашего времени. Порядокъ здѣсь—алфавитный; объясненіе словъ и цѣлыя статьи носятъ характеръ сжатый, приспособленный для справокъ. Кромѣ того, печать времени видна еще на портативности „Азбуковниковъ", небольшихъ по размѣрамъ и формату книжекъ: черта—очень характерная для представленія о русской культурѣ изучаемой эпохи, особенно по сравненію съ 12-тью огромными томами дѣйствительно Великихъ Миней-Четьихъ, листового формата. „Азбуковники" выработались изъ „толкованій иностранныхъ (или „неудоборазумѣваемыхъ") рѣчей, яже обрѣтаются во святыхъ книгахъ не преложены (—не переведены) на русскій языкъ". Къ нимъ прибавлялись справоч-

Азбуковники, какъ показатель новой культуры.

ныя статьи, сначала въ видѣ особыхъ дополненій, самаго разнообразнаго содержанія, а впослѣдствіи свѣдѣнія изъ послѣднихъ вносились уже въ самый „Азбуковникъ“ подъ соотвѣтствующими по алфавитному порядку словами. Здѣсь читатель могъ найти не только переводъ извѣстнаго иностраннаго слова-термина, но и цѣлыя статьи по грамматикѣ, стилистикѣ, стихосложенію, ариѳметикѣ, геометріи, церковной и гражданской исторіи, античной миѳологіи, географіи, естественнымъ наукамъ, искусствамъ и т. д. Читатель находилъ здѣсь и ссылки на новые авторитеты средневѣковой западной науки, неизвѣстные у насъ раньше. А въ предисловіяхъ разсказывалось о началѣ славянской азбуки и письменности, о литературныхъ трудахъ Максима Грека; иногда прибавлялись къ нимъ греческо-русскіе словари, списки русскихъ правителей, статьи о ересяхъ, вселенскихъ соборахъ, о календарѣ и т. д. И вполнѣ понятно, почему „Азбуковники“ были обязательнымъ школьнымъ справочникомъ, который читался какъ самимъ учителемъ въ классѣ, такъ и учениками во время „хлѣбоядѣнія и отъ ученія престатія“, т. е. въ рекреаціонные часы. Иногда подзаголовкомъ „Азбуковника“ служили такія слова: „Азбуковникъ, егоже должно есть добрымъ учителямъ повседневно прочитывати въ наказаніе (—поученіе) ученикамъ“. Нѣкоторыя статьи и опредѣленія заучивались наизусть. Такой же энциклопедическій характеръ носила „Ариѳмологія“ Николая Спаѳарія, но не отличалась элементарностью свѣдѣній, не имѣла системы, особаго распространенія не получила.

Минеи-Четьи Димитрія Ростовскаго.

Словомъ, Четьи-Минеи Димитрія Ростовскаго были такимъ же завершеніемъ послѣдняго періода допетровской письменности, какъ Минеи Макарія письменности древняго ея періода (до половины XVI вѣка). Митр. Димитрій работалъ надъ ихъ составленіемъ въ Кіевѣ, въ Батуринѣ, въ Глуховѣ и Ростовѣ въ теченіе 20 лѣтъ. Хотя редакторъ пользовался латинскими

и греческими источниками (между прочимъ, у него были знаменитыя „Acta sanctorum“ болландистовъ), внесъ много житій новыхъ святыхъ, статей литературнаго, историческаго, догматическаго содержанія; хотя все это переработано и не лишено литературныхъ достоинствъ, а мѣстами дышитъ поэзіей, мѣстами виденъ трудъ ученаго,—все это только дань времени. По существу же своему, Минеи Димитрія Ростовскаго—не болѣе, какъ подновленныя Макарьевскія Минеи.

Опыты библіографіи.

Если искать въ письменности явленіе, которое могло бы считаться такимъ же осязательнымъ завершеніемъ всей допетровской образованности, то скорѣе имъ будетъ „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, составленное въ концѣ 60 годовъ XVII вѣка, по всей вѣроятности, Епифаніемъ Славинецкимъ. Епифаній можетъ называться не только „отцомъ славяно-русской библіографіи“, но и первымъ систематизаторомъ того книжнаго матеріала, который служилъ для всей старинной русской образованности допетровской эпохи.

А. И. Яцимирскій.

Краткій очеркъ исторіи Новгородской и Московской архитектуры.

I.

Архитектура Новгорода*).

Великій вольный Новгородъ, съ его пригородами, въ монгольскій періодъ нашей исторіи, избѣгнувъ татарскаго ига, съумѣлъ подняться выше своихъ собратій, остальныхъ русскихъ стольныхъ городовъ. Въ это время, пока еще не возвысилась Москва, искусство Новгорода достигаетъ своего лучшаго расцвѣта. Принявъ архитектурныя формы, завѣщанныя Византіей, новгородское зодчество, претворило ихъ въ новые мотивы могучаго порыва индивидуальнаго творчества. Новгородскій храмъ XIV—XV вѣка,—это явленіе совершенно особенное, представляющее черты оригинальныя, не встрѣчающіяся нигдѣ болѣе.

Низкій. приземистый типъ храма.

Первое, что бросается въ глаза при обозрѣніи новгородскихъ церквей, то, что однѣ изъ нихъ значительно высоки, а другія довольно низки, точно на половину срѣзаны. Еще В. В. Стасовъ **) объяснялъ эту

*) Важнѣйшая литература: *Архим. Макарій*, Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. М. 1860, ч. I и II; *В. Прохоровъ*, Русскія древности, 1871; *И. М. Мансветовъ*, Церковно-строительная дѣятельность въ Новгородѣ. Древности, VI, 1876; *В. В. Суслов*, Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. Спб. 1888; *А. М. Павлиновъ*, Исторія русской архитектуры. М. 1894; *Гр. И. Толстой* и *Н. Кондаковъ*, Русскія древности въ памятникахъ искусства, VI. СПБ. 1899; *А. Новицкій*, Исторія русскаго искусства съ древнѣйшихъ временъ. М. 1903; *И. Э. Грабарь*, Исторія русскаго искусства.

**) Собр. соч., II, стр. 90.

особенность тѣмъ, что вслѣдствіе наноснаго грунта, въ теченіе столѣтій, нѣкоторыя церкви глубоко вошли въ землю, и мы имѣемъ теперь передъ глазами одну лишь часть ихъ, все же основаніе скрыто; кромѣ того, измѣнился съ теченіемъ времени самый вкусъ архитектурный, и позднѣйшія церкви имѣютъ менѣе высоты сравнительно съ шириной и длиной ихъ, чѣмъ церкви болѣе древнія.

По мнѣнію И. Э. Грабаря*), суровый сѣверный климатъ, отсутствіе печей или хотя бы оконныхъ стеколъ, затѣмъ дороговизна обширныхъ сооруженій рано заставили искать такой типъ небольшихъ церквей, который бы давалъ возможность на небольшомъ пространствѣ размѣстить всѣ храмовыя части, завѣщанныя Византіей. Возникъ такимъ образомъ типъ храма не высокій, какъ прежде, а низкій, словно придавленный сверху внизъ, расползающійся по землѣ. Эта приземистость сдѣлалась типичной для Новгорода и особенно для Пскова.

Наконецъ, третье мнѣніе высказалъ В. Курбатовъ**). „Нѣтъ особеннаго невѣроятія, говоритъ онъ, въ томъ, что новгородское зодчество развивалось подъ двумя вліяніями: 1) желанія создать возможно простую и монументальную постройку и 2) техническаго несовершенства какъ мастеровъ, такъ и матеріала. Первое основное теченіе сказывается въ св. Софіи, гдѣ мастера-византійцы съузили храмъ и вытянули его кверху; то же самое видно въ церквн Антоніева монастыря, въ Георгіевскомъ соборѣ Юрьева монастыря, въ Николо-дворищенскомъ соборѣ, въ ладожской церкви, въ церквахъ Ѳеодора Стратилата и Спасо-Преображенія. Съ другой стороны, церкви на Мячинѣ, Синичей горѣ, Нередицѣ, Николы на Липнѣ, Благовѣщенія на Городищѣ и Спаса на Ковалевѣ стремятся къ формѣ куба, наиболѣе устойчивой, и, слѣдовательно, выполнимой

*) *Игорь Грабарь*, Исторія русскаго искусства, вып. 2, стр. 182.
**) „Зодчій“, 1911 (рецензія на изд. И. Грабаря).

съ наименьшими техническими затратами". По мнѣнію г. Курбатова, несовершенство техники давало себя чувствовать одновременно въ Грузіи, въ Новгородѣ, во Владимірѣ и на Рейнѣ; измѣненіе типовъ произошло во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ самостоятельно.

Весьма возможно, что обѣ причины наложили на новгородскую архитектуру своеобразную печать и заставили новгородцевъ выработать типъ небольшого четырехстолпнаго храма: не только несовершенство техники, но и особыя условія сѣвера сыграли здѣсь важную роль. Не безъ значенія тотъ фактъ, что у многихъ храмовъ, въ родѣ собора Дворищенскаго, Николы Липнаго, Петра и Павла, двѣнадцати Апостоловъ, Прокопія, - подцерковье прибавлено впослѣдствіи, конечно, для того, чтобы уменьшить объемъ храма. Теперь кирпичная кладка подваловъ мѣстами обвалилась, и обнаружились не только древнія стѣны, но даже остатки фресокъ и graffiti*). Оригинальныя щелевидныя окна, очень характерныя для Новгорода и Пскова и еще сохранившіяся во многихъ мѣстахъ, также, безъ сомнѣнія, возникли въ зависимости отъ сѣверной стужи.

Собственно говоря, вся исторія русскаго церковнаго зодчества представляетъ собой борьбу самобытнаго творчества съ византійскими традиціями. Духовная власть постоянно пыталась обратить наше церковное зодчество къ его старозавѣтной дорогѣ, къ византійскому типу храмовъ; законъ же эволюціи и запасъ творческихъ силъ заставлялъ отклоняться отъ него, искать жизненности въ новыхъ формахъ. Талантливые зодчіе сознавали необходимость выйти изъ замкнутаго круга, освободиться отъ надоѣвшаго кодекса архитектурныхъ законовъ. Такимъ путемъ возникало самобытное искусство. Такъ было во Владиміро-Суздальскомъ краѣ, гдѣ церковное зодчество выработало свой собственный, мѣстный обликъ. То же самое мы видимъ

*) *В. К. Мясоѣдовъ*. Никола Липный. Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Новгородъ. 1910, стр. 5.

въ Москвѣ въ XVI и XVII вѣкахъ. То же, безъ сомнѣнія, было и въ Новгородѣ.

Строительная дѣятельность здѣсь была весьма обширна, о чемъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, постоянно отмѣчающія постройку какой-нибудь каменной церкви, при чемъ строителями были не только мѣстные люди: князья, архіепископы, игумены и купцы, но и пріѣзжіе, даже заморскіе гости. За 300 лѣтъ строительнаго періода въ Новгородѣ образовалась значительная школа мѣстныхъ мастеровъ: уже въ самомъ началѣ XII вѣка лѣтописи называютъ имена русскихъ зодчихъ.

Фазы развитія новгородск. храма.

Всѣ новгородскія церкви можно раздѣлить на три группы, сообразно тремъ фазамъ эволюціи новгородскаго храма.

Первая группа—церкви шестистолпныя, византійскаго типа, XI-й вѣкъ и начаго XII-го вѣка.

Вторая группа—церкви четырехстолпныя, конецъ XII-го вѣка, переходной періодъ борьбы византійскихъ традицій съ новыми началами.

Третья группа—расцвѣтъ новгородскаго зодчества, конецъ XIII-го вѣка, вторая половина XIV-го вѣка; въ смыслѣ пропорцій—отчасти возвращеніе къ прежнему.

Софійскій соборъ.

Главной святыней господина Великаго Новгорода былъ храмъ св. Софіи (рис. 1). Первоначально онъ былъ сооруженъ (въ 989 г.) дубовымъ о 13 верхахъ, но въ 1045 году сгорѣлъ, и новый соборный храмъ, но уже каменный, въ томъ же году заложенъ новгородскимъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ; строили ее византійскіе зодчіе, которые въ теченіе 7 лѣтъ эту церковь „устрояша вельми прекрасну и превелику“.

Новгородцы придавали св. Софіи особенное значеніе, олицетворяя въ ней всю землю Новгородскую: „къде св. Софія ту Новгородъ“—было боевымъ кличемъ новгородцевъ. „Либо возвратимъ свою отчину къ св. Софіи и В. Новгороду, либо сложимъ головы за св. Софію и за господина своего Великаго Новгорода“.

Планъ Новгородской Софіи, если отдѣлить два ея боковые придѣла, какъ позднѣйшую пристройку, представляетъ любопытное сходство съ Успенскимъ соборомъ во Владимірѣ и съ храмомъ въ Моквѣ въ Абхазіи*); слѣдовательно, онъ имѣетъ, вмѣстѣ съ кіевскими и черниговскими церквами, общій византійскій типъ.

Въ настоящее время византійское происхожденіе русскихъ храмовъ домонгольскаго періода, въ томъ

Рис. 1. Св. Софія въ Новгородѣ.

числѣ и новгородскихъ, оспаривается Г. К. Лукомскимъ**). Опираясь на теорію проф. Стржиговскаго, г. Лукомскій старается доказать, что не только кіевское и черниговское зодчество имѣютъ въ исходной основѣ близость къ зодчеству Востока, т. е. Арменіи и Закавказья, но и церкви Новгорода и особенно Владиміра носятъ слѣды плановаго сходства съ храмами

*) Матеріалы по археологіи Кавказа, подъ редакціей гр. Уваровой. Вып. III. М. 1893 г. Табл. IV.

**) „Зодчій", 1912 г. № 22, стр. 233 и далѣе.

армянскими. „Стиль нашихъ первоначальныхъ церквей, говоритъ онъ, въ значительной степени болѣе армянскій, нежели византійскій. Все побережье Чернаго моря входитъ въ область армянскаго искусства и связывается съ традиціями Персіи, эпохи Сассанидовъ. Храмы Кіева, Чернигова и Новгорода въ плановомъ смыслѣ вполнѣ совпадаютъ съ памятниками абхазскими (церкви Лыхни, Мокви, Никорцменды), съ византійскими же храмами сходство значительно меньше". Однако, намъ кажется, что мнѣніе это (впрочемъ, не новое, такъ какъ и раньше нѣкоторые изслѣдователи обращали взоры на Арменію и Грузію) малообосновательно *). Во-первыхъ, грузинская и армянская архитектура представляетъ одну изъ многочисленныхъ вѣтвей византійскаго искусства. Грузинскіе и армянскіе храмы наименѣе оригинальны именно въ своихъ архитектурныхъ планахъ; въ этомъ отношеніи они тѣснѣе всего примыкаютъ къ памятникамъ собственно византійской архитектуры. Во-вторыхъ, типичность церквей Абхазіи заключается, главнымъ обра-

*) Между прочимъ, сторонникомъ восточнаго вліянія на домонгольскую Русь выступилъ на XV археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ проф. А. А. Павловскій. Проф. Павловскій заявилъ, что онъ не согласенъ съ обычнымъ мнѣніемъ о романскомъ (западномъ) происхожденіи Владиміро-Суздальской орнаментики. По его мнѣнію, вообще названія: византійское, романское искусство—названія условныя и памятники этихъ стилей нельзя обязательно связывать по происхожденію съ Византіей или западной Европой. Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ сложенія того и другого искусства являлась Сирія, особенно послѣ арабскаго завоеванія, усиленно снабжавшая Россію и западную Европу мелкими произведеніями христіанскаго искусства, оказывавшими вліяніе на сложеніе такъ называемаго романскаго стиля. Экспортъ этихъ произведеній шелъ двумя путями: по сѣверному побережью Африки чрезъ Сицилію въ западную Европу; чрезъ Кавказскія ворота по сѣверному побережью Чернаго моря въ славянскія земли и по Волгѣ и Окѣ во Владиміръ-Суздальскую область, а новгородскими ушкуйниками изъ Штиля заносился и въ Новгородъ. Слѣды сирійскихъ типовъ проф. Павловскій видитъ въ Спасо-Нередицкихъ фрескахъ, мало общаго имѣющихъ съ византійскими—константинопольскими типами.

зомъ, въ ихъ *внѣшнемъ видѣ* *), но эта-то внѣшность ничѣмъ и не отразилась въ древне-русскомъ зодчествѣ. Въ-третьихъ, если принять гипотезу объ армянскомъ происхожденіи древне-русскихъ храмовъ, то что же тогда дѣлать съ свидѣтельствами лѣтописей и другихъ литературныхъ памятниковъ, какъ Кіево-Печерскій патерикъ, житія русскихъ святыхъ, которыя говорятъ, что древнія церкви были построены греческими мастерами, и греческіе же художники ихъ расписывали. Не подлежитъ оспариванію фактъ, что наиболѣе древнія

Рис. 2. Николо-Дворищенскій соборъ въ Новгородѣ.

русскія иконы носятъ явныя черты византійскаго мастерства, снабжены греческими надписями на нимбахъ, коронахъ, свиткахъ и т. д. Съ рѣдкой иконой не связано преданіе, притомъ древнее и часто давно же записанное, о происхожденіи ея изъ Византіи. То же самое нужно сказать о миніатюрахъ древнихъ рукописей, окладахъ-переплетахъ, священныхъ сосудахъ, тканяхъ и вышивкахъ, всѣхъ предметахъ богослуженія, даже

*) *Гр. И. Толстой* и *Н. Кондаковъ*, Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 4-й, СПБ. 1891 г., стр. 38.

церковной музыкѣ.—Что касается плановъ церквей, то ученые справедливо находятъ сходство Моквскаго плана (въ Абхазіи) съ планомъ св. Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ. Однако, верхнія массы храма въ Мокви образуютъ четырехфронтонный крестъ (подобно византійскимъ храмамъ въ Аѳинахъ), тогда какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ въ XI-мъ вѣкѣ четырехфронтонный крестъ, какъ мѣстная форма, совсѣмъ не существовалъ.

Храмы начала XII вѣка.

Къ св. Софіи примыкаетъ цѣлый рядъ уцѣлѣвшихъ храмовъ начала XII вѣка: Николо-Дворищенскій

Рис. 3. Церковь Рождества Богородицы въ Антоніевомъ монастырѣ.

соборъ (рис. 2), заложенный въ 1113 г. на Ярославлемъ дворищѣ сыномъ Владиміра Мономаха, Мстиславомъ, церковь Рождества Богородицы въ Антоніевомъ монастырѣ (1116 г.) (рис. 3) и Георгіевскій соборъ въ Юрьевомъ монастырѣ (1119 г.) (рис. 4).

Это—первая группа церквей въ Новгородѣ, византійскаго типа, шестистолпныхъ, удлиненныхъ, вытянутыхъ, „Новгородскій храмъ, говоритъ г. Грабарь по поводу этихъ памятниковъ ранне-новгородскаго зодчества, красивѣе всего съ алтарной стороны, и ни одна

стѣна не производитъ такого нарядnаго впечатлѣнія, какъ восточная, хотя нарядность эта заключается не въ узорахъ, часто совсѣмъ отсутствующихъ, а въ томъ изумительномъ искусствѣ, съ которымъ зодчій облюбовывалъ формы трехъ закругленныхъ выступовъ и искалъ прихотливыхъ линій ихъ волнистыхъ изгибовъ". Эти храмы отличаются простотой, гладью стѣнъ, лишенныхъ почти всякой декораціи, и дѣйствуютъ на зрителя однимъ чисто архитектурнымъ очарованіемъ. Нужно, однако, отмѣтить украшеніе алтарныхъ стѣнъ Николо-Дворищенскаго собора нишами, напоминающими ниши

Рис. 4. Георгіевскій соборъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

въ Кіевской св. Софіи и Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Черниговѣ. Эта декорація абсидъ заимствована изъ Византіи.

Однако, уже въ эту раннюю эпоху новгородскаго зодчества появляются зачатки развитія, въ которыхъ есть нѣчто независимое отъ византійскаго искусства. Барабанъ новгородскаго купола представляетъ значительное уклоненіе отъ византійскаго типа: вмѣсто многогранной формы въ Новгородѣ была усвоена форма круглая. Большія окна замѣнены узкими щелевидными

Отклоненіе отъ визант. формъ.

просвѣтами. Глава сначала получаетъ заостреніе вверху, а потомъ вырабатывается луковичная форма главы съ раздвинутыми боками. Эта форма, въ своемъ зачаточномъ видѣ напоминающая древній шлемъ, встрѣчается въ зодчествѣ Владиміро-Суздальскомъ (Дмитріевскій соборъ), откуда она перешла въ Москву.

Луковичная форма главы.

Происхожденіе луковичныхъ главъ до сихъ поръ не вполнѣ выяснено. Такая странная и въ высшей степени не конструктивная форма не могла возникнуть, какъ развитіе идеи свода, такъ какъ подобный сводъ не могъ бы существовать. Вопросъ о непосредственномъ заимствованіи луковичной формы главъ съ Востока большинствомъ изслѣдователей рѣшается отрицательно на томъ основаніи, что форма стрѣльчатаго купола, свойственная магометанскому Востоку, образуетъ выпуклую поверхность, безъ вогнутости, типичной для луковичныхъ главъ *). Одни ученые полагаютъ, что луковичная форма главъ создалась, какъ развитіе византійскаго купола, подъ вліяніемъ климатическихъ условій, т. е. большихъ осадковъ дождя и особенно снѣга, заставившихъ заострить вершину и выпучить бока, чтобы снѣгъ не давилъ вершину и, стекая, не отсыривалъ стѣнъ барабана. Другіе полагаютъ, что такъ какъ эта форма могла явиться только благодаря употребленію стропилъ, которыя составляютъ принадлежность деревянныхъ построекъ, то она заимствована изъ деревянной архитектуры. Очертаніе луковицы, вѣроятно, нравилось нашимъ зодчимъ, и они перевели его въ каменную архитектуру. По барабанамъ куполовъ, а также по верху алтарныхъ полукружій тянется карнизъ изъ арочекъ,—романскій декоративный мотивъ, встрѣчающійся на черниговскихъ храмахъ.

*) *Л. Новицкій.* Луковичная форма русскихъ церковныхъ главъ. Ея происхожденіе и развитіе (Древности. Труды комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Москов. Археол. Общ. 1909 г., т. III, стр. 349 сл.).

Со второй половины XII вѣка въ новгородскомъ церковномъ зодчествѣ проявляются новыя теченія; начинаютъ пробиваться на мѣстной почвѣ новые ростки, дѣлаетъ успѣхи самобытное направленіе; оно характеризуется самостоятельнымъ развитіемъ предшествующей фазы въ сторону измѣненія плана и пропорцій. Новыя теченія. успѣхи самобытнаго творчества.

Въ церкви Благовѣщенія на берегу озера Мячина, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода (1179 г.), и въ церкви Петра и Павла, на Синичей горѣ (1185 г.), впервые появляется приземистый, коренастый, архаичный типъ храма, подобный церкви Переяславля и Георгіевскому собору Юрьева Польскаго во Владиміро-Суздальской области. Въ планѣ явилась новая особенность: церковь представляетъ собою прямоугольное помѣщеніе съ четырьмя внутренними столбами, несущими на себѣ шею главы. Возникаетъ четырехстолпный типъ храма; столбы стоятъ нѣсколько ближе къ восточной стѣнѣ церкви, чѣмъ къ западной, что̀ вызвано увеличеніемъ хоръ, находящихся въ западной части церкви: два восточныхъ столба очутились позади иконостаса, въ самомъ алтарѣ, вслѣдствіе чего главная часть храма (для молящихся) стала совсѣмъ тѣсной. Вмѣстѣ съ этимъ, дѣленіе наружной стѣны на три части сдѣлалось неравномѣрнымъ; та часть, которая примыкаетъ къ алтарю, стала совсѣмъ узкой. Однако, крыша—посводная. Церковь Благовѣщенія на Мячинѣ.

Въ Георгіевской церкви въ старой Ладогѣ, въ смыслѣ пропорцій, одерживаетъ верхъ первый типъ храмовъ Новгорода.

Новыя начала, наблюдаемыя въ новгородскомъ зодчествѣ второй половины XII вѣка, получаютъ дальнѣйшее развитіе въ церкви апостола Ѳомы, построенной въ 1196 году на берегу того же озера Мячина, и въ церкви Спаса-Преображенія на горѣ Нередицѣ, построенной великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1198 году (рис. 5). Дѣло въ томъ, что въ числѣ особенностей новгородскаго зодчества XIV вѣка есть одна, касающаяся алтаря: три полукружія алтаря Церковь ап. Ѳомы на берегу о. Мячина. Церковь Спаса-Преображенія на горѣ Нередицѣ.

замѣнились однимъ большимъ; но эта особенность явилась не случайно, нѣкоторый подходъ къ ней намѣчался уже издавна. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ церкви апостола Ѳомы, гдѣ крайніе алтари понижены, а главный алтарь расширенъ; въ Спасъ-Нередицѣ боковыя абсиды опущены такъ низко, что едва достигаютъ половины средней абсиды. Въ дальнѣйшемъ движеніи зодчества боковыя абсиды совсѣмъ исчезли.

Рис. 5. Церковь Спаса-Нередицы.

Спасо-Нередицкая церковь, составляющая гордость новгородской старины, находится въ трехъ верстахъ отъ Новгорода противъ богатаго Юрьева монастыря на крутомъ берегу р. Волхова. Эта маленькая, издали бѣлѣющаяся церковка, вблизи удивительно прекрасная, являющаяся въ „сіяніи красоты“, подобно принцессѣ въ сказкѣ, заключаетъ въ себѣ полную фресковую роспись XII вѣка, почти не тронутую реставраціей, во многомъ оригинальную, полную характерности. Въ 1903 и 1904 годахъ была произведена интересная

реставрація Спасо-Нередицкой церкви архитекторомъ П. П. Покрышкинымъ, при чемъ было возстановлено древнее посводное покрытіе храма.

Церковь Николы на Липнѣ (т. е. на топкомъ, липкомъ мѣстѣ), (рис. 6), заложенная въ 1292 г., является древнѣйшимъ представителемъ того типа храмовъ, который господствуетъ въ новгородскомъ зодчествѣ XIV—XV вѣка—эпохи самаго цвѣтущаго состоянія новгородской архитектуры. Въ планѣ она представляетъ собою квадратное помѣщеніе съ четырьмя столбами; алтарь имѣетъ одинъ полукруглый выступъ; среднія дѣленія церкви покрыты коробовыми сводами; угловыя помѣщенія имѣютъ полукоробовые своды, идущіе въ восточно-западномъ направленіи и упирающіеся въ пяту средняго свода. Судя по направленію верхнихъ украшеній фасадовъ и по слѣдамъ позднѣйшихъ угловыхъ накладокъ, можно безошибочно сказать, что эта церковь первоначально была покрыта на 8 скатовъ (двумя перпендикулярно пересѣкающимися крышами)*). Средніе пилястры на фасадѣ исчезли, остались только угловые, поддерживающіе трехлопастную арку (это украшеніе въ видѣ полукружія и боковыхъ полудугъ какъ бы соотвѣтствуетъ внутреннему покрытію сводовъ главнаго и боковыхъ нефовъ). По очерганію трехлопастной арки выложенъ зубчатый (романскій) поясокъ. По аналогіи то же самое повторяется на другихъ фасадахъ—сѣверномъ и южномъ. Окна барабана увѣнчаны арочками, а абсида—карнизомъ.

Никола Липный. Расцвѣтъ новгородскаго зодчества.

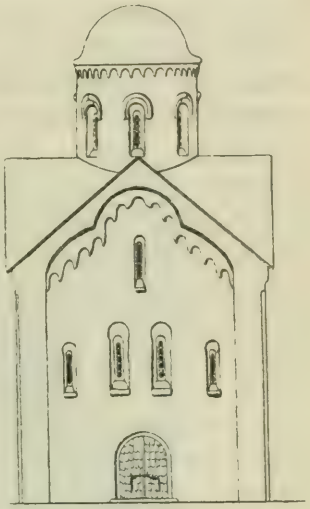


Рис. 6. Церковь Николы на Липнѣ.

*) Нашъ рисунокъ Николы Липнаго представляетъ опытъ реставраціи г. Мясоѣдова.

Къ Николѣ Липному близко примыкаетъ Волотовская церковь Успенія *). Она также опускаетъ среднія лопатки и имѣетъ на фасадахъ одну трехлопастную арку.

Этотъ мотивъ очень привился въ послѣдующемъ зодчествѣ Новгорода и сдѣлался главной типической чертой новгородской архитектуры XIV—XV-го вѣка. Главная масса храма—кубическая; прежнія три наружныя полукруглыя арки, обозначающія внутреннее покрытіе тремя сводами, исчезли совершенно и замѣнились треугольными фронтонами (щипцами), расположенными на каждомъ фасадѣ. Никола Липный и Волотовская церковь не имѣютъ троечастнаго дѣленія, а только угловыя лопатки. Отсутствіе вертикальныхъ линій дѣлало низкій храмъ еще болѣе приземистымъ. Въ XIV вѣкѣ явилось желаніе сдѣлать храмъ болѣе стройнымъ и высокимъ; тогда зодчіе снова вернулись къ украшенію фасадовъ излюбленными пилястрами: каждая сторона фасада дѣлится пилястрами на три части; фронтонъ—щипецъ украшенъ по бокамъ фасада двумя полуарками и въ срединѣ одной аркой или даже трехлопастной; эти арки опираются на четыре плоскихъ пилястра.

Происхожденіе типическихъ особенностей новгородскихъ храмовъ XIV в.

Откуда взялись эти главныя особенности Новгородскихъ храмовъ: восьмискатная крыша, фронтоны, украшенные трехлопастными арками или полукружіями и боковыми полудугами, съ пилястрами или безъ пилястръ? Нѣкоторые считаютъ типическія черты новгородской архитектуры XIV в. самобытными, полагая, что причиной появленія треугольныхъ фронтоновъ былъ сѣверный климатъ и вліяніе деревянныхъ церквей. Фасадъ же своими формами вполнѣ отвѣчаетъ и, такъ сказать, рисуетъ внутреннюю конструкцію храма.

Однако, многое, повидимому, говоритъ за то, что подобное расчлененіе наружныхъ стѣнъ храма принад-

*) *Суслов*, Церковь въ Волотовѣ (въ трудахъ предварительнаго комитета къ устройству XV Арх. съѣзда).

лежитъ къ числу заимствованныхъ мотивовъ, навѣянныхъ или Византіей, или романскимъ Западомъ. Очень характерно для Византіи украшеніе фасада тройнымъ окномъ. Оно устроено такъ, что колонны, столбы или пилястры дѣлятъ его на три части; при этомъ боковыя части оканчиваются вверху полуаркой, а средняя часть имѣетъ круглый верхъ (Кахріэ-джами, соборъ въ Хиландарѣ).

Эта декорація фасада перешла къ намъ въ домонгольскій періодъ вмѣстѣ съ византійскимъ церковнымъ зодчествомъ. Этотъ мотивъ оконъ сохраняютъ Черниговскій соборъ и церковь св. Василія въ Ов-

Рис. 7. Церковь Ѳеодора Стратилата.

ручѣ. Такое устройство оконъ было присуще многимъ храмамъ домонгольскаго періода. Весьма возможно, что византійскіе храмы послужили первоисточникомъ въ дѣлѣ декоративной обработки наружныхъ стѣнъ новгородскихъ церквей. Въ Аѳинахъ существуетъ нѣсколько одноглавыхъ церквей съ четырьмя фронтонами. Церковь св. Ѳеодора въ Аѳинахъ имѣетъ ту же декоративную обработку фронтона, какъ и новгородскія церкви.

Я не настаиваю на томъ, чтобы это мнѣніе было принято, какъ нѣчто непреложное, хотя такого же взгляда держался Забѣлинъ. „Несомнѣнно, говоритъ

онъ *), что Новгородскій типъ кровельнаго угла идетъ.... съ юга, изъ Византіи. И кружала правильныя, и кружала скошенныя подъ угломъ стѣны, а потому расчлененныя на три доли, суть обычные пріемы Византійскаго зодчества. Изъ Византіи они пошли и на западъ, и къ намъ на сѣверъ. Новгородская форма въ своемъ углѣ сходна, напр., съ Грузинскимъ типомъ, который, конечно, взятъ у той же Византіи".

Есть еще мнѣніе **), по которому общее фронтонное покрытіе надъ тремя нефами, полукоробовые своды,

Рис. 8. Церковь Спаса-Преображенія.

характеръ орнаментики—это романскіе элементы, которые достаточно ясно указываютъ, откуда шли вліянія.

Дѣйствительно, карнизъ изъ арочекъ и декоративный узоръ въ видѣ трехлопастной арки,—это из-

*) *И. Е. Забѣлинъ*, Русское искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ. М 1900, стр. 79—80.

**) *Л. Даль*, Труды I-го Археол. Съѣзда, I, стр. 280; *В. К. Мясоѣдовъ*, Никола Липный, стр. 3.

вѣстныя особенности романской архитектуры *); но они, въ свою очередь, восходятъ къ византійскимъ образцамъ. Теорія о зависимости романскаго искусства отъ византійскаго и его сирійской вѣтви въ настоящее время всѣмъ хорошо извѣстна. Арочки, тройныя окна, трехлопастныя арки въ романской архитектурѣ—это элементы византійскіе. Трехлопастная арка украшаетъ западный фасадъ въ красномъ монастырѣ въ Ѳиваидѣ въ южномъ Египтѣ **). Возможно, конечно, что Новгородъ могъ получить эти формы съ Запада. Въ пользу того, что трехлопастная арка заимствована, а не возникла самостоятельно, говоритъ ея примѣненіе, исключительно съ декоративной цѣлью, въ среднемъ дѣленіи фасада новгородскихъ церквей XIV вѣка (напр., церковь Спаса-Преображенія); здѣсь она не имѣетъ ничего общаго съ конструкціей сводовъ.

Церковь Ѳеодора Стратилата на торговой сторонѣ.

Среди новгородскихъ церквей второй половины XIV вѣка наиболѣе сохранившейся въ своемъ первоначальномъ видѣ является церковь Ѳеодора Стратилата на торговой сторонѣ, построенная въ 1360 году (рис. 7). Этотъ храмъ—прекраснѣйшее воспоминаніе чисто-новгородскаго зодчества. Неподдѣльное восхищеніе, испытываемое передъ этимъ памятникомъ, объясняется тѣмъ, что онъ сохранилъ свой ароматъ, цѣнный и трогательный, далекаго прошлаго. Глядя на его наивно-безыскусственныя декоративныя формы, кажется, что строители новгородскихъ храмовъ XIV—XV вѣковъ были прекрасные и невинные люди, подобно первобытнымъ грекамъ. Эпическимъ духомъ вѣетъ отъ ихъ твореній.

Церковь Спасо-Преображенія на торговой сторонѣ.

Соборъ Спаса-Преображенія на торговой сторонѣ, построенный въ 1374 году (рис. 8), представляетъ собой наиболѣе законченно-выработанный образецъ фронтонныхъ церквей. Того же характера и церковь Петра и Павла на Софійской сторонѣ, построенная въ 1406 г.

---

*) Напр., соборъ въ Шпейерѣ (*Hartung*, Motive der mittelalterlichen Baukunst in Deutschland, Taf. 115) или церковь въ Лаахѣ (*R. de Lasteyrie*, L' architecture religieuse en France a l'époque romane. Paris, 1912, fig. 537).

**) *В. Г. Бокъ*. Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта, 1901 г., табл. XXV.

II.

Архитектура Москвы*).

Возвышеніе Москвы.

Въ татарскій періодъ начинается возвышеніе Москвы. Изъ малоизвѣстнаго удѣльнаго городка Суздальской области Москва мало-помалу превращается въ великокняжескую, а затѣмъ въ царскую всероссійскую столицу, изъ деревянной—въ бѣлокаменную и златоглавую. Въ первый разъ Москва упоминается въ половинѣ XII вѣка: въ 1147 году суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій звалъ къ себѣ на Москву пировать сѣверскаго князя Святослава Ольговича. По преданію, на ея мѣстѣ находились села, принадлежавшія богатому боярину Кучко Степанову. „Тотъ Кучко встрѣтилъ великаго князя (Юрія Долгорукаго) гордо и недружелюбно и поносивъ ему; за что былъ преданъ смерти. Великій князь возлюбилъ села боярина и повелѣлъ сдѣлать градъ малъ древянъ по лѣвую сторону рѣки на берегу и прозва его градъ Москва". Городъ былъ срубленъ на Кремлевскомъ холмѣ, покрытомъ боромъ. Воспоминаніе объ этихъ временахъ до сихъ поръ сохраняютъ названія въ Кремлѣ: „Боровицкія ворота", „Спасъ на бору".

*) Важнѣйшая литература: Памятники московской древности *Ивана Снегирева*. Москва 1842—1845 г.; Памятники русскаго зодчества, *Ф. Рихтера*. М. 1850; Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, составлена *А. Мартыновымъ*. Текстъ И. М Снегирева. М. 1852; *А. М. Павлинова*, Исторія русской архитектуры. М. 1894; *Новицкій*, Исторія русскаго искусства; *И. Забѣлинъ*, Исторія гор. Москвы. М. 1902; Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Составилъ *В. В. Суслов*ъ; *И. Грабарь*, Исторія русскаго искусства вып. 5, 6, 7; *Мих. Красовскій*, Очеркъ исторіи московскаго періода древне-русскаго церковнаго зодчества. М. 1911.

Въ 1238 году Батый сжегъ Москву вмѣстѣ съ посадами; тогда въ огнѣ погибли деревянныя церкви, монастыри и села, а побѣдители захватили „много имѣнія“, извѣстіе, указывающее на то, что Москва успѣла уже превратиться въ оживленный торговый городъ, окруженный посадами. Послѣ Батыева разоренія былъ заложенъ новый городъ.

Во второй половинѣ XIII вѣка Москва—уже центръ небольшаго удѣльнаго княжества. Въ это время появляется въ ней первый каменный храмъ Спаса въ Даниловомъ монастырѣ (1272 г.). Каменное зодчество въ Москвѣ въ ту пору стояло на очень низкой ступени развитія. Москва имѣла въ окрестностяхъ матеріалъ, годный для каменныхъ построекъ, но не имѣла зодчихъ и каменщиковъ. Тѣ и другіе приходили сюда изъ Владиміра или Пскова.

Храмъ Спаса въ Даниловомъ монастырѣ.

Въ теченіе всего XIV вѣка Москва была почти исключительно деревяннымъ городомъ. Великокняжескій набережный теремъ, митрополичье подворье подъ боромъ, также другіе дворы и хоромы, а въ посадѣ повалуши, курныя избы, клѣти и лачуги—все было деревянное; каменныя зданія считались такой рѣдкостью, что лѣтописи упоминаютъ о нихъ наряду съ государственными событіями.

Въ княженіе Калиты воздвигаются въ Москвѣ каменныя церкви: 1) Успенскій соборъ (1326 г.), 2) Спасъ на Бору (1330 года), 3) Архангельскій соборъ (1333 г.). Послѣдній Калита назначилъ быть усыпальницей себѣ и своимъ преемникамъ.

Иванъ Даниловичъ Калита. Каменныя церкви въ Москвѣ.

Спасъ на Бору.

Рис. 9. Церковь Спаса на Бору.

Изъ этихъ церквей уцѣлѣлъ Спасъ на Бору (рис. 9), да и то не въ первоначальномъ видѣ. Церковь была выстроена изъ

бѣлаго камня, подобно Владимірскимъ храмамъ. Древняя кладка сохранилась теперь вышиной приблизительно въ ростъ человѣка. Остальная часть, сдѣланная изъ кирпича, есть позднѣйшая передѣлка. По наружному виду трудно составить себѣ понятіе о первоначальномъ видѣ церкви, однако при взглядѣ на планъ (рис. 10) легко отличить древнюю часть: это—четыреугольникъ съ тремя алтарными выступами и четырьмя столбами внутри.

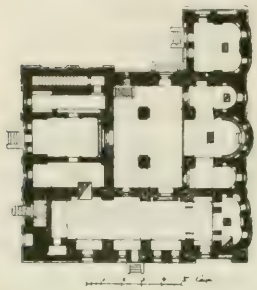


Рис. 10. Планъ ц. Спаса на Бору.

Церковь чуда Арх. Михаила въ Москвѣ, выстроенная въ началѣ XVI вѣка на старомъ подклѣтѣ (подклѣтъ изъ бѣлаго камня) въ отношеніи плана также можетъ служить образцомъ церковнаго зодчества XIV вѣка.

Успенскій соборъ въ Звенигородѣ.

Но наиболѣе полнымъ представителемъ ранне-московской архитектуры является Успенскій соборъ въ Звенигородѣ (рис. 11 и 12). Онъ построенъ въ концѣ XIV вѣка третьимъ удѣльнымъ звенигородскимъ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ.

По мнѣнію Мих. Красовскаго, „въ ранне-московскій періодъ типъ русскаго церковнаго плана, начавшій было во Владиміро-Суздаль-

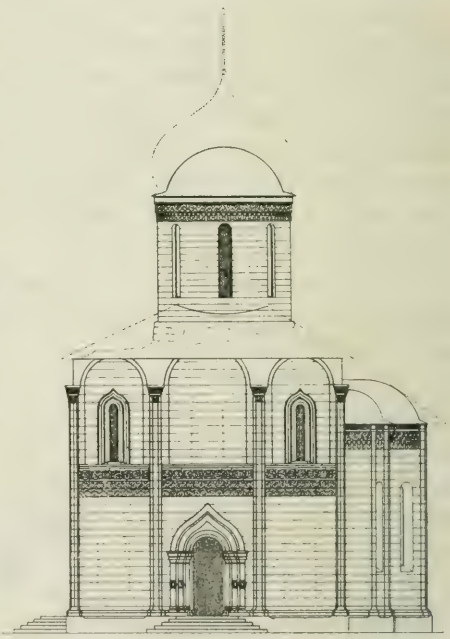


Рис. 11. Успенскій соборъ въ Звенигородѣ.

скую эпоху, пріобрѣтать свой собственный мѣстный обликъ, обезличивается и возвращается къ своему прототипу,—къ періоду византійскому. По ходу историческихъ событій этого и слѣдовало ожидать, ибо, потерявъ свою политическую самостоятельность, Русь естественно должна была временно лишиться возможности жить полной жизнью, вырабатывать свои идеалы и принципы, а слѣдовательно должно было на время замереть и свободное творчество въ области зодчества".

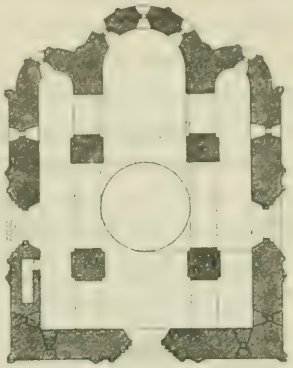


Рис. 12. Планъ Успенскаго собора въ Звенигородѣ.

Общій характеръ раннемосковскаго зодчества.

Въ эпоху Калиты и Дмитрія Донского Москва строитъ маленькіе низенькіе одноглавые каменные храмы, представляющіе теперь удивительную противоположность другимъ огромнымъ и великолѣпнымъ зданіямъ, да и прежде они едва ли превышали брусяныя избы, хоромы и повалуши великихъ князей. Планъ ихъ и матеріалъ (бѣлый тесаный камень) близки планамъ и матеріалу Владиміро-Суздальскихъ церквей. Однако, поясъ и романскіе порталы (или перспективные входы), заимствованные изъ Владиміра, трактуются нѣсколько иначе. Поясъ, вмѣсто Владиміро-Суздальскихъ арочекъ, состоитъ изъ орнаментовъ византійскаго характера. Порталъ превращается какъ бы въ обивку тесмой съ бусиной или „дынькой" въ серединѣ; вершина портала заострена *). Окна и закомары также получили заостреніе. Обронныя украшенія исчезли безслѣдно.

По мнѣнію Мих. Красовскаго, заостреніе порталовъ и закомаръ,—эта новая, мѣстная особенность,—находится въ тѣсной связи съ климатическими усло-

*) Порталъ звенигородскаго Успенскаго собора повторяется затѣмъ въ Рождественской церкви въ Старомъ Симоновѣ, около Москвы, освященной въ 1509 г.

віями, предохраняетъ вершины дугъ отъ скопленія на нихъ снѣга *).

Каменное зодчество въ Москвѣ не могло подняться до конца XV вѣка. Непрочность кладки и неумѣніе дѣлать своды—вотъ что отличало постройки того времени и служило главной причиной отсутствія памятниковъ каменнаго зодчества въ ту раннюю эпоху.

Иванъ III. Эпоха роста и украшенія Москвы.

Съ воцареніемъ Ивана III начинается эпоха новой жизни Московскаго государства, эпоха роста и украшенія Москвы. Освобожденіе отъ татаръ, родственные союзы съ греческимъ и литовскимъ дворами, сношенія съ Римомъ, покореніе богатаго Новгорода, Твери, Вятки, присоединеніе другихъ княжествъ сѣверо-восточной Россіи—давали Ивану новый поводъ и новыя средства къ украшенію своей столицы. Прежде, въ Москвѣ, послѣ каждаго пожара и разоренія, постройки возводились безъ всякаго порядка: тѣснили другъ друга и готовили новую пищу для пожаровъ; улицы и переулки были узки и кривы; теперь Кремлевскій холмъ очищается отъ старыхъ деревянныхъ церквей и окружавшихъ ихъ кладбищъ, сносятся многіе дворы и закладывается каменная городская стѣна съ красивыми башнями-воротами. Существовавшіе тогда въ Кремлѣ каменные соборы и церкви казались уже тѣсными, не отвѣчавшими величію Москвы. Иванъ III предпринимаетъ цѣлый рядъ построекъ для украшенія города.

Успенскій соборъ, главная святыня Москвы, пришелъ въ такую ветхость, что его своды были, по словамъ лѣтописца, подперты „древіи толстыми“. Послѣ того, какъ попытка соорудить новый Успенскій соборъ при помощи своихъ собственныхъ мастеровъ кончилась неудачей, Иванъ III рѣшилъ обратиться за предѣлы Руси.

*) Віолле-ле-Дюкъ выводилъ нашу луковичную главу съ Востока. Нѣкоторые объясняютъ это теперь иначе. Но можетъ быть, и заостреніе порталовъ связано съ восточнымъ вліяніемъ Вопросъ этотъ надо считать открытымъ.

Призывъ итальянскихъ зодчихъ.

Въ 1474 г. онъ отправилъ посла Семена Толбузина въ Венецію „мастера нытати церковнаго". Толбузинъ привозитъ въ Москву болонскаго архитектора Ридольфо Фіораванте (или Фіоравенти), прозваннаго за свои познанія Аристотелемъ. Съ этого времени московскіе князья и цари постоянно вызываютъ къ себѣ иностранныхъ художниковъ, которые другъ за другомъ являются въ Москву „послужить своимъ мастерствомъ и работишкой". Таковы—Марко Руффо, Пьетро Антоніо Солари, Пьетро Дебосси, Алоизій Нови, Джанъ Баттиста делла Вольпе (онъ же Иванъ Фрязинъ) и др.

Рис. 13. Московскій Успенскій соборъ.

Успенскій соборъ.

Аристотель Фіораванте сооружаетъ Московскій Успенскій соборъ въ 1475—79 годахъ (рис. 13). Прежде всего онъ разрушилъ до основанія при помощи стѣнобитной машины уцѣлѣвшія отъ паденія стѣны прежняго собора, затѣмъ выкопалъ новые рвы, глубиной болѣе двухъ сажень, и заложилъ величественный по тому времени храмъ. Прежде чѣмъ приступить къ самой постройкѣ стѣнъ, Аристотель съѣздилъ во Владиміръ осмотрѣть Владимірскій Успенскій соборъ. Пред-

положеніе Снегирева и Прохорова, что московскій Успенскій соборъ былъ буквальнымъ подражаніемъ Владимірскому собору,—неосновательно. Во-первыхъ, при сравненіи плановъ обѣихъ церквей видна существенная разница между ними. Московскій Успенскій соборъ (рис. 14)—шестистолпный, при чемъ четыре столба круглые. Это—нововведеніе, отъ котораго составитель Софійскаго временника приходитъ въ восторгъ, говоря, что верхъ храма покоится „аки на четырехъ древахъ". Во Владимірскомъ соборѣ—три алтарныхъ полукружія, въ Московскомъ же ихъ пять. Во-вторыхъ, Аристотель съѣздилъ во Владиміръ только послѣ прорытія фундаментовъ; слѣдовательно, планъ его былъ уже напередъ составленъ. Вліяніе Владимірской архитектуры отразилось впрочемъ на фасадѣ собора. Мы видимъ здѣсь такой же арочный поясъ, такіе же порталы.

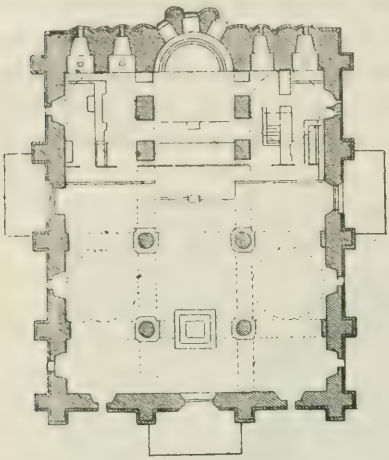


Рис. 14. Планъ Московскаго Успенскаго собора.

Изслѣдователи отмѣчаютъ, что въ произведеніи Фіораванте проглядываетъ увлеченіе не только формами Владимірскаго Усперскаго собора, но и раннемосковскими архитектурными формами *). Копируя порталы и арочный поясъ Владимірскаго собора, Фіораванте насаживаетъ „бусы" на всѣ жгуты и полуколонны. Шеи главъ—гладкія, безъ всякихъ украшеній, по образцу Спаса на Бору и собора въ Звенигородѣ. Московскій Успенскій соборъ словно выдержанъ въ стилѣ ранней Москвы и чаруетъ своей величественной простотой.

*) *И. Грабарь.* Исторія рус. иск.

Благовѣщенскій соборъ.

Черезъ 11 лѣтъ послѣ освященія Успенскаго собора, т. е. въ 1490 году, былъ освященъ другой кремлевскій соборъ—Благовѣщенскій (рис. 15). Первымъ создателемъ его былъ еще великій князь Василій Дмитріевичъ. Но затѣмъ соборъ пришелъ въ ветхость и великій князь Иванъ III велѣлъ разобрать его и *на его подклѣтѣ* выстроилъ новую церковь. Строили ее псковскіе мастера. Храмъ представляетъ квадратное зданіе съ тремя алтарными полукружіями и съ че-

Рис. 15. Благовѣщенскій соборъ.

тырьмя столбами по срединѣ (какъ въ ранне-московскій періодъ). Съ южной, западной и сѣверной сторонъ его окружаютъ крытыя паперти или галлереи съ двумя крыльцами. Надъ папертями возвышаются, примыкающія къ четыремъ угламъ зданія, четыре придѣла. Эти паперти и придѣлы пристроены были впослѣдствіи (1563—64 гг.). Храмъ—пятиглавый. Среднюю главу окружаютъ въ видѣ постамента кокошники (заостренныя вверху арочки). Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ

пріемъ покрытія, которому прійдется сыграть видную роль въ московской архитектурѣ XVI—XVII вѣка.

Архангельскій соборъ.

Подобно Успенскому, также и Архангельскій соборъ (рис. 16) въ началѣ XVI вѣка оказался ветхимъ и тѣснымъ. Иванъ III велѣлъ его разобрать и въ 1505 году заложилъ, по образцу Успенскаго собора, новый, болѣе обширный храмъ. Сооруженіе этого храма было поручено миланскому архитектору Алевизу Но-

Рис. 16. Архангельскій соборъ.

вому. Наружная декорація храма проникнута духомъ сѣверно-итальянскаго искусства ранняго Возрожденія. Фасадъ собора представляетъ двухэтажное зданіе, увѣнчанное карнизомъ, поверхъ котораго поставлены декоративныя раковины.

По мнѣнію В. Прохорова, существующая теперь наружная отдѣлка не одновременна постройкѣ собора, который долженъ былъ имѣть такую же простую, су-

ровую декорацію, какъ и Успенскій соборъ. Прохоровъ нашелъ себѣ сторонника въ лицѣ г. Красовскаго, который удивляется, какимъ образомъ все высшее духовенство и великій князь не возстали противъ такой вовсе не русской, по взглядамъ того времени, декораціи православнаго собора, стоящаго въ центрѣ Кремля, на виду у всѣхъ; такое новшество было бы мыслимо въ концѣ XVII вѣка, но не въ самомъ началѣ XVI-го.

Истинное пониманіе декораціи Архангельскаго собора, да и самаго творчества Алевиза можетъ быть установлено, если обратить вниманіе на то, что еще въ первые вѣка нашей эры въ скульптурѣ и въ архитектурѣ была очень распространена декоративная ниша, перекрытіе которой (четверть шара) отдѣлывалось въ формѣ раковины. Эта декорація встрѣчается безчисленное число разъ на скульптурныхъ памятникахъ (напр., кресло еп. Максиміана, пиксиды, диптики, Равенскіе саркофаги). Среди архитектурныхъ памятниковъ нужно назвать церковь св. Апостоловъ на миніатюрѣ сѣсѣдъ Іакова, монаха Кокиновафскаго монастыря, и соборъ св. Марка въ Венеціи. Арочные пролеты фасада св. Марка первоначально были украшены раковинами, какъ объ этомъ можно судить по старинной мозаикѣ XIII вѣка, украшающей лѣвую дверь на фасадѣ собора. Соборъ св. Марка, безъ сомнѣнія, передалъ этотъ декоративный мотивъ раннему Ренессансу. Онъ же вдохновилъ миланскаго архитектора Алевиза при созданіи Архангельскаго собора. Противъ разновременности постройки зданія и облицовки его фасада говоритъ еще та значительная роль, которую Архангельскому собору пришлось сыграть въ русской архитектурѣ и которая уже отмѣчена въ ученой литературѣ *). Алевизъ ввелъ въ русскую архитектуру *карнизъ*, котораго раньше въ ней не было. Алевизовъ карнизъ быстро завоевалъ себѣ мѣсто, и съ половины XVI вѣка почти всѣ храмы Москвы трактуютъ его такъ или иначе.

*) *И. Грабарь*, Исторія русскаго искусства.

Соборъ Ново-дѣвичьяго монастыря.

Подъ Москвой, у Воробьевыхъ горъ, по берегамъ рѣки Москвы, разстилается широкая долина, издавна носившая загадочное названіе „Дѣвичьяго поля“. Въ 1524 году, по обѣту великаго князя Василія Ивановича, была построена здѣсь женская обитель. Новодѣвичій монастырь, какъ и другія древнія русскія обители, могъ служить крѣпостью для обороны противъ непріятеля. Онъ былъ окруженъ высокой каменной зубчатой стѣной съ бойницами, стрѣльницами и башнями. Величаво выглядываютъ изъ-за монастырскихъ стѣнъ большія каменныя зданія, а среди нихъ возвышается соборъ. Этотъ соборъ сооруженъ въ 1524 г., повидимому, въ подражаніе Успенскому собору, съ которымъ имѣлъ много общаго. Въ это время оказалось сильнымъ вліяніе Московскаго Успенскаго собора; благодаря ему, создался опредѣленный типъ *соборнаго* храма, которому всѣ болѣе или менѣе подражали въ XVI—XVII вѣкѣ; это—большой пятиглавый храмъ съ шестью внутренними столбами; закомары нерѣдко перерѣзаны карнизомъ; на круглыхъ шеяхъ насажены большія луковичныя главы. Пятиглавіе, возрожденное Аристотелемъ Фіоравенти, не по личной иниціативѣ, а по волѣ высшей свѣтской и духовной власти, находитъ себѣ подражаніе не только при сооруженіи оффиціальныхъ храмовъ, но и въ церквахъ монастырскихъ.

Вліяніе Успенскаго собора.

Типъ соборнаго и монастырскаго храма.

Шатровые храмы XVI вѣка.

Въ XVI вѣкѣ московское зодчество, руководимое талантливыми мастерами и вспомоществуемое всѣми техническими средствами современнаго строительнаго искусства, пріобрѣтенными отъ итальянцевъ, создаетъ архитектурные памятники высоко-художественнаго достоинства; между ними первымъ нужно признать храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ. „Всматриваясь въ наиболѣе выдающіяся московскія церкви XVI вѣка, говоритъ г. Красовскій, и основывая свое сужденіе только на сопоставленіи ихъ съ церквами предыдущаго періода, можно прійти къ заключенію, что между памятниками церковной архитектуры этихъ двухъ періодовъ

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московскаго Совета Профессиональных Союзов

нѣтъ ничего общаго; разница такъ велика, какъ-будто эти церкви выстроены совершенно различными народами, исповѣдующими лишь одну и ту же религію". Это была реакція противъ прежнихъ грузныхъ и расплывчатыхъ византійскихъ мотивовъ; ихъ теперь замѣняютъ массой болѣе законченной, съ ясно выраженнымъ стремленіемъ вверхъ. Овладѣвъ техникой, москов-

Рис. 17 Церковь Іоанна Предтечи въ с. Дьяковѣ.

скіе мастера получили возможность развернуть свои художественныя дарованія. При созданіи каменныхъ храмовъ, сильнымъ источникомъ вдохновенія для нихъ послужили деревянныя церкви сѣвернаго края Россіи. Совершается явственный поворотъ къ воспроизведенію въ кирпичѣ формъ деревяннаго зодчества. Эти плоды

народнаго художественнаго творчества выросли въ эпоху Василія Ивановича и царя Ивана Грознаго. Въ 1529 году великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ и его супругой Еленой, по обѣту, былъ выстроенъ храмъ Усѣкновенія главы Іоанна Продтечи въ подмосковномъ селѣ Дьяковѣ (рис. 17). Зодчему предстояла задача объединить въ одну группу нѣсколько храмовъ—придѣловъ. Онъ воспользовался формой плана деревянныхъ церквей и впервые ввелъ въ каменную церковную архитектуру форму восьмерика или гранника и открытыя ходовыя галлереи. Дьяковскій храмъ содержитъ въ себѣ элементы, которые составляютъ уже переходъ къ шатровымъ церквамъ. Меньшія главы имѣютъ пирамидальную форму, представляя собой какъ бы зачаточные невысокіе шатры.

Церковь с. Дьякова.

Дальше пошелъ строитель храма Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ (рис. 18), сооруженнаго тѣмъ же великимъ княземъ черезъ три года послѣ Дьяковскаго храма. Коломенскій храмъ представляетъ первое по времени примѣненіе шатра. Въ планѣ это—равноконечный двадцатистѣнный крестъ. Галлерея вокругъ храма прежде имѣла видъ открытой террассы. На современниковъ сооруженіе этого храма произвело сильное впечатлѣніе. Лѣтописецъ говоритъ: „Бѣ же та церковь вельми чудна красотой и лѣпотой, такова не бывала прежде сего на Руси“. Въ этой по-

Ц. въ селѣ Коломенскомъ.

Рис. 18. Церковь Вознесенія въ с. Коломенскомъ.

стройкѣ есть что-то величественное, что́ отлично вяжется съ тѣмъ далекимъ, унылымъ, типично сѣверно-русскимъ пейзажемъ, среди котораго она возвышается.

Многія подробности этихъ обѣихъ церквей имѣютъ такую близкую генетическую связь съ Василіемъ Блаженнымъ въ Москвѣ, что не остается сомнѣнія въ томъ, что строители Василія Блаженнаго—Посникъ и Барма̀—смотрѣли на Дьяковскую и Коломенскую церкви, какъ на идею, которую они развили и усложнили въ своемъ произведеніи.

Рис. 19. Храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ.

Храмъ Василія Блаженнаго.

Храмъ Василія Блаженнаго или Покровскій соборъ (рис. 19), это истинное выраженіе народнаго генія, извѣстенъ всему міру оригинальностью своихъ формъ. Онъ былъ построенъ царемъ Иваномъ Грознымъ въ память взятія Казани въ 1552 г. Девять храмовъ объединены на одномъ общемъ основаніи, такъ что въ центрѣ находится главный, самый большой по размѣрамъ храмъ, а его окружаютъ въ строгой сим-

метріи восемь меньшихъ, и вся группа этихъ храмовъ въ видѣ восьмиугольной звѣзды представляетъ собою стройное и художественное цѣлое (рис. 20). Въ ниж-

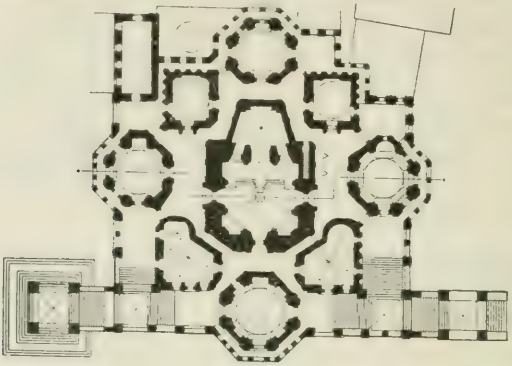


Рис. 20. Планъ Покровскаго собора.

немъ этажѣ храмовъ не было. Первоначально нижніе этажи собора предназначались, кажется, для храненія, какъ тогда было въ обычаѣ, наиболѣе дорогого имущества жившихъ по близости собора горожанъ. Увлеченіе шатровой формой заставило строителей придать главному престолу шатровый верхъ, основаніе окружить открытой ходовой галлереей, столь присущей деревяннымъ церквамъ.

Рис. 21. Церковь с. Медвѣдкова.

Преобладающимъ типомъ церквей во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка

былъ шатровый. Къ такому типу относятся церкви Спаса-Преображенія въ с. Островѣ и Покрова Богородицы въ с. Медвѣдковѣ подъ Москвой (рис. 21), церкви Рождества въ Путинкахъ (начала XVII в.) (рис. 22) и Воскресенія въ Гончарахъ. Начиная со второй половины XVII вѣка, московскіе зодчіе лишены были возможности строить шатровыя церкви: противъ нихъ началъ гоненіе патріархъ Никонъ; преемники Никона продолжали препятствовать постройкѣ шатровыхъ церквей. Но уже гораздо раньше, задолго до Никона, а именно—съ конца XVI-го вѣка устанавливается новое направленіе въ московскомъ зодчествѣ, появляется новый архитектурный стиль. Въ послѣднее время высказаны два взгляда на происхожденіе этого стиля. По мнѣнію г. Красовскаго, къ началу XVII вѣка установилось „среднее“ направленіе зодчества, т. е. два направленія архитектуры, изъ которыхъ одно, всецѣло

Церковь въ селѣ Медвѣдковѣ подъ Москвой. Ц. Рождества въ Путинкахъ.

Рис. 22. Церковь Рождества въ Путинкахъ въ Москвѣ.

Самобытная московская архитектура XVII вѣка.

придерживавшееся стародавнихъ принциповъ, другое— новое, самобытное, выражавшееся преимущественно въ примѣненіи шатровой формы, постепенно слились. По мнѣнію г. Горностаева*), „Москва приняла принесенный псковичами типъ небольшого, лишеннаго внутреннихъ столбовъ, одноглаваго, „посадскаго“ храма. Живущая широкою жизнью, все увеличивающаяся, столица сразу развиваетъ этотъ пріемъ, присоединяя къ нему трапезу и придѣлы. Небольшой размѣръ такихъ храмовъ, перекрытыхъ сомкнутымъ сводомъ, въ началѣ вполнѣ удовлетворялъ москвичей, гарантируя, до нѣкоторой степени, безопасность отъ пожаровъ. Но, разростаясь въ ширину, эти храмы неминуемо требовали роста и въ высоту, тѣмъ болѣе, что рядомъ стояли высокія деревянныя церкви. Эволюціонируя „посадскій“ храмъ получаетъ на своемъ сомкнутомъ сводѣ ряды кокошниковъ, затѣмъ подклѣтъ и галлерею. Развиваясь дальше, „посадскій“ храмъ въ половинѣ XVII вѣка получаетъ пять декоративныхъ главъ, въ качествѣ символовъ, удовлетворяющихъ „древнему завѣту“. Достигнувъ въ такомъ видѣ своего кульминаціоннаго пункта, посадскіе храмы регрессируютъ, придавленные четырехскатной кровлей“.

Московская архитектура XVII вѣка, взятая въ лучшемъ своемъ состояніи, кристаллизовалась въ опредѣленныя формы. Цѣлому ряду памятниковъ церковнаго зодчества присущи однѣ и тѣ же основныя особенности, на основаніи которыхъ можно установить стройную архитектурную систему. Благодаря этому, московское зодчество получаетъ важное самостоятельное значеніе, какъ опредѣленный стиль. Безъ сомнѣнія, оно не осталось внѣ заимствованій какъ византійскихъ художественныхъ элементовъ, которые были подъ руками, такъ и своихъ собственныхъ формъ, взятыхъ изъ роднаго деревяннаго зодчества, но оно пере-

*) *И. Грабарь*, Исторія рус. иск.

работало и поглотило эти разнообразные элементы, и потому московское зодчество XVII вѣка такъ же, какъ и шатровая архитектура сѣверной Россіи, по всей справедливости должно быть признано искусствомъ самобытнымъ и національнымъ. Его стиль настолько же оригиналенъ, красивъ и приноровленъ къ художественнымъ вкусамъ современниковъ и эпохи, среди которой возникъ, какъ и другіе, выдающіеся архитектурные стили.

Основныя особенности московскаго самобытнаго зодчества XVII вѣка.

Въ какія же формы вылилась эта самобытная, своеобразная и причудливая московская церковная архитектура XVII вѣка? Исходной точкой осталась та же византійская квадратная церковь съ тремя абсидами и куполомъ на четырехъ столбахъ. Иногда зодчіе, желая сдѣлать церковь болѣе открытой, не загроможденной столбами, уничтожали столбы. Вѣнчаніе церквей пятиглавіемъ, безъ помощи четырехъ внутреннихъ столбовъ, какъ это дѣлалось до того, составляетъ характерную черту постройки небольшихъ церквей эпохи царей Романовыхъ. Съ южной и сѣверной сторонъ къ церкви примыкаютъ два придѣла съ абсидами. Съ трехъ сторонъ церковь окружена открытой галлереей или ходовой папертью. Обычай окружать зданіе сѣнями и папертями получилъ въ деревянныхъ церквахъ такое широкое примѣненіе, что перешелъ и въ каменную архитектуру. Обыкновенно храмъ XVII вѣка поставленъ на высокихъ подвалахъ по образцу подклѣтей деревянныхъ церквей и хоромныхъ построекъ, такъ что онъ двухъэтажный. Красивую часть составляютъ крыльца (подражаніе деревяннымъ крыльцамъ) съ шатровымъ верхомъ и столбами въ видѣ большихъ аляповатыхъ балясинъ; арка, заполняющая средину, часто дѣлается двойной, принимаетъ красивую форму свободно висящаго замка въ видѣ консоли („серьга“ или „гирька“), принимающей на себя малыя арки пролета. Эта форма арки, встрѣчающаяся и въ окнахъ,—западнаго проис-

хожденія (Casa dei Caraccі“ въ Болоньи); она принесена къ намъ итальянцами въ концѣ XV вѣка и впервые была примѣнена, вѣроятно, въ Грановитой палатѣ.

Можно подмѣтить два стремленія въ московской архитектурѣ XVII вѣка: 1) стремленіе вытянуть вверхъ церковное зданіе, чтобы оно, подобно шатровымъ храмамъ, видно было издалека, и 2) стремленіе къ возможно богатой внѣшности храма.

Стремленіе вверхъ достигается тѣмъ, что главная масса храма представляетъ четырехугольный столбъ (два прямоугольника, поставленные одинъ на другомъ), нагрузкой верхней части церкви тремя ярусами кокошниковъ и, наконецъ, пилястрами и колоннами (особенно длинныя колонны имѣетъ церковь въ с. Тайнинскомъ). Зодчіе, впрочемъ, не желали предоставлять исключительное господство вертикальнымъ линіямъ, которыя, направляя зрѣніе постоянно вверхъ, производили бы неспокойное впечатлѣніе. Съ этою цѣлью зодчіе дѣлаютъ цоколь и расчленяютъ фасады по этажамъ тягами или карнизами. Получался балансъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій.

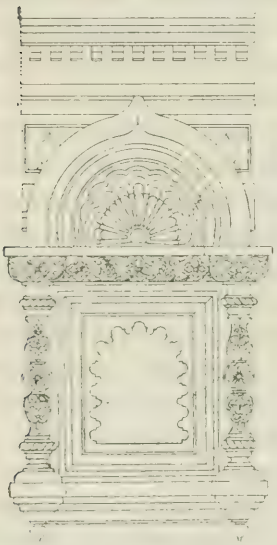


Рис. 23. Окно въ ц. Казанской Б. М. въ Троицкомъ мон. въ Муромѣ.

Въ декоративной обработкѣ стѣнъ были достигнуты блестящіе результаты какъ въ самой Москвѣ, такъ въ особенности въ Ярославлѣ, Ростовѣ, Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Каргополѣ. Появляются два новыхъ вида матеріаловъ—*изразцы* и *лекальный* или *фигурный кирпичъ*. Они придаютъ наружности пестрый, игривый видъ, но въ тоже время, будучи заготовлены впередъ, имѣя одни и тѣ же размѣры какъ для крупныхъ, такъ и для мелкихъ частей зданія, дѣлаютъ постройку нѣсколько аляповатой и тяжелой.

Главная декоративная часть храма XVII вѣка— это обработка оконъ. Въ XVII вѣкѣ окна представляютъ цѣлыя архитектурныя сооруженія съ фронтономъ и колоннами. При этомъ композиціи отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ. Древній видъ закомары или кокошника (рис. 23) оказался наиболѣе устойчивымъ и далъ цѣлый рядъ интересныхъ по рисунку формъ: наприм., „звѣздчатая“ форма (рис. 24), кудрявая форма, трехлопастная форма и т. д.

Боковыя части наличника состоятъ изъ чередующихся другъ съ другомъ парныхъ балясинокъ („кувшинчиковъ“) и розетокъ. Обыкновенно полагаютъ, что это есть подражаніе деревянной рѣзьбѣ. Но нельзя не указать и на то, что подобные наличники имѣютъ большое сходство съ ножками трона Спасителя на византійскихъ и русскихъ иконахъ, мозаикахъ и т. п.*). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что композиція наличниковъ заимствована именно оттуда и впервые появилась на церковныхъ зданіяхъ. Иногда боковыя части наличника дѣлаются въ видѣ колоннокъ съ бусиной (ранне-московская форма) или въ видѣ простыхъ балясинъ.

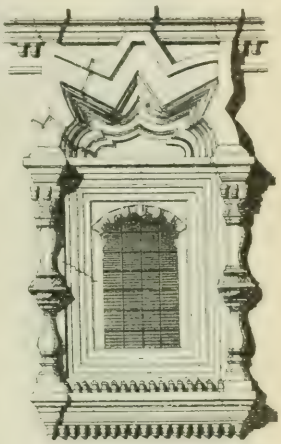


Рис. 24. Окно въ алтарѣ въ Останкинѣ.

При употребленіи *кокошниковъ* мы встрѣчаемъ два пріема. Самые великолѣпные образцы (ц. св. Троицы или Грузинской Б. М., св. Николая въ Пыжахъ, св. Николая въ Столпахъ, Сергія въ Пушкаряхъ, с. Останкина, с. Маркова) представляютъ такой пріемъ: надъ карнизомъ помѣщены два ряда кокошниковъ, одинъ надъ другимъ, образуя усѣченную пирамиду. На этомъ

*) *И. Кондаковъ*, Лицевой иконописный подлинникъ. Иконографія Іисуса Христа. 1905, рис. 64, 68, 70, 71, 78, 79 и т. д.

основаніи поставлены одна или чаще пять главъ, очень сближенныхъ между собою, на особыхъ четыреугольныхъ базахъ, которыя въ свою очередь окружены кокошниками. Кокошники здѣсь имѣютъ значеніе конструктивное. Но иногда (второй пріемъ) кокошники дѣлаются болѣе декоративными, сливаются со стѣной надъ карнизомъ и прикрываются крышей. Этотъ пріемъ, безъ сомнѣнія, возникъ подъ вліяніемъ декораціи Архангельскаго собора (вмѣсто раковинъ—кокошники). Впервые мы его находимъ въ ц. въ с. Вя-

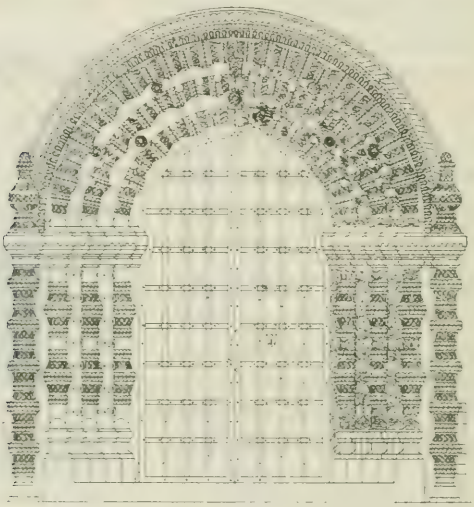


Рис. 25. Западный порталъ собора въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.

земахъ, а затѣмъ въ ц. с. Тайнинскаго и въ ц. св. Николая на Берсеневкѣ.

Значеніе московскихъ главъ, которыя нерѣдко были закрыты внутрь храма, совершенно уклонилось отъ ихъ византійскаго прототипа: онѣ имѣютъ лишь символически-декоративное значеніе.

Глава превратилась въ маковицу съ сильной выпуклостью и съ большимъ подвышеніемъ къ кресту, давшимъ ей форму луковицы или груши.

Обращаетъ на себя вниманіе замѣна традиціонныхъ до сего времени лопатокъ колонками съ романскими капителями и базами, то сгруппированными попарно, то поставленными по одиночкѣ. Девять десятыхъ церквей того времени снабжены этими пучками колоннъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни въ суздальскихъ, ни въ новгородскихъ, ни въ ранне-московскихъ церквахъ *).

Карнизъ, помѣщающійся выше этихъ полуколоннъ, богатый и чрезвычайно грузный, сдѣланъ изъ лекальнаго кирпича и изразцовъ; онъ украшенъ ширинками (четыреугольными впадинами); дно каждой ширинки выложено гончарной плитой, имѣющей въ центрѣ сердцевидную прорѣзь или листообразное углубленіе.

Двери этихъ церквей—единственная часть, удержавшая еще свой суздальскій или романскій видъ, — дѣлались въ видѣ ряда арокъ, вставленныхъ одна въ другую; только столбы и карнизы ихъ дѣлались изъ лекальнаго кирпича (рис. 25).

Впервые появляется въ XVII в. постояннымъ спутникомъ церкви восьмигранная шатровая колокольня, часто въ сѣверо-западномъ углу церкви, какъ напр., въ церкви Грузинской Б. М. въ Москвѣ, въ ц. св. Николая въ Пыжахъ (рис. 26) на Б. Ордынкѣ.

Рис. 26. Колокольня при церкви св. Николая въ Пыжахъ.

*) Колонки эти напоминаютъ колонки пояса въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Не оттуда ли онѣ заимствованы?

Ц. въ селѣ Вяземахъ.

Одна изъ наиболѣе раннихъ церквей— церковь Преображенія въ с. Вяземахъ Московской губ. (рис. 27). Преданіе приписываетъ постройку этой церкви Борису Годунову. Церковь имѣетъ: подцерковье, два придѣла и двухъэтажную открытую галлерею; сложена изъ бѣ-

Рис. 27. Ц. Преображенія въ с. Вяземахъ.

лаго камня. Наружныя украшенія указываютъ на вліяніе Архангельскаго собора.

Полной выработанности основныхъ своихъ формъ московскій архитектурный стиль достигъ въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича или въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

Образцами полнаго расцвѣта московскаго зодчества являются церковь въ подмосковномъ селѣ Тайнинскомъ и Грузинской Божіей Матери. Каменная церковь села Тайнинскаго (рис. 28 и 29) очень оригинальна и представляетъ собой интересный примѣръ постройки временъ царей Романовыхъ. Передъ церковью расположена трапезная съ 6-ю столбами, на которыхъ помѣщены хоры или палати, обхватывающія

Расцвѣтъ московскаго зодчества. Ц. села Тайнинскаго.

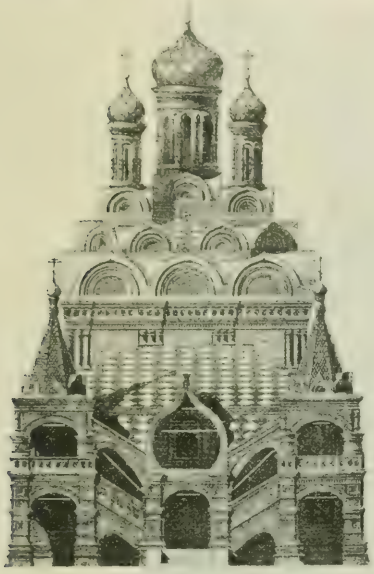


Рис. 28. Церковь с. Тайнинскаго.

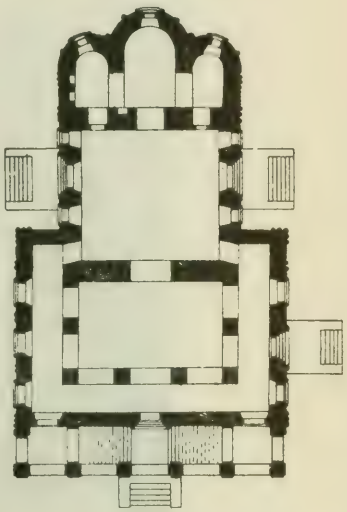


Рис. 29. Планъ ц. с. Тайнинскаго.

трапезную и часть церкви съ обѣихъ сторонъ. На палати ведутъ двѣ наружныя широкія и крутыя лѣстницы.

Церковь св. Троицы и Грузинской Божіей Матери въ Китай-городѣ у Варварскихъ воротъ (рис. 30) представляетъ общій планъ, какъ и большая часть современныхъ ей церквей: квадратная высокая середина безъ внутреннихъ столбовъ и болѣе низкіе алтарь и трапезная, все вмѣстѣ поставлено на высокихъ подва-

Ц. св. Троицы и Грузинской Б. М.

лахъ. Входъ въ церковь устроенъ съ улицы черезъ открытое крыльцо, покрытое шатромъ.

Не менѣе интересны по своей архитектурѣ ц. св. Николая въ Пыжахъ (рис. 31) и ц. св. Николая въ Столпахъ на Мароссейкѣ, также принадлежащія началу царствованія Алексѣя Михайловича.

На этихъ памятникахъ кругъ полнаго развитія московскаго архитектурнаго стиля былъ законченъ, и

Рис. 30. Церковь Св. Троицы и Грузинской Божіей Матери.

въ слѣдующій моментъ появляются признаки упадка: архитектура начинаетъ дряхлѣть и вырождаться; зодчіе все меньше и меньше оказываются въ силахъ создать что-либо выдающееся въ отживающемъ стилѣ и лишь повторяютъ надоѣвшія всѣмъ формы. Прежде чѣмъ окончательно угаснуть, московскій стиль сдѣлалъ какъ бы послѣднее усиліе и, вспыхнувъ на мгновеніе яркимъ пламенемъ, оставилъ послѣ себя два дивныхъ памят-

ника—церковь села Останкина (рис. 32) и церковь въ селѣ Марковѣ (рис. 33). Однако и здѣсь нѣтъ уже прежняго благороднаго вдохновенія: строители искали новыхъ эффектовъ въ излишнемъ декоративномъ богатствѣ и главнымъ образомъ въ вычурности формъ. Насколько вычурны формы этихъ церквей, показываетъ

Церковь с. Останкина. Церковь села Маркова.

Рис. 31. Церковь св. Николая въ Пыжахъ на Больш. Ордынкѣ.

стѣна сѣвернаго придѣла церкви села Останкина на рисункѣ 34.

Мих. Красовскій прекрасно освѣтилъ движеніе, замѣчаемое въ московской архитектурѣ второй половины XVII вѣка. Въ виду новизны его выводовъ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя положенія, извлеченныя изъ труда почтеннаго изслѣдователя.

Новое теченіе въ московской архитектурѣ XVII вѣка.

Галлереи или ходовыя паперти во второй половинѣ XVII вѣка доживали свои послѣдніе дни. Зодчіе, удовлетворяя вкусамъ времени, гораздо охотнѣе создавали свои планы, не прибѣгая къ ходовымъ папертямъ. Стала господствовать форма *корабля*, т. е. планъ храма представлялъ соединеніе трехъ частей, расположенныхъ въ рядъ по направленію отъ востока къ западу. Основную существенную часть храма составляло помѣщеніе

Рис. 32. Церковь села Останкина.

для молящихся, и къ нему уже примыкалъ съ востока алтарь, а съ запада трапезная. Трапезная дѣлается неотъемлемой частью церковнаго зданія, тогда какъ въ XVI вѣкѣ и въ началѣ XVII в. она встрѣчается далеко не всегда.

Нужно отмѣтить одну интересную особенность: колокольня ставится въ связи съ церковью, на про-

дольной оси храма, при входѣ въ церковь, такъ что нижняя часть колокольни часто играла роль крыльца.

Судя по числу сохранившихся памятниковъ, планы церквей въ формѣ корабля пользовались, повидимому, бо́льшими симпатіями, чѣмъ планы типа церквей села Останкина и Маркова.

Рис. 33. Церковь села Маркова.

Подклѣты или совсѣмъ не примѣняются, или предназначаются для устройства въ нихъ зимнихъ церквей, что̀ до второй половины XVII вѣка практиковалось очень рѣдко.

Средней, наиболѣе высокой, части храма продолжали придавать призматическую четырехгранную форму, покрывать ее пирамидой кокошниковъ и увѣнчивать

пятиглавіемъ. Низкіе алтари и низкая трапезная составляютъ характерныя черты храма (рис. 35). Впрочемъ, понемногу начинаютъ затушевывать доминирующее значеніе кокошниковъ, увеличиваютъ высоту пьедесталовъ подъ шеями главъ, переносятъ кокошники

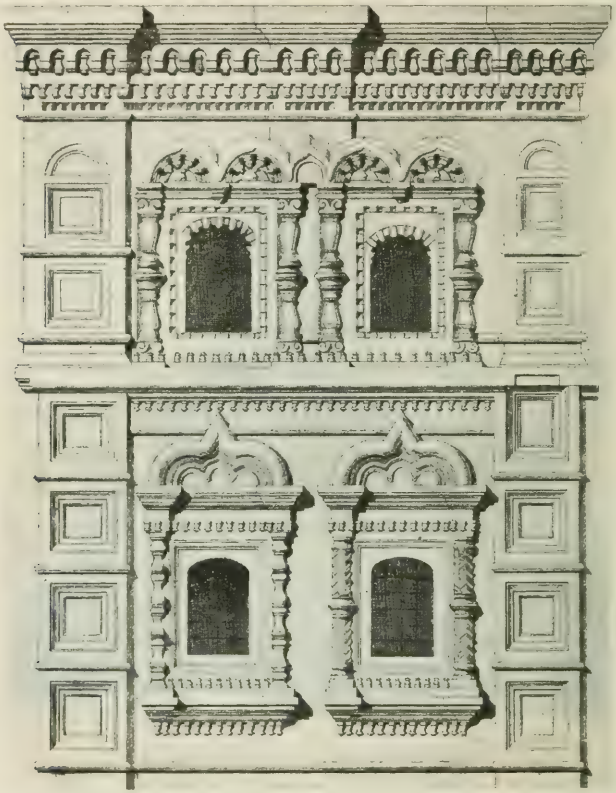


Рис. 34. Стѣна сѣвернаго придѣла ц. села Останкина.

на стѣны, совершенно отказываются отъ кокошниковъ, появляется четырехскатная крыша, подъ вліяніемъ, какъ мы полагаемъ, деревянныхъ, такъ называемыхъ, „кубоватыхъ“ храмовъ.

Въ декоративномъ отношеніи, зодчіе - новаторы второй половины XVII вѣка видятъ свой идеалъ въ простотѣ, въ архитектурной стройности композиціи всего убранства, а не въ массѣ фантастическихъ мотивовъ. Въ этомъ отношеніи ихъ произведенія представляютъ полную противоположность церквамъ Останкинскаго типа.

Новое направленіе зодчества почти совсѣмъ вытѣснило старые самобытные пріемы. Въ Москвѣ осталось мало памятниковъ Останкинскаго типа. Напротивъ,

Рис. 35. Церковь въ селѣ Сергіево Московской губ.

въ болѣе отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ, куда результаты борьбы проникали медленнѣе, прежній стиль нашелъ приверженцевъ. Ростовъ, Ярославль, Кострома, Рязань, Калуга сохраняютъ памятники этого направленія зодчества. Церкви Ярославскія и Ростовскія обращаютъ на себя особенное вниманіе роскошью наружныкъ украшеній. Отличительной чертой Ярославскихъ церквей (Толчковская, пророка Иліи, Іоанна Златоуста) является именно эта своеобразная отдѣлка наружныхъ

стѣнъ колонками, ширинками, квадратами съ вставленными въ нихъ разноцвѣтными изразцами и вообще изобиліе изразчатыхъ украшеній въ видѣ цѣлыхъ карнизовъ, цоколей, наличниковъ у оконъ и т. п.

Нарышкинскій стиль.

Старая Русь дряхлѣла, доживала послѣдніе дни; стрѣльцы не удержали нашествія Запада. Зодчіе-новаторы все болѣе и болѣе обращали свои взоры на Западъ, отъ котораго ждали откровенія. Въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII вѣка былъ занесенъ къ намъ въ Россію архитектурный стиль барокко. Русь присоединяется къ общему теченію европейской культуры. Въ Москвѣ появляются храмы въ стилѣ барокко не только въ орнаментикѣ и въ деталяхъ, но и въ планѣ: Богоявленскій монастырь на Никольской улицѣ (1693—1696 г.), церковь Владимірской Б. М. у Владимірскихъ воротъ (1691 г.), церковь Знаменія Б. М. (1704 г.), Крестовоздвиженскій монастырь на Воздвиженкѣ (1701—1711 г.), церковь въ с. Дубровицахъ, церковь въ Троицко-Лыковѣ, въ с. Филяхъ и др. Первые, кто началъ строить въ этомъ барокко, были Нарышкины, родственники Петра; отчего московскій барокко часто называется Нарышкинскимъ стилемъ. Нарышкинскимъ стилемъ завершается періодъ старой Руси; послѣ того русскія архитектурныя формы уступаютъ свое мѣсто западнымъ.

Проф. *Г. Павлуцкій.*

Московскіе иконописцы и живописцы XV—XVII вв.

Первый иконописецъ.

Едва ли не первымъ по времени иконописцемъ въ Москвѣ (на основаніи извѣстныхъ до настоящаго момента историческихъ данныхъ) можно признать перваго московскаго митрополита св. Петра, который, поступивъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста въ монастырь, здѣсь обучился искусству иконописанія въ совершенствѣ и былъ „иконникъ чуденъ".

Какъ гласитъ преданіе, св. Петръ написалъ двѣ иконы, находящіяся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и до сихъ поръ,—это Успеніе Богоматери (храмовая икона) и Богоматерь Петровскую, которую онъ подарилъ митрополиту Максиму.

Что касается до храмовой иконы Успенія въ Успенскомъ соборѣ, писанной св. митрополитомъ Петромъ, то лица на ней темножелтаго цвѣта, безъ тѣней и оживки. Около глазъ и носа легкіе блики, доличное закрыто окладомъ.

Андрей Рублевъ.

Въ началѣ XV вѣка въ Москвѣ работалъ знаменитый иконописецъ, инокъ Спасо-Андроніева монастыря, Андрей Рублевъ, ученикъ своего „спостника" Даніила Чернаго и бывшій раньше нѣкоторое время въ Сергіевомъ Троицкомъ монастырѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго замѣчанія одного изъ подлинниковъ: „А преже живяше въ послушаніи у преподобнаго Никона Радонежскаго, онъ повелѣ при себѣ образъ написати Пресвятыя Троицы, въ похвалу отцу своему св. Сергію Чудотворцу".

Въ 1405-мъ году Андрей Рублевъ пишетъ вмѣстѣ съ прибывшимъ сюда изъ Новгорода грекомъ Ѳеофа-

номъ, какъ объ этомъ говорится въ лѣтописи: „Тое же весны начаша подписывати церковь каменную св. Благовѣщенія на князя великаго дворѣ, не ту иже нынѣ стоитъ; а мастеры бяху Ѳеофанъ иконникъ гречинъ, да Прохоръ старецъ съ Городца, да Андрей Рублевъ".

Въ 1408-мъ году мы видимъ Рублева уже во Владимірѣ, гдѣ онъ работаетъ съ своимъ „спостникомъ": „ . . . меня начата бысть подписывати великая и соборная церкви Пречистая Владимерьская повелѣніемъ великаго князя Василія Дмитріевича; а мастера Данило иконникъ да Ондрей Рублевъ".

Незадолго до своей кончины преп. Никонъ Радонежскій приглашаетъ обоихъ названныхъ иконописцевъ въ Сергіевъ Троицкій монастырь для расписыванія новаго храма. По окончаніи этой работы, Андрей и Даніилъ „абіе отходятъ въ одинъ отъ монастырей Богомъ спасаемаго града Москвы, Андроникова именуемъ, и тамо церковь во имя Всемилостиваго Спаса такожде подписанми украсивше, послѣднее рукописаніе на память себѣ оставиша. И мало пребывъ, смиренный Андрей, оставль сію жизнь, ко Господу отыде, тоже и спостникъ его Даніилъ, оба добрѣ пожиста и въ старости велицѣ быста, благій конецъ пріяша".

Это случилось въ 1430-мъ году. Оба друга погребены въ Андроніевскомъ монастырѣ, но точное мѣсто нахожденія ихъ могилъ неизвѣстно.

Рублевъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей строгаго монашества и въ то же время натурою нѣжною, съ глубоко поэтическою душой. Въ свободное отъ занятій время онъ съ своимъ другомъ всецѣло отдавался восторгамъ страсти къ иконописанію и, по словамъ преп. Іосифа Волоколамскаго, любовался созерцаніемъ иконъ, дѣлясь, конечно, при этомъ чувствами съ другомъ.

На нѣкоторыхъ иконахъ и въ памятникахъ древней письменности Андрей Рублевъ и Даніилъ Черный

называются святыми преподобными, хотя церковною властію они и не были канонизованы.

Подлинное письмо Андрея Рублева мы впервые увидѣли въ первоначальномъ его видѣ лишь пять лѣтъ тому назадъ, благодаря случайному обстоятельству. Въ концѣ 1904 года иконописецъ В. П. Гурьяновъ реставрировалъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ писанную Рублевымъ икону Троицы, при чемъ оказалось, что она была неоднократно записана, въ послѣдній разъ въ XIX вѣкѣ (см. рис. 1). „Всѣ извѣстныя мнѣ, говоритъ реставраторъ, иконы, выдаваемыя за работу Андрея Рублева, мало подходятъ подъ характеръ письма „разчищенной“ иконы св. Троицы. Въ тѣхъ краски не ярки, пробѣлы жидки и плоски, въ ликахъ вохреніе нѣжное, но жидкое, безъ бѣлыхъ твердыхъ отмѣтокъ, опись легкая, чѣмъ (онѣ) подходятъ подъ характеръ древнихъ хорошихъ новгородскихъ иконъ... Въ лаврской иконѣ въ отношеніи манеры замѣчается большое сходство съ фресками того времени, напр., въ росписи складокъ одеждъ у ангеловъ, а также въ описи контуровъ рукъ и ногъ, всего доличнаго. Всѣ контуры сдѣланы массивно, пробѣлы же сдѣланы въ нѣсколько красокъ, наложенныхъ одна на другую очень плотно широкими, жирными, большими мазками. Контуры представляютъ собою рѣзкую выпуклость, въ особенности же бѣлыя отмѣтки на пробѣлахъ. Въ ликахъ также всѣ вохры очень плотны, на нѣкоторыхъ мѣстахъ видны даже мазки и хорошо видныя бѣлыя отмѣтки и уста подрумянены киноварью. Это—манера греческая“.

Въ Московской Епархіальной библіотекѣ хранится Евангеліе, писанное на пергаментѣ, конца XIV—начала XV вѣка, поступившее въ библіотеку изъ Спасо-Андроніева монастыря. Украшающая рукопись миніатюра, заставки и заглавныя буквы, по преданію писаны Андреемъ Рублевымъ, который, какъ извѣстно, былъ инокомъ Спасо-Андроніева монастыря. На этой ми-

ніатюрѣ (на I листѣ рукописи) въ голубой рамѣ по золотому фону, въ голубомъ кругѣ, усѣянномъ бѣлыми звѣздами и пересѣкаемомъ золотыми лучами, представленъ Спаситель-отрокъ, съ раскрытымъ Евангеліемъ

Рис. 1. Образъ Св. Троицы, писанный Андреемъ Рублевымъ (Троице-Сергіева Лавра).

въ лѣвой рукѣ. Изображеніе Спасителя обрамлено лучистымъ и усѣяннымъ звѣздами четвероугольникомъ,

вписаннымъ въ вышеуказанномъ кругѣ, по сторонамъ котораго выходятъ голубые же треугольники съ изображеніями въ нихъ символовъ евангелистовъ. Черты лица Спасителя тонкія, изображеніе художественное, къ сожалѣнію, нѣсколько вытертое. Сравнивая эту миніатюру съ изображеніемъ Рублевской Троицы на иконѣ въ Троицо-Сергіевой Лаврѣ, можно считать вышеупомянутое преданіе заслуживающимъ вѣроятія.

Можетъ быть, скажемъ мы словами Н. П. Лихачева, Андрей Рублевъ былъ лучшимъ мастеромъ среди своихъ товарищей и сотрудниковъ, можетъ быть онъ былъ до извѣстной степени и новаторомъ, но все же онъ былъ человѣкомъ своего времени. Какъ не могъ Тиціанъ появиться въ XIV столѣтіи, такъ не могъ и Андрей Рублевъ работать въ той манерѣ, которая вырабатывалась черезъ столѣтіе послѣ его смерти и въ которой не однимъ, а многими изслѣдователями уже чувствуется переходъ къ весьма поздней, такъ называемой „Строгановской“ (а на самомъ дѣлѣ, то же московской) иконописи. Андрей Рублевъ не могъ не отражать техники времени, вкусовъ окружающей среды. Если всѣ писали съ свѣтлымъ вохреніемъ, широкими пробѣлами, рѣзкими оживками, то и онъ долженъ былъ въ бо́льшей или меньшей степени подчиняться господствующему теченію. Св. Троица въ Лаврѣ—икона великаго мастера и художественный памятникъ. Въ міровой жизни нѣтъ ничего неподвижнаго, но и самые новаторы обрамлены окружающей средой. Такъ, несомнѣнно, было и съ Андреемъ Рублевымъ.

Вліяніе таланта Андрея Рублева въ исторіи русской церковной живописи было очень большое. Изъ лѣтописныхъ извѣстій мы видимъ, что произведеніямъ кисти этого мастера удивлялись не только его современники, но и ихъ потомки. Рублевскія иконы цѣнились такъ дорого, что о погибели ихъ, напр., отъ пожара заносилось въ лѣтопись, наравнѣ съ другими важными событіями, имѣющими общественное значе-

ніе. Стоглавый Соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій, самъ иконописецъ, запретивъ „описывать Божество отъ самослышенія и своими догадками“, приказалъ держаться съ превеликимъ тщаніемъ образцовъ древнихъ иконописцевъ, особенно Андрея Рублева. Одинъ изъ подлинниковъ по адресу Рублева посылаетъ едва ли не высшую похвалу, какой только можетъ удостоиться иконописецъ, говоря, что Андрей Рублевъ написалъ „многія святыя иконы—все чудотворныя“.

Иконописцы XV в.

Свѣдѣнія наши объ иконописцахъ, работавшихъ въ Москвѣ въ XV вѣкѣ, очень ограничены. Мы знаемъ только, что въ концѣ этого вѣка, именно въ 1481-мъ году иконописцы Діонисій, попъ Тимоѳей, Ярецъ и Коня „написали деисусъ съ праздники и пророки, вельми чюденъ въ новую церковь Пречистыя Богородицы соборныя на Москвѣ“. Въ 1488-мъ году „великій князь“ московскій „повелѣлъ подписывать церковь Срѣтеніе Пресвятыя Богородицы на посадѣ, а мастеръ Долматъ-иконникъ“.

Иконъ XV вѣка даже и въ Москвѣ очень немного. Есть онѣ, напр., въ немногихъ старообрядческихъ собраніяхъ, а также въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ (въ теплой церкви въ алтарѣ по стѣнамъ помѣщены иконы пророковъ и апостоловъ, однѣ изъ нихъ XV, а другія XVI-го вѣка) и въ Третьяковской галлереѣ (напр., „Предста Царица, Рождество Христово и Покровъ Богоматери“,—послѣдняя икона второй половины XV столѣтія).

Общій характеръ иконописи XV - нач. XVI в.

До XVI вѣка древне-русская иконопись носитъ византійскій характеръ и не прогрессируетъ въ смыслѣ западномъ (см. рис. 2, 3 и 4). „Однообразіе и неразвитость, говоритъ покойный проф. Ѳ. Ив. Буслаевъ, религіознаго полу-византійскаго стиля разныхъ пошибовъ русской иконописи вполнѣ соотвѣтствуетъ такому же коснѣнію древней Руси до XVII столѣтія и въ литературномъ и вообще въ умственномъ отношеніи, потому что въ

исторіи просвѣщенія образовательныя искусства развивались и усовершенствовались всегда въ тѣсной связи съ литературою и поэзіею. Первые проблески духовнаго освобожденія отъ средневѣковаго невѣжества, замѣтные въ музыкѣ трубадуровъ и миннезингеровъ, и въ важныхъ и шутливыхъ разсказахъ труверовъ, и въ народныхъ сценическихъ представленіяхъ, разыгрываемыхъ на городскихъ площадяхъ, и въ богословскихъ преніяхъ, и въ ересяхъ, и въ схоластикѣ университетскаго преподаванія, нашли себѣ въ XIII вѣкѣ высшее проявленіе въ великихъ созданіяхъ готическаго стиля, и городской соборъ, какъ символъ освобождающейся отъ феодальной тираніи общины, былъ столько же результатомъ тогдашней науки и искусства, сколько и центромъ городской жизни съ ея треволненіями и заботами. Знаменитая эпоха Пизанской скульптуры и Джіоттовой школы живописи въ началѣ XIV в. есть вмѣстѣ съ тѣмъ и эпоха великаго творца Божественной Комедіи. Какъ самъ Дантъ умѣлъ рисовать, такъ и современный ему живописецъ и другъ его Джіотто упражнялся въ сочиненіи стиховъ, и какъ онъ самъ, такъ и впослѣдствіи ученики его заимствовали сюжеты для своей живописи изъ поэмы великаго флорентійца, какъ бы соревнуя богословамъ, которые объ-

Рис. 2. Богоматерь (икона XVI вѣка).

яснили ее съ церковныхъ каѳедръ. И въ слѣдующихъ столѣтіяхъ искусство и наука съ поэзію идутъ рука объ руку, такъ что рядъ великихъ открытій, которыми средніе вѣка отдѣляются отъ новыхъ, реформація и господство стиля возрожденія—только разныя стороны одного и того же результата, къ которому совокупными силами стремились и наука, и практическая жизнь, и искусство. Художники не переставали быть и поэтами и учеными. Микель-Анджело былъ не только скульпторъ, живописецъ и архитекторъ, но и такой поэтъ, который своими сонетами занялъ бы далеко не послѣднее мѣсто между сочинителями этого популярнаго въ Италіи рода стихотвореній. Рафаэль тоже писалъ сонеты и усердно занимался классическою археологіею. Напротивъ того, на Руси въ XVI столѣтіи и въ первой половинѣ XVII в., т. е. въ лучшую эпоху древне-русской иконописи, литература стояла на той же низкой степени, какъ и въ XII столѣтіи: тѣ же наивныя лѣтописи, тотъ же перифразъ древнихъ богословскихъ писаній, та же витіеватость житій святыхъ и то же отсутствіе художественной поэзіи. Первобытность народной жизни однообразно отражается въ безыскусственныхъ былинахъ и пѣсняхъ; первобытность христіанскаго просвѣщенія—въ посильномъ наблюденіи церковныхъ

Рис. 3. Архангелъ (икона XVI вѣка).

догматовъ и преданій. Какъ простонародіе ведетъ свои полуязыческіе обряды по своему полуязыческому календарю народныхъ годовщинъ, такъ люди грамотные отмѣ-

Рис. 4. Соборъ Богоматери (икона XVII вѣка, изъ предѣла Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ).

чаютъ себѣ каждый день соотвѣтствующимъ ему чтеніемъ памятей и поученій въ Прологѣ, въ этой настольной книгѣ нашихъ грамотныхъ предковъ, расположенной

по мѣсяцамъ и числамъ. Русскій иконописецъ временъ царя Ивана Васильевича Грознаго или Михаила Ѳеодоровича былъ такъ же мало развитъ въ умственномъ отношеніи, какъ витіеватый проповѣдникъ XII в. Кириллъ Туровскій, усвоившій себѣ всѣ пріемы византійскаго богословія, или какъ набожный странникъ игуменъ Даніилъ, въ томъ же столѣтіи ходившій въ Іерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ. Какъ тогда, такъ и четыреста лѣтъ спустя, тѣ же умственные интересы, погруженные въ безотчетномъ вѣрованіи, то же отсутствіе средствъ къ развитію, та же безыскусственность въ жизни, та же письменность, не установившаяся въ художественныя формы".

„Изображая, говоритъ Вас. Ив. Успенскій, священныя событія и лица по традиціонному, вѣками сложившемуся представленію народному, иконникъ является выразителемъ народной мысли, а не личнаго индивидуальнаго настроенія. Подобно всѣмъ произведеніямъ народнаго творчества, иконопись дѣтски проста и стихійно величественна. Западная живопись, напротивъ, есть выраженіе индивидуальныхъ мотивовъ,— творчество личное, индивидуальное. Иконопись можно сравнить съ былевымъ эпосомъ, тогда какъ живопись западную—съ лирикою. Просто, величественно, безъ особой экспрессіи личнаго чувства, развертываетъ русскій иконописецъ передъ зрителемъ образы народнаго вѣросознанія, не чувствуя художественной потребности сосредоточить на одномъ моментѣ всю полноту и силу идеи, дающей дѣйствію значеніе. Вмѣсто, такъ сказать, энергически сосредоточенной лирики, какъ въ картинахъ западныхъ мастеровъ, иконникъ нерѣдко предлагаетъ зрителю живописную поэму, распадающуюся на отдѣльные эпизоды. Идея благолѣпія и порядка, чинности здѣсь преобладаетъ надъ энергіей чувства. Какъ въ былевомъ эпосѣ одно событіе смѣняется другимъ, одна сцена другою, такъ и на иконѣ нерѣдко изображается цѣлый рядъ моментовъ извѣстнаго событія. Въ

каждомъ изъ этихъ моментовъ является одно и то же лицо въ различныхъ позахъ и при различной обстановкѣ. Пользуясь различною орнаментаціею и, между прочимъ, архитектурными типами для соединенія отдѣльныхъ частныхъ изображеній въ одно цѣлое, иконники часто прибѣгаютъ къ одновременному представленію наружности зданія и его внутренности. Вы видите и наружную сторону постройки, напримѣръ, храмъ съ крышей, куполомъ и главою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренность этого зданія съ священною утварью и лицами, находящимися въ немъ. Такое странное сочетаніе наружности постройки съ внутренностью противорѣчитъ требованіямъ ландшафтной и вообще всякой искусственной живописи, но оно представляло мастеру тѣ выгоды, что онъ могъ полнѣе развить отдѣльные эпизоды изображаемаго событія и внутри зданія, и снаружи. Рисунокъ, большею частью, неправиленъ и грубъ, зато твердъ и силенъ; колоритъ сухъ, безъ рельефа и теменъ, зато рѣзокъ. Чуждые славолюбія, древне-русскіе иконники, по крайней мѣрѣ, до XVII вѣка, ничего не дѣлали для того, чтобы сохранить свои имена,—они сливались всецѣло съ народомъ, вполнѣ раздѣляя его міросозерцаніе. Ограниченные въ творчествѣ правилами традиціи, древне-русскіе иконники, конечно, не могли обнаружить всей шири полета своего воображенія; дисциплинированная фантазія является менѣе сильною, чѣмъ могла быть при иныхъ условіяхъ. Подчиненное церкви искусство живописи, иконопись, сдѣлалось какъ бы оффиціальнымъ. Тѣмъ не менѣе, и въ иконописи можно указать на свободу творчества. Иконникъ во внѣшней формѣ стремится передать описаніе лица или событія, завѣщанное ему церковными книгами или преданіемъ. Отдѣльные мотивы, частности въ изображеніи лица переданы ему традиціей, но онъ совершенно свободенъ въ творческомъ сочетаніи этихъ частностей для возсозданія цѣлой фигуры. Слѣдуя традиціи, иконописецъ создаетъ опредѣленный идеальный типъ".

„Византійская и русская иконопись, говоритъ проф. Н. П. Лихачевъ, въ лучшей своей части представляетъ поэтическое воспроизведеніе въ лицахъ и краскахъ—догматовъ, символовъ и пѣснопѣній. Композиціи иконъ выработаны людьми, сильными мыслью и воображеніемъ, но не изучавшими анатоміи и совсѣмъ незнакомыми съ законами перспективы. Условность и стилизація—неотъемлемыя принадлежности иконописи. Но совершенно такъ же, какъ путемъ изученія и проникновенія можно различать самобытность, силу и красоту, напримѣръ, въ китайскомъ и японскомъ искусствѣ, такъ тѣ же качества вдумчивый наблюдатель безъ труда подмѣтитъ и въ памятникахъ иконописи. Съ другой стороны, самый предметъ изображеній какъ бы требуетъ удаленія отъ реальности даже въ аксессуарахъ. На какой травѣ, среди какихъ горъ и лѣсовъ можетъ быть реально изображена, напримѣръ, христіанская церковь, ликующе возносящая благодарственное пѣснопѣніе Владычицѣ міра Приснодѣвѣ и Богоматери („О Тебѣ радуется“)? Оцѣнка иконъ съ точки зрѣнія художественной красоты весьма индивидуальна“.

По словамъ проф. Н. П. Кондакова „даже поверхностное знакомство“ съ письмомъ, художественнымъ исполненіемъ и формами русской иконописи „указываетъ всю ея оригинальность. Русская иконопись, хотя и держится преданія, представляетъ совершенно самобытное явленіе въ исторіи искусства, произведенія котораго нельзя смѣшать ни съ какими другими, несмотря на цѣлый рядъ художественныхъ несовершенствъ въ ея формахъ. Въ различныя эпохи русской иконописи, воспринятое ею преданіе мѣнялось, искажалось, осложнялось орнаментальностью и различными заимствованіями съ запада, но никогда не мѣшало выработкѣ совершенно особаго декоративнаго цѣлаго, которое представляетъ собою русская старинная икона. Весьма понятно, что разборъ писемъ русскихъ иконъ

недоступенъ и непитересенъ западному изслѣдователю, пока онъ не видалъ оригиналовъ и пока ему не будетъ въ точныхъ снимкахъ представлена исторія развитія этихъ письменъ со стороны содержанія и формы, хотя бы въ проблематическомъ очеркѣ".

II.

XVI вѣкъ. Западное вліяніе.

По мѣрѣ возвышенія Москвы, вмѣстѣ съ объединеніемъ и ростомъ государства, въ ней все болѣе и болѣе сказывается потребность въ культурѣ запада, съ которымъ Москва вступаетъ въ непосредственныя сношенія.

При великомъ князѣ Василіи Темномъ миланскій архитекторъ въ Москвѣ построилъ два терема. По вызову же великаго князя Іоанна III въ Москву прибыло не мало художниковъ-иностранцевъ. Эти иностранцы, преимущественно же итальянцы, извѣстны были у русскихъ подъ названіемъ „фрязиновъ", или „фряговъ" (иногда различались „фрязи" и „нѣмцы". Отъ нихъ у насъ ведетъ свое начало, такъ называемый, фряжскій стиль, наблюдаемый, главный образомъ, въ живописи (иконы фряжскія) и отличающійся близостью къ природѣ и знакомствомъ съ анатоміей. Отъ нихъ же ведутъ свое начало московскія палаты (palatium, palazzo): грановитая, столовая, золотая, расправная, отвѣтная и др. Въ области церковнаго зодчества они оставили по себѣ память построеніемъ многихъ московскихъ храмовъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ 1547 году, послѣ опустошительнаго московскаго пожара, пригласилъ на русскую службу болѣе трехсотъ нѣмецкихъ живописцевъ, скульпторовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и другихъ художниковъ и ремесленниковъ. И хотя ихъ въ Любекѣ, готовыхъ сѣсть на корабль для отѣзда въ Россію, задержали по приказанію германскаго императора и отправили въ Вѣну, тѣмъ не менѣе многимъ изъ нихъ удалось тайкомъ прибыть въ Россію.

Вопросы по иконописанію, предложенные царемъ на Стоглавомъ соборѣ и возбужденные дьякомъ Висковатымъ на соборѣ 1554 года, ясно свидѣтельствуютъ о широкомъ вліяніи запада на русскую иконографію.

Свѣтскій характеръ.

Въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ, ставшей центромъ русскаго искусства, появляется множество новыхъ сюжетовъ, главнымъ образомъ—символическихъ, получаетъ свое начало и входитъ въ употребленіе свѣтская живопись эмблематическаго характера; такою живописью, напримѣръ, были украшены царскія палаты (здѣсь между прочимъ, были—женка, которая, спустя рукава, пляшетъ,—День и Ночь, лица четырехъ вѣтровъ, Любовь съ Стрѣлкомъ, олицетворенія добродѣтелей—мужества, разума, чистоты, правды—и пороковъ—заблужденія, безумія, нечистоты, неправды—основаніе земли и моря, ангелъ страха Божія, ангелъ держитъ солнце, адъ, заяцъ, Господь аки ангелъ держитъ зерцало да мечъ, ангелъ возлагаетъ на него вѣнецъ и тому подпись: благословиши вѣнецъ лѣту благости Твоея, а подъ нимъ колесо годовое, волкъ, ангелы служатъ звѣздамъ и проч. т. п.), процвѣтаетъ живопись историческая (особенно интересны въ этомъ отношеніи миніатюры знаменитой царственной лѣтописи). Однимъ словомъ, въ XVI столѣтіи въ русской живописи создалась новое направленіе.

„Былъ, по грѣхамъ нашимъ, разсказываетъ знаменитый протопопъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ на Стоглавомъ соборѣ,—пожаръ въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ, и всѣ освященныя церкви и честныя иконы и царскій дворъ, и палаты, и многія стяжанія и посады всѣ огнемъ погорѣли. А государь православный царь самъ жилъ въ Воробьевѣ; и разослалъ по городамъ по святыя и честныя иконы, въ Великій Новгородъ, и въ Смоленскъ, и въ Дмитровъ, и въ Звенигородъ; и изъ иныхъ городовъ многія чудныя святыя иконы свозили, и въ Благовѣщенскомъ соборѣ поставили на поклоненіе царево и всѣмъ христіанамъ, доколѣ

новыя иконы напишутъ. И послалъ государь по иконописцевъ въ Новгородъ и Псковъ и въ иные города, и иконники съѣзжались. И царь государь велѣлъ имъ иконы писать, кому что̀ приказано, а инымъ повелѣлъ палаты подписывать; и я, доложа государю, велѣлъ новгородскимъ иконникомъ написать: 1) Святую Троицу Живоначальную—въ дѣяніяхъ; 2) Вѣрую во единаго Бога Отца; 3) Хвалите Господа съ небесъ; 4) св. Софію, премудрость Божію, да 5) Достойно есть. А переводъ (т. е. образцы или оригиналы) брали у Троицы иконы, съ чего писали, да на Симоновѣ. А псковскіе иконники—Останя да Яковъ, да Михайло, да Якушко, да Семенъ Высокой Глаголь съ товарищи отпросились въ Псковъ и взялись тамъ написать четыре большія иконы; 1) Страшный судъ, 2) Обновленіе храма Христа Бога нашего Воскресенія, 3) Страсти Господа въ Евангельскихъ притчахъ и 4) Икону съ четырьмя праздниками: а) И почи Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, б) Единородный Сынъ, Слово Божіе, в) Пріидите, людіе, трисоставному Божеству поклонимся и г) Во гробѣ плотски. И какъ иконописцы въ Москвѣ иконы написали, Деисусъ и праздники и пророковъ, и мѣстныя большія иконы, тогда и тѣ иконы, которыя въ Псковѣ писаны, были привезены въ Москву. Послѣ того царь государь тѣ старыя привозныя иконы честно проводилъ съ честными крестами, и митрополитъ молебствіе совершилъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и иныя привозныя иконы еще и до сихъ поръ здѣсь“.

Дьякъ Висковатый.

Вновь написанные псковскими и новгородскими иконописцами образа вызвали въ дьякѣ Висковатомъ нѣкоторыя недоразумѣнія и сомнѣнія, которыя онъ высказывалъ открыто. Ему было непонятно, почему изъ Благовѣщенскаго собора были взяты старыя иконы—Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Крестителя и Ильи пророка, а вмѣсто нихъ поставлены новыя—собственное „мудрованіе“ иконописцевъ, „а подписи на нихъ (иконахъ) нѣтъ“. Удивляло его и то, что нѣкоторыя изо-

браженія на разныхъ иконахъ писаны не на одинъ образецъ: „въ паперти одна икона, а въ церкви другая; тоже писано, а не тѣмъ видомъ“. Многое въ произведеніяхъ этихъ иконописцевъ показалось Висковатому непонятнымъ и несогласнымъ съ стариною.

Вслѣдствіе этихъ недоумѣній Висковатаго и для предотвращенія въ народѣ соблазна, приняли рѣшительныя мѣры. На соборѣ 1554 года Висковатый вручилъ митрополиту Макарію письменное изложеніе своихъ недоумѣній. Съ своей стороны представилъ объясненія собору и протопопъ Сильвестръ. Недоумѣнія Висковатаго были разсмотрѣны на соборѣ по одиночкѣ и осуждены, и его имя современники обнесли именемъ иконоборца. На самомъ же дѣлѣ онъ свято чтилъ иконы, но, придерживаясь греческой старины, былъ, такъ сказать, старовѣромъ.

Розыскъ о діакѣ Висковатомъ, давая любопытныя подробности о древне-русской живописи, въ то же время составляетъ интереснѣйшія страницы въ исторіи художественно-религіозныхъ идей.

У южной стѣны Благовѣщенскаго собора, на правомъ клиросѣ до сихъ поръ сохранилась четверо-частная икона, писанная въ 1554 году псковскими мастерами; въ ней, по мнѣнію Д. А. Ровинскаго, И. Е. Забѣлина и Ѳ. И. Буслаева, одно изображеніе—„Во гробѣ плотски“, писано безъ измѣненій съ рисунка Перуджино, а другое — „Единородный сыне“ — съ рисунка Чимабуэ.

Однако, едва ли это сопоставленіе справедливо. Пѣснопѣнія православной греческой церкви предполагаютъ и иллюстраціи греческія. Вліяніе византійскаго искусства на западное—фактъ общеизвѣстный, не требующій доказательста. Чимабуэ и Перуджино для своихъ названныхъ произведеній легко могли воспользоваться образцами византійскими. Впрочемъ, въ самое недавнее время высказано очень интересное и вполнѣ возможное предположеніе академика Н. П. Кондакова

о томъ, что послѣ крестовыхъ походовъ византійское вліяніе шло на Русь черезъ западъ.

Фрески Благовѣщенскаго собора.

Черты западнаго вліянія можно видѣть, между прочимъ, въ фрескахъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, относимыхъ къ XVI столѣтію. Покойный И. Е. Забѣлинъ, бывшій въ 1884 году въ числѣ членовъ комиссіи по реставраціи живописи собора, замѣчаетъ: „Многіе находятъ, что вся стѣнопись отличается близостью къ итальянскимъ образцамъ. Въ особенности это обнаруживается не столько въ раскраскѣ, т. е. въ самомъ письмѣ, сколько въ первоначальномъ его очеркѣ или прорисяхъ, исполненныхъ въ значительной степени художественною работою... Видимо, иконописаніе и стѣнописаніе въ первой половинѣ XVI столѣтія усвоило себѣ, по крайней мѣрѣ, относительно рисунка, или собственно прориси, пріемы итальянскаго рисованія и письма, какъ оно и должно было случиться во время постояннаго пребыванія итальянскихъ мастеровъ въ Москвѣ въ теченіе болѣе, чѣмъ пятидесяти лѣтъ (отъ 1480 до 1530 годовъ. Подобное усвоеніе итальянскаго мастерства въ архитектурной техникѣ не подлежитъ никакому спору, ибо ея памятники во множествѣ существуютъ и доселѣ на лицо. Почему же рядомъ съ итальянскими рисунками всякихъ архитектурныхъ деталей не могло существовать въ то время и ходить по рукамъ итальянскихъ же рисунковъ изображеній иконописныхъ и стѣнописныхъ, т. е., напримѣръ, гравированныхъ картинъ или рисунковъ, сдѣланныхъ отъ руки, подъ вліяніямъ которыхъ и возникла нѣкоторая свобода въ нашемъ иконописномъ художествѣ, вызвавшая сомнѣнія, недоумѣнія и осужденія“?

Интересныя фрески были открыты въ 1884 году академикомъ живописи В. Д. Фартусовымъ подъ позднѣйшими наслоеніями въ Благовѣщенскомъ соборѣ на мѣстѣ нынѣшнихъ картинъ „О Тебѣ радуется“ и вел. кн. Василія Дмитріевича. 14 іюня названнаго года Фартусовъ писалъ начальнику дворцоваго управленія

гр. Орлову-Давыдову: „По принятой мною на себя обязанности открывать древнюю стѣнопись въ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ настоящее время очищены многія священныя изображенія изъ-подъ нѣсколькихъ наложенныхъ при возобновленіи стѣнописи колеровъ... подъ шпаклевкой открываются слѣды росписанія совершенно другой композиціи и другихъ сюжетовъ высококлассической художественной работы. Проба открытія этой работы мною сдѣлана на картинѣ „О Тебѣ радуется“... Помимо сего на сосѣдней съ этой картиной пилястрѣ, подъ снятымъ изображеніемъ преподобнаго, а по подписи вел. кн. Василія Дмитріевича, оказалось подъ шпаклевкой изображеніе святителя, по типу древняго греческаго подлинника, сходному съ Василіемъ Великимъ, рядомъ съ нимъ Марія Египетская и другіе являются лики, какъ видно, семейная икона великаго князя Василія Дмитріевича. Въ рукахъ у святителя находится модель Благовѣщенскаго собора, каменной постройки, со звонницей, казной великокняжеской, иконостасомъ, стѣннымъ росписаніемъ и со всѣми мелочами внутренней обстановки. Около собора съ трехъ сторонъ— великокняжескій дворецъ, судя по рисунку, деревянной постройки, съ внутренними размѣщеніями и подписями, какая часть и что означаетъ“.—Въ настоящее время этихъ, открытыхъ Фартусовымъ изображеній уже не существуетъ, они записаны; но сохранились съ нихъ фотографіи, которыя показываютъ, что они представляютъ намъ памятники высокохудожественные по исполненію. Типы, однако, не византійскіе и не русскіе, а итальянскіе. Можетъ быть въ открытыхъ В. Д. Фартусовымъ фрескахъ мы имѣемъ произведенія иностранныхъ художниковъ, пріѣхавшихъ при Грозномъ въ Москву.

Фрески Благовѣщенскаго собора вообще представляютъ собою драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго искусства, заслуживающій подробнаго и всесторонняго изученія, но, къ сожалѣнію, весьма неудачно реставрированный въ 1884—1899 годахъ (см. рис. 5).

III.

Царскіе иконописцы.

Мы не имѣемъ данныхъ, когда впервые при великокняжескихъ дворахъ появились постоянные жалованные государевы иконописцы. Н. П. Лихачевъ въ своей брошюрѣ „Родъ иконописцевъ“ говоритъ, что „учрежденіе института жалованныхъ иконописцевъ надо отодвинуть въ глубь XV столѣтія (стр. 5). Онъ

Рис. 5. Господь Вседержитель (фреска купола Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ).

прослѣдилъ, что родъ иконописцевъ Дерминыхъ наслѣдственно въ теченіе цѣлаго столѣтія служилъ сперва великимъ князьямъ, а затѣмъ царямъ московскимъ— въ качествѣ государевыхъ иконописцевъ.

Родоначальникомъ этихъ иконниковъ пока можно считать нѣкоего Ярца, которому вмѣстѣ съ другими иконописцами владыка Ростовскій Вассіанъ въ 1481 г. заказалъ написать деисусъ въ новую церковъ св. Богородицы. Н. П. Лихачевъ говоритъ: „Весьма вѣроятно, что Ярецъ былъ великокняжескимъ иконописцемъ".

У Ярца былъ сынъ Иванъ Дерма, служившій при великокняжескомъ дворцѣ жалованнымъ иконникомъ, какъ это видно изъ слѣдующаго замѣчанія иконописнаго подлинника краткой редакціи, изданнаго покойнымъ кн. П. П. Вяземскимъ по поводу иконы (описанной въ подлинникѣ) святцевъ за октябрь: „Сей мѣсяцъ Іоанна Дермы, писца великаго князя". Согласно лѣтописному извѣстію въ 1509 году, по заказу архіепископа Серапіона, былъ дописанъ деисусъ въ св. Софію,—писали „Андрей Лаврентьевъ сынъ да Иванъ Дерма Ярцевъ сынъ". Въ началѣ второй половины XVI вѣка старецъ Кириллова монастыря Вассіанъ Благовѣщенскій далъ вкладомъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, между прочимъ, „дванадесят праздник на полотенци въ киоте Іванова писма Дермина промежъ игуменѠв Гурья и КѠрниля".

Весьма интересно, что вкладчикъ упоминаетъ имя иконописца. Такія упоминанія чрезвычайно рѣдки и, надо думать, что иконописецъ пользовался громкой извѣстностью. Фраза—„праздники Иванова письма Дермина", можетъ толковаться двояко—или какъ—„письма Ивана Дермы", или какъ „письмо иконописца по фамиліи Дермина". Во второмъ случаѣ, значитъ, былъ бы вспомянутъ не самъ извѣстный намъ Иванъ Дерминъ, а его сынъ, или родичъ. Правильнѣе, какъ кажется, предположить, что Васьянъ, вкладывая иконы, подчеркнулъ, что онѣ письма знаменитаго великокняжескаго писца. Но возможно и второе предположеніе.

Въ 1589 году царскій иконописецъ Постникъ Дерминъ былъ посланъ въ Грузію къ Иверскому царю

Александру для производства иконописныхъ работъ и своимъ искусствомъ очень угодилъ ему.

Прозваніе Дерминыхъ настолько рѣдко, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ происхожденіи иконописца Поступика Дермина отъ иконописца „Ивана Дермы".

Свѣдѣній о царскихъ иконописцахъ за первую половину XVII вѣка гораздо меньше, чѣмъ за вторую. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что за это время было несравненно меньше произведено и художественныхъ работъ,—весьма ограниченъ былъ и штатъ придворныхъ иконописцевъ; кромѣ того, древнѣйшіе документы были уничтожены пожаромъ, какъ это видно изъ слѣдующей отписки изъ приказа Большого Дворца отъ 31 декабря 1647 года въ Оружейный приказъ—въ отвѣтъ на запросъ послѣдняго о жалованіи, получаемомъ Чиринымъ, и о преемникѣ этого мастера: „Въ приказѣ Большого Дворца—иконописцу Прокофію Чирину — государева жалованья хлѣбный окладъ былъ 20 четей ржи, овса тожъ, а денежного окладу, и кто на его мѣсто взятъ, выписать не изъ чего,—во 131 г. приходныя и расходныя книги и всякія дѣла сгорѣли.

Первыми по времени царскими иконописцами, между прочимъ, были: Прокопій Ивановъ Чиринъ, Назарій Истоминъ, Баженъ Савинъ, Иванъ Сподоба, Иванъ и Борисъ Пансѣины, Сидоръ Осиповъ Поспѣевъ, Маркъ Матвѣевъ. Нѣкоторые изъ этихъ иконописцевъ указываются Д. А. Ровинскимъ въ числѣ строгановскихъ иконописцевъ, а именно: Прокопій Ивановъ Чиринъ, Назарій Истоминъ и Ѳедоръ Савинъ.

Строгановская школа.

Первымъ выступилъ противъ мнѣнія о существованіи особой строгановской школы иконописцевъ покойный Ю. Д. Филимоновъ въ своемъ трудѣ о Симонѣ Ушаковѣ. „Уже съ перваго взгляда, говоритъ онъ, кажется страннымъ, что именитыхъ людей мастера не только конкурируютъ съ государевыми, но даже превосходятъ ихъ въ такомъ дѣлѣ, какъ иконопись и, вдобавокъ, въ половинѣ XVII вѣка, во время процвѣ-

танія и православія и самодержавія, когда все болѣе или менѣе служило въ Россіи почти исключительно для этихъ двухъ цѣлей, все лучшее стягивалось волей-неволей къ двору. Затѣмъ, если разсмотримъ сколько-нибудь основанія, вслѣдствіе которыхъ у насъ такъ положительно толкуютъ издавна о значеніи строгановскихъ школъ иконописанія, то невольно покажется страннымъ, на чемъ основаны всѣ эти толки и преждевременныя заключенія. Нѣсколько десятковъ иконъ, помѣченныхъ на оборотѣ, что онѣ писаны для Строгановыхъ, нѣсколько иконъ съ надписью, что онѣ писаны людьми Строгановыхъ, послужили поводомъ къ изобрѣтенію цѣлой школы Строгановской иконописи. Но развѣ можно дѣлать еще отсюда иные выводы, кромѣ тѣхъ, что Строгановы были благочестивы, что они были люди зажиточные. Изъ дѣлъ Оружейной Палаты извѣстно, что и у другихъ зажиточныхъ лицъ были люди, писавшіе иконы. Какъ зажиточные гости, въ продолженіе болѣе двухсотъ лѣтъ промышлявшіе разнаго рода товарами, они могли больше другихъ употреблять избытокъ средствъ своихъ на дѣла благочестія, на иконы, которыя они могли заказывать разнаго рода мастеровымъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, что подтверждается отчасти и памятниками, встрѣчающимися то въ Москвѣ, то въ Ярославлѣ, то въ Сибири и проч. На нѣкоторыхъ есть даже надписи, что онѣ дѣланы москвичами или москвитинами и другихъ мѣстностей людьми. Строгановы могли сооружать церкви, могли жертвовать утварь церковную, могли заказывать для себя множество иконъ, выбирая притомъ себѣ по вкусу иконописцевъ; но изо всего этого не слѣдуетъ еще, что они должны были имѣть не только мастерскую, которая соперничала съ царскою, и которой послѣдняя подражала, но и образовать цѣлую школу иконописи".

Вѣроятно, ограниченностью первоначальнаго штата царскихъ иконописцевъ первой половины XVII вѣка объясняется порученіе нѣкоторыхъ иконописныхъ и

художественныхъ работъ и не профессіональнымъ мастерамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1615-мъ году „седельные писцы Ивашка да Андрюшка Моисевы писали къ государевымъ къ новымъ хоромамъ подволоку". Въ 1621 году „Оптекарскаго и Иконнаго приказу подъячій Вьялица Потемкинъ писалъ подволоку въ избѣ и исполнялъ многія образныя, а также починки и расписывалъ постельную комнату во дворцѣ.

Иконописные мастера по своей спеціальности раздѣлялись на знаменьщиковъ (напр., Насонъ Лазаревъ, Иванъ Матвѣевъ, Соловей и др.), травщиковъ (напр., Лука Трофимовъ, упоминающійся въ 1621 году) и собственно иконописцевъ, у которыхъ были и ученики.

Еще въ первой половинѣ XVII вѣка, кромѣ постоянныхъ иконописцевъ при дворѣ, или такъ называемыхъ жалованныхъ, получавшихъ опредѣленное годовое жалованье, были и иконописцы кормовые, которымъ выдавалось вознагражденіе за труды поденно лишь за то время, когда они были „у дѣла".

Характеръ письма царскихъ мастеровъ первой половины XVII вѣка былъ строго иконописный: это было письмо тонкое, но выдержанное въ строго иконномъ духѣ, рисунокъ правильный, лица святыхъ выразительны и типичны, тона красокъ свѣтлые, подборъ и сочетаніе послѣднихъ—умѣлые, разработка одеждъ и деталей—тщательная.

Иконы Благовѣщенскаго собора.

Громадный интересъ для историковъ искусства представляютъ иконы, находящіяся въ придѣлахъ (въ главахъ) Благовѣщенскаго Собора и писанныя въ свѣтлыхъ тонахъ, въ характерѣ, такъ называемаго, новгородскаго письма. Придѣлы эти—во имя Собора архангела Гавріила, Входа Господня во Іерусалимъ и Собора Богоматери—были сооружены (одновременно съ придѣломъ великомученика Георгія) въ 1563—1564 гг. Обычно полагаютъ, что иконы, въ этихъ придѣлахъ находящіяся въ настоящее время, относятся именно ко времени 1563—1564 гг. Однако, найденные нами

архивные документы свидѣтельствуютъ, что онѣ поставлены сюда новыя въ 1614-мъ году.

Возможными авторами этихъ иконъ являются жалованные иконописцы того времени—Прокопій Ивановъ, Чиринъ и Назарій Истоминъ, которымъ могли помогать въ этой работѣ и другія лица, занимавшіяся при дворѣ иконописаніемъ (напр., Иванъ Сподоба, Андрей и Иванъ Моисеевы, Вьялка Потемкинъ и др.).

Даже при бѣгломъ взглядѣ на эти иконы придѣловъ Благовѣщенскаго Собора, становится яснымъ, что покойный академикъ Ѳ. И. Буслаевъ не совсѣмъ былъ правъ, дѣлая слѣдующій приговоръ о русскомъ иконописаніи XVI—XVII вв.: „Наша иконопись въ XVI и XVII столѣтіяхъ оставалась на низшей степени своего художественнаго развитія. Стремясь къ высокой цѣли выраженія религіозныхъ идей—въ представленіи Божества и святыхъ по образу и по подобію, какъ выражается Стоглавъ, она не имѣла необходимыхъ средствъ къ достиженію этой цѣли, ни правильнаго рисунка, ни перспективы, ни колорита, осмысленнаго свѣтотѣнью. Поставляя себѣ правиломъ изображеніе Божества въ его человѣческомъ воплощеніи, она не знала человѣка и не догадывалась о необходимости изучать его внѣшнія формы съ натуры. Имѣя своимъ назначеніемъ воспроизводить лики святыхъ, апостоловъ, пророковъ и мучениковъ, по ихъ существу, согласно дѣйствительности, т. е. каковы они были при жизни, это искусство вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы боялось дѣйствительности, не находя необходимымъ брать у нея уроки въ правильномъ начертаніи рукъ и ногъ, въ естественной постановкѣ фигуръ и въ ихъ движеніяхъ, соотвѣтствующихъ законамъ природы и душевному расположенію“.

Иконописцы, писавшіе иконы для предѣловъ Благовѣщенскаго Собора въ 1614-мъ году, несомнѣнно, смотрѣли на иконопись, какъ на художество, и забо-

тились не о томъ только, чтобы сохранять старинныя иконописныя традиціи, но и о тщательности отдѣлки своихъ произведеній, о красотѣ сочетанія красокъ; и, надобно отдать справедливость, они владѣли техникой иконописанія въ совершенствѣ.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ его придворные иконописцы настолько хорошо владѣли искусствомъ иконописанія, что онъ находилъ возможнымъ посылать ихъ произведенія и за границу. „Такъ, въ 1644-мъ году онъ послалъ изъ Москвы „мѣстныя“ иконы „въ Іерусалимъ ко Гробу Господню“.

Успенскій соборъ.

Съ первою половиною XVII столѣтія связана исторія стѣнописи Успенскаго Собора. Какъ извѣстно, послѣ третьяго построенія собора, послѣдній впервые былъ украшенъ фресками въ 1514—1515 г.г. Счастливо уцѣлѣвшая часть этихъ фресокъ находится на предалтарной стѣнѣ, закрытой въ настоящее время иконостасомъ. На всѣхъ же остальныхъ стѣнахъ храма въ 1642—1643 гг. штукатурка была сбита, и по новой штукатуркѣ царскіе иконописцы, во главѣ съ жалованными—Иваномъ Пансѣинымъ, Сидоромъ Поспѣевымъ, Маркомъ Матвѣевымъ, Баженомъ Савинымъ, Борисомъ Пансѣинымъ и Степаномъ Евѳиміевымъ,—расписали стѣны вновь, воспользовавшись переводами, снятыми съ прежнихъ фресокъ. До нашихъ дней цѣлый рядъ весьма „основательныхъ“ (иногда одни сюжеты замѣнялись другими) реставрацій очень записалъ эти фрески, и теперь является вопросъ, возможно ли ихъ открыть подъ позднѣйшими наслоеніями. Произведенныя пробы показали, что въ алтарѣ, напр., открытыя фрески носятъ еще „новгородскій“ характеръ, т. е. отражаютъ на себѣ характеръ фресокъ еще 1514—1515 гг. Недалекое будущее покажетъ, есть ли надежда во всемъ соборѣ открыть роспись 1642—1643 гг., въ настоящее время надъ этимъ работаетъ особая коммиссія.

IV.

Иностранцы-художники.

На характеръ произведеній царскихъ иконописцевъ въ XVII вѣкѣ особенно во второй его половинѣ сильно вліяли произведенія иностранныхъ художниковъ, служившихъ тогда при московскомъ дворѣ. И ранѣе никогда иностранное искусство не оказывало такого сильнаго вліянія на русское, какъ именно во второй половинѣ XVII вѣка.

Обыкновенно указываютъ на юго-западную Русь, какъ на тотъ путь, по которому проникало въ Москву западное вліяніе. „Какъ литература московская, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, во второй половинѣ XVII вѣка была подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ южно-русской, изъ которой она вносила въ сѣверо-восточную Русь западныя идеи, такъ и живопись московская той эпохи, безъ сомнѣнія, многими успѣхами обязана мастерамъ южнорусскимъ, произведеніями которыхъ были украшены какъ рукописи, такъ и старопечатныя книги. Вмѣстѣ съ развитіемъ художественной техники, иконописцы наши болѣе и болѣе стали удаляться отъ старины и преданія, совершенствуя свои рисунки по западнымъ образцамъ, съ которыми они знакомились преимущественно по гравюрамъ.

Не отрицая южно-русскаго вліянія на наше искусство во второй половинѣ XVII вѣка, мы, на основаніи тщательнаго изученія даннаго вопроса по богатымъ архивнымъ документамъ и вещественнымъ памятникамъ художественной археологіи XVII в., должны, однако, замѣтить, что главными виновниками измѣненія въ направленіи русскаго искусства были иностранные художники, служившіе въ то время при московскомъ дворѣ, въ тогдашней Академіи художествъ— Оружейной Палатѣ, въ которой работали знаменитые царскіе иконописцы, живописцы, рѣзчики и прочіе художники.

Въ концѣ своего царствованія царь Михаилъ Ѳеодоровичъ призналъ полезнымъ пригласить на службу въ Оружейную Палату иностранца „нѣмчина", „живописнаго дѣла мастера" Ганса Детерсона († 1655 г.). При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ въ Оружейную Палату стекались иностранные мастера съ разныхъ концовъ Европы и Азіи. Государь былъ эстетикъ и большой любитель искусства; онъ знатокъ и церковнаго пѣнія и собственноручно пишетъ цѣлый рядъ тетрадей нотъ съ богослужебными пѣснопѣніями. Онъ самъ нерѣдко посѣщаетъ Оружейную Палату, чтобы посмотрѣть тамъ произведеніе новаго иноземнаго художника. Его сестра Ирина Михайловна и всѣ дѣти учатся живописи и прочимъ искусствамъ.

Уже въ 1662 году въ Оружейной Палатѣ было 60 иностранцевъ. Впослѣдствіи число это съ каждымъ годомъ все возрастало. Иностранцы были у насъ граверами въ Серебряной Палатѣ, рѣзчиками, сабельными, оружейными и пушечными мастерами, музыкантами, травщиками, иконописцами, живописцами и проч. Иностранцы работали въ живописи на иконахъ и картинахъ, въ миніатюрахъ рукописей, изготовляли гравюры, писали орнаменты, портреты и стѣнописи храмовъ и дворцовъ, расписывали ткани, мебель, тощія свѣчи и проч. т. п. Вообще, кажется, не было такой отрасли искусства и промышленности, куда бы не проникало иностранное вліяніе. Каждый изъ иноземныхъ мастеровъ, при поступленіи на службу, обязывался обучить своему искусству нѣсколькихъ учениковъ изъ русскихъ. Кромѣ Детерса, въ Оружейной Палатѣ были еще три художника-нѣмца—Данилъ Вухтерсъ, Валтырь (изъ Янбургской земли) и перспективнаго дѣла мастеръ Петръ Гавриловъ Энгелесъ. Особенно много служило въ Оружейной Палатѣ художниковъ-поляковъ, подъ руководствомъ одного изъ нихъ Станислава Лопуцкаго учились живописи нѣсколько учениковъ, талантливѣйшій изъ которыхъ Иванъ Безминъ впослѣд-

ствіи игралъ видную роль среди царскихъ художниковъ и за свое искусство былъ пожалованъ потомственнымъ дворянствомъ.

На ряду съ западными художниками при московскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка были представители и восточнаго искусства—два грека—Апостолъ Юрьевъ (изъ Аѳинъ) и Николай Соломоновъ (икона его письма есть въ церкви Воскресенія, въ Барашахъ); арабъ Савка Яковлевъ, армянинъ изъ Персіи Иванъ Іевлевъ Салтановъ и персъ Кизылбашенинъ (Шаховой области) газоваго и шелковаго дѣла мастеръ Мамодалѣй Акатовъ.

Такимъ образомъ, контингентъ мастеровъ Оружейной Палаты имѣетъ, такъ сказать, характеръ интернаціональный, и въ Москву стягивались лучшія художественныя силы не только со всей Россіи, но и изъза границы, изъ различныхъ государствъ Европы и Азіи, подобно тому, какъ и самыя краски для художественныхъ произведеній получались въ Москвѣ изъ разныхъ мѣстъ, у насъ были баканъ виницейской, празелень греческая, вохра нѣмецкая, бѣлила кашинскія. Вопреки общепринятому мнѣнію о нетерпимости древне-русскаго человѣка къ иновѣрцамъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ иностранные художники и мастера разныхъ національностей и вѣроисповѣданій работали въ Оружейной Палатѣ вмѣстѣ съ православными русскими и руководили ими въ искусствѣ.

Результаты восточнаго и западнаго вліянія не замедлили сказаться въ произведеніяхъ русскаго искусства. Едва ли нельзя не признать доказаннымъ то положеніе, что самыми блестящими эпохами въ развитіи искусства каждаго народа были именно тѣ, когда онъ возможно шире соприкасался съ культурами другихъ народовъ. Это справедливо, напр., въ отношеніи къ среднимъ вѣкамъ, когда, послѣ крестовыхъ походовъ, началась эпоха возрожденія. И русское искусство во вторую половину XVII в., можно сказать, достигло недосягаемой до того времени высоты.

Какъ извѣстно, произведенія царскихъ живописцевъ XVII вѣка до послѣдняго времени почти извѣстны не были. Главнѣйшія произведенія этихъ художниковъ въ нашихъ церквахъ и дворцахъ погибли частію отъ пожаровъ, а главнымъ образомъ, отъ невѣжественнаго отношенія къ художественной старинѣ лицъ, завѣдывавшихъ реставраціями и украшеніями дворцовъ. Гораздо интереснѣе было не поддерживать старину, а время отъ времени замѣнять картины и плафоны во дворцѣ новыми, или совсѣмъ ихъ уничтожать и закрашивать мѣста, гдѣ они были. Какимъ-то чудомъ въ церкви Распятія Господня въ кремлевскомъ дворцѣ сохранился „наборный“ иконостасъ „на шивныхъ тафтахъ“, великолѣпный памятникъ художественнаго творчества Василія Познанскаго, (см. рис. 6), и въ бывшей „пещерѣ“ „у Голгоѳы“ картины Ивана Артамоновича Безмина и Ивана Іевлевича Салтанова.

Рис. 6. Архангелъ (работы В. Познанскаго).

Можетъ быть, къ спасенію этихъ памятниковъ послужило то обстоятельство, что они находятся въ маленькой, темной церкви дворца. Церковь же эта представляла мало выгодъ и соблазновъ для лицъ, которыя такъ любятъ реставрировать все хорошее и цѣнное и замѣнять великолѣпныя старинныя украшенія позднѣйшими и притомъ нерѣдко безвкусными.

Кромѣ указанныхъ картинъ (и двухъ плащаницъ въ ризницѣ Верхоспасскаго Собора—работы Познанскаго), намъ удалось найти въ Высокопетровскомъ монастырѣ (на Петровкѣ) еще три картины, писанныя, несомнѣнно, царскими же живописцами XVII вѣка. Двѣ изъ этихъ картинъ находятся въ притворѣ церкви преп. Сергія (Проповѣдь Іоанна Крестителя о покаяніи и Крещеніе Іисуса Христа), третья—на лѣвой стѣнѣ церкви св. Петра—митрополита (Спаситель-отрокъ съ короною на головѣ стоитъ на облакахъ на лунѣ). Небольшая хоругвь, хранящаяся въ ризницѣ Введенской церкви на Лубянкѣ, относится также къ произведеніямъ царскихъ живописцевъ второй половины XVII в.

Отличительныя черты сохранившихся до насъ и открытыхъ нами произведеній царскихъ художниковъ XVII вѣка составляютъ красота и разнообразіе типовъ, тонкій вкусъ въ подборѣ красокъ и тоновъ, тщательность въ разработкѣ деталей.

V.

У иконописцевъ второй половины XVII вѣка наиболѣ извѣстны Степанъ Григорьевъ Резанецъ съ сыномъ Тимоѳеемъ, Иванъ Филатьевъ съ сыномъ Тихономъ, Никита Павловецъ, Михаилъ Милютинъ, Ѳедоръ Евтихіевъ Зубовъ, братья Василій и Кириллъ (впослѣдствіи архимандритъ Корнилій) Ивановы Улановы и знаменитый Симонъ Ѳедоровичъ Ушаковъ (1625 или 1626—25 іюня 1686 года).

Симонъ Ушаковъ.

Поступивъ на службу въ царскіе иконописцы, Ушаковъ былъ откомандированъ въ Серебряную Палату въ знаменщики, гдѣ и работалъ до 1664 года, не оставляя и иконописныхъ работъ. Онъ знаменилъ, составлялъ рисунки для разнаго рода предметовъ церковной утвари, преимущестоенно же для металлическихъ издѣлій, золотыхъ, серебряныхъ и эмалевыхъ. Будучи же знаменщикомъ-иконописцемъ, Ушаковъ

писалъ иконы, фрески, знамена, чертилъ карты, планы, дѣлалъ рисунки для знаменъ, монетъ и украшеній на ружья и проч. т. п. (см. рис. 7). Какъ выдающійся по своимъ художественнымъ способностямъ среди своихъ товарищей-иконописцевъ, Ушаковъ является обычно непосредственнымъ руководителемъ ихъ въ исполняемыхъ ими работахъ, большинство „росписей“ царскихъ иконописцевъ за вторую половину XVII вѣка, до смерти Ушакова, подписаны имъ.

Въ церкви архангела Михаила, въ Овчинникахъ, сохранилась икона Владимірской Божіей Матери, писанная (надпись находится на обратной сторонѣ иконы) Симономъ Ушаковымъ въ 1652 году. Колоритъ иконы довольно темный. Писана она въ духѣ произведеній нашихъ иконописцевъ первой половины XVII вѣка. Ушаковъ въ ней, какимъ онъ является по позднѣйшимъ произведеніямъ, не виденъ, и если бы не было надписи, икону нельзя было бы приписать кисти нашего мастера.

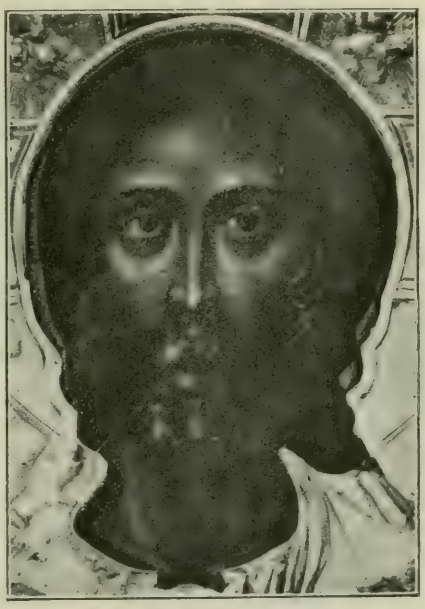


Рис. 7. Спаситель (работа Симона Ушакова).

Въ 1659 году Ушаковымъ была написана знаменитая икона Благовѣщенія, находящаяся въ Грузинской церкви Богоматери, въ Никитникахъ, въ приходѣ которой нашъ художникъ имѣлъ свой домъ и мастерскую, и для которой написалъ нѣсколько иконъ. Собственно

Благовѣщеніе представлено въ центрѣ иконы, по полямъ которой въ двѣнадцати четыреугольныхъ же клеймахъ размѣщены иллюстраціи къ Акаѳисту Богоматери. Эта оригинальная композиція отличается смѣлостью сочиненія, бойкостью рисунка, богатствомъ содержанія и движеніемъ въ фигурахъ. До сихъ поръ неизвѣстно ни въ византійскомъ, ни въ русскомъ искусствѣ такой картины, въ которой бы рисунокъ былъ до того сложенъ и такъ детально разработанъ, какъ на этой иконѣ.

Рис. 8. Миніат. изъ рукописи „Душевное лѣкарство“ 1677 г.

Рис. 9. Баня (миніатюра Синодика Румянцевскаго музея).

Въ той же Грузинской церкви находится и другая знаменитая икона Ушакова—Владимірской Богоматери, написанная въ 1667—1668 г. Внизу иконы, во всю ея ширину, представлена стѣна Московскаго Кремля со стороны Красной площади съ Спасской и Никольской башнями. За среднею частью стѣны возвышается въ

разрѣзѣ пятиглавый храмъ—Успенскій соборъ, внутри котораго изображено гигантское дерево, на стволѣ послѣдняго—на верху въ большомъ овалѣ, какъ бы на старинной хоругви представлена Богоматерь съ Бого-

Рис. 10. Гравюра изъ Синодика патріарха Адріана.

младенцемъ на рукахъ. Отъ корня дерева, кромѣ главнаго ствола, идутъ справа и слѣва два громадныхъ побѣга въ видѣ виноградныхъ лозъ съ зелеными ли-

стьями, цвѣтами и плодами; на этихъ лозахъ въ медальонахъ, округленныхъ лавровыми вѣнками, помѣщены поясныя изображенія (20, по 10 съ каждой стороны) московскихъ святыхъ, которые, имѣя въ рукахъ свитки, обращены къ вышеописанной иконѣ Богоматери. За Кремлевской стѣной, по сю сторону Успенскаго собора, подъ деревомъ стоятъ нагнувшись—направо—вел. кн. Іоаннъ Даниловичъ—онъ, касаясь корня, сажаетъ его въ землю, на лѣво—св. Петръ митрополитъ, держа въ рукахъ кувшинъ, поливаетъ новонасажденное дерево. По сторонамъ этихъ двухъ фигуръ представлены царь Алексѣй Михайловичъ, царица Марія Ильинична, царевичи Алексѣй Алексѣевичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Въ самомъ верху иконы на облакахъ Спаситель. На этой иконѣ Ушаковъ хотѣлъ изобразить покровъ надъ Москвою по молитвамъ Божьей Матери, которой воздвигнутъ главный храмъ въ Москвѣ, и московскихъ святыхъ. Помѣщеніе на иконѣ митр. Петра и великаго князя Іоанна Даниловича Калиты служитъ указаніемъ на извѣстное пророчество перваго второму о славѣ и благоденствіи Москвы. Во время написанія этой иконы талантъ Ушакова, очевидно, достигъ высшаго развитія. Сюжетъ иконы самостоятельный, исполненіе художественное.

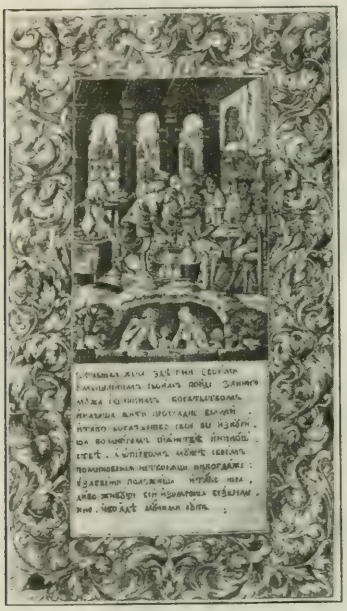


Рис. 11. Гравюра изъ Синодика патріарха Адріана.

Кромѣ письма иконъ и надзора за иконописными и стѣнописными работами другихъ мастеровъ, Ушаковъ

составлялъ и рисунки для гравюръ, исполненныхъ гравёрами Афанасіемъ Трухменскимъ и ученикомъ Василіемъ Андреевымъ. Превосходная, напр., гравюра на большомъ, отдѣльномъ листѣ, съ изображеніемъ семи смертныхъ грѣховъ. Представленъ человѣкъ, ползущій на четверенькахъ, на которомъ сидитъ чортъ, по сторонамъ послѣдняго во вьюкахъ сидятъ еще олицетворенные въ лицѣ животныхъ смертные грѣхи. Характеръ лицъ схваченъ удачно, животныя вырисованы отчетливо, бойкость рисунка изумительная. Въ человѣкѣ и чертѣ выражено сильное движеніе. Нагое тѣло выписано академически правильно.

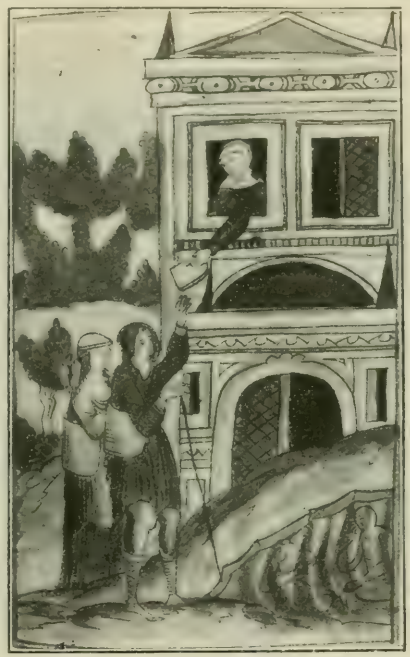


Рис. 12. Миніатюра изъ Синодика XVII в. (Румянц. музея).

Лучшія фрески, писанныя царскими иконописцами во второй половинѣ XVII вѣка, находятся въ Архангельскомъ соборѣ, замѣчательныя по сохранности и исполненію иконы въ церквахъ Григорія Неокессарійскаго, на Большой Полянкѣ, Харитонія въ Огородникахъ и Воскресенія въ Кадашахъ. Что касается до иконъ въ иконостасахъ Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ (о ярусѣ мѣстныхъ иконъ мы не говоримъ), то сравнительно лучше онѣ сохранились въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ, кажется, возможно возстановить прежнее письмо, а въ двухъ остальныхъ

храмахъ настолько испорчены многократными реставраціями, что отъ первоначальнаго вида иконъ уцѣлѣли однѣ лишь доски. Зато немало великолѣпныхъ иконъ сохранилось отъ XVII в. по стѣнамъ Успенскаго собора.

Изъ лицевыхъ рукописей, исполненныхъ царскими иконописцами, первоклассными памятниками являются Душевное Лѣкарство (см. рис. 8), Титулярникъ, книга вѣнчанія на царство Михаила Ѳедоровича и др.

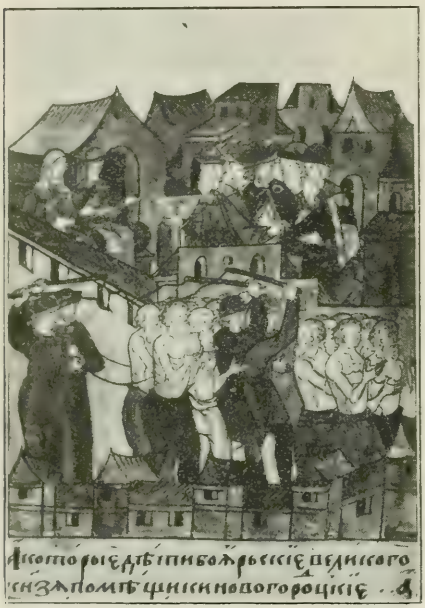


Рис. 13. Наказаніе батогами (миніатюра Никоновской лѣтописи).

Громадный интересъ для насъ представляютъ миніатюры съ бытовымъ, жанровыхъ содержаніемъ, отмѣченныя нами въ Душевномъ Лѣкарствѣ и въ лицевыхъ синодикахъ, гдѣ мы видимъ изображенія, наприм., уборки хлѣба, обоза, бани (см. рис. 9), пирушки (10—11), нищихъ (см. рис. 12), мальчиковъ, идущихъ за грибами, и проч. т. п. (см. рис. 13, 14, 15, 16).

„Въ другихъ областяхъ русской жизни, говоритъ академикъ А. И. Соболевскій, Петръ произвелъ нѣчто похожее на реформу. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ областяхъ сближеніе Московской Руси съ западной Европой, до Петра шедшее тихимъ, хотя и вѣрнымъ шагомъ, при Петрѣ двинулось быстрѣе, нервно, скачками, съ насиліемъ, среди ропота и протестовъ. Въ литературной же области все осталось по старому: тѣ же правительственные переводчики на первомъ мѣстѣ

(они продолжали существовать довольно долго послѣ Петра), тотъ же правительственный выборъ книгъ для перевода, то же разнообразіе въ содержаніи и достоинствѣ переведенныхъ книгъ, тѣ же качества перевода (конечно, приблизительно)".

То, что сказано почтеннымъ академикомъ о литературѣ, въ гораздо большей мѣрѣ приложимо къ русскому искусству. Иностранное вліяніе на русское ис-

Рис. 14. Обезглавленіе (миніатюра Никоновской лѣтописи).

кусство началось гораздо ранѣе царствованія Петра и даже послѣ него едва ли могло быть шире и разнообразнѣе, чѣмъ во второй половинѣ XVII вѣка, когда противъ иностраннаго вліянія въ церковной живописи борется высшее духовенство и возмущаются ревнители древняго благочестія. Такъ патріархи, Іосифъ и Іоакимъ вооружаются противъ западныхъ гравюръ, а пат-

ріархъ Никонъ даже приказывалъ выкалывать глаза на иконахъ, писанныхъ съ западныхъ картинъ.

Протестъ противъ новыхъ теченій искусства.

Почти одновременно съ реформами въ русскомъ искусствѣ совершилось исправленіе Никономъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Приверженцы древнерусскихъ традицій и быта оказывали сопротивленіе вторженію новыхъ идей и формъ въ русскую жизнь и искусство. Часто противники богослужебныхъ реформъ являются въ тоже время протестантами реформъ и въ области искусства. Протестъ религіозный переходитъ въ область эстетики. Борьба прежняго и новаго направленій въ искусствѣ въ концѣ XVII в. отразилась и въ литературѣ. Никто, кажется, такъ сильно не возмущался западнымъ вліяніемъ на русскую иконопись, какъ знаменитый защитникъ старинныхъ обрядовъ протопопъ Аввакумъ Петровъ. „По попущенію Божію, пишетъ онъ съ свойственными ему ядовитостью и сарказмомъ, — умножишася въ нашей русской землѣ иконнаго письма неподобнаго изуграфье. Пишутъ Спасовъ образъ Еммануила—лицо одутловато, уста червонная, власы кудрявая, руки и мышцы толстыя, тако же и у ногъ бедры толстыя, а весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, лишь сабли той при бедрѣ не написано. А все то писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиша толстоту

Рис. 15 Повѣшеніе (миніатюра Никоновской лѣтописи).

плотскую и опровергоша долу горняя. А все то кобели борзой Никонъ врагъ умыслилъ будто живыя писать. А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому.. Вотъ и никоніане учнутъ писать... Богородицу чревату въ Благовѣщенье, яко и фрязи поганыя. А Христа на крестѣ раздутовата: толстехонекъ миленькой стоитъ, и ноги тѣ у него, что стулчики. Охъ, охъ, бѣдная Русь! чего то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ. Не поклоняйся, рабе Божій, неподобнымъ образомъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, яко и тріе отроки въ Вавилонѣ тѣлу златому, поставленному на полѣ Дейровѣ. Толсто же тѣлище то тогда вылито, велико, что нынѣшныхъ образы, писанные по нѣмецкому... Будетъ образа подобна написана не прилучится, и ты на небо, на востокъ кланяйся, а такимъ образомъ не кланяйся".

Рис. 16. Отсѣченіе руки (миніатюра Никоновской лѣтописи).

Съ другой стороны, нашлись и горячіе защитники новаго направленія въ иконописи. Замѣчательнымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи является посланіе иконописца Іосифа Владимірова къ своему другу Симону Ѳедоровичу Ушакову по поводу отсталыхъ взглядовъ на искусство, высказанныхъ въ одной изъ бесѣдъ въ домѣ Ушакова сербскимъ архидіакономъ Іоанномъ Плѣшковичемъ. „Неужели ты скажешь, говоритъ Владиміровъ,

Защитники новаго теченія.

обращаясь къ Плѣшковичу, что только однимъ русскимъ дано писать иконы, и только одному русскому иконописанію слѣдуетъ поклоняться, а отъ прочихъ земель иконъ не принимать и не почитать?.. Знай, что въ иностранныхъ земляхъ такой стяжательный нравъ къ любомудрію, наипаче же къ сему премудрому живописанію прилежитъ, что не только Христовъ или Богородиченъ образъ на стѣнахъ и на доскахъ живописно пишутъ и на листахъ печатать искусны, но и на земныхъ царей своихъ персоны въ забвеніе не полагаютъ". Іосифъ Владиміровъ обращаетъ вниманіе на то, что иностранные художники библейскія историческія лица и сцены „будто живыя изображаютъ". По убѣжденію его, не важно, кому принадлежитъ то или иное художественное произведеніе, а важно то, дѣйствительно ли оно прекрасно. Утвержденіе, что красота художественнаго произведенія имѣетъ обаятельную для всѣхъ силу, независимо отъ національности художника, является принципомъ въ эстетикѣ, не потерявшимъ своего значенія и до настоящаго времени.

Паденіе иконописи при Петрѣ I.

Развитію живописи въ Москвѣ въ указанномъ выше направленіи былъ положенъ конецъ Петромъ I, сведшимъ художественную дѣятельность Оружейной Палаты— нашей національной академіи художествъ. XVII вѣкомъ закончилась дѣятельность царскихъ иконописцевъ. Интересно, что при Петрѣ нѣкоторые изъ послѣднихъ, лишенные заработка по своей спеціальности, должны были заботиться о новыхъ способахъ своего существованія и поступали даже въ придворные истопники. Нѣкоторые изъ царскихъ иконописцевъ (напр., Кириллъ Улановъ, онъ умеръ 1 іюня 1751 года) жили очень долго и способствовали сохраненію кое-гдѣ старинныхъ традицій въ московской иконописи. Изъ иконописцевъ XVIII вѣка, воспитавшихъ свой вкусъ на произведеніяхъ кисти царскихъ мастеровъ предшествовавшаго столѣтія, выдающимся былъ иконописецъ Яковъ Поспѣловъ, иконы котораго, между прочимъ, находятся

въ иконостасѣ церкви Воскресенія Славущаго, въ кремлевскомъ дворцѣ. Покойный Ю. Д. Филимоновъ

Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя (икона конца XVII вѣка въ церкви Преображенія Савино-Сторожевскаго монастыря).

одну изъ его иконъ (писана въ тридцатыхъ годахъ XVIII в., находится она въ церкви Спаса на Бору, это

икона Срѣтенія, бывшая храмовою Срѣтенскаго собора) приписалъ кисти Симона Ушакова, до такой степени искусно Поспѣловъ подражалъ своимъ предшественникамъ. Въ настоящее время въ Москвѣ сравнительно очень мало иконописцевъ, пишущихъ въ строго иконописномъ стилѣ древности. По большей части и они являются лишь посредственными копировальщиками съ старинныхъ образцовъ, ремесленниками, а не художниками. Въ ихъ произведеніяхъ мы видимъ лишь очень слабый отголосокъ иконописи XVII вѣка. Въ настоящее время осталось весьма немного хорошихъ реставраторовъ, они вымираютъ.

Александръ Успенскій.

Домашній и общественный бытъ Московской Руси*).

I.

Изучая исторію народа какъ съ ея внѣшней стороны, такъ и со стороны внутренней эволюціи, нельзя не обратить вниманія на общественный и домашній бытъ народа въ изучаемую эпоху. „Домашній бытъ народа, говоритъ Забѣлинъ, есть среда, въ которой лежатъ зародыши и зачатки его развитія и всевозможныхъ явленій его жизни общественной и политической...". И для того, чтобы понять ходъ развитія народной жизни нужно „узнать непосредственный родникъ его, всегда глубоко скрытый въ мелочахъ и многоразличныхъ бытовыхъ условіяхъ".

---

*) Важнѣйшая литература: *Костомаровъ*. Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа. *Забѣлинъ*. Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ. *Его же*. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. *Его же*. Исторія города Москвы. *Его же*. Москва-городъ. *Его же*. Московскій государь въ своемъ быту домашнемъ и общественномъ (обѣ послѣднія статьи помѣщены въ изданіи „Живописная Россія" т. VI, ч. I. *Его же*. Русскій бояринъ XVI—XVII вв. въ его помѣстьи. *Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры. *Довнаръ-Заполь-скій*. Торговля и промышленность Москвы въ XVI—XVII вв. *Писаревъ*. Домашній бытъ русскихъ патріарховъ. *Ключевскій*. Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. *Устряловъ*. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. *Герберштейнъ*. Записки о Московіи. *Олеарій*. Описаніе путешествія въ Московію. *Фанъ-Клевенка*. Путешествіе къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳеодору Алексѣевичу. *Кордтъ*. Отчетъ Альберта Бурха и Іоанна фанъ-Фельтдриля о посольствѣ ихъ въ Россію въ 1630 г. *Аделунгъ*. Бар. Мейерберъ и его путешествіе въ Россію. *Павелъ Алеппскій*. Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII. Переводъ Муркоса. *Котошихинъ*. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михай-

Да оно и понятно, характеръ человѣка ярче всего отражается въ его частномъ быту, въ тѣхъ тысячахъ мелочей, которыми онъ обставляетъ свою каждодневную жизнь, въ его обрядахъ, вѣрованіяхъ, забавахъ и т. д., словомъ въ той обстановкѣ, которую онъ создаетъ себѣ. „Покажите только горшки, выдѣланные какимъ ни есть народомъ, и тогда можно сказать вообще, каковъ этотъ народъ и на какой степени цивилизаціи онъ стоялъ", говоритъ одинъ изслѣдователь. Нельзя не признать въ его словахъ доли преувеличенія, но совокупность предметовъ, составляющихъ обиходъ человѣка, та внѣшняя рамка, въ которой онъ дѣйствовалъ, несомнѣнно поможетъ уяснить весь строй жизни, представить отчетливѣе какъ культурную эволюцію, такъ и ходъ внѣшнихъ событій его жизни. И тогда предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ оживетъ далекое прошлое, станетъ близкимъ и понятнымъ, а смутныя фигуры дѣятелей эпохи встанутъ и облекутся плотью и кровью...

Разсмотрѣніе быта русскихъ людей въ Московскомъ государствѣ мы начнемъ съ описанія города, такъ какъ деревенскія поселенія того времени мало отличались отъ современныхъ великорусскихъ деревень.

Города. Города Московской Руси можно раздѣлить на двѣ большія категоріи: города старые, торговые и промыш-

ловича. *Преображенскій.* Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. по сочиненіямъ Максима Грека. Домострой. *Некрасовъ.* Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи Домостроя (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1872 г., кн. III). *Терещенко.* Бытъ русскаго народа. *Пыпинъ.* Московская старина. (Вѣстникъ Европы 1885 г., №№ 1, 2, 3). *Опочининъ.* Очерки древнерусскаго быта. *Мартыновъ.* Русская старина. *Снегиревъ.* Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. *Потаповъ.* Очерки древней русской гражданской архитектуры (Древности, т. XIX—XX). *Новицкій.* Исторія русскаго искусства, т. I. *Игорь Грабарь.* Исторія русскаго искусства, тт. I и II. *Прохоровъ.* Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ. *Савваитовъ.* Описаніе старинныхъ русскихъ утварей. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ, вып. 1, 2, 3, 4 и 5. *Сахаровъ.* Сказанія русскаго народа.

ленные, и города новые, построенные на границахъ государства съ стратегическими цѣлями. Послѣдніе города не представляютъ интереса для насъ, такъ какъ населеніе ихъ ограничивалось обслуживавшимъ ихъ гарнизономъ ратныхъ людей, и мы будемъ говорить только о городахъ перваго типа. Главнымъ отличіемъ города отъ села и деревни являлось то, что городъ былъ укрѣпленъ, „огороженъ“ (см. рис. 1). Укрѣпленія состояли изъ земляного вала и деревянной или въ рѣдкихъ случаяхъ каменной стѣны. Деревянныя стѣны строились „городнями“ или срубами, пространство внутри срубовъ заполнялось землей или служило мѣстомъ, гдѣ жили защитники. Срубы эти шли въ нѣсколько ярусовъ. Въ стѣнахъ дѣлались узкія отверстія или бойницы, изъ которыхъ стрѣляли въ враговъ, при чемъ нерѣдко бойницы дѣлали въ два или три яруса. Верхніе срубы иногда выступали надъ нижними, и оттуда защитники города могли отстрѣливаться отъ осаждающихъ, или лить на нихъ растопленную смолу, спускать камни и бревна. Надъ стѣной въ нѣсколькихъ мѣстахъ возвышались башни, съ которыхъ можно было обозрѣвать окрестности и во́ время увидать подступающаго врага. Тѣ башни, подъ которыми были ворота, назывались воротными; подъ одной изъ башенъ бывалъ обыкновенно потайной ходъ, и потому она называлась „тайнинской“. Вокругъ стѣнъ вырывали глубокій ровъ, черезъ который перекидывали мосты: чтобъ затруднить переходъ черезъ ровъ, въ дно его вбивали сваи. Укрѣпленія иногда простирались на нѣсколько верстъ вокругъ города въ видѣ „надолбъ“—такъ называли загражденія изъ толстыхъ свай, вбитыхъ въ землю, между которыхъ человѣку, незнакомому съ расположеніемъ ихъ, нелегко было пробраться, ни пѣшему, ни конному. Большею частью стѣны городовъ были деревянныя, но были и каменные города, хотя такихъ было и немного. Строились каменныя стѣны по такому же способу, какъ и деревянныя, съ высокими башнями,

съ выступающими стрѣльницами, изъ которыхъ можно было осыпать врага камнями; въ нѣкоторыхъ городахъ кромѣ внѣшней стѣны была еще и внутренняя, замы-

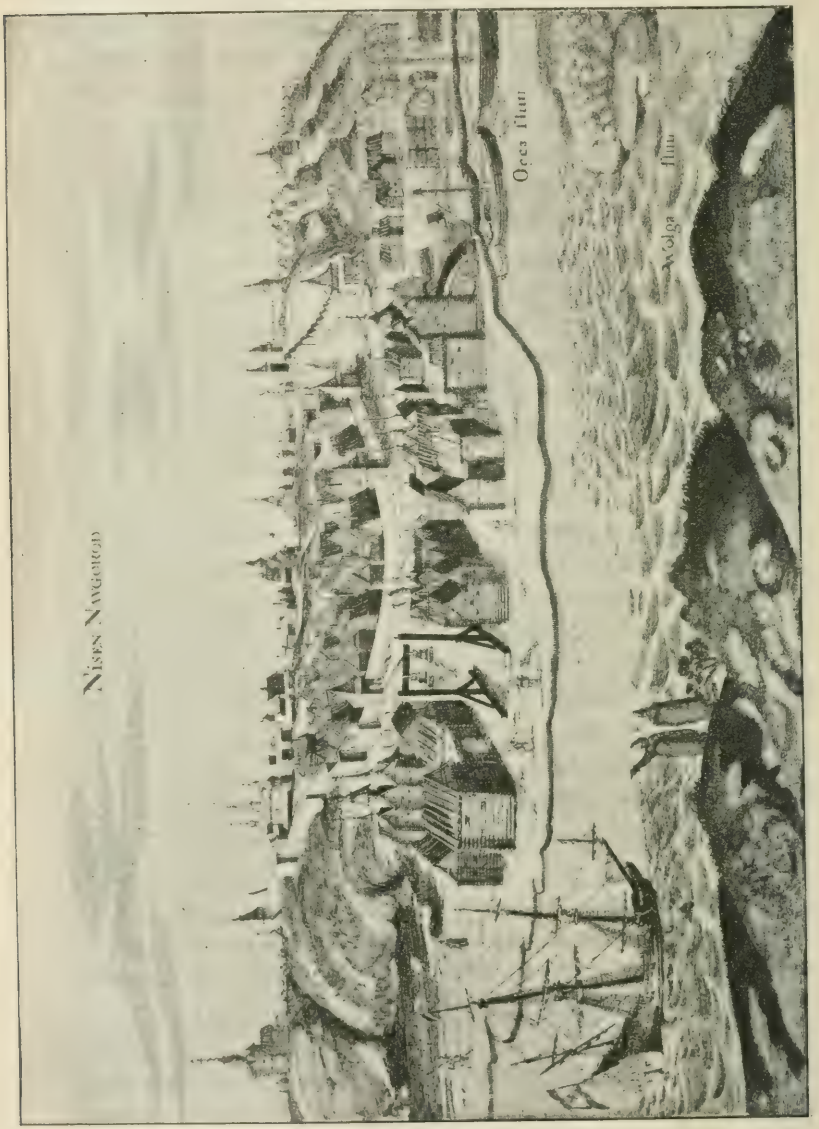


Рис. 1. Видъ Нижняго Новгорода (путеш. Олеарія).

кавшая центръ города съ соборами и домами князя и знатнѣйшихъ лицъ, и представлявшая собственно крѣпость—кремль или дѣтинецъ. Въ Москвѣ такихъ стѣнъ было четыре: центръ составлялъ Кремль—высокій холмъ на берегу Москвы рѣки, гдѣ когда то стояли хоромы боярина Кучки, а потомъ сосредоточивались дворцы, соборы, казенныя зданія и т. д.; его окружала каменная стѣна съ высокими башнями. Дальше шли каменныя стѣны Китай-города, а за ней—Бѣлаго города. Въ этихъ частяхъ города сосредоточивалась торговая жизнь. Еще дальше шла деревянная стѣна, названная Скородомомъ, вслѣдствіе той необыкновенной быстроты съ которой она была построена. Въ Смутное время она сгорѣла и на ея мѣстѣ въ 30-хъ годахъ XVII в. былъ насыпанъ земляной валъ, почему пространство, окруженное этимъ валомъ, стало называться „земляным городомъ"—названіе, сохранившееся и до сихъ поръ.

Но не слѣдуетъ думать, что стѣны городскія охватывали весь городъ: онѣ окружали обыкновенно лишь небольшую часть его, и за ними простирались слободы и посады, въ которыхъ жили ремесленники и торговцы, и русскіе города удивляли иностранцевъ своей обширностью, разбросанностью.

Первое, что поражало иностранцевъ, подъѣзжавшихъ къ русскому городу, было обиліе церквей, число которыхъ въ Москвѣ, по словамъ путешественниковъ XVII в., достигало двухъ тысячъ. Количество ихъ объясняется обыкновеніемъ богатыхъ людей имѣть собственныя церкви, не превышавшія порой размѣрами часовню. Позолоченныя и посеребренныя главки ихъ, возвышаясь среди садовъ, придавали общему виду необыкновенную живописность, а почти непрерывный благовѣстъ, покрывая шумъ и гомонъ уличной суеты, вносилъ своеобразную поэзію въ общій характеръ города. Но въѣхавшихъ въ городъ ожидало разочарованіе, и „городъ, казавшійся издали великолѣпнымъ Іерусалимомъ, по выраженію Олеарія, внутри являлся

бѣднымъ Вифлеемомъ". Правда, улицы были довольно широки, но содержались крайне неопрятно: здѣсь валялись всякіе отбросы, а зачастую и падаль, и все это въ дождливое время покрывала непролазная грязь, по которой съ трудомъ передвигались пѣшеходы и повозки. (См. рис. 2). Часть Москвы была замощена положенными поперекъ улицы бревнами, но это мало способствовало удобной ѣздѣ, такъ какъ, не уменьшая грязи, дѣлало дорогу такой тряской, что по ней можно было ѣхать только шагомъ. Въ Москвѣ было много

Рис. 2. Улица города (путеш. Олеарія).

широкихъ площадей, на которыхъ находились харчевни, лавки, лотки съ различными товарами: сидѣли и сновали торговцы и торговки, громогласно восхвалявшіе свой товаръ, здѣсь же стояли извозчики съ тѣлежками или санями, судя по времени года, въ одну лошадь, зазывавшіе ѣздоковъ и мчавшіе ихъ за алтынъ на другой конецъ города. Общій шумъ и толкотню, ошеломлявшіе непривычнаго человѣка, увеличивали толпы нищихъ всѣхъ возрастовъ, юродивыхъ, калѣкъ, убогихъ, просившихъ милостыню, и скоплявшихся въ

особо большомъ числѣ у папертей церквей и воротъ богатыхъ людей, а также множество всякаго безработнаго и бездомнаго люда, искавшаго случайной поживы и зрѣлищъ. Ночью, когда городъ засыпалъ, и только стукъ трещотокъ ночныхъ сторожей нарушалъ безмолвіе, выходили такіе люди на промыселъ, и рѣдкая ночь проходила безъ грабежей и убійствъ. Многочисленная и, по большей части, плохо содержавшаяся челядь бояръ нерѣдко участвовала въ самыхъ ужасныхъ ночныхъ грабежахъ.

Въ жизни Москвы особо важное значеніе имѣла Ивановская площадь въ Кремлѣ, гдѣ объявлялись народу правительственныя распоряженія, а еще большее Красная площадь Китай-города, гдѣ происходили пышныя церемоніи—шествіе на осляти, объявленіе царскихъ манифестовъ, отсюда сами цари говорили съ народомъ, и здѣсь же совершались смертныя казни, собиравшія толпы зѣвакъ.

Дворъ.

Города Московской Руси занимали, сравнительно съ цифрой населенія, очень большую площадь, такъ какъ дома строились въ глубинѣ просторныхъ дворовъ, и усадьба въ 5—6 десятинъ была въ Москвѣ недиковинной. Дворъ зажиточнаго хозяина огораживался высокимъ „заметомъ“, съ воротами, разукрашенными рѣзьбой; надъ воротами нерѣдко вѣшали образъ. Они всегда были на запорѣ и отворялись только послѣ стука въ калитку и возгласа „Господи помилуй“. Въѣзжали во дворъ только гости болѣе знатные, чѣмъ хозяинъ, обычно же лошадь оставляли за воротами и шли пѣшкомъ къ крыльцу по расчищенной и вымощенной дорожкѣ. Весь укладъ русской жизни выработалъ идеалъ состоятельнаго хозяина, который не долженъ былъ „ходить въ чюжой дворъ ни по что, ни которыми дѣлы“, но производить въ своемъ хозяйствѣ все потребное для домашняго обихода—немудрено, что сообразно съ этимъ требованіемъ и дворъ его долженъ былъ представлять въ миніатюрѣ цѣлый горо-

докъ. Дѣйствительно, мы видимъ здѣсь множество всякаго рода службъ-конюшни, скотные дворы, мастерскія, мыльни (бани), поварни, пекарни, житницы, погреба, медуши, бретьяницы, избы для прислуги и т. д. Въ общую ограду входили огороды и садъ съ плодовыми деревьями и цвѣтами. По большей части, какъ эти постройки, такъ и хоромы хозяина были деревянными и представляли обильную пищу для огня, почему нерѣдко случалось, что отъ пожаровъ выгорали цѣлыя части города. При тогдашнихъ условіяхъ бороться съ огнемъ было невозможно, и приходилось принимать мѣры предупреждающаго характера, въ родѣ запрещенія топить лѣтомъ печи. Частые пожары

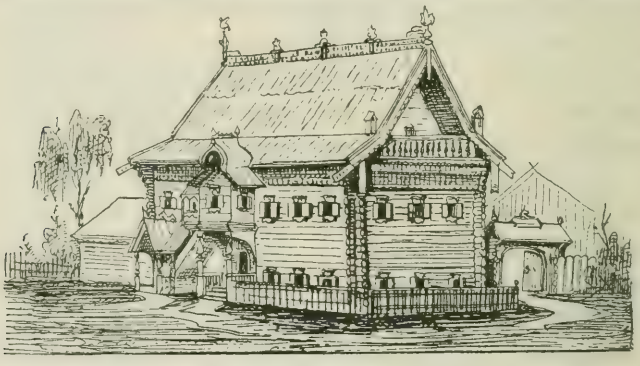


Рис. 3. И з б а.

вызвали въ Москвѣ и въ другихъ городахъ продажу готовыхъ избъ, которыя разбирались и складывались на мѣстѣ, что съ изумленіемъ отмѣчали иностранцы. Нужно впрочемъ прибавить, что въ XVII в. въ Москвѣ появляется уже не мало каменныхъ построекъ.

Хоромы. Хоромы самого хозяина помѣщались обыкновенно въ глубинѣ двора и представляли своеобразное строеніе, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннему устройству, являясь дальнѣйшимъ развитіемъ, вѣрнѣе сказать соединеніемъ нѣсколькихъ „клѣтей“, или избъ, въ которыхъ жило, да и теперь еще живетъ русское крестьянство. (См. рис. 3). Разница была только въ

томъ, что строились хоромы зажиточныхъ людей не прямо на землѣ, „на пошвѣ“, а на высокомъ подклѣтьи, топились не „по черному“, когда за неимѣніемъ трубъ, дымъ выходитъ въ раскрытыя „волоковыя“ окна, и вообще отличались большимъ удобствомъ и роскошью отдѣлки. Всматриваясь въ планъ большого боярскаго дома, мы видимъ, что онъ представляетъ собой совершенно безсистемное, произвольное нагроможденіе отдѣльныхъ клѣтей разнаго размѣра и высоты, соединенныхъ между собой крытыми сѣнями и открытыми переходами, такъ что былинное описаніе:

„На томъ дворѣ на Чурилиномъ
Стояло теремовъ до семидесяти“,

не кажется грубой гиперболой, и не даромъ общее собирательное названіе дома было „хоромы“, „клѣти“, или же по числу покоевъ „двойни“, „тройни“, и т. д.

Строились дома на подклѣтяхъ, служившихъ кладовыми и помѣщеніями для прислуги, такъ что жилыя комнаты находились во второмъ этажѣ и потому назывались „горницами“ или „верхомъ“. Третій этажъ составлялъ теремъ или чердакъ надъ покоями и „вышка“ надъ сѣнями. Особенностью чердака являлось множество оконъ, и нерѣдко болѣе нарядное внѣшнее убранство: окна украшались рѣзьбой, расписывались. Надъ теремомъ бывалъ еще и четвертый этажъ въ видѣ „смотрильной башни“ или „смотрильни“. Она какъ и чердакъ, обыкновенно окружалась балкономъ, или гульбищемъ съ точенными и рѣзными перилами.

При общемъ взглядѣ на такія хоромы поражаетъ въ нихъ точно преднамѣренное отсутствіе симметріи: всѣ составныя части хоромъ различной вышины, размѣровъ, всѣ онѣ составлены неправильно, приставлены другъ къ другу косо. Окна въ нихъ и большія и маленькія, различной формы, прорѣзаны въ разныхъ плоскостяхъ и на неравномъ разстояніи одно отъ другого. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ дѣлать выводъ, что московская архитектура была некрасива—отнюдь нѣтъ:

все зданіе имѣло совершенно своеобразный видъ, съ перваго взгляда поражая какой то дикостью, пестротой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чаруя причудливостью очертаній, роскошью рѣзьбы, свѣжей яркостью красокъ и позолоты.

Однимъ изъ лучшихъ образцовъ деревяннаго зодчества московской Руси являлся Коломенскій дворецъ, дожившій до конца XVIII вѣка, когда онъ былъ разо-

Рис. 4. Коломенскій дворецъ.

бранъ, но къ счастью для любителей старины тогда же была сдѣлана точная модель дворца, которая цѣла и въ настоящее время (см. рис. 4). Вообще наружный видъ богатаго дома былъ очень живописенъ, особенно украшали крышу, которую дѣлали двускатною или четырехскатною шатромъ, или бочкообразною, въ видѣ лежащей бочки; крылись крыши гонтомъ—дере-

вянными дощечками, или „чешуей“, а у богачей покрывались бѣлымъ желѣзомъ, мѣдью и даже серебромъ и золотомъ. Украшеніемъ палатъ служило также крыльцо. Ходъ въ жилыя хоромы, на второй этажъ, устраивался всегда прямо со двора и крыльцо дѣлалось въ видѣ цѣлаго сооруженія съ нѣсколькими площадками, или рундуками, надъ нимъ строилась особая крыша, съ шатрами надъ рундуками. Крыльцо играло важную роль въ жизни дома: на него, судя по достоинству гостя, выходилъ на встрѣчу хозяинъ или на верхній рундукъ, или на второй; если же удостоивалъ посѣщеніемъ человѣкъ, стоявшій значительно выше хозяина, то тотъ спускался на встрѣчу съ крыльца. Лѣстницы окружались точеными перилами, шатеръ поддерживали столбы, украшенные рѣзьбою, обычно въ формѣ раздутаго кувшина—эта форма деревянныхъ столбовъ впослѣдствіе перешла и на каменные. Любимымъ украшеніемъ крыльца служила двойная арка, или вѣрнѣе, двѣ полуарки соединенныя воедино.

Не менѣе тщательно и причудливо украшали наличники дверей и оконъ. Такова была внѣшность деревянныхъ хоромъ Московской Руси. Нужно сказать, что русскіе люди любили деревянныя постройки, считали ихъ болѣе здоровыми, нежели каменныя, такъ что даже царь Михаилъ Федоровичъ, когда были отстроены каменныя хоромы, продолжалъ жить въ деревянныхъ, пользуясь каменными только для торжественныхъ пріемовъ.

Каменныя постройки XV—XVII вѣковъ сохранились въ небольшомъ количествѣ. Наиболѣе древними изъ нихъ являются палаты Пскова, относящіяся къ XV вѣку. Таковы Паганкины палаты, массивное некрасивое зданіе съ маленькими окошечками, лѣстницей, пристроенной снаружи, и сводчатыми потолками (см. рис. 5). Кромѣ того въ Псковѣ сохранилось еще нѣсколько домовъ частныхъ лицъ. Всѣ эти постройки, въ отличіе отъ московскихъ, поражаютъ бѣдностью укра-

шеній, крайней массивностью, грубостью, и составляютъ рѣзкій контрастъ съ роскошно декорированными храмами этихъ городовъ той же эпохи. Великолѣпный образецъ новгородско-псковскаго гражданскаго зодчества представляетъ остатокъ княжескаго дворца въ Угличѣ, построеннаго въ концѣ XV вѣка. Въ немъ все просто, сурово, нѣтъ и признака тѣхъ украшеній, которыя отличаютъ московскую гражданскую архитектуру. Онъ имѣетъ форму куба, съ восьмискатной кровлей, съ гладкими стѣнами, только вверху украшен-

Рис. 5. Паганкины палаты въ Псковѣ.

ными нѣсколькими рядами зубчиковъ, напоминающихъ украшенія новгородскихъ храмовъ (см. рис. 6).

Зато каменныя палаты Московской Руси очень близко напоминаютъ формы деревяннаго зодчества этой эпохи: мы видимъ такія же разнообразной формы крыши съ флюгерами, высокія крыльца съ шатровыми покрытіями, поддерживаемыми каменными столбами той же формы, что мы видѣли и въ деревянныхъ. Также разнообразно и причудливо украша-

лись окна и двери. Даже и въ планѣ каменныя палаты большею частью приближаются къ деревяннымъ, то есть, представляютъ соединенныя сѣнями отдѣльныя клѣти. Образецъ такого зданія видимъ на рисункѣ Посольскаго двора, взятомъ изъ альбома путешественника XVII вѣка Мейерберга (рис. 7). Оригинальны здѣсь обширныя лѣстницы съ шатровыми покрытіями, кры-

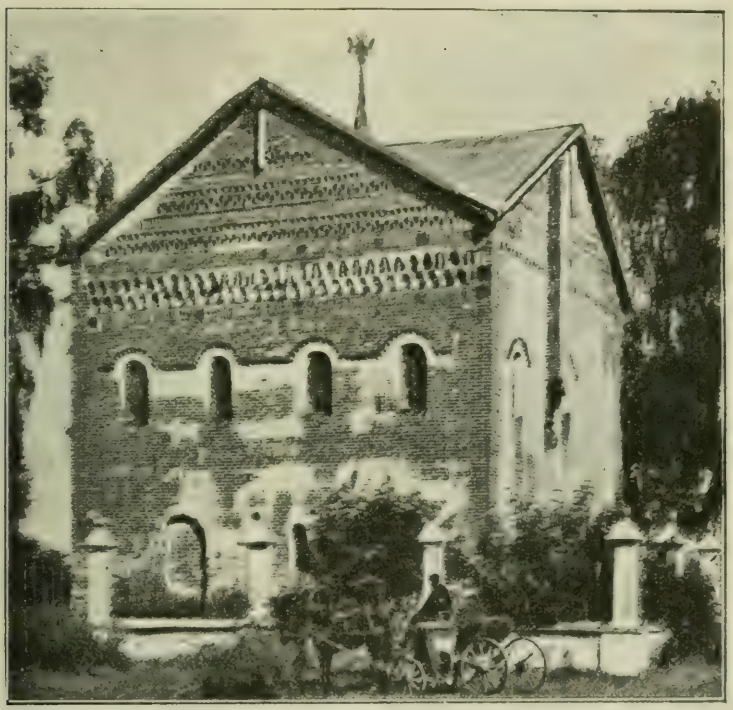


Рис. 6. Дворецъ Димитрія въ Угличѣ.

тая терраса надъ вторымъ этажемъ, предназначавшаяся для прогулокъ. Кромѣ того, здѣсь интересна особенность—все зданіе каменное, третій же этажъ—деревянный. Къ сожалѣнію, въ настоящее время уже не много сохранилось памятниковъ гражданской архитектуры этой поры, и лишь кое-гдѣ уцѣлѣли эти старые

дома съ массивными стѣнами, фигурными, высокими крыльцами, съ кувшинообразными колонками и шатровыми верхами, съ маленькими окнами, украшенными каменными бусами и подражаніемъ деревянной рѣзьбѣ. Эта рѣзьба по камню, особенно поражала иностранцевъ: Павелъ Алеппскій, спутникъ антіохійскаго патріарха Макарія, посѣтившій Москву въ концѣ XVII вѣка, такъ описываетъ ее: „Мы дивились на ихъ красоту, украшенія, изящество, прочность, архитектуру, множество оконъ и колоннъ съ рѣзьбой, на обильную раскраску внутри и снаружи; кажется какъ будто это куски разноцвѣтнаго мрамора, или мозаика. Каменьщики вы-

Рис. 7. Посольскій дворъ (путеш. Мейерберга).

сѣкаютъ на кирпичѣ желѣзными орудіями неописуемо чудесныя украшенія...“.

Конецъ XVII вѣка приноситъ много измѣненій въ жизнь Москвы, все сильнѣй и сильнѣй проникаетъ въ бытъ русскаго человѣка западное вліяніе, роскошь, стремленіе обставить жизнь съ возможно большимъ блескомъ. И вотъ въ Москвѣ возводится рядъ построекъ, и казенныхъ, и принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, въ которыхъ замѣчаются уже новые мотивы украшеній. Для облицовки зданій начинаютъ употреблять поливные разноцвѣтные изразцы, что придаетъ зданію необыкновенную яркость, блескъ, нарядность.

До настоящаго времени въ Москвѣ уцѣлѣлъ такъ называемый Крутицкій теремъ, вѣрнѣе переходъ отъ церкви къ терему Крутицкаго митрополита, сплошь покрытый такими цвѣтными изразцами (см. рис. 8).

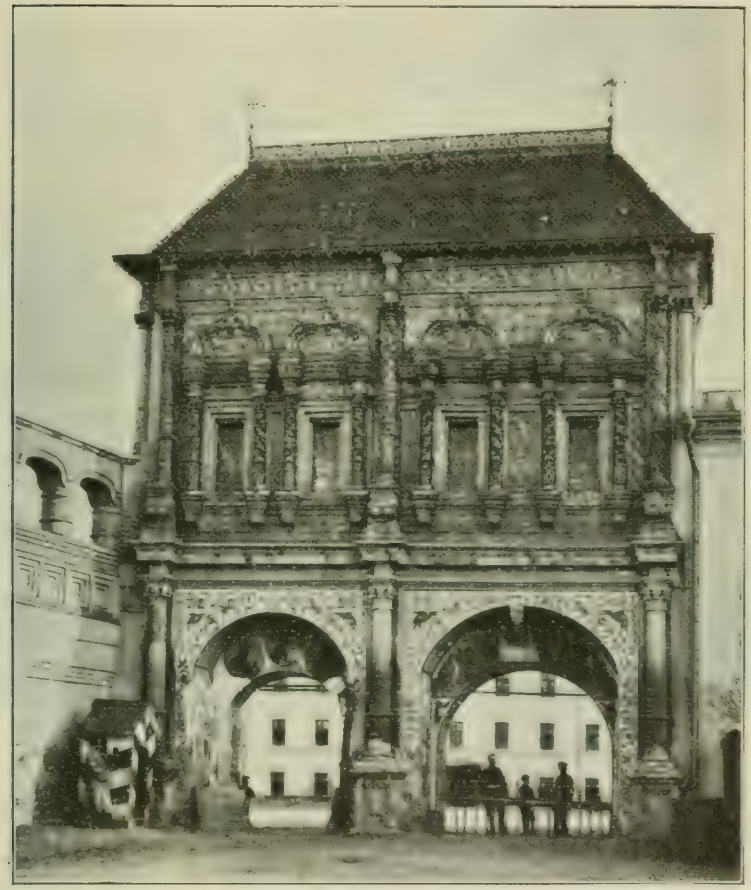


Рис. 8. Крутицкій теремъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются и колонки, обвитыя виноградомъ, частью замѣняющія, частью дополняющія прежнія кувшино-образныя колонны, надъ окнами и

дверями дѣлаютъ сложныя украшенія—въ видѣ звѣрей, драконовъ, геометрическихъ фигуръ, взамѣнъ прежнихъ кокошниковъ съ рядами бусъ. Мѣняется и общій видъ зданія, которое становится выше, импозантнѣе, украшается башнями и колоннами во вкусѣ готическаго искусства и барокко.

У насъ сохранилось немного памятниковъ московскаго зодчества—назовемъ: домъ Коробова въ Калугѣ, домъ князей Юсуповыхъ въ Москвѣ (см. рис. 9), домъ дьяка Аверкіева, теперь принадлежащій Московскому

Рис. 9. Домъ князя Юсупова въ Москвѣ.

Археологическому Обществу, домъ бояръ Нарышкиныхъ, позже Потѣшный дворецъ, въ Кремлѣ, но это интересное зданіе сильно пострадало отъ передѣлокъ (см. рис. 10), еще болѣе перестроенный домъ Нарышкиныхъ на Воздвиженкѣ, на мѣстѣ древняго „опричнаго двора“ Ивана Грознаго (теперь въ немъ помѣщается архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Наиболѣе интереснымъ и наилучше сохранившимся памятникомъ московскаго гражданскаго зодчества без-

спорно является московскій дворецъ или, вѣрнѣе, кремлевскіе терема. Первоначально княжескій дворецъ былъ деревянный, но съ конца XV вѣка начинаютъ постепенно пристраивать къ нему каменные покои. Такъ въ 1481 г. была построена фрязиномъ Марко Руффо каменная гра-

Рис. 10. Потѣшный дворецъ.

новитая палата, названная такъ оттого, что стѣны ея были украшены выпуклыми гранями. Въ 1499 году былъ построенъ каменный дворецъ, взамѣнъ части стараго деревяннаго. Въ теченіи вѣковъ продолжали подстраивать и перестраивать этотъ дворецъ, въ чемъ принимали участіе мастера и иностранные,

и русскіе, и немудрено, что въ концѣ концовъ получилось зданіе, вѣрнѣе рядъ зданій столь своеобразнаго вида, въ которыхъ странно переплетались различные стили. Наружный видъ дворца поражалъ своимъ великолѣпіемъ: входившія въ составъ его зданія были покрыты отдѣльными крышами въ видѣ бочекъ, шатровъ, съ рѣзными флюгерами, гребешками, среди которыхъ поднимались золоченыя главки многочисленныхъ церковокъ, башни, башенки, увѣнчанныя орлами. Многія крыши были тоже позолочены и посеребряны, также и карнизы стѣнъ, расцвѣченныхъ яркими изразцами и украшенныхъ рѣзьбой. Вся эта масса зданій горѣла и переливалась на солнцѣ причудливымъ сочетаніемъ яркихъ красокъ, и производила странное сказочное впечатлѣніе среди невзрачныхъ служебныхъ построекъ дворца. Живописность увеличивали сады, разбитые около дворца, нижніе на землѣ и „верхніе“, на каменныхъ сводахъ, надъ погребами. Такихъ садовъ было нѣсколько; въ нихъ стояли „палатки“ или бесѣдки, съ позолоченными кровлями, расли плодовыя деревья, виноградъ, цвѣты, а на вѣтвяхъ раскачивались клѣтки съ заморскими птицами (см. рис. 11 и 12).

Царскія хоромы раздѣлялись на двѣ части—жилые покои, отличавшіеся простотой и незатѣйливостью, и пріемные, отдѣланныя съ большой роскошью. Первая часть состояла изъ царской опочивальни, крестовой комнаты и пріемной, или по московской терминологіи, передней, т. е. не превосходила жилья боярина. Покои царицы и дѣтей ставились отдѣльно и соединялись съ царскими сѣнями. Особенностью царскихъ хоромъ являлось множество домовыхъ церквей „на сѣняхъ“, входившихъ въ общую связь съ покоями.

II.

Внутреннее убранство дома.

Теперь мы заглянемъ внутрь этихъ построекъ и посмотримъ ихъ „хоромный нарядъ“, какъ называли въ Москвѣ внутреннее убранство дома.

Главные покои состояли часто изъ 2—3 комнатъ-горницы, комнаты (кабинета), соединявшихся сѣнями съ повалушей, замѣнившей собой древнюю гридню и служившей помѣщеніемъ для пировъ и вообще пріемовъ гостей. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ хоромахъ устраивались свѣтлицы съ окнами во всѣ стороны,

Рис. 11. Кремлевскій дворецъ (современный видъ).

предназначавшіяся для женскихъ рукодѣлій, и сѣнникъ, служившій лѣтней спальней; къ этимъ покоямъ пристраивались чуланы для храненія скарба и коморки — родъ алькова для спанья. У богатыхъ людей, бывали крестовыя или образныя палаты, а нерѣдко

и домовыя церкви. Третій этажъ—теремъ, или вышка, состоялъ тоже изъ нѣсколькихъ покоевъ — въ немъ обыкновенно жили женщины.

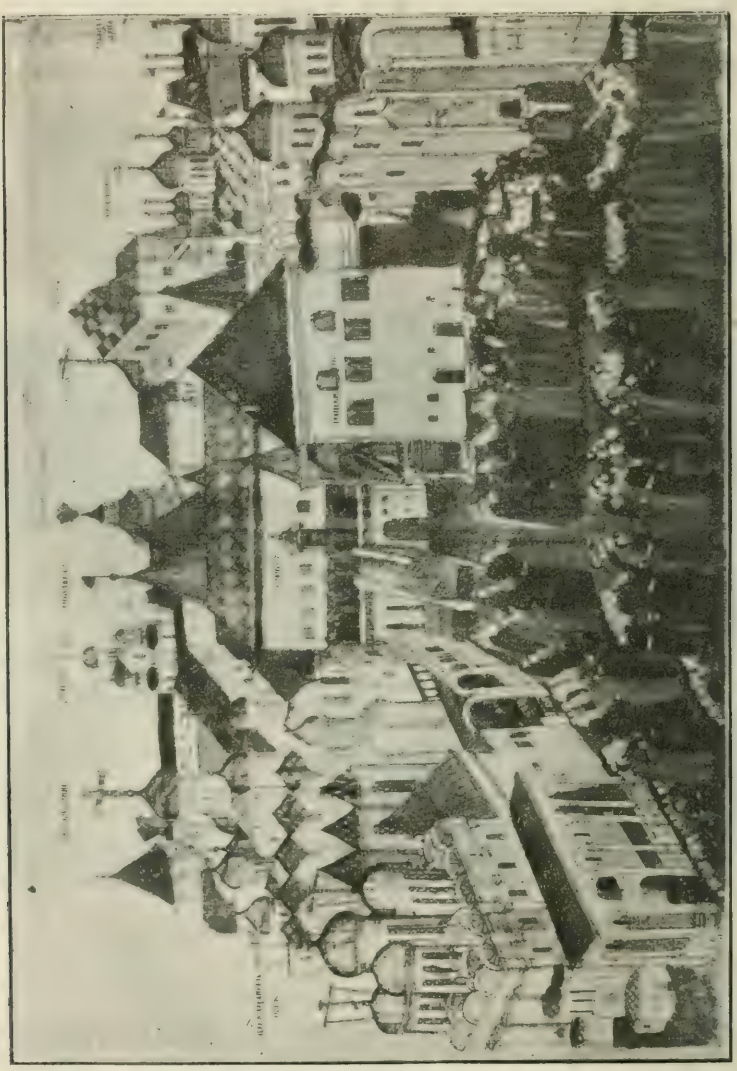


Рис. 12. Кремлевскій дворецъ (Изъ книги „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича").

Покои нашихъ предковъ не отличались ни большими размѣрами, ни высотой; маленькія окошки про-

пускали не много свѣта, такъ какъ стекла еще и въ XVII в. были рѣдкостью, замѣняла ихъ слюда, маленькими кусочками вставлявшаяся въ свинцовыя рамы, и часто тоже раскрашенная. Но и здѣсь, какъ и во внѣшней отдѣлкѣ домовъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же стремленіемъ къ удовлетворенію, по мѣрѣ возможности, эстетическихъ потребностей, со стремленіемъ украсить рѣзьбой, позолотой, цвѣтными росписями каждый уголокъ. Особенно тщательно расписывался потолокъ, или

Рис. 13. Одна изъ комнатъ кремлевскаго дворца.

„подволока“, нерѣдко на немъ изображался сводъ небесный, какъ говорится въ былинѣ:

„На небѣ солнце—и въ теремѣ солнце,
„На небѣ звѣзды—и въ теремѣ звѣзды,
„На небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ,
— И вся красота поднебесная“!

Стѣны расписывались травами, „ленчафтами“ (ландшафтами), и цѣлыми сценами изъ священной

исторіи, а также „аспидомъ“, то есть подъ мраморъ. Такъ, въ Грановитой палатѣ Кремлевскаго дворца, самой большой и роскошной, гдѣ происходили пріемы пословъ и торжественные обряды, какъ сводчатый потолокъ, опиравшійся на одинъ массивный столбъ посреди палаты, такъ и стѣны были расписаны сплошь. На потолкѣ были изображены сцены изъ ветхаго и новаго завѣтовъ, а на стѣнахъ и столбѣ—портреты русскихъ князей и нѣкоторыя событія изъ исторіи. Стѣны другой палаты „золотой“, были расписаны сценами изъ русской и византійской исторіи по золотому фону; „столовая изба“, въ которой происходили пиры, была расписана только по потолку, на которомъ были представлены „звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные“. Въ томъ же родѣ развѣ только съ меньшею роскошью, отдѣлывались и боярскіе покои. (См. рис. 13).

Рис. 14. Кресло.

Украшеніе не ограничивалось стѣнами и потолкомъ—замысловатой рѣзьбой отдѣлывались подоконники, притолоки, наличники оконъ; круглыя или четырехъугольныя печи обкладывались разноцвѣтными, преимущественно зелеными изразцами или ценинои (фаянсомъ) съ различными рисунками.

Домашняя утварь.

Домашняя мебель была крайне немногочисленна—она состояла изъ столовъ, лавокъ, прибитыхъ къ стѣнамъ и нерѣдко замѣнявшихъ собой кровати, которыя встрѣчались только въ богатыхъ домахъ, переносныхъ

скамеекъ, и только у немногихъ были кресла и стулья (стольцы), которые и предлагали рѣдкому и почетному

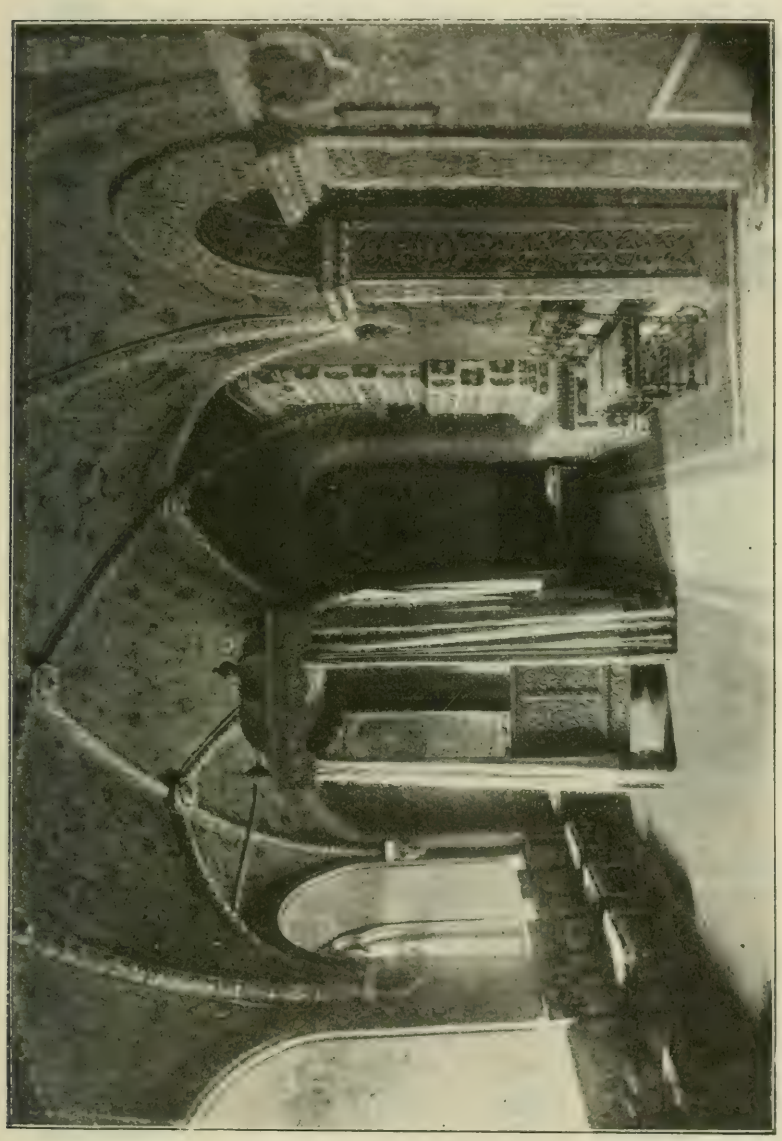


Рис. 15. Царская опочивальня.

гостю. (См. рис. 14 и 15). Вся эта утварь обильно украшалась замысловатой рѣзьбой и расписывалась, но

тѣмъ не менѣе въ торжественныхъ случаяхъ покрывалась скатертями и полавошниками. Вообще нужно отмѣтить присущую нашимъ предкамъ страсть прикрывать все что можно—на полахъ разстилались ковры, стѣны и потолокъ завѣшивались сукномъ и коврами (если не были расписаны), даже подоконники и наличники оконъ закрывались матеріей, при чемъ всѣ эти покрышки для будничъ дней дѣлались изъ простыхъ тканей, а для праздниковъ—изъ сукна, бархата или парчи, смотря по достатку, и обшивались широкими бахромами.

Для храненія домашнихъ вещей употреблялись скрыни (родъ комодовъ), съ выдвижными яшиками, сундуки (см. рис. 16), шафы или полки съ дверцами, дѣлавшіеся въ стѣнныхъ нишахъ, казенки-шкапы для храненія денегъ, подъ лавками дѣлались рундуки; деньги и цѣнныя вещи хранились въ окованныхъ желѣзомъ ларцахъ, шкатулкахъ или подголовникахъ, ларцахъ съ покатой крышкой, ставившихся подъ подушку. Посуда разставлялась въ поставцахъ-полкахъ на колонкахъ.

Рис. 16. Ларецъ.

Главнымъ богатствомъ дома служили иконы, которыя вѣшались во всѣхъ комнатахъ, но въ особо большомъ числѣ въ образныхъ, гдѣ нерѣдко дѣлались цѣлые иконостасы. Уголъ, въ которомъ висѣли иконы назывался „краснымъ“ и считался почетнымъ, и подъ образа сажали самаго дорогого гостя. Иконы помѣщали въ рѣзные кіоты, передъ ними горѣли свѣчи и лампады, и каждый образъ закрывался отдѣльнымъ

убрусцемъ, а весь уголъ съ иконами, сверхъ того, общей пеленой. Ризы иконъ, золотыя и серебряныя, украшались эмалью, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; кромѣ того, было обыкновеніе навѣшивать на большія иконы маленькіе образки, крестики, медальоны.

Въ Московской Руси сначала не употребляли никакихъ настѣнныхъ украшеній, но съ начала XVII в. стали вѣшать картины, и „парсуны“ (портреты). Содержаніемъ картинъ служили, главнымъ образомъ, событія библейской исторія; конечно такія картины были очень дороги и покупались только богатыми людьми, но наряду съ ними стали распространяться и болѣе доступные эстампы, или „фряжскіе листы“, религіознаго, а нерѣдко и комическаго содержанія, которые стоили отъ ½ до 2 к. штука, такъ что въ богатыхъ домахъ ими иногда оклеивали комнаты, вмѣсто обоевъ, которые то же стали входить въ это время въ употребленіе. Въ тоже время съ запада стало проникать и другое новшество, а именно стѣнныя зеркала, служившія прежде только принадлежностью женскаго туалета. Противъ нихъ энергично возстало и духовенство, и строгіе приверженцы старины, но тѣмъ не менѣе они скоро вошли въ моду, хотя долгое время было принято завѣшивать ихъ покрываломъ.

Рис. 17. Боярин.

Другимъ излюбленнымъ предметомъ роскоши служили часы. Въ древности они были неизвѣстны на Руси, и въ 1404 г. лѣтописецъ съ изумленіемъ отмѣ-

чаетъ, что великій князь поставилъ на своемъ дворѣ „часомѣрье, на всякій же часъ ударяетъ въ колоколъ .. не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно, и самодвижно, страннолѣпно нѣкако; створено есть человѣческою хитростью, преизмечтанно и преухищренно“. Но съ середины XV в. столовые и стѣнные часы появляются уже во многихъ боярскихъ домахъ, и москвичи особенно цѣнили замысловатые по работѣ часы „заморскіе“, со „знамены небесными“, съ „дѣйствы блуднаго сына“, съ „планиды и святцы“, и т. д.

III.

Одежда мужская.

Выше, говоря о жилищахъ высшаго класса и крестьянъ, мы отмѣчали большое сходство между ними; тоже нужно повторить и переходя къ описанію одеждъ русскихъ людей этого времени: въ своей основѣ, въ покроѣ одежды какъ мущинъ, такъ и женщинъ всѣхъ состояній были одинаковы, отличаясь только качествомъ матерій, роскошью отдѣлокъ, да развѣ еще тѣмъ, что одежды людей богатыхъ, не принужденныхъ работать, были болѣе широки, длинны, и вообще разсчитаны на спокойное ничегонедѣланіе.

Домашней одеждой людей всѣхъ классовъ служилъ зипунъ безъ рукавовъ, или же съ рукавами изъ другой матеріи, изъ подъ котораго виднѣлись широкіе шаровары и рубаха „пошевная“—съ вышитымъ подоломъ, воротомъ и рукавами. Для большаго наряда къ ней пристегивался шитый жемчугомъ воротникъ „ожерелье“, и такія же „зарукавья“; подпоясывалась она низко поясомъ. Къ зипуну тоже иногда пристегивался шитый воротникъ, или „обнизь“. Поверхъ зипуна надѣвался кафтанъ съ длинными рукавами, собиравшимися складками, и обшивавшимися у богатыхъ людей кружевомъ. (По словамъ иностранцевъ, озорники того времени наполняли эти рукава щебнемъ и пескомъ, и связавши ихъ внизу, дѣйствовали въ дракахъ, какъ

оружіемъ). Къ кафтанамъ пришивались стоячіе воротники, тоже расшитые, или „козыри“; вообще эта одежда дѣлалась особенно роскошной, и носила различныя наименованія—турскихъ, становыхъ, и др. судя по покрою. Зимой они подбивались легкими мѣхами—бѣличьими черевами, собольими пупками и проч. Другой домашней одеждой служили ферязь, тегиляй, или терликъ—послѣдній носился при дворѣ и отличался отъ другихъ множествомъ пуговицъ. Домашней обувью

Рис. 18. Мужское и женское одѣяніе (изъ нут. Олеарія).

богатыхъ людей были мягкіе чоботы, на высокихъ каблукахъ съ загибающимися носками, или низкіе башмаки, съ мягкими гетрами или „ичетыгами“. Вся эта обувь дѣлалась изъ сафьяна и бархата яркихъ цвѣтовъ и расшивалась золотомъ и жемчугомъ. (См. рис. 17—18).

Выходную лѣтнюю одежду боярина составлялъ „охабень“, или „опашень“, съ короткими рукавами, и

сходная съ нимъ однорядка, а поверхъ накидывалась ферезея, широкая одежда съ рукавами, или епанча—плащъ безъ рукавовъ. Для верховой ѣзды надѣвался узкій кафтанъ—чуга, подпоясывавшійся шелковымъ кушакомъ. Зимней одеждой были или русская шуба съ узкими рукавами, или турская съ широкими рукавами и большимъ отложнымъ воротникомъ. Русскіе любили хорошіе мѣха и гордились ими, такъ что носили шубы даже въ домѣ, въ случаяхъ, требовавшихъ большого великолѣпія.

Въ московское время укоренился обычай у свѣтскихъ лицъ коротко стричь, или даже брить волосы; длинные волосы носило только духовенство. Зато попавъ въ опалу, или иную бѣду, бояринъ отпускалъ волосы въ знакъ печали. Вѣроятно, въ силу этого обычая было принято и въ домѣ не снимать низенькой плоской шапочки, расшивавшейся золотомъ и жемчугомъ—тафьи. При выходѣ на улицу поверхъ нея надѣвался высокій мягкій колпакъ съ мѣховой опушкой, или же мурмолка—съ высокой плоской тульей и мѣховой же опушкой. Ее носили главнымъ образомъ молодые знатные щеголи; спеціально боярскимъ головнымъ уборомъ была высокая мѣховая шапка „горлатная“, напоминавшая фасономъ очень высокую камилавку; ее не снимали и въ хоромахъ.

Предметомъ особой заботы и гордости московскихъ людей служила большая „окладистая“ борода, и проникавшее съ запада бритье бородъ осуждалось не только обычаемъ, но и церковью. „Аще кто бороду брѣтъ и умретъ тако, недостоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустъ пѣти, и съ невѣрными да причется“, грозилъ Стоглавъ, а послѣдній патріархъ Адріанъ восклицалъ по адресу брадобрійцевъ: „О пребезаконные, уже ли вы считаете красотою брить бороду и оставлять одни усы? Но такъ сотворены Богомъ не человѣкъ, но псы и коты“.

Женскія одежды своимъ покроемъ мало отличались отъ мужскихъ; онѣ шились очень широкими, безъ малѣйшаго намека на талію, и не стягивались поясомъ, такъ какъ приличіе не позволяло женщинѣ обрисовывать свою фигуру. Единственной одеждой, носившейся съ поясомъ, была длинная сорочка, изъ тонкой матеріи съ длинными рукавами, собиравшимися на рукахъ густыми сборками; въ такомъ видѣ женщина показывалась только самымъ близкимъ лицамъ. Поверхъ сорочки надѣвался лѣтникъ, подобно ей, дѣлавшійся безъ разрѣза, и надѣвавшійся, или „накладывавшійся“ черезъ голову. Особенностью его были „накапки“: длинные до земли рукава, сшивавшіеся только сверху до локтя, и висѣвшіе до земли несшитыми полотнищами. Къ нимъ пришивались „вошвы“, косяки изъ другой болѣе дорогой матеріи. Длина и покрой такихъ рукавовъ должны были очень стѣснять движенія, такъ какъ не позволяли опустить руку, но щеголихи охотно мирились съ этимъ неудобствомъ. (См. рис. 19). При выходѣ изъ дома надѣвалась тѣлогрѣя или опашница, застегивавшаяся спереди до горла,

Женская одежда.

Рис. 19. Царица и ея штатъ (пут. Мейербера).

съ широкими проймами, въ которыя просовывались руки въ пышныхъ рукавахъ сорочки и съ длинными накапками лѣтника, рукава же тѣлогрѣи скалывались на спинѣ. Другой верхней одеждой была опашница.

Зимой надѣвались шубки, напоминавшія покроемъ сорочку, и тоже „накладывавшіяся“, единственнымъ украшеніемъ которыхъ служилъ широкій мѣховой воротникъ, или ожерелье, или же „торлопы“ и „картели“, мѣховыя шубы, застегивавшіяся спереди, съ стоячимъ воротникомъ. Какъ мущины, такъ и женщины носили зимой рукавицы и муфты, или „рукава“, шитые золотомъ и жемчугомъ.

Въ парадныхъ случаяхъ, при дворѣ, боярыни накидывали роскошныя длинныя мантіи, или „подволоки“.

Дѣвушки носили волосы открытыми, распущенными по плечамъ, или заплетенными въ косы, и надѣвали повязку—широкую ленту, шитую жемчугомъ, или металлическій вѣнецъ съ зубцами, украшенный камнями и рѣзьбой; изъ подъ него спускались жемчужныя нити „ряски“, покрывавшія лобъ и висѣвшія по бокамъ до плеча. Выходя замужъ, женщина навсегда закрывала волосы волосникомъ или подубрусникомъ, шелковымъ платкомъ съ шитыми концами, поверхъ котораго надѣвалась кика, парчевая шитая шапочка. При выходѣ на улицу зимой надѣвалась высокая мѣховая шапка, а лѣтомъ мягкая поярковая шляпа съ широкими полями.

Всѣ эти одежды, какъ мужскія, такъ и женскія, дѣлались изъ дорогихъ матерій: бархата, атласа, камки, зуфи, объяри, парчи и т. д. яркихъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго, желтаго, зеленаго, червчатаго (фіолетоваго), тогда какъ темные цвѣта считались „смирными“, т. е. траурными. Богатые люди украшали одежду дроцѣнными камнями, жемчугомъ, золотымъ кружевомъ и шитьемъ, оторачивали дорогими мѣхами, носили множество украшеній: перстни, браслеты, женщины—серьги, ожерелья, или монисто, мущины—золотыя цѣпи

и нерѣдко тоже серьги; щегольство доходило до того, что, по словамъ одного обличителя, „нѣцiи и подъ срачицею ниже никому не зрящу, подвизаются препоясаніе имѣти драга, сребромъ и златомъ утворенна“. Нужно, впрочемъ, прибавить, что при консерватизмѣ, отличавшемъ весь строй московской жизни, моды мѣнялись рѣдко и дорогія одежды передавались по наслѣдству дѣтямъ и внукамъ, наравнѣ съ другими драгоцѣнностями. Но одѣянія эти были не только богаты, но и замѣчательно живописны, въ чемъ не могли отказать имъ и иностранцы, для которыхъ своеобразная красота русскаго быта по большей части оставалась чуждой и непонятной, русскій же народъ чувствовалъ и понималъ эту красоту. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вспомнимъ хотя бы поэтическія описанія нарядовъ щеголей и щеголихъ въ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ, а также и то упорство, съ которымъ отстаивалъ народъ свою старую одежду при Петрѣ Великомъ. Былъ ли удобенъ этотъ нарядъ, не стѣсняли ли широкія длинныя одѣянія, изъ тяжелыхъ, коробомъ

Рис. 20. Выѣздъ царя (шут. Мейерберга).

стоящихъ отъ густого шитья матерій—вопросъ другой, но вѣдь знатный боярин или боярыня и держали себя осанисто, степенно, и почитали быстрыя и рѣзкія движенія несовмѣстимыми съ своимъ достоинствомъ. „Бываетъ красота движенія и красота покоя, говоритъ горячій поклонникъ русской старины, Билибинъ... Русскій костюмъ—костюмъ покоя и въ состояніи покоя онъ былъ великолѣпенъ". Онъ поражалъ своею яркостью, пестротой, но въ этомъ не было безвкусицы, наоборотъ, самое сочетаніе яркихъ цвѣтовъ гармонировало съ матовой бѣлизной жемчуга, блескомъ золота и камней, и оттѣнялось темнымъ мѣхомъ бобра или соболя, создавая роскошную рамку для красиваго лица. А красота въ то время встрѣчалась нерѣдко, особенно среди женщинъ, которыя, впрочемъ, сами портили ее неумѣреннымъ употребленіемъ всякихъ косметикъ; онѣ не только румянились и бѣлились, но подкрашивали брови, рѣсницы, даже глаза и зубы, и при томъ такъ неискусно, что издали лица казались грубо разрисованными масками, а отъ свинца, входившаго въ составъ бѣлилъ, кожа скоро утрачивала свѣжесть и покрывалась морщинами. Но тѣмъ не менѣе, этотъ обычай былъ такъ распространенъ, что считалось неприличнымъ показаться съ лицомъ, не покрытымъ этой штукатуркой, а когда княгиня Черкасская, молодая и красивая женщина, не захотѣла краситься, то общее возмущеніе было такъ велико, что самъ царь приказалъ ей слѣдовать обычаю.

Бояре и боярыни вели неподвижный образъ жизни, окруженные толпами слугъ, которыхъ въ каждомъ зажиточномъ домѣ было очень много, такъ что, по словамъ Маржерета, степень богатства измѣрялась количествомъ слугъ, а не денегъ. Слѣдствіемъ такой жизни была тучность, дородность, которой гордились и считали необходимымъ условіемъ красоты и мужской и женской.

Выѣздъ боярина и боярыни.

Приличіе не позволяло боярину ходить пѣшкомъ по улицамъ (если онъ все-таки шелъ, то слуги вели

за нимъ осѣдланнаго роскошнымъ сѣдломъ съ чепракомъ и кистями коня). Лѣтомъ ѣздили верхомъ, а зимой въ небольшихъ саняхъ, съ высокимъ передкомъ и съ массой мѣховъ, запряженныхъ одной рослой лошадью, предпочтительно бѣлой масти, съ кистями и лисьми хвостами на хомутѣ; управлялъ ею молодой малый, сидя верхомъ безъ сѣдла; сани окружала толпа пѣшихъ и конныхъ слугъ (см. рис. 20, 21, 22). Еще торжественнѣе обставлялся выѣздъ боярыни, а тѣмъ паче царицы. Зимой онѣ выѣзжали въ крытомъ возкѣ, а лѣтомъ въ большой каретѣ-колымагѣ, запряженныхъ цугомъ тремя

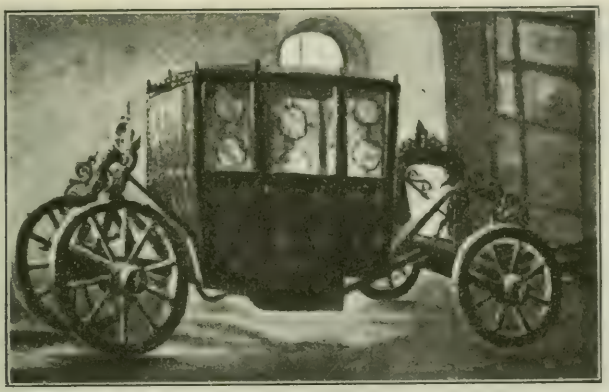


Рис. 21. Карета.

или шестью парами лошадей, по состоянію. Окна изъ слюды не позволяли видѣть внутренности кареты, но тѣмъ не менѣе ихъ завѣшивали еще занавѣсками, а шедшіе по сторонамъ скороходы зорко наблюдали, чтобы кто-нибудь не сдѣлалъ попытки заглянуть туда. Экипажъ окружала толпа слугъ, а за царицей, кромѣ того, ѣхали верхами, сидя по мужски, ея сѣнныя дѣвушки въ широкополыхъ шляпахъ. Въ каретѣ сидѣла сама боярыня, а въ ногахъ ея помѣщались ея холопки, одна изъ которыхъ служила скамейкой для ея ногъ. Поѣздъ этотъ медленно подвигался по тряскимъ бревенчатымъ

мостовымъ матушки Москвы, привлекая любопытствующіе взоры встрѣчныхъ зѣвакъ, и вызывая изумленіе у непривычныхъ къ такимъ процессіямъ иностранцевъ.

IV.

Семейный строй.

Всматриваясь въ ту жизнь, которая протекала въ широкихъ, отгороженныхъ высокими заборами отъ внѣшняго міра дворахъ, мы видимъ, что взаимоотношенія въ разсматриваемой эпохѣ, постепенно развиваясь, вылились въ законченныя, опредѣленныя формы,

Рис. 22. Карета.

освященныя обычаемъ, сломить которыя было не по силамъ заурядному человѣку.

Въ домашнемъ быту неограниченнымъ владыкой являлся глава семьи, мужъ и отецъ; весь домъ—жена, дѣти, домочадцы, которыхъ бывало не мало въ лицѣ родственниковъ, сиротъ, опекаемыхъ, приживальцевъ, призрѣваемыхъ, убогихъ и т. д., множество слугъ—всѣ съ трепетомъ взирали на него, ожидая ласки, или отеческаго „поученія“, онъ же не только каралъ и на-

граждалъ, но, по убѣжденію москвичей, отвѣчалъ предъ престоломъ Всевышняго за совершенные ими грѣхи.

Положеніе женщины въ семьѣ.

Если таковъ былъ освященный поколѣніями взглядъ на главу семьи, то ясно, что его личность поглощала всѣ остальныя, что рядомъ съ нимъ не оставалось значительнаго мѣста для его жены. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ московскомъ обществѣ женщинѣ отводилась ничтожная роль существа, всегда зависящаго отъ мущины, былъ ли это отецъ или мужъ. Быть женою и матерью—вотъ единственное ея назначеніе; и той, которая не могла выполнить его, не оставалось мѣста въ жизни. „Если дочь уродлива, увѣчна и никто не беретъ ее замужъ, то отецъ и мать постригаютъ въ монастырь безъ замужества“, пишетъ Котошихинъ. Такая же участь постигала царевенъ, такъ какъ „за бояръ и за князей замужъ выдавати ихъ не повелось, потому, что князи и бояре ихъ есть холопи...“, за женихов же иноземныхъ онѣ выходить не могли, потому что мѣшали разница въ вѣрѣ и незнаніе языка и политики, „а отъ того было бы имъ въ стыдъ“ и онѣ жили „яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица своя слезами омываху“.

Съ ранняго дѣтства дѣвушка готовилась стать женой, и рачительные родители, собирая ей постепенно приданое, воспитывали ее, зорко охраняя, чтобы нескромный глазъ не увидалъ ее, такъ какъ это считалось позоромъ для ея дѣвической чести, и даже будущій мужъ не долженъ былъ видѣть невѣсты до окончанія брачныхъ обрядовъ.

Брачный обрядъ.

Брачная церемонія въ Московской Руси представлялась дѣломъ сложнымъ, сопровождавшимся многочисленными обрядами, при чемъ интересно, что бракъ, утративъ совершенно характеръ полюбовнаго соглашенія, какой онъ имѣлъ въ древней Руси, сохранилъ много чертъ ведущихъ начало отъ сѣдой старины; особенно важное значеніе придавалось обрядамъ симво-

лическимъ, имѣвшихъ цѣлью оградить молодыхъ отъ козней нечистой силы, особенно опасной, по общему воззрѣнію въ этотъ моментъ, когда начиналась новая жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждая мелочь обряда напоминала невѣстѣ о вѣчномъ рабскомъ подчиненіи мужу, которое ожидало ее.

Въ это время о свободномъ выборѣ жениха не могло быть и рѣчи; когда дочь достигала брачнаго возраста (а вступали въ бракъ 11—12 лѣтъ), то отецъ пріискивалъ ей жениха. Въ назначенный день родственница жениха пріѣзжала смотрѣть невѣсту, которую выводили къ ней, одѣтую въ роскошный нарядъ. Если она была стара или уродлива, то зачастую вмѣсто нея показывали красивую служанку, а если была мала ростомъ, то ее ставили на скамеечку, такъ какъ по словамъ Котошихина, „нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, какъ въ Московскомъ государствѣ“. Если невѣста нравилась, то отцы уговаривались между собой о „брачныхъ статьяхъ“, при чемъ заключался формальный контрактъ, по которому женихъ обязывался уплатить неустойку „за безчестье“, въ случаѣ отказа отъ брака. Наканунѣ свадьбы въ домѣ отца невѣсты происходилъ пиръ, и женихъ присылалъ невѣстѣ подарки: сласти, румяна и бѣлила и плетку. Въ день свадьбы въ домѣ отца невѣсты готовился „столъ“; въ горницу, убранную для пира, вводили невѣсту, одѣтую въ лучшее платье, но закрытую покрываломъ. За нею входили ея „поѣзжане“: родственники и вообще близкіе. Тогда входилъ женихъ со своими поѣзжанами и садился рядомъ съ нею. Нѣкоторое время гости ѣли „для чину, а не для того чтобъ сытымъ быти“, послѣ чего предъ женихомъ и невѣстой зажигали вѣнчальныя свѣчи, раздѣляли ихъ тафтой такъ, что ни женихъ, ни его поѣзжане не могли видѣть лица невѣсты, снимали съ нея дѣвичій вѣнецъ и покрывало и сваха „крутила ей волосы, надѣвала волосникъ и кику и снова закрывала покрываломъ. (См. рис. 23). Сваха

осыпала невѣсту и жениха хмелемъ и опахивала „сорока соболями"; въ то же время гостей осыпали мелкими деньгами и разносили имъ подарки невѣсты—шитыя ею ширинки. Родители невѣсты благословляли ее и жениха и обручали кольцами, при чемъ отецъ вручалъ жениху плеть, какъ символъ власти надъ дочерью, и свадебное шествіе направлялось въ церковь—невѣста въ колымагѣ или саняхъ, окруженная своими поѣзжанами, а женихъ—верхомъ, со своими, при чемъ зорко слѣдили, чтобы никто не перешелъ между ними дорогу, что считалось дурнымъ знакомъ.

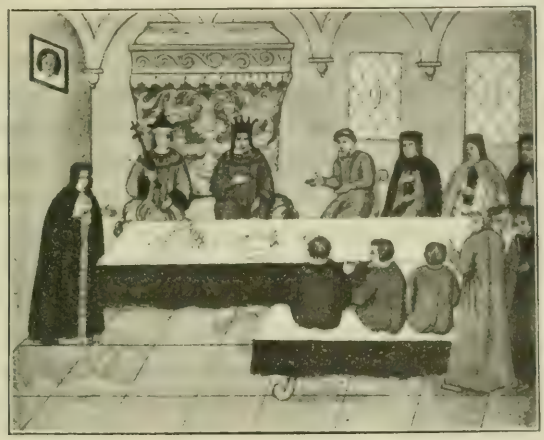


Рис. 23. Брачный пиръ (изъ кн. вѣнчанія Михаила Федоровича).

По окончаніи вѣнчанія молодые съ поѣзжанами ѣхали въ домъ жениха, гдѣ происходилъ пиръ—единственный, на которомъ присутствовали женщины. За столомъ молодые ничего не ѣли, и послѣ второй перемѣны уходили въ свою опочивальню. Ее устраивали въ сѣнникѣ, такъ какъ въ этомъ помѣщеніи потолокъ не насыпался землей, которая могла напоминать о „смертномъ часѣ" Постель молодыхъ постилали на сорока снопахъ, и на семи перинахъ; около нея ставили бочки съ рожью и пшеницей, какъ символомъ

богатства. По обычаю, шедшему изъ далекой древности, молодая разувала мужа, который ударялъ ее плетью по спинѣ. Всю ночь дружка разъѣзжалъ верхомъ съ обнаженной саблею подъ окнами и охранялъ ихъ покой. На другой день молодые дѣлали пиръ, и молодая одаривала мужа и гостей.

Положеніе женщины.

Съ этой поры жена оказывалась въ полной и безотчетной власти мужа. Конечно ея положеніе въ домѣ зависѣло отъ состоятельности мужа—если онъ былъ богатъ и знатенъ, то его жена ничего не дѣлала и развлекалась женскими рукодѣліями, да росказнями странницъ и дурокъ, или пѣніемъ слѣпыхъ и домрачеевъ. Помѣщалась ея свѣтлица въ задней части дома, выходившей во дворъ или садъ, огороженный высокимъ заборомъ, черезъ который только птица могла перелетѣть, а ключъ отъ двери хранился у мужа. Выходить она могла только въ церковь, да на богомолье, когда ее везли въ закрытой со всѣхъ сторонъ каретѣ. Глазъ посторонняго мущины не долженъ былъ видѣть ея, и чѣмъ выше было общественное положеніе мужа, тѣмъ ревнивѣе охранялась ея честь. Конечно, въ низшемъ кругу жены не могли сидѣть въ такихъ золотыхъ клѣткахъ, онѣ исполняли всякія работы, торговали, на нихъ лежало все домашнее хозяйство. Жена человѣка средняго достатка тоже вела весь домъ—раньше всѣхъ вставала и позже всѣхъ ложилась, должна была умѣть все сдѣлать сама и „по вся дни надзирала у слугъ, которые пекутъ и варятъ, и всякіе приспѣхи дѣлаютъ, и которые рукодѣлье дѣлаютъ“, и при томъ сама „отнюдь, никакоже, никоторыми дѣлы, опрично немощи, или по мужней воли, николи безъ дѣла не была, ино и служкамъ на нее смотря повадно дѣлати“. Но и въ области домашняго хозяйства она не была самостоятельной, она должна была „по вся дни у мужа спрашиваться, и совѣтоваться о всякомъ обиходѣ“; если она видѣлась съ кѣмъ изъ женщинъ, то только „съ кѣмъ велитъ мужъ“, и темой разговора

должно было служить то, „какъ добрыя жены живутъ, какъ мужей своихъ служаютъ, и повинуются имъ во всемъ“. Если же жена не „слушаетъ, и не творитъ, какъ мужъ учитъ“, то онъ можетъ „плетью постегать, по винѣ смотри“; это право мужа „учить“ жену было настолько общепризнаннымъ, что священникъ послѣ вѣнчанія наставляя молодыхъ какъ жить, указывалъ мужу, за какія вины онъ долженъ жену „жезломъ поучити“, а Герберштейнъ разсказывалъ, что русскія женщины такъ привыкли къ побоямъ мужей, что видѣли въ этомъ выраженіе любви мужа.

Идеаломъ была жена послушная, нравомъ кроткая, безгласная; такая жена „мужа веселитъ и лѣта его исполнитъ миромъ“, она „вѣнецъ мужу своему“, и „дражайши камени самоцвѣтнаго“. Конечно, для достиженія этого идеала не нужно было ни ума, ни развитія, и русскія женщины были въ массѣ своей „породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы“, но даже если жена и была умна, то не должна была „вслухъ при людяхъ своимъ умомъ наказывати, на то есть глава—мужъ, законный, на то есть совѣтъ безъ людей съ очи въ очи“.

Если жена была бездѣтна, то мужъ могъ заставить ее уйти въ монастырь, а самъ жениться на другой, но если и были дѣти, а жена стала не по сердцу, то у него всегда было достаточно средствъ, чтобы заставить ее постричься, и сколько страшныхъ драмъ, сколько горючихъ, неутѣшныхъ слезъ скрывали высокія монастырскія стѣны!

Но не всѣ покорялись молча—лишенныя законной защиты и поддержки и не будучи въ состояніи выносить рабскаго гнета, онѣ обращались къ страшнымъ средствамъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ рабы—къ яду и доносамъ, зная, что пока то еще разберетъ московскій судъ, правъ или виноватъ, она будетъ свободна. Но даже и не заходя такъ далеко, жена могла тысячью мелочей отравлять жизнь мужа, и вотъ

въ результатѣ создается образъ „злой жены“, „терноваго вѣнца для мужа“. Такое отношеніе къ женщинѣ особенно ревностно поддерживалъ рядъ литературныхъ произведеній, какъ „Златоструй“, „Измарагдъ“, „Пчела“, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ вкоренялся и взглядъ на женщину, какъ на существо не только неизмѣримо низшее по сравненію съ мущиной, но и нечистое, „сосудъ дьявольскій“, созданный на соблазнъ и грѣхъ людямъ; она постоянно подозрѣвалась въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистой силой, въ колдовствѣ и волшебствѣ, и даже въ церкви становилась отдѣльно. Такое отношеніе принесло огромный вредъ и женщинѣ, и семьѣ и всему обществу; запертая въ теремѣ, лишенная какихъ бы то ни было правъ, женщина тупѣла, теряла свое человѣческое достоинство и опускалась морально; вмѣстѣ съ тѣмъ и самая семья теряла свое значеніе—бракъ, низведенный на степень торговой сдѣлки не могъ уже быть союзомъ, скрѣпленнымъ взаимной любовью и уваженіемъ, а становился господствомъ грубой силы, съ одной стороны, и рабствомъ съ другой. Не меньше потеряло отъ такого положенія и само общество—изгнанная изъ него, женщина унесла съ собой ту мягкость, ту чистоту, которую вноситъ женщина равноправная, женщина-товарищъ, а не вещь; но всего тяжелѣе отражалось въ той области, которую одну только и оставляли женщинѣ—въ дѣлѣ воспитанія—огрубѣвшая, неразвитая, раба юридически и раба душой, она не могла быть хорошей воспитательницей своихъ дѣтей и могла воспитать только рабовъ.

Отношеніе родителей и дѣтей.

Въ боярской средѣ мать не занималась дѣтьми, которыя поступали на руки мамушекъ и нянюшекъ, въ среднемъ же кругу она воспитывала только дочерей, сыновья же были подъ надзоромъ отца. Власть отца надъ дѣтьми была безгранична—онъ могъ продать въ рабство, заложить ихъ. Не даромъ сложилась пословица „мое дѣтище, хочу съ кашей ѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю“.

О томъ, какова была система воспитанія, говоритъ наставленіе Домостроя—„казни сына своего въ юности его и покоитъ тя на старость твою; и не ослабляй, бія младенца, аще бо жезломъ бияше его, не умретъ, но здравѣе будетъ. Любя же сына своего учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишься“. Но такое воспитаніе не только предписывало строгость въ наказаніи проступковъ, но и запрещало всякую ласку въ отношеніи ребенка: „не смѣйся къ нему игры творя, въ малѣ бо ся ослабиши, въ великѣ поболиши скорбя“. Такимъ образомъ, между отцомъ и сыномъ вставала несокрушимая стѣна, раздѣлявшая ихъ, и сынъ, проникаясь страхомъ и трепетомъ передъ отцомъ, въ дѣйствительности не научался любить и уважать его. Выростая, до самой смерти отца, онъ продолжалъ чувствовать себя передъ нимъ, какъ и въ дѣтствѣ, несмышленнымъ, служа ему „со страхомъ и раболѣпно“. Но эта покорность была въ большинствѣ только рабской, и выражая почтительность въ глаза, сынъ зачастую издѣвался надъ отцомъ заочно, и въ Москвѣ нерѣдко можно было встрѣтить отвратительныя сцены, какъ дѣти поносили и злословили своихъ родителей. „Аще кто оскорбляетъ родителя своя, или лаетъ, сій предъ Богомъ грѣшенъ, отъ народа проклятъ. Аще кто біетъ отца и матерь, отъ церкви да отлучится“ говоритъ Домострой, но уже одно то, что онъ знаетъ такіе проступки, является дурнымъ знакомъ.

Грубость нравовъ.

Вообще весь укладъ жизни какъ домашней, такъ и общественной развивалъ крайнюю неискренность, лицемѣріе, двоедушіе, поражавшія иностранцевъ. Въ обращеніи не только къ царю, но и къ лицамъ выше себя положеніемъ, русскіе называли себя уничижительными именами: „Ивашка“, „Гаврюшка“, „холопъ твой“. и т. д., тогда какъ съ низшими обращались высокомѣрно и грубо. Въ сношеніяхъ съ равными поддерживался церемонный этикетъ, говорящій умалялъ себя и превозносилъ собесѣдника, но при малѣйшей

обидѣ, подчасъ и мнимой, эта изысканность смѣнялась дикой грубостью и необузданностью, собесѣдники поносили другъ друга самой отборной, неприличной бранью, и нерѣдко кончали дракой. Этимъ способомъ расправы не брезговали и цари; такъ напримѣръ, мягкій, и во многихъ отношеніяхъ передовой человѣкъ, царь Алексѣй, собственноручно оттаскалъ за бороду боярина Стрѣшнева, когда тотъ отказался пустить себѣ кровь потому только, что это сдѣлалъ царь. „Развѣ твоя кровь дороже моей?“ возмутился царь. Нужно сказать, что склонность къ брани была общей для всѣхъ слоевъ населенія, и правительство не разъ пыталось бороться съ ней, назначая высокіе штрафы и даже кнутъ ослушникамъ, но тщетно, также какъ и церковь, осуждавшая „скаредныя ругательства“. Русскіе не знали дуэли, какъ способа смыть оскорбленія, и нерѣдко кончали ссоры тѣмъ, что садились на лошадей и хлестали другъ друга кнутами, а чаще приносили государю жалобу на обидчика.

Общій характеръ благочестія.

Одною изъ характернѣйшихъ чертъ русской жизни въ до-петровское время была близкая связь всѣхъ классовъ съ церковью, стремившейся подчинить себѣ всѣ стороны жизни, руководить человѣкомъ „на всѣхъ путѣхъ его“.

Русскій человѣкъ не начиналъ никакого дѣла безъ молитвы, молитвой встрѣчалъ и кончалъ день, строго наблюдалъ всѣ посты; судя по достатку, дѣлалъ болѣе или менѣе богатые вклады въ храмы и монастыри за „здравіе и поминъ души“. Множество монастырей и приходскихъ церквей указывало на степень развитія благочестія, но богатые люди не довольствовались этимъ, а старались имѣть собственныя церкви, а если и не было своей церкви, то все-таки держали священника и дьячка, которые совершали вечерни и молебны въ образной; кому было не по средствамъ это, вѣшали въ церкви собственные образа, украшали ихъ, зажигали передъ ними свѣчи, и молились только передъ ними;

хорошо характеризуетъ отношеніе къ собственнымъ образамъ то, что если владѣльца временно отлучали отъ церкви, то на это время выносили и его образъ. Не менѣе характерно, что, собираясь совершить какое-либо дѣяніе, могущее оскорбить святыню, благочестивый человѣкъ выносилъ ее изъ комнаты или завѣшивалъ пеленой. Эти, какъ и многія другія черты показываютъ, что въ благочестіи массъ народныхъ было въ сущности мало истиннаго пониманія религіи, которое замѣнялось только чисто внѣшней обрядностью; массы народа, принявъ христіанство и не будучи достаточно развиты, чтобы проникнуться имъ, перенесли въ него матерьялизмъ, свойственный язычеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наряду съ почитаніемъ святыхъ, въ народѣ долго сохранялись пережитки старыхъ языческихъ вѣрованій, которыя причудливо переплетались съ новыми; попрежнему оставалась вѣра въ добрыхъ и злыхъ боговъ, домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ, и т. д., населявшихъ все окружающее человѣка, сопровождавшихъ человѣка отъ рожденія до самой смерти. Однихъ онъ долженъ былъ ублажать, отъ козней другихъ—ограждаться различными заговорами, нашептываніями, амулетами; но и помимо того, человѣка ожидали на каждомъ шагу опасности отъ „дурного глаза“ лихого человѣка, отъ „приворотнаго“ или иного зелья, которое могли подсыпать, отъ „не къ добру сказанныхъ словъ“, и не соблюденія тысячей примѣтъ, дурныхъ знаковъ и т. д. Въ народѣ жили колдуны, вѣдьмы, ворожеи, имѣвшіе общеніе съ нечистой силой, отводившіе „порчу“, „дурной глазъ“, знавшіе всякія заклинанія, готовившіе различныя зелья. Вѣра въ нихъ была настолько сильна, что даже въ Домостроѣ мы встрѣчаемъ предостереженія не знаться съ „бѣсовскими слугами“, промышляющими „зельемъ и кореньями“ и творящими разныя „чарованія и волхованія“, съ помощью „чернокнижья, звѣздочетья, костей волшебныхъ, стрѣлокъ громовыхъ“ и другихъ опасныхъ предметовъ и дѣйствій. Въ такихъ суе- Суевѣрія.

вѣріяхъ жилъ не только простой, темный народъ, но и высшіе классы, не исключая и царей. Культъ старыхъ божествъ странно уживался съ почитаніемъ святыхъ, и скотскій богъ Волосъ слился съ св. Власомъ, покровителемъ стадъ, праздникъ Купалы—съ днемъ памяти Іоанна Крестителя и т. д. Еще въ Стоглавѣ мы встрѣчаемъ упоминанія о „русаліяхъ“, о колдунахъ или жрецахъ арбуяхъ. Церковь горячо боролась съ этими суевѣріями, но самая ожесточенность борьбы, въ связи съ недостаточной образованностью духовенства,

Рис. 24. Качели (пут. Олеарія).

не умѣвшаго отчетливо отдѣлить безобидныхъ обычаевъ отъ языческихъ обрядовъ, привели къ тому, что церковь воздвигла гоненія и на все то, въ чемъ сохранились пережитки далекой старины. Гоненію подверглись свѣтскія пѣсни „гуденіе и козлогласованіе“ и свѣтскія забавы, хороводы, качанье на качеляхъ (см. рис. 24) и особенно пляски: „идѣже есть плясаніе, проповѣдывала она, тамъ сатана“. Она не достигла въ этомъ полнаго успѣха, и простой народъ продолжалъ развлекаться и пѣніемъ и плясками, но представители высшихъ клас-

Забавы скоморохи.

совъ считали это неприличнымъ порядочному человѣку, для того были скоморохи, шуты и гусляры, ходившіе по улицамъ и забавлявшіе народъ пѣніемъ, игрой на гусляхъ и волынкахъ, плясками, дѣйствительно, по большей части, переходившими границы приличія, а также разными прибаутками и разсказами (см. рис. 25). Они давали цѣлыя театральныя представленія, надѣвали маски или „хари“, и различные костюмы и разыгрывали цѣлыя сцены юмористическаго характера. Нѣкоторые устраивали кукольные театры, обвязывались полотнищемъ матеріи, которое поднимали кверху, а

Рис. 25. Скоморохи (нут. Олеарія).

надъ головой дѣлали площадку, на которой прыгали маріонетки. Нужно прибавить, что эти представленія нерѣдко выходили за границы только забавнаго и возвышались до политической сатиры, но къ XVII вѣку уличный театръ приходитъ уже въ упадокъ, отчасти благодаря тому противодѣйствію, которое оказывала церковь. Она осуждала эти „позоры“, какъ служеніе бѣсамъ, при чемъ прозорливые монахи разсказывали, что видѣли воочію, какъ бѣсы силой толкали народъ смотрѣть на нихъ; неоднократно духовенство добивалось, что правительство приказывало отбирать у скомо-

роховъ ихъ маски и „гудебные бѣсовскіе сосуды“ и уничтожать ихъ. Но несмотря на несочувствіе духовенства, еще при Михаилѣ Федоровичѣ въ Потѣшной палатѣ давались представленія фокусниковъ, акробатовъ, а одинъ изъ такихъ артистовъ образовалъ цѣлую школу учениковъ. Позднѣе появляется въ Москвѣ и настоящій театръ, первоначально предназначавшійся только для развлеченія царя и его двора. Представленія назывались „дѣйствами изъ Библіи“, но въ эти „дѣйства“ сплошь и рядомъ вставлялись сценки чисто комическаго характера, а подчасъ и романическаго, какъ объясненія Юдифи и Олоферна, словомъ, уже проникалъ и въ нихъ свѣтскій духъ.

Въ домахъ бояръ не было своего театра, но постоянно находились бахари, домрачеи, гусляры и другіе забавники; наряду съ ними большой интересъ возбуждали разсказы странниковъ по святымъ мѣстамъ, а также юродивыхъ и шутовъ—въ каждомъ домѣ были такія лица, вносившія разнообразіе въ монотонную жизнь.

Игры. Любимымъ развлеченіемъ бояръ служили шахматы и шашки, простой же народъ игралъ въ зернь—кости черныя съ одной стороны и бѣлыя съ другой, которыя подбрасывались и при этомъ загадывалось, какой стороной онѣ упадутъ—угадавшій выигрывалъ ставку. Эта игра съ большой азартностью велась въ кабакахъ и осуждалась церковью также, какъ и карты.

Любимой забавой состоятельныхъ лицъ была съ древнѣйшихъ временъ охота съ собаками и дрессированными птицами—соколами и кречетами на крупнаго и мелкаго звѣря; особенно роскошно обставлялась, конечно, царская охота, приглашеніе на которую считалось большой милостью.

Городское населеніе любило кулачные и палочные бои, которые устраивались зимой обыкновенно на льду и собирали массу зрителей, Участники разбивались на партіи и наступали другъ на друга, при чемъ въ

азартѣ такъ нещадно бились, что нерѣдко побоище кончалось смертными случаями. Кромѣ того устраивались состязанія въ бѣгѣ, стрѣльбѣ изъ луковъ, „конскія ристанія“, скачка на лошадяхъ, хотя всѣ эти развлеченія тоже осуждались церковью.

Пиры.

Но излюбленнѣйшимъ развлеченіемъ русскихъ людей всѣхъ состояній были пиры, и обличая современное ему общество, митрополитъ Даніилъ указывалъ, что „всегда наслажденіе и упитаніе, всегда пиры и позорища, всегда праздненства“.

Рис. 26. Кунганъ.

Для боярскихъ пировъ покой обряжался по праздничному, скамьи застилались полавочниками, столы—статертями, заставлялись дорогой посудой—ендовами, кувшинами (см. рис. 26), сулеями, корцами (см. рис. 27), кубками (см. рис. 28), кружками (см. рис. 30), чарками (см. рис. 31—32), бокалами (см. рис. 33), изъ золота, серебра, хрусталя, украшавшимися рельефными узоромъ, чернью и эмалью; иногда сосудамъ этимъ придавался замысловатый видъ птицъ (см. рис. 29), головъ, и т. п. Вообще при трапезахъ посуда была не разнообразна — ее составляли миски для жидкой пищи, ставившіяся по одной на трехъ или четырехъ человѣкъ, и блюда для мяса и рыбы; тарелки употреблялись только для бросанія костей и остатковъ пищи и не перемѣнялись все время. Вилки и ножи не употреблялись, такъ какъ кушанья прино-

Рис. 27. Ковшъ.

сились уже разрѣзанными на мелкіе кусочки, которые гости и брали руками. Салфетокъ тоже не употребляли, и послѣ трапезы слуги разносили воду для умыванія рукъ. „Столъ“ длился обыкновенно очень долго, такъ какъ блюдъ подавалось необычайно много—до ста перемѣнъ, но готовились они крайне однообразно, были жирны и тяжелы и обильно сдабривались чеснокомъ и лукомъ.

Московскіе пиры представляли собой интересныя картинки бытовой жизни, такъ какъ они представляли одинъ изъ немногихъ случаевъ, когда сходились вмѣстѣ въ большомъ числѣ лица, принадлежавшіе къ одному слою общества, и здѣсь, подъ вліяніемъ вина, что называется, развертывались во всю. Здѣсь ярко оправдывается замѣчаніе Забѣлина, что въ Московской Руси не было того, что называется „обществомъ“, а были лишь члены громадной семьи, отношенія которыхъ опредѣлялись не заслугами личности, но тѣмъ мѣстомъ, которое она занимала на генеалогической лѣстницѣ, которое ей отводилось съ момента рожденія, и вывести изъ котораго могли только исключительныя заслуги. Какъ на службѣ человѣкъ ревниво оберегалъ себя, чтобы не было его чести „потерьки“, такъ и на пиру онъ слѣдилъ, чтобы его не посадили съ тѣми, съ кѣмъ „ему сидѣти не вмѣстно“, такъ какъ „столъ, гдѣ мѣстомъ безчестять, бѣсамъ на утѣху, а Богу на гнѣвъ,... а обезчестнымъ на позоръ и на оскорбленіе“. Домострой рекомендуетъ придя на пиръ „сѣсть на послѣднее мѣсто“, чтобы хозяинъ самъ посадилъ, куда слѣдуетъ, если же придетъ гость „честнѣе“, то безъ спора уступить ему мѣсто, но на дѣлѣ рѣдко такъ бывало, а по большей части гости вступали изъ-за мѣстъ въ же-

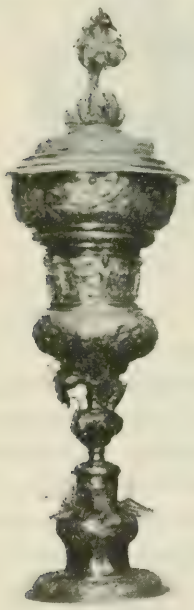


Рис. 28. Кубокъ.

стокій споръ и хозяину съ трудомъ удавалось усадить и успокоить ихъ. Яркой иллюстраціей того, что происходило на пирахъ можетъ служить слѣдующая картинка, которую даетъ Котошихинъ: если боярин или окольничій на царскомъ пиру долженъ былъ сѣсть ниже человѣка, равнаго ему достоинствомъ, то онъ отпрашивался съ пира домой, или куда либо въ гости, но царь иногда не отпускалъ его, и приказывалъ посадить силой, „а онъ посадить себя не даетъ,... а выбивается изъ-за стола вонъ, а его не пущаютъ,... и онъ кричитъ: хотя бы ему царь голову велитъ отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и опустится подъ столъ“.

Рис. 30. Кружка.

Рис. 29. Кубокъ-пѣтухъ.

Если хозяинъ хотѣлъ оказать гостю большую честь, то передъ пиромъ торжественно распахивались двери внутреннихъ покоевъ и входила его жена, одѣтая въ роскошныя одежды, окруженная толпою служанокъ, и кланяясь „малымъ обычаемъ“, подавала гостю чарку вина, пригубивъ сама. Гость кланялся „большимъ обычаемъ“, цѣловалъ ее и выпивалъ чарку. Послѣ того она уходила, такъ какъ женщины не присутствовали на пирахъ. Иногда, послѣ

третьей перемѣны кушаній, снова распахивались двери и съ такими же церемоніями выходили невѣстки хозяина и замужнія дочери.

Рис. 31. Чарка.

Пиры затягивались очень долго, и тотъ пиръ считался „во полупиру“, съ котораго гость уходилъ „во полупьяну“, и не всегда кончались миролюбиво; когда вино начинало туманить головы, вспоминались прежнія обиды, и противники начинали „метать злыя рѣчи, и бывала брань, и потомъ единъ единаго ножомъ закалаетъ“, такъ описываетъ пиры одно древнее „слово“. „Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, точію въ пьянственныхъ бесѣдахъ?“, поясняетъ оно. Вообще пьянство было всеобщимъ порокомъ, какъ высшаго слоя населенія, такъ и простого народа. Не бывшіе въ состояніи устраивать пиры у себя, собирались въ складчину и устраивали „братчины“, тѣ же, которые были слишкомъ бѣдны для этого, шли въ кружала-царевы кабаки, и пропивали здѣсь послѣдніе гроши, а нерѣдко и одежду, до послѣдней нитки. Пили всѣ, какого бы званія, пола, и возраста ни были, духовные и свѣтскіе, мущины и женщины,

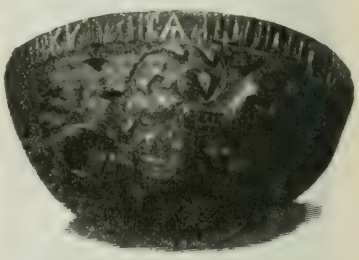


Рис. 32. Чарка.

молодые и старые, дѣлаетъ наблюденіе Олеарій. Напрасно убѣждали проповѣдники, что „укоренившаяся злоба сатанинская безмѣрнаго хмѣльнаго упиванія.... многихъ людей отлучаетъ отъ Бога“: само духовенство предавалось „премногому піанству“, и тщетно вразумлялъ Стоглавъ, что „не подобаетъ въ обители питію быти, понеже піанство начало и конецъ всѣмъ злымъ дѣламъ“.

Рис. 33. Стаканъ.

VI.

Быт царей.

Какъ уже было указано выше, при описаніи боярскихъ хоромъ и царскаго дворца, государи московскіе въ своей частной жизни мало отличались отъ своихъ подданныхъ; многія черты ихъ повседневной будничной жизни кажутся противорѣчащими тому представленію о великолѣпіи и пышности двора, которое можно составить по описаніямъ иностранцевъ, присутствовавшихъ на торжественныхъ пріемахъ. Интересные штрихи даютъ, напримѣръ, письма Алексѣя Михайловича къ будущему патріарху Никону; въ одномъ изъ нихъ, онъ, описывая болѣзнь и кончину патріарха Іосифа, говоритъ мимоходомъ, не придавая большого значенія, какъ онъ, придя навѣстить больного, „дожидалъ его, государя, съ часъ въ крестовой“, перечисляетъ хлопоты, выпавшія на его долю, какъ душеприказчика покойнаго, какъ онъ „полторы недѣли ежедень самъ ходилъ переписывать вещи патріарха, „иначе мню, поясняетъ онъ, что и половины бы не сыскать, все бы раскрали“.

Рис. 34. Солонка.

Вставалъ царь рано, какъ и всѣ русскіе люди того времени, часа въ четыре, и одѣвшись съ помощью спальниковъ и стряпчихъ, шелъ молиться въ крестовую, гдѣ его встрѣчалъ и благословлялъ его духовникъ. Послѣ молитвы царь заходилъ на половину царицы здороваться съ ней, и они вмѣстѣ слушали раннюю обѣдню въ одной изъ домовыхъ церквей. Въ это время въ передней собирались бояре, окольничьи и думные дворяне, которые встрѣчали царя земнымъ поклономъ „государь же противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки не снималъ никогда". Поговоривъ съ ними о дѣлахъ, государь вмѣстѣ съ ними шелъ слушать позднюю обѣдню, послѣ которой принималъ въ своей комнатѣ доклады и челобитныя; во время этихъ докладовъ бояре стояли. Иногда въ это время назначались засѣданія Думы, или „сидѣніе съ бояры", въ которыхъ „бояре и иныхъ чиновъ люди садились по своей породѣ". Къ двѣнадцати часамъ дѣла заканчивались, и царь шелъ обѣдать, по большей части одинъ. Обычный столъ его былъ обиленъ, но не разнообразенъ. Царь строго соблюдалъ посты, особенно великій. Всѣ блюда подавались стольниками, которые прежде сами отвѣдывали кушанья и питье, чтобы узнать, нѣтъ ли отравы, или порчи. Послѣ обѣда царь по исконному русскому обычаю шелъ отдыхать до вечеренъ, а послѣ вечеренъ, снова совѣщался съ боярами, или бесѣдовалъ съ близкими людьми, развлекался игрой въ шахматы, или разсказами бывалыхъ людей, пѣніемъ домрачеевъ, слѣпцовъ, и разныхъ „потѣшниковъ". День царя кончался ужиномъ и молитвой въ крестовой. Въ торжественныхъ случаяхъ, особенно при пріемѣ иноземныхъ пословъ царь показывался во всемъ своемъ великолѣпіи, напоминавшемъ блескъ восточныхъ владыкъ.

Пріемъ пословъ.

Въ Московскомъ государствѣ выработался опредѣленный ритуалъ встрѣчъ пословъ, который съ небольшими измѣненіями просуществовалъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ.

Пословъ встрѣчали царскіе пристава при переѣздѣ черезъ границу. Они привѣтствовали ихъ и спрашивали отъ имени царя, въ добромъ ли здравіи совершаютъ они путь. Такія встрѣчи и привѣтствія повторялись во всѣхъ городахъ, черезъ которые проѣзжали послы, и чѣмъ ближе подъѣзжали къ Москвѣ, тѣмъ чиновнѣе были встрѣчавшіе; наконецъ, недалеко отъ Москвы, встрѣчалъ „большой человѣкъ“, которому давалась строгая инструкція „рѣчи говорить напередъ пословъ, а шапки напередъ пословъ не снимать, и съ лошадей не ссадиться“. На этой почвѣ нерѣдко происходили конфликты между послами и москвичами, такъ какъ иностранцы тоже не хотѣли уступить и тѣмъ унизить своего государя. Съ цѣлью не дать послу сѣсть на лошадь первымъ, иногда подавали ему норовистую или черезчуръ горячую лошадь, которая не давала скоро сѣсть на нее. Послѣ привѣтствій, иноземные послы трогались въ путь, при чемъ имъ приходилось объѣзжать царскаго посла, стоявшаго со своей свитой посреди дороги, и пропускавшаго мимо весь поѣздъ.

Подъ Москвой пословъ иногда задерживали на цѣлый день, чтобы утромъ торжественно въѣхать въ столицу. Пословъ окружала многочисленная свита, на роскошно украшенныхъ лошадяхъ, въ дорогихъ кафтанахъ съ трубами и литаврами. Такъ, при звукахъ музыки, медленно въѣзжали они въ переполненные народомъ улицы Москвы, въ которой въ этотъ день запирались всѣ лавки и народъ въ лучшихъ одеждахъ сгонялся на тѣ улицы, черезъ которыя долженъ былъ проѣзжать этотъ поѣздъ, чтобы поразить иноземцевъ многолюдствомъ и богатствомгъ города. Иногда самъ царь съ царицей, незримо для всѣхъ, смотрѣлъ на въѣздъ пословъ изъ тайника надъ Неглинными воротами.

Посламъ отводили помѣщеніе въ посольскомъ дворѣ въ Китай-городѣ соотвѣтственно съ тѣмъ значе-

піемъ, которое придавали московскіе дипломаты ихъ миссіи, и присылали „кормъ“ натурой, или деньгами. Въ XVI в. послы содержались какъ бы подъ почетнымъ карауломъ, ихъ никуда не пускали и къ нимъ не позволяли никому приходить, но уже въ серединѣ XVII вѣка посламъ предоставляли полную свободу и разрѣшали ходить однимъ по всей Москвѣ.

Черезъ нѣсколько дней за послами присылались царскіе экипажи, и они, окруженные огромной свитой, при звукахъ музыки, ѣхали во дворецъ, по переполненнымъ народомъ улицамъ. На лѣстницѣ дворца ихъ ожидали бояре и вводили въ Грановитую палату. Вокругъ нея, по стѣнамъ, тянулись лавки, на которыхъ сидѣли бояре въ роскошныхъ парчевыхъ кафтанахъ и горлатныхъ шапкахъ (тѣмъ, кто не могъ одѣться достаточно роскошно, выдавались кафтаны казенные). Самъ царь сидѣлъ на возвышеніи, на тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ (рис. 37); на немъ былъ золотой опашень, одежда, напоминающая дьяконскій стихарь (рис. 35), съ короткими широкими рукавами, или платно-родъ опашня, но съ длинными рукавами, стянутыми у кисти руки зарукавьями; плечи его покрывала діадема, или бармы—широкій круглый воротникъ; на груди висѣлъ большой крестъ, а на головѣ была высокая золотая царская шапка, опушенная мѣхомъ, которую онъ снималъ, говоря съ послами, и передавалъ старшему боярину (см. рис. 36). Въ рукахъ онъ держалъ скипетръ, а возлѣ трона, на высокой пирамидальной подставкѣ изъ чистаго серебра лежала держава. Здѣсь же недалеко, стояла золоченая лохань и рукомойникъ для омовенія царской руки, послѣ прикосновенія иноземца; въ XVII вѣкѣ, впрочемъ, этотъ обычай, оскорблявшій иностранцевъ, былъ оставленъ. Около трона стояли рынды—дѣти боярскіе, въ бѣлыхъ кафтанахъ, съ золотыми цѣпями черезъ плечо и съ серебряными топориками въ рукахъ.

Царица, конечно, не присутствовала на пріемѣ пословъ, но для нея былъ устроенъ тайникъ—окно противъ царскаго трона, изъ котораго она съ ея приближенными женщинами, невидимая для всѣхъ, могла любоваться церемоніей.

Послы подносили царю подарки, и передавали привѣтствія отъ своего государя, которое толмачъ переводилъ на русскій языкъ. При произнесеніи имени государя, царь вставалъ и спускался съ верхней ступеньки трона. Онъ отвѣчалъ самъ или черезъ окольничаго, послѣ чего давалъ посламъ для поцѣлуя руку, и отпускалъ ихъ домой, или приглашалъ съ собой обѣдать. (См. рис. 38).

Рис. 35. Царь въ „большомъ нарядѣ".

Къ обѣду царь выходилъ въ простомъ платьѣ, онъ садился за одинъ столъ съ боярами, но рядомъ съ нимъ оставалось свободнымъ столько мѣста, сколько можетъ занять вытянутая рука; противъ него садились послы. Въ знакъ особой милости онъ посылалъ кому-либо хлѣбъ или какое кушанье, и получившій вставалъ и кланялся въ поясъ, благодаря за честь; всѣ обѣдающіе тоже вставали и низкими поклонами поздравляли его съ милостью царской. За столомъ царскимъ пили немного, но въ тотъ же день къ посламъ пріѣзжали бояре и привозили яства и вино и заставляли выпивать непомѣрное количество—за здоровье царя и

высокихъ особъ; въ этомъ обычаѣ, кромѣ всегдашняго гостепріимства, скрывалась и тайная мысль—что, напоивъ пословъ, у нихъ легче будетъ вывѣдать все нужное.

Передъ отъѣздомъ посламъ давалась прощальная аудіенція, но уже съ меньшей роскошью и не въ Грановитой, а въ меньшей, золотой или отвѣтной палатѣ.

Рис. 36. Царская шапка.

Шествіе на осляти.

Конечно, пріемъ пословъ былъ не единственнымъ случаемъ, когда царь являлся во всемъ своемъ великолѣпіи—поводомъ для такой же пышности служили нѣкоторые церковные праздники; особенно торжественно совершался въ Москвѣ церковный ходъ въ вербное воскресенье, называвшійся „шествіемъ на осляти". (См. рис. 39). Въ этотъ день, послѣ обѣдни, изъ Успен-

скаго собора выходилъ крестный ходъ, въ которомъ шли царь, патріархъ, множество духовенства въ золотыхъ ризахъ, и народъ, и направлялся въ храмъ Василія Блаженнаго на Красную площадь, гдѣ въ Іерусалимскомъ придѣлѣ патріархъ совершалъ молебствіе. Въ то время, какъ патріархъ переоблачался въ болѣе роскошныя ризы, царь тоже въ придѣлѣ надѣвалъ „большой нарядъ“—платно, бармы, крестъ, царскую шапку и бралъ въ руки жезлъ. Изъ собора, крестный ходъ направлялся къ лобному мѣсту; здѣсь заранѣе уже стояла колесница, на которой было утверждено древо, украшенное искусственными цвѣтами и фруктами,—называвшееся „вайей“ и лошадь, покрытая попоной, которая замѣняла осла. Два протоіерея подходили къ ней, покрывали ее одеждами, и произнося Евангельскій текстъ о томъ, какъ ученики искали осла для въѣзда Іисуса Христа въ Іерусалимъ, отвязывали и вели къ патріарху, который садился на нее. Царь и два старшихъ боярина вели лошадь за поводъ, и вся процессія, впереди которой везли колесницу съ вайей, направлялась по разостланному сукну къ Спасскимъ воротамъ, сопровождаемая толпами народа въ праздничныхъ одеждахъ, съ вербами въ рукахъ, при пѣніи и громкомъ перезвонѣ всѣхъ колоколовъ московскихъ церквей, медленно вступала въ Кремль и подходила къ Успенскому собору. Здѣсь вайю разбирали и раз-

Рис. 37. Тронъ

давали на память народу, а участникамъ шествія патріархъ дѣлалъ подарки, въ томъ числѣ и царь получалъ отъ него сто рублей за веденіе осляти.

Іорданъ. Еще съ большей торжественностью совершался крестный ходъ 6 января на Іордань. Въ этотъ день царь приходилъ въ Успенскій соборъ въ обычномъ платьѣ, и тамъ въ придѣлѣ переодѣвался въ „большой нарядъ“ и становился на обычное мѣсто. По окончаніи литургіи, крестный ходъ съ патріархомъ во главѣ, выходилъ черезъ западныя двери, царь же со своей свитой—черезъ южныя и здѣсь, пропустивъ духовенство мимо себя, занималъ свое мѣсто въ крестномъ ходу. Передъ нимъ шли бояре, стольники, дворяне, словомъ весь дворъ; постельничьи несли „государеву стряпню“— регаліи, а стряпчіе — государево платье, въ которое онъ переодѣвался на рѣкѣ, кресло и балдахинъ. Царь шелъ въ тяжеломъ золотомъ зипунѣ и кафтанѣ, платнѣ и бармахъ, въ шитыхъ жемчугомъ сапогахъ, поддерживаемый стольниками подъ руки и сопровождаемый почетными гостями въ золотыхъ кафтанахъ. При звонѣ колоколовъ шествіе направлялось черезъ Тайницкую башню къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ на льду устраивался навѣсъ, и два крытыхъ мѣста для царя и патріарха. Послѣ освященія воды, царь надѣвалъ простую одежду и въ саняхъ возвращался во дворецъ.

Менѣе торжественно справлялись праздники Пасхи, Рождества Христова и др., въ которые царь слушалъ богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ, принималъ поздравленія отъ бояръ и одѣлялъ милостыней убогихъ и колодниковъ.

Вѣнчаніе царей. Съ большой пышностью справлялись нѣкоторые семейные праздники—рожденіе сына, крещеніе его, а особенно вѣнчаніе царя. Для выбора невѣсты во дворецъ свозились красивыя дѣвушки изъ разныхъ городовъ, и собирались въ Грановитой палатѣ, гдѣ царь смотрѣлъ ихъ и вручалъ избранной имъ шитую ши-

ринку; съ этого дня невѣста поселялась во дворцѣ, подъ присмотромъ боярынь и поминалась на эктеніяхъ

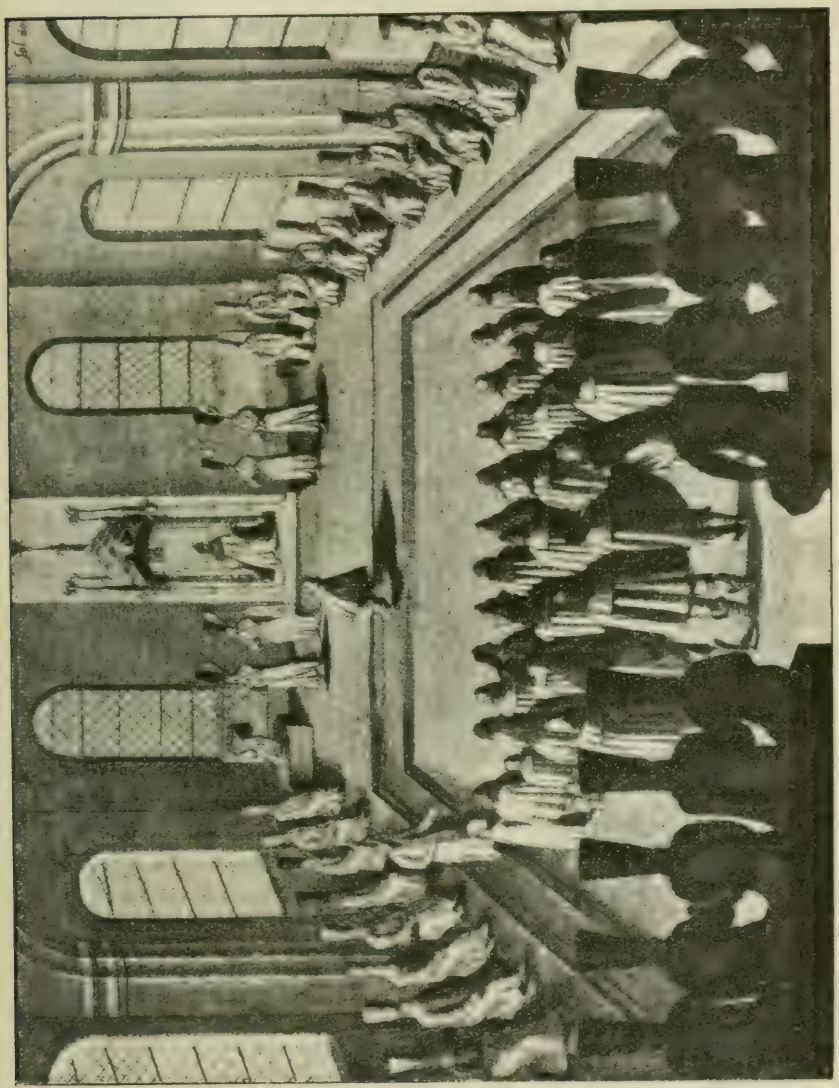


Рис. 38. Пріемъ пословъ (шут. Олеарія).

„благовѣрною царевною“. Обрядъ вѣнчанія царя отличался только большею роскошью и пышностью отъ опи-

саннаго нами выше, и сопровождался продолжительными пирами. Потомъ, въ послѣднія царствованія вѣнчаніе стало совершаться болѣе скромно, интимно, такъ какъ послѣ несчастныхъ случаевъ съ царскими невѣстами: Маріей Хлоповой и Стрѣшневой, которыхъ бояре обвинили въ „порчѣ“, стали бояться „дурного глаза“, и вообще старались оградить молодыхъ отъ враждебнаго вліянія. Вообще страхъ передъ „сглазомъ“ и „порчей“ во дворцѣ былъ, кажется, еще болѣе силенъ, нежели въ боярскихъ домахъ: такъ напримѣръ, царевича до 15 лѣтъ никому не показывали, боясь „сглазу“; если онъ шелъ въ церковь, то его загораживали сукномъ, какъ ширмой, и въ церкви онъ стоялъ невидимый для народа; если же въ платье царя замѣчали дырочку, то поднималось длинное дѣло о томъ, не сдѣлалъ ли ее кто съ дурнымъ умысломъ; такая же волокита шла изъ-за щепотки соли, взятой изъ царской солонки и т. д., не говоря уже о томъ, какой переполохъ поднимался изъ-за неосторожно сказанныхъ словъ, которые можно было истолковать такъ или иначе.

Всматриваясь въ жизнь русскихъ людей различныхъ состояній, нельзя не отмѣтить характерную черту ея—именно однообразіе, такъ сказать однотонность ея во всемъ ея укладѣ, во всѣхъ проявленіяхъ—будемъ ли мы брать жизнь крестьянина, купца, боярина, даже царя, мы видимъ, что всѣ они жили одной жизнью, одними вѣрованіями, суевѣріями, одними понятіями; бытъ отличался, если можно такъ выразится, количественно, а не качественно—одни жили въ убогой избѣ, ѣли щи да кашу, пили изъ деревяннаго ковша, ходили въ грубой сермягѣ, другіе же жили въ богатыхъ хоромахъ, ѣли по десятку блюдъ на золотѣ и серебрѣ, ходили въ парчѣ и бархатѣ, но въ сущности, какъ уже указывалось выше, разница была только въ томъ, что вещи одними дѣлались болѣе роскошно, чѣмъ другими. Если мы сравнимъ умственный міръ боярина и простого крестьянина, то мы тоже не увидимъ большой

Рис. 39. Шествіе на осляти (нут. Олеарія).

разницы—оба вѣрили одинаково, любили одно и то же, развлекались тоже одинаково, насколько позволяли средства; только то, что крестьянинъ могъ себѣ позволить въ большой праздникъ, когда онъ отдыхалъ отъ работы, бояринъ могъ дѣлать изо-дня въ день, такъ какъ ничего не дѣлалъ. Какъ ни противоположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, говоритъ Костомаровъ, натура у тѣхъ и другихъ была одна. „Нужно было проникнуть струѣ западной культуры, которая стала доступна только верхамъ и, обогативъ ихъ комплектомъ новыхъ понятій, расширивъ ихъ умственный кругозоръ, надолго отдѣлила отъ низовъ, положивъ глубокую пропасть посреди единаго прежде народа". Какъ трескается стекло, неравномѣрно нагрѣваемое въ разныхъ частяхъ своихъ, такъ и русское общество, неодинаково проникаясь западнымъ вліяніемъ во всѣхъ слояхъ, раскололось, картинно характеризуетъ проф. Ключевскій процессъ, совершившійся въ русскомъ народѣ на переломѣ отъ Руси Московской, царской, къ современной намъ, императорской.

Н. Полонская.

Церковные вопросы въ Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII в. и дѣятельность патріарха Никона*).

XVII вѣкъ въ Московской Руси—эпоха, богатая жизнью и движеніемъ, когда старый строй жизни долженъ былъ вступить въ борьбу съ новыми пробивавшимися теченіями. Не избѣгли пересмотра и ломки и религіозныя отношенія. Въ этой области произошелъ тяжелый конфликтъ между стариной и новаторскимъ направленіемъ. Въ центрѣ церковной жизни того времени стоялъ патріархъ Никонъ, дѣятельность котораго

*) Литература: *Каптеревъ.* Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, 2 тома. Сергіевъ посадъ, 1909—1912 г. *Его же.* Патріархъ Никонъ и его противники. М., 1887 г. *Его же.* Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII стол. Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв., 1883 г., ч. II. *Субботинъ.* Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. СПБ., 1882—84 г. *Голубинскій.* Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. М., 1905 г. *Бородинъ.* Протопопъ Аввакумъ. СПБ., 1900 г. *Аввакумъ.* Житіе, написанное имъ самимъ. Разн. изд. *Мякотинъ.* Протопопъ Аввакумъ. СПБ., 1902 года. *Макарій*, митрополитъ. Исторія русскаго раскола. 3-е изданіе. СПБ., 1889 г. *Смирновъ.* Исторія русскаго раскола старообрядчества. Рязань, 1892 г. *Субботинъ*, ред. Матеріалы для исторіи раскола, 9 томовъ. *Щаповъ.* Русскій расколъ. Каз., 1859 г. *Смирновъ.* Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. СПБ., 1898 г. *Пономаревъ.* Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ. Кіевъ, Универс. извѣст., 1888 г., № 6. *Барсовъ.* Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русской церковью. СПБ., 1878 г. *Дьяконовъ.* Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историч. обозрѣніе 1891 г. III. *Николаевскій.* Учрежденіе патріаршества въ Россіи. Христ. Чт. 1879 г. *Щаповъ.* Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Учрежденіе патріаршества въ Россіи. Одесса, 1912 г.

связана съ вопросомъ объ отношеніи церковной власти къ свѣтской—власти патріарха и царя, а также съ вопросомъ о чисто церковныхъ реформахъ—реформѣ обряда и исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Его попытка разрѣшить первый вопросъ вызвала борьбу съ царемъ, кончившуюся побѣдой царской власти.— Рѣшеніе же Никономъ второго вопроса вызвало горячій протестъ противниковъ и поставило русскую церковь передъ тяжелымъ кризисомъ, разрѣшившимся расколомъ.

I.

Русскіе и греческіе обряды.

Религіозные вопросы всегда доминировали въ московскомъ обществѣ. Но сама религія въ Москвѣ понималась прежде всего какъ совокупность разнаго рода молитвъ, богослуженій и обрядовъ. Сложившійся и поддерживавшійся вѣками религіозный культъ принялъ строго опредѣленныя формы, которыя казались основой самой религіи.

Этотъ взглядъ на обрядъ, какъ на неизмѣнный и могущій имѣть лишь одну правильную православную форму, возникъ въ XV вѣкѣ. Ранѣе обрядамъ не придавалось такого важнаго значенія, чтобы отступленіе отъ нихъ приравнивалось къ ереси. Это объясняется тѣмъ, что до XV в. русская церковь жила общей жизнью съ греческой. Греки же никогда не придавали своему обряду характера исключительности и допускали извѣстную свободу въ этомъ отношеніи для помѣстныхъ церквей. Для выясненія греческаго взгляда на обрядъ характерно посланіе константинопольскаго патріарха Паисія патріарху Никону въ 1655 г. Паисій объясняетъ Никону, что обрядъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ ихъ время, сложился не сразу, а постепенно, и въ своемъ развитіи потерпѣлъ много измѣненій, но чистота вѣры отъ этого не пострадала.

Дѣйствительно, церковная практика на Востокѣ имѣла свою длинную исторію.

Какъ примѣръ измѣнчивости обрядовъ на Востокѣ, возьмемъ вопросы о перстосложеніи при крестномъ знаменіи и вопросъ о томъ, сколько разъ надо читать и пѣть „аллилуія“.

Крестное знаменіе, какъ обычай, ведетъ свое начало отъ древнихъ христіанскихъ временъ, но точно установить его происхожденіе и моментъ возникновенія невозможно. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ II в., по свидѣтельству Тертулліана, обычай этотъ былъ общепринятъ. Но форма его мѣнялась постепенно. Первоначально, какъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ церковныхъ писателей (Іоаннъ Златоустъ, Григорій Двоесловъ, Андрей Критскій и др.), былъ обычай изображать крестъ на челѣ (лбу) однимъ или нѣсколькими (свидѣтельство Кирилла Іерусалимскаго) пальцами. Знакъ креста какъ бы начертывался *) указательнымъ или большимъ пальцемъ. *Единоперстіе* это сохранилось до VIII в., такъ какъ о немъ свидѣтельствуетъ въ это время Андрей Критскій, а послѣ него такихъ свидѣтельствъ мы не находимъ. Начертаніе знака креста (малый крестъ) исчезаетъ изъ употребленія восточной церкви въ теченіе VIII в. и смѣняется *двуперстіемъ*, при чемъ малый крестъ смѣнился большимъ **). Причиной этого явилась, вѣроятно, ересь монофизитовъ. Когда послѣдніе сдѣлали крестное знаменіе, производимое однимъ пальцемъ, символомъ своего ученія о единомъ естествѣ Іисуса Христа, то господствующая церковь, чтобы отмежеваться отъ нихъ, усвоила двуперстіе, какъ символъ исповѣданія въ Іисусѣ Христѣ

*) По гречески употребляется чаще всего терминъ σφραγίζειν (начертывать, проводя линіи какимъ-либо предметомъ).

**) Большой крестъ (нашъ обыкновенный) не начертывается, а изображается какъ бы въ воздухѣ, при чемъ концы его обозначаются прикладываніемъ пальцевъ ко лбу, животу или груди и къ плечамъ.

двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго. Крестное знаменіе изображали двумя пальцами, указательнымъ и среднимъ, а три остальныхъ занимали безразличное положеніе и ничего не символизировали. О двуперстіи мы имѣемъ свидѣтельства съ IX до XII вв.

Въ X в. русскіе приняли христіанство отъ грековъ, а съ нимъ и двуперстіе.

Однако, у грековъ форма крестнаго знаменія еще разъ потерпѣла измѣненіе. Въ теченіе конца XII в. и первой половины XIII в. двуперстіе (не безъ борьбы) замѣнилось нынѣшнимъ *троеперстіемъ*. Почему это произошло, трудно сказать. Быть можетъ, православные хотѣли отдѣлить себя отъ несторіанъ, которые тоже усвоили себѣ двуперстіе, а потому перешли къ троеперстію. А можетъ быть, тутъ просто было, какъ думаетъ проф. Голубинскій, расширеніе символики. При двуперстіи остальные три пальца, какъ сказано, лишены были символическаго значенія. Теперь имъ такое значеніе было придано, а именно—они стали символомъ Св. Троицы; для удобства же и для приданія символу выраженія равенства трехъ лицъ Св. Троицы стали соединять большой, указательный и средній пальцы, а безъимянный и мизинецъ пригибать; эти же послѣдніе стали символизировать теперь два естества Іисуса Христа. Троеперстіе при крестномъ знаменіи и стало, такимъ образомъ, съ XIII в. господствующимъ въ греческой церкви.

У грековъ аллилуія (ἀλληλούϊα, съ еврейскаго, означаетъ „хвалите Бога“) при пѣніи и чтеніи повторялось безразлично два или три раза (сугубленіе и трегубленіе); по крайней мѣрѣ вплоть до второй половины XVII вѣка свидѣтельства говорятъ безразлично о той или иной формѣ возглашенія этой пѣсни. Иногда въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ господствовала какая-либо одна форма. Такъ, напримѣръ, въ Пелопонессѣ въ началѣ XV вѣка господствовало троеніе аллилуія, а на Аѳонѣ—двоеніе.

Какъ уже сказано, русскіе, принимая христіанство отъ грековъ, усвоили современные (X вѣка) обряды, а слѣдовательно—и двуперстіе, и безразличное двоеніе и троеніе аллилуія. Но такъ какъ обрядъ на Востокѣ эволюціонировалъ, а у насъ эта эволюція отставала отъ грековъ или же совершалась нѣсколько иначе, то и оказалось, что между русскими и греческими обрядами къ XV вѣку получилась нѣкоторая разница.

Троеперстіе, распространившееся въ Греціи въ тетеніе XII—XIII вѣковъ нашло себѣ послѣдователей и въ Московской Руси. Но защита двуперстія здѣсь имѣла больше сторонниковъ, чѣмъ въ Греціи. Самый главный аргументъ въ пользу двуперстія — его несомнѣнная древность на Руси. Все это содѣйствовало тому, что троеперстіе не привилось на Руси, а восторжествовала старая форма перстосложенія. Окончательная побѣда двуперстія выразилась въ предписаніи митрополита Даніила (1522—1539) и въ постановленіи Стоглаваго собора 1551 г., который даже проклялъ крестящихся тремя перстами: „Иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христосъ, да есть проклятъ“.

Безразличное двоеніе и троеніе аллилуія перестало удовлетворять русскихъ, когда у нихъ утвердился взглядъ, что обрядъ можетъ имѣть лишь одну правильную форму. Вопросъ, какая же форма—двоеніе или троеніе—правильна, возникъ впервые въ Псковѣ въ началѣ XV вѣка. Въ 1419 году митрополитъ Фотій, въ отвѣтъ на просьбу псковичей разрѣшить споръ, предписалъ троить аллилуія. Главнымъ сочиненіемъ въ защиту двоенія было подложное житіе преподобнаго Ефросина псковскаго. Это подложное житіе преподобнаго Ефросина и было основаніемъ, по которому Стоглавъ велѣлъ пѣть сугубую аллилуія, а трегубую призналъ латинскою ересью.

Было еще одно, чисто кажущееся отличіе между русскими и греками, именно различное чтеніе Символа вѣры. Κύριος значитъ—Господь, истинный, господствую-

щій, главный. Въ древнихъ переводахъ Символа въ 8 членѣ слова „τὸ κύριον“ переведено „Господа“. Позже встрѣчается переводъ „истиннаго“, и даже двойной переводъ „Господа истиннаго“. Впервые новый переводъ встрѣчается въ келейной псалтыри митрополита Кипріана, происходившаго изъ Сербіи. Постепенно это чтеніе утвердилось, и мы его встрѣчаемъ въ требникѣ митрополита Макарія, этого столпа богословской науки въ Московской Руси.

Стоглавый соборъ постановилъ читать: „и въ Духа Святаго, истиннаго и животворящаго“.

Разрывъ съ греками.

Опускаемъ другія отличія, которыя возникли между русскими и греческими обрядами и церковными книгами. Однако это расхожденіе измѣнило отношеніе русскихъ къ прежнимъ учителямъ. Греки были признаны еретиками, при чемъ исходнымъ пунктомъ обвиненій грековъ въ отступленіи отъ православія явилась флорентійская унія 1439 г. Въ 1453 г. пала Византія, завоеванная турками, и въ этомъ московскіе книжники увидѣли послѣдствіе отпаденія грековъ отъ православія, наказаніе Божіе за измѣну вѣрѣ.

Одновременно съ паденіемъ авторитета грековъ, какъ носителей истиннаго православія, возникло предубѣжденіе и противъ греческихъ книгъ. Со времени турецкаго завоеванія греки должны были печатать свои церковныя книги за границей, преимущественно въ Венеціи, гдѣ были православные ученые и православныя типографіи. Все же это дало поводъ говорить о порчѣ греческихъ печатныхъ книгъ латинянами.

Наконецъ, продолжительное пребываніе грековъ подъ властью иновѣрныхъ турокъ, казалось, не могло не отразиться на чистотѣ греческой вѣры, которая, „испроказилась махметовой прелестью“.

Между тѣмъ какъ Византія, когда то хранительница и учительница православія, пала, Москва возвысилась. Внѣшній ростъ Москвы сопровождался извѣстнымъ внутреннимъ ростомъ московскаго общества,

развитіемъ національнаго самосознанія. И молодое общество, осознавъ себя какъ самостоятельный политическій и культурный организмъ, опредѣляя свое мѣсто и значеніе въ исторіи человѣчества, создало стройную и гордую теорію своего превосходства надъ другими народами и своего первенства въ христіанскомъ мірѣ: каждый москвитянинъ, отъ боярина до простого подъячаго, искренне причислялъ себя къ Новому Израилю, народу, избранному Богомъ, который поведетъ его къ великому будущему. Все это величіе Москвы обусловливается исповѣданіемъ истинной, чистой вѣры.

Но разъ Византія должна уступить свое первенство въ христіанскомъ мірѣ Москвѣ, то не подобаетъ московскимъ митрополитамъ быть въ подчиненіи у константинопольскихъ патріарховъ, обезсиленныхъ и униженныхъ данниковъ султана. Московское государство въ заботахъ о своемъ возвышеніи хочетъ имѣть независимую церковь.

Греческіе патріархи и наканунѣ гибели своего государства поддерживали притязанія не только на власть патріарха надъ русской церковью, но и на высшую власть византійскаго императора надъ всѣми христіанами, какъ единаго православнаго царя. По крайней мѣрѣ патріархъ Антоній въ 1389 году въ своей грамотѣ къ великому князю Василію Дмитріевичу убѣждаетъ его признать высшую власть и патріарха и императора. Послѣ свержения принявшаго флорентійскую унію въ 1439 г. митрополита Исидора византійскіе патріархи фактически потеряли свои права надъ русской церковью. Дѣло, повидимому, дошло до формальнаго разрыва. Вновь избранный соборомъ русскихъ епископовъ митрополитъ Іона въ своемъ посланіи въ Литву объясняетъ отдѣленіе русской церкви отъ греческой измѣной грековъ православію. Соборъ московскихъ епископовъ пишетъ собору литовскихъ епископовъ: „нынѣ царяградская церковь поколебалася, отъ нашего православія отступиша“. Великій

князь Иванъ III въ своемъ посланіи новгородскому архіепископу Іонѣ говоритъ о патріархѣ константинопольскомъ и его послѣ Григоріи: „не требую его, ни его благословенія, ни его неблагословенія, имѣмъ его отъ себя, самого того патріарха, чюжа и отречена, и его посла и того окаяннаго Григорія“. Со своей стороны, Діонисій I, патріархъ цареградскій, говорилъ въ 1469 г., что цареградская церковь не признаетъ московскихъ митрополитовъ, ставимыхъ безъ благословенія греческой церкви.

Русская церковь, освободившись отъ греческой, стремится обосновать это отдѣленіе, если не канонически, то фактами иного порядка. Такъ, послѣдовавшая въ серединѣ XVI вѣка канонизація многихъ русскихъ святыхъ, перенесеніе въ Москву разныхъ святынь должны были оправдать стремленіе русской церкви къ независимости тѣмъ благоволеніемъ, которое ей оказано Богомъ, явившимъ свою славу въ лицѣ многочисленныхъ угодниковъ и ихъ мощей. Легенда о путешествіи на Русь апостола Андрея должна была показать, что христіанство на Руси ведетъ начало непосредственно отъ апостоловъ, и тѣмъ прибавить лишній аргументъ въ пользу независимости русской церкви. Сказаніе о „бѣломъ клобукѣ“ даетъ русской церкви даже первенство по сравненію съ греческой.

Восточные патріархи должны были признать въ концѣ концовъ новое положеніе дѣлъ. Они нуждались въ московской митрополіи, какъ источникѣ матеріальныхъ средствъ. Греческая церковь, очутившись въ неблагопріятной иновѣрной средѣ, клонилась къ упадку и моральному, и матеріальному. Восточные іерархи начинаютъ посѣщать Русь и, преувеличенно рисуя свое тяжелое положеніе, получаютъ милостыню, и иногда щедрую, и мирятся съ автокефальностью русской церкви. Получалось двусмысленное положеніе. Что восточная церковь не санкціонировала автоке-

фальности русской церкви, показываютъ слова патріарха Іереміи, пріѣхавшаго въ Москву въ 1588 году. Спустя почти 150 лѣтъ послѣ отдѣленія русской церкви онъ соглашался признать за московской митрополіей самостоятельность, какую имѣетъ митрополія ахридская. Значитъ, до сихъ поръ такой самостоятельности за московской церковью не было признано. И тѣмъ не менѣе, съ фактомъ самостоятельности считались на Востокѣ, и антіохійскій патріархъ Іоакимъ, напримѣръ, долженъ былъ смолчать, когда митрополитъ Діонисій при встрѣчѣ первый преподалъ ему благословеніе.

Учрежденіе патріаршества.

Московское правительство не удовлетворялось, однако, фактической самостоятельностью русской церкви. Ему хотѣлось и юридической независимости, которую оно себѣ представляло въ формѣ патріархата. Традиція христіанскаго Востока требовала, чтобы наряду съ христіанскимъ царемъ былъ и патріархъ. Какъ только болгарскіе и сербскіе государи достигали независимости и могущества, они сейчасъ же обзаводились и патріархомъ, присутствіе котораго должно было возвышать ихъ власть. Такого же возвышенія и блеска хотѣли и въ Москвѣ, и хотѣла именно свѣтская власть, тайно обдумывавшая и подготовлявшая дѣло. Во время пріѣзда въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1588—1589 г. московское правительство добилось своей цѣли. Противъ своей воли Іеремія долженъ былъ согласиться на учрежденіе въ Москвѣ патріаршества. 23-го января 1589 года въ патріархи былъ избранъ намѣченный правительствомъ митрополитъ Іовъ, а 26 января состоялось его посвященіе въ санъ патріархомъ Іереміей. Вмѣстѣ съ Іереміей на Востокъ была отправлена составленная въ Москвѣ грамота объ учрежденіи патріаршества, и Іеремія долженъ былъ содѣйствовать признанію этого факта. Константинопольскій соборъ вселенскихъ патріарховъ въ 1590 году утвердилъ, несмотря на протестъ знатока церковныхъ

каноновъ, александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса, учрежденіе московскаго патріаршества, хотя и отвелъ новому патріарху пятое мѣсто въ ряду другихъ патріарховъ. Въ Москвѣ разсчитывали, по крайней мѣрѣ, на третье мѣсто, послѣ константинопольскаго и александрійскаго. Въ этомъ смыслѣ состоялось въ Москвѣ соборное рѣшеніе, и на Востокъ поддержать домоганія Москвы было послано посольство съ грамотами и богатыми дарами. Но несмотря на всѣ хлопоты и издержки, соборъ вселенскихъ патріарховъ 1593 г., вновь подтвердивъ учрежденіе патріаршества въ Москвѣ, закрѣпилъ за московскимъ патріархомъ пятое мѣсто, такъ какъ Мелетій Пигасъ ссылками на постановленія никейскаго, халкидонскаго и трулльскаго соборовъ доказалъ неканоничность иного рѣшенія.

Учрежденіе патріаршества довершило процессъ возвышенія русской церкви и государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ улучшились и отношенія московскаго правительства къ Востоку. Затихаютъ обвиненія его въ ереси и усиливаются сношенія по церковно-общественнымъ вопросамъ московскаго патріарха со своими братьями—восточными.

Отношенія между церковной и свѣтской властью въ Москвѣ.

Какъ же новое положеніе русской церкви повліяло на отношенія ея къ государству? Какъ извѣстно, до учрежденія патріаршества наша церковь не становилась во враждебныя отношенія къ государству. Это объясняется и византійскими традиціями и домашними московскими условіями. Въ Кіевской Руси власть митрополита была въ достаточной мѣрѣ независима отъ княжеской, такъ какъ митрополитъ зависѣлъ отъ константинопольскаго патріарха. Но въ то же время, будучи иностранцами и принося съ собою взгляды и привычки византійской церкви, кіевскіе митрополиты, имѣя обширный самостоятельный кругъ вѣдомства, не заявляли притязаній на вмѣшательство въ кругъ дѣятельности князя. Это равновѣсіе между свѣтской и духовной властью нарушается въ Московской Руси. Московскіе

митрополиты, освободившись отъ власти византійскаго патріарха, подчинились власти великаго князя. Послѣдній пріобрѣлъ рѣшающее значеніе въ выборѣ кандидатовъ на посты митрополитовъ и епископовъ. И мы не замѣчаемъ долго протеста противъ установленія такихъ отношеній. Наоборотъ, церковная власть дѣятельно помогаетъ свѣтской въ ея чисто политическихъ цѣляхъ; періодъ сложенія московскаго государства ознаменованъ тѣснымъ союзомъ церкви и государства. Но скоро уже становится виднымъ, кто будетъ главенствовать въ этомъ союзѣ; свѣтская власть начинаетъ руководить и церковной политикой.

Это подчиненіе церкви государству не измѣнилось и съ учрежденіемъ патріаршества. Хотя носитель высшей церковной власти, ставъ патріархомъ, несомнѣнно выигралъ въ своемъ величіи, но учрежденіе патріаршества, какъ указываетъ проф. Каптеревъ, было явленіемъ внѣшнимъ по отношенію къ внутренней жизни церкви. По своему отношенію къ власти царя патріархъ остался прежнимъ митрополитомъ. По прежнему свѣтская власть возводила и низводила патріарховъ. Всѣ архіереи избирались также государемъ. Да и неудивительно, что свѣтская власть ревниво старалась, чтобы на высшія церковныя должности проходили ея ставленники: вѣдь и патріархъ, и архіереи были государственными чиновниками съ большими административно-судебными и финансовыми полномочіями въ церковныхъ земляхъ. Они входили также въ составъ общаго правительства, какъ члены боярской думы и земскихъ соборовъ. Церковные соборы, которыхъ много было въ XVI—XVII вв. были, въ сущности, собраніемъ духовныхъ чиновниковъ. Соборы созывались и распускались царемъ и рѣшали только тѣ дѣла, которыя свѣтская власть имъ предлагала. Кромѣ іерарховъ соборъ пополнялся боярами, думными людьми и дьяками, творившими, конечно, волю пославшаго ихъ царя. Сплошь и рядомъ соборы должны были санкціонировать уже

готовыя рѣшенія, принятыя въ особыхъ предварительныхъ комиссіяхъ. Соборныя рѣшенія проходили черезъ боярскую думу и получали силу лишь послѣ утвержденія царемъ, и бывали случаи, что такого утвержденія не получали. Положеніе дѣлъ въ церкви и доминирующее значеніе въ ней царской власти ярко выступаетъ въ письмѣ патріарха Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію: „нынѣ бываетъ на Руси вся царскимъ хотѣніемъ; егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избирати и поставити архіереемъ, избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати,—и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“...

Патріархъ Филаретъ.

Былъ, однако, моментъ въ жизни Московскаго государства, когда власть представителя церкви поднялась на равную ступень съ царской и даже затмила послѣднюю. Это было при патріархѣ Филаретѣ, отцѣ царя Михаила Ѳедоровича (1619—1634 г.). Однако, то обстоятельство, что Филаретъ былъ отцомъ царя—существенно для этого момента. Филаретъ былъ не только патріархомъ, но и великимъ государемъ—свѣтскимъ правителемъ. Мы встрѣчаемся при немъ съ формальнымъ двоевластіемъ. Тѣмъ не менѣе, возвышая лично себя и, какъ соправитель своего сына, не желая умалять царскую власть, Филаретъ неизбѣжно возвышалъ патріаршество, какъ учрежденіе.—Дворъ патріарха при немъ получилъ особенное великолѣпіе, такъ какъ былъ заведенъ по образцу царскаго; при патріаршемъ дворѣ появились дворцовые чины и должности.—Этотъ блескъ, окружавшій Филарета, остался и его преемникамъ. Вѣдомство патріарха было разграничено съ другими, появились особые судебные и административно-финансовые патріаршіе приказы. Въ 1625 г. особой царской грамотой патріарху былъ переданъ судъ надъ всѣми церквами, монастырями и крестьянами на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ. Эта „несудимая грамота“ сдѣлала патріархатъ какъ бы государствомъ въ госу-

дарствѣ. Грамота 1625 г. не была отмѣнена и послѣ Филарета.

Конечно, такое возвышеніе патріаршества, какъ учрежденія, въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ личности энергичнаго Филарета и его положенія, какъ отца и соправителя царя. Послѣ него патріархи не могли удержать своей власти на такой высотѣ, да и самъ Филаретъ, видимо, понималъ опасность для государства такого возвышенія церковной власти и, быть можетъ, этимъ объясняется, что выборъ его въ свои замѣстители палъ на безличнаго Іоасафа, который не могъ поддержать и не поддержалъ патріаршество на той высотѣ, на какую возвелъ его Филаретъ. Не сдѣлалъ этого и второй преемникъ Филарета, корыстолюбивый старикъ Іосифъ. Къ тому же скоро законодательство Уложенія и учрежденіе Монастырскаго приказа снова дало неоспоримое господство государству надъ церковью.

Тѣмъ не менѣе теорія независимости церковной власти отъ свѣтской имѣла своихъ послѣдователей въ средѣ церковной іерархіи. Такъ, напримѣръ, новгородскій митрополитъ Кипріанъ (1627—1633) считалъ себя подчиненнымъ только патріарху и независимымъ отъ государя; своими самостоятельными дѣйствіями въ Новгородѣ онъ вызвалъ даже доносъ на него царю Михаилр Ѳедоровичу; доносчикъ обвинялъ Кипріана въ „неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ“ по адресу высшей свѣтской власти. Послѣдующее изложеніе покажетъ, какъ идея независимости церкви отъ государства была широко распространена въ духовныхъ сферахъ XVII в.

Внутреннія неустройства церкви.

Помимо вопроса о соотношеніи церковной и свѣтской власти, церковныхъ дѣятелей XVII в. занимали и вопросы внутренней жизни церкви, такъ какъ въ этой области, многое обстояло далеко не благополучно. Цѣлый рядъ вопросовъ вносилъ безпокойство въ церковную жизнь; сознавалась потребность обновленія; въ

прочно сложившуюся и налаженную жизнь вносились элементы протеста и новыя теченія.

Хорошо извѣстна церковно-литературная борьба противъ остатковъ язычества, прочно укоренившихся въ народѣ, несмотря на многовѣковое существованіе христіанства. Отъ первой половины XVII в. мы имѣемъ рядъ оффиціальныхъ и частныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о низкомъ религіозномъ и моральномъ уровнѣ населенія и представителей церкви.

Слышатся изъ разныхъ мѣстъ голоса, что не соблюдаются церковные уставы, раздаются требованія „исправить сіе святыхъ отецъ преданіе“, и призывы „не разрушити и вмѣсто свѣта тьму возлюбити“. Очевидно въ религіозно-настроенной части общества появилось сознаніе необходимости какого-то новаго пути для религіозной жизни, въ согласіи съ древнимъ благочестіемъ.

Серьезной критикѣ подвергаются тѣ, кто долженъ блюсти за религіозной жизнью общества—духовенство. „Священники, по выраженію одной челобитной, именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учители, а произволеніемъ тяжцы мучители“. При низкомъ моральномъ уровнѣ духовенства, главное орудіе воздѣйствія на населеніе — церковная проповѣдь, вышла совершенно изъ употребленія. Въ обществѣ положеніе духовенства было весьма незавидно, и это отразилось на размѣрѣ штрафа за оскорбленіе священника—пять рублей, одинаковаго со штрафомъ за безчестье черемиса и мордвина и за убійство собаки. „И нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога—бей попа, что собаку, да кинь 5 рублевъ“, жалуются авторы анонимной челобитной 1658 г. Сама церковная власть сознается, что „въ приходскихъ святыхъ Божьихъ церквахъ чинятца мятежи и соблазнъ, и нарушеніе святыя нашея православныя христіанскія непорочныя вѣры“.

Спеціальнымъ вопросомъ, вокругъ котораго разгорѣлась борьба, было многогласіе въ богослуженіи. Подъ многогласіемъ разумѣется обычай совершать богослуженіе одновременно въ нѣсколько голосовъ: священникъ, діаконъ, причетники, хоръ—одновременно пѣли и читали то, что требовалось послѣдовательно пропѣть и прочитать во время богослуженія. Разумѣется, въ богослуженіи нарушалась стройность. „Отъ самѣхъ священниковъ и причетниковъ шумъ и козлогласованіе въ церквахъ бываше странно зѣло", говоритъ біографъ Неронова, „и невозможно бяше слушающему разумѣти поемаго и читаемаго". Обычай этотъ развился потому, что церковныя службы отличались особенной продолжительностью и очень утомляли молящихся. Поэтому, не рѣшаясь сократить самыя службы, прибѣгли къ многогласію.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Весьма существеннымъ вопросомъ въ церковной жизни XVII в., какъ и ранѣе, былъ вопросъ о неисправности русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ. На порчу книгъ повліялъ упадокъ образованности въ сѣверо-восточной Руси и разрывъ съ греками; знающихъ греческій языкъ, могущихъ всегда сличить русскій переводъ съ греческимъ оригиналомъ, становилось все меньше и меньше; переписка книгъ невѣжественными переписчиками тоже вносила въ нихъ много ошибокъ и измѣненій. Эта порча книгъ чувствовалась давно. Уже митрополитъ Алексѣй самъ наново перевелъ съ греческаго языка Новый Завѣтъ, и тѣмъ исправилъ существовавшіе при немъ переводы. Сербъ митрополитъ Кипріанъ нашелъ въ богослуженіи большія неисправности; такъ, напримѣръ, во Псковѣ при немъ не было ни одного церковнаго устава. Митрополитъ Фотій тѣмъ же псковичамъ долженъ былъ разъяснять, когда совершать литургію Іоанна Златоуста, какъ приготовляется агнецъ для преждеосвященной литургіи и т. п. Въ 1518 году пріѣхалъ въ Москву знаменитый Максимъ Грекъ, которому поручено было

исправленіе и переводъ книгъ. Максимъ исправилъ Тріодь, Часословъ, праздничную Минею и Апостолъ. Въ своемъ отчетѣ объ исправленіи книгъ: „Отвѣщательное слово“ онъ указываетъ примѣры ошибокъ. Такъ въ Тріоди о Христѣ говорилось: „созданный и сотворенный“, о Богѣ Отцѣ въ Часословѣ: „собезматерній Сыну“. Неисправность русскихъ церковныхъ книгъ и несходство ихъ съ греческими вызвали такой рѣзкій объ нихъ отзывъ Вассіана, одного изъ членовъ кружка Максима: „здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила не правила, а кривила. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили“. Но и Максимово исправленіе не могло внести порядка въ книги. Дѣло въ томъ, что самъ Максимъ не зналъ славянскаго языка, а потому съ греческаго языка переводилъ на латинскій, а его сотрудники уже съ латинскаго переводили на славянскій. Митрополитъ Даніилъ и большинство русскаго духовенства возстали противъ исправленій, и Максимъ съ сотрудниками поплатились заточеніемъ.

Въ 1561 г. началось печатаніе книгъ, и къ 1565 г. были напечатаны Апостолъ и Часословъ. При патріархахъ Іовѣ и Гермогенѣ было исправлено и напечатано нѣсколько новыхъ богослужбныхъ книгъ. Передъ печатаніемъ книгъ разные ихъ списки сличались другъ съ другомъ и исправлялись. То же происходило и при перепзданіи уже напечатанныхъ книгъ. Въ XVII вѣкѣ дѣло печатанія и исправленія книгъ расширилось. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ дѣло это поручено было архимандриту Троицкаго монастыря Діонисію. Всегда при исправленіи книгъ находились лица, обвинявшіе исправителей не въ исправленіи, а въ порчѣ книгъ. Это объясняется трудностью исправленій при разнообразіи списковъ, при отсутствіи критерія для исправленій; такимъ критеріемъ служили древнія рукописи, но дѣйствительно древнихъ было мало, и трудно ихъ было достать; греческіе же списки отличались разнообразіемъ, и древнихъ достать было еще труднѣе, да

и незнаніе греческаго языка служило большимъ препятствіемъ къ пользованію ими; къ тому же предубѣжденіе противъ православія грековъ еще было очень распространено, и съ этой точки зрѣнія печатными греческими книгами пользоваться было невозможно. Если къ этому прибавить то пристрастіе къ буквѣ, которое господствовало у московскихъ начетчиковъ, ревниво слѣдившихъ за каждымъ шагомъ въ дѣлѣ исправленія, то понятна печальная судьба, которая большей частью постигала исправителей. Діонисій былъ даже отлученъ отъ церкви, и его спасло только заступничество іерусалимскаго патріарха Θеофана. Дѣло исправленія книгъ все настойчивѣе становилось неотложной задачей времени. Въ 1649—1650 гг. спеціально для переводовъ на славянскій языкъ греческихъ и латинскихъ книгъ, „для справки библѣе греческой на словенскую рѣчь“ прибыли изъ Кіева Арсеній Сатановскій, Епифаній Славинецкій и Дамаскинъ Птицкій. При изданіи книги сличались съ греческими и южнорусскими изданіями и исправлялись по нимъ. Такъ была издана въ 1649 г. Кормчая (Іосифова), въ 1650 г. Шестодневъ, въ 1652 г. Учительное Евангеліе.

Сближеніе съ греками. Грекофильство.

Чѣмъ шире и настойчивѣе стремились въ Москвѣ къ исправленію церковныхъ книгъ, тѣмъ все яснѣе становилось, что русскіе должны искать въ этомъ отношеніи помощи у грековъ. Въ XVII в. сношенія съ Востокомъ становятся особенно оживленными. Патріархъ Филаретъ получаетъ свое посвященіе отъ іерусалимскаго патріарха Θеофана, и съ голосомъ послѣдняго очень считаются въ Москвѣ въ обрядовыхъ вопросахъ и въ дѣлѣ исправленія книгъ. Филаретъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря Діонисіемъ были убѣжденными грекофилами. Грекофильство постепенно находитъ себѣ все болѣе сторонниковъ въ обществѣ, а въ въ самомъ правительствѣ оно становится все болѣе искреннимъ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ былъ убѣжденнымъ грекофиломъ. О немъ,

напримѣръ, говоритъ Павелъ Алеппскій; „Нынѣшній благополучный царь и новый патріархъ Никонъ очень любятъ греческіе обряды и имѣютъ большую склонность къ разсужденіямъ и къ ученію христіанскому, а особенно царь“. Въ обширной перепискѣ съ восточными патріархами вполнѣ опредѣленно высказывается цѣль Алексѣя Михайловича—привести русскую церковь въ полное единеніе съ греческой. Политическіе взгляды царя Алексѣя, его взглядъ на себя какъ на наслѣдника Византіи, намѣстника Бога на землѣ, защитника всего православія, который, быть можетъ, освободитъ христіанъ отъ турокъ и станетъ царемъ въ Константинополѣ, тоже заставляли его стремиться къ такому тождеству русской и греческой вѣры. Съ Востока поддерживали въ царѣ его планы. Такъ, въ 1649 г. іерусалимскій патріархъ Паисій въ свой пріѣздъ въ Москву, на пріемѣ у царя прямо высказалъ пожеланіе, чтобы Алексѣй Михайловичъ сталъ царемъ въ Константинополѣ: „да будеши Новый Моисей, да освободиши насъ отъ плѣненія“.

Пріѣзды въ Москву греческихъ іерарховъ учащаются, нѣкоторые очень долго живутъ въ Москвѣ или остаются навсегда и получаютъ каѳедры. Можно привести множество фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что ледъ недовѣрія къ грекамъ сломанъ въ средѣ широкаго круга лицъ; они являются снова желанными учителями и наставниками въ вопросахъ вѣры.

Естественно, что къ этимъ то авторитетнымъ учителямъ и обратились, когда домашнія церковныя затрудненія поставили на очередь вопросъ о реформахъ.

II.

Основы церковной реформы.

Реформа была поставлена на принципіально новую и болѣе широкую почву: явилась мысль греческими силами привести русскую церковную практику въ полное согласіе съ греческой. Ранѣе, въ случаѣ

расхожденія русскихъ и греческихъ церковныхъ обычаевъ, а priori объявлялись истинными первые, православіе грековъ повѣрялось ихъ согласіемъ съ русскимъ церковнымъ обиходомъ; теперь дѣло діаметрально перемѣнилось: русскіе церковные обычаи стали повѣряться греческими, за которыми признаны были аттрибуты древности и неизмѣняемости; русскіе какъ бы сами усумнились въ своемъ православіи и поспѣшили во всемъ согласиться съ греками. Критерій для реформы былъ найденъ; греки могли торжествовать, и поспѣшили использовать перемѣну къ себѣ въ Москвѣ, явились въ роли непогрѣшимыхъ судей, не брезгая даже обманомъ и подлогами," чтобы закрѣпить свое положеніе авторитетныхъ учителей и извлечь возможно больше для себя матеріальныхъ выгодъ. Нужно, впрочемъ, оговориться, что задуманная реформа одной и очень существенной стороной срослась со всѣмъ предыдущимъ міровоззрѣніемъ московскаго богословія. Она и при перемѣнѣ критерія все же исходила изъ того взгляда, что обрядъ и буква въ церковной практикѣ можетъ имѣть лишь одну истинную форму. Разница была лишь та, что ранѣе истина считалась на сторонѣ русскихъ, теперь она перешла къ грекамъ. „Я русскій и сынъ русскаго, но вѣра и убѣжденія мои греческія" сказалъ патріархъ Никонъ, и въ этихъ словахъ сказывается сущность новаго направленія.

Кружокъ ревнителей благочестія.

Инициатива постановки реформы на болѣе широкую и принципіально новую почву принадлежитъ кружку нѣкоторыхъ московскихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ во главѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, при чемъ духовникъ руководилъ, а царь подчинялся его руководству. Въ этомъ кружкѣ кромѣ царя и Стефана принимали участіе и протопопъ Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Никонъ, а также свѣтскія лица, какъ напримѣръ, боярынъ Ѳ. И. Ртищевъ, его жена Анна, бо-

ринъ Б. И. Морозовъ, и др. Проф. Каптеревъ называетъ этотъ кружокъ „ревнителями благочестія“. Пользуясь близкимъ участіемъ находившагося подъ вліянемъ Стефана Вонифатьевича царя и слабостью патріарха Іосифа, кружокъ пріобрѣлъ исключительное вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ и начатыхъ исправленій. Кружокъ постарался и въ провинціи посадить на видныя мѣста своихъ единомышленниковъ, каковы, напримѣръ, Аввакумъ, протопопъ въ Юрьевѣ Повольскомъ, Даніилъ въ Костромѣ, Логгинъ въ Муромѣ, Лазарь въ Романовѣ-Борисоглѣбскомъ. Провинціальные ревнители благочестія должны были, по замыслу Стефана, быть проводниками въ разныхъ мѣстахъ Россіи новаго реформаціоннаго движенія въ русской церкви.

Не сразу кружокъ ревнителей развернулъ свою программу реформы, а, развернувши, не могъ сохранить своей цѣлости. Насколько можно судить по первымъ шагамъ, кружокъ поставилъ своей ближайшей цѣлью улучшеніе нравственности какъ населенія, такъ и духовенства, и упорядоченіе богослуженія. Съ этой цѣлью обращено было особое вниманіе на возрожденіе церковной проповѣди, вышедшей къ XVII в. изъ употребленія. Въ этомъ отношеніи выдѣлялся Іоаннъ Нероновъ, проповѣди котораго въ Казанскомъ соборѣ привлекали очень много москвичей, въ томъ числѣ часто приходилъ его слушать самъ Алексѣй Михайловичъ. Въ Богоявленскомъ монастырѣ проповѣдывалъ приглашенный назаретскій митрополитъ Гавріилъ. Московское духовенство очень косо смотрѣло на эту затѣю ревнителей, видя въ устной проповѣди чуть ли не ересь. Никольскій попъ Прокофій въ 1651 году говорилъ постоянно: „заводите-де вы, ханжи, ересь новую... людей въ церкви учите, а мы де людей прежде сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ“. По примѣру столицы и провинціальные протопопы стали развивать проповѣдь въ храмахъ, которая, при горячемъ нравѣ многихъ, какъ напримѣръ, Аввакума юрь-

евскаго, носила рѣзкій обличительный характеръ и вызывала даже гоненіе на нихъ со стороны жителей.

Кромѣ развитія проповѣдничества Стефанъ Вонифатьевичъ съ друзьями задумалъ вывести изъ богослуженія многогласіе. Эта реформа била духовенство по карману, такъ какъ при длинныхъ службахъ падала посѣщаемость храмовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и доходы священнослужителей. Поэтому оппозиція духовенства была еще сильнѣе, тѣмъ болѣе, что на ея сторонѣ былъ и патріархъ Іосифъ. Но могущественный кружокъ Стефана пошелъ на борьбу съ патріархомъ. Церковный соборъ 1649 г. во главѣ съ Іосифомъ высказался противъ единогласія, но тѣмъ не менѣе Стефанъ добился отъ царя отказа въ утвержденіи соборнаго приговора, и патріархъ Іосифъ, противъ своей воли, долженъ былъ обратиться за разрѣшеніемъ спора къ константинопольскому патріарху, отъ котораго полученъ былъ отвѣтъ въ пользу единогласія. Кружокъ Стефана торжествовалъ побѣду, церковный соборъ 1651 г. утвердилъ единогласіе, а патріархъ Іосифъ сталъ даже опасаться за свой престолъ въ виду усиленія враждебнаго ему неоффиціальнаго церковнаго правительства. Патріархъ Іосифъ мѣшалъ кружку Стефана развернуть вполнѣ свою программу реформы. Хотя онъ не былъ врагомъ греческой церкви, но тѣмъ не менѣе не рѣшался на крупную ломку утвердившихся отличій отъ греческой церкви. Съ этимъ приходилось считаться. Да и самъ Стефанъ, видимо, считалъ готовившуюся реформу дѣломъ труднымъ и требующимъ предварительнаго воспитанія русской религіозной мысли въ желательномъ направленіи. Онъ началъ съ литературной подготовки реформы и издалъ „Кириллову книгу“ и „Книгу о вѣрѣ“, представлявшихъ апологію православія греческой церкви. Книги очень хорошо расходились и, видимо, достигали своей цѣли. Стефанъ стоялъ въ центрѣ церковныхъ дѣлъ, и всѣ мѣры, клонившіяся къ сближенію съ греками и согласованію

нашего богослуженія и книгъ съ греческими, дѣлались, несомнѣнно, при его ближайшемъ участіи.

Передъ Пасхой 1652 г. неожиданно умеръ патріархъ Іосифъ. Конечно, кружокъ ревнителей употребилъ все вліяніе, чтобы на патріаршемъ престолѣ имѣть своего единомышленника и союзника. Предложенъ былъ санъ патріарха главѣ кружка, Стефану, но послѣдній отклонилъ эту честь, быть можетъ, изъ смиренія и вслѣдствіе усталости, или же зная, что симпатіи царя давно уже направлены въ сторону одного изъ членовъ его кружка, новгородскаго митрополита Никона. Желаніе царя было угадано и остальнымъ московскимъ духовенствомъ, и оно подало Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просило объ избраніи въ патріархи Никона.

Никонъ. Біографія Никона хорошо извѣстна. Сынъ крестьянина, сельскій священникъ, потомъ монахъ и строгій аскетъ, Никонъ сталъ лично извѣстенъ молодому царю и занялъ видный постъ настоятеля Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Здѣсь его личныя связи съ царемъ окрѣпли до положенія „собиннаго“ друга царя. Конечно, царь ввелъ своего друга и въ кружокъ Стефана. До вступленія своего въ этотъ кружокъ Никонъ раздѣлялъ распространенные взгляды на грековъ, неоднократно говорилъ, что греки и малороссы потеряли правую вѣру, что ни благочестія, ни добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ болѣе. Вліяніе же кружка измѣнило его убѣжденія, и Никонъ сталъ грекофиломъ; въ своемъ монастырѣ онъ началъ проводить идеи ревнителей; поднялъ нравственность монашествующей братіи, ввелъ проповѣдь и единогласіе, греческіе напѣвы въ богослуженіи и т. п. Когда за уходомъ на покой новгородскаго митрополита Аѳонія освободилась митрополичья каѳедра въ Новгородѣ, царь, противъ желанія патріарха Іосифа, предоставилъ ее Никону, заручившись посвященіемъ его отъ самого іерусалимскаго патріарха Паисія въ 1649 г. Какъ новгородскій

митрополитъ. Никонъ былъ не только первымъ послѣ патріарха духовнымъ лицомъ, но и довѣреннымъ агентомъ царской власти, имѣя большое вліяніе въ свѣтскихъ дѣлахъ въ Новгородѣ.

Принять патріаршество Никонъ согласился лишь подъ условіемъ полнаго повиновенія ему, какъ главѣ церкви. Царь и народъ поклялись „послушати его во всѣмъ, яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго". 25 іюля 1652 г. Никонъ сталъ патріархомъ всероссійскимъ.

Каковъ же былъ новый патріархъ? Всѣ свѣдѣнія о Никонѣ отмѣчаютъ, какъ выдающіяся черты его характера, властолюбіе, гордость, неуступчивость. Въ то же время это была натура боевая; онъ напроломъ шелъ къ поставленной цѣли, не признавалъ компромиссовъ, не терпѣлъ противорѣчій и препятствій и сокрушалъ ихъ на своемъ пути, не разбирая средствъ. Крутой и властный характеръ Никона создавалъ ему враговъ даже среди друзей, а въ борьбѣ съ врагами Никонъ не зналъ пощады, обрушивался на нихъ съ выдающейся жестокостью. Всякая борьба увлекаетъ, заставляетъ терять чувство мѣры, и Никонъ болѣе чѣмъ виновенъ въ этомъ; однако ему недоставало благородства сознавать свои ошибки. Никонъ не былъ культурнымъ человѣкомъ; ни происхожденіе, ни среда, ни общая нравственная атмосфера Московской Руси, гдѣ, по выраженію Ключевскаго, „властный человѣкъ такъ легко забывалъ, что онъ не единственный человѣкъ на свѣтѣ", не могли воспитать въ немъ сдержанности, уваженія къ человѣческой личности, терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ. Къ этимъ чертамъ его характера надо прибавить вспыльчивость, переходившую порой въ неумѣренные приступы гнѣва, когда святѣйшій патріархъ терялъ всякое чутье справедливости и совершалъ непоправимыя ошибки. Мелочность его дѣлала эту черту характера Никона невыносимой для окружающихъ и зависимыхъ отъ него

людей. Къ тому же онъ былъ неотходчивъ въ гнѣвѣ. Приступы гнѣва смѣнялись мстительностью, которая преслѣдовала его враговъ даже тогда, когда они были побѣждены и неопасны. Какъ сила интеллектуальная, Никонъ далеко не стоялъ выше окружавшаго его общества. Если ему нельзя отказать въ томъ, что называется природнымъ умомъ, то образованіе его заставляетъ желать многаго. Онъ не пріобрѣлъ систематическихъ знаній, не пошелъ дальше простой начитанности, и въ этомъ отношеніи не стоялъ выше ни царя Алексѣя, ни будущаго столпа раскола, протопопа Аввакума. Онъ зналъ хорошо русскую церковную литературу, но не зналъ греческаго языка и не былъ пріобщенъ къ проникавшей на Русь западной и малорусской культурѣ. Къ вѣяніямъ, шедшимъ съ Запада, онъ относился безусловно отрицательно и вооружился даже противъ иконъ „фряжскаго“ письма, усмотрѣвъ въ нихъ ненавистную древнимъ русскимъ ересь, при чемъ безтактно и кощунственно, задѣвая у многихъ религіозное уваженіе къ святынѣ, велѣлъ выскребти изображенія на этихъ иконахъ, а потомъ въ церкви публично разбилъ ихъ. Недостатокъ образованія не давалъ Никону возможности критически отнестись къ возраженіямъ, направленнымъ противъ его реформъ, и въ своихъ преобразованіяхъ онъ былъ такимъ же слѣпымъ фанатикомъ, какъ и его противники. Онъ не могъ оцѣнить съ исторической точки зрѣнія значенія обряда, а также разобраться въ вопросахъ о сравнительной древности русской и греческой богослужебной практики. Для него, какъ и для его противниковъ, обрядъ былъ чѣмъ то такимъ же священнымъ и неизмѣннымъ, какъ самыя основы религіи. Таковъ былъ новый патріархъ.

Взглядъ Никона на соотношеніе духовной и свѣтской власти.

Разсматривая то, что и какъ сдѣлалъ Никонъ въ качествѣ главы церкви, мы убѣждаемся, что та церковная реформа, ради которой онъ былъ выдвинутъ на первое мѣсто, вовсе не была для самого Никона главнымъ его дѣломъ. Его въ большей мѣрѣ занималъ

вопросъ о соотношеніи церковной и свѣтской власти. Мы видѣли, какъ обстояло въ этомъ отношеніи дѣло до Никона, видѣли, что многимъ не нравилась подчиненная роль церкви по отношенію къ государству.

Никонъ открыто поставилъ вопросъ, на патріаршій престолъ онъ принесъ традиціи римскаго папы и заговорилъ языкомъ Иннокентія III. Онъ возсталъ противъ верховенства царя въ церковныхъ дѣлахъ. Позже онъ принялся и за литературное изложеніе своихъ взглядовъ. „Егда глава есть церкви царь?“, спрашиваетъ Никонъ—и отвѣчаетъ: „царь ни есть, ни быти можетъ глава церкви, но яко есть единъ отъ удъ, и сего ради ничтоже можетъ дѣйствовати въ церкви, ниже послѣдняго чтеца чинъ“. Слѣдовательно, въ область управленія церковью царь не долженъ вмѣшиваться, здѣсь безраздѣльно господствуетъ патріархъ, замѣститель Бога на землѣ. „Господь равночестна себѣ архіерея почте“, говоритъ Никонъ, „священства же помазаніе Св. Духомъ непосредственнее“. Если царь вмѣшивается въ дѣла церкви, онъ поступаетъ незаконно. „Государь восхитилъ церковь и достояніе ея все въ свою область беззаконно“, обвинялъ Никонъ позже Алексѣя Михайловича. Власть царя и патріарха сосуществуютъ рядомъ; оба они—„великіе государи“, „премудрая двоица“. „Два меча должны владычествовати, иже есть духовный и мірской“, при чемъ „при архіерействѣ мечь духовный, при царѣ же мечь мірской уставися“. „Царь здѣшнимъ ввѣренъ есть, а азъ небеснымъ; царь тѣлесѣмъ ввѣряемъ есть, іерей же душамъ“. Разграничивъ сферы власти царя и патріарха, отдавъ первому власть надъ тѣлами, а себѣ взявъ власть надъ душами людей, Никонъ идетъ далѣе и уже требуетъ прямого подчиненія себѣ царя: „Царь имать быти менѣе архіерея, и ему въ повиновеніи“. Онъ сравниваетъ свѣтскую власть съ луной, а патріаршую съ солнцемъ: „Солнце намъ показа власть архіерейскую, мѣсяцъ же показа власть царскую—яко

же емлетъ себѣ свѣтъ отъ солнца и егда далѣе отъ него отступаетъ, тѣмъ совершеннѣйши свѣтъ имать, такожде и царь: поемлетъ посвященіе, помазаніе и вѣнчаніе отъ архіерея". „Священство болѣе есть царства: священство отъ Бога есть, отъ священства же царства помазаніе". „Сего же ради и царіе помазаются отъ священническую руку, а не священники отъ царствія руки". Такимъ образомъ вопросъ о соотношеніи между властью духовной и свѣтской рѣшается Никономъ вполнѣ опредѣленно, вразрѣзъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла до него.

Съ точки зрѣнія своего теократическаго идеала Никонъ оцѣнивалъ всѣ распоряженія свѣтской власти. При составленіи Уложенія Никонъ, тогда еще архимандритъ, въ числѣ другихъ скрѣпилъ его своей подписью, но, ставъ патріархомъ, онъ сдѣлался заклятымъ врагомъ его постановленій о церковныхъ имуществахъ и судахъ. Князю Одоевскому, редактору Уложенія, досталось особенно сильно. „Новые бѣсовскіе законы", заявляетъ Никонъ, написалъ Одоевскій; „яко новый Лютеръ", „совѣтомъ антихриста, учителя своего". Онъ отрицаетъ всякое право за представителями свѣтской власти законодательствовать въ церковныхъ вопросахъ: „Ты нѣси архіерей, ни іерей, почто на церковь неистовствуешь, судомъ властью прелюбы твориши? Что убо себе твориши пастыря, овца сущи? Что бываеши глава, нога сый? Слѣпъ сый, почто руководствовать нудишися?" и т. д.

Учрежденіе Монастырскаго приказа особенно раздражало Никона. Еще передъ его учрежденіемъ онъ просилъ государя—„Молимъ твое благородіе отъ насъ, богомольцовъ, не послушати клеветы отъ лихихъ человѣкъ и не прикасатися намъ, помазанникомъ Божіимъ, судомъ и управой черезъ каноны"—Позже онъ убѣждалъ духовенство не идти въ судъ, когда позовутъ и открыто „поплевать и проклясть велѣнія ихъ и законы". Съ такою рѣзкостью высказывалса Никонъ

уже послѣ своего низложенія, но и до и во время патріаршества не скрывалъ своихъ убѣжденій.

Надо сказать, что Никонъ въ своемъ стремленіи поставить церковную власть независимо и выше свѣтской не былъ одинокъ, онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи за собой сочувствіе всего духовенства. По словамъ подъячаго Ѳедора Трофимова многіе „архіереи на царскую державу возгордились и его царскій чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ“, хотятъ показать свою „высость“. Царь Алексѣй былъ очень смущенъ притязаніями Никона и, видимо, зналъ о сочувствіи теоріи „священство выше царства“ многихъ архіереевъ, а потому рѣшилъ противопоставить этой теоріи испытанный уже авторитетъ восточныхъ патріарховъ. Онъ послалъ имъ грамоту, въ которой спрашивалъ,—что есть царь? и подобаетъ ли патріарху подчиняться царю? Патріархи отвѣчали: Царь—намѣстникъ Бога, и патріархъ долженъ ему подчиняться. Тѣмъ не менѣе на соборѣ 1667 г. крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Илларіонъ подняли вновь вопросъ о соотношеніи царской и патріаршей власти. Ихъ поддержали всѣ русскіе архіереи, бывшіе на соборѣ. Они доказывали превосходство духовной власти надъ свѣтскою. Греческіе патріархи Паисій и Макарій, бывшіе на соборѣ, а въ особенности газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ защищали интересы свѣтской власти. Споры между русскими и греческими іерархами продолжались нѣсколько дней, и русскіе архіереи побѣдили, но не вполнѣ. Соборнымъ приговоромъ власть царская и власть патріарха были признаны равными и независимыми одна отъ другой; царь независимъ въ гражданскихъ дѣлахъ, патріархъ—въ церковныхъ.

Вопросъ о взаимоотношеніи свѣтской и церковной власти послѣ Никона.

Алексѣй Михайловичъ зналъ, кого онъ беретъ въ патріархи. Несомнѣнно, своего взгляда на духовную и свѣтскую власть Никонъ не скрывалъ отъ царя. Но молодой Алексѣй Михайловичъ и не думалъ вначалѣ

Никонъ—великій государь.

оспаривать у Никона его безконтрольной власти въ церкви и охотно подчинялся руководительству патріарха въ свѣтскихъ дѣлахъ. Въ первые годы патріаршества Никона царь и патріархъ были скрѣплены такой дружбой, что царь и не старался оградить свою власть отъ поползновеній патріарха, а, наоборотъ, отводилъ ему такую роль, какую игралъ патріархъ Филаретъ при его отцѣ. Никонъ усвоилъ себѣ и титулъ Филарета, сталъ называться „великимъ государемъ“, что произошло постепенно, приблизительно черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ, и притомъ безъ всякаго формальнаго акта. Никонъ титуловался, подобно царю,—„Божіей милостью великій господинъ и государь, архіепископъ царствующаго града Москвы и всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи и всеа сѣверныя страны и поморіа и многихъ государствъ патріархъ“. Одно время Никонъ былъ даже формальнымъ правителемъ, регентомъ государства. Это было, когда Алексѣй Михайловичъ уѣзжалъ на войну съ Польшей. Грамоты этого времени прямо говорятъ о двоевластіи. И въ присутствіи царя безъ Никона ничто крупное не рѣшалось въ государствѣ; такъ, напримѣръ, на присоединеніе Малороссіи Алексѣй Михайловичъ рѣшился только благодаря настояніямъ Никона. Павелъ Алеппскій утверждалъ, что Никона бояре гораздо больше боятся, чѣмъ самого царя. Никонъ даже носилъ иногда митры съ короной.

Нечего и говорить, что патріаршество достигло при Никонѣ своего полнаго блеска. Какъ правитель церкви, Никонъ былъ самодержцемъ. Его права были гораздо шире, чѣмъ то предоставлялось ему канонами и несудимой грамотой 1625 г. Свою жизнь, выходы, богослуженія онъ обставлялъ чисто царской помпой. Не стѣсняясь запрещеніемъ Уложенія, Никонъ увеличилъ владѣнія патріаршей каѳедры, выпрашивая земли у царя и покупая на свое имя. Лично Никону принадлежали три построенныхъ имъ монастыря (Воскресен-

скій, Иверскій и Крестный), къ которымъ приписаны были два подворья въ Москвѣ, 14 монастырей, 50 приходскихъ земель и громадныя земли, населенныя крестьянами. Владѣнія патріаршей каѳедры при Никонѣ увеличились съ 10 тысячъ дворовъ до 25 тысячъ.

Этотъ всесильный патріархъ никѣмъ не былъ любимъ, а духовенство, непосредственно ему подчиненное, боялось его и прямо ненавидѣло. Занятый высшей политикой, Никонъ очень небрежно относился къ текущимъ дѣламъ церковнаго управленія, все предоставивъ своимъ дьякамъ. Съ духовенствомъ онъ былъ гордъ, недоступенъ и жестокъ; архіереевъ и бояръ третировалъ, заставлялъ ожидать пріема иногда на дворѣ; по выраженію вятскаго епископа Александра „за рабы святительскій чинъ вмѣни". По словамъ анонимной челобитной 1658 г. онъ „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко". Много жалобъ слышалось и на жестокость скораго на крутую расправу патріарха. „Кто ты?,—писалъ самому патріарху Нероновъ,—звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь, или волкъ?". А дьяконъ Ѳедоръ писалъ государю о Никонѣ: „никто не смѣлъ съ нимъ слова молвить,—яко левъ восхищая и рыкая,... инымъ ноги ломаетъ дубиною, а инымъ кнутомъ кожу сдираетъ".

Обрядовыя реформы Никона и исправленіе церковныхъ книгъ.

Свою реформаторскую дѣятельность въ церковно-богослужебной области, т. е. ту главную задачу, для которой царь и Стефанъ съ друзьями предназначали Никона, онъ началъ въ 1653 году указомъ о поясныхъ поклонахъ вмѣсто земныхъ и о троеперстіи вмѣсто двуперстія. Первое же его распоряженіе вызвало протестъ и раскололо самый кружокъ ревнителей благочестія. Оказалось, что далеко не всѣ члены кружка спаяны общей идеей — согласованіемъ русскаго церковнаго обряда и русскихъ церковныхъ книгъ съ греческими. Стараго взгляда на грековъ держались Аввакумъ, Логгинъ, Даніилъ. Другіе члены кружка были озадачены быстрымъ приступомъ Никона къ дѣлу безъ совѣта съ

ними. Они, вѣдь, не хотѣли выпускать изъ рукъ руководства реформой. Особенно былъ задѣтъ Нероновъ, который протестовалъ противъ нововведенія Никона не столько по существу дѣла, сколько изъ возмущенія произволомъ патріарха. На протестующихъ посыпались кары: Нероновъ былъ сосланъ въ Спасокаменный монастырь и лишенъ скуфьи; Даніилъ и Логгинъ были разстрижены, и первый былъ сосланъ въ Астрахань, а другой заключенъ въ тюрьму. Аввакумъ былъ сосланъ въ Сибирь, сначала въ Тобольскъ, потомъ на Лену. Крутая расправа Никона озадачила даже царя Алексѣя Михайловича, но послѣдній не мѣшалъ патріарху. Между тѣмъ Никонъ рѣшилъ опереться на авторитетъ собора. Соборъ былъ созванъ въ 1654 г., и составъ его былъ подобранъ изъ послушнаго духовенства, и безъ того терроризованнаго патріархомъ. Вопросъ объ обрядахъ былъ поставленъ въ общей формѣ: слѣдовать ли въ богослуженіи русскимъ печатнымъ книгамъ, въ которыхъ заключены „неправые и нововводные чины церковные“ или же исправить ихъ согласно съ древними славянскими и греческими рукописями. На соборѣ присутствовалъ самъ царь, который подавалъ первымъ голосъ. Неудивительно, что возраженій не было. Возражалъ только коломенскій епископъ Павелъ и—потерялъ каѳедру. Остальные члены собора подали свой голосъ вслѣдъ за царемъ за исправленіе книгъ по рукописямъ.

Никонъ такимъ образомъ продолжалъ начатую до него работу, но въ болѣе широкомъ масштабѣ: предпринималось *общее* исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ и притомъ обязательно *по древнимъ рукописямъ*. Никонъ былъ увѣренъ, что въ этихъ рукописяхъ онъ не найдетъ тѣхъ обрядовъ, которыми русское богослуженіе отличалось отъ современнаго ему греческаго: ни двуперстія, ни сугубой аллилуія, ни „истиннаго“ въ Символѣ и т. д., всего того, что Никонъ заранѣе призналъ „*неправыми* и *нововводными* чинами“.

Но Никонъ не дождался, пока соберутъ рукописи и по нимъ исправятъ книги и возстановятъ въ древнемъ видѣ обряды. Онъ продолжалъ дѣйствовать. Сейчасъ послѣ собора 1654 г. онъ обратился съ грамотой къ константинопольскому патріарху Паисію съ 27 вопросами, большею частью мелкаго казуистическаго характера, включивъ туда и вопросъ о троеперстіи. Отвѣтъ отъ Паисія, который поручилъ разсмотрѣть грамоту своему собору, получился черезъ годъ и оказался уклончивымъ. Это та самая грамота Паисія, въ которой онъ высказываетъ взглядъ греческой церкви на обрядъ, какъ на несущественную часть религіи, могущую имѣть и имѣвшую разныя формы. Похваливъ желаніе Никона во всемъ согласоваться съ греческой церковью, Паисій прислалъ ему для ознакомленія книгу „Православное исповѣданіе вѣры каѳолической и апостольской церкви восточной“. Что касается отвѣта на вопросъ о троеперстіи, то Паисій уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта, ограничившись лишь объясненіемъ того смысла, который греки вкладываютъ въ троеперстіе. Никонъ понялъ въ желательномъ ему смыслѣ отвѣтъ Паисія, такъ какъ не могъ возвыситься до греческаго пониманія обряда. Паисій же не зналъ обстановки, въ которой проводилась реформа и той остроты, съ которой ставился вопросъ объ обрядахъ. Греческій богословъ и русскій книжникъ не могли понять другъ друга.

Но до полученія отвѣта отъ Паисія Никонъ пріобрѣлъ себѣ совѣтника въ лицѣ пріѣхавшаго въ 1655 году антіохійскаго патріарха Макарія. Для Никона онъ явился живымъ справочникомъ того, что и какъ дѣлается у грековъ. Патріархъ Макарій пріѣхалъ въ Москву за сборомъ пожертвованій и старался заслужить расположеніе Никона. Замѣтивъ реформаторскій пылъ московскаго патріарха и царя и хорошо учтя выгоды своего положенія, какъ знатока, въ глазахъ послѣднихъ, греческихъ уставовъ, Макарій услужливо представилъ свою богословскую ученость для

оправданія дѣйствій московскихъ властей съ беззастѣнчивой безпринципностью изворотливаго грека.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, по желанію Никона, въ Успенскомъ соборѣ Макарій торжественно передъ народомъ одобрилъ вызвавшее протесты распоряженіе Никона о троеперстіи, заявивъ, что всюду на Востокѣ крестятся тремя перстами.

Въ мартѣ того же 1655 года Никонъ собралъ соборъ, на которомъ присутствовалъ Макарій и еще одинъ патріархъ—сербскій Гавріилъ. На этомъ соборѣ были, по указанію Макарія, сдѣланы мелкія исправленія русскаго богослуженія и обряда (обязательное совершеніе литургіи на антиминсѣ, исправленіе чина проскомидіи, исправленіе нѣкоторыхъ ошибокъ въ чтеніи символа вѣры и т. д.), а также еще разъ утверждено троеперстіе. Сдѣланъ былъ переводъ греческаго служебника патріарха Макарія; переводъ былъ прочитанъ собору и одобренъ имъ. Въ 1656 году переводъ этотъ былъ напечатанъ и разосланъ для употребленія по церквамъ. Есть много основаній думать, что и соборъ 1655 г., какъ и соборъ 1654 г., не былъ свободнымъ выраженіемъ голоса духовенства, боявшагося идти противъ всесильнаго патріарха. Черезъ годъ, въ 1656 году Макарій въ Чудовомъ монастырѣ заявилъ народу, что двуперстіе — армянская ересь, а черезъ нѣсколько дней въ Успенскомъ соборѣ, въ недѣлю православія—день возглашенія анаѳемы—антіохійскій патріархъ Макарій, сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій предали анаѳемѣ всѣхъ крестящихся двумя перстами. Но греки въ глазахъ многихъ русскихъ были сами чуть ли не еретики, и потому ихъ анаѳема не произвела желательнаго впечатлѣнія; въ Москвѣ возникли снова споры о перстосложеніи; раздались голоса объ уклоненіи въ ересь самого Никона. Тогда патріархъ обратился къ указаннымъ тремъ іерархамъ и къ прибывшему молдавскому митрополиту Гедеону съ просьбой письменно подтвердить,

какое перстосложеніе правильно. Макарій, Гавріилъ, Григорій и Гедеонъ формально письменно, за собственноручной подписью, удостовѣрили, что отъ апостоловъ, святыхъ отцовъ церкви и семи вселенскихъ соборовъ завѣщано троеперстіе; кто же иначе крестится, тотъ еретикъ и подражатель армянамъ. Сознательно ли, желая поддержать далеко зашедшаго въ борьбѣ за троеперстіе Никона, или же безсознательно, по невѣжеству своему, греческіе архіереи допустили подлогъ: мы знаемъ, что троеперстіе возникло недавно, съ XIII вѣка, а не съ апостольскихъ временъ, что двуперстіе не армянская ересь и даже вовсе не ересь.

26 апрѣля 1656 г. Никонъ собираетъ третій церковный соборъ. Какъ и первые два, этотъ соборъ не пошелъ противъ Никона и своимъ опредѣленіемъ узаконилъ троеперстіе, объявивъ двуперстіе несторіанской ересью. На соборѣ была одобрена и вскорѣ напечатана „Скрижаль“, обширное толкованіе богослуженія, куда внесены были отвѣтная грамота Паисія, письменное подтвержденіе правильности троеперстія четырехъ греческихъ іерарховъ, рѣчь Никона собору 1656 года съ указаніемъ всѣхъ доводовъ, преимущественно ссылокъ на авторитетныя свидѣтельства грековъ, и соборное опредѣленіе 1656 г. Вопросъ о троеперстіи можно было считать покончеппымъ.

Другіе обряды и частности богослуженія также были исправлены по греческому образцу по указанію Макарія: чинъ обновленія храма, чинъ елеосвященія въ Великій Четвергъ и др. Никонъ сталъ носить греческій бѣлый клобукъ и измѣнилъ форму архіерейскихъ клобуковъ. Согласованіе обрядовъ и богослуженія съ греческими Никона занимало болѣе, чѣмъ исправленіе церковныхъ книгъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ Никонъ не могъ принимать активнаго участія по незнанію имъ греческаго языка. Дѣломъ исправленія руководилъ Епифаній Славинецкій со своимъ помощникомъ, грекомъ Арсеніемъ. Врагамъ

исправленія книгъ этотъ Арсеній особенно внушалъ подозрѣнія. Воспитанникъ іезуитской коллегіи въ Римѣ, перешедшій потомъ на родинѣ въ магометанство, а позже при дворѣ польскаго короля сдѣлавшійся уніатомъ, Арсеній, прибывъ въ Москву, выдавалъ себя за православнаго и предназначался для роли учителя въ проэктировавшейся греческой школѣ въ Москвѣ. Однако, прошлое его было раскрыто, и онъ, какъ человѣкъ опасный. склонный къ ереси, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Оттуда его вызвалъ Никонъ и приставилъ, какъ образованнаго человѣка, къ дѣлу исправленія книгъ.

Исправленіе книгъ, согласно постановленію собора 1654 г., должно было быть произведено съ древнихъ рукописей. Послѣднихъ было собрано около 500. Но тутъ явились очень большія затрудненія: греческіе списки, какъ и древніе славянскіе, были разныхъ мѣстностей и эпохъ и разныхъ редакцій и потому разнились между собою. Среди такого разнообразія нельзя было выбрать основной текстъ, и справщики очутились въ затрудненіи. Кончили дѣло тѣмъ, что за основной приняли текстъ греческихъ печатныхъ книгъ, который былъ, по крайней мѣрѣ, одинаковъ, и только нѣкоторыя мѣста въ нихъ, по своему усмотрѣнію, исправляли по какой-либо рукописи. Служебникъ Никона, напримѣръ, былъ перепечатанъ съ печатнаго греческаго „Евхологія“ венеціанскаго изданія. Подлинникъ его и теперь хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Но произвольное исправленіе отдѣльныхъ мѣстъ греческихъ печатныхъ книгъ по тѣмъ или другимъ рукописямъ повело къ тому, что не было однообразія и въ новоисправленныхъ русскихъ книгахъ. Такъ тотъ же никоновскій служебникъ выходилъ шестью изданіями, и текстъ каждаго изданія отличался отъ текста предшествующихъ. Никонъ былъ увѣренъ, что книги исправляются по древнимъ рукописямъ. Но враги его дѣла ревностно слѣдили за „порчей“ книгъ и знали, какъ

обстоитъ дѣло. Исправленіе книгъ по печатнымъ греческимъ изданіямъ было, дѣйствительно, быть можетъ, и неизбѣжное, но рискованное дѣло. Во-первыхъ, это было нарушеніемъ постановленія собора 1654 г.; во-вторыхъ, справщикамъ, конечно, былъ извѣстенъ взглядъ русскихъ на греческія книги, печатавшіяся за границей, какъ на еретическія—„покидныя“, „хромыя“. Неудивительно, что на такое исправленіе книгъ обрушились противники никоновскихъ реформъ: дьяконъ Ѳедоръ, Никита Пустосвятъ, вятскій епископъ Александръ и др. Дьяконъ Ѳедоръ не столько обвиняетъ Никона, сколько грека Арсенія. Послѣдній научилъ Никона, и тотъ „на многія тысящи серебра“ купилъ за границей „тѣ прокаженныя латиногреческія книги“.

Общій характеръ церковной реформы Никона.

Реформа Никона представляетъ собою высшій моментъ развитія грекофильства, какъ государственно-церковной политики. Но она носитъ на себѣ и отпечатокъ личности своего автора. Ея прямолинейность и лихорадочность проведенія, самоувѣренное нежеланіе Никона считаться съ возраженіями, слѣпое подчиненіе пріѣзжимъ и часто недобросовѣстнымъ грекамъ, недостатокъ чуткости къ религіозному сознанію народныхъ массъ—все это сдѣлало реформу Никона весьма непопулярной въ народѣ. Къ тому же Никонъ отстранилъ отъ дѣла тѣхъ, кто его выдвинулъ и могъ поддержать.

Къ концу патріаршества Никонъ охладѣлъ къ своей реформѣ, позволилъ Неронову служить по старымъ служебникамъ, заявивъ: „обои де добры“, а послѣ удаленія съ патріаршаго престола печаталъ въ своихъ типографіяхъ старыя книги.

Паденіе Никона.

Алексѣй Михайловичъ сочувствовалъ и поддерживалъ Никона во второй части его программы. Но онъ никакъ не могъ согласиться со стремленіемъ Никона поставить власть патріарха независимо и выше царской. Если онъ и предоставлялъ Никону титулъ „великаго государя“, то только лично Никону, а не какъ

постоянную принадлежность патріаршаго сана, разсматривая эту почесть, какъ милость, какъ знакъ особеннаго расположенія къ „собинному другу“. Никону этого было мало. Съ годами Алексѣй Михайловичъ началъ освобождаться отъ опеки патріарха, и притязанія послѣдняго стали его раздражать, хотя личныя симпатіи къ Никону все еще не исчезали у царя. Тѣмъ временемъ враги Никона (царица Марья Ильинишна, бояре князь Одоевскій, Долгорукій, Трубецкой, Салтыковъ, Милославскій, Стрѣшневъ и др.) не дремали и усилили свои атаки, когда замѣтили, что въ прежнемъ единеніи царя съ Никономъ происходитъ разладъ. По своей пассивной натурѣ Алексѣй Михайловичъ избѣгалъ прямой и рѣшительной постановки вопроса и старался просто избѣгать Никона. Послѣдній же, замѣтивъ охлажденіе царя, не умѣя быть тактичнымъ и осторожнымъ, поставилъ вопросъ ребромъ. Случай помогъ тому. Гордость патріарха давно страдала отгого, что царь пересталъ его звать на парадные пріемы и другія торжества при дворѣ; не позванъ былъ патріархъ во дворецъ и на пріемъ грузинскаго царевича Теймураза лѣтомъ 1658 года, и къ тому же во время пріѣзда этого царевича одинъ изъ патріаршихъ чиновниковъ, князь Мещерскій, былъ оскорбленъ царскимъ окольничимъ Хитрово. Патріархъ увидѣлъ въ этомъ демонстративное оскорбленіе себя лично, потерялъ всякое чувство мѣры въ своей обидѣ и немедленно письмомъ требовалъ отъ царя наказанія обидчика и возстановленія поруганной чести патріаршаго сана. Царь во время обѣда долженъ былъ переписываться съ возмущеннымъ патріархомъ и успокаивалъ его обѣщаніемъ разобрать дѣло. Это было 6 іюля. 8-го іюля царь не былъ, какъ всегда раньше, на богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ, не пришелъ туда и 10-го, когда служилъ самъ патріархъ, чего опять таки раньше не было, такъ какъ царь не пропускалъ патріаршихъ службъ. Бояринъ Ромодановскій, явившись въ соборъ

предупредить Никона, что царь не будетъ на богослуженіи, передалъ Никону, что царь на него гнѣвается за то, что тотъ именуетъ себя великимъ государемъ, и на будущее время запрещаетъ ему такъ титуловать себя. Убѣдившись, что шансы его при дворѣ окончательно падаютъ, и не будучи въ состояніи сдержать своего раздраженія и тактичнымъ образомъ дѣйствій укрѣпить свое пошатнувшееся вліяніе въ государственныхъ дѣлахъ, Никонъ рѣшился на рискованный шагъ. „Все или ничего"—можно такъ охарактеризовать этотъ шагъ. Не соразмѣривъ своихъ силъ и возможныхъ послѣдствій своего поступка, Никонъ въ концѣ богослуженія того же 10-го іюля торжественно обратился съ рѣчью къ присутствующему народу, въ которой заявилъ, что онъ недостоенъ быть патріархомъ, „окоростовѣлъ отъ лѣни", а потому отказывается отъ патріаршества, и отреченіе свое подтвердилъ клятвой, разоблачился, надѣлъ простую монашескую рясу, взялъ посохъ и собирался уходить изъ собора. Народъ, пораженный необычностью и трагичностью происходившаго, заперъ двери и не пускалъ патріарха, а крутицкій митрополитъ Питиримъ бросился во дворецъ съ донесеніемъ царю. Встревоженный Алексѣй Михайловичъ прислалъ къ Никону князя Трубецкого съ увѣщаніемъ не бросать патріаршества. Но не этого эффекта ожидалъ Никонъ. Онъ надѣялся, что самъ царь поспѣшитъ въ соборъ и будетъ, какъ когда то при вступленіи Никона на патріаршій престолъ, упрашивать его не покидать каѳедры. Тогда то онъ, Никонъ, напомнитъ царю о нарушенной клятвѣ, упрекнетъ его за обиды, которыя перетерпѣлъ отъ царя; послѣдній не выдержитъ этого объясненія—и снова примиреніе, падающая звѣзда Никона опять засіяетъ былымъ свѣтомъ. Несомнѣнно, подобныя мысли должны были быть въ головѣ Никона, когда онъ рѣшился на свою отчаянную ставку. Карта его была бита—и Никонъ въ отвѣтъ царю пишетъ тутъ же въ соборѣ письмо, въ

которомъ изливаетъ тѣ упреки и жалобы за нарушеніе данной клятвы, что хотѣлъ лично бросить въ глаза царю. Алексѣй Михайловичъ черезъ того же Трубецкого еще разъ на словахъ передаетъ Никону, чтобы тотъ не отказывался отъ патріаршества. Однако послѣдній уѣхалъ изъ собора въ подворье Воскресенскаго монастыря, а потомъ въ самый монастырь. Въ Воскресенскомъ монастырѣ сношенія царя и патріарха продолжались. Нѣсколько разъ туда ѣздили царскіе посланцы (кн. Трубецкой, кн. Долгорукій и др.) для переговоровъ, при чемъ царь неизмѣнно сохранялъ по отношенію къ Никону деликатность, чего нельзя сказать о патріархѣ. Переговоры уже не касались возвращенія Никона. Царь, очевидно, былъ доволенъ, если не обстановкой, то самимъ фактомъ ухода своего опаснаго соперника. Но уходъ его совершился такъ неожиданно, что вызвалъ необходимость разрѣшенія, и притомъ при участіи самого Никона, цѣлаго ряда неотложныхъ вопросовъ: остается ли Никонъ патріархомъ по своему сану, отказавшись отъ патріаршества. какъ должности; кто будетъ управлять патріаршей каѳедрой; какъ подѣлить доходы патріаршей каѳедры между Никономъ и самой каѳедрой и т. п. Никонъ, забывъ свою данную сгоряча клятву, вскорѣ сталъ усиленно твердить и въ переговорахъ съ царемъ, и въ письменныхъ сношеніяхъ съ боярами и другими лицами, что отъ патріаршаго сана онь не отрекался, и что поэтому новаго патріарха безъ его благословенія выбрать нельзя; пока онъ согласился на замѣщеніе его въ дѣлахъ управленія крутицкимъ митрополитомъ Питиримомъ (впрочемъ, въ 1662 году онъ этого Питирима предалъ анаѳемѣ). Мало того, онъ продолжалъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Кромѣ того Никонъ изъ своего заточенія слѣдитъ за политическими дѣлами и здѣсь не удерживается отъ вмѣшательства: порицаетъ политику правительства въ Малороссіи, гдѣ какъ разъ возсталъ Выговскій. Москов-

ское правительство вынуждено было даже запретить мірскимъ людямъ ѣздить въ Воскресенскій монастырь, чтобы ихъ не смущалъ Никонъ.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ Никонъ уходитъ весь въ хозяйственныя заботы и тщательно увеличиваетъ свои доходы; затѣваетъ тяжбы съ сосѣдями и иногда просто занимается сутяжничествомъ; вообще, обреченный на непривычное бездѣйствіе, тратитъ избытокъ энергіи на мелочи и въ мелочныхъ дрязгахъ изливаетъ свои обиду и раздраженіе. Былъ онъ разъ и въ Москвѣ, видался съ царемъ и царицей, но и тутъ не утерпѣлъ: сталъ на площади устраивать обѣды странникамъ и умывать имъ ноги, разсказывая, кстати, что въ войнѣ съ Польшей „святая кровь изъ за пустяковъ проливается“, за что былъ высланъ изъ столицы.

Скоро выяснилась трагедія Никона. Онъ сталъ раскаиваться въ своемъ необдуманномъ поступкѣ и жалѣть, что покинулъ патріаршество. Не переставая упрекать царя, что тотъ обидѣлъ церковь, нарушилъ клятву; жалуясь на его гнѣвъ и преслѣдованія, подчеркивая, что царь не далъ ему управы на окольничаго Хитрово, Никонъ въ другихъ письмахъ унижается передъ царемъ, жалуется на бѣдность своихъ монастырей, проситъ матеріальной помощи, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о прежнихъ временахъ дружбы съ царемъ, о роскошныхъ царскихъ обѣдахъ, гдѣ ему было первое мѣсто, и гдѣ теперь сидятъ другіе. Это было время соборовъ, на которыхъ шелъ судъ надъ Никономъ. По всему было видно, что Никонъ хочетъ вернуться на престолъ, но гордость мѣшаетъ ему открыто сознаться въ этомъ, и онъ тормозитъ выборъ новаго патріарха. Когда же до Никона дошли слухи объ ожидающемся пріѣздѣ восточныхъ патріарховъ для суда надъ нимъ, онъ рѣшился на послѣднюю безумную попытку. Найдя среди московскихъ бояръ сторонника себѣ въ лицѣ Зюзина, Никонъ пишетъ послѣднему, что было ему видѣніе: явился митрополитъ

Петръ и звалъ его снова на патріаршество. Въ отвѣтъ на это Зюзинъ писалъ ему, чтобы онъ пріѣзжалъ въ Москву, что царь его ждетъ, только неловко ему самому звать Никона. Повѣрилъ ли этому Никонъ, или же самъ Зюзинъ былъ орудіемъ въ его рукахъ, но только ночью 18 декабря 1664 года въ Москву неожиданно явился Никонъ съ воскресенскими монахами и прямо направился въ Кремль, во время утрени явился въ Успенскій соборъ и сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ. Духовенство встрѣтило его какъ патріарха, и самъ мѣстоблюститель патріаршаго престола, ростовскій митрополитъ Іона, принялъ отъ него благословеніе. Никонъ велѣлъ доложить царю о своемъ возвращеніи на престолъ. Но было уже поздно. За шесть лѣтъ своего отсутствія Никонъ обострилъ свои отношенія къ царю и высшей іерархіи, которую онъ отказывался признавать, до такой степени, что о его возвращеніи нельзя было и думать. Подъ утро во дворецъ были экстренно вызваны на совѣтъ къ государю архіереи и бояре. Никонъ написалъ изъ собора письмо, заявивъ въ немъ, что онъ пріѣхалъ, такъ какъ ему было видѣніе: всѣ митрополиты и патріархи встали изъ гробовъ и подписали грамоту о его возвращеніи на патріаршество. Совѣщаніе не обратило никакого вниманія на его объясненіе, и Никону велѣно было уѣзжать въ свой Воскресенскій монастырь; по дорогѣ отобрали у него посохъ митрополита Петра, который онъ было увезъ съ собой. Для Никона стало ясно, что дѣло его окончательно проиграно, и патріархомъ ему уже не быть никогда. Участіе Зюзина въ возвращеніи Никона было раскрыто, и онъ поплатился ссылкой въ Казань. Принявшій отъ Никона благословеніе митрополитъ Іона лишенъ былъ мѣстоблюстительства патріаршаго престола, и его мѣсто занялъ крутицкій митрополитъ Павелъ. Потерявъ окончательно надежду на возвращеніе патріаршества, Никонъ представилъ въ январѣ 1665 года условія, на которыхъ онъ соглашался от-

речься отъ престола и благословить новаго патріарха: онъ сохраняетъ за собой званіе патріарха, полную свободу, право участія на соборахъ, на которыхъ ему должно быть предоставлено первое мѣсто послѣ правящаго патріарха; на правахъ собственности удерживаетъ три монастыря—Воскресенскій, Иверскій и Крестный—и купленныя на его средства имѣнія, пользуется постояннымъ доходомъ изъ патріаршей казны; забираетъ свои патріаршія облаченія и т. п.; въ своихъ земляхъ и монастыряхъ является полновластнымъ архіереемъ, хозяиномъ и судьей и не подчиняется правящему патріарху. Условія эти были отвергнуты духовнымъ соборомъ, и онъ, оставивъ Никону санъ патріарха, постановилъ подчинить его правящему патріарху и сократить его богатства.

Руководство церковной политикой послѣ Никона взялъ на себя самъ царь Алексѣй, дѣйствовавшій, однако, не самостоятельно, а опираясь на помѣстные соборы съ участіемъ русскихъ и греческихъ архіереевъ и, наконецъ, вселенскихъ патріарховъ. Всего за это время было созвано три собора: въ 1660 г., 1666 г. и 1666—1667 годахъ.

Первый соборъ былъ посвященъ исключительно дѣлу Никона и озабоченъ былъ рѣшеніемъ этого вопроса согласно съ церковными канонами. Существо дѣла—лишеніе Никона оставленнаго имъ престола и выборъ новаго патріарха на его мѣсто—было предрѣшено; надо было только подыскать этому законныя формы. Приглашенные на соборъ греческіе архіереи, Паѳеній, Кириллъ и Нектарій, указали, что согласно постановленію 1 и 2 вселенскихъ соборовъ Никонъ не только можетъ, но и долженъ быть лишенъ не только патріаршества, но и священства, такъ какъ „который архіерей отречется престола своего и стада своего, да обнажится абіе и священства своего". На основаніи такого заявленія, соборъ и постановилъ: „Чуждо быти Никону патріаршескаго престола и чести, вкупѣ и свя-

щенства, и ни чимъ не обладати". Рѣшеніе собора передано было на разсмотрѣніе боярской думы и утвержденіе царя. Однако, Алексѣй Михайловичъ, боясь сдѣлать ошибку въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, былъ остановленъ мнѣніемъ Епифанія Славинецкаго, который указалъ, что приведеннаго греческими архіереями постановленія вселенскихъ соборовъ вовсе нѣтъ ни въ греческихъ, ни въ славянскихъ книгахъ. Въ виду этого и подобныхъ возраженій, царь побоялся утвердить соборный приговоръ. Въ это время у царя появился новый совѣтникъ и авторитетъ въ церковныхъ вопросахъ — лишенный іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ сана газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, ловкій и беззастѣнчивый авантюристъ, разыгрывавшій роль знатока богословскихъ и церковныхъ вопросовъ. Его то вліянію подчинился слабохарактерный Алексѣй Михайловичъ и почиталъ его, по словамъ Никона, какъ „пророка Божія". На судъ этого самозваннаго митрополита царь и передалъ постановленіе собора 1660 года. Паисій незадолго передъ этимъ написалъ цѣлый обвинительный актъ противъ Никона въ своемъ сочиненіи; „Отвѣты на вопросы боярина Стрѣшнева" *); теперь Паисій вполнѣ одобрилъ рѣшеніе собора.

Пріѣздъ восточныхъ патріарховъ въ Москву.

Но Алексѣй Михайловичъ добивался еще высшаго авторитета и рѣшилъ перенести дѣло Никона на судъ восточныхъ патріарховъ. Въ 1662 г. на Востокъ былъ посланъ іеродіаконъ Мелетій къ восточнымъ патріархамъ съ пригласительными грамотами прибыть въ Москву для разсмотрѣнія дѣла Никона. Самъ Никонъ, узнавъ объ этомъ, въ письмѣ къ царю согласился на судъ патріарховъ. Но заполучить въ Москву патріарховъ оказалось не такъ то легко. На Востокѣ цѣнили Никона и не брались въ этомъ дѣлѣ угодить московскому правительству; къ тому же патріархи въ это время такъ боялись турокъ, что не хотѣли поѣздкой въ Москву

*) На это сочиненіе Никонъ въ отвѣтъ написалъ свои „Возраженія".

навлекать на себя подозрѣній въ какихъ-либо связяхъ съ московскимъ правительствомъ. Дѣло затянулось на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, въ 1666 году пріѣхали въ Москву антіохійскій патріархъ Макарій, когда то совѣтникъ Никона по вопросамъ церковной реформы, и александрійскій патріархъ Паисій. Іерусалимскій и константинопольскій патріархи отказались пріѣхать, и константинопольскій патріархъ Парѳеній даже собралъ соборъ, на которомъ поѣхавшіе въ Москву патріархи были низложены со своихъ престоловъ *).

Въ началѣ ноября патріархи прибыли въ Москву, гдѣ ихъ торжественно встрѣтили. 7 ноября открылось предварительное засѣданіе знаменитаго собора 1666—1667 гг. Патріархамъ переданы были для ознакомленія всѣ матеріалы, касавшіеся дѣла Никона, на что имъ было дано двадцать дней. Переводчикомъ къ нимъ былъ приставленъ Паисій Лигаридъ, который не ограничился своей ролью, а инспирировалъ патріарховъ въ желательномъ для московскаго правительства духѣ.

Судъ надъ Никономъ.

28 ноября состоялось первое засѣданіе собора, на которомъ царь изложилъ свои обвиненія противъ Никона: самовольное оставленіе патріаршей каѳедры. Рѣшено было пригласить Никона. Послѣдній гордо отвѣтилъ, что онъ имѣетъ поставленіе отъ константинопольскаго патріарха, что пріѣхавшіе патріархи не настоящіе, не живутъ въ своихъ патріархіяхъ, но, впрочемъ, онъ явится, когда захочетъ. Въ отвѣтъ на это 30 ноября состоялось заочное осужденіе Никона всѣмъ соборомъ. Никонъ между тѣмъ явился въ Москву въ ночь на 1 декабря и былъ помѣщенъ въ Кремлѣ подъ строгимъ карауломъ. 1 декабря состоялось засѣданіе

*) Московское правительство узнало объ этомъ уже послѣ того какъ патріархи въ Москвѣ кончили то дѣло, для котораго были приглашены. Но разъ они не настоящіе патріархи, всѣ хлопоты и усилія московскаго правительства оказывались напрасными, и оно попадало въ смѣшное положеніе. Поэтому Алексѣй Михайловичъ сталъ усиленно хлопотать о возвращеніи Паисію и Макарію ихъ каѳедръ, и добился этого.

собора, и Никонъ былъ позванъ на засѣданіе. Онъ поѣхалъ на соборъ, какъ патріархъ, съ преднесеніемъ креста. По дорогѣ онъ хотѣлъ зайти въ Успенскій и Благовѣщенскій соборы, но двери храма передъ нимъ поспѣшно были закрыты. Когда Никонъ вошелъ въ залъ засѣданія, то несмотря на принятое рѣшеніе не вставать при его появленіи, Алексѣй Михайловичъ, а за нимъ всѣ присутствующіе поднялись со своихъ мѣстъ. Никону предложили сѣсть направо отъ царскаго мѣста на простую скамью. Но тотъ отказался, заявивши: „мѣста, гдѣ сидѣть, я не вижу, съ собою не принесъ“ и остался стоять въ продолженіе всего засѣданія. Царь тоже всталъ со своего мѣста и, подойдя къ столу, за которымъ сидѣли патріархи, сталъ обвинять Никона въ самовольномъ оставленіи патріаршества, отчего въ церкви „многія смуты и мятежи учинились, и соборная апостольская церковь вдовствуетъ безъ пастыря тому нынѣ девятый годъ“. Никонъ разсказалъ объ оскорбленіи патріаршаго человѣка окольничимъ Хитрово, объ отказѣ царя дать удовлетвореніе Никону, о гнѣвѣ на него царя, о присылкѣ князя Ромодановскаго съ запрещеніемъ именоваться великимъ государемъ. Царь объяснилъ, что гнѣва противъ Никона онъ не питалъ, что посылалъ просить Никона оставаться патріархомъ. На вопросъ патріарховъ, почему онъ клятвенно отрекся отъ патріаршества, Никонъ отвѣтилъ, что это на него выдумали, онъ отъ сана не отказывался. Вторымъ главнымъ обвиненіемъ противъ Никона было его письмо къ константинопольскому патріарху Діонисію, перехваченное московской полиціей, въ которомъ Никонъ обвинялъ государя въ захватѣ власти въ церкви, въ пользованіи церковными имуществами; бранилъ Уложеніе; говорилъ, что благодаря значенію въ русской церкви еретика Паисія Лигарида она отпала отъ православія; жаловался на свое тяжелое положеніе, притѣсненія и обиды: бояринъ Стрѣшневъ, напр., назвалъ свою собаку Никономъ и научилъ ее

благословлять передними лапами по-патріаршески и т. д. Никону въ этой грамотѣ ставилась въ обвиненіе хула на церковь, „безчестье“ государя и т. п. Противъ нѣкоторыхъ обвиненій Никонъ молчалъ, противъ другихъ оправдывался; нѣкоторыя же принималъ и доказывалъ свою правоту, особенно по дѣлу Паисія Лигарида. Неоднократно возникали оживленныя пререканія между царемъ и Никономъ, не разъ вмѣшивались и присутствующіе бояре и духовенство, нападая на Никона. Послѣдній держался надменно и иронически принималъ ихъ обвиненія.

Второе засѣданіе состоялось 3 декабря въ отсутствіи Никона. Вопросъ шелъ все о тѣхъ же главныхъ пунктахъ обвиненія. Патріархи склонились на сторону обвинителей Никона; боярин Хитрово удостоился благословенія антіохійскаго Макарія, который, кстати, вспомнилъ нѣкоторые факты изъ времени своего перваго пріѣзда въ Москву, которыми онъ былъ недоволенъ. 5 декабря на засѣданіе Никонъ явился особенно раздраженнымъ и въ воинственномъ настроеніи, говорилъ рѣзко, перебивалъ патріарховъ, обвинялъ ихъ въ искаженіи церковныхъ правилъ. Наконецъ, прямо заявилъ: „греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики“, и что патріархи судить его не въ правѣ.

Тогда же Никону объявили его четыре вины: 1) самовольное оставленіе каѳедры, 2) оскорбленіе церкви, государя, собора и всѣхъ православныхъ христіанъ, 3) оскорбленіе восточныхъ патріарховъ, 4) самовольное сверженіе съ каѳедры и изгнаніе епископа коломенскаго Павла. Никонъ приговоренъ былъ къ лишенію сана патріарха и священства.

12 декабря былъ составленъ приговоръ въ окончательной формѣ и совершенъ обрядъ низложенія Никона. Обрядъ совершенъ былъ въ патріаршей церкви. Царь не присутствовалъ. Прочитано было соборное постановленіе о низложеніи Никона, сначала по гречески, потомъ по русски. Никонъ былъ въ патріаршемъ обла-

ченіи. Съ него сняли клобукъ и панагію—„Жемчугъ то между собою раздѣлите,—обратился онъ къ патріархамъ,—будетъ вамъ по нѣскольку золотниковъ, бродяги, турецкіе невольники. Шатаетесь всюду за милостыней, чтобъ было чѣмъ заплатить дань султану". Такъ когда то всесильный Никонъ превратился въ простого инока. Боялись выраженія сочувствія павшему патріарху со стороны народа, и потому Никона подъ охраной стрѣльцовъ, въ то время какъ его ожидали у Спасскихъ воротъ, быстро провезли черезъ Арбатскія и отправили въ заточеніе въ далекій Ѳерапонтовъ монастырь.

Никонъ въ заточеніи.

Такъ печально для представителя духовной власти кончилась борьба со свѣтской властью. Царь побѣдилъ патріарха. Никонъ самъ себѣ иначе объяснялъ свое паденіе: „Никонъ! отчего все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, то не случилось бы съ тобою этого". Изъ Москвы Никона увезли 13 декабря. Царь прислалъ ему на дорогу шубу и деньги и просилъ благословенія себѣ и своему семейству. Никонъ отказался отъ даровъ и не далъ благословенія. 21 декабря Никонъ прибылъ въ Ѳерапонтовъ монастырь. Наблюдателемъ къ нему приставленъ былъ іеромонахъ Іосифъ изъ Новоспасскаго монастыря. Ему поручено было слѣдить, чтобы Никонъ ни съ кѣмъ не переписывался, но чтобы ему не было и никакихъ оскорбленій. Алексѣю Михайловичу было жаль Никона, хотя онъ все же не переставалъ его бояться. Онъ посылалъ Никону подарки, но тотъ гордо отказывался и въ первый разъ принялъ посланное ему вино и пилъ за здоровье царя на Пасху 1667 г. Но благословенія царю все же не хотѣлъ дать. „Я тебя трикраты проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ". „Возврати изъ заточенія, тогда прощу". Письма его къ царю наполнены жалобами, изложеніемъ своихъ мелочныхъ дрязгъ съ властями монастыря, со стражей. Никонъ рвался изъ заточенія, была даже, кажется, сдѣлана попытка

бѣжать. Когда разразился бунтъ Разина, положеніе Никона ухудшилось; имя его было популярно среди донскихъ бунтовщиковъ; быть можетъ, и самъ Никонъ надѣялся на нихъ; по крайней мѣрѣ, приставленный къ нему Іосифъ обвинялъ его въ сношеніяхъ съ казаками. Никонъ былъ заключенъ въ кельѣ подъ строгой охраной. Онъ палъ духомъ и послалъ царю лѣтомъ 1671 года благословеніе и прощеніе. На Рождество того же года онъ снова обратился къ царю съ просьбой о возвращеніи и послалъ свое благословеніе. Царь возобновилъ сношенія съ Никономъ, положеніе его улучшилось, онъ получилъ нѣкоторую свободу, могъ выходить изъ монастыря, занимался хозяйствомъ, лѣчилъ больныхъ, составлялъ библіотеку; его въ монастырѣ стали даже поминать, какъ патріарха, на богослуженіи. Но все же желаемаго возвращенія онъ не получилъ. Въ 1676 г. умеръ Алексѣй Михайловичъ. Въ своей духовной онъ писалъ: „отъ отца моего духовнаго, великаго господина святѣйшаго Никона іерарха прощенія прошу и разрѣшенія“—Никонъ отвѣчалъ: „Богъ его проститъ, поминать буду“, но письменнаго разрѣшенія не далъ. „Будемъ ждать суда Божія“, повторялъ онъ.

При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ положеніе Никона сначала ухудшилось, его даже перевели въ болѣе тяжелыя условія въ Кирилловъ монастырь. Это объясняется паденіемъ благоволившихъ къ Никону Матвѣева и Нарышкиныхъ и возвышеніемъ его враговъ, Милославскихъ и Хитрово. Подъ конецъ царствованія Ѳедора, по ходатайству тетки царя Татьяны Михайловны, 76-лѣтняго Никона въ 1681 г. перевели въ родной ему Воскресенскій монастырь. Но Никонъ уже умиралъ. Съ радостью принялъ онъ извѣстіе о своемъ освобожденіи и торопилъ съ отъѣздомъ. Но его довезли только до Ярославля, по дорогѣ онъ скончался. 26 августа 1681 г. тѣло Никона предано было землѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ новгородскимъ митрополитомъ

Смерть Никона.

Корниліемъ въ присутствіи царской фамиліи, по чину погребенія патріарховъ.

Алексѣй Михайловичъ передъ смертью выражалъ желаніе, чтобы Никонъ былъ возстановленъ въ патріаршемъ достоинствѣ, и Ѳедоръ Алексѣевичъ потомъ добился отъ восточныхъ патріарховъ снятія съ Никона осужденія и возстановленія его въ санѣ патріарха.

III.

Церковная реформа послѣ Никона.

Мы видѣли, какъ московское правительство покончило съ дѣломъ патріарха Никона и какъ ликвидированъ былъ поднятый имъ вопросъ о соотношеніи духовной и свѣтской власти. Но царю Алексѣю Михайловичу, который послѣ Никона сталъ лично во главѣ церковнаго управленія, пришлось доканчивать начатую церковную реформу. Противъ никоновскихъ исправленій громко слышались протестующіе голоса. Надо было рѣшить, правильна ли реформа, и въ какомъ направленіи ее продолжать. Для Алексѣя Михайловича вопросъ представлялся яснымъ: надо дѣйствовать въ прежнемъ направленіи согласованія русскаго обряда и книгъ съ греческими. Помимо политическихъ побужденій, особенно со времени присоединенія Малороссіи, гдѣ были греческіе обряды и книги, нельзя было отступать отъ принятаго направленія, не скомпрометтировавъ себя и своего правительства, дѣятельно поддерживавшихъ Никона въ его церковно-реформаторской дѣятельности. Какъ и въ дѣлѣ Никона, царь рѣшилъ опереться на соборъ. 21 декабря 1662 г. было издано повелѣніе о созывѣ церковнаго собора. Но съ самымъ созывомъ царь медлилъ. Онъ зналъ, что реформы Никона не пользуются популярностью въ духовенствѣ. Примѣры коломенскаго епископа Павла и вятскаго епископа Александра показывали, что даже въ высшей іерархіи есть противники реформы. Онъ понималъ, какое давленіе производилось

на соборы при Никонѣ. Поэтому Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ предварительно навести справки и подготовить желательный составъ собора. Эта предварительная работа—выяснить взгляды духовенства на реформу—поручена была крутицкому митрополиту Павлу и рязанскому архіепископу Иларіону. Освобождающіяся каѳедры царь замѣщалъ людьми, раздѣлявшими его образъ мыслей. Впрочемъ, Алексѣй Михайловичъ напрасно боялся. Русскіе архіереи привыкли къ повиновенію. „Великій государь то изволилъ, а мы бы и рады по старымъ книгамъ пѣти и служити Богу, говорили русскіе епископы, да его, царя, не смѣемъ прогнѣвати, и сего ради угождаемъ ему, а за то уже Богъ судитъ—не мы завели новое".

Для предварительнаго обсужденія вопросовъ, которые должны были быть подняты на соборѣ, образована была особая предварительная комиссія изъ митрополита ростовскаго Іоны, архіепископа рязанскаго Иларіона, бояръ Н. И. Одоевскаго и П. М. Салтыкова и другихъ лицъ. Эта комиссія рѣшила, не дожидаясь собора, предложить всѣмъ русскимъ архіереямъ и настоятелямъ монастырей, будущимъ членамъ собора, три вопроса: православны ли восточные патріархи, православны ли греческія печатныя книги и рукописи, законенъ ли соборъ 1654 года? Указанныя лица должны были дать на эти вопросы письменные отвѣты. Вопросы были поставлены очень удачно. Не признать православія восточныхъ патріарховъ было невозможно, такъ какъ уже съ конца XVI в. они являлись въ глазахъ всей правящей Москвы безусловно православными и авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры. Но какъ же тогда православные патріархи допускаютъ у себя неправославныя книги? Отсюда вытекалъ утвердительный отвѣтъ на второй вопросъ. Но разъ православны не только греческія рукописи, но и печатныя книги,—значитъ, отпадаетъ главное возраженія противъ никоновскаго исправленія книгъ. Не признать законности собора

1654 г., обыкновеннаго русскаго церковнаго собора, не было никакихъ основаній. А вѣдь этотъ соборъ одобрилъ предстоящую реформу. Утвердительный отвѣтъ на поставленные вопросы влекъ за собой признаніе реформы Никона правильной. Въ этомъ духѣ запрошенные архіереи и архимандриты и прислали свои письменные отвѣты, и тѣмъ соборное рѣшеніе было заранѣе извѣстно. Самый соборъ былъ открытъ 29-го апрѣля 1666 г.

Еще до собора въ Москву изъ Сибири возвращенъ былъ протопопъ Аввакумъ; привезены были сюда изъ ссылки и тюремъ и другіе противники реформы. Соборъ не требовалъ отъ нихъ отказа отъ употребленія старыхъ книгъ и обрядовъ, самаго даже постановленія о неправильности ихъ не было сдѣлано соборомъ. Отъ защитниковъ старины требовалось лишь примиреніе съ церковью, прекращеніе нападокъ на нее, обвиненій въ ереси и неправославіи, и подчиненіе церковной власти. Большинство выказало покорность и подчинилось требованіямъ собора. Вятскій епископъ Александръ покорился и письменно отрекся отъ своихъ „заблужденій“. Примирились съ церковью и другіе: архимандритъ Спасскаго Муромскаго монастыря Анатолій, игуменъ Златоустовскаго монастыря Θеоктистъ, игуменъ Сергій Салтыковъ, монахи Ефремъ Потемкинъ, Сергій, Серапіонъ, Григорій (Іоаннъ Нероновъ), попъ Никита и др. Нераскаянными остались протопопъ Аввакумъ, попъ Лазарь, дьяконъ Θедоръ и инокъ Епифаній. Напрасны были всѣ увѣщанія ихъ; въ тюрьму къ Аввакуму приходили убѣждать подчиниться церковной власти крутицкій митрополитъ Павелъ, рязанскій архіепископъ Илларіонъ, а также бояринъ Матвѣевъ и Симеонъ Полоцкій. „Съ кобелями тѣми грызся, яко гончая собака съ борзыми—съ Павломъ и Иларіономъ“, вспоминаетъ самъ Аввакумъ объ этихъ увѣщаніяхъ. Ничего съ нимъ не могъ подѣлать и соборъ. Упорствующихъ въ своемъ нежеланіи подчиниться

церкви предали анаѳемѣ. Протопопъ Аввакумъ былъ сосланъ въ Пустозерскъ, дьякону Ѳедору, Лазарю и Епифанію были отрѣзаны языки, а сами они были также сосланы въ Пустозерскъ.

Соборъ 1666 г. сдѣлалъ рядъ постановленій по второстепеннымъ вопросомъ церковной жизни и обратился къ духовенству съ посланіемъ, въ которомъ требуетъ держаться единогласія, рекомендуетъ новыя книги и новый обрядъ—троеперстіе, троеніе аллилуія, и т. п. Воззваніе требуетъ отъ духовенства достойной жизни, поученія мірянъ и заботъ о ихъ религіозности.

Это была программа Стефана Вонифатьевича, лишенная той непримиримости, проклятій за ея неисполненіе, однимъ словомъ, той страстности и фанатизма, которыя привнесъ съ собою Никонъ.

Соборъ 1666—1667 г.

Казалось, соборъ 29 апрѣля 1666 г. покончилъ съ церковной реформой. Но вопросъ о ней былъ еще разъ поднятъ на соборѣ 1667 г., съ участіемъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго. Этому собору было какъ бы отдано на пересмотръ и утвержденіе постановленіе собора 29 апрѣля 1666 г.

Въ своихъ сужденіяхъ о старообрядцахъ соборъ руководствовался сочиненіями Паисія Лигарида, Симеона Полоцкаго—„Жезлъ правленія“, быть можетъ—Епифанія Славинецкаго. Но главнымъ источникомъ было сочиненіе архимандрита Иверскаго монастыря грека Діонисія. Послѣдній въ своемъ сочиненіи называетъ прямо русскіе старые обряды еретическими. Ихъ внушилъ русскимъ самъ діаволъ, при участіи котораго испорчены и русскія книги, послѣ того, какъ русская церковь перестала принимать посвященіе іерарховъ отъ константинопольскаго патріарха и „отъ грековъ отлучишася“. Въ приговорѣ собора еще разъ и окончательно были утверждены исправленныя при Никонѣ и послѣ него церковныя книги, единогласіе, никейскій символъ вѣры безъ „истиннаго“, троеніе аллилуія, троеперстіе, четвероконечный крестъ на просфо-

рахъ, именословное благословеніе и др. Относительно несогласныхъ съ такимъ соборнымъ опредѣленіемъ было постановлено—„аще ли будетъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святого Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника". Вмѣстѣ съ этимъ соборъ 1667 г. отмѣнилъ то проклятіе, которое наложено было Стоглавомъ на противниковъ двуперстія, сугубой аллилуія и т. п., „еже писано неразсудно, простотою и невѣжествомъ". Далѣе, соборъ осудилъ всѣ тѣ сочиненія, на которыхъ основывали свои мнѣнія старообрядцы и рекомендовалъ свѣтской власти преслѣдовать сторонниковъ старой вѣры.

Постановленіемъ собора 1667 г., на которомъ хозяевами были греки, окончательно уничтожена была возможность соглашенія между господствующей церковью, принявшей реформу Никона, и защитниками старины. Проф. Каптеревъ обвиняетъ восточныхъ патріарховъ въ сознательномъ обостреніи вопроса. Они, открывъ въ русской церкви опасную ересь, тѣмъ самымъ хотѣли оттѣнить православіе грековъ и возвысить ихъ авторитетъ, въ особенности въ глазахъ правящихъ круговъ. Своими постановленіями они внесли расколъ въ русскую церковь, раздули пламя недовольства въ цѣлый пожаръ и испортили налаживавшіяся было благодаря тактичному образу дѣйствій русскаго собора 1666 г. отношенія къ старообрядцамъ. Соборъ 1667 г. и греческихъ патріарховъ проф. Каптеревъ считаетъ главными виновниками того, что религіозные раздоры, вызванные реформой Никона, кончились расколомъ.

Основы раскола.

Русскій расколъ, игравшій такую видную роль въ послѣдующей жизни русскаго народа, конечно, имѣлъ и свою соціально-политическую физіономію, на что въ свое время указывалъ Щаповъ, но все же при

своемъ возникновеніи онъ вышелъ несомнѣнно изъ религіозныхъ началъ. Это есть протестъ противъ уклоненія оффиціальной церкви въ ересь. Главный принципъ раскола—защита старины. Если мы представимъ себѣ ту точку зрѣнія, что каждая буква въ книгѣ, каждый штрихъ въ обрядѣ имѣютъ характеръ неизмѣняемости и святости, если мы вспомнимъ тотъ культурный багажъ, который московская литература оставила XVII вѣку—если мы представимъ себѣ московскаго книжника, гордаго своей принадлежностью къ народу, сохранившему правую вѣру и презирающаго и басурманина съ Запада и хитраго грека съ его „хромыми“ книгами, то мы найдемъ исходный пунктъ раскола. Какъ же онъ долженъ реагировать на церковную реформу, которая измѣняетъ завѣтныя буквы и обряды по указанію еретиковъ? „Намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ умирати за единъ *азъ*, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ Символа тамъ, гдѣ же глаголется о Сынѣ Божіи Іисусѣ Христѣ: „рожденна, а не сотворенна“; велика сила въ семъ азъ сокровенна“, отвѣчаетъ дьяконъ Ѳедоръ. Когда указываютъ на восточныхъ патріарховъ, на церковный соборъ, освящающихъ реформу, защитники старины указываютъ на мощи московскихъ святыхъ, которые спаслись по старымъ книгамъ, крестились двумя перстами и двоили аллилуія. Тотъ же дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „Аще бы вѣра наша прежняя единая въ чемъ неправа была, или въ ней ереси были, то бы святымъ русскимъ чудотворцемъ откровенно было прежде, съ ними же самъ Богъ бесѣдовалъ и посѣщалъ ихъ явно, и пречистая Богородица, и Апостоли Христови, и велѣли бы исправить“. Если Никонъ правъ, значитъ, до него на Руси не было православія, была ересь; но тогда вѣдь Русь неминуемо погибла бы, какъ погибли Римъ и Византія, а между тѣмъ, пишетъ государю Никита Пустосвятъ, „Богъ своей милостью въ твоей государевой отчинѣ, въ великѣй Россіи угодни-

ковъ своихъ прославилъ, и многоцѣлебными ихъ мощами и чудотворными раками всю землю твою, аки небеса многими пресвѣтлыми звѣздами, украсилъ". Когда говорили, что русскія книги испорчены, что Никонъ возстановляетъ по древнимъ рукописямъ ихъ былую чистоту, то дьяконъ Ѳедоръ спрашиваетъ (по вопросу о прибавленіи „истиннаго" въ Символѣ): Вѣдь у насъ не было еретиковъ, которые бы искажали книги, кто же совершилъ это добавленіе? „царь ли, или святитель какой? и въ кое лѣто" и какъ тому прелагатаю церковь премолча о прилогѣ? И аще всѣ люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ въ Москвѣ и приложа нѣкто *истиннаго* и утече негдѣ". Они исходили изъ убѣжденія, что на Руси вѣра правая со временъ апостола Андрея и, значитъ, книги и обряды правильны. Отсюда выходитъ, что еретики не защитники старины, а Никонъ и господствующая церковь.

По адресу Никона его противники не скупятся на самыя рѣзкія выраженія и даже брань. Онъ, по словамъ дьякона Ѳедора, „пагубный сосудъ сатанинъ; адовъ песъ, злѣйши и лютѣйши паче всѣхъ еретикъ". Протопопъ Аввакумъ отзывается о Никонѣ такъ: „Носатый и брюхатый, борзой кобель, отступникъ и еретикъ. Сынъ онъ дьяволь, отцу своему сатанѣ работаетъ". Поддерживавшій Никона царь—жертва этого „сокровеннаго волка", „змія плотнаго". „Како тя прельстилъ лукавый врагъ и льстецъ Никонъ, мучитель, а не учитель твой. Яко змія Еву прельсти лукавствомъ своимъ и изъ рая изгна, тако и онъ тя прельсти и отъ лика благочестивыхъ царей отлучи"—обращается къ Алексѣю Михайловичу инокъ Авраамій. Понятно, что церковь, принявшая реформу Никона, перестала быть церковью; это—„разбойничій вертепъ" для Аввакума. Съ презрѣніемъ онъ относится ко всѣмъ „никоніанамъ": „Охъ, собаки! что вамъ старина то помѣшала? развѣ то тяжко, что блудить не велятъ старыя

святыя книги". Разъ и патріархъ, и царь уклонились въ ересь и губятъ церковь, значитъ, наступили времена антихриста, и скоро предстоитъ кончина міра. Раскольники даже вычисляли годъ конца міра на основаніи толкованія Апокалипсиса и пріурочивали его то къ 1670, то къ 1671 и 1674 гг.; инокъ Авраамій отодвинулъ его къ 1691 г. и т. п. Одно время увѣренность въ близкой кончинѣ міра была очень велика передъ концомъ міра долженъ явиться антихристъ, и часть раскольниковъ готова была видѣть его то въ лицѣ Никона (монахъ Ефремъ Потемкинъ, попъ Лазарь), то въ лицѣ самого Алексѣя Михайловича (инокъ Корнилій, дьяконъ Ѳедоръ). Аввакумъ считалъ Никона лишь предтечей антихриста, а царя помѣщалъ въ свитѣ его.

Вожди и центры раскола.

Отцами раскола надо считать четырехъ лицъ, осужденныхъ за противленіе церкви соборомъ 1666 г.— протопопа Юрьевца-Повольскаго Аввакума, попа Романо-Борисоглѣбскаго Лазаря, соловецкаго монаха Епифанія и діакона московскаго Благовѣщенскаго собора Ѳеодора. Всѣ они были сосланы въ Пустозерскъ и здѣсь вели свою пропаганду. Въ Москвѣ мы видимъ инока Авраамія, казненнаго въ 1671 г., попа Стефана, попа Исидора и др. Очень видную роль играла въ Москвѣ боярыня Морозова и старица Меланія. Преслѣдованія правительства, вплоть до казней, заставляли раскольниковъ двигаться на окраины, гдѣ ихъ труднѣе было достать. Въ Сѣверномъ Поморьѣ центромъ раскола сталъ Соловецкій монастырь, иноки котораго разносили свое ученіе по всему краю. Изъ такихъ проповѣдниковъ особенно извѣстенъ діаконъ Игнатій. Очень извѣстенъ былъ въ Поморьѣ монахъ Корнилій.

Кромѣ Поморья центромъ раскола стали лѣса Новгородскаго и Псковскаго края, гдѣ также не было недостатка въ бродячихъ апостолахъ старой вѣры (особенно монахъ Варлаамъ и попъ Илья). На южной окраинѣ расколъ гнѣздился въ Стародубьѣ. Первыми

раскольничьими слободами были здѣсь Демьяновка и Понуровка. Вождями раскола тутъ были попъ Козьма, попъ Стефанъ и попъ Іоасафъ и др. Изъ Стародубья расколъ проникъ на Донъ, гдѣ его „отцомъ“ былъ монахъ Іовъ, основавшій два монастыря на берегу р. Чира—„Свѣтлая Россія потемнѣла, а мрачный Донъ возсіялъ и преподобными отцами наполнился“. Кромѣ Іова и его учениковъ, въ донскомъ районѣ извѣстенъ Козьма Ларіоновъ Косой на р. Медвѣдицѣ, гдѣ жило до двухъ тысячъ раскольниковъ. Въ поволжскомъ краю центромъ раскола была р. Керженецъ, притокъ Волги, покрытый раскольничьими скитами, изъ которыхъ особенной извѣстностью пользовался скитъ старца Онуфрія. Кромѣ Керженца, раскольники ютились въ Вязникахъ и въ Пошехоньѣ (въ романовскомъ уѣздѣ). Наконецъ, далекая Сибирь, а въ ней особенно Тобольская область, укрывала раскольниковъ-переселенцевъ.

Итоги. Никоновская реформа и расколъ, ставшіе другъ противъ друга въ XVII в., имѣли свои корни въ старинѣ. Въ ихъ столкновеніи слышатся еще споры іосифлянъ, консервативно-національстической партіи, съ партіей Нила Сорскаго и заволжскихъ старцевъ. Традиція іосифлянъ перенесена въ сохранности черезъ рядъ вѣковъ, и ее принялъ расколъ. Критическіе элементы, заложенные у Вассіана, Нила и ихъ послѣдователей развиты въ программѣ грекофильской партіи и Никона.

Въ XV в. побѣдили іосифляне, черезъ полтора вѣка настало торжество для ихъ противниковъ.

Н. Кореневскій.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Николая Яковлевича Оглоблина,

Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра, Кіевской Духовной Академіи, Государственной типографіи и Управленія Московской Синодальной типографіи.

КІЕВЪ, КРЕЩАТИКЪ, 33.

Сверхъ многихъ другихъ, находятся въ продажѣ слѣдующія книги, изданныя Н. Я. ОГЛОБЛИНЫМЪ и пріобрѣтенныя въ большомъ количествѣ:

Андріяшевъ А. Руководство къ разумному пчеловодству съ приложен. календаря и таблицы пчеловодства съ 228 рисунками. Изд. 7-е. К. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Аландскій П. И. Исторія Греціи. 2-е изд. К. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Александровскій Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I. Изд. 8-е. К. 1912. Ц. 1 руб. Тоже. Вып. II. К. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Богатыревъ А. Повторительный курсъ международнаго права, составл. по Мартенсу, Эйхельману, Листу и Казанскому. К. 1911. Ц. 1 р.

Букрѣевъ Б. Я. Курсъ приложенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія къ геометріи. Элементы теоріи поверхностей. К. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Бунге Н. А., проф. Курсъ химической технологіи. Вода, Топливо и отопленіе Освѣщеніе. Изд. 2-е, испр. и допол. съ 175 политипажами. К. 1906. Ц. 3 р.

Вайнштейнъ Е. В. Дѣйствующее законодательство о евреяхъ, по поводу законовъ съ разъясн. К. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрецкій Н., проф. Основанія зоологіи. Вып. I. Общая часть зоологіи и отдѣлы простѣйшихъ зоофитовъ, иглокожихъ и червей. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. К. 1890. Ц. 2 р. 50 к. Вып. 2-й Членистоногія и моллюски, моллюскообразныя и оболочники. К. 1888. Ц. 2 р. 20 к Вып. 3. Позвоночныя. К. 1891, стр. 512. Ц. 2 р. 75 к.

— Учебникъ зоологіи для студентовъ университета и высшихъ учебныхъ заведеній. Съ 546 политипажами. К. 1910. Изд. 3-е исправленное Ц. 4 р.

Ващенко-Захарченко М., орд. проф. Начала Эвклида съ поясннтельнымъ введеніемъ и толкованіемъ, съ 601 политип. въ текстѣ. К. 1880. Ц. 6 р.

— Исторія математики. Историческій очеркъ развитія геометріи. Т. I. К. 1883. Ц. 6 р.

Ващенко-Захарченко М., орд. проф. Лекціи разностнаго исчисленія. К. 1868. Ц. 2 р.

— Аналитическая геометрія двухъ и трехъ измѣреній. К. 1877. Ц. 6 р.

— Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса. К. 1884. Ц. 3 р.

— Алгебраическій анализъ или высшая алгебра. К. 1887. Ц. 4 р. 50 к.

— Высшая алгебра. Теорія пос ановленія и прилож. ея къ алгебраическимъ уравненіямъ. К. 1890. Ц. 4 р.

— Символическое исчисленіе и приложіе его къ интегрированію линейныхъ дифференціальныхъ уравненій. К. 1862. Ц. 1 р.

— Проэктивная геометрія. Съ чертежами въ текстѣ. К. 1897. Ц. 3 р.

Владимірскій-Будановъ М. Исторія Императорскаго университета Св. Владиміра. С. I. К. 1884. Ц. 4 р.

— Хрестоматія по истор. русск. права. Вып. I. Изд. 6-е. К. 1908. Ц. 1 р. 25 к. Вып. II. Изд. 4-е. 1901. Ц. 1 р. 25 к. Вып. III. Изд. 4-е. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

— Обзоръ исторіи русск. права. Изд. 6-е съ допол. К. 1908. Ц. 4 р.

Гавринъ П. Г. Основныя задачи податного и оцѣночнаго дѣла. Руковод. для податныхъ инспекторовъ, земскихъ и городскихъ управъ по разнымъ вопросамъ податного оцѣночнаго дѣла. К. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

Гиляровъ А., проф. Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччіо, Аріосто, Сервантесъ, Байронъ. Критич. очерки. К. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

— Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. Опытъ историко-философской критики. I. Методологія и свидѣтельства о философахъ. К. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

Голубевъ С. Кіевскій митропол. Петръ Могила и его сподвижники (Опытъ историческ. изслѣд.). Т. II. К. 1898, стр. 1053. Ц. 6 р.

Голубятниковъ П. Справочникъ по санитарной техникѣ. К. 1910. Ц. 5 р.

Граве Д. А. Теорія группъ. К. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

— Значеніе математики въ естествознаніи. К. 1908. Ц. 20 к.

— Элементарный курсъ теоріи чиселъ. К. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

— Введеніе въ анализъ. К. 1909. Ц. 1 р.

— Элементы теоріи эллиптическихъ функцій. К. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

— Курсъ алгебрическаго анализа. К. 1910 Ц. 3 р. 25 к.

— Ариѳметическая теорія алгебрическихъ величинъ. Т. I. Квадратичная область. К. 1910. Ц. 3 р.

— Математика страхового дѣла. Курсъ Кіевскаго коммерческаго института. 1912. Ц. 60 коп.

— Основы аналитической геометріи. Ч. II. Геометрія въ пространствѣ печатается.

— Объ алгебрическихъ единицахъ. Ц. 20 коп.

— Энциклопедія математики. Очеркъ ея современнаго положенія. 152 чертежа въ текстѣ. К. 1912. Ц. 3 р.

Грушевскій М. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XVI столѣтія. К. 1891. Ц. 2 р. 75 к.

Дементьевъ К. Г. Теплота и заводскія печи. Съ 330 рис. въ текстѣ и 27 чертежами. К. 1911. Курсъ, читанный студентамъ химич. отд. Кіевскаго политехнич. института Императора Александра II.

— Технологія строительныхъ матеріаловъ. К. 1912. Ц. 6 р.

Довнаръ-Запольскій М. В. Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. 1911. Ц. 3 р.

Долгушинъ П. А. Вычисленіе по приближенію. Для гимназій, реальныхъ училищъ, коммерч. и технич. учебныхъ заведеній. К. 1912. Ц. 30 к.

Драгомировъ М. И. Очерки: Разборъ „Войны и мира". Русскій солдатъ. Наполеонъ I. Жана д'Аркъ. К. 1898. Ц. 1 р.

Ермаковъ В. П. Аналитическая геометрія. Курсъ лекцій, читан. въ политехн. инст. Императора Александра II, ч. I. Геометрія на плоскости. Изд. 3-е. 1908. Ц. 1 р. Ч. II. Геометрія въ пространствѣ, изд. 3-е исп. и доп. К. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Житецкій П. Теорія сочиненій съ хрестоматіей. Изд. 7-е. К. 1908. Ц. 1 р.

— Теорія поэзіи. Изд. 6-е К. 1908. Ц. 1 р.

— Очерки изъ исторіи поэзіи. Изд. 5-е. К. 1909. Ц. 1 р.

Учен. Комит. М. Н. П. одобрено, какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

Забѣлинъ П. Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской церкви и по церковно-славянскимъ постановленіямъ русской церкви. 3-е изд. К. 1899. Ц. 3 р.

Звоницкій А. С. О залогѣ по русскому праву. Удостоено золотой медали университета Св. Владиміра. К. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Зиловъ П. А. Курсъ физики. Ч. I. Движенія и силы. Свойства тѣлъ. Теплота. Изд. 6-е. К. 1912. Ц. 2 р.

— Часть II. Звукъ. Свѣтъ. Электричество. Изд. 5-е. К. 1911. Ц. 3 р.

Ивановъ В. Ф., проф. Санитарная техника. Канализація населенныхъ мѣстъ, съ 461 черт. и 60 таблицъ въ текстѣ. К. 1911. Ц. 6 р.

Ивановъ В. Н. Систематическій сборникъ задачъ на тѣла вращенія, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. К. 1911. Ц. 1 р.

Иконниковъ В. С, проф. Графъ Н. С. Мордвиновъ. Истор. монографія, составленная по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ, съ портрет. Мордвинова. Спб. 1873. Ц. 4 р.

Иконниковъ В. С. Опытъ русской исторіографіи, т. II, въ двухъ книгахъ. К. 1908. Ц. 10 р.

Кирпичевъ В. Л. Лишнія неизвѣстныя въ строительной механикѣ Расчетъ статически-неопредѣлимыхъ системъ, съ атласомъ. К. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Козловскій Ѳ. Учебникъ логики, ч. I для преподавателей. К. 1894. Ц. 1 р.

Козьминъ П. А. Мукомольное производство. Практическое и теоретическое руководство для крупчатниковъ, техниковъ и инженеровъ по мукомольному производству и устройству мельницъ. К. 1912. Ц. 8 р.

Кричевскій Л. А. Самоучитель для высшей подготовки на должность бухгалтера-корреспондента (Полный и законченный курсъ коммерческихъ знаній). Необходимое руководство для всякаго рода коммерческихъ предпріятій, для бухгалтеровъ, счетоводовъ и конторщиковъ; для учащихся на бухгалтерскихъ курсахъ, въ коммерческихъ училищахъ и торговыхъ школахъ. Ковна. 1911. Ц. 3 р.

Кэтлэ. Соціальная физика. Т. I. К. 1911. Ц. 2 р.

Лашкаревъ П. А., проф. Церковное право. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. К. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Лоранъ Эм., д-ръ. Уголовная антропологія и новыя теоріи преступности (переводъ со 2-го изданія), подъ редакціей проф. И. А. Сикорскаго. К. 1887. Ц. 1 р.

Лучицкій И. В. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи нак нунѣ революціи и аграрная рефор а 1789—1793 гг. К. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Максимовичъ Н., инженеръ. Днѣпръ и его бассейнъ. Исторія и гидрографія рѣки. Современные матеріалы по гидрологіи Днѣпра и его главнѣйшихъ притоковъ, съ приложеніемъ артъ, графиковъ, плановъ, видовъ важнѣйшихъ мѣстностей и гидротехническихъ сооруженій и поверстныхъ указателей (судоходнымъ дорожникомъ) рѣки. К. 1901. Ц. съ прилож. 6 р.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. I. (XVI ст.) Михаилъ Литвинъ, Б. де-Вижинеръ, Л. Горецкій, Э. Лассота. Переводъ К. Мельника (подъ редакціей В. Антоновича). К. 1890. Ц. 1 р. 30 к.

Мерриманъ М. Элементы санитарной техники (водопроводы и канализація). Съ 40 рис. и 16 табл. въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакц. проф. Д. П. Рузскаго. К. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Парландъ О. Г., Рышковъ П. Н. Поперечные профили и укрѣпленія откосовъ земляного полотна желѣзныхъ дорогъ. Пособ. для студ. инженернаго отдѣленія Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II. К. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

Патонъ Е. О. Желѣзные мосты. Т. I. Фермы балочныхъ мостовъ, матеріалъ и заклепки, 2-е изд. К. 1911. Ц. 7 р.

— Т. II. Опорныя части балонныхъ фермъ и шарниры консольныхъ фермъ. М. 1904. Ц. 3 р. 70 к.

— Т. III. Проѣзжая часть и тротуары. К. 1908. Ц. 8 р.

— Т. IV. Связи между фермами. Изд. 2-е. К. 1900. Ц. 4 р.

— Деревянные мосты. Полный курсъ со включеніемъ деревянныхъ опоръ, составленный вмѣстѣ съ инженерами П. В. Рабцевичемъ и К. К. Симинскимъ съ 1923 фигурами. К. 1910. Ц. 9 р.

Петровъ И. И. Проекціонное черченіе. Курсъ дополнительнаго класса реальн. учил., съ атласомъ чертежей. Изд. 7-е. К. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Одобрено Учен. Комит. М. Н. П. въ качествѣ руководства въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

Побѣдоносцевъ К. П. Курсъ гражданскаго права. Ч. I. Вотчинныя права. Ч. II. Права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя. Ч. III. Договоры и обязательства. Ч. IV. Указатели и приложенія. Спб. 1896. Ц. за всѣ 4 ч. 10 р.

Радченко К. Досифей Обрадовичъ и его литературная дѣятельность. К. 1897. Ц. 2 р.

Родниковъ В. Очерки по исторіи русской педагогіи. Изд. 2-е, испр. и доп. К. 1911. Ц. 70 к.

Свѣтловъ П. Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи. 3-е улучшенное, значит. дополненное и переработанное изданіе. Т. I. К. 1910. Ц. 3 р. 50 к. Т. II. Ц. 3 р. 50 к.

— **Курсъ апологетическаго богословія** для студентовъ университета. Изд. 3-е. К. 1912. Ц. 2 р.

Свѣтловъ П. Я., проф. Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія (Богословско-апологич. изслѣдованіе). Сер. Пос. 1906. Ц. 2 р. 25 к.

— **Крестъ Христовъ.** Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ (Опытъ объясненіе догмата искупленія). Изд. 2-е улучшенное. К. 1907. Ц. 3 р.

— **Что читать** по богословію? Систематическій указатель апологетической литературы на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ (248—1906 гг.). К. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Сементовскій Н. Кіевъ, его святыни, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для путешественниковъ, съ рисунками и планами. Ц. 1 р. 50 к.

Сикорскій И. А. Душа ребенка съ краткимъ описаніемъ души животныхъ и души взрослаго человѣка съ 20 рис. К. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

— Основы теоретической и клинической психіатріи съ краткимъ очеркомъ судебной психіатріи. К. 1910. Ц. 7 р. 50 к.

— Всеобщая психологія съ физіогномикой въ иллюстрир. изложен. К. 1911. Ц. 5 р. 50 к.

— Начатки психологіи. К. 1909. Ц. 1 р. 35 к.

Слуцкій Е. Е. Теорія корреляціи и элементы ученія о кривыхъ распредѣленія (пособіе къ изученію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ методовъ современной статистики). К. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Соколовъ Л. Общая дидактика. К. 1912. Ц. 1 р.

Сусловъ Г. К. Основы аналитической механики. II, съ 18 фигурами въ текстѣ. 1911. Ц. 1 р. 20 к. Т. I, ч. I. Кинематика, т. II съ 18 фигурами въ текстѣ. К. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

— Теорія потенціала и гидродинамика. Т. I. Теорія потенціала. Съ 35 фигурами въ текстѣ. К. 1904. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Гидродинамика. Съ 14 фигурами. К. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Травинъ В. Справочная книжка для межевыхъ инженеровъ, межевыхъ техниковъ, топогр. и студентовъ. Собраніе вспомогательныхъ таблицъ и краткихъ

свѣдѣній по чистой математикѣ, геодезіи и астрономіи. К. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Тихомировъ Н. И. Справочная книжка и руководство по свеклосахарному производству. Съ 174 рис. К. 1893. Ц. 3 р.

Удинцевъ В., проф. Русское торгово-промышленное право. К. 1907. Ц. 3 р.

— Исторія обособленія торговаго права. К. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія займа. К. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Фелькнеръ Ил. Основанія бухгалтеріи съ приложеніемъ къ сельскому хозяйству. К. 1877. Ц. 1 р.

— Астрономія для любознательныхъ людей съ картою неба и 305 рисунковъ въ текстѣ. К. 1892. Ц. 3 р. 50 к.

— Общедоступный спутникъ механика-строителя. Для мастеровъ, монтеровъ, машинистовъ и мастеровыхъ. Изд. 6-е, переработанное и дополненное инженеромъ Н. Мартыновымъ. Съ 296 гравюр. на деревѣ въ текстѣ, стр. 734. К. 1906. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 80 к

Флоринскій Т. Д., проф. Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. I. (Введеніе. Юго-западные славянскіе языки). К. 1895. Ц. 3 р. Распродана

— Тоже. Ч. II. Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, сербо-лужицкій и полабскій (вымершій). К. 1897. Ц. 4 р.

Хандриковъ М., проф. Курсъ анализа. I. Дифференціальное исчисленіе. II. Интегральное исчисленіе III. Интигрированіе диффенціальныхъ уравненій. К. 1887, стр. 880, съ чертежами въ текстѣ. Ц. 6 р.

— Курсъ сферической астрономіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, съ чертежами въ текстѣ. К. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

— Описательная астрономія, элементарно-изложенная. Изд. 2-е, измѣненное и дополненное. К. 1896. Ц. 3 р. 50 к.

— Теорія фигуры земли. Высшая геодезія. Съ рисунками. К. 1900. Ц. 2 р.

— Анализъ безконечно-малыхъ. Т. I. К. 1905. Ц. 3 р. 75 к. Т. II. К. 1906. Ц. 4 р. Т. III. К. 1907. Ц. 4 р.

Цитовичъ Н. М., проф. Мѣстные расходы Пруссіи въ связи съ теоріей мѣстныхъ расходовъ. К. 1898. Ц. 4 р. 50 к.

— Обзоръ ученія о предпринимательской прибыли. К. 1889. Ц. 2 р.

Челпановъ В., проф. О современномъ философскомъ направленіи. Публичныя лекціи. К. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Шапошниковъ В. Г. Общая технологія волокнистыхъ и красящихъ веществъ. Введеніе къ спеціальному изученію химической технологіи отбѣльнаго, красильнаго и печатнаго производствъ. К. 1912. Ц. 5 р.

Шмальгаузенъ И., проф. Краткій учебникъ ботаники для студентовъ медицины и начинающихъ натуралистовъ съ 298 рисунками, 2-е исправленное изданіе. К. 1899. Ц. 2 р.

Шульгинъ В. Курсъ исторіи древняго міра. Изд. 6-е. Спб. 1865. Ц. 1 р.

— Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Изд. 8-е. К. 1881. Ц. 1 р. Распродано.

— Курсъ исторіи новыхъ временъ. Изд. 7-е К. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Эйхельманъ О., проф. Хрестоматія русскаго международнаго права. Т. I. К. 1887. Ц. 2 р. 25 к., т. II, 3 р. К. 1889.

Ѳаворовъ Н. Руководство къ церковному собесѣдованію или гомилетика. К. 1911. Ц. 80 к.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и СТАТЬЯХЪ.

СОСТАВЛЕНА ПРИ УЧАСТІИ ПРОФЕССОРОВЪ и ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Профессора М. В. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКАГО.

Томъ I. 2-е изд. Москва. 1909 г. Цѣна 2 руб.

Томъ II. Москва. 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Съ требованіемъ обращаться въ Кіевъ на имя книгопродавца Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

BINDING SECT. OCT 6 1971

DK
4
D6
t.3

Dovnar-Zapol'skii, Mitrofan Viktorovich
Russkaia istoriia v ocherkakh i stat'iakh

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 07 12 10 006 6